

Рабство и четыре года войны

Джозеф Уоррен Кейфер

Slavery and four years of war

a political history of slavery in the United States, together with a narrative of the campaigns and battles of the Civil War in which the author took part, 1861-1865. Vols. 1-2

Joseph Warren Keifer

Электронная книга проекта Гутенберга о рабстве и четырех годах войны

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Рабство и четыре года войны

политическая история рабства в Соединенных Штатах вместе с повествованием о кампаниях и сражениях Гражданской войны, в которых принимал участие автор, 1861-1865. Тома 1-2

Автор: Джозеф Уоррен Кейфер

Дата выхода: 19 июля 2007 [Электронная книга №22100]

Язык: Английский

В титрах: Продюсер - Эд Феррис

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РАБСТВО И ЧЕТЫРЕ ГОДА ВОЙНЫ "

Продюсер Эд Феррис

Примечание переписчика:

Сноски приведены в конце каждой главы, за исключением конца каждого раздела в главе I. Дублирующие примечания были на соседних страницах книги.

Заголовки страниц справа опущены.

Имена были исправлены (за исключением, возможно, "Херлберта").

Номер вызова из местной полиции: E470.K18

РАБСТВО И ЧЕТЫРЕ ГОДА ВОЙНЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАБСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

ВМЕСТЕ С ПОВЕСТВОВАНИЕМ О КАМПАНИЯХ И СРАЖЕНИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, В КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ АВТОР: 1861-1865 гг.

ДЖОЗЕФОМ УОРРЕНОМ КИФЕРОМ, генерал-майором ДОБРОВОЛЬЦЕВ; БЫВШИМ СПИКЕРОМ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ США; И генерал-майором ДОБРОВОЛЬЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ТОМ I. 1861-1863

Сыновья Г. П. Патнэма,
Нью-Йорк и Лондон
Издательство "Никербокер Пресс",
1900

Авторское право, 1900

ДЖОЗЕФ УОРРЕН КЕЙФЕР

Издательство "Никербокер Пресс", Нью-Йорк

Памяти погибших и в знак уважения к живым офицерам и солдатам, служившим непосредственно вместе с автором и под его началом в сражениях и кампаниях великого американского восстания, посвящается эта книга

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги был офицером-добровольцем в армии Союза на протяжении всей войны за Великое восстание, и его служба проходила в полевых условиях.

Книге, написанной в то время, когда автор вел довольно активную профессиональную жизнь, не хватает той литературной законченности, которая является результатом большой обрезки и кропотливой работы. Он, однако, не предлагает никаких оправданий ни для написания этой книги, ни для ее завершения; он не позволил себе ничего, кроме привилегии рассказать свою собственную историю по-своему. Он никогда не забывал о том факте, что был подчиненным в крупном конфликте и что другие солдаты выполняли свои обязанности так же добросовестно, как и он сам; и хотя никаких особых одолжений не требуется, он, тем не менее, полагает, что написанное им может быть принято как свидетельство человека, который по праву гордится тем, что был связан с большими армиями и участвовал в важных кампаниях и великих сражениях.

Он льстит себя надеждой, что его краткое изложение политической истории рабства в Соединенных Штатах и важных политических событий, произошедших после обстрела форта Самтер, а также отчет, который он дал о нескольких попытках договориться о мире до окончательного разгрома армий Конфедерации, будут представлять особый интерес для изучающих американскую историю.

Рабство породило доктрину государственных прав, которая неизбежно привела к отделению и восстанию. История рабства и его отмены в Соединенных Штатах - самая трагическая в мировой

летописи. "Конфедеративные штаты Америки" - единственное правительство, которое когда-либо пытались сформировать, открыто стремясь увековечить *человеческое рабство*. История Восстания без истории рабства - это всего лишь рассказ о храбрых поступках без привязки к мотивам, побудившим их совершить.

Глава о рабстве повествует о его истории в Соединенных Штатах с древнейших времен; о его статусе до войны; о его влиянии на политические партии и государственных деятелей; о его агрессии и попытках установить всеобщее господство, если не распространить его на всю Республику; о его неумолимых требованиях к друзьям свободы и о его плане постоянного самоутверждения путем отделения и формирования рабовладельческой нации. Она включает в себя историю отделения одиннадцати Южных штатов и образования "Конфедеративных штатов Америки", а также то, что сделал Север, чтобы попытаться предотвратить восстание. Она была написана для того, чтобы показать, почему и как началась Гражданская война, что потеряли побежденные и что выиграли победители.

В других главах автор ради преемственности позволил себе выйти за общепринятые рамки личных *мемуаров*, но при этом он не затронул ни одной темы, не связанной с войной.

Военные кампании охватывают первую в Западной Вирджинии в 1861 году; другие в Кентукки, Теннесси, Миссисипи и Алабаме в 1862 году; в Западной Вирджинии, Вирджинии, Мэриленде и Пенсильвании в 1863 году; и в Вирджинии в 1864 году; заканчивающиеся взятием Ричмонда и Питерсберга, битвами при Файв-Форкс и Сейлорз-Крик и сдачей Ли Гранту при Аппоматтоксе в 1865 году. Главы о беспорядках в Нью-Йорке 1863 года, а также о "Мирных переговорах" будут найдены, каждая на своем месте.

Приводятся личные упоминания и описания многих офицеров, известных автору; также приводятся военные инциденты, которые, по мнению читателя, представляют интерес.

Но в отношении событий, принципов или характера людей делается мало обобщений; вместо этого приводятся факты, на основе которых могут быть сделаны обобщения.

Автор в долгу перед своими друзьями, генералом Джорджем Д. Рагглсом (помощник генерал-адъютанта генерала Мида, Потомакская армия, ныне генерал-адъютант США), за важные данные, предоставленные Военным министерством, и перед своими близкими друзьями, как в мирное, так и в военное время, генералом Джоном Битти и полковником У. М. С. Фюреем из Колумбуса, Огайо, за ценные предложения.

Дж. У. К.
декабрь 1899 года.

Содержание

ГЛАВА I Рабство: его политическая история в Соединенных Штатах, (I.) Вводная часть—(II.) Введение рабства в колонии —(III.) Декларация независимости—(IV.) Континентальный конгресс: Статьи Конфедерации—(V.) Указ 1787 г.—(VI.) Конституция Соединенных Штатов—(VII.) Причины роста рабства—(VIII.) Закон о беглых рабах, 1793 г. —(IX.) Работоторговля отменена—(X.) Покупка Луизианы—(XI.) Флорида—(XII.) Компромисс Миссури—(XIII.) Аннулирование—(XIV.) Техас— (XV.) Мексиканская война, приобретение Калифорнии и Нью-Мексико—(XVI.) Компромиссные меры, 1850— (XVII.) Закон Небраски—(XVIII.) Борьба Канзаса за свободу—(XIX.) Дело Дреда Скотта—(XX.) Рейд Джона Брауна—(XXI.) Президентские выборы 1856-1860 гг.—(XXII.) Роспуск Союза—(XXIII.) Отделение штатов—(XXIV.) Действия религиозных конфессий—(XXV.) Предлагаемые уступки рабству—(XXVI.) Мирная конференция—(XXVII.) Округ Колумбия—(XXVIII.) Рабство запрещено на территориях—(XXIX.) Резюме Бентона—(XXX.) Пророчество о рабстве и Разобщенности.

ГЛАВА II Самтер Обстрелян—Захват Конфедератами оружия, арсеналов и фортов—Нелояльность офицеров армии и флота—Провозглашение Линкольна 75 000 ополченцев и подготовка к войне с обеих сторон

ГЛАВА III Личное упоминание —Оккупация Западной Вирджинии при Макклеллане (1861)—Кампания и битва при Рич-Маунтин, а также инциденты

ГЛАВА IV Отпор генералу Ли и события на Чит—Маунтин и в долине Тайгарта (сентябрь 1861 г.) —Убийство Джона А. Вашингтона и инциденты - и образование штата Западная Вирджиния

ГЛАВА V Захват Кентукки союзом —Сражение при Грин—Ривер—Поражение Хамфри Маршалла—Сражения при Милл-Спрингс, фортах Генри и Донельсон - Захват Боулинг-Грин и Нэшвилла и другие вопросы

ГЛАВА VI Битва при Шайло —Захват острова № 10—Наступление Халлека на Коринф и другие события

Кампания Митчелла в Северной Алабаме—Рейд Эндрюса в Джорджию и захват локомотива—Дело в Бриджпорте—Разграбление Афин, штат Алабама, и военный трибунал полковника Турчина-Сожжение Пейнт—Рока полковником Битти—Другие инциденты и личные упоминания —Митчел освобожден от должности

ГЛАВА VIII Вторжение Конфедерации в Кентукки (1862) — Угроза Цинциннати и вызов "Охотников на белок" —Битвы при Иуке, Коринфе и Хэтчи—Бридж—Передвижения армий Конфедерации Брэгга и Кирби Смита—Отступление армии Бьюэлла в Луисвилл-Битва при Перривилле с личными и другими инцидентами

ГЛАВА IX Полковник 110—го добровольческого полка Огайо —Кампании в Западной Вирджинии под командованием генерала Милроя, 1862-1863 гг.-Освобождение рабов в долине Шенандоа и инциденты

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дж. Уоррен Кейфер

Эндрю Х. Ридер, первый губернатор территории Канзас, "Переодетый беглец", 1855 г. (С картины в доме Коутса, Канзас-Сити, Миссури.)

Missouri.]

Авраам Линкольн

Карта Соединенных Штатов, 1860 г. [Показаны свободные и рабовладельческие штаты и территории.]

Генерал Улисс С. Грант, США [С фотографии, сделанной в 1865 году.]

Серебряный Полдоллара Конфедерации

Джон Битти, бригадный генерал добровольцев [С фотографии, сделанной в 1863 году.]

Страна Богатых гор и Чит-Маунтинс, Западная Вирджиния

Генерал Уильям Т. Шерман, США [С фотографии, сделанной в 1881 году.]

Генерал-майор О. М. Митчел [С фотографии, сделанной в 1862 году.]

Бревет бригадного генерала У. М. Х. Болла [С фотографии, сделанной в 1864 году.]

Преподобный Уильям Т. Мелой, доктор медицинских наук, лейтенант 122-й дивизии добровольцев из Огайо [С фотографии, сделанной в 1896 году.]

Генерал-майор Роберт Х. Милрой [С фотографии, сделанной в 1863 году.]

Лейтенант Джеймс А. Фокс, 110-й добровольческий полк Огайо [С фотографии, сделанной в 1863 году.]

Карта долины Шенандоа [Из книги майора В. Ф. Тиманна *"История 159-го Нью-Йоркского полка"*.]

Преподобный Милтон Дж. Миллер, капеллан 110-го добровольческого полка Огайо [С фотографии, сделанной в 1865 году.]

Преподобный Чарльз К. Маккейб, доктор медицинских наук, епископ церкви М. Е., капеллан 122d

Волонтеры из Огайо [С фотографии, сделанной в 1868 году.]

РАБСТВО И ЧЕТЫРЕ ГОДА ВОЙНЫ

ГЛАВА I РАБСТВО: ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ (I.) Вводная часть—(II.) Введение рабства в колонии —(III.) Декларация независимости—(IV.) Континентальный конгресс: Статьи Конфедерации—(V.) Указ 1787 г.—(VI.) Конституция Соединенных Штатов—(VII.) Причины роста рабства—(VIII.) Закон о беглых рабах, 1793 г.—(IX.) Работоторговля отменена—(X.) Покупка Луизианы—(XI.) Флорида—(XII.) Компромисс Миссури—(XIII.) Аннулирование—(XIV.) Техас—(XV.) Мексиканская война, приобретение Калифорнии и Нью-Мексико—(XVI.) Компромиссные меры, 1850—(XVII.) Закон Небраски—(XVIII.) Борьба Канзаса за свободу—(XIX.) Дело Дреда Скотта—(XX.) Рейд Джона Брауна—(XXI.) Президентские выборы 1856-1860 гг.—(XXII.) Роспуск Союза—(XXIII.) Отделение штатов—(XXIV.) Действия религиозных конфессий—(XXV.) Предлагаемые уступки рабству—(XXVI.) Мирная конференция—(XXVII.) Округ Колумбия—(XXVIII.) Рабство запрещено на территориях—(XXIX.) Резюме Бентона—(XXX.) Пророчество о рабстве и Разобщенности.

I ВВОДНЫЙ

Рабство старше традиции — старше подлинной истории, и, несомненно, предшествует любой организованной форме человеческого правления. Оно зародилось в варварские времена. Нецивилизованный человек никогда добровольно не выполнял работу даже ради собственного комфорта; он лишь боролся за то, чтобы добыть средства к существованию. Он не возделывал землю, а убивал диких животных для пропитания и для того, чтобы хоть как-то прикрыть свое тело; каннибализм был обычным явлением. Племена формировались для обороны, и, таким образом, начинались войны, все, однако, для поддержания простого дикарского существования. В ходе примитивных войн захватывались пленники, а те, кто не был убит, были вынуждены работать на своих захватчиков. Со временем этих рабов использовали для приручения полезных животных, а позже заставляли обрабатывать землю и строить грубые сооружения для комфорта и защиты своих хозяев. Таким образом, человечество сначала было вынуждено тяжело трудиться и в конечном итоге стало наслаждаться трудом и его случайными плодами, и таким образом человеческое рабство стало первым шагом от варварства к конечной цивилизации человечества.

Белое рабство существовало в англо-американских колониях до черного или африканского рабства, хотя поначалу предполагалось, что оно будет лишь условным и не распространится на потомство. Англичане, шотландцы и ирландцы, независимо от происхождения или религиозной веры, за политические преступления были проданы и вывезены в зависимые американские колонии. Это были такие люди, которые участвовали в восстаниях против короны; многие из них были пленниками, взятыми на поле битвы, как шотландцы, взятые в плен на поле Данбара, роялисты, взятые в плен на поле Вустера; точно так же великие лидеры восстания в Пенруддоке и многие из тех, кто был взят в плен во время восстания в Монмуте.

Многие из них были впервые проданы в Англии, чтобы впоследствии перепродать на борту корабля в колонии, как люди продают лошадей, тому, кто больше заплатит.

В некоторых колониях также существовало условное рабство по договорам для слуг, должников, осужденных и, возможно, других лиц. Эти формы рабства облегчили введение негритянского и бессрочного рабства.

Из всех населенных частей земного шара только Австралазия, насколько известно истории, имеет честь никогда не иметь рабовладельческого населения.

История Египта рассказывает нам о человеческом рабстве; патриарх Авраам, основатель еврейской нации, владел рабами и торговал ими. То, что закон, переданный Моисею с горы Синай, оправдывал и допускал человеческое рабство, было предметом гордости современных рабовладельцев.

Моисей с "высот Нево" увидел "землю обетованную", где в изобилии текли "молоко и мед" и где существовало рабство. Еврейский народ, только сорок лет назад вышедший из рабства, владел этой землей и поддерживал на ней рабство.

Защитники рабства и работорговли ликуяще цитировали:

"И я продам сыновей твоих и дочерей твоих в руки сынов Иудиных, и они продадут их сабеянам, народу отдаленному; ибо так изрек Господь". — Иоиль iii, 8.

Они также утверждали, что святой Павел, проповедуя Евангелие как рабовладельцам, так и рабыням в Риме, все же использовал свое призвание, чтобы вернуть в рабство сбежавшего человека — Онисима.(1)

Сторонники домашнего рабства оправдывали его библейским и божественным происхождением.

Из Ветхого Завета они цитировали другие тексты не только для оправдания содержания рабов в вечном рабстве, но и для продолжения работорговли со всеми ее жестокостями.

"И он сказал: я раб Авраама". — Бытие xxiv, 34.

"И был из дома Саулова *слуга*, которого звали Сива. И когда они призвали его к Давиду, Царь сказал ему: ты ли Сива? И он сказал: это твой слуга. . . .

"И призвал царь Сиву, *слугу*Саула, и сказал ему: я отдал сыну господина твоего все, что принадлежало Саулу и всему дому его.

"Поэтому ты, и твои сыновья, и те слуги должны обрабатывать землю для него, и ты должен приносить *плоды*, чтобы у сына твоего господина была пища" и т.д. "У Сивы было пятнадцать сыновей *идвадцать слуг*" (2 Царств ix, 2, 9-10).

"Я обзавелся слугами и служанками, и в доме моем родились слуги; также у меня было большое имение крупного и мелкого скота, превышающее все, что было в Иерусалиме до меня". — Екклесиаст, ii, 7.

"И он сказал: Агарь, служанка Сара, откуда ты пришла? и она сказала: я убегаю от лица моей госпожи Сары.

"И сказал ей ангел Господень: возвратись к госпоже твоей и предайся в руки ее". — Бытие xvi, 8, 9.

"Слугу словами не исправишь; ибо, хотя он и понимает, он не ответит". —Притч xxix, 19.

И они торжествующе процитировали из Нового Завета:

"Пусть каждый человек пребывает в том же призвании, в котором он был призван. Призван ли ты быть слугой? не заботься об этом; но если можешь освободиться, лучше пользуйся этим" (I Кор., vii, 20-22).

"Слуги, будьте послушны тем, кто является вашими господами по плоти, со страхом и трепетом, в простоте вашего сердца, как Христу" и т.д.

"И вы, учителя, поступайте с ними так же, воздерживаясь от угроз, зная, что и ваш Учитель на небесах; и нет у него уважения к людям". —Еф., vi., 5-9.

"Рабы, повинуйтесь во всем вашим господам по плоти, не для виду, как человекоугодникам, но в простоте сердца, боясь Бога". —Кол. iii, 22.

"Господа, воздавайте вашим слугам по справедливости, зная, что и у вас есть Господин на небесах". —Кол. iv, 1.

"Пусть все рабы, находящиеся под игом, считают своих господ достойными всякой чести, дабы имя Божие и Его учения не были поруганы" и т.д. — I Тим., vi., 1, 2.

"Увещевай слуг быть послушными своим хозяевам и во всем угождать им; не отвечать повторно; не воровать, но проявлять всю добрую преданность; чтобы они могли во всем украшать учение Бога, нашего Спасителя". — Титу ii, 9, 10.

"Слуги, повинуйтесь своим господам со всем страхом; не только добрым и кротким, но и суровым". — I. Пет. ii, 18.

Защитники рабства утверждали, что Христос одобрял призвание рабовладельца, а также веру римского центуриона, слугу которого, "больного параличом", Христос чудесным образом исцелил, сказав: *"Я не нашел такой великой веры, нет, не в Израиле"*. —Матф. viii., 10.

Они также процитировали доктора Адама Кларка, великого комментатора Библии; работу доктора Неандера, озаглавленную *"Насаждение и обучение церкви"*, и *"Историю церкви"* доктора Мосхайма в качестве доказательств того, что Библия не только санкционировала рабство, но и санкционировала его сохранение во все времена.(2) Другими словами, сторонники рабства фактически утверждали, что эти великие писатели:

"Истязать пустые страницы Библии,
Чтобы санкционировать преступление, грабеж и кровь,
И, в ненавистном служении угнетению, клевету"
И человек, и Бог".

Хотя учения ни Ветхого, ни Нового Завета, ни *Учителя* не были направлены на свержение или установление политических условий, установленных светскими властями того времени, все же следует признать, что большое количество людей, обладающих большой образованностью и высокой цивилизацией, верили, что человеческое рабство санкционировано божественной властью.

Выводы, сделанные на основе цитируемых текстов, были необоснованными. Принципы справедливости и милосердия, на которых основана христианская религия, не могут быть

истязаемы даже для того, чтобы вызвать терпимость (как, возможно, мог бы закон Моисея) к существованию противоестественного и варварского института рабства или работорговли.

Рабство было неправильным *само по себе*; совершенно неоправданным с точки зрения простейших принципов человечности и справедливости; и совесть всех непредвзятых, просвещенных, цивилизованных людей со временем привела их к мысли, что оно не имело гарантии от Бога и не должно иметь гарантии от человека на существование на лице земли.

Друзья свободы и те, кто считал рабство греховным, ни на минуту не соглашались с утверждением, что оно было санкционировано Священным Писанием или что оно было оправдано ранним и продолжительным существованием в варварские или полуварварские времена. Они отрицали, что это может быть даже освящено моральным правом; что время когда-либо превращало жестокость в благословение или зло в право; что любой человеческий закон может обеспечить ей законное существование или законно увековечить ее вопреки естественной справедливости; они утверждали, что Высший Закон, записанный в непреложных Божьих указах милосердия, имеет первостепенное значение для всех человеческих законов или практик, как бы долго они ни продолжались; что уроки, преподанные Христом в Нагорной проповеди и во всей его жизни и учениях, были осуждением этого; и что просвещенная, прогрессивная цивилизация требует его окончательного свержения.

В Америке: рабство умерло. Мы возвращаемся к его истории.

В Греции были рабы еще до того, как традиция вошла в историю, хотя за четыре столетия до Рождества Христова Алкидам провозгласил: *"Бог послал всех людей свободными: природа никого не сделала рабом"*.

Александр, могущественный македонянин (четвертый век до н.э.), продал в рабство пленников, взятых в Тире и Газе, самых образованных людей того времени.(3)

У Рима были свои рабы; и в его главных портах были открыты невольничьи рынки для торговли мужчинами и женщинами всех национальностей, особенно христианами и пленными, захваченными на войне.

Германские народы на берегах Балтийского моря вели опустошительную торговлю. Россия признала рабство и вела работорговлю через своих купцов.

Турки запретили обращать в рабство мусульман, но продавали христиан и других пленников в рабство. Христианин и мавр, в течение семисот лет ведущие сомнительную борьбу в Западной Европе, соответственно, обрекли своих пленников на рабство.

Одновременно с открытием Америки мавры были изгнаны из Гранады, их последнего оплота в Испании, на север Африки; там они стали корсарами, каперами и владельцами рабов-христиан. Их разбойничий образ жизни и жестокость послужили предлогом для порабощения не только жителей мавританских владений, но и всей Африки. Древнейшие свидетельства об Африке свидетельствуют о существовании домашнего рабства — о том, как негры порабощали негров, и о караванах торговцев негритянскими рабами.

Колумб, славу которого как первооткрывателя этого континента мы провозглашаем, на обратном пути (1494 г.) привез в Испанию пятьсот коренных американцев в подарок королеве

Изабелле, а американские индейцы были проданы в иностранное рабство в качестве "военных трофеев" на два столетия.

Саксы принесли рабство в его самой отвратительной форме в Англию, где когда-то не половина жителей была абсолютно свободна и где цена человека всего в четыре раза превышала цену быка.

Он продал своих сородичей в рабство. Английские рабы содержались в Ирландии до правления Генриха II.

Однако со временем дух христианства, защищавший интересы человечества, остановил развитие рабства и остановил работорговлю, взывая к совести.

Александр III, папа Римский в двенадцатом веке, выступил против этого, написав: *"Природа не создала рабов, все люди имеют равное право на свободу"*.

Какой бы эффективной ни была христианская религия в уничтожении или смягчении зла, она не смогла сделать так называемого христианского рабовладельца лучше язычника или улучшить положение рабов.

Можно заметить, что, когда рабство, казалось, прочно укоренилось в Республике Соединенные Штаты Америки, Египет, как одна из держав земли, ушел в прошлое; его рабство тоже ушло в прошлое — только его Пирамиды, Сфинкс и Монолиты были пощажены временем и справедливым судом. Греция тоже погибла, сохранились только ее философия и письма; народ Израиля, хотя и был избранным Богом, как нация был целиком уведен в восточный вавилонский плен и в свое время, во исполнение божественного суда, был рассеян по всем землям. Бог в своем могучем гневе также прогремел над беззаконием Вавилона, и оно тоже исчезло навсегда, и пророк приводит в качестве причины этого то, что Вавилон имел дело с *"рабами и душами человеческими"*.

Рим, некогда владычица мира, превратился в живую нацию; его величие и слава, его невольничьи рынки и его рабы - все ушло вместе и навсегда.

Германия, Франция, Испания и другие рабовладельческие нации отказались от рабства едва вовремя, чтобы избежать всеобщей национальной гибели.

Россия, хотя ее могущественные цари обладали абсолютной властью править, трепетала перед мощными восстаниями крепостных крестьян, которые прокатились по телам убитых дворян и рабовладельцев из отдаленных регионов до самых ворот Москвы. Екатерина II., Александр I., Николай I. и Александр II. прислушались к грозящей гибели и, чтобы спасти свою империю, издали указы, ослабляющие и окончательно разрывающие цепи двадцати миллионов рабов и крепостных. Даже мавританское рабство в Северной Африке в значительной степени прекратилось. Мусульмане, (4) брамины и буддисты не одобряли рабство людей.

Англия слышала предостерегающий крик как раз вовремя, чтобы спасти королевство от надвигающейся общей судьбы рабовладельческих наций.

Однако только в 1772 году лорд Мэнсфилд из Суда королевской скамьи Великобритании объявил, что в соответствии с английской конституцией ни один раб не может содержаться под

стражей. Это решение имело обязательную силу в ее американских колониях, когда была принята Декларация независимости, и "Колокол свободы" провозгласил *"Свободу по всей земле для всех ее жителей"*.

Аргумент о том, что институт рабства был освящен возрастом, давно перестал удовлетворять тех, кто учился справедливости и милосердию в свете христианской любви, и кто мог прочесть, что человеческое рабство существовало не только с древнейших времен, но и что оно существовало без права, только силой могущества, не санкционированной разумом и естественной справедливостью, и что в его чередѣ зародились и процветали мириады совпадающих зол, преступлений и безнравственности, уничтожая и господина, и раба, и землю, которую они населяли, и что справедливый и карающий Божий всеобщий суд постиг все нации и народности, продолжающие поддерживать и увековечивать его.

Убийство существовало в мире с тех пор, как Каин и Авель встретились у алтаря Божьего, но ни один здравомыслящий человек по этой причине не оправдывает его. Таким образом, рабство существовало на протяжении долгих веков, проклиная и уничтожая миллионы своей убийственной силой, но время не закрепило за ним права. Чем дольше она существовала, тем более грязным становилось пятно на страницах истории и тем более глубокое проклятие она навлекала на человечество.

Когда все цивилизованные нации Европы, а также нации и даже племена Азии либо отменили рабство, либо предприняли эффективные шаги для этого, *Соединенным Штатам* оставалось стоять в одиночестве, поддерживая его в самой ужасной форме.

Народы древнего мира либо избавились от рабства в попытках смыть его кровавое пятно, либо рабство стерло их с лица земли. То же самое и с более современными нациями.

Наша Республика, хвастающаяся своими свободными институтами, своей конституционной свободой, своими бесплатными школами и церквями, своей славой в деле человечества, своим патриотизмом, блистательной историей, изобретательским гением, богатством, промышленностью, цивилизацией и христианством, поддерживала рабство до тех пор, пока не была спасена от общей участи рабовладельческих народов только искупительной жертвой своей лучшей крови и милосердием оскорбленного Бога.

Более чем за два столетия (1562 г.) до того, как лорд Мэнсфилд в судебном порядке объявил свободу всеобщим законом Англии, сэр Джон Хокинс приобрел печальную известность, став первым англичанином, занявшимся работорговлей, и порочность общественных настроений в Англии тогда одобрила его действия. Затем он захватил на африканском побережье и перевез большой груз негров на Эспаньолу и с большой выгодой обменял их на сахар, имбирь и жемчуг.⁽⁵⁾ Здесь началась торговля людьми англоговорящими людьми (едва ли еще прекратившаяся), которая включала убийства, поджоги, воровство и всю жестокость и преступления, связанные с захватом, транспортировкой и подчинением людей похоти, алчности и власти человека.

Успех сэра Джона Хокинса привлек внимание алчной и амбициозной королевы Елизаветы, и пять лет спустя (1567 г.) она стала открытой покровительницей новой экспедиции и участницей гнусной торговли, став, таким образом, промоутером, подстрекателем и участником всех ее преступлений.

"Африканской компании" на длительный период Англия предоставила монополию на работорговлю, но она не могла ограничиваться этой компанией. В 1698 году Англия ввела пошлину на невольничьи грузы своих подданных, занятых в торговле.

С 1680 по 1700 год, по соглашению с Испанией, англичане, по оценкам, похитили из Африки 300 000 негров для снабжения рабами Испанской Вест-Индии. По Утрехтскому мирному договору (1713) Испания предоставила Англии в течение тридцати лет абсолютную монополию на поставку рабов в испанские колонии. По этому договору Англия соглашалась вывозить в Вест-Индию не менее 144 000 негров, или 4800 человек ежегодно; и, во избежание скандала с римско-католической религией, еретическим работорговцам было запрещено. Эта монополия была предоставлена Англией "Компании Южных морей".

Англия не ограничивала свою торговлю Вест-Индией. В 1750 году в английском парламенте было показано, что 46 000 негров ежегодно продавались в английские колонии. (6)

Еще в 1565 году сэр Джон Хоторн и Менендес ввезли негров в качестве рабов во Флориду, тогда находившуюся во владении Испании, и с санкции Испании многие из них были перевезены в Вест-Индию и проданы в рабство.

(1) Послание к Филимону.

(2) Ссылки на Библию взяты у наиболее образованных защитников божественности рабства в последние годы его существования. *Следует ли увековечить американское рабство?* (Дебаты Браунлоу и Прайна), стр. 78 и др. *Рабство, предначертанное Богом* (Росс), 146 и др., 176 и т.д.

Преподобный Фредерик А. Росс, доктор медицинских наук (автор), знаменитый пресвитерианский священник, был арестован в 1862 году в Хантсвилле, штат Алабама, когда он был оккупирован силами Союза, за то, что молился с кафедры за успех отделения.

Парсон Браунлоу был членом Профсоюза в 1861 году, подвергался жестоким преследованиям в своем доме в Ноксвилле, штат Теннесси, позже выступал за эмансипацию.

(3) Интересно отметить, что более чем через полторы тысячи лет (двенадцатый век) после завоеваний Александра Саладина, великий султан, и другие мусульманские правители, и Ричард Львиное сердце, и другие лидеры крестовых походов в Сирии, соответственно, обрекали своих пленников на рабство, независимо от национальности или цвета кожи.—*Саладин* (Герои народов, Путнамс), 229-232, 338.

(4) Рабство и работорговля, вопреки учению Корана, выросли в мусульманских странах. Однако Османская Порта часто выступала против торговли рабами.

(5) Но первые следы негритянского рабства в Америке появились в 1502 году, всего через десять лет после его открытия, благодаря указу Фердинанда и Изабеллы, разрешавшему перевозить на Эспаньолу негритянских рабов, родившихся в Испании, потомков туземцев, привезенных из Гвинеи.—*Жизнь Колумба*, Ирвинг (Патнэмс), стр. 275.

(6) *История для справки*, том iv., стр. 2923.

II ВВЕДЕНИЕ РАБСТВА В КОЛОНИЯХ

В августе 1619 года голландский военный корабль поднялся вверх по реке Джеймс в Вирджинии, высадился и продал колонии в Джеймстауне *двадцать* негров в качестве рабов. Это событие положило начало негритянскому рабству в англо-американских колониях. Двух с половиной столетий было недостаточно, чтобы положить конец эфиопскому рабству и пагубным последствиям торговли людьми, начавшейся в столь малых масштабах.

Год спустя (1620) пуритане высадились в Плимут-Роке, принесли с собой суровые религиозные убеждения и суровую мораль, которые вскоре оформились в письменные законы и аналогичным образом были вплетены в социальную, политическую и религиозную жизнь, влияние которых на существование человека в Америке никогда не прекратится. Еще годом позже хлопок был впервые посажен на девственной почве Америки, где он вырос до совершенства и с тех пор стал основным продуктом производства, что сделало рабство и рабовладельческое животноводство прибыльными для рабовладельца. (7)

Самый ранний ввоз негритянских рабов в Новую Англию был на остров Провиденс в шп *Желание* (1637).

Из Бостона, штат Массачусетс (1645), отправился первый американский корабль из колоний, чтобы заняться кражей африканских негров. Массачусетс тогда держал, с санкции закона, в рабстве нескольких чернокожих и индейцев. (8) Но рабство не процветало в Новой Англии. Это не было ни выгодно, ни соответствовало мнению людей в целом. Генеральный суд Массачусетса еще в 1646 году, "свидетельствуя против отвратительных преступлений, связанных с кражей людей, приказал вернуть недавно ввезенных негров по обвинению общественности в их родной стране, *списком*, выражающим возмущение Общего суда". К сожалению, лица, виновные в краже людей, не могли быть привлечены к ответственности за преступления, совершенные в чужих странах.

Но африканская работорговля, рано признанная чрезвычайно прибыльной и, следовательно, популярной, не прекратилась. Англия, тогда, как и сейчас, самая предприимчивая из торговых наций в открытом море, занималась торговлей в значительной степени с 1680 по 1780 год. В 1711 году в Нью-Йорке на территории нынешней Уолл-стрит или рядом с ней был создан склад рабов; и примерно в то же время в Бостоне, недалеко от того места, где стоял старый дом Франклина, был создан склад для приема рабов. С кораблей Новой Англии, а возможно, и с других, негры высаживались на берег и отправлялись на эти и другие центральные невольничьи рынки.

Но лишь немногие из этих недавно украденных негров были проданы северным рабовладельцам. Даже тогда рабский труд не считался прибыльным в условиях северного климата. Раб отправлялся в более южный климат, на хлопковые, рисовые и табачные поля больших плантаций Юга.

Еще в 1804-1870 годах негров с побережья Африки привозили в Бостон, Бристоль, Провиденс и Хартфорд для продажи в рабство.

Судовладельцы всех прибрежных колоний, а позже и всех прибрежных штатов Соединенных Штатов, занимались работорговлей.

Но именно среди плантаторов Мэриленда, Вирджинии и Каролин рабы оказались наиболее прибыльными. Жители этих районов были в основном сельскими жителями; плантации были большими и не подлежали частому разделению, если вообще подвергались. Выращенный урожай лучше подходил для выращивания рабами в большом количестве, а жаркий климат был лучше приспособлен к физической природе африканского негра.

Первые жители Юга предпочитали сельскую жизнь на больших плантациях. Гранты короны ранним владельцам способствовали этому, особенно в колониях Вирджиния и Каролина. Пуритане не любили рабство и не поощряли его, как Кавалеры Юга. Касты или классы существовали среди южных поселенцев с самого начала, что, наряду с другими благоприятными причинами, облегчило укоренение и процветание рабства и, в конечном счете, закрепило его и стало доминирующим фактором во всей социальной и политической структуре Юга. Рабство там вскоре стало считаться первостепенно важным для обеспечения высокого социального статуса или так называемой цивилизации.

Но мы этим кратким *резюме* достаточно показали, что ответственность за введение и поддержание рабства и работорговли лежит не исключительно на какой-либо из наших ранних колоний, Северной или Южной, ни на какой-либо одной расе или национальности мира; теперь остается вкратце показать, как относились к рабству и работорговле различные слои населения Соединенных Штатов после того, как была утрачена верность Англии.

В то время как рабство вымерло по местным и естественным причинам, если не полностью по моральным, социальным и религиозным причинам, в штатах к северу от Мэриленда, оно процветало и приобрело силу и значение в южных штатах, оказывая контролирующее влияние и власть над всеми Соединенными Штатами в социальном плане и по большей части доминируя в стране в политическом плане. Величайшие государственные деятели и ярчайшие умы Севера, хотя и были убеждены в пагубности рабства и его пагубных тенденциях, как правило, были слишком трусливы, чтобы нападать на него политически, хотя лишь около пятой части всего белого населения рабовладельческих штатов в 1860 году, а возможно, и в любое другое время, были, в силу семейных отношений или иным образом, прямо или косвенно заинтересованы в рабах или рабском труде.

Старые политические партии со временем были распущены, и по вопросам рабства были сформированы новые.

Вопрос о рабстве расколол методистскую епископальную и пресвитерианскую церкви надвое. Последователи Уэсли и Кальвина разделились по вопросу о рабстве. Это всегда было, по сути, аристократическим учреждением и, следовательно, рассчитано на то, чтобы приносить пользу лишь немногим из огромной массы свободных людей.

В 1860 году в пятнадцати рабовладельческих штатах белое население составляло 8 039 000 человек, а численность рабов - 3 953 696 человек. Из белого населения только 384 884 человека были рабовладельцами, и, включая их семьи, только около 1 600 000 были прямо или косвенно заинтересованы в рабах или их труде. Таким образом, около 6 400 000 (80%) белых в этих Штатах

не имели никакого интереса к этому институту, и все же они были полностью подчинены тем немногим, кто был в нем заинтересован.

Достаточно любопытно, что рабство продолжало существовать до сравнительно недавнего периода во многих штатах, которые ранее объявили о его отмене. Нельзя сказать, что штаты, образованные на территории "К северо-западу от реки Огайо", когда-либо были рабовладельческими штатами. Шестой раздел Указа 1787 года навсегда запретил рабство на этой территории. Рабы, о которых сообщалось в таких Штатах, находились там только благодаря терпимости. Они были свободны по праву. Конституция Иллинойса, как мы сейчас увидим, сначала не отменяла рабство; только запрещала ввоз рабов.

Восстание тринадцати колоний в 1776 году и война за независимость не выросли из рабства; эта война велась не для того, чтобы увековечить или отменить его. Пуритане и кавалеры, противники и защитники рабства и работорговли, одинаково боролись за независимость и, когда добились успеха, объединились в стремлении способствовать созданию Американской республики, основанной на суверенитете индивидуального гражданства, но игнорирующей естественные права поработченного негра.

Может представлять интерес следующая таблица, составленная на основе отчетов переписи населения Соединенных Штатов.

Он показывает количество рабов, зарегистрированное в каждом штате и территории Соединенных Штатов при каждой Федеральной переписи. (9)

Северная

	1790	1800	1810	1820	1830	1840	1850	1860
Кал.								
Конн. ...	2,759	951	310	97	25	17		
Бед.	168	917	747	331				
Инд.	135	237	190	3	3			
Айова	16							
Канзас	2							
Мейн	2							
Масса.	1							
Мичиган.	24	...	32					
Миннесота.								
Наб.				15				
Н. Н. ...	158	8	...	3	1			
Н. Дж. ...	11,423	12,422	10,851	7,557	2,254	674	236	18
Ю. Н. ...	21,324	20,343	15,017	10,088	75	4		
Огайо	6	3						
Орегон								
Пенн. ...	3,737	1,706	796	211	403	64		
Р. И. ...	952	381	108	48	17	5		
Юта	26	29						
Вермонт ..	17							
ИСВ.	11							

Итого . 40,370 35,646 27,510 19,108 3,568 1,129 262 64

/Южная/

1790 1800 1810 1820 1830 1840 1850 1860

Д. С. 3,244 5,395 6,377 6,119 4,694 3,687 3,185

Ала. 41,879 117,549 253,532 342,844 435,080

Ковчег. 1,617 5,476 19,935 47,100 111,115

Дель. 8,887 6,153 4,177 4,509 3,292 2,605 2,290 1,798

Флорида 16,501 25,717 39,310 61,745

га. 29,264 59,404 105,218 149,654 217,531 280,944 381,682 462,198

Кентукки. 11,830 40,434 80,561 126,732 165,213 182,258 210,981 225,483

Ла. 34,660 69,064 109,588 168,452 244,809 331,726

МД. 103,036 105,635 111,502 107,397 102,994 89,737 90,368 87,189

пропустить. 3,489 17,088 32,814 65,659 195,211 309,878 436,631

МО. 3,011 10,222 25,091 58,240 87,422 114,931

Н. С. 100,572 133,296 168,824 205,017 245,601 245,817 288,548 331,059

С. С. 107,094 146,151 196,365 258,475 315,401 327,088 384,984 402,406

Теннеси. 3,417 13,584 44,535 80,107 141,603 183,059 239,459 275,719

Текс. 58,161 182,566

ва. 293,427 345,796 392,518 425,153 469,757 449,087 472,528 490,865

Итого 657,527 857,095 1,163,854 1,519,017 2,005,475 2,486,326 3,204,051 3,953,696

Общие итоги . 697,897 892,741 1,191,364 1,538,125 2,009,043 2,487,455 3,204,313 3,953,760

(7) Любопытно отметить, что 1621 годом датируется первый ввоз в Виргинию и Америку пчелиных ульев для производства меда.

(8) Следующее письмо Коттона Мазера покажет нетерпимость пуританина к Wm. Пенн и его Общество друзей, а также преобладающее в его время мнение о рабстве и работорговле.

"Бостон, Массачусетс, 3 сентября 1681 года. "Тебе, престарелый и любимый Джон Хиггинсон: Сейчас в море находится шкипер (ибо наш друг Эсайас Холдерофт из Лондона сообщил мне в последнем пакете, что он отправится в плавание где-то в августе) по имени *"Добро пожаловать"* (Р. Грин был капитаном), у которого на борту сотня или больше вас, еретиков и злокачественных образований, называемых квакерами, с У. Пенном, который является вашим негодяем во главе.

"Верховный суд, соответственно, отдал секретный приказ мастеру Малахии Хакстеллу с вашего брига *"Дельфин"*, чтобы он подстерег вас, как вы сказали, *добро пожаловать* как можно ближе к берегам Кодда, и взял в плен вашего Пенна и его безбожную команду, чтобы ваш Господь мог быть прославлен, а не осмеян на вашей земле этой новой страны с вашим языческим поклонением этим людям. Большую добычу можно получить, продав всю партию на Барбадос, где за рабов дают хорошие цены в виде рома и сахара. Мы не только окажем тебе, Господь, великую услугу, наказав Нечестивых, но и устроим веселие для его слуг и народа. Твое в недрах Христа,

"Коттон Мэзер".

(9) Рабство было отменено в округе Колумбия законом Конгресса, принятым 16 апреля 1862 года.

Прокламация президента Линкольна от 1 января 1863 года освободила всех рабов в отделившихся штатах (за исключением Теннесси и частей Луизианы и Вирджинии, за исключением них) до числа 3 063 395 человек; оставшиеся были освобождены тринадцатой поправкой к Конституции от 18 декабря 1865 года.

III ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Декларация независимости, хотя и была принята сразу и будет рассматриваться на протяжении всех времен свободолюбивым миром как лучшая и смелейшая декларация в пользу прав человека и наиболее ярко выраженный протест против угнетения человеческой расы, совершенно умалчивает о правах рабов в колониях. Это правда, что Джефферсон в своем проекте этого документа, в статьях обвинительного акта против короля Георга III, использовал такую формулировку:

"Он вел жестокую войну против самой человеческой природы, нарушая ее самые священные права на жизнь и свободу в лице далеких людей, которые никогда не оскорбляли его, пленяя и унося их в рабство в другое полушарие или навлекая на себя мучительную смерть при транспортировке туда ... полный решимости сохранить открытым рынок, на котором можно покупать и продавать белых мужчин; он проституировал свое негативное отношение к подавлению любых законодательных попыток запретить или ограничить эту отвратительную торговлю".

Чтобы примирить Джорджию и Южную Каролину, эта часть обвинительного заключения была вычеркнута. Эти колонии никогда не стремились ограничить, но всегда поощряли работорговлю. Джефферсон в своей *автобиографии* (том I, стр. 19) предполагает, что другие секции сочувствовали Джорджии и Южной Каролине в этом вопросе.

"Наши северные братья ... почувствовали себя немного умиленными от этих упреков, ибо, хотя у их народа самого было очень мало рабов, все же они в значительной степени передавали их другим".

Джефферсон сказал, что король Георг предпочитал преимущество:

"нескольких британских корсаров в ущерб непреходящим интересам Американских штатов и правам человеческой природы, глубоко уязвленных этой позорной практикой".(10)

Хотя это неправда, как часто утверждалось, что Англия несет единоличную ответственность за введение рабства в своих американских колониях, верно и то, что ее король и парламент противодействовали почти всем попыткам запретить это или ограничить ввоз рабов. Колониальные законодательные акты Вирджинии и других колоний, направленные против рабства, были отменены королем или по его приказу его королевскими губернаторами. Таким губернаторам было рано запрещено давать свое согласие на любые меры, ограничивающие рабство в американских колониях, и эта политика проводилась до тех пор, пока колонии не стали независимыми.(11)

Мирный договор между Великобританией и Соединенными Штатами, подписанный в Париже 3 сентября 1783 года, содержало положение о том, что Великобритания должна вывести свои войска из Соединенных Штатов Америки "со всеми удобными скоростями, и, не причиняя никакого уничтожения или *балансовая от негров или иного имущества* американских жителей". Таким образом, оба правительства открыто признали не только существование рабства в Соединенных Штатах, но и то, что рабы были просто *собственностью*.

В то время как рабство глубоко укоренилось в колониях и имело множество защитников, в том числе известных богословов, проповедовавших "божественность рабства", в 1776 году и ранее было много великих людей, как на Юге, так и на Севере, которые уверенно смотрели на скорейшую эмансипацию рабов и которые тогда активно подавляли африканскую работорговлю, среди которых были Джефферсон, Вашингтон, Франклин и два Адамса.

Вашингтон председательствовал на "Съезде округа Фэрфакс" еще до революции. На нем было постановлено, что "ни в одну из британских колоний не следует ввозить рабов"; и сам Вашингтон выразил "самое искреннее желание, чтобы такой порочной, жестокой и неестественной торговле был положен конец навсегда". (12)

Джон Уэсли, полностью ознакомившись с американским рабством и работорговлей, назвал последнее "*отвратительной суммой всех злодеяний*", а первое он критиковал как самое порочное из человеческих деяний.

Континентальный конгресс 1776 года постановил, "чтобы ни в одну из тринадцати Объединенных колоний не ввозились рабы".

Тогда путем жестокой торговли было ввезено свыше 300 000 чернокожих, купленных или украденных с африканского побережья; и чернокожие тогда составляли двадцать процентов от общей численности населения - больший процент, чем когда-либо с тех пор.

В течение столетия, предшествовавшего 1776 году, английские и колониальные работорговцы перевезли в Вест-Индию и английские колонии почти 3 000 000 негров; и, по оценкам, еще четверть миллиона человек умерли от жестокого обращения на борту корабля, а их тела были выброшены в море.

Слова Декларации: "Мы считаем эти истины самоочевидными: что *все люди созданы равными*; что они наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами; что среди них *жизнь, свобода и стремление к счастью*", на самом деле не были приняты как хартия свободы для поработощенных африканцев, но она осталась для Верховного судьи Соединенных Штатов (Тейни) более восьмидесяти лет спустя (5 марта 1857 г.) в решении по делу Дреда Скотта, которое сделало так много (как мы покажем ниже).) нарушить Союз, сказать:

"Формулировка, использованная в Декларации независимости, показывает, что ни класс лиц, которые были импортированы в качестве рабов, ни их потомки, независимо от того, стали они свободными или нет, не были тогда признаны частью народа и не предназначались для включения в общие используемые слова".

И Главный судья сказал далее:

"Они [негры] более века назад считались существами низшего порядка и совершенно непригодными для общения с белой расой ни в социальных, ни в политических отношениях; и

настолько низшими, что у них не было прав, которые белый человек был обязан уважать, и что негр мог справедливо и законно быть обращен в рабство в свою пользу".

Прочитав Декларацию "о том, что все люди созданы равными", он продолжил:

"Приведенные выше общие слова, по-видимому, охватывают всю человеческую семью, и если бы они использовались в подобном инструменте в наши дни, то были бы поняты именно так. Но слишком ясно, чтобы оспаривать, что порабощенная африканская раса не предназначалась для включения в Список и не входила в состав народа, который сформулировал и принял эту Декларацию".

Несмотря на такое толкование Декларации, свободные негры сражались за независимость Америки на Банкер-Хилл; и хотя позже было решено, что цветных мужчин не следует принимать в качестве рядовых, генерал Вашингтон принял их, и после этого они служили в его армии до конца войны, (13) особенно в большом количестве в Йорктауне.

Королевский губернатор Виргинии тщетно пытался побудить рабов восстать против своих хозяев, обещая им свободу.

Говорят, что во время марша лорда Хоу по Пенсильвании рабы молились за его успех, веря, что он освободит их.

Британский парламент обсудил меру по освобождению рабов в колониях с целью ослабить стремление их хозяев к свободе. На Род-Айленде рабов по закону отпускали на свободу при условии, что они записывались в армию для участия в войне.

(10) *Жизнь Джефферсона* Партон, стр. 138.

(11) *Готовый справочник по истории* др., том iv., стр. 2923.

(12) *Жизнь Вашингтона* Спаркса, том ii., стр. 494.

(13) Бэнкрофт, *История Соединенных Штатов*, том iv., 223, 322.

IV КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС—СТАТЬИ КОНФЕДЕРАЦИИ 1774-1789

Континентальный конгресс, который впервые собрался 5 сентября 1774 года в Карпентерс-Холле, Филадельфия, взял на себя мало полномочий, и до принятия им Декларации независимости его заседания были немногим больше, чем протестами против британского гнета. При принятии Декларации также не было сформировано какое-либо центральное правительство. Этот Конгресс продолжал, по общему согласию, руководить делами, хотя вначале не обладал делегированными политическими или правительственными полномочиями.

Рабство существовало в колониях или штатах до Провозглашения при попустительстве британских колониальных властей без санкции английского законодательства и вопреки ему; а после Провозглашения - просто из терпимости как существующий внутренний институт, даже не в силу явно выраженной колониальной или государственной власти.

В 1772 году лорд Мэнсфилд из Суда королевской скамьи объявил, что рабство не может существовать в соответствии с английской конституцией.

Статьи Конфедерации не сделали ничего большего, чем сформулировали, пусть и в слабой форме, правительство Соединенных Штатов исключительно через Конгресс, которому было делегировано мало политической власти. Этот Конгресс продолжал править (если это можно было назвать правительством) до тех пор, пока Конституция не вступила в силу 4 марта 1789 года.

В "*Статьях Конфедерации*", принятых (9 июля 1778 г.) Континентальным конгрессом тринадцати первоначальных штатов в разгар революции, практически ничего не говорилось о рабстве. Они представляли собой во всех отношениях слабый и бессильный инструмент. Но они признавали существование рабства, говоря *освобожденных* гражданах (статья 4).

Они предусматривали "Конфедерацию и вечный союз" между тринадцатью штатами, но не предоставляли полномочий по сбору доходов, взиманию налогов или обеспечению соблюдения законов, кроме как с согласия девяти штатов. Созданное правительство имело право заключать долги, но не имело возможности их выплачивать; оно могло развязать войну, собрать армии и флоты, но не могло получать доходы для их поддержания; оно могло заключать договоры, но не могло принудить государства к их соблюдению; оно могло издавать законы, но не могло обеспечить их соблюдение.

Вашингтон сказал об этом:

"Конфедерация кажется немногим больше, чем тенью без сути, а Конгресс - органом, выступающим против".

В Стори Главного судьи говорилось:

"Ощущалась крайняя нехватка всякой принудительной власти для осуществления своих собственных конституционных мер".

Эти статьи, по общему признанию, не отвечали интересам всего народа.

Они предусматривали лишь "*лигу*" государств, гарантируя каждому государству права во всем.

Статья IV гласит:

"Для лучшего обеспечения и увековечения взаимной дружбы и сношений между народами различных Штатов настоящего Союза, *свободные* жители каждого из этих Штатов, за исключением *нищих, бродяг и лиц, скрывающихся от правосудия*, будут иметь право на все привилегии и иммунитеты *свободных* граждан в нескольких Штатах" и т.д.

Что за классификация лиц для исключения из правительственных привилегий!

Свободные негры не принадлежали к исключенному классу. Как и преступниками, если только они не скрывались от правосудия.

В течение десяти лет новая Республика существовала в соответствии с этими Статьями благодаря терпимости народа, связанного духом свободы и сплоченности патриотизма.

Эти Статьи не устанавливали статуса рабства и не препятствовали ему в Штатах. Они не предусмотрели закона о беглых рабах, если, конечно, о таком законе мечтали до тех пор, пока Конституция не вступила в силу.

Статьи Конфедерации не предусматривали ни исполнительного главы, ни высшей судебной власти, и они не предусматривали идеального законодательного органа, организованного по принципу сдержек и ограничений, обладающего истинно республиканским представительством. Конгресс - единственная руководящая сила - состоял из одного органа, каждый штат посылал не менее двух или более семи представителей. Голосование в этом органе проводилось штатами, каждый штат имел один голос.

Поэтому вскоре возникла необходимость разработать и принять новый органический закон, дополняющий многие недостатки этих статей.

V УКАЗ 1787 ГОДА

Достопамятный Конгресс 1776 года был готов многое сделать для ограничения рабства, поэтому, как мы видели, он постановил *"запретить ввоз рабов ни в одну из тринадцати Объединенных колоний"*.

Если бы было возможно так рано эффективно остановить работорговлю и предотвратить распространение рабства на новые территории, рабство вымерло бы. Вскоре после заключения мирного договора Джефферсон попытался запретить распространение рабства, и с этой целью он подготовил и обнародовал Указ (1784 г.), запрещающий рабство *после 1800 г.* на всей территории, тогда принадлежавшей Соединенным Штатам, выше параллели 31 °. Северная широта, которая включала в себя то, что стало основными частями рабовладельческих штатов Алабама и Миссисипи, весь Теннесси и Кентукки, а также всю Северо-Западную территорию. В 1784 году Соединенные Штаты не владели территорией южнее 31 градуса. Северной широты.

Это Постановление о свободе было проиграно с перевесом в один голос. Если бы этот единственный голос был отменен, какой "ад мучений" был бы прекращен и какое море крови было бы спасено! Рабство умерло бы в руках его друзей, и новая Республика вскоре стала бы свободной *фактически* так же, как и по названию.

Джефферсон, хотя сам был рабовладельцем, отчаянно и всерьез отстаивал этот Указ, и, говоря о его пункте, запрещающем рабовладительство, два года спустя он написал:

"Голос одного человека предотвратил бы это отвратительное преступление. Небеса не всегда будут молчать; сторонники прав человеческой природы в конце концов восторжествуют". (14)

Самой важной победой свободы в гражданской истории Соединенных Штатов (до восстания 1861 года) был Указ 1787 года, о котором сообщил Натан Дейн (15) из Массачусетса, заменивший только что упомянутый побежденный, но отличающийся от него в двух важных аспектах:

(1) Это относилось только к территории к северо-западу от реки Огайо, недавно (1 марта 1784 г.) переданной Соединенным Штатам Вирджинией;

(2) В нем рабство было запрещено сразу и навсегда. Его шестой раздел состоит из следующих слов:

"На указанной территории не должно быть ни рабства, ни принудительного труда, за исключением наказания за преступления, за которые сторона должна быть должным образом осуждена".

Но те, кто отрицал обязательный характер этого Постановления, с большой силой заявляли, что, поскольку оно было актом старого Конгресса в соответствии со Статьями Конфедерации и устанавливало территориальную форму правления, не во всех отношениях соответствующую Конституции, оно было обязательно заменено ею.

Это мнение было общим на заседании Первого Конгресса (1789 г.) в соответствии с Конституцией, но на Постановление, столь дорогое сердцам Джефферсона и других любителей свободы, обратили внимание заблаговременно.

7 августа 1789 года восьмой акт Первого Конгресса, содержащий длинную пояснительную и декларативную преамбулу, был принят и одобрен президентом Вашингтоном. Этот закон фактически восстановил действие Указа 1787 года, адаптировав и применив его, однако, к Конституции, потребовав от губернатора Северо-Западной территории отчитываться и нести ответственность перед президентом Соединенных Штатов, а не перед Конгрессом, как это было предусмотрено первоначально.(16)

Территория, на которую распространялось действие указа, занимала площадь в 260 000 квадратных миль и включала территорию нынешних великих штатов Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган и Висконсин, где в 1890 году проживало 13 471 840 человек.

Постановление является образцом совершенства. Это был единственный важный законодательный акт в соответствии со Статьями Конфедерации. Есть свидетельства того, что, поскольку некоторые члены Конгресса, принявшего Постановление, были в то же время членами Конвента, разработавшего Конституцию, (17) мнения членов двух органов во многом совпадали, особенно по пункту о рабстве в Постановлении. Вполне вероятно, что пункт Конституции, касающийся выдачи рабов, а также другие положения были скопированы из Указа.(18)

Учитывая непревзойденное совершенство этого Постановления, никакие панегирики не были бы экстравагантными.

Это непревзойденный образец мудрого прогноза. Он предусматривает передачу собственности по наследству, назначение территориальных должностных лиц и расширение фундаментальных принципов гражданской и религиозной свободы путем обеспечения религиозной свободы жителей. Он запрещает законодательное вмешательство в частные контракты, обеспечивает применение предписания *хабеас корпус*, суда присяжных и общего права в судебных разбирательствах: он запрещает применение жестоких или необычных наказаний и предписывает поощрять школы и средства обучения.

Указ не только остался неизменным как устав правительства Северо-Западной территории, но и его положение, касающееся рабства, было включено в большинство законов, принятых до Восстания, предусматривающих территориальные правительства.

Исторически это будет великая *Великая хартия вольностей*, которая благодаря провидческой мудрости наших отцов заранее посвятила грядущей цивилизации плодородный и прекрасный Северо-Запад со всеми его возможностями на все времена свободе, образованию и свободе совести.

Предпринимались частые попытки отменить или приостановить действие статьи, ограничивающей рабство, особенно после образования территории Индиана в 1800 году.

При принятии Указа иммигранты из Южных штатов удерживали некоторых рабов на территории нынешних Индианы и Иллинойса. Рабство также существовало в Венсенне, Каскасии, Кахокии и других французских поселениях, где оно было введено под властью короля Франции, в то время как территория была частью французских владений. Правительство Великобритании разрешило сохранение рабства, пока территория находилась под его юрисдикцией. Индейцы, а также чернокожие мужчины содержались в качестве рабов во французских поселениях.(19)

Иммигранты и старожилы, выступающие против рабства, объединились в обращениях к Конгрессу с просьбой приостановить действие статьи, запрещающей рабство. О первом из них комитет Конгресса отрицательно отозвался 12 мая 1796 года. Губернатор Уильям Генри Харрисон в декабре 1802 года председательствовал в Венсенне на собрании граждан территории Индиана, на котором было решено приложить усилия для приостановления действия этой статьи. Был составлен меморандум, который губернатор Харрисон вместе с собственным одобрительным письмом направил в Конгресс. Они были переданы в специальный комитет, председателем которого был Джон Рэндольф из Вирджинии.

Он сообщал 2 марта 1803 года:

"Что нецелесообразно приостанавливать, даже на ограниченное время, действие шестой статьи договора между первоначальными Штатами и народом и штатами к западу от реки Огайо".

Добавляя, в качестве довода, что:

"Быстрое заселение штата Огайо, по мнению вашего комитета, в достаточной степени свидетельствует о том, что труд рабов не является необходимым для содействия росту и заселению колоний в этом регионе".

Это не положило конец усилиям по обеспечению рабства на территории Индианы. В марте 1804 года специальный комитет Конгресса выступил за приостановление запрета на десять лет; аналогичный доклад был сделан в 1806 году г-ном Гарнеттом из Вирджинии; а в 1807 году г-н Паркер, делегат от Индианы, положительно отозвался о мемориале губернатора Харрисона и законодательном собрании территории, молясь о приостановлении действия той части Постановления, которая касается рабства. По этим сообщениям в Палате представителей не были приняты меры. Впоследствии губернатор Харрисон и его законодательный орган обратились в Сенат и специальный комитет с просьбой приостановить действие статьи, но когда комитет сообщил об отрицательном результате, все усилия по преодолению юридического барьера для рабства в Северо-Западной территории прекратились.(20)

Но, несмотря на обязательные условия Постановления и неоднократные отказы Конгресса приостановить действие положения, касающегося рабства, оно существовало на Северо-западе на протяжении всего своего территориального существования и в штате Иллинойс до 1844 года.(21) Первые жители-рабовладельцы хорошо понимали, что Постановление означает абсолютную эмансипацию их рабов, и, следовательно, освободили их или начали вывозить на испанскую территорию за Миссисипи. Несколько жителей пожаловались губернатору Сент-Клеру на то, что запреты на рабство замедляют рост Территории. Он высказал мнение, что

Постановление не имеет обратной силы; что оно не применяется к существующим условиям; что это "декларация принципа, которым должна руководствоваться Законодательная власть во всех актах, касающихся этого вопроса (рабства), и суды в их решениях по делам, возникшим после даты принятия Постановления"; и что, если бы Конгресс намеревался немедленно освободить рабов, их владельцам была бы предоставлена компенсация. Но он признал, что Конгресс "имел право определить, что *собственность* такого рода, приобретенная впоследствии, не должна защищаться в будущем, и что рабы, ввезенные на Территорию после этой декларации, могут вернуть себе свободу". (22) Это неудачное мнение привело к продолжению рабства на Территории и породило идею о том, что шестая статья может быть отменена и рабство на Территории станет бессрочным. Губернатор Сент-Клер был президентом Конгресса, когда был принят этот Указ, и поэтому его мнению по этому поводу придавалось большое значение.

Актом Конгресса, принятым 7 мая 1800 года, территория нынешнего штата Огайо стала Территорией Огайо, а та часть Северо-Западной территории, лежащая к западу и северу от Огайо, была включена в состав территории Индианы; аналогичными актами 11 января 1805 года была образована Территория Мичиган, а 3 февраля 1809 года вся эта часть, лежащая к западу от Индианы и озера Мичиган, стала Территорией Иллинойса. Однако до принятия последнего Закона Законодательное собрание Территории Индиана (17 сентября 1807 г.) приняло закон "о поощрении эмиграции", разрешающий ввозить на Территорию негров и мулатов "в силу службы или труда в качестве рабов".

Закон предусматривал, что эти люди и их дети должны содержаться под стражей в течение нескольких лет, и если они откажутся служить в качестве рабов, они могут быть вывезены "в течение шестидесяти дней после этого" в любое место, где они могут содержаться на законных основаниях. Этот статут был существенно переработан Законодательным собранием территории Иллинойс в 1812 году.

Первая конституция Иллинойса (1818 г.) не запрещала рабство. В первом разделе статьи VI провозглашалось, что: "Ни рабство, ни принудительное трудолюбие *отныне не должны вводиться* в этом государстве иначе, как для наказания за преступления". Рабство существовало в Иллинойсе после того, как он стал штатом. Жители Франции и Канады или их потомки продолжали содержать цветных и индейских рабов, а другие содержались в соответствии с Территориальными актами 1807 и 1812 годов. Старые рабы и их потомки, находившиеся на момент передачи Вирджинии Соединенным Штатам, были проданы из рук в руки в штате, а также перевезены в другие рабовладельческие штаты и проданы в них.(23)

Конституция Индианы (1816) запрещала рабство, но рабы содержались в ней до тех пор, пока ее Верховный суд в 1820 году в деле *habeas corpus* не постановил, что Конституция освободила всех лиц, до сих пор находившихся в рабстве, включая старых французских рабов, независимо от Указа 1787 года, акта об уступке Вирджинии или каких-либо договорных положений.(24)

После отделения (1805 г.) Мичигана от Индианы Главный судья бывшей территории постановил, что рабство существовало в Мичигане в силу договора Джея (1796 г.) с Великобританией (не иначе), несмотря на Постановление 1787 г., (25) но Конституция Мичигана (1837 г.) положила конец рабству в штате, как и Конституция (1802 г.) Огайо, а также Конституция (1848 г.) Висконсина. Рабы, указанные в отчетах переписи населения в Огайо, Индиане, Мичигане и

Висконсине после того, как они стали штатами, находились там по толерантности, а не по законному праву.

Какими бы противоречивыми ни были полученные мнения и независимо от противоречивых мнений судов или судей относительно влияния великого Указа на положение рабов на Северо-Западной Территории, несомненно, что этот Указ действовал для предотвращения законного ввоза рабов на Территорию после истечения срока его действия и, следовательно, привел к тому, что каждый из образованных на его основе штатов стал свободными штатами. В свете истории кажется несомненным, что, по крайней мере, Индиана и Иллинойс стали бы рабовладельческими штатами, если бы не этот Указ.(26)

Этот Указ содержал положение, требующее выдачи лиц, скрывающихся от "службы или труда", и был применим только к части территории Соединенных Штатов, носил характер компромисса по вопросу о рабстве (27) и был первым из серии компромиссов, некоторые из которых содержатся в Федеральной конституции, другие - в Законе 1820 года о признании Миссури штатом, а также в компромиссных мерах 1850 года, в которых участвовали Клей, Вебстер, Калхун, Сьюард и другие великие государственные деятели Союза, и все они были приняты в качестве компромиссных мер. были, однако, безжалостно отменены Законом Небраски (1854), автором которого был Дуглас из Иллинойса.

Раздел Постановления об ограничении рабства был скопирован и стал частью Закона 1848 года об организации территории Орегон, сторонники рабства, которые тогда заседали в Конгрессе, проголосовали за это; и через три года после принятия компромиссных мер 1850 года это положение Постановления было снова распространено на вновь организованную Территорию Вашингтон одновременными голосами практически тех же лиц, которые год спустя проголосовали за то, что все подобные законы были неконституционными.

Но ни происхождение, ни возраст, ни прецедент тогда не освящали ничего в интересах свободы — только рабство могло ссылаться на такие вещи в качестве оправдания. Пропагандисты человеческого рабства шли по следу этого Постановления; они обогнали и отменили его законодательным актом Конгресса в 1854 году, а затем решением Дреда Скотта от 1857 года, как мы вскоре увидим. Но в принципе она появилась вновь в 1862 году, как мы также увидим, и расправила свои крылья всеобщей свободы (как и было задумано ее великим автором в 1784 году) над всей территорией, принадлежащей Соединенным Штатам, чтобы оставаться неизменной во времени, увековеченной одобрением президента Линкольна и одобренной справедливым судом просвещенного человечества.

Вирджиния, Северная Каролина и Джорджия владели территориями, на которые не распространялось действие Указа 1787 года.

Северная Каролина (декабрь 1789 г.), уступая свою территорию к западу от ее нынешних границ, при условии, что:

"Никакие постановления, принятые или которые будут приняты Конгрессом, не должны способствовать освобождению рабов".

Таким образом, Теннесси стал рабовладельческим штатом.

Год спустя (1790) Вирджиния согласилась уступить свою оставшуюся территорию; как и Кентукки, она была (1 июня 1792 г.) принята в Союз и стала рабовладельческим штатом, никогда не имевшим отдельной территориальной организации.

Джорджия в 1802 году уступила территорию на западе от себя Соединенным Штатам и при условии, что Указ 1787 года должен распространяться на уступленную территорию, "за исключением статьи, запрещающей рабство". Таким образом, позже Алабама и Миссисипи стали рабовладельческими штатами.(28)

(14) *Работы Джефферсона*, том ix., 276.

(15) Авторство превосходно составленного Постановления вызывало много споров. Томас Х. Бентон, губернатор. Эдвард Коулз и другие приписывают авторство Джефферсону; Дэниел Вебстер и другие - Натану Дейну, в то время как сын Руфуса Кинга утверждал, что он является автором статьи, запрещающей рабство. У. Фредерик Пул во вкладе в "*Североамериканское обозрение*" отдает большую часть авторства мистеру Дейну, но главную заслугу за формирование и всю заслугу за принятие Постановления доктору Манассе Катлеру, *Документы Сент-Клера*, том i, стр. 122.

(16) По поводу сохраняющейся обязательной силы Указа для штатов, образованных на территории Северо-Западной территории, мнения разделились. В Огайо рано считалось, что Постановление является более обязательным, чем Конституция штата, которая может быть изменена жителями штата, в то время как само Постановление этого не может. (5 *Огайо*, 410, 416.) Но смотрите: 10-й Ховард (*США*), 82 года, и 3-й Ховард, 589.

(17) Мэдисон из Вирджинии, Руфус Кинг из Нью-Йорка, Джонсон из Коннектикута, Блаунт и Чарльз Пинкни из Южной Каролины и немногие из Джорджии были членами обеих организаций.—*Исторический пример*. и др., дело Дреда Скотта (Бентон), стр. 37н..

Указ был принят 13 июля 1787 года; Конституция была принята Конвентом 17 сентября 1787 года.

(18) *Документы Сент-Клера*, том i, стр. 134.

(19) Даннс, *Индиана*, стр. 126.

(20) *Документы Сент-Клера*, том i, стр. 120-1, примечание. *Исторический пример*. и т.д., дело Дреда Скотта, стр. 32-47 и т.д. *Политический учебник*, 1860 (Макферсон), стр. 53-4.

(21) Только в 1844 году высший суд Иллинойса постановил (четыре против трех), что цветной мужчина, удерживаемый в качестве раба потомком старинной французской семьи, был свободен. Дело Жарро (2 Гиллмана), *7ил.*, 1.

(22) *Документы Сент-Клера*, том i, стр. 120, 206 и т. Д. ii, стр. 117-119, 318, 331.

(23) Много ценной информации, касающейся правовой истории рабства на Северо-Западе, было получено из рукописи "Ненаписанной главы Иллинойса" бывшего судьи США Блуджетта из Чикаго.

(24) *Стэйт против. Лассель*, 1 *Блатчфорд*, 60.

(25) Кули, *Мичиган*, стр. 136-7.

(26) Исчерпывающую юридическую историю положения об ограничении рабства в Постановлении и его влияние на рабство в Северо-Западной территории см. в книге Данна "*Индиана*", стр. 219-260.

(27) *Документы Сент-Клера*, том i, стр. 122, примечание.

(28) *Политический учебник*, 1860 г. (Макферсон), стр. 53.

VI КОНСТИТУЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Съезд по разработке Конституции собрался в Филадельфии (1787). Джордж Вашингтон был его президентом; он состоял из ведущих государственных деятелей новой нации, заседавших в качестве делегатов, но при голосовании по мерам соблюдалось правило тогдашнего Конгресса, которое заключалось в голосовании штатов.

Большинство из тринадцати штатов были тогда рабовладельческими, и во всех, за исключением Массачусетса, все еще содержались рабы; и все прибрежные штаты занимались африканской работорговлей.

Массачусетс предусмотрел отмену рабства в 1780 году конституционным положением, в котором говорилось, что:

"Все люди рождаются *свободными и равными* и обладают определенными естественными, существенными и неотчуждаемыми правами" и т.д., этим заявлением высший судебный трибунал сразу же снял кандалы с каждого раба в Содружестве.

В 1784 году Коннектикут выделил средства на освобождение своих рабов.

Нью-Гэмпшир не запрещал рабство прямым законом, но все лица, родившиеся после ее Конституции 1776 года, были свободны; и с тех пор ввоз рабов был запрещен.

Пенсильвания в 1780 году своим законом предусмотрела постепенную эмансипацию рабов на своей территории. Заслуга в этом акте правосудия в основном принадлежит ее немецкому населению и Обществу друзей. До этого (1774 г.) это Общество на своем "ежегодном собрании" отреклось от всех своих членов, которые занимались торговлей рабами; а позже (1776 г.) оно постановило:

"Что владельцы рабов, которые отказались использовать надлежащие инструменты для предоставления им свободы, также должны быть отвергнуты".

Нью-Йорк принял постепенную эмансипацию в 1799 году, но окончательная эмансипация наступила только в 1827 году.

Род-Айленд в первый год работы Первого Континентального конгресса (1774) постановил:

"Чтобы в будущем ни один негр или мулат-раб не ввозился в колонию ... и чтобы все ранее порабощенные лица, став жителями Род-Айленда, получили свободу".

Нью-Джерси в 1778 году через губернатора Ливингстона предпринял попытку эмансипации, которая потерпела неудачу; только в 1804 году она запретила рабство, что оказалось

обоснованным способом, и кажется, что она удерживала рабов при каждой переписи населения, включая перепись 1860 года, и, возможно, в той или иной форме рабство людей было отменено там Тринадцатой поправкой к Конституции.

Перепись 1790 года показала наличие рабов во всех первоначальных штатах, кроме одного Массачусетса; Вермонт был принят в Союз в 1790 году; ее Конституция запрещала рабство, но при той переписи она вернула семнадцать рабов.

Однако первая перепись населения в соответствии с Конституцией показала, что в Северных штатах насчитывалось 40 370 рабов, а в Южных - 657 572; только в Вирджинии их было 293 427, что составляет почти половину от общего числа.

Конвент завершил свою работу 17 сентября 1787 года, и в тот же день Джордж Вашингтон, его президент, в письме представил "Конституцию на рассмотрение Соединенных Штатов в Конгрессе в сборе", в котором говорилось:

"Очевидно, что федеральному правительству этих штатов практически невозможно обеспечить все права независимого суверенитета каждому и в то же время обеспечить интересы и безопасность всех Во всех наших обсуждениях по этому вопросу мы неизменно придерживались нашей точки зрения на то, что представляется нам величайшим интересом каждого истинного американца, *укрепление нашего Союза*, в котором участвуют наше процветание, счастье, безопасность; возможно, наше национальное существование".

Эта Конституция своей преамбулой показала, что во многих отношениях она должна была заменить государственную власть и стать первостепенной. Она должна была стать *хартией свободы* для людей коллективно и в некотором смысле индивидуально. Его преамбула звучит так:

"Мы, *народ* Соединенных Штатов, в целях формирования *более* совершенного союза, установления справедливости, обеспечения внутреннего спокойствия, обеспечения общей обороны, содействия общему благосостоянию и обеспечения благ свободы для нас самих и наших потомков, устанавливаем настоящую Конституцию Соединенных Штатов Америки".

Согласно его седьмой статье, для его ратификации до вступления в силу было необходимо, чтобы его ратифицировали девять государств.

Многие патриоты, в том числе Патрик Генри, яростно выступали против ратификации Конституции по разным причинам. Некоторые считали, что в нем не содержится достаточных гарантий свободы личности, другие - что права частной собственности не были должным образом обеспечены, а третьи - что государственные полномочия штатов были урезаны, а слишком много власти было отнято у народа и сосредоточено в руках федерального правительства. Мейсон из Вирджинии, член Конвента, который его учредил, возглавлял партию, выступавшую против него на том основании, среди прочего, что он разрешал Конгрессу взимать пошлины на импорт и таким образом поощрять отечественную промышленность и мануфактуры, способствующие свободному труду, враждебные и опасные для человеческого рабства. Лучших усилий и влияния Вашингтона и других сторонников Конституции было бы недостаточно для обеспечения ее ратификации, если бы они не успокоили многих ее противников, пообещав принять сразу после вступления в силу поправки, пронумерованные от одного до десяти включительно. (Первый Конгресс 25 сентября 1789 года представил эти десять

поправок в соответствии с соглашением, и вскоре после этого они были ратифицированы и стали частью Конституции.)

Постановлением Старого Конгресса от 13 сентября 1788 года 4 марта 1789 года было установлено в качестве срока для начала судебного разбирательства в соответствии с Конституцией. На дату принятия этой резолюции ее ратифицировали одиннадцать из тринадцати государств. Северная Каролина ратифицировала его 21 ноября 1789 года, а Род-Айленд, последний, 29 мая 1790 года.

Вермонт, не входивший в число первоначальных тринадцати штатов, ратифицировал Конституцию

10 января 1791 года, более чем за месяц до ее вступления в Союз. Это последнее событие произошло 18 февраля 1791 года.

Таким образом, четырнадцать штатов почти одновременно стали членами Союза в соответствии с Конституцией, и каждый из них тогда содержал или ранее содержал рабов.

Несмотря на все это, было много создателей Конституции и ее самых горячих друзей, которые искренне желали обеспечить скорейшую отмену рабства, одни путем постепенной эмансипации, другие героическими мерами; и было много южан, которые выступали за эмансипацию, в то время как далеко не все ведущие и влиятельные граждане Северных штатов желали этого.

Однако в свете достоверной истории можно предположить, что большинство разработчиков Конституции и большинство ее сторонников в Штатах надеялись и верили, что рабство при ней не будет постоянным. В соответствии с этим убеждением оно было оформлено. Рабство в нем не было официально признано, хотя в Конституционном собрании по этому поводу было много дискуссий. Не было никакой попытки отменить его; такая попытка провалилась бы в Конвенте, и Конституция, столь необходимая новой нации, если бы она даже предусматривала постепенную эмансипацию, не была бы ратифицирована Штатами.

Вряд ли можно сказать, что Конституция была составлена на основе компромисса в отношении сохранения человеческого рабства, хотя каким-то оккультным образом было необходимо признать его существование. Однако это было по сути уступкой ему; слово *раб* или *рабство* в нем не использовалось.

Однако Верховный суд Соединенных Штатов ранее истолковал третий пункт раздела IV статьи 2 как предусматривающий возвращение беглых рабов из одного штата в другой. Эта интерпретация была решительно опровергнута высоким авторитетом и с большим основанием в свете истории. Статья гласит:

"Ни одно лицо, *привлекаемое к службе или труду* в одном штате в соответствии с его законами, скрывающееся в другом штате, не может быть освобождено от такой службы или работы в силу какого-либо действующего там закона или постановления, но должно быть выдано по требованию стороны, которой причитается такая служба или труд".

Утверждается, что упомянутые здесь "услуги или труд" были причитающимися лицами, заключившими какие-либо договоры, вытекающие из контрактов на перевозку в колонии лиц из

Старого Света и, возможно, вытекающие из других договорных обязательств, в которых они согласились на длительный или короткий срок выполнять "услуги или труд". Тогда существовало много таких обязательств.

Рабы ни тогда, ни впоследствии не рассматривались их владельцами как "*лица*", просто "удерживаемые для обслуживания или труда", но ими владели как личным имуществом, не имея перед своими хозяевами никаких обязанностей, отличных от обязанностей вола, лошади или осла.

Но высшая судебная власть, а также исполнительные и законодательные органы правительства вскоре стали относиться к этому как к статье о беглых рабах. Только сейчас интересно изучить его своеобразную фразеологию, историю и окружающие обстоятельства, при которых оно стало частью Конституции, чтобы продемонстрировать большую осторожность и желание выдающихся и свободолобивых создателей Конституции избежать прямого признания африканского рабства.

Единственное другое положение, в котором сторонники рабства утверждали, что оно признано, - это пункт 3 раздела 2 статьи I., который предусматривает, что:

"Представительские и прямые налоги распределяются между несколькими Штатами ... в соответствии с их соответствующей численностью, которая определяется путем прибавления ко всему числу свободных лиц, включая лиц, обязанных служить в течение нескольких лет, и исключая индейцев, не облагаемых налогом, *трех пятых всех других лиц*".

Упомянутые здесь "другие лица", если только рабы, описаны очень деликатно. Но этот пункт также был признан всеми правительственными ведомствами как относящийся к рабам. Совершенно очевидно, что если бы добрые и незамысловатые люди революционного периода имели дело с предметом, не шокирующим их совесть, чувство справедливости и человечности, они изложили бы его простыми словами, имеющими прямое и несомненное значение.

Пункт Конституции, предоставляющий представительство в Палате представителей Конгресса и в Коллегии выборщиков при выборе президента и вице-президента, вскоре стал рассматриваться как несправедливый по отношению к свободным Штатам. Три пятых всех рабов были подсчитаны, чтобы обеспечить представительство свободных людей Юга; то есть три пятых всего *имущества* рабов было подсчитано численно, и, таким образом, во многих округах Конгресса голос одного рабовладельца был более чем равен двум голосам в свободном штате. Например, в 1850 году число свободных жителей в рабовладельческих штатах составляло 6 412 605 человек, а в свободных Штатах - 13 434 686, что более чем вдвое больше. Представительство в Конгрессе от рабовладельческих штатов составляло 90 членов, от свободных штатов - 144. Три пятых рабов составляли 1 920 182 человека, что давало Югу 20 (чуть больше) членов, при этом коэффициент представительства составлял 93 420 человек. Если бы 234 представителя были распределены поровну, в соответствии со свободными жителями, на Севере было бы 159, а на Юге - 75, то есть прирост в пятнадцать раз для свободных и потеря этого числа для рабовладельческих штатов, прирост в 30 раз для Севера.

Та же несправедливость была проявлена при взимании прямых налогов. (Все это, однако, было изменено Четырнадцатой поправкой к Конституции.)

Тот же дискриминационный язык используется (раздел 9, статья I.), когда явно имеется в виду африканская работорговля. Существовало сильное чувство в пользу немедленного прекращения торговли людьми; христианская совесть наших предков восстала против ее порочности, и тогда во всем цивилизованном мире началось всеобщее движение против нее. Некоторые европейские страны осудили это как пиратство.

Однако это было прибыльно, и в это было вложено много капитала, и даже тогда в Штатах, производящих хлопок, рис и табак, наблюдался повышенный спрос на рабов.

Опасались, что такая радикальная мера, как немедленное прекращение этой торговли, поставит под угрозу Конституцию, и в этом отношении также было сочтено разумным пойти на компромисс; поэтому Конгрессу было запрещено принимать законы, предотвращающие это, до 1808 года. Эта торговля не только тогда велась нашим собственным народом, но и на кораблях других стран рабы ввозились в Соединенные Штаты. Каждому штату была предоставлена свобода запрещать ввоз рабов в пределах своих границ.

Теперь мы рассмотрели все положения Конституции в том виде, в каком они были приняты изначально, касающиеся, по конструкции или возможности, рабства или подневольного труда.

Республика, согласно этой *великой хартии*, вступила на путь нации, должным образом стремящейся стать одной из первых среди держав земли и преуспевающей в высшем смысле в этом стремлении, однако остается сказать, как близко наша Республика подошла со временем к краю той всепоглощающей пропасти, которая в прошлые века поглотила другие нации из-за их жестокого угнетения и порабощения человека.

Рабство, столь деликатно трактуемое в нашей Конституции, привело эту Республику менее чем за три четверти века к агонии смерти, как мы увидим.

VII ПРИЧИНЫ РОСТА РАБСТВА

Возможно, здесь было бы уместно, прежде чем говорить о рабстве в его законодательной истории в соответствии с Конституцией, кратко остановиться на некоторых из наиболее важных причин его роста и распространения, помимо политических.

Первым по важности был хлопок. Требовалась дешевая рабочая сила, чтобы выращивать его с прибылью, и даже тогда, поначалу, это было невыгодно. Изобретение Уитни хлопкоочистительной машины в 1793 году было самым важным изобретением в сельском хозяйстве того времени, если не самым важным за все время, и особенно это касается плантаторов хлопка.

Хлопок был родом из Америки; почва и климат Юга были хорошо приспособлены для его выращивания. Извлечь его из семян было очень легко, но отделение семян от волокон происходило настолько медленно, что для получения одного фунта требовался средний рабочий день.

Хлопкоочистительная машина Уитни, однако, сразу увеличила сумму с одного до пятидесяти фунтов.

Это изобретение появилось в самое подходящее время для рабства в Соединенных Штатах, поскольку дешевизна риса, индиго и других основных продуктов Юга была такова, что не

позволяла производить их в больших масштабах и с прибылью даже с использованием труда рабов. В 1794 году, когда Джей подписал договор с Великобританией, хлопок не был известен ему как статья экспорта. Вскоре, благодаря использованию хлопкоочистительной машины, хлопок стал основной статьей экспорта из Соединенных Штатов; хлопковые плантации быстро увеличивались в размерах и количестве, а их владельцы размножали своих рабов и богатели. Производство хлопка увеличилось с 1793 по 1860 год в тысячу раз.

Весьма вероятно, что хлопкоочистительная машина Эли Уитни действовала для предотвращения столь желанного скорейшего освобождения рабов в Америке, и что, таким образом, изобретательский гений человека сыграл важную роль в создании оков для человека.

Другие продукты, такие как рис и сахар, успешно производились на Юге, но спрос на них был ограничен конкуренцией в других странах, в некоторых из которых использовался рабский труд. Простота производства хлопка стимулировала его широкое использование во всем мире, и вскоре он стал необходимым товаром во всех цивилизованных странах. "Хлопок - король" - таков был лозунг рабовладельца и экспортера. Южная аристократия опиралась на это. В более северных рабовладельческих штатах, где хлопок из-за климата не мог быть успешно выращен, разведение рабов для обеспечения хлопковых плантаторов необходимым количеством рабочих рук стало источником большой прибыли; и работорговля была возрождена, чтобы помочь удовлетворить такой же большой спрос.

Табак и некоторые злаки также производились рабским трудом, но они могли производиться свободным трудом как на Севере, так и на Юге. Было подсчитано, что из вышеупомянутых 3 000 000 рабов в Соединенных Штатах в 1850 году 1 800 000 были заняты только на выращивании и сохранении хлопка, и его стоимость в том году составила 105 600 000 долларов, в то время как сахарный продукт в том же году оценивался всего в 12 400 000 долларов, а рис - в 3 000 000 долларов. Общий внутренний экспорт за год, закончившийся 1850 годом, составил 137 000 000 долларов, из которых хлопок достиг 72 000 000 долларов, а все хлебобулочные изделия и провизия - всего 26 000 000 долларов.(29)

(29) РесурсДеБоу и др., том iii., стр. 388.

VIII ЗАКОН О БЕГЛЫХ РАБАХ—1793

Одновременно с хлопкоочистительной фабрикой в 1793 году был принят первый закон о беглых рабах.

Конституция не была самоисполняющейся, если она действительно содержала, как мы видели, положение, требующее передачи беглых рабов из одного штата их хозяевам в другом.

Губернатор штата Вирджиния отказался выдать троих похитителей свободного негра по требованию губернатора Пенсильвании, из штата которой он был похищен, на том единственном основании, что ни один закон не требует выдачи беглых рабов из Вирджинии. Возникший таким образом спор был доведен до сведения президента Вашингтона, а им - до сведения Конгресса, и закончился принятием первого закона о беглых рабах. Какое-то время это было сносно приемлемо для различных частей страны, хотя само по себе было самой вопиющей попыткой нарушения прав штата, если судить с более современной точки зрения отделения и прав штата, когда-либо предпринимавшейся федеральной властью.

Это требовало, чтобы *мировые судьи* штата, которые выполняли свои обязанности исключительно в соответствии с законодательством штата, выносили решения по делам беглых рабов и помогали возвращать в рабство негров, на которых хозяева из иностранных государств претендовали как на рабов. Закон предусматривал возвращение беглых подмастерьев, а также беглых рабов.

Со временем Северные штаты стали свободными, и общественное сознание в них настолько изменилось, что магистраты устали или не захотели действовать во исполнение закона. В Массачусетсе и Пенсильвании был принят закон, предусматривающий уголовное наказание для любого из их должностных лиц за выполнение каких-либо обязанностей или за рассмотрение любого дела в соответствии с законом о беглых рабах. Другие штаты через свои судебные органы объявили его неконституционным, даже некоторые федеральные судьи усомнились в его соответствии Конституции, но в таком виде он просуществовал до 1850 года. Он не предусматривал суда присяжных. Сцены, разыгравшиеся при его исполнении, потрясли моральные чувства человечества, и даже рабовладелец часто уклонялся от попытки его исполнения.

Но только примерно во время возбуждения дела о законе о беглых рабах 1850 года на Севере возникло наибольшее возбуждение по поводу его применения, и об этом мы поговорим позже.

IX РАБОТОРГОВЛЯ: ОТМЕНЕНА ЗАКОНОМ

В английском парламенте в 1776 году, в год принятия Декларации независимости, было выдвинуто первое предложение об отмене работорговли, которую долгое время поддерживали английские короли и королевы, но только в 1807 году британское моральное чувство поднялось достаточно высоко, чтобы принять, по примеру лорда Грэнвилла, знаменитый закон об "Отмене работорговли". Еще в 1794 году Соединенные Штаты запретили своим подданным торговлю рабами с зарубежными странами; а в 1807 году они запретили ввоз рабов в любой из штатов, который вступил в силу в начале 1990-х годов. 1808 год, самый ранний срок, возможный, как мы видели, в соответствии с Конституцией. Но только в 1820 году работорговцы были объявлены пиратами и как таковые подлежали наказанию.

Законодательный запрет работорговли не положил ей эффективного конца, и закон, объявляющий ее пиратством, не был полностью эффективным, хотя последний многое сделал для ее ограничения благодаря сотрудничеству с другими странами.

В 1852 и 1858 годах на Юге страны происходили активные движения за возрождение африканской работорговли, и особенно яростно выступали против "закона о пиратстве". Джефферсон Дэвис на съезде в Миссисипи в июле 1858 года выступал за отмену последнего закона, но сомневался в целесообразности отмены закона, запрещающего работорговлю.(30)

Здесь стоит упомянуть, что 20 апреля, через восемь дней после обстрела Самтера, командер Альфред Тейлор, командующий кораблем ВМС США "*Саратога*", в порту Кабенда, Африка, захватил "*Найтингейл оф Бостон*", развевающий американские знамена, с грузом из 961 недавно захваченного, украденного или купленного африканского негра, предназначенного для перевозки в какую-либо часть Америки и там продажи в рабство. Этот человеческий груз был отправлен преподобному Джону Сейсу в Монровию, Либерия, для оказания гуманитарной помощи. Сто шестьдесят человек умерли во время четырнадцатидневного морского

путешествия от корабельной лихорадки и заточения, хотя лейтенант Гатри и команда работорговца приложили максимум усилий для их утешения.(31)

Законы, отменяющие иностранную работорговлю и запрещающие ввоз африканских рабов (после 1807 года) в Соединенные Штаты, даже помогли более прочно закрепить там рабство. Они более чем удвоили стоимость раба и, следовательно, подстрекали к разведению рабов для удовлетворения растущего спроса в хлопковых штатах, и со временем это оказалось настолько прибыльным, что Юг искал новые территории, на которых можно было бы распространить рабство и образовать рабовладельческие штаты.

Всемирная "*Декларация против работорговли*", подписанная представителями "Держав" на Венском конгрессе в 1815 году и повторенная на Парижском конгрессе в конце наполеоновских войн, имела достаточный потенциал для ослабления, но не для прекращения этой самой бесчеловечной и греховной торговли.(32)

Еще в 1816 году английские купцы, поддерживаемые корпорациями Лондона и Ливерпуля из меркантильной зависти и притворявшиеся, что само существование морской торговли и их собственное существование зависят от продолжения работорговли, выступали не только против отмены торговли черными рабами, но и против отмены *белого рабства* в Алжире.(33)

Эта гнусная торговля рабами не прекратилась в Соединенных Штатах, хотя в Гентском мирном договоре (1815 г.) было заявлено, что: "Принимая во внимание, что торговля рабами несовместима с принципами гуманности и справедливости", и две страны (Великобритания и Соединенные Штаты) в нем обязались приложить все усилия для ее отмены.

Ведущие политики Юга открыто выступали за возрождение работорговли, и незаконный оборот значительно возрос сразу после принятия Техаса в Союз в качестве штата и агрессии Мексики за дополнительные территории для рабовладельцев, и особенно сразу после обсуждения компромиссных мер 1850 года и Закона о Небраске 1854 года, за которым последовало решение Дреда Скотта в 1857 году. В основном они проводились под флагом Соединенных Штатов, и суда, перевозившие их, отказывали в праве досмотра иностранным судам, занимавшимся пресечением торговли. Британские официальные лица заявили в июне 1850 года, "что по крайней мере половина успешной части работорговли осуществлялась под американским флагом". Доукомплектование работорговцев было сосредоточено в Нью-Йорке; Бостон и Новый Орлеан были хорошими секундантами. Двадцать одно из двадцати двух работорговцев, захваченных британскими крейсерами в 1857-58 годах, были из Нью-Йорка, Бостона и Нового Орлеана.

"Сообщается, что за восемнадцать месяцев 1859-60 годов в Нью-Йоркской гавани было оборудовано восемьдесят пять работорговцев, и только они ежегодно перевозили в Америку от 30 000 до 60 000 рабов".(34)

Жадность человека к наживе заглушила и всегда будет заглушать человеческую совесть. Работорговля, объявленная пиратством, все еще существует и будет существовать до тех пор, пока африканское рабство не прекратится во всем мире. Пока существует спрос по хорошим ценам, эта нечестивая торговля будет продолжаться, и в джунглях Африки будут находить похитителей людей.

(30) *История Рода. Соединенные Штаты*, том ii., стр. 372.

(31) Официальные отчеты и т.д., *Военно-морские силы войны за восстание*, том i, стр. 11.

(32) К вечной чести Наполеона следует отнести то, что по возвращении с Эльбы в Париж (1815) он издал для Франции декрет о полной отмене работорговли. Этот указ был утвержден династией Бурбонов в 1818 году. *Подавление африканской работорговли в США* (Дюбуа), стр. 247.

(33) *"Жизнь Эксмута" Ослера*, стр. 303; *"Рабство, письма"* и др., Гораций Манн, стр. 276.

(34) *Поддержка африканской работорговли* (Дюбуа), стр. 135, 178-9.

Х ПОКУПКА В ЛУИЗИАНЕ

В 1803 году Наполеон, опасаясь, что не сможет удержать свои отдаленные американские владения, известные как провинция Луизиана, приобретенная у Испании и которая по договору должна была быть возвращена Испании и не передаваться какой-либо другой нации, отбросил все угрызения совести и 30 апреля за 60 000 000 франков подписал договор об уступке обширной территории, в то время в основном необитаемой, Соединенным Штатам. Это было в администрации Джефферсона.

Соединенные Штаты купили этот домен и его жителей точно так же, как они могли бы купить незанятые земли с обитающими на них животными.

Рано на нее претендовали как на территорию рабов. На момент покупки в ее пределах находилось всего несколько рабов, хотя там было признано рабство. Эта покупка была самой важной, хотя в то время к ней так не относились.

Покупка Луизианы была намного больше, с территориальной точки зрения, чем у всех штатов, входивших тогда в Союз, со всеми его другими владениями. (35)

В него входили территории нынешних штатов Луизиана, Арканзас, Миссури, Айова, Небраска, Северная Дакота, Южная Дакота, почти весь Канзас, Миннесота, Монтана, Вайоминг, большая часть Колорадо и Индейской территории, а также часть Айдахо. В этих штатах и территориях в 1890 году проживало 11 804 101 человек.

Во время этого великого приобретения преобладало убеждение, что рабство быстро сокращается. Адамс и Джефферсон, каждый в бытность президентом, верили, что рабству вскоре придет мирный конец. Тогда по закону Конгресса можно было бы посвятить этот новый регион свободе, но, поскольку рабство существовало в Новом Орлеане и его окрестностях в 1812 году, когда штат Луизиана был принят в Союз, он стал рабовладельческим штатом. Такая судьба была во многом обусловлена заявлением его коренных жителей о том, что им было обеспечено право удерживать рабов по договору об уступке прав Франции.

Позже положение этого договора, в соответствии с которым утверждалось, что рабство увековечивается, стало предметом многочисленных дискуссий, и на нем были основаны самые абсурдные аргументы в пользу рабовладельческой державы.

Его третья статья была единственной, в которой говорилось о том, что она навсегда закрепляет институт рабства за жителями этой огромной империи. Еще живы те, кто отрицает, что даже в

соответствии с действующей Конституцией Соединенных Штатов или конституциями штатов, с тех пор введенных в них, рабство *законно* исключено из них.

Эта статья гласит:

"Жители уступленной территории должны быть включены в Союз Соединенных Штатов и допущены как можно скорее, в соответствии с принципами Федеральной конституции, к пользованию всеми правами, преимуществами и иммунитетами граждан Соединенных Штатов; и тем временем они должны быть обеспечены и защищены в пользовании своей свободой, *собственностью* и религией, которую они исповедуют".

Судья Верховного суда Соединенных Штатов Кэтрон, выступая по делу Дреда Скотта от имени большинства членов суда и по поводу этой статьи, говорит:

"Луизиана была провинцией, где рабство было не только законным, но и где собственность на рабов была самой ценной из всех личных ценностей. Провинция была передана как *единица* с равным правом для всех ее жителей, в каждой ее части, владеть рабами".

Он и другие согласившиеся судьи постановили, что жители на момент покупки, а также все иммигранты после уступки, были защищены в праве удерживать рабов на протяжении всей покупки.

Ближе к концу своего заключения, все еще говоря об этой статье и приобретенной территории, он говорит:

"Право Соединенных Штатов на нее или над ней зависит от договора об уступке, который действует для включения Территории и ее жителей в состав Союза.

"Мое мнение таково, что третья статья мирного договора 1803 года, передающая Луизиану Соединенным Штатам, защищена Конституцией и не может быть отменена Конгрессом".

С этой точкой зрения героически боролось меньшинство членов суда, особенно судьи Маклин и Кертис. Последний, по его мнению, сказал

"Что договор с иностранным государством не может лишить Конгресс какой-либо части его законодательной власти, предоставленной народом, так что он больше не может издавать законы, предусмотренные Конституцией".

Также, что если договор прямо запрещает (а этого не было) исключение рабства с уступленной территории, то "суд не может объявить, что акт Конгресса, исключаящий его, недействителен в силу договора. ... Отказ выполнить такое условие был бы вопросом не судебного, а политического и законодательного характера. ... Это относилось бы к дипломатии и законодательству, а не к исполнению существующих законов".(36)

Очевидно, что никакая часть договора об уступке не закрепляла рабство или какой-либо другой институт Франции на территории, переданной Соединенным Штатам. Если бы его положения были нарушены Соединенными Штатами, Францией на международном уровне или жителями на момент заключения договора, они могли бы подать жалобу и получить возмещение.

Очевидно, что этот договор не имел никакого отношения к вопросу о рабстве в Соединенных

Штатах, но приверженцы рабства использовали все возможные предлоги для его сохранения и расширения.

Также большинством голосов суда по этому достопамятному делу (о котором будет упомянуто ниже) было постановлено, что в соответствии с третьей статьей уступки рабы могли быть вывезены из любого штата в любую часть Луизианской покупки на территории ее территориального штата, и там соблюдался, следовательно, Миссурийский компромисс 1820 года, запрещающий рабство на территории к северу от 36 град. 30', нарушал международный договор и был неконституционным, как и все другие акты Конгресса, исключающие распространение рабства на территории Соединенных Штатов. Это было в период расцвета (1857 г.) рабовладельческой власти, когда она стремилась практически сделать рабство национальным.

Эта агрессивная политика, как мы увидим, когда обратимся к Закону Небраски 1854 года, касающемуся основной части покупки Луизианы, привела к великому восстанию друзей свободы, политическому свержению защитников рабства в большинстве ветвей Союза; затем к отделению; затем к войне, в результате которой мир, всеобщая свобода и рабство в Республике погибли навсегда.

(35) Карту, показывающую территорию, приобретенную США, по каждому договору и т.д., смотрите в *History Ready Ref.*, т. v., стр. 3286, и в "*Покупке Луизианы*" (Hermann, Com. Gen. Земельное управление). Первоначальные тринадцать штатов и территорий составляли 8 927 844 кв. миль. Покупка Луизианы - 1 171 931 кв. миль.

(36) Дело Дреда Скотта, 19 Ховард, 393 и т.д.

XI ФЛОРИДА

Флорида не стала рабовладельческой колонией ни после того, как ею завладели англичане в 1763 году, ни после ее повторного завоевания Испанией в 1781 году.

Мирным договором по окончании революционной войны (1783) Великобритания признала частью южной границы Соединенных Штатов линию строго к востоку от Миссисипи на 31 градусе. широты; и в то же время по отдельному договору она уступила Испании тогдашние две Флориды. Флорида стала убежищем для беглых рабов из Джорджии и Южной Каролины.

"Джорджианцы никогда не могли забыть, что *беглые* рабы бродили по Эверглейдс Флориды".(37)

Индейцы-семинолы приветствовали обретение дикой свободы сбежавшим негром от кнута надсмотрщика, и, следовательно, длительные и кровопролитные войны с индейцами Флориды были буквально охотой на рабов. Дикие племена индейцев не знали закона о беглых рабах.

Во время войны 1812 года Испания разрешила англичанам оккупировать для их целей некоторые пункты во Флориде. Когда война закончилась, они оставили форт на Аппалачиколле, примерно в пятнадцати милях выше ее устья, вместе с большим количеством оружия и боеприпасов. Этот форт беглые негры захватили и удерживали около *трех лет* как убежище для беглых рабов и, следовательно, как угрозу рабству. В то время он назывался "Негритянский форт". По наущению рабовладельцев на него напал генерал армии Соединенных Штатов Гейнс.

"Горячий выстрел пробил один из складов, и 27 июля 1816 года весь форт разнесло на куски. В форте находилось 300 негритянских мужчин, женщин и детей, а также 20 чокто; 270 были убиты. Только трое остались невредимыми, и эти были убиты союзными индейцами".

Таким образом, рабство установилось и поддерживалось посредством индивидуальных и национальных преступлений и крови до того дня, когда должно было наступить Божье карающее правосудие. И мы увидим, как тщательно было отмерено Его правосудие; как "око за око и зуб за зуб", мера крови за меру крови, мука за муку обрушились на господствующую белую расу!

Только в феврале 1821 года было получено уведомление о ратификации договора, заключенного двумя годами ранее, по которому Испания уступила Флориду Соединенным Штатам в обмен на выплату ими 5 000 000 долларов в качестве удовлетворения американских претензий к Испании.

Это было не все, что Республика заплатила за Флориду. Последовала вторая семинольская война (1835-1843), самая кровопролитная и дорогостоящая из всех наших войн с индейцами, в которой индейцам помогали беглые рабы и их потомки, в которых смешивалась негритянская кровь, часто с белой кровью бывших хозяев, и снова с индейской.(38)

По прошествии восьми лет, после того, как было потеряно много ценных жизней и израсходовано 30 000 000 долларов, но только после того, как великий лидер семинолов (Оцеола (39)) был захвачен в плен в результате преднамеренного предательства и недобросовестности, а индейцы были скорее измотаны, чем покорены, Флорида стала американской провинцией, а два года спустя (1845 г.) рабовладельческим штатом в Союзе.

Вымирание храбрых индейцев-семинолов не оставило *расы*, которая была бы другом бедного поработанного негра. Какими бы необразованными они ни были, они знали, что такое свобода, и до 1861 года были единственными людьми на американском континенте, предоставившими убежище и пролившими свою кровь за обиженного африканца.

Флорида, как рабовладельческий штат, была фактором установления политического баланса сил между Севером и Югом.

Поскольку война между Соединенными Штатами и Великобританией (1812-15) не выросла из рабства, не велась с целью приобретения новых территорий для рабов и не имела прямой тенденции увековечить рабство там, где оно было установлено, мы пропускаем ее.

(37) Эндрю Джексон У. Г. Саммера, глава iii.

(38) В 1821 году в Индиан—Спрингс, Флорида, с индейцами крик был заключен принудительный договор о части их земель, по которому Соединенные Штаты согласились выплатить 109 000 долларов из покупной цены в качестве компенсации заявителям из Джорджии за сбежавших рабов и 141 000 долларов за *"потомство, которое женщины принесли бы своим хозяевам, если бы они оставались в рабстве"*. -*Взлет и падение рабства* (Уилсон), том i, 132 454.

(39) Оцеола, или Ас-Се-Хе-Хо-Лар (черный напиток), был сыном Ум. Пауэлл, английский торговец индейцами, родился в Джорджии в 1804 году в семье дочери вождя семинолов. Мать рано увезла его во Флориду. Он быстро поднялся до положения главного военачальника и женился на дочери беглого раба, которая была предательски украдена у него как рабыня, когда

он был с визитом в Форт-Кинг. Когда он потребовал от генерала Томпсона, индийского агента, ее освобождения, его заковали в кандалы, но освободили через шесть дней. Чуть позже, в декабре 1835 года, он отомстил за себя, убив Томпсона и еще четверых за пределами форта, положив таким образом начало второй войне семинолов. Он ненавидел белую расу, и его честолюбивым замыслом было создать безопасное убежище для беглых рабов.

Сюрпризы и массовые убийства продолжались в течение двух лет, Оцеола проявлял большую храбрость и мастерство и не превосходил своих белых противников в предательстве. Он сражался с генералами Клинчем, Гейнсом, Тейлором и Джесупом из США. А. Джесуп побудил его (21 октября 1837 г.) под флагом перемирия провести переговоры близ Сент-Луиса. Августин, где Джесуп вероломно приказал схватить его, и власти США (обошедшиеся с ним так же, как Англия обошлась с Наполеоном) безнадежно замуровали его в пожизненном заключении в форте Моултри. Его свободный дух не выдержал этого, и он умер от разрыва сердца три месяца спустя (30 января 1838 года) в возрасте тридцати четырех лет. Его тело похоронено на острове Салливана, впоследствии ставшем ареной более масштабной борьбы за свободу человека.

Останки *цивилизованного* государственного деятеля -поборника вечного *человеческого* рабства Кэлхуна и останки дикого, необразованного *вождя* семинолов Оскоолы, поборника *человеческой свободы*, похоронены недалеко от Чарльстона, Южная Каролина. Пусть века рассудят каждого — по-доброму!

XII МИССУРИЙСКИЙ КОМПРОМИСС—1820

В соответствии с политикой попыток политически уравновесить свободу и рабство, мягко относиться к последнему и не оскорблять его поборников, новые государства были приняты в Союз парами, одно свободное и одно рабское.

Таким образом, Вермонт и Кентукки, Теннесси и Огайо, Луизиана и Индиана, Миссисипи и Иллинойс объединились, сохранив в Сенате точный баланс сил.(40)

Когда Миссури принял Конституцию (1819 г.) и подал заявку на вступление в Союз, Алабама находилась на грани принятия в качестве рабовладельческого штата и была принята в том же году, и, таким образом, обычай требовал признания Миссури свободным штатом. В 1790 году две части были почти равны по численности населения, но в 1820 году на Севере проживало почти на 700 000 человек больше, чем на Юге.

Миссури была частью покупки Луизианы, и в 1820 году у нее было более 10 000 рабов.

Была подготовлена обычная форма законопроекта, признающего ее, наряду с рабством, наравне с другими штатами. Он был вынесен на рассмотрение Палаты представителей во время сессии 1818-1819 годов, и мистер Толмедж из Нью-Йорка вызвал полемику, в которой приняли участие все великие государственные деятели Севера и Юга, находившиеся тогда на политической сцене.

Он предложил внести поправки в законопроект, запрещающие дальнейший ввоз рабов в Миссури и предусматривающие, что все дети, родившиеся в штате после его принятия, должны быть свободны в возрасте двадцати пяти лет.

Эта поправка стала сигналом для самой яростной оппозиции. Клей и Вебстер, У. М. Пинкни из Мэриленда и Руфус Кинг из Нью-Йорка, Джон Рэндольф из Роанока, Фишер Эймс и другие,

которые были в самом расцвете своей зрелости, участвовали в драке. В нем впервые прозвучали реальные угрозы разобщения, если будет нарушено рабство. Более чем возможно, что эти угрозы дошли до ушей Джона Адамса и Томаса Джефферсона, которые все еще были живы (41), и привели их в отчаяние от Республики.

Стоит отметить, что ни один из великих государственных деятелей, участвовавших в этой первой памятной битве, в которой Союзу угрожали из-за рабства, не дожидаясь того, чтобы столкнуться с разобщенностью фактически лицом к лицу.

Клей, в то время спикер Палаты представителей и обладавший большим влиянием, первым выступил против поправки. Хотя о его речи, как и о других выступлениях того времени, не сообщалось, мы знаем, что он отрицал полномочия Конгресса навязывать условия новому штату после его вступления в Союз. Он отстаивал суверенное право каждого штата быть рабом или свободным. Он не заявлял, что является сторонником рабства. Он, однако, яростно утверждал, что ограничение рабства было жестоким по отношению к уже удерживаемым рабам. Хотя их численность была бы такой же, это настолько загнало бы их в узкие рамки, что подвергло бы их "в старых, истощенных Штатах нужде и даже тощей и изможденной голодной смерти, вместо того чтобы позволить им разделить изобилие нового Запада". (42) (Какой аргумент в пользу увековечения аморального поступка! Так что распространите его по всему миру, чтобы сделать тонким и в то же время откормить!)

Аргументы Клея были самыми надуманными и весомыми из тех, что были выдвинуты против поправки. И они не преминули заявить, что поправка нарушает третью статью уступки Луизианы, о которой уже говорилось в другой связи.

Делегат от штата Миссури осудил поправку как позорную дискриминацию в отношении штата Миссури и рабства, которая поставила бы под угрозу Профсоюз; к этому последнему крику присоединился член из Джорджии.

Сторонники поправки бесстрашно ответили на речь Клея и выступления других. Палате представителей напомнили, что великий Указ 1787 года, принятый одновременно с принятием Конституции и одобренный и приведенный в исполнение ее создателями (некоторые из которых также были тогда членами Континентального конгресса), навсегда наложил абсолютный запрет на рабство, создав прецедент для того, чтобы Огайо, Индиана, Иллинойс и другие штаты были образованы из Северо-Западной территории; они показали, что договор с Францией не претендовал на увековечение рабства на уступленной территории; они осудили рабство как зло, неестественное, жестокое, противоречащее принципам Декларации независимости, и что в нем было всего лишь конституция допускала, а не одобряла это; и г-н Талмедж завершил дискуссию, охарактеризовав рабство как "бич рода человеческого", который, несомненно, навлечет "ужасные бедствия на человечество"; в заключение он смело бросил вызов тем, кто угрожал, в случае ограничения рабства, распустить Союз Штатов. Эта поправка была принята Палатой представителей 87 голосами против 76, но на той же сессии была отклонена в Сенате 22 голосами против 16; один сенатор от Массачусетса, один от Пенсильвании и двое от Иллинойса проголосовали за Юг. И снова слишком часто пугливые государственные деятели Севера поднимали свои знамена как раз в тот момент, когда битва была выиграна.

В январе (1820 г.) следующего Конгресса эта мера снова находилась на рассмотрении в Сенате, состоявшем тогда всего из сорока четырех членов. Именно тогда Руфус Кинг и У.М. Пинкни,

первый за, а второй против поправки об ограничении рабства, продемонстрировали свое красноречие. Пинкни, юрист широкого профиля, перефразировал отрывок Берка о том, что "дух свободы был более высок и надменен в рабовладельческих колониях, чем в тех, что расположены к северу". Он также, как и другие выходцы с Юга, отстаивал государственный суверенитет, впоследствии более широко называемый "правами штата", и со временем превратил его в доктрину, которая привела к аннулированию-Отделению-Войне.

На все эти речи в обеих палатах откликнулись умелые противники распространения рабства, но тем временем возник вопрос, который во многом способствовал признанию Миссури рабовладельческим штатом.

Штат Мэн, недавно отделившийся от Массачусетса, подал заявку на получение статуса штата, и ему нельзя было отказать.

Сенатор от Иллинойса (мистер Томас) внес положение, запрещающее рабство севернее 36 ° с.ш. 30' в приобретении Луизианы, за исключением Миссури.

Здесь, опять же, за счет свободы, появилась возможность для *компромисса*. За нее тут же ухватились. Было решено, что Мэн, где рабство ни при каких обстоятельствах не возникнет и не могло возникнуть, должен войти в Союз как свободный штат; Миссури - как рабовладельческий штат, и оговорка, ограничивающая рабство на остальной территории к югу от 36 град. 30' должен быть принят. Этот компромисс был принят в Сенате, а позже, после тщательного голосования по поправкам, Палата представителей также согласилась с ним. Джон Рэндольф и тридцать семь южан проголосовали против этого, и, если бы не слабовольные северяне, это провалилось бы. Этот компромисс Рэндольф назвал "*грязной сделкой*", а поддержавших его членов—северян он назвал "тупицами" - придуманное выражение, до сих пор известное в нашем политическом лексиконе.

Однако Миссури стал штатом только в августе 1821 года. Таким образом, только на время был решен этот вопрос.

Об этом Джефферсон написал, словно в пророчестве:

Этот важный вопрос, подобно пожарному колоколу в ночи, пробудил и наполнил меня ужасом. Я считал это похоронным звоном по Союзу".(43)

Клей писал о том, до какой степени разгорелись жаркие дебаты:

"Слова "гражданская война" и "разобщенность" произносятся почти без эмоций".(44)

(40) Позже Арканзас и Мичиган (1836-7 гг.), Флорида и Айова (3 марта 1845 г.), а также Мэн и Миссури были парами — рабовладельческими и свободными — признаны штатами.

(41) Оба умерли 4 июля 1826 года.

(42) Хилдрет, том vi., стр. 664.

(43) *Работы* Джефферсона, том vii., стр. 159.

(44) *Личное дело* Клэя, стр. 61.

XIII АННУЛИРОВАНИЕ—1832-3 (1835)

В Сенате Соединенных Штатов разгорелись дебаты по поводу резолюции сенатора Фут от Коннектикута, предлагающей ограничить продажу государственных земель, что вызвало широкий резонанс. Хейн из Южной Каролины подробно изложил доктрину аннулирования, утверждая, что она существует в каждом штате в соответствии с Конституцией. Он смело объявил, что созданный Союз был всего лишь *лигой* или *соглашением*. Это вызвало у Вебстера его знаменитый "Ответ Хейну" от 26 января 1830 года, в котором он критиковал и, по-видимому, ниспровергал новую тогда доктрину аннулирования. Он осудил его осуществление как несовместимое с лояльным соблюдением Конституции и исторически показал, что правительство, сформированное в соответствии с ней, не было простым "договором" или "*лигой*" между суверенными или независимыми государствами, которые могут быть прекращены по желанию. Затем он заявил, что любая попытка любого государства действовать в соответствии с теорией аннулирования неизбежно повлечет за собой гражданскую войну или распад Союза.

Однако первая реальная попытка аннулирования или первая попытка штата объявить законы Конгресса недействительными и не имеющими обязательной силы, если они не одобрены штатом, была предпринята в Южной Каролине в 1832 году под руководством Джона К. Кэлхуна, тогдашнего вице-президента Соединенных Штатов, а до сих пор государственного деятеля с такой большой репутацией, который считался настолько умеренным и патриотичным в своих взглядах по всем национальным вопросам, что рассматривался, с особого одобрения Севера, как в высшей степени подходящий кандидат на президентский пост. Он надеялся, что стремился к этому, пока не поссорился с президентом Джексон; он был сторонником защитного тарифа.

Хлопок был, как мы видели, основной статьей экспорта, и плантаторы-рабовладельцы, выращивавшие хлопок, пришли к выводу, что для обеспечения ему рынка сбыта не должно быть пошлин на импорт и что отечественное производство необходимых для потребления товаров ограничит иностранный спрос на сырье. Кроме того, Юг с его рабским трудом не мог заниматься производством. Тариф на импорт означал защиту отечественной промышленности и бесплатную белую рабочую силу, что противоречило рабству. Некоторые ведущие государственные деятели Юга, приверженцы рабства, яростно выступали против ратификации Конституции 1787 года на том основании, что, поскольку она уполномочивала Конгресс взимать импортные пошлины, это поощряло бы развитие отечественной промышленности с использованием бесплатной рабочей силы; и они пророчествовали, что с ними рабство в конечном итоге станет нерентабельным и, следовательно, непопулярным, следовательно, умрет. Эта идея никогда не покидала умы южан, поэтому, когда была сформирована Конфедерация 1861 года, ее Конституция (оформленная в Монтгомери, штат Алабама) запрещала подобные пошлины по той простой причине, что ни одна отрасль промышленности не должна была продвигаться в новом правительстве рабовладельцев, используя этот язык:

"Также не должны устанавливаться никакие пошлины или налоги на импорт из иностранных государств для продвижения какой-либо отрасли промышленности". (45)

Тогда предполагалось, что это самый высокий оплот рабства. Его приверженцы понимали его силу и слабость. Независимый, хорошо оплачиваемый свободный труд и отрасли промышленности (46) облагородили бы людей тяжелого труда, принесли богатство и власть,

построили густонаселенные города и, следовательно, сокрушили бы, политически и иным образом, институт рабства или вовлекли бы в успешное социальное соревнование с живущими на плантациях богатыми жителями, которые не знали рабства и его деморализующего влияния.

Уже в 1832 году влияние протекционизма на процветание нашей страны было очевидным, особенно после принятия Закона о тарифах 1828 года, который устанавливал пошлину, эквивалентную 45 процентам. *ad valorem*. Закон 1832 года немного сократил пошлины, но поскольку утверждалось, что он распределяет их неравномерно, в качестве средства правовой защиты была выбрана отмена.

Строгие конструкционисты того времени согласились с тем, что Законодательное собрание штата не может объявить закон Соединенных Штатов недействительным, но для этого *народ* должен выступить на съезде. Такая конвенция собралась в Южной Каролине в ноябре 1832 года и приняла Постановление об аннулировании, объявляющее тарифные акты "недействительными", не имеющими обязательной силы для штата, и что в соответствии с ними никакие пошлины не должны уплачиваться в штате после 1 февраля 1833 года.

Сразу же после этого были отчеканены медали с надписью "*Джон К. Кэлхун, первый президент Южной Конфедерации*". Аннулирование, провозглашенное таким образом, было законным предшественником отделения.

Президент Джексон, с его героической любовью к Союзу, рассматривал это движение только как *государственную измену*; он называл это так в своих прокламациях; он приготовился взимать пошлины в Чарльстоне или конфисковывать грузы; присутствием генерала Скотта он предупредил аннулирующих, что его быстро используют для принуждения штата к лояльности; и он, казалось, стремился найти предлог для ареста, осуждения за государственную измену и повешения Калхуна, который затем отправился в Вашингтон в качестве сенатора, сложив с себя полномочия вице-президента.(47)

Джексон кратко сказал:

"Сказать, что любое государство может по своему желанию выйти из состава Союза, значит сказать, что Соединенные Штаты не являются нацией".

Ситуация была слишком напряженной для нервов Кэлхуна. Противостоять возмущенной нации, возглавляемой бесстрашным, никогда не сомневающимся президентом, тогда было совсем не так, как в 1860-61 годах, когда президентом был Бьюкенен, окруженный предателями в своем кабинете. Калхун и его штат пошли на попятную, и импортные пошлины в Южной Каролине продолжали взиматься, хотя постепенное их снижение послужило для Калхуна и его друзей в Конгрессе поводом в 1833 году проголосовать за закон о защитных тарифах, который совсем недавно был ими объявлен неконституционным.(48)

В связи с принятием "Силового законопроекта" и нового закона о тарифах (15 марта 1833 г.) в Южной Каролине был отменен Указ о признании недействительным. Следующий Указ об отделении этого штата (1860 г.) был основан на принципах первого и доктринах Калхуна, причем рабство было прямой, как и косвенной, причиной их первого провозглашения. Здесь мы не должны предвосхищать.

В ходе дебатов 1833 года между Вебстером и Кэлхуном первый, как и в своем замечательном ответе Хейну (49), изложил Конституцию как "Хартию союза для всех штатов".

"Конституция не предусматривает событий, которым должно предшествовать ее собственное уничтожение.

"Конституция - это не лига, конфедерация или соглашение между народами нескольких штатов в их суверенном качестве, а собственно правительство, основанное на одобрении народа и устанавливающее прямые отношения между собой и отдельными лицами. Что ни одна государственная власть не имеет права разорвать эти отношения. Что в отношении определенных целей народ Соединенных Штатов - единый народ".

Аннулирование, предпринятое сначала из-за защитного тарифа для приютов и молодых отраслей промышленности, а также из-за необходимых доходов федеральному правительству, было через два года перенесено его автором Кэлхуном на новую причину, по которой можно попытаться оправдать его, — с тарифа на домашнее рабство. Вскоре Кэлхун обнаружил и признал, что Юг не может быть объединен против Севера и *заработанность* в противодействии защитному тарифу. Поэтому он немедленно воспользовался возможностью выдвинуть в Конгрессе вопрос о рабстве и напасть на "*агитаторов*" и противников распространения рабства на Севере и пригрозить разобщением, если институту рабства не будет позволено диктовать политический курс Республики.

Стоит кратко изложить точный метод возрождения в Конгрессе всей темы рабства так скоро после того, как отмена была так явно подавлена Джексоном.

Президент Джексон в своем Ежегодном послании в декабре 1835 года привлек внимание к попыткам использовать почту для распространения материалов, рассчитанных на то, чтобы подстрекать рабов к восстанию, но он не рекомендовал принимать какие-либо законодательные акты для предотвращения этого. Мистер Кэлхун внес в Сенат предложение, чтобы большая часть сообщений, касающихся почтовой перевозки зажигательных публикаций, была передана избранному комитету из пяти человек.

Его назначили председателем этого комитета, и по его просьбе в состав комитета были включены еще трое с Юга и только один с Севера, и он быстро составил подробный и тщательно подготовленный доклад, в котором была изложена вся доктрина прав государств и аннулирования.

В нем он сказал:

"Что Государства, образующие наш Федеральный союз, являются суверенными и независимыми сообществами, связанными конституционным *договором* обладают всеми полномочиями, принадлежащими отдельным штатам и т.д.

"Сам Договор прямо предусматривает, что все не делегированные полномочия принадлежат штатам и народу . . . Возвращаясь к Конституции, станет ясно, что, хотя право защищать страну *отвнешней* опасности находится среди перечисленных, в документе совершенно умалчивается о праве защищать *внутренний* мир и безопасность Штатов: и, конечно, оставляет за Штатами это важное право и т.д.

"Определять, какие документы являются подстрекательскими и предназначены для возбуждения восстания среди рабов и т.д., принадлежит рабовладельческим штатам, институты которых находятся в опасности, а не Конгрессу, как предполагается в послании.

"Уже было заявлено, что штаты, составляющие наш Федеральный союз, являются суверенными и независимыми сообществами, объединенными конституционным договором. Среди его членов законы наций имеют полную силу и обязательны для исполнения, за исключением случаев, когда они изменены договором и т.д.

"В своих пределах рабовладельческие государства обладают столь же полным правом требовать от государств, в пределах границ и юрисдикции которых нарушается их мир, принятия мер, необходимых для предотвращения того же, и, в случае отказа или пренебрежения, *прибегать к средствам самозащиты*, как если бы они были отдельными и независимыми сообществами".

Здесь, пожалуй, было сделано самое четкое заявление не только о независимости штатов от федерального вмешательства и об их праве по собственной прихоти нарушать "*договор*", но и о праве рабовладельческих штатов диктовать другим штатам законодательство по вопросу рабства.

Это была одновременно декларация независимости Южных штатов и декларация их права держать все Северные штаты в таком подчинении, чтобы они были обязаны по первому требованию принимать и приводить в исполнение любой предписанный закон в интересах борьбы с рабством. Юг должен был быть единственным судьей в вопросе о том, какой закон по этому вопросу необходим для целей рабства.

От федерального правительства по этому вопросу не требовалось никаких обязательств; и южные штаты, по словам Кэлхуна, не были обязаны выполнять их там, где речь шла о рабстве.

Кэлхун и его комитет не смогли обнаружить в Южных штатах никакой силы для выполнения своих требований, кроме как действовать как отдельные и независимые сообщества, то есть создавать свои собственные. Логически это привело к разобщению, как и предполагалось.

В этом отчете было много изложений и заявлений о том, что целью Севера было освобождение рабов и через посредство организованных обществ по борьбе с рабством вызвать восстания рабов. Фанатизм Севера был осужден, а характер рабства и его мудрость как социального института подтверждены.

Далее он сказал:

"Тот, кто рассматривает рабство в этих Штатах просто как отношения хозяина и раба, какими бы важными ни были эти отношения, рассматриваемые просто как вопрос собственности для рабовладельческой части Союза, имеет очень несовершенное представление об этом институте и невозможности его отмены без катастроф, не имеющих аналогов в мировой истории. Чтобы полностью понять его природу и важность, необходимо иметь в виду, что рабство в том виде, в каком оно существует в Южных Штатах, включает в себя не *только отношения господина и раба, но также социальные и политические отношения двух рас,*

почти равных по численности, из разных уголков земного шара, и наиболее противоположных из всех остальных в каждой особенности, которая отличает одну расу людей от другой ".

Весь отчет изобилует обвинениями в адрес Севера и был полон предупреждений о том, что сделает Юг, если его требования не будут выполнены. Законопроект, внесенный комитетом, был более примечательным, чем сам доклад, и полностью противоречил его доктрине.

Законопроект предусматривал высокие штрафы для любого почтмейстера, который сознательно получит и отправит по почте любую публикацию или фотографию, *затрагивающую тему рабства*, за въезд в любой штат или территорию, на которых их распространение *запрещено законом штата*.

В отчете делался вывод:

"Если вы примете такое решение, отказавшись принять этот законопроект, я скажу жителям Юга: присмотрите за собой.

"Но я должен сказать Сенату, каким бы ни было ваше решение, Юг никогда не откажется от принципов этого законопроекта У нас есть средство в наших собственных руках".

Клей, Вебстер, Бентон и другие умело и эффективно боролись как с докладом, так и с законопроектом, и последний потерпел неудачу (25 против 19) в Сенате.

Помимо отрицания доктрины доклада, они показали, что зло заключается не в рассылке, а в том, что их собственные граждане извлекают из писем и распространяют предполагаемые нежелательные публикации.

Бентон, сам рабовладелец, тогда и в последующие годы подвергал критике доктрину этого доклада и провозгласил ее *"рождением разобщенности"*. Он также показал, что Кэлхун больше радовался пропаганде рабства, чем осуждал ее; что он глубоко надеялся, что в вопросе рабства Юг будет объединен и сформируется Конфедерация рабовладельцев.(50)

В подтверждение этого мистер Бентон цитирует письмо мистера Кэлхуна джентльмену из Алабамы (1847 г.), в котором он говорит:

"Я очень удовлетворен тоном и взглядами вашего письма и полностью согласен с выраженным вами мнением, что вместо того, чтобы уклоняться, мы должны обсудить с Севером проблему рабства. Я бы даже пошел на шаг дальше и добавил, что это наш долг *-навязать этот вопрос Северу*. Сейчас мы относительно сильнее, чем будем в будущем, политически и морально. Если мы не решим этот вопрос, промедление для нас будет действительно опасным Нечто подобное было необходимо Югу. Напротив, если мы не встретим это должным образом, я боюсь, очень боюсь, что наша *участь* будет предрешена".(51)

Комментарии излишни, но в письме почти ликуяще упоминается, что было предложено условие Уилмота, поскольку оно дало возможность объединить Юг.

Далее следует:

"Исходя из этого впечатления, я бы расценил любой компромисс или корректировку положения, *или даже его отмену* без учета опасности во всей ее длине и широте, как очень неудачную для нас.

В связи с этим возникает вопрос, как это можно выполнить, не прибегая к роспуску Союза.

"Есть и может быть только одно средство от разобщения, и это - ответные меры с нашей стороны, отказываясь выполнять условия в их (других государств) пользу или такие, которые мы можем выбрать как наиболее эффективные".

В письме, в котором все еще обсуждаются способы роспуска или ответных мер против Северных штатов, объявляется, что соглашение Южных штатов необходимо, а их сотрудничество абсолютно необходимо для успеха, и говорится:

"Пусть это будет объявлено, и пусть оно примет меры для налаживания сотрудничества, а я бы поручился за все остальное. Не Рабовладельческие штаты были бы вынуждены соблюдать положения Конституции *в нашу пользу* или отказаться от своей торговли с нами, *или принять меры по принуждению нас*, что возложило бы на них ответственность за роспуск Союза. Их безграничная алчность в конце концов взяла бы над ними верх".(52)

Несомненно, что героическое провозглашение президента Джексона в декабре 1832 года сорвало проект аннулирования в соответствии с Указом Южной Каролины, и несомненно также, что разочарованные его лидеры перешли от защитного тарифа в качестве основания для этого к тому, что они считали лучшим оправданием, а именно: к агитации за рабство, вызванной ложной тревогой в рабовладельческих штатах.

После тарифного компромисса 1833 года, на который Кэлхун угрюмо согласился, он вернулся домой и немедленно объявил, что Юг никогда не объединится против Севера по тарифному вопросу, — "Что сахарные интересы Луизианы не позволят ей вмешаться, — и, следовательно, основа Южного союза должна быть перенесена на рабовладельческий вопрос", что и было сделано соответствующим образом.(53)

Сообщается, что Джексон, обсуждая аннулирование, сказал:

- На этот раз это был *тариф*; в следующий раз это будет *негр*.

Этот новый и опасный отъезд не остался незамеченным. Отчет и законопроект 1835 года, касающиеся использования почты, были лишь главой в осуществлении нового плана.

Наблюдательные друзья Профсоюза не упустили из виду это движение и не поняли его неправильно. Мистер Клей в мае 1833 года написал письмо мистеру Мэдисону, в котором выразил свои опасения по поводу новой опасности, на что получил от него незамедлительный ответ.

Мистер Мэдисон в своем письме сказал:

"Больно видеть непрекращающиеся попытки встревожить Юг обвинениями Севера в неконституционных замыслах в отношении рабов. Вы правы. Я не сомневаюсь, что в теле наших северных братьев нет такой склонности к вмешательству. Их добросовестность в достаточной степени гарантируется их заинтересованностью как торговцев, судовладельцев и промышленников в сохранении союза с рабовладельческими государствами. С другой стороны, какое безумие на Юге искать большей безопасности *вразобщенности*".(54)

То, что Клей и Мэдисон увидели в 1833 году в качестве реальной отправной точки для окончательного отделения, оказалось правдой для истории. С этого времени начинаются махинации, которые последовательно привели к фактическому роспуску Союза в 1860-61 годах; затем к войне по принуждению; затем к искоренению рабства. Именно безумие Юга ускорило уничтожение американского рабства. "Кого боги хотели уничтожить, они сначала сводили с ума".

Оправданием даже такого большого значения, придаваемого "аннулированию", является то, что менее чем за тридцать лет под новым названием — "права штата" - оно привело к расколу и осветило всю страну пламенем и безумием внутренней войны, которые не утихали еще четыре года; и то только тогда, когда рабство было уничтожено.

Великое движение за отмену смертной казни всерьез началось 1 января 1831 г. У. М. Ллойд Гаррисон опубликовал в Бостоне "*Освободитель*" под девизом "*Наши соотечественники — все человечество*". Бенджамин Ланди и, возможно, другие предшествовали Гаррисону, но движение за отмену смертной казни распространилось только после дебатов Вебстера-Хейна. С тех пор она пустила более глубокие корни в человеческом сознании, и у нее были сторонники решительного духа по всему Северу, которых бесстрашно вел не только Гаррисон, но и преподобный доктор Ченнинг, преподобный Джеймс Фримен Кларк, а позже преподобный Сэмюэл Мэй (Сиракузы, Нью-Йорк), Джеррит Смит, поэт Уиттиер, Уэнделл Филлипс, Теодор Паркер, Гораций Манн, Чарльз Самнер, Джошуа Р. Гиддингс, Оуэн Лавджой и другие, которые выступали с кафедры, трибуны, а некоторые и в залах законодательства; другие - в судах и через прессу. Применение закона о беглых рабах часто носило насильственный характер и всегда подливало масла в огонь ожесточенной и постоянно растущей оппозиции рабству.

Антирабовладельческая партия не была полностью построена на абстрактных чувствах филантропов, но она включала физическое сопротивление: насилие на насилие.

Американское общество борьбы с рабством было основано на Национальном съезде против рабства, состоявшемся в Филадельфии в декабре 1831 года.

Сразу после создания "*Освободителя*" произошло восстание Ната Тернера в округе Саутгемптон, штат Вирджиния (август 1831 года). Это дало Югу новую почву для жалоб на Север. Восстание Тернера было признано законным плодом агитации за отмену смертной казни. Тернер был африканцем с природными способностями, который бегло цитировал Библию, усердно молился и проповедовал своим товарищам-рабам.

Он рассказал им, как и Жанна д'Арк, о "*Голосах*" и "*Видениях*", а также о своем общении со Святым Духом. Солнечное затмение было сигналом нанести удар по врагам и бороться за свободу. Резня длилась сорок восемь часов, и шестьдесят один белый, женщины и дети, не пощадили и стали жертвами. С другой стороны, негров расстреливали, пытали, вешали и сжигали на кострах при малейшем подозрении в соучастии.

Восстание негров-рабов имени Ната Тернера - единственное известное восстание рабов в Соединенных Штатах. Возможно, рассматривались и другие. Рейд Джона Брауна не был

восстанием негров. Даже в разгар войны (1861-1865), которую большинство рабов считали войной за свою свободу, восстания были неизвестны.(55)

Африканская раса, наиболее обиженная на протяжении веков, была самой послушной и наименее мстительной из рас мира.

(45) Федеральный Закон, статья 1, раздел 8, пункт 1.

(46) Во времена рабства на Юге практически не было мануфактур.

(47) Бентон, *Взгляд на тридцать лет*, том i, стр. 343.

(48) Родос, *История США*, том i, стр. 49-50.

(49) 26 января 1830 года.

(50) Этот отчет и историю смотрите в книге Бентона "*Взгляд за тридцать лет*", том i, стр. 580 и др.

(51) *Взгляд за тридцать лет*, том ii, глава ii. clxxxix.; Исторический и т.д. Экспертиза, *Дело Дреда Скотта* (Бентон), стр. 139.

(52) Историческое и др. исследование, *дело Дреда Скотта* (Бентон), стр. 141-4.

(53) *Там же.*, стр. 181.

(54) Исторический и др. Пример, *Дело Дреда Скотта*, стр. 181-2.

(55) Еще в 1660 году в колониях произошло несколько небольших восстаний, а некоторым угрожала опасность, когда виновные негры или индейцы были наказаны распятием, сожжением и голодной смертью; другие восстания произошли на Каролинских островах и в Джорджии в 1734 году, а восстание Катона произошло в Стоно, Южная Каролина, в 1740 году. В 1712 году в Нью-Йорке был широко распространен "Негритянский заговор". Эти попытки встревожили колонии и побудили некоторые из них предпринять шаги по отмене рабства.—*Поддержка африканской работорговли США*, стр. 6, 10, 22, 206.

XIV ТЕХАС —ВСТУПЛЕНИЕ В СОЮЗ (1845)

Техас был провинцией Мексики, когда последняя отделилась от Испании в результате "Провозглашения независимости" Итурбиде (24 февраля 1821 г.) с целью установления конституционной монархии. По прошествии примерно двух лет правления Итурбиде эта форма правления была свергнута, и он был вынужден (19 марта 1823 г.) сложить с себя корону. Благодаря усилиям, главным образом генерала Санта-Анны, была создана Республика в соответствии с Конституцией, во многом созданной по образцу Конституции Соединенных Штатов, которая полностью вступила в силу 4 октября 1824 года. Испания официально признала независимость Мексики только в 1836 году. Мексиканская республика была против рабства, и после того, как некоторые из ее провинций провозгласили свободу рабам, ее президент (Герро) 15 сентября 1829 года издал указ о его полной отмене, но поскольку Техас из-за поселенцев-рабовладельцев из Соединенных Штатов не согласился с этим указом, 5 апреля 1837 года Мексиканский конгресс также отменил рабство без исключения в Техасе. Несмотря на эти

указы, американские поселенцы привезли рабов в Техас, который стал частью штата Коауила, конституция которого также запрещала ввоз рабов.

Таким образом, распространение рабства на юго-запад было отрезано державой, которая вряд ли когда-либо сочувствовала ему. Стоит отметить, что ни независимая испанская кровь (несмотря на глубокую вину Испании в ведении работорговли), ни эта кровь, смешанная с индейской, ни сами мексиканские индейцы никогда добровольно не поддерживали человеческое рабство в Америке. Установленная Конституцией религия Мексики, являющаяся римско-католической, не допускала ее увековечения. Папа Римский в девятнадцатом веке и ранее осуждал это как бесчеловечное и противоречащее божественному правосудию.

Сохранение рабства в Техасе считалось первостепенно важным для Юга, и поскольку рабство не могло существовать в Техасе под властью Мексики, были предприняты усилия по обеспечению его независимости, а затем присоединению к Соединенным Штатам как государству, в котором должно существовать рабство. Даже Клей, будучи государственным секретарем при Адамсе, в 1827 году предложил приобрести Техас. Президент Джексон в 1830 году предложил за Техас 5 000 000 долларов. Мексиканское правительство, предвидя надвигающуюся опасность, законом запретило американскую иммиграцию в Техас, но это было бесполезно, поскольку все более беспринципная рука рабства тянулась к большему пространству и территории, чтобы увековечить себя. Американцы, как и их кровные родственники англичане, тогда не считались с правами других, особенно слабых, когда речь шла о власти рабов.

Сэм Хьюстон из Теннесси, способный человек, сражавшийся под началом Джексона в войнах с индейцами, вдохновленный своими выступлениями за рабство в 1835 году, открыто отправился в Техас, чтобы отвоевать Техас у свободной Мексики, и, как говорят, президент Джексон не был в неведении относительно его истинных намерений.

Печальные внутривнутриполитические разногласия в Мексике дали вторгшимся американцам повод для споров, которые вскоре привели к желанным конфликтам с мексиканскими властями.

Санта-Анна, который в результате революции поставил себя во главе Новой Мексиканской республики, попытался принудить вторгшихся поселенцев к соблюдению законов, но в этом преуспел лишь частично. 2 марта 1836 года была издана *Техасская декларация независимости*, подписанная примерно *шестидестью* мужчинами, двое из которых были только техасско-мексиканцами, и за этим последовала Конституция Республики Техас, главной из целей которой было установление рабства людей. Санта-Анна с естественной свирепостью испано-индейца вела ожесточенную войну с революционерами. Гарнизон из 250 человек в "Аламо", небольшой миссионерской церкви недалеко от Сан-Антонио, был взят им после героического сопротивления и перебит до одного человека.

"Фермопилы получили вестника поражения, но у Аламо его не было".

Дэвид Крокетт, необразованный, эксцентричный уроженец Теннесси, который был знаменитым охотником, бойцом с индейцами, рассказчиком историй, острословом и членом Конгресса три срока (где он выступал против президента Джексона и отказывался подчиняться любой партии, приказывающей ему "идти во-о-го-го-го", просто в свое удовольствие), здесь лишился жизни. 27 числа того же месяца в Голиаде были убиты еще 500 американцев. Эти зверства успешно использовались для того, чтобы вызвать сочувствие и вызвать волнение в Соединенных Штатах.

21 апреля 1836 года при Сан-Хасинто произошло решающее сражение между армией Санта-Анны численностью 1500 человек и корпусом численностью 800 человек под командованием генерала Сэма Хьюстона, в котором первая потерпела поражение, а Санта-Анна, президент Мексики, попал в плен. Находясь в плену, чтобы спасти свою жизнь, он немедленно заключил перемирие с Хьюстоном, согласившись эвакуировать Техас и добиться признания Мексикой его независимости. Впоследствии Мексиканский конгресс отказался. Но в октябре 1836 года с Конституцией, разработанной по образцу Конституции Соединенных Штатов, была организована Республика Техас (признающая рабство) с Хьюстоном в качестве президента, и сразу же Соединенные Штаты признали ее независимость.

Через несколько месяцев в Соединенные Штаты была подана заявка на принятие ее в Союз, но из-за цели разделить Техас на ряд рабовладельческих штатов, чтобы обеспечить преобладание политической власти рабов в Союзе, что из-за нехватки достаточного населения было невозможно сразу, ее прием был отложен, и Республика Техас Сэма Хьюстона просуществовала более восьми лет. Президент Ван Бюрен, сменивший Джексона на посту президента, был против его аннексии, и заниматься этим делом пришлось отступнику Тайлеру.

Он тоже потерпел бы неудачу, но мистер Апшур, его государственный секретарь, был убит в 1844 году случайным взрывом пушки, и Джон К. Кэлхун стал его преемником. Последний сразу же договорился об аннексионном договоре, но Сенат его отклонил. И Ван Бюрен, и Клей, ведущие кандидаты от своих соответствующих партий на пост президента в 1844 году, были против аннексии; первый потерпел поражение при выдвижении, а второй - на выборах, потому что во время агитации в угоду рабовладельческим вигам он стремился изменить свою позицию, тем самым потеряв своих друзей-противников рабства, "чьи голоса избрали бы его"; и Полк стал президентом. Аннексия, однако, не дождалась его администрации.

В Палате представителей в декабре 1844 года была предпринята попытка признать Техас наполовину свободным, наполовину рабовладельческим, образовав два штата.

Резолюциями Конгресса от 1 марта 1845 года было дано согласие на превращение Техаса в штат с целью аннексии; и для того, чтобы она могла быть принята в Союз, такие резолюции предусматривали, что впоследствии четыре других штата, с ее согласия, могут быть образованы на его территории. В августе следующего года была принята Конституция, запрещающая эмансипацию рабов (56) и разрешающая их ввоз в Техас, которая впоследствии была принята народом Республики Техас, в соответствии с которой Конгресс резолюцией (29 декабря 1845 г.) официально принял Техас в Союз — последнее признанное рабовладельческое государство.

В качестве подачки северным "тупицам" и для того, чтобы побудить их проголосовать за резолюции от 1 марта, в нем говорилось, что новые Штаты, расположенные к югу от 36 ° северной широты. 30"должны быть приняты с рабством или без него, как решат их жители, те, кто находится к северу от границы, без рабства. При последующей корректировке линии северной границы Техаса было обнаружено, что *они одна ее часть* не находилась в пределах двухсот миль от 36 °. 30'; таким образом, весь Техас (по территории империи, площадью 240 000 квадратных миль, что в шесть раз больше, чем Огайо) был, таким образом, навечно, по закону, отдан в рабство людям в заявленных интересах цивилизации девятнадцатого века. Интрига, недобросовестность, вероломство, с помощью которых было совершено это великое политическое и моральное преступление, были направлены против "дня гнева".

(56) Насколько отличается Конституция Техаса 1876 года, первый параграф которой гласит: "Техас - свободный и независимый штат".

XV МЕКСИКАНСКАЯ ВОЙНА —ПРИОБРЕТЕНИЕ КАЛИФОРНИИ И НЬЮ-МЕКСИКО 1846-8

С Техасом естественным образом возникло желание увеличить количество рабовладельческих территорий. Зло никогда не бывает пресыщенным; оно алчет, питаясь своей добычей.

Повод для ссоры возник из-за границы между Техасом и Мексикой. Соединенные Штаты несправедливо утверждали, что Рио-Гранде была юго-западной границей Техаса, а не Нуэсес, как утверждала Мексика. Мексика подверглась вторжению, ее города, включая древнюю столицу, были взяты, а ее плохо организованные армии разгромлены. Конгресс своим актом от 13 мая 1846 года объявил, что "в соответствии с актом Мексиканской Республики между этим правительством и Соединенными Штатами существовало состояние войны", и оно фактически закончилось в сентябре 1847 года, хотя окончательный мирный договор в Гваделупе Идальго был подписан только 2 февраля 1848 года. Хотя аннексия Техаса рассматривалась Мексикой как причина войны, все же она не объявляла войну на этом основании.

Для Соединенных Штатов был провозглашен принцип "явного предназначения". При ведении войны это с бесстыдной наглостью оправдывалось необходимостью того, что "*нам нужно место*" для двухсот миллионов жителей, которые вскоре окажутся под нашим флагом.

Отвечая на этот призыв сенатора Касса из Мичигана, сенатор Томас Корвин в духе пророчества сказал:

- Но вы по-прежнему говорите, что вам нужно *место* для ваших людей. Такова была просьба каждого главаря разбойников, начиная с Нимрода и по сей день. Осмелюсь сказать, когда Тамерлан сошел со своего трона, построенного из семидесяти тысяч человеческих черепов, и повел свои свирепые батальоны на дальнейшую резню, — осмелюсь сказать, он сказал: "Я хочу места". И Александр, могучий "Македонский безумец", когда он отправился со своими греками на равнины Индии и участвовал в кровавой битве на той самой земле, где недавно Англия и сикхи вступили в борьбу за "место" ... Сэр, он сделал для истории такого рода столько же, сколько вы когда-либо сможете. Господин Президент, вы помните последнюю главу в этой истории? Она скоро будет прочитана. О! Как бы я хотел, чтобы мы могли понять ее мораль. Сын Аммона (так звали Александра) после всех своих побед умер пьяным в Вавилоне. Огромная империя, которую он завоевал, чтобы "освободить место", стала добычей генералов, которых он обучал; она была разорена, разорвана на куски и так закончилась. Сэр, есть очень важное дополнение; оно заключается в следующем: потомками греков — греков времен Александра — теперь правит потомок Аттилы".

Благодаря жадности рабовладельцев был приобретен Техас, и они все еще жаждали новых рабовладельческих территорий, и только слабая Мексика могла быть истощена, чтобы получить их.

В Южной Калифорнии и Нью-Мексико был достаточно теплый климат для процветания рабства.

Война была далека от народной, хотя гордость национального патриотизма поддерживала ее. Клей и Вебстер оба были против этого, и каждый подарил этому по сыну.(57)

Авраам Линкольн, пробывший тогда в Конгрессе один срок, высказался против этого, но, как и большинство других членов, придерживающихся схожих взглядов, проголосовал за людей, деньги и припасы для его продолжения.

Сенатор Бентон из Миссури, друг администрации Полка по партии и сторонник войны, сказал:

Правда заключалась в том, что интрига ради мира была заложена еще до объявления войны! И эта интрига была даже частью плана развязывания войны. Невозможно представить себе администрацию, менее воинственную или более интригующую, чем администрация г-на Полка. Они были мирными людьми, цели которых можно было достичь с помощью войны Они хотели небольшой войны, достаточно масштабной, чтобы потребовать заключения мирного договора, и недостаточно масштабной, чтобы сделать военную репутацию опасной для президента".(58)

Было предсказано, что война продлится не более "90-120 дней". Предполагаемое завоевание Мексики было настолько пропитано предательством, что это предсказание оправдалось. Администрация вступила в сговор с тогдашним изгнанником Санта-Анной, "чтобы не препятствовать его возвращению в Мексику".

"Такова была договоренность с Санта-Анной! Мы отправили его обратно в Мексику, а он заключил с нами мир: конечно, *приятный мир* ... не без вознаграждения: и в этом случае потребовалось несколько миллионов долларов — не для него, конечно, а для того, чтобы он мог способствовать миру у себя дома".(59)

Соответственно, в августе 1846 года, перед Буэна-Виста и другими знаменательными успехами в войне, президент попросил выделить 2 000 000 долларов для содействия установлению мира.

Но уже возникли ревность и зависть к полевым генералам, кульминацией которых стало предложение президента Полка присвоить сенатору Томасу Х. Бентону (от его собственной партии) звание генерал-лейтенанта с полным командованием, заменив таким образом генералов-вигов Уинфилда Скотта и Захари Тейлора, которые в то время были возможными кандидатами в президенты.(60)

Ни для кого не было секретом приобретение Мексикой новых территорий, и законопроект о желаемом присвоении неожиданно вызвал самое ожесточенное обсуждение вопроса о рабстве, которое больше не утихало до тех пор, пока рабство не было ликвидировано в Союзе.

Представитель Демократической партии от Пенсильвании Дэвид Уилмот, который выступал за присоединение Калифорнии и Нью-Мексико с целью "*сохранения равновесия штатов*" и в качестве компенсации уже приобретенному рабовладельческому штату Техас, который, как тогда ожидалось, вскоре будет разделен на пять рабовладельческих штатов, внес в августе 1846 года следующее условие в "законопроект о двух миллионах":

"Ни одна часть приобретаемой территории не должна быть открыта для введения рабства".

Эта знаменитая "Оговорка Уилмота" так и не стала частью какого-либо закона; ее единственное значение заключалось в ее частом представлении и ожесточенных дискуссиях по этому поводу.

До сих пор национальное преступление против Мексики имело своей очевидной целью распространение рабства.

Предложение захватить территорию Мексики и посвятить ее свободе привело сторонников рабства и войны в неистовство, и в высших кругах воцарился ужас.

Это условие было принято в Палате представителей, но провалилось в Сенате. В феврале 1847 года Палата представителей снова внесла его в "законопроект о трех миллионах", но, будучи вычеркнутым в Сенате, законопроект прошел Палату представителей без него. Но оговорка сделала свое дело; весь Север осознал ее важность, и *древесина* президента и Конгресса *Wilmot Proviso* ".....

Кэлхун, выражая большую тревогу и беспокойство по поводу Конституции, 19 февраля 1847 года внес на рассмотрение Сената свою знаменитую резолюцию, в которой, среди прочего, объявлялось, что Территории принадлежат "нескольким штатам ... как их совместная собственность". "Что принятие любого закона, который должен ... лишать граждан любого из Штатов ... права эмигрировать со своим имуществом [рабами] на любую из Территорий ... было бы нарушением Конституции и прав Штатов ... и имело бы прямую тенденцию к подрыву самого Союза".

Здесь в полную силу зародилась доктрина государственных прав, в которой воплотилась старая доктрина аннулирования. Бентон, говоря об опасном характере резолюции Кэлхуна, сказал о них:

"Как Сулла увидел в молодом цезаре много Мариусов, так и он увидел в них много ничтожеств".

Бентон, хорошо знакомый со всей историей рабства до, во время и после мексиканской войны, сам сенатор от рабовладельческого штата, говорит, что оговорка Уилмота "была тайно взлелеяна Кэлхуном и его друзьями как средство поддержания разногласий и обострения отношений между Севером и Югом", ссылаясь на уже цитировавшееся письмо мистера Кэлхуна из Алабамы от 1847 года в доказательство его заявления.

По Гваделупско-Идальгойскому мирному договору (февраль 1848 г.) за 15 000 000 долларов (более чем на 3 000 000 долларов больше, чем было выплачено Наполеону за покупку Луизианы) Нью-Мексико и Верхняя Калифорния были переданы Мексикой Соединенным Штатам, а Рио-Гранде от Эль-Пасо до ее устья стала границей между двумя странами. Верхняя Калифорния сейчас является штатом Калифорния, и приобретенный таким образом Нью-Мексико включал большую часть нынешнего Нью-Мексико, почти всю Аризону, практически всю Юту и Неваду, а также западную часть Колорадо площадью 545 000 квадратных миль, что вместе с покупкой Гадсденом по дальнейшему договору с Мексикой (30 декабря 1853 г.) еще на 10 000 000 долларов завершило разорение братской республики. Территория, приобретенная по последнему договору, теперь составляет южную часть Аризоны и юго-западный угол Нью-Мексико.

Почти одновременно с вторжением в Мексику и в рамках плана захвата ее территории Бьюкенен, тогдашний государственный секретарь, направил лейтенанта армии Соединенных Штатов Гиллеспи через Веракрус, город Мехико, и Масатлан в Монтерей, Верхняя Калифорния, якобы с депешами консулу, но на самом деле с целью вручения простого *рекомендательного письма* и устной просьбы капитану США Джону К. Фремонт, который в то время находился в исследовательской экспедиции к Тихоокеанскому побережью. Лейтенант нашел Фремонта на северной оконечности Большого озера Клатат, штат Орегон, среди враждебных индейцев. После вручения *письма* Гиллеспи устно передал от секретаря просьбу к нему

противодействовать любым иностранным замыслам в Калифорнии и развивать доброжелательность жителей к Соединенным Штатам.

Получив эту информацию, Фремонт вернулся в мае 1846 года (в месяц начала войны на Рио-Гранде) в долину Сакраменто. Его прибытие туда было своевременным, поскольку всегда цепкая рука британцев уже была в деле. Было положено начало (1) массовому убийству американских поселенцев, (2) переходу Калифорнии под британскую защиту и (3) передаче ее общественного достояния британским подданным. Фремонт даже не знал, что между Соединенными Штатами и Мексикой разразилась война, однако сначала он организовал оборонительную войну в долине Сакраменто для защиты американских поселенцев, и была пролита кровь; затем он решил свергнуть мексиканскую власть и установить "Независимость Калифорнии". Быстрота, с которой все это было проделано, была романтической. За тридцать дней вся Северная Калифорния была освобождена от мексиканского владычества — поднят флаг независимости; американские поселенцы были спасены, а британская партия свергнута.

Со времени его открытия сэром Фрэнсисом Дрейком — двести лет — Англия стремилась завладеть великолепным Калифорнийским заливом с его большим морским портом и притоками. Война между Соединенными Штатами и Мексикой казалась ей подходящим временем для приобретения, но ее усилиям, как на море, так и на суше, помешала ее единственная менее прожорливая дочь.(61)

Часто в человеческих делах события совпадают, чтобы контролировать или отклонять самые тщательно охраняемые планы. Калифорния и другие мексиканские приобретения были заранее определены партией войны — пропагандистами рабства — как территория рабовладельцев. Представители свободного штата мало что сделали для того, чтобы способствовать его краже и покупке, и поэтому утверждалось, что они по праву должны быть мало заинтересованы в его распоряжении.

Всего за девять дней (24 января 1848 г.) до подписания мирного договора (Гваделупе-Идальго) Джон А. Саттер, швейцарец по происхождению, немец по происхождению (Баден), американец по месту жительства и натурализации (Миссури), мексиканец, в свою очередь, по месту жительства и натурализации, вместе с Джеймсом А. Маршаллом, колесным мастером из Джерси, работавшим на Саттера, в то время как последний шел пешком по недавно построенной и недавно затопленной лесопилке tail-race в небольшой долине Коломья, примерно в сорока пяти милях от Сакраменто (тогда форт Саттера). В предгорьях Сьерры было обнаружено несколько мелких блестящих желтых частиц, которые оказались свободным золотом.(62)

"Проклятая жажда золота" теперь должна была вскоре превзойти проклятую жадность к большому количеству рабовладельческих территорий. Гонка была неравной. Весь мир включился в гонку за золотом. Жажда богатства охватила всех в равной степени: простого рабочего, мелкого фермера, торговца, механика, политика, юриста и священнослужителя, солдата и матроса армии и флота; из всех стран и климатов приезжали искатели золота; остались только рабовладелец со своими рабами. Последнему не было места среди свободных людей, которые сами размахивали киркой и раскачивали колыбель в поисках драгоценного металла.

Калифорния, Невада, Колорадо, Нью-Мексико и Аризона все еще отдают свое золото и серебро свободным добытчикам; и на финансовое состояние и процветание цивилизованных стран мира благоприятно повлияла эта добыча, но мы здесь не для того, чтобы говорить об этом. Рабство - это наш текст, и мы не должны отходить от него слишком далеко.

Возвращаясь к переговорам о заключении первого договора с Мексикой, мы обнаруживаем, что, к ее чести, хотя она и была вынуждена расстаться со своими владениями, она все же желала, чтобы они оставались свободными.

Рабство, как уже было показано, не существовало в Мексике по закону; а в Калифорнии и Нью-Мексико рабов не содержалось, поэтому во время переговоров мексиканские представители просили включить статью, предусматривающую, что рабство должно быть запрещено на всей территории, подлежащей передаче. Н. П. Трист, американский комиссар, немедленно и яростно возмутился простым упоминанием этого предмета. Он ответил, что если территория была приобретена были в десятки раз более ценные, и покрыты *ноги толщиной* с чистого золота, на одном условии, что рабство было бы исключен из него, то предложение было бы не на миг, ни даже доведены до сведения президента.(63)

Хотя призыв был обращен от имени человечества, "непобедимая англосаксонская раса" (так восклицал сенатор Престон в 1836 году) "не смогла прислушаться к молитве суеверного католицизма, подстрекаемого жалким священством".

Теперь, когда Калифорния и Нью-Мексико были территорией Соединенных Штатов, как можно было посвятить себя рабству, чтобы вознаградить друзей за его приобретение?

Поскольку рабство было запрещено мексиканским законодательством, эта территория по национальному праву должна оставаться свободной до тех пор, пока на ней не будет разрешено рабство законодательным актом. Этот древний и универсальный закон, однако, вскоре был проигнорирован или отвергнут сторонниками доктрины о том, что Конституция Соединенных Штатов распространилась на территории и в силу этого узаконила рабство людей на них и гарантировала гражданам штата право перевозить свою собственность, включая рабов—людей, на территорию Соединенных Штатов и там удерживать ее силой и защищать Конституцией вопреки недружественному территориальному законодательству или законодательству Конгресса. Это новое утверждение также возникло в мозгу Кэлхуна и было встречено истинным взглядом на рабство, а именно: что оно было создано исключительно законом; что оно нигде не существовало по естественному праву; что всякий раз, когда раба забирали из юрисдикции, где рабы могли содержаться по закону, в ту, где никакой закон не делал его рабом, с него снимали кандалы, и он становился свободным человеком. Была признана обоснованность правила, согласно которому гражданин государства может перевезти свое личное имущество из своего штата на Территорию, но утверждалось, что он не мог бы хранить его там, если бы оно не соответствовало законам Территории, признанной собственностью. Другими словами, он мог перевести свою собственность из штата на Территорию, но он не мог взять с собой закон своего штата, разрешающий ему владеть ею как собственностью. Закон *situs* имеет универсальное применение, регулирующее собственность.

Остается кратко отметить усилия по расширению и толкованию Конституции с единственной целью установить и увековечить человеческое рабство.

Незадолго до закрытия сессии Конгресса (1848-1849) г-н Уокер из Висконсина по инициативе Калхуна внес в качестве докладчика в законопроект об ассигнованиях раздел, предусматривающий временное правительство для таких территорий, включая положение о "*распространении действия Конституции Соединенных Штатов на Территории*". Это поразительное предложение было защищено Кэлхуном, и со свойственной ему прямоотой он признал, что истинной целью поправки было отменить антирабовладельческие законы Территорий и насадить там институт рабства вне досягаемости Конгресса или территориального законодательства.

Мистер Вебстер разъяснил Конституцию и выступил против недавно выдвинутой доктрины распространения рабства, но большинство членов Сената проголосовало за поправку.

Палата представителей, однако, проголосовала против райдера, и между двумя ветвями Конгресса это провалилось. Какое-то время выделение необходимых средств для правительства зависело от успеха этой меры.(64)

Таким образом, вновь приобретенные владения снова избежали обреченности на вечное рабство.

Но мы покончили с мексиканской войной и приобретением мексиканской территории. Остается рассказать, как распорядились этими обширными владениями. Ни одна его часть никогда не становилась рабской.

У администрации Полка не было времени распорядиться этим. Генерал Захари Тейлор, герой Пало-Альто, Ресаки, Монтерея и Буэна-Висты, стал президентом 4 марта 1849 года. У него не было никакого политического опыта, и он даже никогда не голосовал на выборах. Он был чисто профессиональным солдатом и южанином по рождению и воспитанию; был патриотом, обладал большим здравым смыслом и ничего не знал об интригах, был наделен высоким чувством справедливости и верил в права большинства. Он не принадлежал ни к какой клике, поощряющей, расширяющей или увековечивающей рабство, и, вероятно, в глубине души был против этого. Его друзья-южане не могли использовать его, и когда они потребовали от него, как от президента, помощи в насаждении рабства в Калифорнии, он не только отказался служить им, но и открыто заявил, что Калифорния должна быть свободной. Разными словами, но одинаково важными, он ответил им, как и генералу Вулу в критический момент битвы при Буэна-Виста. Вул заметил: "*Генерал, мы разгромлены*". Тейлор ответил: "*Это мне решать*".(65)

(57) Подполковник Генри Клей-младший пал при Буэна-Виста 23 февраля 1847 года, а майор Дж. Эдвард Вебстер умер в Сан-Анхеле, Мексика, 23 января 1848 года.

(58) *Взгляд за тридцать лет*, том ii., стр. 680.

(59) *Там же.*, стр. 681.

(60) Тейлор стал президентом в марте 1849 года, сменив Полка, и умер на своем посту 9 июля 1850 года. Скотт был выдвинут своей партией (виги) в 1852 году и потерпел поражение; Франклин Пирс, подчиненный военный генерал, был избран президентом своей партии (демократ) в 1852 году.

(61) *Взгляд на тридцать лет*, том ii., стр. 688-692.

(62) *История. Готовая ссылка.*, том i, стр. 350.

(63) Письмо Триста государственному секретарю Бьюкенену, Фон Хольст, том iii., стр. 334.

(64) Исторический пример и др., *Дело Дреда Скотта*, стр. 151-9. Это первый Конгресс, заседания которого продолжались после двенадцати часов ночи 3 марта по нечетным годам. Там же., стр. 136-9.

(65) *История. о мексиканской войне* (Уилкоккс), стр. 223.

XVI КОМПРОМИССНЫЕ МЕРЫ — 1850 г.

Агитация за рабство впервые началась в 1832 году из-за ложного вопроса о тарифах и обрушилась на страну в 1835 году по линии аннулирования и разобщения, и снова возродилась по окончании Мексиканской войны и яростно продолжалась в 1849 и 1850 годах. 1850 год навсегда останется памятным в истории Соединенных Штатов как год, когда были посеяны все пагубные семена разобщенности, которые выросли и созрели немногим более десяти лет спустя в *фактический разлад*. Ведущая газета Южной Каролины в своем новогоднем выпуске пророчески заявила:

"Когда будущий историк обратится к задаче изобразить расцвет, прогресс и упадок Американского союза, его внимание привлечет *1850 год*, поскольку он обозначает и представляет первую расстановку тех враждебных сил и противостоящих элементов, которые привели к распаду".

В конце правления Полка было опубликовано подстрекательское обращение, составленное и подписанное Кэлхуном и сорока одним другим членом Конгресса от рабовладельческих штатов, наполненное необоснованными обвинениями против Севера, которое якобы является предупреждением Югу о том, что существует цель отменить рабство и вызвать конфликт между белой и черной расами, а также Сан-домингоизировать Юг, чего можно было только избежать, говорится в обращении:

"Покидая дома наших предков и оставляя нашу страну нашим рабам, чтобы она стала постоянным пристанищем беспорядка, анархии, бедности, убожества и убогости".

Этот манифест не доходил до заявления о роспуске Союза, но в нем содержался призыв к Югу объединиться, заявив, что, если Север не уступит его требованиям, нападению подвергнется Юг, и

"Был бы оправдан всеми законами, человеческими и божественными, отразить столь опасный удар, не задумываясь о последствиях, и прибегнуть ко всем средствам, необходимым для этой цели".(66)

The *Южная пресса* была создана в Вашингтоне, чтобы пропагандировать преимущества разобщенности и настраивать Юг против Севера. В нем описывались преимущества, которые будут получены в результате независимости Юга; и предполагалось рассказать, как южные города восстановят колониальное превосходство; как корабли всех наций будут наводнять южные порты и увозить богатые товары, принося обильную прибыль, и как Великобритания станет союзником нового "Юга Соединенных Штатов". Короче говоря, в нем утверждалось, что конвенция Юга должна собраться и издать указ об отделении, если только Север не уступит

требованиям Юга о продлении рабства, о его защите в Штатах и о несомненном возвращении беглых рабов; он настоятельно призывал также провести военную подготовку для выполнения того, что может быть предписано конвенцией.

На самом деле в Нэшвилле, недалеко от дома Джексона, собрался съезд профсоюзов, но старый герой тогда был в могиле.(67) Предполагалось, что он будет представлять семь штатов. В нем предлагалось созвать "Южный конгресс". Только Южная Каролина и Миссисипи откликнулись на этот призыв. В Законодательном собрании Южной Каролины были произнесены речи об отделении и разобщении Союза, и по всему Югу были сделаны публичные обращения, а пресса выступала за роспуск Союза и угрожала им, если Север не уступит полностью.(68)

Все это и многое другое для немедленного введения рабства в Калифорнии и Нью-Мексико. Юг ясно видел, что свободные люди Республики твердо решили, что рабовладельческих государств больше быть не должно, но верил, что меркантильные, торговые люди и мелкие фермеры Севера не будут бороться за свои права, и поэтому запугивание казалось им обещающим успех.

Это оказало свое влияние на многих и, к сожалению, на некоторых величайших государственных деятелей Америки.

По странному совпадению Тридцать первый Конгресс, собравшийся в декабре 1849 г., включал в себя Вебстера, Клея, Калхуна, Бентона, Касса, Корвина, Сьюарда, Сэлмона П. Чейза, Джона П. Хейла, Хэмлина от штата Мэн, Джеймса М. Мейсона, Дугласа от Иллинойса, Фута и Дэвиса от Миссисипи, из Сената; и Джошуа Р. Гиддингса, Горация Манна, Уилмота от Пенсильвании, Роберта К. Шенка, Роберта К. Уинтропа, Александра Х. Стивенса, и Таддеус Стивенс из Палаты представителей.

Чтобы предотвратить надвигающуюся бурю рабовладельческой агитации, угрожавшей тогда разобщению, Клей с помощью ряда резолюций с целью "*прочного компромисса*" 29 января 1850 года предложил в Сенате общий план компромисса и комитет из тринадцати человек для представления законопроекта или законопроектов в соответствии с ним.

Его план заключался в следующем:

1. Принятие Калифорнии с ее свободной Конституцией.
2. Территориальные органы управления для другой территории, приобретенной у Мексики, без каких-либо ограничений в отношении рабства.
3. Предстоит определить спорную границу между Техасом и Нью-Мексико.
4. *Добросовестный* государственный долг Техаса, заключенный до аннексии, подлежит оплате за счет пошлин на иностранный импорт при условии, что Техас откажется от своих претензий на любую часть Нью-Мексико.
5. Заявление о нецелесообразности отмены рабства в округе Колумбия без согласия Мэриленда и населения Округа и без компенсации владельцам рабов.

6. Запрет работорговли в округе Колумбия.

7. Более эффективное положение о выдаче беглых рабов.

8. Заявление о том, что Конгресс не имеет полномочий вмешиваться в работорговлю между штатами.

Эти резолюции и воплощенный план привели к весьма примечательной дискуссии, в которой в основном приняли участие Клей, Вебстер, Кэлхун, Бентон, Сьюард и Фут. Дебаты открыл Клей. Он высказался за принятие Калифорнии с ее уже сформированной Конституцией свободного штата, но воскликнул:

- Я соглашусь с сенатором с Юга, который продвинулся дальше всех в разработке уголовных законов и введении самых суровых санкций за возвращение беглых рабов их владельцам.

Он, однако, пытался протянуть оливковую ветвь как Северу, так и Югу и выступал за Объединение. Он патетически умолял о взаимных уступках и осуждал, как он тогда предполагал, *войну* между секциями, восклицая:

"Война и распад Союза идентичны".

Предсказав, что если начнется война, то она будет более жестокой, кровавой, безжалостной и истребляющей, чем войны Греции, простолюдинов Англии или революции Франции, сенатор Клей предсказал, что это будет "война продолжительностью не в два или три года, а бесконечной, в ходе которой какой-нибудь Филипп или Александр, какой-нибудь Цезарь или Наполеон восстанут и разрубят Гордиев узел и решат проблему способности человека к самоуправлению, и сокрушат свободы обеих частей этой общей империи".

К счастью, события опровергли большинство этих пророчеств.

Затем выступил умирающий Калхун с последней речью в защиту рабства и о воображаемых несправедливостях Юга. Его последнее появление на публике было жалким. Сломленного возрастом и болезнями, закутанного во фланель, его отнесли в Капитолий, где он, пошатываясь, добрался до старого зала Сената и занял место. Он оказался слишком слаб, чтобы даже прочесть свое последнее предупреждение Северу и воззвать к своему любимому учреждению. Речь была написана и зачитана в его присутствии сенатором Мейсоном от Вирджинии. Он ссылаясь на неравенство в численности населения Севера и Юга, из-за которого "равновесие между двумя частями было нарушено". Он не признавал тот факт, что само рабство было причиной этого неравенства. Он заявил, что верит в то, что конечной целью Севера была "отмена рабства в Штатах". Он утверждал, что одна из "нитей" Союза охватывала "планы распространения Библии" и "поддержки доктрин и вероучений".

Он сказал:

"Первым из этих *шнуров* которые лопнули под его взрывной силой, был шнур могущественной Методистской епископальной церкви. Следующая *нить*, которая оборвалась, была у баптистов, одной из крупнейших и наиболее уважаемых деноминаций. Этот принцип пресвитерианства не полностью разрушен, но некоторые из его нитей ослабли. Церковь Епископальная - единственная из четырех великих протестантских деноминаций, которая остается нерушимой и цельной".

Он сослался на прочные узы, которые скрепляли две великие партии, и сказал:

"Этот мощный *шнур* работает не лучше, чем духовный. До такой степени союз уже был разрушен агитацией".

Он возложил на Северные врата всю вину за агитацию против рабства.

Признание Калифорнии свободным штатом стало непосредственной и волнующей причиной выступления Кэлхуна.

Уже 13 октября 1849 года, после сорокадневной сессии, Съезд в Калифорнии с большим единодушием принял Конституцию, которая месяц спустя была с таким же единодушием принята ее свободным золотодобывающим народом. Он запрещал рабство. Он был представлен Конгрессу президентом Тейлором, который рекомендовал немедленно признать Калифорнию в соответствии с ним в качестве штата.

Президент Тейлор не упустил из виду разобщающие движения. В своем первом и единственном послании Конгрессу он выразил свою привязанность к Союзу и предостерегающе сказал:

"По моему мнению, его роспуск был бы величайшим из бедствий, и предотвращение этого должно стать задачей каждого американца. От его сохранения должно зависеть наше собственное счастье и счастье бесчисленных грядущих поколений. Какие бы опасности ни угрожали ему, я буду стоять на его стороне и поддерживать его в целостности в полном объеме обязательств, налагаемых на меня Конституцией, и полномочий, которыми я наделен".

Особо рекомендуя сформировать территориальные правительства Нью-Мексико и Юты, предоставив им самим решать вопрос о рабстве, президент Тейлор в своем Послании далее сказал:

"Я повторяю торжественное предупреждение первого и наиболее прославленного из моих предшественников против предоставления каких-либо оснований для характеристики партий по географическому признаку".

Ссылаясь на эти отрывки, Кэлхун в своей последней речи сказал:

"Таким образом, его (Союз) нельзя спасти хвалебными речами в его адрес, какими бы великолепными или многочисленными они ни были. Крик "Союз, союз, славный союз" может предотвратить *разобщение* не больше, чем крик "Здоровье, здоровье, великолепное здоровье" со стороны врача может спасти от смерти пациента, который находится в опасной форме".

На намек президента на Вашингтон Кэлхун насмешливо заметил:

"В его истории не было ничего, что удержало бы нас от выхода из Союза, если он не сможет достичь целей, для которых он был создан".

Главными целями, ради которых был создан Союз, были, как он утверждал, сохранение, увековечивание и расширение института человеческого рабства. В противоположность этой речи он спросил и ответил:

"Как можно спасти Союз?"

"Предусмотреть включение положения в Конституцию путем внесения поправки, которая, по существу, вернет Югу право защищать себя до того, как равновесие между секциями было нарушено действиями этого правительства".

В речи не говорилось, какой именно должна была быть эта поправка, но выяснилось, что она должна была предусматривать избрание двух президентов, одного от свободных и одного от рабовладельческих Штатов, каждый из которых должен был утверждать все акты Конгресса до того, как они станут законами.

Об этом устройстве сенатор Бентон сказал:

"Никакое такое двуглавое правительство не могло бы работать даже на одной сессии Конгресса, точно так же, как два животных не могли бы работать вместе в плуге, повернув головы в противоположных направлениях".(69)

В том же месяце (31 марта 1850 г.) великий политический гладиатор и агитатор за рабство, создатель и распространитель доктрин разобщения был мертв; (70) но были другие, кто поддерживал и продвигал его работу к ее фатальному завершению.

Кэлхун рано считался искренним и честным человеком, патриотом умеренных взглядов, и одно время пользовался большим уважением как на Севере, так и на Юге. Считается, что неудачная ссора с президентом Джексоном разрушила его надежды стать президентом и настолько озлобила его, что он стал сторонником сначала аннулирования, а затем разобщения.

Здесь нет места подробно останавливаться на других поборниках великих дебатов по глиняным резолюциям.

18 апреля эти резолюции и другие, имеющие аналогичное значение, были переданы на рассмотрение комитета из тринадцати человек, председателем которого был Клей. Это был последний триумф Клея, и он принял его с величайшей радостью, хотя тогда был нездоров и быстро приближался к могиле.(71)

Выражая свою радость, Бентон в тогдашней речи сказал:

Мы все помним ту ночь. Казалось, он изнывал от наслаждения. Оно было слишком велико, чтобы сдерживаться. Оно вырвалось наружу. В полноте своей радости и от избытка чувств он приступил к серии поздравлений".(72)

Искренний старый герой был обречен на большое разочарование; однако он не дожил до того, чтобы увидеть, как его взгляды на рабство, содержащиеся в Компромиссных мерах, (1) были свергнуты актом Конгресса четыре года спустя, (2) решением Верховного суда семь лет спустя, а затем (3) был поднят вопрос, по которому Юг вышел из состава Союза и ускорил войну, в которой из-за жестокости, продолжительности и кровопролития его пророчества не оправдались. 8 мая этот достопамятный комитет сообщил о своих рекомендациях, несколько отличающихся от его резолюций.

В его отчете говорилось:

1. Отсрочка рассмотрения вопроса о приеме новых штатов, образованных из Техаса, до тех пор, пока они сами не представятся, когда Конгресс должен точно выполнить соглашение с Техасом, признав их.
2. Немедленное признание Калифорнии в тех границах, на которые она претендовала.
3. Создание территориального правительства, без оговорки Уилмота, для Нью-Мексико и Юты; охватывающее всю территорию, приобретенную у Мексики, не включенную в Калифорнию.
4. Последние две меры должны быть объединены в одном законопроекте.
5. Установление границы Техаса путем исключения всего Нью-Мексико с предоставлением денежного эквивалента Техасу; также должно быть частью законопроекта, включающего последние две меры.
6. Более эффективный закон о беглых рабах.
7. Запретить работорговлю, а не рабство, в округе Колумбия.

Также были представлены законопроекты по выполнению этих рекомендаций.

В обеих палатах Конгресса последовала дискуссия, которая продолжалась в течение пяти месяцев; и ежедневно Клей встречался и председательствовал на собраниях тех, кого он называл профсоюзными деятелями Сената, включая вигов и демократов.

Эти меры были поддержаны Клеем, Вебстером, Касом, Дугласом и Футом; против выступили Сьюард, Чейз, Хейл, Дэвис из Массачусетса и Дейтон, борцы с рабством; также Бентон, независимый демократ, рабовладелец из Миссури и округа Колумбия, (73) и Джефферсон Дэвис и другие люди южного типа Калхуна.

Президент Тейлор выступил против плана Клэя. Он назвал смешение несочетаемых тем "всеобъемлющим законопроектом". Он предпочитал рассматривать каждый вопрос по существу. Он рассматривал пограничный спор между Техасом и Нью-Мексико как вопрос между Соединенными Штатами и Нью-Мексико, а не между Техасом и Нью-Мексико. (74) Он высказался за принятие Калифорнии с ее Конституцией свободного штата. Еще раньше он объявил, что одобрит законопроект, содержащий оговорку Уилмота. Он с негодованием ответил на требования Стивенса и Тумб в интересах защиты рабства в сочетании с угрозой разобщения, дав им понять, что при необходимости сам выйдет на поле боя, чтобы обеспечить соблюдение законов, и если джентльмены поднимут мятеж, он повесит их, как повесил дезертиров и шпионов в Мексике. (75)

Тейлор умер (8 июля 1850 г.) в ожидании большой дискуссии, огорченный и подавленный нестабильным положением своей страны. Его последними словами были: *"Я всегда выполнял свой долг; я готов умереть. Я сожалею только о друзьях, которых оставляю позади."*

Он был великим солдатом и патриотом, и его характер вряд ли полностью оправдывал расхожее название "Грубый и готов к действию". Возможно, он всегда был готов, но не груб; напротив, он был человеком мира и порядка. После своего избрания на пост президента он пожелал, чтобы

для Калифорнии был принят какой-нибудь план, согласно которому "нож и револьвер боуи заменят там верховенством закона и порядка".(76)

В августе 1850 года большие дебаты прекратились, и в Сенате началось голосование. План "тринадцати" претерпел изменения, их законопроекты были разделены, им были предложены замены, и в несколько законопроектов было внесено множество поправок. Дэвис из Миссисипи настаивал на продлении компромиссной линии Миссури — 36°. 30' — до Тихого океана. Это вызвало наилучшие чувства мистера Клея. Он сказал:

"Поскольку я родом из рабовладельческого штата, я твердо, обдуманно и зрело решил, что никакая сила, никакая земная власть не заставит меня голосовать за положительное введение рабства ни к югу, ни к северу от этой черты. Сэр, в то время как вы упрекаете, и притом справедливо, наших британских предков за введение этого института на американском континенте, я, со своей стороны, не желаю, чтобы потомки нынешних жителей Калифорнии и Нью-Мексико упрекали нас в том, что мы делаем именно то, в чем мы упрекаем Великобританию за то, что она делает для нас".

Оговорка Уилмота появилась в последний раз, когда Сьюард предложил ее в качестве поправки. Он провалился в Сенате 23 голосами против 33.

Наконец, когда законопроект о приеме Калифорнии был готов к голосованию, Терни из Теннесси выступил за ограничение южной границы штата 36 градусами. 30', чтобы разрешить рабство на всей территории к югу от этой линии. Это не удалось, 24 против 32, Юг почти единодушно проголосовал за поправку.

Мистер Бентон был заметным исключением. Ему "друзья свободы" были многим обязаны за поддержку словами и голосованием. Хотя он был против плана Клея, он голосовал вместе с партией свободного государства по всем вопросам рабства, за исключением оговорки Уилмота, которую он считал ненужной для исключения рабства на территории, где законы Мексики, все еще действующие, исключали его.

Законопроект о Калифорнии был принят 13 августа с 34 по 18. Клей не зарегистрирован как голосующий. Возможно, он отсутствовал или работал в паре. Уэбстер стал государственным секретарем, а Уинтроп сменил его в Сенате. Чтобы подчеркнуть оппозицию, десять сенаторов немедленно зачитали на столе госсекретаря протест с целью его распространения в Журнале. После самых оживленных дебатов в этом было отказано как противоречащем прецеденту.(77) Протест представлял собой длинную жалобу против превращения Территории Калифорнии в штат без предварительной территориальной организации и предоставления Югу возможности превратить его в рабовладельческий штат, а также за признание его свободным штатом, что разрушает равновесие Штатов; протестующие заявляли, что если такой курс будет продолжаться, это приведет к распаду Союза. В августе был принят законопроект о создании штата Нью-Мексико с его нынешними границами, а также штата Юта, в результате чего оба штата стали штатами с рабством или без него. В то же время в Сенате был также принят закон о беглых рабах. Все законопроекты, охваченные компромиссом, в той или иной форме прошли Сенат, поступили в Палату представителей, где после некоторого оживленного обсуждения все они были приняты в сентябре следующего года и одобрены президентом Филмором.

Остается кратко рассказать о Законе о беглых рабах. Он был крайне ненавистен Северу. Было предусмотрено, что комиссары Соединенных Штатов будут действовать вместо магистратов

штатов, на которых Законом 1793 года была предпринята попытка передать юрисдикцию. *Свидетельских показаний Ex-parte* было достаточно для установления личности заявленного негра, а также письменных показаний агента или адвоката было достаточно. Предполагаемому беглецу ни при каких обстоятельствах не разрешалось давать показания. Ему было отказано в праве на суд присяжных. Дела должны были рассматриваться в упрощенном порядке. Истец был уполномочен применить всю необходимую силу, чтобы выдворить беглеца, признанного рабом. На всем процессе любому суду или судье было запрещено приставать к истцу, его агенту или адвокату, увозя осужденного раба. Маршалы Соединенных Штатов и их заместители были уполномочены вызывать случайных прохожих в качестве *отрядного комитета*; и закон предписывал всем добропорядочным гражданам оказывать помощь в быстром и эффективном исполнении закона; всем им грозило суровое наказание за невыполнение этого требования. Офицеры несли ответственность по гражданскому иску за стоимость негра, если он сбежит. Крупный штраф или тюремное заключение должны были налагаться за препятствование аресту, или за спасение или попытку спасения, или за укрывательство или сокрытие беглеца, и, если какое-либо лицо было признано виновным в его побеге, дополнительный штраф в размере 1000 долларов в качестве компенсации гражданского ущерба владельцу. В случае, если комиссар выносил решение, что негр был рабом истца, его гонорар устанавливался в размере 10 долларов, а если он увольнял негра, то всего 5 долларов. Заявитель имел право, в случае предполагаемой опасности, потребовать от офицера, арестовывающего беглеца, доставить его в штат, из которого он бежал, с правом нанять для оказания ему помощи столько людей, сколько он сочтет необходимым, при этом расходы должны быть оплачены из Казначейства Соединенных Штатов. Этот акт стал законом 18 сентября 1850 года. Закон содержал так много одиозных положений, противоречащих всем принципам естественной справедливости и судебным прецедентам, что его нельзя было применять во многих местах на Севере. Совесть цивилизованных людей восстала против этого, и аболиционисты не преминули преувеличить его несправедливость; с другой стороны, агитаторы за рабство увидели в его несовершенном исполнении новые и дополнительные основания для жалоб на Север.

То, что, таким образом, должно было стать урегулированием рабовладельческой агитации, на самом деле оказалось самым жестоким ее возобновлением.

Вебстер, как и Клей, не дожили до следующей масштабной дискуссии в Конгрессе по вопросу о рабстве, в результате которой было отменено многое из того, что должно было быть урегулировано; они также не дожили до того, чтобы услышать, как верховный судебный трибунал Союза огласил ужасающие доктрины решения Дреда Скотта. Вебстер умер 24 октября 1852 года. Бентон дожил до того, чтобы осудить великий трибунал за это решение в самых яростных выражениях. Он умер 10 апреля 1858 года. Но мало кто из ведущих участников дебатов 1850 года дожил до того, чтобы стать свидетелем окончательного свержения рабства. Льюис Касс, однако, который, хотя и был демократом, в целом следовал за Клеем и поддерживал его компромиссный план, не только стал свидетелем рождения новой доктрины "Суверенитета скваттеров" (и поддержал ее), но и услышал, что рабство, по мнению нашего Верховного суда, было почти национальным; затем увидел разобщенность *вживом дереве*; затем война; затем рабы были провозглашены свободными в качестве военной меры; затем разобщенность была свергнута на поле битвы; затем восстановление более совершенного Союза, в котором рабство и подневольное состояние были запрещены Конституцией. (78)

На последующих президентских выборах (1852 г.) две великие партии одобрили запоздалые действия Конгресса в отношении Территорий и рабства.

Платформа вигов провозгласила молчаливое согласие партии со всеми ее действиями: "В том числе закон, известный как Закон о беглых рабах. ... в качестве принципиального решения по существу опасных волнующих вопросов, которые они охватывают. . . . Мы будем поддерживать их и настаивать на их строгом исполнении".

На этой платформе генерал Уинфилд Скотт был выдвинут кандидатом в президенты.

Демократическая платформа того же года, сначала отрицавшая, что Конгресс в соответствии с Конституцией имеет право вмешиваться в рабство в Штатах, заявила также, что партия будет "соблюдать и придерживаться добросовестного исполнения актов, известных как Компромиссные меры, принятые последним Конгрессом, включая закон о возвращении лиц, скрывающихся от службы или труда".

Франклин Пирс из Нью-Гэмпшира, подчиненный офицер (бригадный генерал) Скотта в Мексике, не имеющий особой известности, но вежливый и респектабельный джентльмен, был выдвинут и избран на этой платформе решающим голосованием; Скотт представлял только Массачусетс, Вермонт, Кентукки и Теннесси. Партия "Свободная земля" выдвинула Джона П. Хейла из Нью-Гэмпшира на платформе, отвергающей Компромиссные меры, заявляя против агрессии рабовладельческой власти и за:

"Больше никаких рабовладельческих штатов, никаких рабовладельческих территорий, никакого национализированного рабства и никакого национального законодательства о выдаче рабов. Что рабство - это грех против Бога и преступление против человека, которое никакое человеческое действие или обычай не могут исправить; и что христианство, гуманность и патриотизм в равной степени требуют его отмены.

"Что Закон о беглых рабах 1850 года противоречит Конституции, принципам общего права" и т.д.

Партия вигов после этих выборов исчезла; ее великие лидеры умерли, и она не могла соперничать с Демократической партией в принципах защиты рабства. Для двух таких партий больше не было места. Американский народ уже был разделен и продолжает расходиться по живому вопросу о свободе или рабстве. Рабство, как и все неправильное, всегда было агрессивным и требовало новых конституционных толкований в своих интересах со стороны Конгресса и судов, и оно больше не терпело выжидания или компромиссов. Его сторонники некоторое время пытались объединиться в Демократическую партию.

(66) *Взгляд на тридцать лет*, том ii., стр. 733-6.

(67) Джексон умер 8 июня 1845 года в возрасте семидесяти восьми лет.

(68) *Взгляд на тридцать лет*, ii., стр. 782.

(69) *Взгляд на тридцать лет*, том ii., стр. 747.

(70) Его останки были захоронены на кладбище церкви Святого Филиппа в Чарльстоне, Южная Каролина, в 1865 году, когда этот город был занят силами Союза, друзья захватили их и спрятали от предполагаемого осквернения завоевателями.—*Draper's Гражданская война в Америке.*, том i, стр. 565.

(71) Родился 12 апреля 1777 г., умер 29 июня 1852г.

(72) *Взгляд за тридцать лет*, том ii., стр. 764.

(73) *Взгляд за тридцать лет*, том ii., стр. 759.

(74) *Там же.*, стр. 765.

(75) *История. из США* (Родс), том i, стр. 134 (190).

(76) *Hist. Рас. Штаты*, Х. Х. Бэнкрофт, том ii. xviii., с. 262.

(77) *Взгляд за тридцать лет*, том ii., стр. 770.

(78) Касс умер 17 марта 1866 года в возрасте восьмидесяти двух лет.

XVII ЗАКОН ШТАТА НЕБРАСКА—1854

По поводу распоряжения территорией Небраски оставалось провести последнюю борьбу в Конгрессе за распространение рабства. Эта территория в 1854 году включала в себя территорию нынешних штатов Канзас, Небраска, Северная Дакота, Южная Дакота и Монтана, а также части Колорадо и Вайоминга. Это была большая часть покупки Луизианы площадью 485 000 квадратных миль, что в двенадцать раз больше Огайо, примерно в десять раз больше Нью-Йорка, на 140 000 квадратных миль больше первоначальных тринадцати штатов (79) и более чем в четыре раза превышает площадь Великобритании и Ирландии. Это было то, что осталось от покупки после того, как Луизиана, Миссури, Арканзас, Айова, Миннесота и территория индейцев были разделены. Тогда в нем проживало всего около тысячи белых жителей.

Желание по-прежнему умиротворять угрожающий Юг и завоевать его политическую благосклонность побудило некоторых великих и патриотичных людей Севера предпринять меры в интересах борьбы с рабством.

4 января 1854 года Стивен А. Дуглас, председатель Сенатского комитета по территориям, выступил с докладом, отражающим конституционные теории, которые до сих пор не были обнародованы, и ставящим под сомнение или отвергающим другие, которые, как предполагалось, давно были улажены.

В отчете сообщалось об открытии нового принципа компромиссных мер 1850 года.

В нем говорилось:

"Предполагалось, что они окажут гораздо более всеобъемлющее и долговременное воздействие, чем простое урегулирование трудностей, возникших в связи с недавним приобретением мексиканской территории. Они были разработаны для установления определенных великих принципов, которые не только предоставили бы адекватные средства правовой защиты от существующего зла, но и на все грядущие времена позволили бы избежать опасностей подобной агитации, сняв вопрос о рабстве с залов Конгресса и политической

арены, передав его на рассмотрение тех, кто непосредственно заинтересован в нем и единолично несет ответственность за его последствия Возник вопрос в отношении права содержать рабов на территории штата Небраска Спорным является вопрос о том, запрещено ли рабство в стране Небраска *действующим* законом. По мнению выдающихся государственных деятелей восьмой раздел закона о подготовке к принятию штата Миссури является недействительным".

Восьмой раздел запрещает рабство на территории Луизианы к северу от 36 °. 30', следовательно, от территории Небраски. В докладе повторялась абсурдная доктрина:

"Это Конституция. ... обеспечивает каждому гражданину неотъемлемое право въезжать на любую из Территорий со своим имуществом любого вида и описания, владеть им и пользоваться им с санкции закона".

(Какой закон? Закон места, откуда оно пришло, или закон места, куда оно было доставлено? Даже бык или осел не могут считаться собственностью, кроме как в соответствии с законом того места, где они находятся; также и право собственности на землю недействительно, кроме как в соответствии с законом того места, где они расположены. Точно так же, как человек может претендовать на право переехать на Территорию и там владеть землей в силу Конституции и законов государства своего бывшего проживания, так и требовать в соответствии с ними права владеть своим рабом и продавать его на Территории. Трудность в том, что, хотя эмигрант мог взять с собой свое человеческое имущество, он не мог взять с собой закон, разрешающий ему владеть им.)

Однако в представленном виде в докладе не предлагалось отменить Компромиссную линию штата Миссури, которая просуществовала тридцать четыре года с одобрения первых государственных деятелей всех партий Союза.

Предполагалось просто интерпретировать для покойных Клея и Вебстера их единственную работу четырехлетней давности и звучало это так:

"Компромиссные меры 1850 года подтверждают следующие положения и основываются на них:

Первое — все вопросы, касающиеся рабства на Территориях и новых государств, которые будут образованы на их основе, должны быть оставлены на усмотрение проживающих там людей.

Второе — "все дела, связанные с правом собственности на рабов" и "вопросами личной свободы", должны передаваться в юрисдикцию местных судов с правом обжалования в Верховном суде Соединенных Штатов.

"В—третьих, положения Конституции в отношении лиц, скрывающихся от службы, должны неукоснительно выполняться на всех "организованных территориях", так же, как и в Штатах".

Первое из этих положений, в другой форме, провозглашало новую доктрину народного суверенитета, вскоре после этого получившую в народе название "Суверенитет скваттеров", в насмешку над правами, которыми таким образом должен обладать территориальный *скваттер*, каким бы временным ни было его пребывание. Это противоречило принципу права Конгресса (прямо предоставленного Конституцией (80)) устанавливать правила (законы) и подзаконные акты для территории Соединенных Штатов до тех пор, пока она не облечется государственностью.

Второе предложение не предвещало ничего нового, поскольку дела, связанные с правами собственности на рабов или вопросами личной свободы, обязательно должны передаваться для окончательного решения в суды с правом апелляции.

Третье предложение, как и второе, было простой банальностью.

Законопроект, сопровождающий отчет, в том виде, в каком он был представлен впервые, требовал, чтобы любая часть территории Небраски, признанная штатом (как предусмотрено Законами Нью-Мексико и Юты 1850 года), "принималась в Союз с рабством или без него, как это может предписывать его Конституция на момент принятия". Это тоже ни в каком смысле не было чем-то новым, поскольку таким образом когда-либо принимались новые Состояния. Антирабовладельческая пресса и общества, а также все люди, выступающие против дальнейшей агрессии и распространения рабства, сразу же забили тревогу и яростно атаковали новые доктрины доклада; Юг тоже сначала отнесся к ним с удивлением, назвав их "ловушкой, расставленной для Юга", но позже счел их благоприятствующими распространению рабства. Государственные деятели Юга, однако, были полны решимости заставить Дугласа внести в них поправки, направленные на достижение целей Юга. Соответственно, сенатор Диксон из Кентукки 16 января предложил поправку к законопроекту о Небраске, предусматривающую абсолютную отмену Компромиссной линии Миссури. Эту поправку Дуглас, по-видимому, с неохотой (81) принял после консультаций с Джефферсоном Дэвисом, тогдашним военным министром, и президентом Пирсом, оба из которых пообещали свою поддержку.(82)

23 января 1854 года Дуглас представил замену своему первоначальному законопроекту, в котором было предусмотрено, что ограничение Миссурийского компромисса "было заменено принципами законодательства 1850 года и настоящим объявляется недействующим".

Новый законопроект разделил Территорию на две части; южная, называемая Канзасом, лежала между 37 ° с. и 40 ° с. широты, простиравшейся на запад до Скалистых гор, а северная все еще называлась Небраской.

Еще в 1853 году в Миссури началось движение, открыто направленное на то, чтобы превратить Небраску в территорию рабов, и это было хорошо известно Дугласу и сторонникам его недавно провозглашенных доктрин. Канзас, расположенный дальше всего к югу, с климатической точки зрения лучше подходил для рабства, чем новая Небраска. До принятия законопроекта были разработаны планы вторжения рабовладельцев со своими рабами в Канзас из Миссури и Арканзаса.

24 января 1854 года было опубликовано *Обращение Независимых демократов в Конгрессе к народу Соединенных Штатов*.

Его авторами были Чейз и Гиддингс из Огайо; однако некоторые словесные дополнения были внесены в него Самнером и Джерриттом Смитом.(83)

Это *Обращение* подписали С. П. Чейз, Чарльз Самнер, Джошуа Р. Гиддингс, Эдвард Уэйд, Джеррит Смит и Александр Де Витт; по крайней мере, трое из них были тогда или вскоре стали первыми среди великих государственных деятелей, выступавших против рабства людей. В *обращении* говорилось, что новый законопроект о Небраске "откроет все неорганизованные

территории Союза для проникновения рабства". Заговор с целью превратить их "в унылый регион деспотизма, населенный хозяевами и рабами", за исключением иммигрантов из Старого Света и свободных рабочих из наших собственных Штатов. В нем рассматривалась история законодательства Конгресса о рабстве на Территориях, указывалось, среди прочего, что президент Монро одобрил компромисс в Миссури после того, как его кабинет представил ему письменное заключение о том, что раздел, ограничивающий рабство, является конституционным.

Джон Куинси Адамс, государственный секретарь, Джон К. Калхун, военный министр, У. Х. Кроуфорд, министр финансов, и У. М. Вирт, генеральный прокурор - трое представителей рабовладельческих штатов — тогда составляли кабинет Монро.

В *апелляции* содержалось предупреждение:

"Самые дорогие интересы свободы и Профсоюза находятся в неминуемой опасности. Демагоги могут сказать вам, что Профсоюз можно сохранить, только подчинившись требованиям рабства. Мы говорим вам, что Союз может быть сохранен только путем полного признания справедливых притязаний свободы и человека. Когда оно не сможет достичь этих целей, оно будет бесполезным, а когда оно станет бесполезным, оно не сможет долго существовать Какие бы извинения ни предлагались за терпимость к рабству в Штатах, их нельзя предложить за его распространение на Территории, где его не существует, и где это расширение влечет за собой отмену древнего закона и нарушение торжественного договора.

Что касается нас самих, мы будем сопротивляться этому словами и голосованием, используя все способности, которые дал нам Бог. Даже если мы потерпим поражение в предстоящей борьбе, мы не покоримся. Мы вернемся домой к нашим избирателям, заново воздвигнем знамя свободы и призовем народ прийти на помощь стране от господства рабства. Мы не будем отчаиваться, ибо дело свободы человека - это дело Божье".

Эти патриотические высказывания наэлектризовали всю страну. Север осознал их истинность, Юг ухватился за них как за угрозу разобщения и еще громче, чем раньше, если это было возможно, призвал к объединению Юга, чтобы отстоять права рабства на Территориях. Дуглас попытался в Сенате ответить на *Апелляцию*. Это привело к ожесточенным дебатам, в которых приняли участие Чейз, Самнер, Сьюард, Эверетт и другие, слишком долгим, чтобы рассматривать их здесь.

Сенатор Бенджамин Ф. Уэйд из Огайо принял видное участие в памятных дебатах по законопроекту Дугласа-Небраски. Он был смел и никогда не прибегал к софистике, а говорил просто.

Мистер Бэджер из Северной Каролины, выдвигая аргумент о смягчении рабства, умоляюще сказал:

"Почему, если какой-нибудь джентльмен с Юга захочет взять с собой няню, которая присматривает за его маленьким ребенком, или старую женщину, которая ухаживала за ним в детстве, и которую он называл "Мамушкой", пока не вернулся из колледжа, ... и которую он

захочет взять с собой ... на одну из этих новых Территорий, ... почему, во имя Всего Святого, кто-то должен этому препятствовать?"

Мистер Уэйд ответил:

"Сенатор полностью ошибается в нашей позиции. У нас нет ни малейших возражений, и мы не стали бы препятствовать тому, чтобы сенатор переехал в Канзас и забрал с собой свою старую "Мамочку". Мы только настаиваем на том, что у него не должно быть полномочий *продавать* ее после того, как он отвезет ее туда".

Г-н Чейз предложил внести поправку в законопроект, добавив слова:

"Согласно которому население Территорий через своих соответствующих представителей может, если сочтет нужным, запретить существование на них рабства".

Эта поправка провалилась, но она послужила проверкой добросовестности тех, кто поддерживал в законопроекте принцип суверенитета скваттеров.

После долгой борьбы законопроект был принят и одобрен президентом в мае 1854 года.

(79) Площадь первоначальных тринадцати штатов, 354 504 квадратных мили.

(80) "Конгресс имеет право распоряжаться и устанавливать все необходимые правила и подзаконные акты, касающиеся территории или другого имущества, принадлежащего Соединенным Штатам" и т.д. — статья IV., раздел 3, Con. U. S.

(81) *Три десятилетия ФРС. Нога.* (Кокс), стр. 49.

(82) *Взлет и падение Кон . Правительство* (Дэвис), том i, стр. 28.

(83) *Жизнь Чейза* Шукера, стр. 140.

XVIII БОРЬБА КАНЗАСА ЗА СВОБОДУ

Буря, поднявшаяся из-за Закона штата Небраска, была зловещей для будущего. В Нью-Йорке и других крупных городах Севера были проведены общественные собрания, на которых это и рабство были осуждены. Священник с кафедры, оратор с трибуны и крупная пресса Севера яростно осудили эту меру. Повсюду возникали движения против рабства.

И когда Канзас был открыт для заселения, а рабовладельцы Миссури уже переселились и организовались, чтобы заселить его, вступить во владение и отдать в рабство в соответствии с новой доктриной народного суверенитета, эмиграция сразу же началась с Севера, поощряемая обществами помощи.

Дуглас на следующем Конгрессе (март 1856 г.) в качестве председателя Комитета по территориям выступил с докладом о делах Канзаса, в котором осудил действия жителей свободного штата и обществ помощи, особенно сославшись на воображаемую "Компанию помощи эмиграции" из Массачусетса с капиталом в 5 000 000 долларов, и, следовательно,

посчитав их существование оправданным для пограничных хулиганов Миссури. Вскоре на равнинах Канзаса раздался ружейный выстрел.

Первые выборы в Канзасе состоялись в ноябре 1854 года, когда путем мошенничества и насилия Уитфилд, сторонник рабства, был избран делегатом в Конгресс. Нерезиденты Миссури подали большинство голосов на этих выборах. Хотя и не имели необходимого количества населения, это было расценено как подходящее время для признания Канзаса рабовладельческим штатом. Дуглас в своем отчете рекомендовал именно это.

Палата представителей, политический облик которой изменился после недавних выборов, назначила Говарда из Мичигана, Шермана из Огайо и Оливера из Миссури специальным комитетом по расследованию безобразий в Канзасе и фальсификаций на выборах.

Большинство членов этого комитета 1 июля 1856 года сообщили, самым убедительным образом показав, что были совершены мошенничества и безобразия для контроля над несколькими выборами в Канзасе.

Из этого отчета следовало, что в феврале 1855 года общее население Канзаса составляло 8501 человек; рабов - 242, свободных негров - 151. Последовали продолжительные дебаты по докладу и делам Канзаса, в которых приняли участие Уэйд, Сьюард, Самнер и другие.

Президенты Пирс и Бьюкенен последовательно назначали губернатора за губернатором от своей партии — Ридера, Шеннона, Гири, Уокера, Стэнтона - все они подали в отставку или были смещены, потому что каждый из них не смог поддержать решительные и мошеннические усилия превратить Канзас в рабовладельческий штат вопреки воле большинства жителей. Достопочтенный Дж. У. Денвер из Огайо, разумный, спокойный человек, был последним в этой длинной череде губернаторов. Один из них, Эндрю Ридер, которому вместе с другими было предъявлено обвинение в государственной измене на основании их участия в организации правительства свободного штата в соответствии с Конституцией Топики, из-за страхаубийства скрылся с территории, переодевшись. Роберт Дж. Уокер, хотя сам выступал за рабство, решительно отказался участвовать в навязывании Канзасу Лекомптонской конституции, даже после того, как президент Бьюкенен по требованию своих друзей по рабовладельческой партии решил, что Канзас должен быть принят в соответствии с ней без вынесения на голосование народа. Эта Конституция была составлена в Лекомптоне обманном путем избранными делегатами на съезде сторонников рабства, и она предусматривала бессрочное рабство в штате. В заявлении губернатора Уокера об отставке от 16 декабря 1857 года он сказал:

"Я констатирую это как факт ... что подавляющее большинство жителей (Канзаса) выступают против Лекомптонской конституции. ... но одна из двадцати представителей прессы Канзаса поддерживает это . . . Любая попытка Конгресса навязать эту Конституцию народу Канзаса будет попыткой подменить волю небольшого меньшинства волей подавляющего большинства народа".

Именно Дуглас должен сказать, что он был против схемы приема по Конституции Лекомптона. Он, несомненно, был разочарован тем, что Южане не заручились его поддержкой и не выдвинули его кандидатуру на пост президента в 1856 году. Предпочтение было отдано более гибкому инструменту выступающей за рабство партии Севера в лице Бьюкенена.

Президент Бьюкенен, ранее выразивший намерение поддержать план Лекомптона, объявил об этой цели Дугласу и призвал его сотрудничать в принятии Канзаса в качестве штата в соответствии с ним, который, получив отказ, прекратил свои партийные отношения. Дуглас зашел недостаточно далеко. Народный суверенитет признавался сторонниками рабства только тогда, когда он обеспечивал успех рабства; и теперь Канзас наверняка стал бы свободным штатом, если бы только фактическим поселенцам было разрешено голосовать без страха, а их голоса были честно подсчитаны и возвращены.

9 декабря 1857 года Дуглас почти героически выступил против президента Бьюкенена, его администрации и большинства его партии в Сенате, осудив схему Лекомптона и показав, что это была попытка навязать Канзасу рабство против воли народа.

Особенностью Конституции Лекомптона было то, что, хотя она была вынесена на голосование жителей Канзаса, они были обязаны голосовать за нее или не голосовать вообще. Предоставленный бюллетень требовал, чтобы они проголосовали "*За Конституцию с рабством*" или "*За Конституцию без рабства*". Таким образом, Конституция должна быть принята, и обязательно с учетом рабства, поскольку в ней не было положения об исключении положений, разрешающих это. На выборах, где из-за мошенничества и насилия ничто до сих пор не приближалось к этому, и из-за особенности вброса бюллетеней в урны (фактических поселенцев, как правило, изгоняют с избирательных участков, когда они желают проголосовать), эта Конституция была возвращена, принятая большинством примерно в 6000 голосов в пользу рабства.(84)

Сенат 23 марта 1858 года принял (33 против 25) законопроект о признании Канзаса штатом в соответствии с Конституцией Лекомптона, *с рабством*; но, несмотря на активные усилия администрации, Палата представителей (120 против 112) внесла в сенатский законопроект такие поправки, которые требуют, чтобы за него проголосовал народ, прежде чем штат будет принят, голосование должно быть — "*За Конституцию*" или "*Против Конституции*". С этой поправкой Сенат неохотно согласился.

4 января 1858 года, согласно акту Законодательного собрания территории, снова было проведено голосование, и, несмотря на множество соблазнов, связанных с землями и т.д., и стремление к государственности, эта Конституция была отклонена более чем 10 000 большинством.

11 февраля 1859 года Законодательный орган территории санкционировал проведение еще одного съезда для разработки конституции. Были избраны пятьдесят два делегата, и они встретились 5 июля 1859 года в Вайандотте, а 27-го объявили перерыв в заседании после принятия конституции, запрещающей рабство и ограничивающей и устанавливающей западную границу Канзаса в том виде, в каком она есть сейчас. Эта Конституция была ратифицирована на выборах, состоявшихся в октябре следующего года. 11 апреля 1860 года Палата представителей приняла законопроект (134 против 73) о принятии Канзаса в соответствии с этой Конституцией Вайандотта, но аналогичный законопроект провалился в Сенате, и обе Палаты отложили заседание, по-прежнему оставляя Канзас Территорией.

29 января 1861 года, когда из—за сессии Конгресс лишился многих членов, Канзас был принят в соответствии с Конституцией Вайандотта -*свободным штатом*.

Эта последняя борьба за распространение рабства ни в коем случае не была бескровной. Яростный блеск винтовок Шарпса был виден на равнинах; Библия и дробовик были спутниками защитника свободного штата, и многие мужчины и женщины совершали отважные поступки, чтобы вернуть справедливый Канзас к свободе. Джон Браун (Осаватоми) здесь впервые прославился своим рвением в борьбе за свободу; и, как говорят, он не преминул нанести ответный удар, кровь за кровь, человек за человека.

Дуглас, который своим изобретением о "Народном суверенитете" вызвал борьбу за Канзас, которая едва не превратила его в рабство, дожидаясь того, чтобы увидеть, как его новая доктрина потерпела неудачу на практике, но сначала была отвергнута Верховным судом, как мы сейчас увидим.

Однако, отдавая справедливость Дугласу, нельзя так беспечно отмахиваться от него. Потерпев поражение на предыдущих выборах, он поднял шляпу перед своим главным противником, когда тот был избран президентом, и тепло заверил его в поддержке в сохранении Союза лично, а также речью и голосованием в Конгрессе; а после начала войны, в апреле 1861 года, он провозгласил народу с политической трибуны, что "в этой стране сейчас только две партии: *патриоты и предатели*". Он обратился к своим бывшим друзьям по партии с призывом поддержать Профсоюз и бороться за его целостность, что бы ни случилось. Но он тоже не дожидаясь до триумфа свободы и своей страны. Он умер 3 июня 1861 года.

Многие считают, что если бы рабство было навязано Калифорнии и территориям Нью—Мексико и Небраски, то вскоре из Техаса были бы приняты еще четыре рабовладельческих штата (как предусматривал акт аннексии), и что, таким образом, рабовладельческая держава обеспечила себе такое господство в Союзе, которого желали и ожидали ее лидеры, не было бы никакого отделения, никакого восстания, но, вместо этого, рабство стало бы *национальным*.

Но теперь, когда Калифорния стала свободной, а Канзас - свободным, всякая надежда на дальнейшее распространение рабства в Соединенных Штатах исчезла навсегда.

Если бы Канзас вообще стал рабом, что тогда?

Финальное соревнование в Канзасе было дополнено и интенсифицировано частично пропущенным национальным мероприятием.

Во время борьбы за Канзас возбуждение дебатов в Конгрессе достигло своего апогея, превзойдя любой другой период.

Требования тех, кто желал распространения рабства, довели Север до исступления. Члены Конгресса, выступающие против рабства, отвечали на это во многих случаях трезвой, откровенной дискуссией, но в других - резкими оскорблениями, вызванными превосходной образованностью и непревзойденным мастерством владения английским языком.

Чарльз Самнер из Массачусетса был глубоким студентом и ученым, а также закоренелым ненавистником рабства и всего, что с ним связано.

19 и 20 мая 1856 года он произнес свою знаменитую филиппику против рабства и его сторонников. Что касается открытия территории Канзас-Небраска для притока рабов и очевидной цели администрации посвятить ее рабству, он разразился предупреждающими выпадами против всех, кто каким-либо образом одобрял новую политику открытия этой

Территории для возможности вступления в Союз в качестве рабовладельческих штатов. Замечания мистера Самнера были в высшей степени личными, оправданными только общим диктаторским и запугивающим отношением некоторых южных сенаторов. Простая выдержка здесь была бы несправедлива к нему и к случаю. Сенаторы Касс и Дуглас, выступавшие в Сенате, были возмущены этой речью Самнера.

22 мая, через два дня после выступления, при закрытии сессии Сената, когда Самнер сидел за своим столом в зале заседаний Сената и писал, к нему подошел Престон Брукс, член Палаты представителей от Южной Каролины, который обратился к нему: "Я внимательно прочитал вашу речь дважды. Это клевета на Южную Каролину и мистера Батлера, который является моим родственником", - и он немедленно набросился на мистера Самнера, нанося удары по голове гуттаперчевой тростью диаметром в один дюйм с большого конца. Удары повторились, трость сломалась, а Брукс все еще продолжал наносить удары ее сломанными частями. Самнер, застигнутый таким образом врасплох и будучи тяжело ранен, не мог защищаться и вскоре, после тщетных попыток защититься, упал ниц на пол, залитый собственной кровью. Он был тяжело ранен, и хотя прожил много лет, так и не оправился полностью от полученных травм. Он умер 11 марта 1874 года.

Это возмущение во многом ускорило события и усилило враждебность к рабству. Сенаторы и представители южных штатов предположили, что нападение оправдано.(85)

Палата представителей не исключила Брукса, поскольку не было получено необходимых двух третей голосов. Он ушел в отставку и был переизбран своим округом, против него было подано всего шесть голосов, но он умер в январе 1857 года. Батлер из Южной Каролины, предполагаемая непосредственная причина нападения Брукса на Самнера, скончался в том же году.

Весь Север расценил личное нападение на Самнера не только как жестокое, но и как попытку привлечь внимание других сенаторов и членов Конгресса к общему замыслу и плану запугивания "друзей свободы". Нападение было в значительной степени оправдано по всему Югу, в том числе ведущими государственными деятелями Юга в обеих ветвях Конгресса.(86)

Замечания Берлингейма из Массачусетса о манере нападения Брукса в Доме привели к вызову Брукса, который был принят, на дуэль, которая должна была состояться возле дома Клифтон в Канаде; но Брукс отказался драться в названном месте, сославшись на боязнь идти туда через разъяренный Север.

Брукс также за высказывания в Сенате, характеризующие нападение, бросил вызов Генри Уилсону из Массачусетса, но последний отклонил вызов, потому что "считал дуэли пережитком варварской цивилизации, который закон страны заклеил как преступление".(86)

Таким образом, отношение южан как в Сенате, так и в Палате представителей было настолько угрожающим, что сенаторы Уэйд от Огайо, Чандлер от Мичигана и Кэмерон от Пенсильвании договорились реагировать на любое оскорбление южанина вызовом на поединок.(87)

В администрации Бьюкенена была предпринята последняя попытка, в ожидании волнений в Канзасе, купить и аннексировать Кубу в интересах рабовладельческой державы. Тогда это была провинция Испании. Бьюкенен был тупым и упрямым в выполнении требований своей партии, особенно в вопросе рабства. В своем Ежегодном послании 1858 года он выразил

удовлетворение тем, что канзасский вопрос больше не доставлял стране хлопот. Он также выразил благодарность "Всемогущему Провидению" за то, что это больше не угрожало миру в стране, и поздравил себя с его курсом в отношении политики Лекомптона, сказав: "это доставило ему искреннее удовлетворение". В том же послании он выразил свое стремление приобрести Кубу, назвав в качестве причины то, что это "единственное место в цивилизованном мире, где терпимо относятся к африканской работорговле".

От Кубы хотели просто создать больше рабовладельческих штатов, чтобы расширить ослабевающую рабовладельческую власть и, таким образом, компенсировать появление новых свободных Штатов, которые тогда казались наблюдателям неизбежными.

Бьюкенен предположил, что могут возникнуть обстоятельства, при которых закон самосохранения может потребовать от нас приобретения Кубы силой, подтверждая тем самым политику, изложенную в Остендском манифесте, подготовленном и подписанном Мейсоном, Соулом и им самим четырьмя годами ранее.

Слайделл из Луизианы из Комитета по иностранным делам Сената незамедлительно сообщил о законопроекте, предусматривающем выделение 30 000 000 долларов, которые будут использованы президентом для получения Кубы; и вскоре выяснилось, что сенаторы-южане были готовы внести сумму в 120 000 000 долларов.

Внесение законопроекта вызвало сенсацию в Испании, и ее кортесы сразу же проголосовали за поддержку своего короля в сохранении целостности испанских владений.

В Конгрессе разгорелись самые ожесточенные дебаты, вновь поднявшие вопрос о рабстве.

Против законопроекта выступили сторонники законопроекта о приусадебных участках - "Вопроса о домах; о землях для безземельных свободных людей". Сторонники последнего законопроекта называли законопроект о Кубе "вопросом о рабах для рабовладельцев".

Тумс из Джорджии, всегда пожиривший огонь, за исключением войны, (88) яростно осудил противников присвоения Кубы и друзей "земель для безземельных" как "дрожащих на ветру людей из определенных местностей". Это подняло на ноги сенатора Уэйда из Огайо, готового встретить нападки со всех сторон, который воскликнул:

"Я очень рад, что этот вопрос наконец подняли. Я также рад, что он вступил в противоречие с вопросом о ниггерах. Мы "дрожим на ветру", не так ли, сэр, из-за вашего вопроса о Кубе? Возможно, у вас будет повод вздрогнуть по этому вопросу, прежде чем вы закончите с ним. Вопрос будет заключаться в том, отдадим ли мы ниггеров бездомным, или землю безземельным и т.д. . . . Когда вы переходите к "ниггерам для бездомных", все остальные вопросы становятся совершенно незначительными".(89)

Хотя большинство Сената, казалось, поддержало законопроект, мистер Слайделл отозвал его после продолжительного обсуждения, заявив, что в таком случае выносить его на окончательное голосование практически невозможно.

Некогда знаменитый Остендский манифест, датированный 18 октября 1854 года, был замечательным документом, подготовленным и подписанным Пьером Суле, Джоном И.

Мейсоном и Джеймсом Бьюкененом, тогдашними министрами соответственно Испании, Франции и Англии, на конференции, проходившей в Остенде и Экс-ла-Шапель, Франция. Оно предполагало предложить 120 000 000 долларов за Кубу, и, в случае отказа, объявило, что долг Соединенных Штатов - применить "великий закон" "самосохранения" и захватить Кубу, "не обращая внимания на осуждение мира". Еще одним оправданием, изложенным в Манифесте, было то, что "Кубе грозила африканизация и превращение во второй Сан-Доминго".

Однако реальная цель состояла в том, чтобы приобрести его, а затем принять в Союз в качестве двух или более рабовладельческих штатов.

Бьюкенен, будучи государственным секретарем при Полке, предложил 100 000 000 долларов за Кубу. Его усилия заполучить Кубу обеспечили ему поддержку Юга на выборах президента в 1856 году.

Не было никаких особых случаев приобретения или попытки приобретения территории властями Соединенных Штатов для того, чтобы посвятить ее свободе.

Куба все еще испанская (хотя и не рабовладельческая) (90) и как раз сейчас находится в агонии восстания, и Конгресс Соединенных Штатов только что проголосовал (апрель 1896 г.) за предоставление Временному правительству Кубы прав на ведение войны.(91)

(84) По результатам одних выборов, состоявшихся в 1857 году в Оксфорде, штат Канзас, был возвращен список, в котором значились имена 1624 человек, скопированные в алфавитном порядке из справочника Цинциннати. Сообщалось, что эти люди голосовали вместе с партией борьбы с рабством.

(85) Кейтт из Южной Каролины и Эдмундсон из Вирджинии угрожающе стояли рядом во время нападения, чтобы защитить Брукса от помощи, которая могла прийти к Самнеру.

(86) *Жизнь Самнера* (Лестен), стр. 250 и др.

(87) *Циклоп Эпплтона. А.М. Биография*, том vi., стр. 311.

(88) *Манассас - Аппотматтоксу* (Лонгстрит), стр. 113, 161.

(89) В 1862 году первый закон о приусадебных участках стал законом, согласно которому к 30 июля 1878 года было предоставлено 384 848 приусадебных участков; по площади 61 575 680 акров, или 96 212 квадратных миль; по протяженности на 7000 квадратных миль больше, чем в Англии, Уэльсе и Шотландии.

(90) В 1870 году испанское правительство приняло закон, освобождающий всех рабов на Кубе старше шестидесяти лет и объявляющий свободными всех, кто родился после принятия этого закона. В 1886 году оставалось всего 25 000 рабов, и они были освобождены в массовом порядке по указу испанских кортесов. Последний пережиток рабства (система патроната) был уничтожен королевским указом от 7 октября 1886 года.

(91) Но см. *Службу в испанской войне*, Приложение А.

XIX ДЕЛО ДРЕДА СКОТТА — 1857

6 марта 1857 года, через два дня после инаугурации Бьюкенена президентом Соединенных Штатов, было вынесено решение по знаменитому делу Дреда Скотта.

Главный судья Тейни из Мэриленда, судьи Уэйн из Джорджии, Кэтрон из Теннесси, Дэниел из Вирджинии, Кэмпбелл из Алабамы, Грир из Пенсильвании и Нельсон из Нью-Йорка согласились с решением, хотя некоторые из них лишь частично.

Главный судья Тейни зачитал заключение суда.

Судьи Маклин из Огайо и Кертис из Массачусетса выразили несогласие по всем пунктам. Все судьи подробно зачитали мнения.(93)

Главный судья Тейни был набожным католиком, много занимался литературой, отличался большим трудолюбием и в целом считался великим юристом. Когда дело было рассмотрено, ему было почти восемьдесят лет, и он тогда, в смятенном состоянии страны, глубоко проникся идеей, что Верховный суд обладает полномочиями и может разрешить вопрос о рабстве.

Все остальные судьи были выдающимися юристами и образованными людьми.

Принятое решение ознаменовало эпоху в американской истории и, по-видимому, продлило рабству жизнь на неопределенный срок; однако это было лишь кажущимся.

Дело дважды рассматривалось выдающимися юристами: Блэром и Г. Ф. Кертисом в защиту Дреда Скотта и Гейером и Джонсоном в защиту ответчика.

Дред Скотт подал иск в окружной суд Соединенных Штатов в штате Миссури за незаконное проникновение на чужую территорию против некоего Сэнфорда, обвинив его в нападении на него, его жену и двоих детей — фактически, за его и их свободу.

Факты, как и было согласовано, были следующими:

"В 1834 году истцом (Дред Скотт) был негр-раб, принадлежавший доктору Эмерсону, который был хирургом в армии Соединенных Штатов. В том 1834 году упомянутый доктор Эмерсон перевез истца из штата Миссури на военный пост на Рок-Айленде, в штате Иллинойс, и держал его там в качестве раба до апреля или мая 1836 года. В последнее упомянутое время указанный доктор Эмерсон перевел истца с указанного военного поста на Рок-Айленде на военный пост в Форт-Снеллинге, расположенный на западном берегу реки Миссисипи, на Территории, известной как Верхняя Луизиана, приобретенной Соединенными Штатами Франции, и расположенный к северу от тридцати шести градусов тридцати минут северной широты и к северу от штата Миссури. Указанный доктор Эмерсон держал истца в рабстве в указанном форте Снеллинг с указанной последней упомянутой даты до 1838 года.

"В 1835 году Харриет, имя которой указано во втором пункте заявления истца, была негритянской рабыней майора Талиаферро, служившего в армии Соединенных Штатов. В том 1835 году упомянутый майор Талиаферро отвез упомянутую Харриет в упомянутый Форт Снеллинг, военный пост, расположенный, как указано выше, и держал ее там в качестве рабыни до 1836 года, а затем продал и доставил ее в качестве рабыни в упомянутый Форт Снеллинг

вышеупомянутому доктору Эмерсону. Упомянутый доктор Эмерсон держал упомянутую Харриет в рабстве в упомянутом форте Снеллинг до 1838 года.

"В 1836 году истец и упомянутая Харриет в упомянутом форте Снеллинг с согласия упомянутого доктора Эмерсона, который тогда утверждал, что является их хозяином, вступили в смешанный брак и признали друг друга мужем и женой. Элиза и Лиззи, упомянутые в третьем пункте заявления истца, являются плодами этого брака. Элизе около четырнадцати лет, и она родилась на борту парохода "*Джилси*", к северу от северной границы штата Миссури, на реке Миссисипи. Лиззи около семи лет, она родилась в штате Миссури, на военном посту под названием казармы Джефферсона.

"В 1838 году упомянутый доктор Эмерсон удалил истца и упомянутую Харриет и их упомянутую дочь Элизу из упомянутого Форта Снеллинг в штат Миссури, где они с тех пор и проживают.

"Перед началом рассмотрения этого иска упомянутый доктор Эмерсон продал и передал истцу, упомянутую Харриет, Элизу и Лиззи, ответчику в качестве рабынь, и с тех пор ответчик утверждает, что удерживает их и каждого из них в качестве рабов.

"В моменты, указанные в заявлении истца, ответчик, утверждающий, что он является владельцем, как указано выше, наложил руки на указанного истца, Харриет, Элизу и Лиззи, и заключил их в тюрьму, однако, делая в этом отношении не более того, что он мог бы сделать на законных основаниях, если бы они по праву были его рабами в такие моменты".

Нашей целью здесь является лишь изложение того, что было решено или пыталось быть принято в отношении рабства и его политического статуса в Соединенных Штатах.

Этой цели мы не можем достичь лучше, чем процитировав отдельные части Учебной программы по данному делу.

Мы цитируем:

"Свободный негр африканской расы, чьи предки были привезены в эту страну и проданы в рабство, не является "гражданином" по смыслу Конституции Соединенных Штатов.

"Когда была принята Конституция, они ни в одном из штатов не рассматривались как члены сообщества, составляющего государство, и не были причислены к его "народу или гражданам". Следовательно, особые права и иммунитеты, гарантированные гражданам, на них не распространяются. И, не являясь "гражданами" по смыслу Конституции, они не имеют права подавать иск такого характера в суд Соединенных Штатов, а Окружной суд не обладает юрисдикцией в отношении такого иска.

"Единственные два пункта Конституции, которые указывают на эту расу, рассматривают их как лиц, с которыми было *морально* законно обращаться как с предметами собственности и содержать в качестве рабов.

"Изменение общественного мнения и чувств по отношению к африканской расе, произошедшее с момента принятия Конституции, не может изменить ее структуру и значение, и теперь она должна толковаться и применяться в соответствии с ее истинным значением и намерениями, когда она была сформирована и принята.

"Истец, признав (своим возражением против иска об отказе в удовлетворении иска), что его предки были вывезены из Африки и проданы в рабство, не является гражданином штата Миссури в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов и не имел права предъявлять иск в этом качестве в окружном суде.

"Положение в Конституции, разрешающий съезд, чтобы сделать все необходимые правила и предписания правительства края и иного имущества, США распространяется только на территории королевского границы отдельных государств, когда они были колониями Великой Британии, и который был передан английским правительством к старой Конфедерации государств мирный договор. Это не относится к территории, приобретенной нынешним федеральным правительством по договору или завоеванию у иностранного государства.

"Соединенные Штаты, согласно действующей Конституции, не могут приобретать территорию для использования в качестве колонии, для управления по своей воле и удовольствию. Но она может приобрести его и управлять им как Территорией до тех пор, пока у него не будет населения, которое, по мнению Конгресса, дает ему право быть принятым в качестве штата Союза.

"В течение того времени, пока это остается Территорией, Конгресс может издавать над ней законы в рамках своих конституционных полномочий по отношению к гражданам Соединенных Штатов — и может учредить территориальное правительство — и форма этого местного самоуправления должна регулироваться по усмотрению Конгресса — но с полномочиями, не превышающими тех, которые сам Конгресс, согласно Конституции, уполномочен осуществлять в отношении граждан Соединенных Штатов в отношении их личных прав или прав собственности.

"Приобретенная таким образом территория приобретается народом Соединенных Штатов для их общей и равной выгоды через своего агента и доверенное лицо, Федеральное правительство. Конгресс не может осуществлять никакой власти над правами личности или собственностью гражданина на Территории, которая запрещена Конституцией. Правительство и его граждане, когда Территория открыта для заселения, въезжают на нее со своими соответствующими правами, определенными и ограниченными Конституцией.

"Конгресс не имеет права запрещать гражданам какого-либо конкретного штата или групп штатов селиться там, в то время как он разрешает гражданам других штатов делать это. Она также не имеет права предоставлять привилегии одному классу граждан, в которых она отказывается другому. Территория приобретается для их равной и общей выгоды — и если она открыта для кого-либо, то должна быть открыта для всех на равных и одинаковых условиях.

"Каждый гражданин имеет право взять с собой на Территорию любой предмет собственности, который Конституция Соединенных Штатов признает собственностью.

"Конституция Соединенных Штатов признает рабов собственностью и обязывает федеральное правительство защищать ее. И Конгресс не может осуществлять больше полномочий в отношении собственности такого рода, чем он может конституционно осуществлять в отношении собственности любого другого рода.

Таким образом, акт Конгресса, запрещающий гражданину Соединенных Штатов брать с собой своих рабов, когда он переезжает на рассматриваемую Территорию для проживания, является

осуществлением власти над частной собственностью, которая не гарантируется Конституцией, а высылка истца его владельцем на эту Территорию не давала ему права на свободу.

"Сам истец не приобрел права собственности на свободу, поскольку его владелец отвез его на Рок-Айленд в Иллинойсе и вернул обратно в Миссури. Этот суд до сих пор решал, что статус или состояние лица африканского происхождения зависело от законов государства, в котором оно проживало".

Таким образом, высший и августейший судебный трибунал этой страны признал доктрины, отвратительные для эпохи, ниспровергающие действия и обычаи отцов и основателей Республики, и объявил Указ 1787 года в той мере, в какой он ограничивал рабство людей, и все подобные акты с самого начала неконституционными.

Это решение поразило судью, коллегия адвокатов и мыслящих людей всей страны, не только из-за доктрин, изложенных судом, но и из-за нового выхода высокого суда за рамки дела, внесенного в протокол, чтобы объявить о них.

Для любого суда, мягко говоря, обычным является лишь решение вопросов, необходимых для вынесения решения по рассматриваемому реальному делу, не более того; но суд по этому делу сначала постановил, что Окружной суд, в котором было возбуждено уголовное дело по ошибке, не обладает юрисдикцией выносить какое-либо решение, поскольку он установил, "на основании показаний самого Скотта, что он все еще был рабом; даже не для вынесения решения против него и в пользу ответчиков в связи с издержками".

В заключении говорится:

"Согласно решению этого суда, из представленных нам материалов следует, что истец по ошибке не является гражданином штата Миссури в том же смысле, в каком это слово используется в Конституции; и что Окружной суд Соединенных Штатов по этой причине не обладал юрисдикцией в данном деле и не мог вынести по нему никакого решения. Следовательно, его решение в отношении ответчика должно быть отменено и выдано постановление, предписывающее отклонить иск за отсутствием юрисдикции".

Из такого решения следовало, что все сказанное или предпринятое решение по другим вопросам носило внесудебный характер - просто *obiter dicta*, если даже это так.

Возражение по вопросам, охватываемым решением, основывается не только на его внесудебном характере, но и на том факте, что при разрешении простого индивидуального спора оно перешло от частных прав к публичным правам людей в их национальном характере, полностью относящимся к политическим вопросам, полностью выходящим за рамки компетенции суда юридически, судебно или потенциально. У него не было юридического права как у суда принимать решения или комментировать то, что не рассматривалось им; у него не было судебной власти издавать какие-либо указы по обеспечению соблюдения общественных или политических прав, равно как и приводить в исполнение какими-либо инструментами или судебным механизмом - штрафами, тюрьмами и т.д. - любые такие указы.

Более того, это решение вторглось в недвусмысленные полномочия Конституции, предоставленные ей Конституцией "в отношении территории другой собственности,

принадлежащей Соединенным Штатам". Этому разрешению предшествует в Конституции формулировка: "Конгресс имеет право" (93) и т.д.

Суд вступил на политическое поле, хотя и был облечен только судебной властью, одной из трех отдельных ветвей власти правительства. Для разумных целей Конституция предусмотрела исполнительную, законодательную и судебную ветви власти, каждая из которых обладала потенциалом в своей сфере, действуя всегда, конечно, в рамках своих соответствующих надлежащих, ограниченных, предоставленных конституцией полномочий.

"Судебная власть распространяется на все *дела* по закону и справедливости, возникающие в соответствии с настоящей Конституцией".(94)

Как видно, этот высший судебный трибунал исходил из дела, в котором суды не обладали юрисдикцией выносить какие—либо решения в какой-либо форме - даже в отношении издержек, решать вопросы, ни в каком смысле не относящиеся к конкретному делу, ни даже к *судебным* публичным правам народа или правительства, но полностью принадлежащие политическим, законодательным полномочиям Конгресса, ни в какой степени не связанные с возникающим и решаемым юрисдикционным вопросом. Если будет сказано, что суды по пересмотру дела или по ошибке иногда решают все вопросы, внесенные в протокол, хотя некоторые из них могут и не быть необходимыми для полного рассмотрения дела, находящегося на их рассмотрении, следует ответить, что это наиболее редкий случай, если вообще происходит, когда дело рассматривается, как это было с делом Дреда Скотта, вопреки юрисдикции суда первой инстанции. Но, очевидно, что многие политические вопросы, подробно обсуждавшиеся в заключениях и сформулированные в виде *учебных программ* (процитированных выше) для данного дела, не были и не могли быть зарегистрированы, и на них не были допущены ошибки, и, следовательно, независимо от того, был ли решен или должен быть решен единственный вопрос юрисдикции или нет, эти вопросы можно рассматривать только как обсуждения — личные мнения судей — не возвышающиеся до достоинства простых добровольных мнений по вопросам *права*; не имеющие обязательной силы даже в качестве *юридических прецедентов*, потому что за пределами дела и протокола — даже должным образом *некролог*.

Но рабство тогда доминировало и пронизывало все и вся. Почему судьи Верховного суда должны быть свободны от его влияния? Указ 1787 года был повторно принят Первым Конгрессом в соответствии с Конституцией, и его положение об ограничении рабства, без сомнения, было приведено в исполнение Вашингтоном, Адамсом, Джефферсоном, Мэдисоном, Монро и Джексонсом и их администрациями. Компромиссная линия штата Миссури оставалась неприкосновенной более трети века. В 1848 году Полк и его кабинет одобрили законопроект штата Орегон, запрещающий рабство; также Пирс и его администрация одобрили (1853) распространение того же запрета на территорию Вашингтона.

Ранее, в 1845 году, Закон об аннексии Техаса, как мы видели, вновь ввел в действие 36 град. 30-я линия ограничения рабства, и в 1848 году выступающая за рабство партия в Конгрессе проголосовала за распространение этой линии на Калифорнию. Конгресс снова и снова осуществлял полномочия по изданию законов для Территорий; одиннадцать раз, в период с 1823 по 1838 год, он вносил поправки в законы Законодательного собрания Флориды, тем самым утверждая абсолютное право издавать законы для Территорий. Верховный суд

Соединенных Штатов на протяжении почти семидесяти лет исходил из принципа права Конгресса принимать законы за них и действовал в соответствии с ним.

Теперь все изменилось, как будто появился новый оракул строительства, более высокий и мудрый, чем все, кто был до него, — оракул, который знал о Конституции больше, чем ее создатели. Этот новый оракул не предсказывал судьбу. Провозглашение принципа, согласно которому Конституция рассматривает негров "как лиц, с которыми *морально* законно обращаться как с предметами собственности и содержать в качестве рабов", потрясло совесть справедливых людей по всей земле.

Ссылаясь на времена, когда были приняты Декларация независимости и Конституция Соединенных Штатов, и говоря об африканской расе, Главный судья, по его мнению, сказал:

"Более ста лет назад они считались существами низшего порядка и совершенно непригодными для общения с белой расой ни в социальных, ни в политических отношениях; и настолько низшими, что у них не было прав, которые белый человек был обязан уважать: и что негр мог справедливо и законно быть обращен в рабство в свою пользу".

Эти и родственные им выражения поразили всю цивилизацию и всех христиан.

Север был ошеломлен этим решением, некоторые опасались, что рабство вскоре станет национальным. Юг хвастливо ликовал по поводу своего дела, (95) громко провозглашая первостепенную, обязывающую силу верховного судебного трибунала в Республике. Свободный труд и вольные труженики были осуждены. В устной речи и прессе их называли "*отбросами общества*:" только рабство негров облагораживало белую расу.

Чрезмерно рьяный Юг был даже убежден, что мелкие фермеры, торговцы и механики не обладают достаточной храбростью, чтобы бороться за свободу.

Судья Катрон, в частности, утверждал, что Наполеон I, включив третью статью договора об уступке провинции Луизиана, навсегда закрепил за ней рабство. Но об этом мы уже говорили.(96)

Это был последний триумф рабства. Дред Скотт, его жена и две маленькие девочки были отправлены в рабство, чтобы быть освобожденными непреодолимой мощью божественного правосудия, совершенного через искупительную кровь давно оскорбленной белой расы, смешанную на многих полях с кровью их собственной расы.

(92) 19-й Говард (США), стр. 393-633.

(93) Кон., статья IV., раздел 3, параграф 2.

(94) Кон., статья III., раздел 2.

(95) Сообщается, что Роберт Тумс из Джорджии в экстравагантном восторге сказал: "Я рассчитываю объявить список моих рабов у подножия Банкер-Хилл".

(96) *Ante*, стр. 43-5.

XX РЕЙД ДЖОНА БРАУНА — 1859

Джон Браун, известный в Канзасе, эксцентричный, введенный в заблуждение и ярый в своей ненависти к рабству и мученичество, поощряемый некоторыми из самых влиятельных борцов с рабством на Севере, которых подстегивала многолетняя агрессия рабства, "*пикой*" в Харперс-Ферри (16 октября 1859 г.) уколол зловонную яму рабства, вызвав дрожь, пробежавшую по всему телу. С ним была *армия из восемнадцати человек*, пятеро из которых были свободными неграми.⁽⁹⁷⁾ У них были ружья и пистолеты для себя и несколько копий для рабов, которых они надеялись освободить.

Браун собрал свою группу на ферме Кеннеди в Мэриленде, в нескольких милях от Харперс-Ферри, штат Вирджиния.

Он заявил, что верит в свой успех, если сумеет занять последнее место, поскольку это "послужило бы уведомлением рабам о том, что пришли их друзья, и трубным звуком, чтобы сплотить их под его знамена". Об этом он заявил Фредерику Дугласу, которого тщетно уговаривал присоединиться к его экспедиции.⁽⁹⁸⁾ Его целью было освободить рабов, а не отнять жизнь.

Эта дерзкая организация захватила оружейный склад Соединенных Штатов, арсенал и стрелковый завод - всю государственную собственность. К полуночи Браун полностью овладел Харперс-Ферри. До наступления утра он приказал арестовать двух известных рабовладельцев, одним из которых был полковник Льюис Вашингтон, правнук брата Джорджа Вашингтона, захватив у него меч Фридриха Великого и пару пистолетов Лафайета, подаренных от них, соответственно, генералу Вашингтону. Особым стремлением Брауна было освободить вашингтонских рабов. Бои начались на рассвете 17-го. Мэр Харперс-Ферри и еще один человек были смертельно ранены.

Брауна и его группу к полудню загнали в машинное отделение рядом с оружейным складом, где они зарешетили двери и окна и проделали иллюминаторы для своих винтовок. Там они были осаждены и обстреляны нападавшими.

Полковник Вашингтон и другие их пленники удерживались Брауном в машинном отделении. Браун и его люди открыли ответный огонь. Некоторое представление о характере и храбрости Брауна можно составить из описания полковником Вашингтоном его поведения в форте машинного отделения:

"Браун был самым хладнокровным и непреклонным человеком, которого я когда-либо видел, бросающим вызов опасности и смерти. Когда один сын был мертв рядом с ним, а другой прострелен насквозь, он одной рукой щупал пульс своего умирающего сына, а другой держал винтовку и командовал своими людьми с предельным хладнокровием, призывая их быть твердыми и продать свои жизни так дорого, как только они могли".

Он не стал мстить своим пленникам. Хотя его сыновья и друзья были мертвы и умирали вокруг него, а его самого ближе к концу боя зарубили мечом и вонзили штыки в его тело, он защищал своих пленников так, что ни один из них не пострадал. И по мирным жителям его группа не стреляла.

Когда отряд Брауна в *форте* сократился до него самого и шести человек, двое или более из которых были ранены, полковник Роберт Э. Ли, *тогда служивший в армии Соединенных Штатов*, прибыл с ротой морских пехотинцев. После того, как Браун отклонил требование Ли сдаться, вход был взломан, и, истекающий кровью, некоторые умирающие, он и те, кто остался, были уведены. Из девятнадцати человек десять были убиты, пятеро взяты в плен, а четверым удалось бежать, двое из четырех впоследствии были схвачены в Пенсильвании. Они убили пятерых и ранили девять жителей и осаждавших их.

Не только все окрестности были дико возбуждены, но и весь Юг был в смятении. Рабство подверглось физическому насилию у себя дома. Север разделил всеобщее волнение, в целом осуждая опрометчивый поступок, хотя многие глубоко сочувствовали целям движения Брауна, а его героическое поведение и жизнь вызывали у многих восхищение им. Он был истово верующим в буквальное прочтение Святой Библии и в особые суды Божьи, как он истолковывал их в Ветхом Завете. Свою атаку на рабство он считал более рациональной и с такой же вероятностью победоносной, как атака Иисуса Навина на город-крепость с трубами и криками и как нападение отряда Гедонеа из трехсот человек, вооруженного только трубами, лампами и кувшинами, на столкновение с огромной армией. Как пали стены Иерихона, и банда Гидеона обратила в бегство мадианитян и амаликитян в бесчисленных количествах, как кузнечиков, так и Браун ожидал, по крайней мере, нежно надеялся и истово молился, увидеть, как мириады человеческих рабов выйдут на свободу в Америке. Однако он не ожидал всеобщего восстания рабов.

Он не стремился к сан-Домингоизации Юга, и против этого он предусмотрел меры наказания в своей подготовленной временной конституции.(99)

Брауна поощряли и оказывали материальную помощь Джеррит Смит, доктор Хоу из Бостона, Стернс, Санборн, Фредерик Дуглас, Хиггинсон, Эмерсон, Паркер, Филлипс и другие менее известные люди; некоторые, если не все, из них не поняли и не одобрили его план нападения.

Рабы не восстали, они в сколько-нибудь значительном количестве даже не знали в то время истинной цели своего будущего освободителя.

Во время волнения, вызванного первыми новостями, Грили пророчески написал:

"Мы глубоко сожалеем об этой вспышке; но, помня, что если их вина была тяжелой, то они жестоко ответили за это, мы ни единым укоризненным словом не потревожим окровавленные саваны, под которыми спят Джон Браун и его соотечественники. Они осмелились и умерли за то, что считали правильным, хотя и таким образом, который нам кажется фатально неправильным. Пусть их эпитафии останутся ненаписанными *донедалекого дня*, когда ни один раб не будет звенеть цепями в тени Монтичелло или у могил Маунт-Вернона".(100)

Рейд Брауна не оказал серьезного влияния, как тогда ожидалось, на ноябрьские выборы того года, и они были благоприятны молодой, агрессивной республиканской партии, созданной для того, чтобы остановить распространение рабства.

Цель здесь не в том, чтобы писать подробную историю конкретных событий, а только назвать те, которые оказали существенное влияние на рабство; тем не менее, *судьба* Джона Брауна должна быть зафиксирована. Он был схвачен 18 октября; обвинение предъявлено 20 октября; привлечен к суду в Чарльзтауне, в округе Джефферсон, штат Вирджиния, хотя его открытые

раны все еще кровоточили; а 31 октября 1859 года присяжные вынесли вердикт, признав его "виновным в государственной измене, заговоре и советах рабам и другим лицам к восстанию; и убийстве первой степени". За исключением опрометчивости, суд над ним был справедливым при всех обстоятельствах, и никакого другого результата нельзя было ожидать. 2 ноября он был приговорен к повешению 2 декабря 1859 года.

Когда ему предъявили обвинение для вынесения приговора, среди прочего он сказал:

"Если будет сочтено необходимым, чтобы я пожертвовал своей жизнью во имя торжества справедливости и еще больше смешал свою кровь с кровью моих детей и с кровью миллионов людей в этой поработанной стране, чьи права игнорируются злыми, жестокими и несправедливыми поборами, я говорю: пусть это будет сделано".

Чуть позже он написал:

"Я могу предоставить Богу время и способ моей смерти, ибо теперь я верю, что запечатление моего свидетельства перед Богом и людьми моей кровью принесет гораздо больше пользы делу, которому я искренне посвятил себя, чем все, что я делал в своей жизни ... Я вполне радуюсь своему приближающемуся концу, поскольку убежден, что на виселице я стою бесконечно больше, чем мог бы быть где-либо еще".

По пути из тюрьмы на эшафот он вручил охраннику бумагу, на которой были написаны его последние слова.

"Я, Джон Браун, теперь совершенно уверен, что преступления на этой грешной земле никогда не будут искуплены иначе, как кровью. Я напрасно льстил себя надеждой, что это можно было бы сделать без особого кровопролития".

Эмерсон, Паркер и пресса Севера, занимающаяся отменой смертной казни, восхваляли Брауна и его последователей.

Его набег был сделан еще одним предлогом для объединения Юга.

Американское общество борьбы с рабством в своем календаре событий обозначило 1859 год как "Год Джона Брауна".

Джон Браун был увековечен в песне, написанной и исполняемой сначала в 1861 году, а затем армией Союза, где бы она ни проходила маршем. На месте, где он был повешен, Массачусетский полк (1862) пел:

"Тело Джона Брауна разлагается в могиле,
но его душа продолжает свой путь" и т.д.

Значение атаки Джона Брауна, какой бы незначительной она ни была с точки зрения численности участвовавших в ней, заключается в том факте, что это единственное в своем роде открытое выступление против рабства в истории Соединенных Штатов, и еще в том факте, что оно было на пороговой *линии за отделение*, закончившейся *всеобщей эмансипацией*.

(97) *История. США* (Родс), том ii., стр. 393.

(98) Там же., стр. 392.

(99) Отчет Мейсона, стр. 57.

(100) История США (Родс), том ii., стр. 403; New York Tribune, 19 октября.

XXI ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ, 1856-1860 гг.

Политическая кампания 1856 года до сих пор оставалась без внимания, поскольку ее более уместно отнести к истории политических движений, приведших к отделению.

Между двумя великими партиями — республиканской и демократической — самым важным вопросом был вопрос о рабстве.

Республиканская партия, рожденная в результате агитации за рабство, в своей платформе (1856) отрицала

"Полномочия Конгресса, законодательного органа территории, любого физического лица или ассоциации физических лиц обеспечивать законное существование рабства на любой территории Соединенных Штатов.

"Заявил, что Конституция наделяет Конгресс суверенной властью над Территориями Соединенных Штатов для их правительства, и что при осуществлении этой власти Конгресс имеет право и обязанность запретить на Территориях эти двойные пережитки варварства — полигамию и рабство".

С другой стороны, Демократическая партия в 1856 году, только что завершившая борьбу в Конгрессе за законопроект о Небраске и отмену Миссурийского компромисса, отказала Конгрессу в праве исключить рабство на Территориях и объявила об этом

"Право народов всех Территорий, включая Канзас и Небраску ... сформировать Конституцию, с домашним рабством или без него, и быть принятыми в Союз".

В 1856 году обсуждались и другие, но незначительные вопросы. Джон К. Фремонт был выдвинут республиканцами, а Джеймс Бьюкенен - демократами. Дуглас не смог получить президентскую премию из-за яростного антагонизма со стороны Юга, особенно со стороны Джефферсона Дэвиса, У. М. Л. Янси, Роберта Тумбса и других ведущих государственных деятелей, выступающих за рабство. Они не доверяли ему, хотя он привел их к победе в 1854 году, отменив 36 град. 30. ограничение рабства и, как мы видели, открытие территориальной империи Небраска для притока рабов. Он был патриотом, и, следовательно, на него нельзя было положиться в том, что он сделает следующий шаг к распространению рабства на Территориях и выступит за роспуск Союза.

Бьюкенен, гибкий инструмент, был избран большинством голосов вместо Фремонта и Филлмора, кандидатов от американской партии. Фремонт большинством голосов поддержал все свободные штаты, за исключением Индианы, Нью-Джерси, Пенсильвании, Иллинойса и Калифорнии.

Всенародное обсуждение вопроса о рабстве в ходе предвыборной кампании было обстоятельным, запоминающимся, волнующим, поучительным и, хотя привело к поражению

антирабовладельческой партии, обозначило тенденцию общественных настроений и ясно предвещало, что она вскоре восторжествует.

Дебаты Линкольна и Дугласа 1858 года еще больше прояснили для народных масс надвигающиеся проблемы и показали, что конец распространению рабства близок.

Решение Дреда Скотта, объявленное в марте 1857 года, полностью опровергло, насколько это могло быть сделано судебнополитическим *mobiter dicta*, теорию народного суверенитета Дугласа, оставив ему только северный конец (и то не объединенный) его партии, пытающийся ее поддержать.

Затем началась президентская кампания 1860 года, последняя, в которой участвовала партия рабов.

Демократическая партия собралась на делегатский съезд в апреле 1860 года в Чарльстоне, Южная Каролина, и после семи дней борьбы, в течение которых Янси и другие угрожали разобщением, делегаты от Хлопковых штатов — Южной Каролины, Алабамы, Миссисипи, Луизианы, Флориды, Техаса и Арканзаса — отделились по предполагаемой причине, что большинство участников съезда приняло демократическую платформу 1856 года, которая поддерживала доктрину Дугласа - Народного суверенитета применительно к Территориям.

Отделяющиеся делегаты проголосовали за платформу, декларирующую право всех граждан селиться на Территориях со всем своим имуществом (включая рабов) "без его уничтожения или ущемления законодательством Конгресса или территории", и далее,

"Что обязанностью федерального правительства во всех его ведомствах является защита, когда это необходимо, прав людей и собственности на Территориях и везде, где еще распространяется его конституционная власть".

Это была не только новая доктрина Верховного суда, но к ней было добавлено дополнительное утверждение о том, что Конституция *требует* от Конгресса и всех департаментов правительства защищать рабовладельца и его рабов, оказавшихся на Территории, от территориального законодательства или других недружественных действий. Согласно этой самой поразительной доктрине, Конституция должна была стать инструментом для *установления и защиты рабства* во всех территориальных владениях Республики.

Дуглас не смог выдвинуть свою кандидатуру в Чарльстоне из-за отсутствия двух третей голосов от всего съезда, как это было первоначально организовано. Съезд закрылся, чтобы собраться 11 июня в Балтиморе, и его отделившееся отделение также закрылось, чтобы собраться в то же время в Ричмонде, но позже оно решило встретиться и снова стать частью съезда в Балтиморе. В то время Юг контролировал Сенат, и 25 мая 1860 года, до повторного созыва конвента, и после самых ожесточенных дебатов, в которые был втянут Дуглас и в которых Джефферсон Дэвис яростно нападал на него, были приняты резолюции последнего, подтверждающие теорию "*собственности*" с добавлением новой доктрины конституционной защиты ее на Территориях.

Съезд собрался заново, и по истечении пяти дней споров и взаимных обвинений, во время которых участники называли друг друга "дезорганизаторами", "болтунами", "предателями", "разобщителями", "аболиционистами", сопровождавшихся жестокими угрозами, он снова был сорван, его председатель Калед Кушинг из Массачусетса возглавил болтеров, а за ним

последовали делегаты в основном из Южных Штатов. Они сразу же организовали отдельный съезд.

Дуглас был выдвинут первоначально организованным съездом, а Джон К. Брекинридж - болтерами, каждый на четко определенной платформе, касающейся рабства, упомянутой выше.

В 1860 году в Балтиморе собрался еще один политический орган, а именно: "Конвент Конституционного союза". Он собрался 9 мая. Его платформа должна была быть всеобъемлющей, настолько простой и патриотичной, чтобы ее мог одобрить каждый. Он заявил о недопустимости признания каких-либо принципов, отличных от

"Конституция страны, Союз штатов и обеспечение соблюдения законов."

Джон Белл из Теннесси был выдвинут на этой широкой платформе в президенты, а Эдвард Эверетт из Массачусетса - в вице-президенты, оба в высшей степени респектабельные государственные деятели, но времена были не благоприятны для простых обобщенных принципов или простой респектабельности.

Великий съезд вигвамов - республиканцев собрался в Чикаго 16 мая 1860 года с делегатами от всех свободных Штатов, территорий Канзас и Небраска, а также от Делавэра, Мэриленда, Вирджинии, Кентукки и Миссури.

Его платформа была длинной и подтверждала принципы Декларации независимости, выступала против вмешательства в рабство в Штатах, осуждала рейд Джона Брауна как "одно из тягчайших преступлений" и, в основном, была умеренной и консервативной.

По вопросу о рабстве на Территориях это было радикально:

"Что новая догма о том, что Конституция сама по себе вводит рабство на любой или на всех территориях Соединенных Штатов, является опасной политической ересью, противоречащей прямым положениям самого этого документа" и т.д.

"Что нормальным состоянием всей территории Соединенных Штатов является свобода ... и мы отрицаем полномочия Конгресса, или законодательного органа территории, или каких-либо физических лиц легализовывать рабство на любой территории Соединенных Штатов".

Линкольн из Иллинойса, Сьюард из Нью-Йорка, Чейз из Огайо и Кэмерон из Пенсильвании были основными кандидатами на выдвижение, но борьба развернулась между Линкольном и Сьюардом, каждый из которых считался в высшей степени квалифицированным кандидатом на пост президента и особым представителем своей партии в вопросе рабства.

Линкольн был выдвинут при третьем голосовании, а Ганнибал Хэмлин, сильный государственный деятель Новой Англии, был выдвинут на пост вице-президента.

Рабство с его трехсторонними проблемами было единственным захватывающим вопросом, обсуждавшимся в ходе кампании. На юге крыло Брекинриджа атаковало отряд Дугласа, который, в свою очередь, сражался *сним* там. На Севере Республиканская партия яростно атаковала как дугласовское, так и Брекинриджское крыло Демократической партии; они, в свою очередь, давали отпор и воевали друг с другом.

Партия Белла и Эверетта, хотя и утверждала, что является единственной партией Конституции, подверглась насмешкам, поскольку на самом деле не отстаивала четко определенных принципов ни по какому вопросу вообще. Белл и Эверетт, однако, выиграли Теннесси, Кентукки и Вирджинию. Линкольн выиграл все Северные штаты, за исключением трех голосов выборщиков в Нью-Джерси.

Из 303 голосов выборщиков Линкольн получил 180, Дуглас - 12 (Миссури - 9 и Нью-Джерси - 3), Брекинридж - 72 и Белл - 39, что дало Линкольну 57 голосов. Он был первым и единственным президентом, избранным непосредственно по вопросу рабства.

Вопрос о рабстве, поставленный таким острым образом, был решен народом на выборах, и его вердикт был за свободу на Территориях. Больше никаких рабовладельческих государств; больше никакого ослабления рабства путем его распространения (как когда-то выступали Клей и другие) для его улучшения.

Оно должно жить или умереть в государствах, в которых оно было создано. Ни успешное отделение, ни права штата, ни завершившееся разъединение не могли продлить его. Как и все неправильное, оно не могло стоять на месте; чтобы процветать, оно должно быть агрессивным и прогрессивным. Ограничить его означало задушить. Это хорошо понимали его приверженцы.

В мировой истории никогда не было более блестящих, более преданных, более серьезных, более увлеченных и в то же время более непоследовательных пропагандистов института человеческого рабства, чем в нашей Республике в период агитации за аннулирование—права государства—отделение-разъединение линий. Они были из школы Калхуна. Они провозглашали в законодательных залах, с трибун "Свободу" и тесно поддерживали *человеческое рабство*, часто заявляя, что верят в *божественное право*.

XXII РОСПУСК СОЮЗА

Отделение было уже близко! Сначала это было оправдано под знаменем прав штатов, исходя из теории, что Союз был добровольным соглашением штатов, которое могло быть разорвано по воле одного или всех. Что Республика была всего лишь экспериментом, который должен был существовать до тех пор, пока кто-либо из ее членов не будет свергнут. Что кровь Революции была пролита не за создание независимой нации, а за конфедерацию отдельных штатов. Под видом аннулирования оно появилось, как мы видели, в 1832 году; предлогом были чрезмерные тарифные пошлины. В 1835 году он взял на себя роль поборника рабства, потому что только в вопросе о рабстве Юг мог быть объединен. История обязана сказать, что в течение десятилетия, предшествовавшего 1860 году, патриотизм не был всеобщим даже в свободных штатах. У рабства там были свои приверженцы. Интересы торговли затронули многих. Предубеждение против чернокожих и родственные связи влияли на других. Партии, принадлежность к которым и любовь к политической власти определяли политику влиятельных людей во всех частях страны.

Юг был агрессивен и страдал от своих поражений в попытках расширить свой любимый институт. Молитва Калхуна о единстве Юга быстро воплощалась в жизнь, и фатальная судьба подстрекала его лидеров. Рабство, действительно, больше не имело прочного основания. Общественное мнение подорвало его. Оно не могло жить и терпеть свободу слова, свободную прессу или всеобщее образование даже для белой расы там, где они существовали. За всеми иностранцами, находившимися на Юге, следили; с ними, хотя они и не были причастны к каким-

либо замыслам по обращению в рабство, часто жестоко обращались и изгоняли. Только знатных гостей принимали с хваленым южным гостеприимством. Немцы или другие трудолюбивые иностранные эмигранты редко, если вообще когда-либо, осмеливались побывать на Юге.

Его города приходили в упадок. Рабство было буколическим и патриархальным. В своем самом процветающем состоянии она не могла процветать на небольших плантациях; многие также не могли владеть рабами или интересоваться их трудом. Не более двух десятых представителей белой расы Юга когда-либо владели рабским трудом или рабынями или интересовались ими. Восемь десятых не имели политического или социального положения. Они были, в большом смысле этого слова, в другой форме белыми рабами.

Пограничные штаты удерживали своих негров на ненадежном положении. Самые умные постоянно сбежали. Взаимная торговля рабами, выращенными в более северных рабовладельческих штатах, вероятно, стала менее прибыльной. И патрулирование ночью для обеспечения порядка стало общепринятой необходимостью.

Публикация книги Харриет Бичер-Стоу "*Хижина дяди Тома*" оказала большое влияние на общественные настроения Севера, а некоторое влияние даже на Юге. *Надвигающийся кризис Юга: как с ним справиться*, написанный Хилтоном Р. Хелпером, бедным белым человеком из Северной Каролины (1857), обвинение в рабстве с точки зрения белого большинства Юга, было осуждено Конгрессом как подстрекательское. Шерман из Огайо, в некотором роде поддержавший его публикацию, будучи кандидатом в спикеры, был осужден Миллсоном из Вирджинии, который заявил, что "тот, кто сознательно и целенаправленно использовал свое имя и влияние для распространения таких произведений, не только не годится быть спикером, но и не годится для жизни".

Одобрение Шерманом книги-помощника привело к его поражению на выборах Спикера, и во время этого конкурса в Палате представителей произошел бунт: не совсем кровопролитие. Рассказывая об этой сцене, Моррис из Иллинойса сказал:

"Еще несколько таких сцен... И мы услышим щелчок револьвера и увидим блеск взмахнувшего лезвия".

Содержание книги, хотя и выдержанное по тону, по словам Прайора из Виргинии, касалось только "мятежа, государственной измены и бунтарства".

В палате представителей нередко разыгрывались самые экстраординарные сцены, и все они оказывали воздействие на общественное сознание. Некоторые из них были вызваны яростными речами государственных деятелей Севера, произнесенными в ответ на вызывающее отношение или высказывания южан, хвастающихся своей храбростью.

Одна из таких сцен была спровоцирована в 1860 году Оуэном Лавджоем из Иллинойса, который в речи перед Палатой представителей осудил

"Рабовладение хуже, чем грабеж, чем пиратство, чем полигамия. Порабощение людей, потому что они низшие ... Это доктрина демократов, а также доктрина дьяволов! и нет такого места во

вселенной, за исключением пяти точек ада и Демократической партии, где практика и распространение таких доктрин не были бы позором".

У Лавджоя было более чем обычное оправдание для использования столь жестоких выражений.

Задолго до этого, 7 ноября 1837 года, его брат, Элайджа П. Лавджой, был убит в Олтоне, штат Иллинойс, защищая свой печатный станок от толпы, в основном из Миссури, его преступление заключалось в том, что он опубликовал статью об отмене смертной казни (*The Observer*). Его типография уже трижды за год подвергалась уничтожению.

Прайор из Вирджинии, Барксдейл из Миссисипи и другие были возмущены ругательствами Лавджоя, назвав его "гнусным лжесвидетелем", "лжесвидетельным вором-негром" и потребовав от Спикера "приказать этому черносотенному негодяю и похитителю негров занять его место".

Личные конфликты между членами группы были неизбежны. Поттер из Айовы, Келлог из Иллинойса и другие быстро и яростно встали на защиту Лавджоя. Последний закончил свою речь на волнении и угрозах. Впоследствии Прайор потребовал от Поттера "удовлетворения, обычного среди джентльменов", который немедленно предложил ему это сделать, назвав охотничьи ножи оружием для дуэли. Этот способ получения "удовлетворения" не был принят, потому что он был "вульгарным, варварским и бесчеловечным". С тех пор Поттер стал героем, и о трусости северян было слышно меньше.

Это и подобные инциденты разожгли быстро распространяющееся пламя - настоящие боевые пожары были тогда почти на виду.

Не следует предполагать, что республиканская партия до войны выступала за отмену рабства. Ее главные лидеры отрицали, что они являются аболиционистами; напротив, они настаивали на том, что их партия не будет вмешиваться в рабство там, где оно существует по закону штата.

Однако настроения людей в этой партии в этом вопросе опережали даже ее прогрессивных лидеров. Применение Закона о беглых рабах привело к многочисленным и наиболее важным присоединениям к аболиционистам. Уэнделл Филлипс стал аболиционистом, увидев, как толпа тащит Гаррисона по улицам Бостона; Джосайя Куинси - после мученической смерти Лавджоя; другие известные люди и множество движущихся, контролирующих себя масс решили выступить против человеческого рабства из-за подобных сцен по всему Северу. Они давали торжественные, часто тайные клятвы, став свидетелями того, как мужчин и женщин уводили в цепях в рабство, вести вечную войну с этим институтом; это было подражанием клятве Ганнибала, данной в древности своему отцу Гамилькару, вести вечную войну с Римом.

Наконец, из-за причин, в существовании которых главным образом был виноват Юг, настроения Севера против рабства достигли кульминации настолько сильно, что вскоре, если бы не отделение и война, рабство повсеместно подверглось бы нападкам. Остановить шествие великого морального движения, когда его поддерживают просвещенные массы, так же невозможно, как остановить стремительные воды великого потока во время паводка. Следовательно, эксперимент по роспуску Союза ради спасения рабства должен был, если вообще когда-либо был, быть опробован в 1861 году!

Отделение было облегчено из-за давней привычки южан хвастливо говорить о себе как о гражданах своих соответствующих Штатов, например: "Я виргинец"; "Я кентуккиец", казалось

бы, не обращая внимания на то, что они были гражданами Соединенных Штатов. Эта привычка в какой-то степени разрушала национальный патриотизм и поощряла государственную гордость, пагубную по своим последствиям. Во многих рабовладельческих штатах голосование проводилось *живым голосованием*; то есть избиратель объявлял на избирательных участках судьям имя человека, за которого он голосовал на каждом посту. Утверждалось, что это способствует откровенности, мужественности, независимости и честности на выборах. С другой стороны, с большой долей правды утверждалось, что это был наиболее утонченный и надежный метод принуждения зависимых бедных классов к голосованию, которого мог бы пожелать доминирующий класс, и, следовательно, почти полностью разрушающий независимость при голосовании.

Рассказывается анекдот о Джоне Рэндольфе из Роанока, который, находясь при дворе Сент-Джеймса (Англия), прославился тем, что хвастался, что он *виргинец*. Английский чиновник представил его для послеобеденной речи с просьбой рассказать, в чем разница между *жителем* Вирджинии и гражданином Американской Республики. Он коротко ответил:

"Разница заключается в системе голосования в дни выборов; в Вирджинии избиратель должен встать, посмотреть кандидатам в глаза и смело и честно назвать свои предпочтения, как мужчина; в то время как обычно избирателю в других штатах Союза разрешается прокрасться на избирательные участки, как вору, и опустить сложенный лист бумаги в отверстие в ящике, а затем трусливо прокрасться домой; одно способствует мужественности, другое - трусости".

XXIII ОТДЕЛЕНИЕ ШТАТОВ—1860-1

Из сказанного видно, что настал час практического отделения — разобщения - или полного отказа Юга от своей вызывающей позиции в отношении рабства. Последнего нельзя было ожидать от гордой расы южных государственных деятелей и рабовладельцев. Они зашли в своем деле слишком далеко, чтобы отступать, и Север, хотя и признавал в целом, что у конституции нет полномочий вмешиваться в рабство там, где оно существовало, в равной степени был полон решимости не допустить его распространения. В отделении заключалась единственная надежда либо заставить Север отступить со своих позиций, либо, в случае успеха, создать новое правительство, в котором рабство должно было стать всеобщим и фундаментальным. Никогда прежде не предлагалось создать нацию исключительно для увековечения человеческого рабства.

Избрание Линкольна уже было объявлено достаточным основанием для отделения. Югу не удалось превратить Калифорнию в рабовладельческое государство; создать еще четыре рабовладельческих штата из Техаса; заручиться обещаниями о том, что на территории Нью-Мексико должны быть образованы другие рабовладельческие штаты; и превратить Канзас в рабовладельческий штат. Ему также не удалось заполучить Кубу, и без того рабовладельческую, для разделения на еще более рабовладельческие государства. Более того, было очевидно, что из территориальных владений великого Запада будет допущено гораздо больше свободных государств. Таким образом, политическое равновесие в Конгрессе на грани рабства стало невозможным на все будущее. Таковы были обиды, над которыми размышлял Юг.

Но разве не по божественному плану рабству в Республике должен был быть положен насильственный конец? Нигде среди королевств и империй земли она не стала и никогда не была так глубоко внедрена как часть политической системы. В гордой, хвастливой, свободной

Республике Америка, во второй половине девятнадцатого века, где проповедовалась христианская религия, где свобода совести гарантировалась органическим законом, где предполагалось существование цивилизации на ее наиболее просвещенной и прогрессивной стадии, там, *в одиночку*, рабовладелец хвастливо выставял своих рабов-людей, продавая их на аукционе или иным образом по своему желанию, чтобы увезти в отдаленные уголки, разлучая жену с мужем, родителей с детьми и тысячью способов шокируя все самые чистые инстинкты человечества.

И его злые последствия не начались и не прекратились с черным рабом.

Джефферсон, говоря о рабстве в Соединенных Штатах, когда оно существовало в более измененной форме, описал его аморальное воздействие на хозяина и его семью следующим образом:

"Вся торговля между господином и рабом - это постоянное проявление самых неистовых страстей, самого неумолимого деспотизма с одной стороны и унижительного подчинения с другой. Наши дети видят это и учатся подражать этому . . . Родительские бури, ребенок наблюдает за ними, улавливает черты гнева, напускает на себя тот же вид в кругу маленьких рабов, дает волю худшим страстям и, таким образом, воспитывается и ежедневно упражняется в тирании, не могут не быть отмечены этим одиозными особенностями ".(101)

Добродетель белой расы обязательно присутствовала в этом учреждении. Кровь доминирующей расы смешивалась с черной, и часто у рабов преобладала белая кровь. Отпрыски рабовладельцев становились рабами, и с ними обращались так же, как с чистокровными африканцами. Наложничество существовало обычно там, где рабов было много.

Правило гласило, что любой человек, рожденный матерью-рабыней, был обречен на вечное рабство.

Еще в 1856 году, возможно, раньше, было предложено провести конференции среди лидеров некоторых южных штатов, стремящихся к отделению. Они повторились снова в 1858 году и перед избранием Линкольна в 1860 году. (102) И южные тайные общества были созданы в 1860 году для достижения той же цели.

Существование интриги в кабинете Бьюкенена, работавшей над созданием разобщенности, вряд ли было секретом.

Хауэлл Кобб из Джорджии, министр финансов, Джон Б. Флloyd из Вирджинии, военный министр, Джейкоб Томпсон из Миссисипи, министр внутренних дел, и, возможно, другие принадлежали к кабале кабинета министров.

Бьюкенен, хотя сам и желал сохранить Союз, не обладал смелым темпераментом, и он слишком долго был политическим инструментом рабовладельческой власти, чтобы эффективно противостоять ее жестокой агрессии; у него также не хватило проницательности обнаружить, что его официальный дом был центром движения за разделение. Его военный министр распределил офицеров армии, считавшейся дружественной, на Юг, где они могли стать ему доступны; он отправил с Севера стрелковое оружие и пушки, боеприпасы и склады, где их

можно было изъять в нужное время.(103) Члены Кабинета держали лидеров сепаратистов в курсе всех действий администрации и в целом помогали им. Казалось, что настало благоприятное время, если вообще когда-либо наступало, для успешного роспуска Союза. Армия и флот были полны способных южан, готовых, как доказывает продолжение, присоединиться к своим Штатам, покинуть страну, которая их взрастила и образовала, и флаг, который был их славой.

Губернатор У. М. Х. Гист из Южной Каролины 5 октября 1860 г. конфиденциальными письмами губернаторам хлопковых штатов фактически положил начало расколу, основанному на ожидавшихся через месяц выборах Авраама Линкольна.(104)

Неделю спустя, не дожидаясь консультаций губернаторов рабовладельческих штатов, он своим заявлением созвал Законодательное собрание Южной Каролины, чтобы *"принять меры для обеспечения безопасности штата"*.

Этот орган собрался 5 ноября, за день до президентских выборов.

Предполагаемыми основаниями для оправдания этой досрочной встречи были:

"Большая вероятность избрания на пост президента кандидата от фракции партией, приверженной поддержке мер, которые, в случае их осуществления, неизбежно разрушат *наше равенство в Союзе*" и т.д.

Это было общепризнанной причиной, в конце концов, отделения, хотя истинной причиной было абсолютное ограничение рабства и свержение рабовладельческой власти в Республике. Избрание президента-республиканца, конечно, стало разочарованием для государственных деятелей Юга, давно привыкших к абсолютному влиянию в Конгрессе и в администрации правительства. Обвинение в том, что Линкольн был секционным президентом, было справедливо только в той мере, в какой свобода была секционной. Тогда сепаратисты считали национальным только рабство.

Первым важным шагом законодательного собрания Южной Каролины было выделение губернатором 100 000 долларов на закупку стрелкового оружия и батареи нарезных пушек. Без возражений был созван съезд, чтобы *"принять во внимание опасности, связанные с положением штата в Федеральном союзе"*. Два ее сенатора от Соединенных Штатов и другие федеральные чиновники немедленно подали в отставку. 17 ноября в Чарльстоне состоялся грандиозный массовый митинг, в котором, как правило, участвовали дамы, торговцы и т.д. Звездно-полосатый флаг не был вывешен, но вместо него после торжественной молитвы был развернут белый пальмовый флаг. Здесь состоялось торжественное открытие Disunion. 13 ноября Законодательный орган Южной Каролины приостановил взыскание всех долгов, причитающихся гражданам нерабовладельческих штатов. Недостаточно было отказаться от Союза, но необходимо было отказаться и от честных долгов.

Названный таким образом конвент впервые собрался в Колумбии 17 декабря, затем перенесся в Чарльстон, где (соответственно) 20 декабря 1860 года был принят Указ об отделении следующего содержания:

"_Постановление,

"Расторгнуть Союз между штатам Южная Каролина и другими штатами, объединенными с ней в соответствии с договором, озаглавленным "Конституция Соединенных Штатов Америки_".

"Мы, народ штата Южная Каролина, собравшись на съезде, заявляем и предписываем, и настоящим объявляется и предписывается: Что Постановление, принятое нами на съезде 23 мая 1788 года от Рождества Христова, которым была ратифицирована Конституция Соединенных Штатов, а также все акты и части актов Генеральной Ассамблеи этого штата, ратифицирующие поправки к указанной Конституции, настоящим отменяются, и Союз, существующий в настоящее время между Южной Каролиной и другими штатами под названием "Соединенные Штаты Америки", настоящим распускается".

Это действие было предпринято администрацией Бьюкенена, когда сепаратисты и сторонники разобщенности еще находились в его кабинете, а Джефферсон Дэвис и другие все еще строили заговоры в Конгрессе.

Большое значение придавалось праву отменить первоначальный Указ 1788 года о ратификации Конституции Соединенных Штатов, и Союз Штатов был назван всего лишь "договором". За принятием Указа об отделении последовали "костры и иллюминации, звон колоколов, оскорбления в адрес Звездно-полосатого флага", в которых участвовала аристократия Южной Каролины, особенно приветствуемая первыми леди штата и города, которым и в голову не приходило, что прозвучит похоронный звон по рабству.(105)

Было вполне уместно, что Южная Каролина возглавила движение за отделение. В колониальном государстве она поставила больше тори во время революции 1776 года, чем любая из других колоний; она инициировала отделение путем аннулирования в 1832 году; и ее величайший государственный деятель Кэлхун был первым, кто предложил разобщение как средство от ограничений рабства.

События развивались стремительно.

Собрался конвент Алабамы, который 8 января 1861 года принял уполномоченных из Южной Каролины, а 11-го числа принял на тайном заседании Указ об отделении, отказавшись выносить его на голосование своего народа.

9 января 1861 года в штате Миссисипи на съезде было принято аналогичное Постановление.

Грузия 19 января на съезде приняла свой Указ об отделении.

Конвент Луизианы принял Указ об отделении 25 января 1861 года.

1 февраля 1861 года Техас принял на съезде аналогичный Указ, который был ратифицирован голосованием его народа 24 февраля.(106)

Таким образом, семь штатов решили отделиться еще до того, как Авраам Линкольн стал президентом.

И каждый из этих штатов подготовился к вооруженному сопротивлению; большинство, если не все, их сенаторов и представителей в Конгрессе ушли в отставку; в большинстве штатов, названных Соединенными Штатами, были захвачены форты, оружие, военные склады и другая общественная собственность; и многие офицеры армии и флота дезертировали, слабо оправдывая свои действия заявлением, что они должны идти со своими Штатами.

События происходили в Вашингтоне. Касс подал в отставку с поста государственного секретаря, потому что Бьюкенен придерживался доктрины, согласно которой не было силы, способной принудить отделившийся штат. В соответствии с этой зловещей доктриной сецессия, по-видимому, обеспечила себе свободное и бескровное прохождение в своем безумном стремлении распустить Союз и создать рабовладельческую империю. Сначала лидеры Юга сочли разумным отложить формирование "Конфедерации" до инаугурации Линкольна. Но примерно 1 января произошел раскол Кабинета. Флloyd был изгнан оттуда, и его сменил Джозеф Холт из Кентукки, самый способный и патриотично настроенный член Профсоюза. Позже, Эдвин М. Стэнтон и Джереми Блэк вошли в Кабинет министров, Бьюкенен поддался более патриотическому влиянию и принял более решительные меры Профсоюза, хотя и не основанные полностью на политике принуждения.

Но 5 января 1861 года "Центральная клика", состоящая из "Государственных деятелей Юга", которые все еще оставались в Вашингтоне, где они могли наилучшим образом продвигать и направлять отделение Штатов и держать администрацию в узде, если не контролировать ее, собралась в одной из комнат *Капитолия*, чтобы разработать окончательную программу на будущее. Она согласилась с этими предложениями:

Первый. Немедленное отделение государств.

Второе. Конвенция, которая должна собраться в Монтгомери, штат Алабама, не позднее 15 февраля, для организации Конфедерации.

Чтобы предотвратить враждебное законодательство в условиях изменившихся и более лояльных импульсов президента и его обновленного кабинета, сенаторам от Коттон-Стейтс следует некоторое время оставаться на своих местах, чтобы "держат руки Бьюкенена связанными".(107)

Эта клика назначила сенаторов Джефферсона Дэвиса, Слайделла и Мэллори "для выполнения целей встречи".

Таким образом, под "Куполом Капитолия" сенаторами и представителями, которые все еще занимали свои места и официальные должности и по-прежнему получали жалованье из Казначейства Соединенных Штатов, была спланирована государственная измена с единственной целью - дать им возможность лучше достичь поставленной цели. Подумайте о предполагаемом президенте "Конфедеративных штатов Америки", их будущем министре при Французском дворе и их будущем военно-морском министре, тайно замышляющих в Капитолии в Вашингтоне уничтожить Союз! Но это были предательские времена.

Благодаря решению законодательного собрания Миссисипи съезд в Монтгомери был ускорен, и он собрался 4 февраля вместо 15 февраля 1861 года, как было предложено вашингтонским собранием конгрессменов Юга. Собрались делегаты из шести отделившихся штатов к востоку от Миссисипи, а чуть позже (2 марта) к ним присоединились делегаты из Техаса. На четвертый

день его сессии родился национальный *ребенок-раб*, которого окрестили "*Конфедеративными штатами Америки*". На следующий день Джефферсон Дэвис был избран президентом, а Александр Х. Стивенс из Джорджии - вице-президентом. Стивенс принес присягу на следующий день после своего избрания. Дэвис прибыл из Вашингтона, и 18-го числа состоялась инаугурация первого (и последнего) президента этой Конфедерации.

Следующим шагом была постоянная Конституция. С характерной быстротой он был подготовлен и принят 11 марта 1861 года, через неделю после того, как Линкольн стал президентом Соединенных Штатов, хотя Конфедерация была сформирована почти за месяц до начала его официального срока полномочий.

Этот документ был разработан по образцу Конституции Соединенных Штатов.

Он запрещал ввоз негров африканской расы из любой зарубежной страны, кроме рабовладельческих штатов или Территорий Соединенных Штатов. Затем, вероятно, впервые в истории наций, предполагаемая новая Республика посвятила себя вечному рабству, таким образом:

"Ни один билль о праве собственности, *закон постфактум* или закон, отрицающий или ущемляющий право собственности на негритянских рабов, не должен приниматься".(108).....

Достаточно странно, что проницательные друзья института рабства, зная и признавая, что он не выдержит конкуренции со свободным, хорошо оплачиваемым трудом, необходимым для обрабатывающей промышленности, а также зная, что рабство было приспособлено только к сельским занятиям, а не к квалифицированному механическому труду, и желая навсегда внедрить рабство людей в новой стране, устранив всякую возможность конкуренции с чем-либо, что могло бы за счет повышения достоинства труда приумножить богатство, как это было засвидетельствовано в великих северных городах, и, таким образом, поставить под угрозу рабство, стремились защитить это пунктом, включенным в их органический акт, запрещающим любые формы *тарифов* на оплату труда. защищайте отечественную промышленность.

"Также не должны устанавливаться никакие пошлины или налоги на импорт из иностранных государств для продвижения какой-либо отрасли промышленности".(109)

Коттону суждено было когда-либо стать "Королем" Конфедерации.

"Декларация непосредственных причин" Миссисипи, оправдывающая отделение, с предельной честностью объявила:

"Наша позиция полностью отождествляется с институтом рабства — величайшим материальным интересом в мире Удар по рабству - это удар по торговле и цивилизации. Этот удар уже давно был нацелен на этот институт и находился на грани своего завершения. У нас не оставалось иного выбора, кроме как подчиниться требованиям об отмене или роспуске Союза".

Лучшее, наиболее откровенное, консервативное и всеобъемлющее заявление в объяснение и защиту Конституции Конфедерации, целей и задач нации и людей, которыми она должна

управлять, содержится в речи вице-президента Стивенса в Саванне, штат Джорджия, произнесенной через десять дней (21 марта 1861 г.) после ее принятия.

Вот единственный отрывок:

"Новая Конституция навсегда сняла все волнующие вопросы, касающиеся нашего особого института — африканского рабства в том виде, в каком оно существует среди нас, — надлежащего статуса негров в нашей форме цивилизации. *Это было непосредственной причиной недавнего разрыва и нынешней революции.* Джефферсон в своем прогнозе предвидел это как камень, о который расколется старый Союз. Он был прав. То, что для него было предположением, теперь стало осознанным фактом. Но можно усомниться в том, полностью ли он постиг великую истину, на которой стояла и стоит эта скала. Преобладающие идеи, которых придерживался он и большинство ведущих государственных деятелей во время формирования старой Конституции, заключались в том, что порабощение африканцев было нарушением законов природы; что это было неправильно в принципе, социально, морально и политически. Это было зло, с которым они плохо знали, как бороться, но общее мнение людей того времени состояло в том, что так или иначе, по воле Провидения, этот институт будет недолговечным и исчезнет. Эта идея, хотя и не была включена в Конституцию, была преобладающей в то время. Конституция, это правда, обеспечила все существенные гарантии институту, пока он должен существовать, и, следовательно, никакие аргументы не могут быть справедливо использованы против конституционных гарантий, обеспеченных таким образом, из-за общего настроения дня. Однако эти идеи были в корне неверны. Они основывались на предположении о равенстве рас. Это была ошибка. Это был песчаный фундамент, и идея правительства строилась на нем: когда "налетели бури и подул ветер, он пал".

"Наше новое правительство основано на прямо противоположной идее; его основы заложены, *его краеугольный камень покоится на великой истине, что негр не равен белому человеку.* Это рабство, подчинение высшей расе, является его естественным и нормальным состоянием. Это, наше новое правительство, первое в истории мира, основанное на этой великой физической и моральной истине. Эта истина развивалась медленно, как и все другие истины в различных областях науки. Так было даже среди нас. Многие, кто меня слышит, возможно, хорошо помнят, что эта истина не была широко признана даже в их время. Ошибки прошлого поколения все еще преследовали многих даже двадцать лет назад. Тех на Севере, кто все еще цепляется за эти ошибки с рвением, превышающим знания, мы справедливо называем фанатиками".

Это честное изложение основополагающих принципов Конфедерации, какими бы ошибочными они ни были.

Северная Каролина, после того как ее народ проголосовал против созыва съезда для рассмотрения вопроса об отделении на дополнительной сессии своего законодательного органа, созвала съезд, который 21 мая 1861 года, когда началась война, принял Указ об отделении без представления на голосование ее народа.

Вирджиния через свой законодательный орган созвала съезд, который 17 апреля 1861 года на тайном заседании принял Указ об отделении, подлежащий ратификации голосованием ее народа. Это было после того, как в Самтера открыли огонь.

Голосование было проведено 25 июня, и Постановление было ратифицировано.

Арканзас отклонил на съезде Постановление об отделении 18 марта, но принял его 6 мая 1861 года без голосования своего народа.

Теннесси, голосованием своего народа, 8 февраля 1861 года (67 360 против 54 156) проголосовала против конвенции, но ее законодательный орган (7 мая 1861 г.) на тайном заседании принял "Декларацию независимости и Указ о прекращении ее федеральных отношений" при условии голосования ее народа 8 июня. Проголосовав за отделение, ее губернатор 24 июня 1861 года объявил о выходе штата из состава Союза.(110)

Это был последний штат из одиннадцати отделившихся. Все эти четыре штата ратифицировали Конституцию Конфедерации и присоединились к уже сформированной Конфедерации.

Отделившиеся штаты рано приняли законы, разрешающие организацию их ополчения и выделение ассигнований на защиту от принуждения, а также предусматривающие захват фортов, arsenалов и другого имущества Соединенных Штатов в пределах их соответствующих границ, а позже передачу их Конфедеративным штатам.

Некоторые штаты по закону предусматривали суровые наказания в отношении любого из своих граждан, занимающих должности в правительстве Соединенных Штатов. Вирджиния в июле 1861 года на съезде приняла постановление, объявляющее, что любой гражданин Вирджинии, занимавший должность при старом правительстве, должен быть навсегда изгнан из этого штата, и если он обязуется представлять штат в Конгрессе Соединенных Штатов, он должен, кроме того, быть виновен в государственной измене и его имущество конфисковано.

Другим пограничным штатам не удалось разорвать свои отношения с Союзом, хотя во всех них (Делавэр, Мэриленд, Кентукки и Миссури) были применены различные незаконные меры, чтобы объявить их частью Конфедерации. Однако со стороны их народа была оказана большая материальная и моральная поддержка делу Конфедерации.

(101) *Работы* Джефферсона, viii., стр. 403. —Заметки о Вирджинии.

(102) *Линкольн* (Николай и Хэй), том ii., стр. 299-314.

(103) *Ежегодная энциклопедия* (Эпплтон), 1861, стр. 123.

(104) Об этом письме см. *Линкольн* (Н. и Х.), том ii., стр. 306.

(105) Пророчество: "Восстание, начавшееся там, где находится Чарльстон, закончится там, где был Чарльстон", исполнилось.

Яркое, хотя и печальное описание Чарльстона в конце войны, сделанное очевидцем, см. *Гражданская война в Атл.* (Дрейпер), том i, стр. 564. Эндрюс-холл, где был принят первый Указ, и Институт, в котором он был подписан, превратились в обугленный мусор.

Этот *Демон* Войны были за границей в Чарльстоне—кто не уважает жизнь или смерть.

(106) Сэм Хьюстон был законным губернатором Техаса в 1861 году, но после принятия Указа об отделении (24 февраля 1861 года) он отказался принести присягу на верность новому правительству и был свергнут съездом 16 марта 1861 года. Незадолго до голосования штата по ратификации указа в Галвестоне, перед огромной, бурлящей аудиторией сторонников отделения, с несколькими личными друзьями, поддержавшими его, перед лицом угрозы

насилия, он осудил неразумность отделения и нарисовал пророческую картину последствий, которые это может иметь для его штата. Он сказал:

"Позвольте мне рассказать вам, что последует за отделением. Придет время, когда ваши отцы и мужья, ваши сыновья и братья будут согнаны вместе, как овцы и крупный рогатый скот, на острие штыка, и ваши матери и жены, ваши сестры и дочери спросят: "Где они?" Вы можете, пожертвовав бесчисленными миллионами сокровищ и сотнями и тысячами драгоценных жизней, преуспеть, если Бог не против вас, в завоевании независимости Юга. Но я сомневаюсь в этом. В лучшем случае это лишь малая вероятность. Я говорю вам, что, хотя я верю вместе с вами в доктрину прав штатов, Север полон решимости сохранить этот Союз. Они не такие вспыльчивые, импульсивные люди, как вы, потому что живут в более прохладном климате. Но когда они начинают двигаться в определенном направлении, где задействованы большие интересы, они движутся с неуклонной скоростью гигантской лавины, и чего я боюсь, так это того, что они сокрушат Юг позорным поражением".

Во время этой речи лошадь из соседней упряжки забеспокоилась и выпрыгнула из упряжи, но вскоре была избита до полусмерти своим погонщиком. Хьюстон воспользовался этим инцидентом в качестве иллюстрации, сказав: "Эта лошадь попыталась немного практически отделиться — посмотрите, как быстро ее вернули в Профсоюз". Это остроумное замечание вызвало у него аплодисменты несимпатичных слушателей.

Хьюстон отказался признавать какие-либо власти Сепаратистов и через несколько дней после своего низложения удалился в свой дом недалеко от Хантсвилла, без друзей, преклонных лет, слабый телом, страдающий от ран, полученных на службе своей стране, но сильный душой и совершенно непоколебимый, хотя и оплакивающий безрассудство своего государства. Перед своим домом в прерии он установил четырехфунтовую пушку, сказав: "Техас может отправиться к дьяволу и погибнуть, если ей заблагорассудится, но она не потащит меня за собой". История не зафиксировала другого подобного инцидента. К чести сепаратистов, они уважали возраст и доблесть старого героя и не приставали, но позволили ему удерживать свою личную "крепость" до его смерти, которая произошла 26 июля 1863 года (через три недели после падения Висксбурга), на его семьдесят первом году жизни.

Он умер довольным тем, что Конфедерация и сецессия вскоре будут свергнуты, а Союз сохранен.

(107) *Линкольн* (Н. и Х.), т. iii, стр. 180-1.

(108) Кон ., ст. I., раздел 9, пункты 1, 4.

(109) Федеральный Закон, статья I., раздел 8, параграф 1.

(110) *История Макферсона. о восстании*, стр. 4-8.

XXIV ДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ И Т.Д.—1860-1

Важнейшим из всех других великих событий, произошедших в результате отделения Южных Штатов, был роспуск крупных религиозных конфессий в Соединенных Штатах.(111)

Во-первых, Синод Пресвитерианской церкви Старой школы Южной Каролины еще 3 декабря 1860 года заявил о создании Конфедерации рабовладельцев. За этим последовали другие

подобные синоды на Юге, и все они приняли решение об отделении от Церкви на Севере. Баптисты Алабамы, Джорджии и Южной Каролины столь же оперативно предприняли аналогичные действия.

Аналогичным образом протестантская епископальная церковь на Общем съезде, состоявшемся в Колумбии, Южная Каролина, после одобрения Конфедерации, приняла "Конституцию протестантской епископальной церкви в Конфедеративных штатах Америки"; все ее южные епископы присутствовали и одобрили ее, за исключением епископа Луизианы Леонидаса Полка, который отсутствовал, генерал-майора армии Конфедерации.(112)

Методистская епископальная церковь Юга поддерживала разобщенность и рабство; однако в 1845 году она отделилась от Методистской церкви Севера.

Римско-католическая церковь через епископа Линча в начале 1861 года поддержала дело Конфедерации, и позже он вступил в переписку с Папой Римским в ее интересах, получив примирительный ответ от имени папы от кардинала Антонелли.

Христианская ассоциация молодых людей Нового Орлеана 22 мая 1861 г. выпустила *Обращение к христианским ассоциациям молодых людей Северной Америки*, в котором объявила отделение оправданным и протестовала "во имя Христа и его божественного учения" против ведения войны против Южных штатов и их институтов.

Позже, в 1863 году, "Конфедеративное духовенство" выпустило самое запоминающееся *"Обращение к христианам всего мира"*, в котором также протестовало против дальнейшего продолжения войны; заявив, что Союз навсегда распущен, и особо указав, что "самым непростительным актом, вытекающим из непростительной войны", является

"Недавнее заявление президента Соединенных Штатов, добывающегося *освобождения рабов Юга*".

И говорю дальше:

"По нашему мнению, это подходящий повод для торжественного протеста со стороны народа Божьего по всему миру".

Ободренная и поддержанная таким образом, новая Конфедерация, "краеугольным камнем" которой было рабство, демонстративно взошла на борт.

Противодействие Северной Церкви было столь же решительным в отношении *свободы* Объединения штатов под одним флагом и единым Богом.(113)

В связи с отношением религиозных людей страны к рабству, Конфедерации и войне за сохранение одного и установление другого уместно процитировать прощальную инаугурационную речь президента Линкольна (4 марта 1865 г.), в которой он ссылается на позицию противоборствующих сторон, причину конфликта и на то, что каждая сторона взывает к Божьей помощи.

"Ни одна из сторон не ожидала от войны тех масштабов и продолжительности, которых она уже достигла. Ни один из них не предполагал, что причина конфликта может прекратиться вместе с прекращением самого конфликта или даже раньше. Каждый стремился к более легкой победе и

результату, менее фундаментальному и поразительному. *Оба читали одну и ту же Библию и молились одному и тому же Богу, и каждый призывал Его на помощь против другого. Может показаться странным, что какие-то люди осмеливаются просить справедливого Бога о помощи в добывании себе хлеба в поте лица других людей; но давайте "не судить, чтобы нас не судили". Молитвы обоих остались без ответа; молитвы ни одной из них не были услышаны полностью.*

У Всемогущего свои цели. "Горе миру из-за оскорблений. Ибо неизбежно должны приходить обиды; но горе тому человеку, от которого приходит обида. "Если мы предположим, что американское рабство - это одно из тех обид, которые по провидению Божьему неизбежно должны были прийти, но которые, продолжаясь в течение назначенного Ему времени, Он теперь желает устранить, и что Он наносит как Северу, так и Югу эту ужасную войну, как горе тем, от кого пришло обида, увидим ли мы в этом какое-либо отклонение от тех божественных атрибутов, которые верующие в живого Бога всегда приписывают Ему? Мы нежно надеемся и горячо молимся о том, чтобы этот могучий бич скорби поскорее миновал. И все же, если Богу угодно, чтобы это продолжалось до тех пор, пока все богатство, накопленное рабом за двести пятьдесят лет безответного труда, не иссякнет, и пока за каждую каплю крови, пролитую плетью, не заплатит другой, пролитый мечом, как было сказано три тысячи лет назад, то все равно нужно сказать: "Суды Господни истинны и праведны в целом".

"Ни к кому не проявляя злобы, проявляя милосердие ко всем; с твердостью в правоте, которую Бог дает нам, чтобы видеть правоту, давайте стремиться завершить начатую нами работу; перевязать раны нации; заботиться о том, кто выдержал битву, и о его вдове, и о его сироте — делать все, что может привести к справедливому и прочному миру между нами и со всеми народами".

(111) *История восстания* (МаКферсон), 508-520.

(112) 14 июня 1864 года в звании генерал-лейтенанта он был убит снарядом в Мариетте, штат Джорджия, во время разведки позиций Союза.

(113) *История восстания* (МаКферсон), стр. 460-508.

XXV ПРЕДЛАГАЕМЫЕ УСТУПКИ РАБСТВУ — АДМИНИСТРАЦИЯ И КОНГРЕСС БЬЮКЕНЕНА—1860-1

О том, как администрация Бьюкенена и Тридцать Шестой Конгресс восприняли отделение Штатов и отнеслись к нему, здесь можно сделать лишь краткое замечание. Было довольно общее стремление пойти на дальнейшие уступки и компромиссы, чтобы успокоить настроения разобщенности на Юге. Его администрация была слабой и колеблющейся. Были предприняты две серьезные попытки примирения. Президент Бьюкенен в своем последнем Ежегодном послании (4 декабря 1860 г.), заявляя, что избрание кого-либо на должность президента не является справедливой причиной для роспуска Союза, и отрицая, что "Отделение" может быть оправдано Конституцией, все же объявил о своем заключении, что последняя не "делегировала Конгрессу полномочия принуждать к подчинению штат, который пытается выйти или фактически вышел из Конфедерации"; это принуждение "не входило в число конкретных и перечисленных полномочий, предоставленных Конгрессу". Он не считал конституционным сохранять Конституцию или Союз Штатов. Этой точки зрения придерживалось большинство лидеров его партии во время и на протяжении всей последующей войны; однако рядовые этого не делали.

Бьюкенен не верил, что самосохранение заложено в Конституции или Союзе.

Президент в этом Послании предложил пояснительную поправку к Конституции: (1) признать право собственности на рабов в штатах, где оно существовало; (2) защищать это право на Территориях до тех пор, пока они не будут признаны штатами с рабством или без него; (3) аналогичное признание права хозяина выдавать ему своего беглого раба; и (4) объявление всех законов недружественных штатов, ущемляющих это право, неконституционными.

Это послужило сигналом к представлению многочисленных предложений по внесению поправок в Конституцию в интересах борьбы с рабством и путем уступок Югу.

Комитет из тридцати трех человек, по одному от каждого штата, председателем которого был Томас Корвин из Огайо, был назначен (4 декабря 1860 г.) для рассмотрения упомянутой части Послания президента.

Г—н Ноэль из Миссури предложил поручить этому комитету доложить о целесообразности упразднения должности президента и создания вместо нее Исполнительного совета из трех человек, избираемых округами, состоящими из смежных штатов, - каждый член имеет право вето; и он также предложил восстановить равновесие Штатов путем разделения рабовладельческих штатов на два или более.

Г-н Хиндман из Арканзаса предложил внести поправки в Конституцию, чтобы прямо признать рабство в Штатах; защитить его на Территориях; разрешить перевозку рабов через свободные Штаты; запретить представительство в Конгрессе любого штата, принимающего законы, нарушающие Закон о беглых рабах; дать рабовладельческим штатам отрицательное отношение ко всем актам, связанным с рабством, и сделать такую поправку неизменной.

Г-н Флоренс из Пенсильвании и г-н Келлогг из Иллинойса предложили внести поправки в Конституцию, "дающие право содержать рабов на всей территории к югу от 36 град. 30', и запрещающий рабство на территории к северу от этой линии" и т.д.

Мистер Валландигэм из Огайо предложил пространную поправку к Конституции, центральной идеей которой было разделение Союза на четыре секции со сложным и неизбежно невыполнимым планом голосования в Конгрессе и голосования по выборам президента и вице-президента.

Это лишь примеры многочисленных предложений по внесению поправок в Конституцию, но их будет достаточно для всех. Ни один из них не получил одобрения обеих палат Конгресса.

Было выдвинуто много патриотических предложений, направленных на сохранение Союза таким, каким он был. Они тоже потерпели неудачу.

Большой комитет сообщил (14 января 1861 г.) о пяти предложениях. Первый - серия резолюций, провозглашающих обязанности Конгресса и правительства перед Штатами и касающихся рабства; второй - поправка к Конституции, касающаяся рабства; третий - законопроект о принятии Нью-Мексико, включая находящуюся в нем Аризону, в качестве штата; четвертый - законопроект, вносящий поправки в Закон о беглых рабах и повышающий его эффективность, среди прочего, дающий комиссару Соединенных Штатов *десять долларов* независимо от того,

заклучил ли он предполагаемого беглеца под стражу или освободил его; и пятый - законопроект о выдаче лиц, скрывающихся от правосудия. Эти несколько предложений (за исключением пятого, которое было отклонено) были приняты Палатой представителей, при этом предложенная комитетом конституционная поправка была изменена по предложению г-на Корвина до ее принятия.

Ни одно из предложений не рассматривалось в Сенате, кроме второго, и даже это не получило поддержки сепаратистов, все еще остающихся в Конгрессе.

Предложение о внесении поправок в Конституцию было принято обеими палатами необходимыми двумя третями голосов. Оно гласило:

"Статья. XIII. В Конституцию не должно вноситься никаких поправок, которые разрешали бы Конгрессу или давали бы ему полномочия упразднить или вмешиваться в пределах любого штата в его внутренние институты, включая институты лиц, привлеченных к труду или службе законами любого штата".

Только only — Мэриленд и Огайо (114) — ратифицировали эту предложенную поправку. В ней не было необходимости, и, в случае принятия, она не отняла бы у Конгресса никаких полномочий, о которых когда-либо заявляла любая уважаемая партия, но поправка была предложена в ответ на ложный призыв о том, что рабство в рабовладельческих штатах находится под угрозой из-за действий Конгресса.

(Какой контраст между предложенной Тринадцатой поправкой к Конституции и Тринадцатой поправкой, принятой четыре года спустя! Первый предлагал установить рабство навсегда; второй отменил его *навсегда*.)

В резолюциях Джона Дж. Криттендена в Сенате были предложены различные поправки к Конституции, среди прочего, для легализации рабства к югу от 36 град. 30'; признать Штаты с территорией к северу от этой линии, с рабством или без него; запретить отмену рабства в Штатах, а также в округе Колумбия, пока оно существовало в Вирджинии или Мэриленде, такая отмена даже тогда должна осуществляться только с согласия жителей Округа и с компенсацией рабовладельцам; потребовать от Соединенных Штатов платить за беглых рабов, которым помешали арестовать или вернуть в рабство насилием и запугиванием, и сделать все положения Конституции, включая предлагаемые поправки, неизменными навсегда. Резолюции Криттендена в конце долгих дебатов и после различных голосований по предложенным к ним поправкам провалились (19-20) в Сенате и, следовательно, никогда не рассматривались в Палате представителей.(115)

В то время утверждалось, что, если бы конгрессмены из Южных штатов остались и проголосовали за предложения Корвина и Криттендена, в Конституцию могли бы быть внесены поправки, дающие рабству все эти гарантии.

(114) Совместная резолюция о ратификации, *Законы Огайо*, 1861, стр. 190.

(115) *История восстания* (МаКферсон), стр. 57-67.

XXVI МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ—1861 г.

Назначением губернаторов или законодательных органов уполномоченные от каждого из двадцати штатов, выбранные по просьбе законодательного собрания Вирджинии, встретились в Вашингтоне 4 февраля 1861 г. на *"Мирной конференции"*. (116) Экс-президент Вирджинии Джон Тайлер был назначен президентом, а Крафтс Дж. Райт - секретарем из Огайо. (117)

Заседание было отложено 27 февраля, поскольку было решено рекомендовать нескольким штатам поправки к Конституции, по существу: К северу от 36 град. 30' рабство на территориях, должно быть, и южнее этой линии она должна быть, запрещена, что ни Конгресс, ни территориальный законодательный орган принимает закон, чтобы предотвратить рабов везут из Штатов и территорий; что нет территории должен быть приобретена Соединенных Штатов, кроме как по Дискавери, так и для военно-морской службы, без согласия большинства сенаторов от подчиненных, а также от свободных государств; что Конгресс не должен иметь никакой власти, чтобы отменить рабство в любом состоянии, ни в округе Колумбия без согласия Мэриленд; ни запретить конгрессменов от своих рабов и сказал района; ни право запретить бесплатной перевозке рабов с одного рабовладельческого штата или территории к другой; в том, что привлечение рабов в федеральном округе Колумбия на продажу, или могут быть размещены в депо на передачу и продажу в других местах, это запрещено; что положения Конституции и поправок к ней, касающихся рабства не могут быть отменены или изменены без согласия всех государств; и что Конгресс должен предоставить по закону выплаты владельцам для беглых рабов, когда сотрудники, чьей обязанностью было арестовать их, не имеют возможности арестовать их или возвращаются их владельцам после ареста.

"Мирная конференция" состояла из 133 членов, среди которых были некоторые из самых выдающихся людей страны, хотя, как правило, в качестве членов избирались только консерваторы из каждой секции. Его замечательные рекомендации были вынесены со значительным единодушием, голосование на конференции проводилось государствами континентальным методом.

У.М. Питт Фессенден и Лот М. Моррилл из штата Мэн, Дж. С. Бутвелл из Массачусетса, Дэвид Дадли Филд и Эрастус Корнинг из Нью-Йорка, Фредерик Т. Фрелингейзен из Нью-Джерси, Дэвид Уилмот из Пенсильвании, Реверди Джонсон из Мэриленда, Джон Тайлер, У. К. Ривз и Джон А. Седдон из Вирджинии, У. О. Батлер, Джеймс Б. Клей, Джеймс Гатри и Чарльз А. Уикклифф из Кентукки, К. П. Уолкотт, Сэлмон П. Чейз, Джон К. Райт, У. М. С. Гросбек, Франклин Т. Бэкус, Рубен Хичкок, Томас Юинг (сенатор) и Валентайн Б. Хортон из Огайо, Калед Б. Смит и Годлав Среди них были С. Орт из Индианы, Джон М. Палмер и Бертон К. Кук из Иллинойса, а также Джеймс Харлан и Джеймс У. Граймс из Айовы. Многие из них были тогда или впоследствии прославлены как государственные деятели, а некоторые из них впоследствии занимали высокие военные посты.

2 марта 1861 года предложения "Мирной конференции" дважды вносились в Сенат, и каждый раз Палата представителей отвергала их подавляющим большинством голосов, как и днем ранее. (118)

Было выдвинуто много других предложений, рассмотренных и отвергнутых, а именно: предложения Сенатского комитета тринадцати, назначенного 18 декабря 1860 г.; предложения Дугласа, Сьюарда и других; также предложения собрания сенаторов и депутатов от пограничных, свободных и рабовладельческих штатов, все они касаются рабства и предложены с целью остановить уже ускорившееся отделение штатов.(119)

Некоторые из этих предложений были невыносимо унижительными и, возможно, оправдывались только временем.

Хотя утверждалось, что избрание Линкольна президентом стало хорошей причиной для отделения, и хотя большая часть разговоров о компромиссе была направлена на то, чтобы успокоить его оппонентов по партии, а также Юг, он был против того, чтобы выторговать себе должность, на которую его избрал народ. По этому поводу (30 января 1861 г.) он сказал:

"Я скорее умру, чем соглашусь или посоветую своим друзьям согласиться на любую уступку или компромисс, который выглядит как покупка привилегии вступить во владение правительством, на что у нас есть конституционное право".

Теперь мы покончили с законодательством, попытками принятия законодательства и поправками к конституции, направленными на защиту и распространение рабства в Республике. Рабство взывало к войне, и по неумолимому указу войны его судьба должна быть решена.

В Декларации Авраама Линкольна об освобождении от рабства (1 января 1863 г.) и Тринадцатой поправке к Конституции (1865 г.) были освобождены все рабы в Союзе; Четырнадцатая поправка (1868 г.) предусматривала, что "все лица, родившиеся или натурализовавшиеся в Соединенных Штатах и подпадающие под их юрисдикцию, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают"; а Пятнадцатая поправка (1870 г.) предоставила право голоса всем гражданам Соединенных Штатов независимо от "расы, цвета кожи или предыдущих условий рабства". Все это просто военные указы, записанные в органическом законе Соединенных Штатов в конце национального четырехлетнего кровавого крещения. В них не воплощено никаких уступок или компромиссов; зло было вырвано с корнем, и христианский мир, прогрессивная цивилизация того времени и совесть просвещенного человечества теперь одобряют то, что было сделано.

Война с сопутствующими ей ужасами и злом была необходима, чтобы положить конец глубоко укоренившемуся, освященному веками и нечестивому институту человеческого рабства, так долго укоренившемуся в наших социальных, политических и коммерческих отношениях и поддерживаемому нашими предрассудками, порожденными эгоистичной склонностью, свойственной белым людям, считать себя выше других.

История эмансипации и этих конституционных поправок, по логике вещей, относится к периодам во время войны и по ее окончании.

Однако есть два важных закона, касающихся рабства, которые были приняты Конгрессом во время Войны за восстание, не являющиеся строгим результатом этой войны, хотя и имевшие к ней отношение, о которых необходимо упомянуть.

(116) Канзас присоединился позже, а Мичиган, Калифорния и Орегон не были представлены; также не были представлены отделившиеся тогда Южные штаты или Арканзас.

(117) Блейн (*Двадцать лет Конгресса*, том i, стр. 269) говорит: "Пулстон, делегат от Пенсильвании, подданный королевы Виктории, позднее (1884 г.) член британского парламента, был избран секретарем Конференции". — Это ошибка. Он не был делегатом: всего лишь одним из нескольких помощников секретаря.

На следующей странице книги Блейн совершает еще одну ошибку, утверждая, что Условие Уилмота было воплощено (1848 г.) в территориальном акте штата Орегон. Оно никогда не было воплощено ни в одном законе. Шестой раздел Указа 1787 года воплощен в этом законе слово в слово.

(118) *История восстания* (Макферсон), стр. 68-9.

(119) *Там же*, стр. 76.

XXVII ОКРУГ КОЛУМБИЯ — РАБСТВО ОТМЕНЕНО — 1862

Округ Колумбия, приобретенный Соединенными Штатами в 1791 году с целью основания города Вашингтон в качестве постоянной федеральной столицы, по законам Вирджинии и Мэриленда был территорией рабовладельцев. Первоначально площадь округа составляла десять квадратных миль, и в него входил город Александрия. Позже (1846) часть, приобретенная у Вирджинии (около сорока квадратных миль), была возвращена этому штату. Конгресс обладал полной юрисдикцией в отношении этого, хотя законы Мэриленда и Вирджинии для некоторых целей продолжали действовать. Однако с самого начала утверждалось, что Конгресс имеет право отменить рабство в пределах своих границ.

Конгрессу предоставлено право "применять исключительное законодательство во всех случаях, касающихся такого округа". (120) Но утверждалось, что рабство исключено из-за его особого характера.

Таким образом, институт рабства был увековечен в Округе, а в столице Республики существовали невольничьи рынки, где мужчины и женщины продавались с аукциона, а семьи разрывались на части и развозились по разным частям страны для дальнейшего содержания в рабстве. В тени Капитолия голос аукциониста, привычно возвещающего достоинства раба, смешивался с голосом государственных деятелей в залах Конгресса, провозглашающих хваленую свободу великой Американской Республики! Дэниела Дрейтона (1848) судили в Округе за кражу семидесяти четырех человек, его преступление состояло в предоставлении средств (на шхуне "Жемчужина") для их побега на свободу.(121)

По законам Округа многие другие были наказаны за аналогичные правонарушения.

Еще в 1856 году, когда скульптор Кроуфорд представил проект *Статуи Свободы*, венчающей купол Капитолия, военный министр Джефферсон Дэвис приказал снять с модели "колпак свободы", поскольку в искусстве он "имел установленное происхождение от использования в качестве знака освобожденного раба".(122)

Мы видели, насколько была потрясена совесть справедливых людей, и как усердно эти люди трудились над отменой рабства в округе Колумбия, и с каким упорством партия рабов боролась

за его сохранение там и даже за то, чтобы конституционными поправками закрепить его там навсегда.

Но когда рабство привело страну к войне, вопрос об освобождении рабов в Округе был рассмотрен очень рано.

Генри Уилсон из Массачусетса 16 декабря 1861 года внес в Сенат законопроект, который после самых запоминающихся дебатов в обеих палатах Конгресса был принят и 16 апреля 1862 года стал законом с одобрения президента Линкольна. Этот закон немедленно освободил всех рабов Округа и отменил законы штата Мэриленд, касающиеся рабства, и все законодательные акты, дающие городам Вашингтон и Джорджтаун право принимать постановления, дискриминирующие цветных лиц.

(120) Закон США, статья I., раздел 8, пункт 17.

(121) Попытка Дрейтона предоставить этим рабам средства для побега не увенчалась успехом. Его судили по двум обвинениям в воровстве, признали виновным и по каждому приговорили к десяти годам тюремного заключения. Окружной суд отменил эти приговоры по ошибочному обвинению судьи первой инстанции (Кроуфорда) в том, что человек может быть виновен в краже имущества — рабов - без намерения присвоить его для собственного использования. При повторном судебном разбирательстве Дрейтон был оправдан по обвинениям в воровстве; но против него были вынесены вердикты по семидесяти четырем обвинениям в перевозке рабов - не уголовно наказуемом преступлении — и он был приговорен к выплате штрафа в размере 10 000 долларов и оставаться в тюрьме до его выплаты. Наиболее умело его защищали Гораций Манн из Бостона и Дж. М. Карлайл из Вашингтона, округ Колумбия, либо в качестве добровольного адвоката, либо нанятые друзьями Дрейтона, поскольку он был беден. Было 115-41 за воровство, 64 за перевозку — обвинительные акты против Дрейтона, которые побудили мистера Манна заметить об угрожающем наказании: *"Сам Мафусаил, должно быть, был пойман молодым, чтобы пережить такой приговор."* — *Рабство, письма и т.д.* (Манн), стр. 93.

Президент Филлмор, потерпев поражение в 1852 году при выдвижении на пост президента, помиловал Дрейтона после четырех лет и четырех месяцев тюремного заключения, и это помилование, как утверждалось, победило Скотта, кандидата от Виггов, на выборах.— *Мемуары Дрейтона*, стр. 118.

(122) Переписка в Военном министерстве между Дэвисом и генерал-квартирмейстером Мейгсом.

Нынешний невзрачный капюшон, придающий статуе, венчающей купол, вид, по некоторым представлениям, дикого индейца, был заменен колпаком Свободы.

XXVIII РАБСТВО, ЗАПРЕЩЕННОЕ НА ТЕРРИТОРИЯХ—1862

В связи с отменой рабства в округе Колумбия Лавджоем из Иллинойса и другими был поднят вопрос об обязанности Конгресса провозгласить свободу *национальной* и рабство *по секциям*; а также запретить рабство на всех территориях Союза.

Был принят законопроект, который (19 июня 1862 г.) был одобрен президентом и стал последним общим законом Конгресса по вопросу рабства на Территориях. Оно гласит:

"Что с момента и после принятия настоящего закона ни на одной из Территорий Соединенных Штатов, существующих в настоящее время или которые могут в любое время впоследствии быть сформированы или приобретены Соединенными Штатами, не должно быть ни рабства, ни принудительного труда, иначе как в наказание за преступления, за которые сторона будет должным образом осуждена".

Этим актом принципы Указа 1787 года (шестой раздел) были универсально применены ко всей существующей и подлежащей приобретению территории Соединенных Штатов.

По сути, это был всего лишь Указ Джефферсона от 1784 года, отклоненный *одним* голосованием в старом Конгрессе, о потере которого он так сильно сожалел. Его благая цель ограничить рабство была отложена на семьдесят восемь лет - до тех пор, пока не пролилась кровь, санкционировавшая это.

XXIX РЕЗЮМЕ БЕНТОНА

Мы завершаем эту и без того слишком долгую историю человеческого рабства в Соединенных Штатах кратким изложением Томаса Х. Бентона "кардинальных моментов" агрессивной политики стремительного Юга, продвигающего рабство как причину разобщенности. Он писал за четыре года до Восстания 1861 года пророческим пером, отточенным тридцатилетним опытом сенатора и рабовладельца. Он активно участвовал в большинстве событий, о которых он говорит, и был лично знаком со всеми из них.(123)

"Но я сейчас не пишу историю нынешней борьбы за рабство - историю, которую молодежь не выучила, а старики забыли, и которую каждый американец должен понимать. Я указываю только основные моменты, чтобы показать его характер; и из них остается сформулировать главный. До администрации мистера Пирса план был оборонительным, то есть превращал отделение Юга в меру самообороны от посягательств Севера на отмену рабства, агрессии и крестовых походов. Во времена мистера Пирса план стал наступательным, то есть начать распространение рабства и приобретение территории для его распространения, чтобы заселить Север новыми рабовладельческими штатами и изгнать их из Союза. Это изменение тактики привело к отмене Миссурийского компромисса, попытке приобрести половину Мексики и фактической покупке значительной части; замыслу захватить Кубу; поощрению Кинни и Уокера в Центральной Америке; ссорам с Великобританией из-за отдаленных побережий и островов; замыслам проложить маршруты в Техуантепек, Никарагуа, Панаму и Дариен; и плану закрепиться на острове Сан-Доминго. Восстание в свободных Штатах в результате отмены Миссурийского компромисса остановило эти планы и ограничило успех дисюнионистов возобновлением агитации, которая позволяет им использовать Юг против Севера на всех федеральных выборах и в федеральном законодательстве. Случайности и события придали этой части странное значение — при администрации Джексона, обвиненной в государственной измене; с тех пор, как он стал главой правительства и Демократической партии. Смерть Харрисона и восшествие на престол Тайлера стали их первым большим подъемом; избрание мистера Пирса стало их кульминационным моментом. Это не только дало им правительство, но и право выдавать себя за Профсоюзную партию и за демократов; и клеймить всех, кто отказывался идти с ними, как разобщенцев и аболиционистов. И поддерживать эту классификацию — цель одиннадцати страниц послания, в котором содержится призыв к этому Пересмотру, и, к несчастью, достижению этой цели способствовало поведение нескольких

настоящих аболиционистов (а не пяти процентов населения свободных Штатов); но в глазах Юга они стоят за все ".

(123) История и др., Напр., *Дело Дреда Скотта*, стр. 184-5.

XXX ПРОРОЧЕСТВО О СУДЬБЕ РАБСТВА: ТАКЖЕ О РАЗОБЩЕННОСТИ

Мы приближаемся к периоду исполнения пророчества относительно сохранения человеческого рабства в Соединенных Штатах.

Мы резюмируем несколько пророчеств, сделанных выдающимися американскими государственными деятелями и гражданами. Джордж Вашингтон, Патрик Генри и другие государственные деятели Вирджинии и рабовладельцы в конце революции предсказывали, что рабы будут освобождены или получают свободу насильственным путем. Эти патриоты выступали за эмансипацию. Камнем преткновения на пути отмены смертной казни в Вирджинии в то время был вопрос о том, что делать с неграми. Белое население не могло примириться с идеей жить наравне с ними, как, по их мнению, должно было бы, если бы чернокожие были свободны. Еще в 1782 году Джефферсон выразил свои серьезные предчувствия:

"Ничто так определенно не записано в книге судьбы, как то, что эти люди должны быть свободными; и не менее определенно то, что две расы, одинаково свободные, не могут жить при одном правительстве

"Я трепещу за свою страну, когда размышляю о том, что Бог справедлив, что Его правосудие не может спать вечно. Я надеюсь, что этот путь лежит в подготовке под покровительством Небес к полному освобождению".

Общества борьбы с рабством, когда они впервые встретились на ежегодном съезде (1804), провозгласили, что

"Свобода и рабство не могут долго существовать вместе".

Джон Куинси Адамс в 1843 году пророчествовал:

"Я удовлетворен тем, что рабство не исчезнет, пока оно не исчезнет в крови".(124)

Авраам Линкольн в начале своих знаменитых дебатов с Дугласом (1858) выразил свое убеждение, что эта нация не может существовать "наполовину рабской, наполовину свободной". Однако он сделал то же самое заявление в письме другу из Кентукки, которому написал:

"Я думаю, опыт показал, что мирного искоренения рабства у нас в перспективе нет. . . .

"Что касается вопроса о свободе как принципе, то мы уже не те, кем были. Когда мы были политическими рабами короля Георга и хотели быть свободными, мы называли максимумом то, что "все люди созданы равными", *самоочевидной истиной*; но теперь, когда мы растолстели и потеряли всякий страх быть рабами сами, мы стали настолько жаждущими быть хозяевами, что называем максимум " *самоочевидной ложью*". Четвертое июля еще не совсем прошло; это все еще отличный день для поджигания хлопушек. Тот дух, который желал мирного уничтожения рабства, сам по себе угас вместе с поводом и людьми Революции. ... Что касается мирного, добровольного освобождения, то положение негритянских рабов в Америке, едва ли менее

ужасное для созерцания свободного разума, в настоящее время столь же неподвижно и безнадежно для перемен к лучшему, как положение потерянных душ окончательно раскаявшихся. Самодержец всея Руси скорее откажется от своей короны и провозгласит своих подданных свободными республиканцами, чем наши хозяева добровольно откажутся от своих рабов.

"Наша политическая проблема сейчас заключается в следующем: "Можем ли мы как нация продолжать быть вместе*постоянно*— вечно - наполовину рабами, наполовину свободными"? Проблема слишком серьезна для меня. Пусть Бог в своей милости поможет найти решение ".

(Клянусь Богом, в течение десяти лет после того, как это было написано, Линкольн был инструментом решения*огромной проблемы!*)

Это было подходящей прелюдией к его речи о рабстве в Спрингфилде, Иллинойс (июнь 1858 г.), в которой он сказал:

"По моему мнению, это не прекратится до тех пор, пока не будет достигнут и пройден кризис. *"Дом, разделенный сам против себя, не может устоять"*.

"Я считаю, что это правительство не может вечно существовать наполовину рабским, наполовину свободным. Я не ожидаю, что палата представителей падет, но я ожидаю, что она перестанет разделяться. Все это станет либо одним, либо совсем другим".(125)

Сьюард из Нью-Йорка сжал проблему между свободой и рабством в одном предложении в своей речи в Рочестере (25 октября 1858 г.):

"Это непреодолимый конфликт между противостоящими и устойчивыми силами, и это означает, что Соединенные Штаты должны и станут, рано или поздно, либо полностью рабовладельческой нацией, либо полностью свободной рабочей нацией".(126)

Но государственные деятели были не единственными людьми, которые предсказывали падение рабства в Республике; не единственными людьми, которые способствовали достижению этой цели, и все же не единственными людьми, которые предсказывали его свержение кровью.

Это учреждение стало высокомерным и нетерпимым, не терпящим возражений, а его друзья даже не пытались приукрасить его чудовищность.

Ведущий южный журнал в 1854 году честно выразил привязанность, с которой относились к рабству:

"Мы бережем рабство как зеницу ока и полны решимости поддерживать его мирно, если сможем, насильно, если придется".(127)

Духовенство и религиозные люди Севера пришли к убеждению, что рабство должно быть перемолото на мельнице правосудия до насильственной смерти, повинувшись воле Божьей.

Теодор Паркер, знаменитый унитарийский священник, личный друг Джона Брауна, услышав в Риме о его провале, судебном процессе и приговоре к эшафоту, в письме Фрэнсису Джексону из Бостона от 24 ноября 1859 года высказал то, что тогда считалось фанатичным пророчеством, но теперь давно исполнилось:

"Я думаю, американскому народу придется маршировать под довольно суровую музыку, и для них лучше столкнуться с этим лицом к лицу в подходящее время. Несколько лет назад не казалось трудным сначала положить конец рабству, а затем покончить с ним без кровопролития. Я думаю, что это невозможно сделать ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Все великие хартии *Человечества* были написаны кровью. Когда-то я надеялся, что американская *демократия* будет выведена менее дорогостоящими чернилами; но теперь ясно, что наше паломничество должно проходить через Красное море, где многие *фараоны* пойдут ко дну и погибнут. . . .

"Рабство не *умрет сухой смертью*. У него может быть столько же жизней, сколько у кошки; в конце концов, он умрет, как бешеная собака в деревне, и только враги рода человеческого будут оплакивать его судьбу, а они слишком трусливы, чтобы явиться в качестве плакальщиков".(128)

Паркер быстро сходил в могилу из—за подорванного здоровья, но даже в самых смелых своих мечтах он не заглядывал в будущее достаточно далеко, чтобы увидеть, что в течение одного десятилетия "*грех нации*" будет смыт с корнем и ветвями кровью; и что в Вирджинии — штате, в котором повесили Джона Брауна, - в доме его величайшего губернатора Генри А. Уайза можно будет увидеть "школьную учительницу—янки", обучающую свободных негров — сынов Африки — читать и писать - Святую Библию, а она, смиренная дочь о "Старом Джоне Брауне".(129)

Один пример пророчества о том, каким будет *разобщение*, мы приводим из речи Генри Уинтера Дэвиса из Мэриленда:

"Это было бы актом самоубийства, а нормальные люди не совершают самоубийств. Этот акт сам по себе является безумием. Это будет сделано, если вообще когда-либо будет сделано, в ярости и безумии, которые не смогут остановить разум. *Растворение* означает смерть, самоубийство Свободы, без надежды на воскрешение — смерть без славы бессмертия; когда нет сестры, которая оплакала бы ее падение, некому прилично завернуть ее в простыню и нежно отнести в гробницу - *мертвая Свобода*, оставленная всем ужасам разложения, отвратительная вещь, с колом в теле, которой люди избегают, выброшенная обнаженной на дорогу наций, где тираны земли, которые боялись ее при жизни, будут глумиться над ней мертвой, проходя по другой стороне, покачивая головами и засовывая языки за щеки, они говорили: "Взгляни на нее теперь, как пала *она*, которая была прекрасна среди народов! пала!" — и лишь немногие мудрецы, любившие ее, из всех народов, проходя мимо, будут лить слезы над ее запустением и бросать пригоршни земли на ее тело, чтобы успокоить ее гривы, в то время как мы, ее дети, бродим по своим разрушенным жилищам в поисках бесчестных могил, где можно скрыть наш позор. Распад? Как это будет? Кто его осуществит? Мечтают ли люди о том, чтобы Лот и Авраам расстались, один на восток, а другой на запад, мирно, потому что их слуги борются? Что Штаты будут отделяться от штатов, а линии границ будут обозначены циркулем и цепью? Сэр, это будет знаменательная комиссия, которая установит этот раздел, ибо по углам будут установлены пушки, а ухмыляющиеся скелеты станут указательными столбами, указывающими путь. Это будет не линия, аккуратно обозначенная на лоне Республики — некая извилистая жила, из которой поколения ее детей черпали свое питание, — а острая и зазубренная пропасть, раздирающая сердца стран содружества, израненная и обгаренная братской кровью. В ночь, когда звезды ее созвездия упадут с небес, чернота тьмы навсегда опустится на свободы человечества в этом Западном мире. *Это растворение!* Если таково, сэр, *растворение* видно

в темном зеркале, то насколько ужасным оно будет лицом к лицу? Те, кто рассуждает об этом, сейчас наполовину сумасшедшие. Те, кто говорит об этом, не имеют этого в виду и не осмеливаются иметь это в виду. Те, кто всерьез говорит о расторжении этого Союза, кажутся мне детьми или безумцами. Тот, кто совершил бы подобный поступок, был бы маньяком, у которого нет языка, чтобы рассказать о своем поступке, или причины остановиться, — орудием безумного порыва, побуждаемого одной идеей ударить свою жертву. *Сэр, были маньяки, которые излечивались от ужаса перед пролитой ими кровью*".(130)

Эта красноречивая, патриотическая словесная картина *распада*, призванная отпугнуть тех, кто так пылко и бойко говорил об этом, не была, как доказало продолжение, преувеличенной. Когда это было сделано, обычно не считалось, что может быть предпринята попытка роспуска Профсоюза. В президентских кампаниях 1856 и 1860 годов, а также в Конгрессе было продемонстрировано много красноречия в соответствии с вышесказанным; однако мало кто из ораторов верил, что роспуск со всеми дикими ужасами войны близок. Но в общественной жизни были люди, которые рано осознали судьбу, ожидающую сотрясаемую политическими штормами Республику, и по мере ее приближения смело высказывали мнение, что *"небольшое кровопускание пошло бы на пользу политическому организму"*.(131)

История войны, которую положила начало сецессия, должна быть частично рассказана в последующих главах, изображающих стремительный порыв к битве; беспримерный героизм могучих войск с обеих сторон; массовую гибель людей; ад страданий; горькие слезы; неисчислимую скорбь; потраченные миллиарды; уничтожение собственности; чередующиеся поражения и триумфы; окончательную победу союзного оружия; свержение государственных прав, аннулирование, раскол из-за сецессии; освобождение четырех миллионов человеческих рабов и уничтожение в Соединенных Штатах института рабства, включая все его пагубные доктрины, независимо от того, выдвигаются ли они пристрастными государственными деятелями, выступающими за рабство, или защищаются учеными политиками, или поддерживаются церковью или духовенством от имени пророков Священного Писания или Христа и его Апостолов, или разъясняются трибуналом, облаченным в горностаи, величие, достоинство и власть Верховного суда Соединенных Штатов Америки.

Авраам Линкольн, чей прекрасный характер озарен ярким светом трети столетия возвышенной цивилизации, будет увековечен на все времена как главный инструмент Бога в достижении цели.

Завершая эту главу, мы хотим еще раз напомнить читателю, что в 1861 году Конгресс Соединенных Штатов большинством в две трети голосов в каждой ветви проголосовал за внесение таких поправок в Конституцию, которые навсегда сделали бы неизменными ее положения о признании и увековечении рабства человека; что, если бы представленная таким образом поправка была ратифицирована тремя четвертями штатов, эта нация была бы первой и единственной в истории мира, где право поработать людей было основополагающим и провозглашено вечным.

Эта поправка, гарантирующая бессрочное рабство, была внесена членами Профсоюза в 1861 году, чтобы предотвратить разобщенность и войну. Это было унижительное и нечестивое обещание, данное рабовладельческому народу, чтобы побудить его оставаться верным Конституции и Союзу. По провидению Божьему поправка не была ратифицирована, и непокорный Юг не проявил готовности принять ее. Напротив, она была отвергнута с

исключительным единодушием и заслуженным презрением. Нация, которая была полностью рабской, была единственной приемлемой для сторонников разобщения; и для создания такой нации войска были выстроены по одну сторону; чтобы сохранить и увековечить Союз и свергнуть нацию, которая хотела стать рабской, они также, слава Богу, были выстроены по другую.

Это был выдуманный важный вопрос, подлежащий рассмотрению судом последней инстанции, который не подлежит обжалованию.

Юг быстро, даже с энтузиазмом откликнулся на призыв к битве и с героизмом, достойным лучшего дела, посвятил жизнь и имущество поддержанию Конфедерации. Но с гор, склонов холмов, долин, равнин и прерий, с полей, фабрик, контор, городов, деревень и хуторов, представители всех профессий и занятий пришли сыны свободы с криком "Союз и свобода" под одним флагом, чтобы встретить противостоящие войска, героически готовые принести необходимую жертву ради сохранения единства Американской Республики.

Попытка создать рабовладельческую нацию во второй половине девятнадцатого века привела к гражданской войне, беспрецедентной по масштабам и самой кровопролитной в истории человечества. В одиннадцать отделившиеся государства органу Конституции был отброшен; национальное правительство пренебрегло; бывший чиновник клятвы армии, Военно-морского флота, и государственных гражданских служащих были проигнорированы, и другие клятвы были приняты, чтобы поддержать другому государству; государственная собственность Соединенных Штатов была захвачена в отделившиеся государства как правой, кабинет офицеров президента оказание помощи в хищении; сенаторов и представителей в Конгрессе, а еще сидения, издавая законы, и платит, замыслили измену, и, позднее, демонстративно присоединился к Конфедерации; секвестр акты были приняты в Конгрессе Конфедерации, и граждане США были совершены иностранцами в Конфедерации, а их имущество было конфисковано, и долги из-за преданных мужчин Севере были собраны на благо Конфедерации казначейства; пиратские суда, при помощи и попустительстве хвастливые *цивилизованной* монархии Европы, разрушила нашу коммерции и поехал наш флаг из открытого моря; выше полтора миллиона мужчин пал в бою, и еще полмиллиона умерло от ран и болезней случай войны; свыше шестидесяти тысяч солдат Союза, умер в южных тюрьмах; прямые затраты на восстание, оплачиваются из финансов Соединенных Штатов, за семь миллиардов долларов, и косвенные расходы верных людей, в собственность уничтожена, и т. д. был по крайней мере равен семи миллиардов больше. Справедливо подсчитанные, без учета рабов, расходы и потери населения отделившихся штатов в ходе преследования и опустошений войны более чем вдвое превышали расходы и потери Севера; воображение не может охватить или выразить словами страдания и печаль, агонию и отчаяние, которые охватили всю страну. Все это для того, чтобы решить важный вопрос, должно ли человеческое рабство быть фундаментальным как домашний, социальный и политический институт.

До сих пор нашей темой было рабство, а война за подавление Восстания упоминалась лишь вскользь, но в последующих главах рабство будет упоминаться лишь вскользь, а войне будет уделено столько внимания, сколько позволит объем повествования.

(124) *Жизнь Сьюарда*, том i, стр. 672.

(125) А. Линкольн, *Полное собрание сочинений*, том i, стр. 215, 240, 251.

(126) *Работы* Сьюарда, том. iv, стр. 289.

(127) *История. США* (Родос), том i, стр. 469.

(128) *Жизнь Паркера* (Вайс), том ii., стр. 172-4 (406).

(129) *Гражданская война в Америке* (Дрейпер), том i, 565-6.

(130) Речь Генри Уинтера Дэвиса в Палате представителей, 7 августа 1856 г.

(131) Захария Чандлер, 1860 год.

*ГЛАВА II Самтер Обстрелян —Захват Конфедератами оружия, arsenалов и фортотв—
Нелояльность офицеров армии и флота—Провозглашение Линкольна Семидесятитысячным
ополчением и подготовка к войне с обеих сторон*

The Звезда Запада, торговое судно, было отправлено из Нью-Йорка, с неохотного согласия президента Бьюкенена, генерал-лейтенантом Уинфилдом Скоттом, главнокомандующим сухопутными войсками, для доставки подкреплений и провизии в форт Самтер. Когда это судно попыталось войти в гавань Чарльстона (9 января 1861 г.), по его носу был произведен выстрел, который повернул его вспять, и его миссия провалилась. "Пощечина в рот" - таков был оскорбительный эпитет, использованный для выражения этого оскорбления в адрес Соединенных Штатов. Это был не тот выстрел, который призвал Север к оружию. Однако это был первый гневный выстрел гражданина Союза по флагу своей страны, и он возвестил о начале гражданской войны. Когда прозвучал этот выстрел, только Южная Каролина приняла Указ об отделении; Конфедеративные штаты еще не были сформированы.

В ночь на 26 декабря 1860 года майор Роберт Андерсон, командующий сухопутными войсками, фортами и оборонительными сооружениями в Чарльстоне, Южная Каролина, находясь под угрозой вооруженных отрядов сепаратистов, и учитывая свою позицию в форте Моултри, на острове Салливана, несостоятельную в случае нападения со стороны суши, из предосторожности, без приказа своего начальства, но обладая полной властью в пределах своего подчинения, вывел свой небольшой отряд, состоящий всего из шестидесяти пяти солдат, из форта Моултри в форт Самтер, где в полдень следующего дня однажды, после торжественной молитвы его капеллана, Звездно-полосатый флаг был водружен на древко, чтобы плавать в триумфе лишь короткое время, затем быть оскорбленным и сбитым, чтобы снова не быть развернутым над тем же фортом до тех пор, пока не начнется четырехлетняя война.

Губернатор Южной Каролины Пикенс предпринял безуспешную попытку побудить майора Андерсона своими требованиями и угрозами вернуться на свою беззащитную позицию в форте Моултри. Президент Бьюкенен по наущению своего военного министра Флойда был готов приказать ему сделать это, но когда вопрос рассматривался на заседании Кабинета министров, возобладали другие мнения, и Флойд воспользовался этим предложением для ухода из Кабинета.⁽¹⁾ К счастью, его место занял distinguished Дж. Джозеф Холт из Кентукки, член Профсоюза, обладающий силой, энергией, силой воли и истинным мужеством, который позже стал Генеральным судьей-адвокатом США и проработал таковым до окончания войны.

До конца правления Бьюкенена Самтер удерживался майором Андерсоном со своим небольшим отрядом, и вокруг этого была сосредоточена величайшая тревога. Политика Юга

заклучалась в том, чтобы захватить и оккупировать все форты, арсеналы, доки, общественную собственность и все опорные пункты, принадлежащие Соединенным Штатам, расположенные в пределах отделившихся штатов, и завладеть оружием и военной техникой так, как если бы они принадлежали им по праву. Право собственности на имущество Соединенных Штатов, расположенное таким образом, не рассматривалось. Луизиана захватила Монетный двор Соединенных Штатов в Новом Орлеане и передала из его содержимого 536 000 долларов монетами Казначейству Конфедерации штатов, за что получила благодарность от Конгресса Конфедерации.(2) Вскоре все форты Соединенных Штатов в пределах или на побережье тогдашних отделившихся Штатов, за исключением фортов Самтер и Пикенс, вместе с их вооружением и военными припасами были захвачены и укомплектованы солдатами-южанам. Сначала захваты производились только государственными властями, но после организации Конфедерации в Монтгомери (8 февраля 1861 г.) она взяла на себя ответственность за все вопросы между отделившимися Штатами и Соединенными Штатами, касающиеся оккупации фортов и других государственных учреждений; и 15 марта Конфедерация призвала присоединившиеся к ней штаты уступить ей все захваченные таким образом форты и т.д., что и было сделано соответствующим образом.

28 февраля Конгресс Конфедерации принял закон, согласно которому президент Дэвис взял на себя управление всеми военными операциями и получил от отделившихся Штатов все оружие и амуницию, приобретенные у Соединенных Штатов, и все другие военные материалы, которые Штаты Конфедерации сочли нужным передать ему.

Письмо начальника артиллерийского управления армии Соединенных Штатов военному министру Холту, датированное 15 января 1861 года, показывает, что, начиная с 1859 года, по приказу военного министра Флойда, 115 000 мушкетов были переведены из арсеналов Спрингфилда (Массачусетс) и Уотервлитта (Нью-Йорк) в арсеналы Юга; и, согласно аналогичным приказам, аналогичным образом были переведены другие ударные мушкеты и винтовки, все из которых были изъяты властями Конфедерации вместе со многими пушками и другим военным имуществом.(3)

Харперс-Ферри и тамошний арсенал со складами оружия были захвачены конфедератами 18 апреля 1861 года, а машины и оборудование для производства оружия, которые не были сожжены, были вывезены на юг.

Арсенал в Фейетвилле, Северная Каролина, также был захвачен 22 апреля 1861 года.

В феврале 1861 года Борегар (4) был назначен Дэвисом бригадным генералом и отправлен в Чарльстон, Южная Каролина, для организации армии. Конфедерация ввела в строй других офицеров, и вскоре большие силы были собраны для предстоящей борьбы.

Борегар принял командование в Чарльстоне 1 марта, за три дня до инаугурации Линкольна президентом Соединенных Штатов.(5)

Нелояльность распространилась на армию и флот.

Регулярная армия была небольшой и широко разбросана по западным границам и побережьям озер и океанов. 31 марта 1861 года в нем насчитывалось 16 507 человек, включая 1074 офицера. Некоторые офицеры присоединились к сепаратистскому движению до этой даты.

Недовольство было только среди офицеров. Двести восемьдесят два офицера подали в отставку или дезертировали, чтобы поступить на службу в Армию Конфедерации; из них 192 были выпускниками Военной академии Вест-Пойнт, а 178 из последних стали генеральскими офицерами во время войны.(6)

Число офицеров, получивших офицерский чин и уоррент, покинувших военно-морской флот Соединенных Штатов и поступивших на службу в Конфедерацию, составило приблизительно 460 человек.(7)

К чести рядовых регулярной армии и моряков военно-морского флота, на основании высоких авторитетов сказано, что:

"Стоит отметить, что, хотя в час испытаний этого правительства большое количество тех в армии и на флоте, кто пользовался благосклонностью чиновников, подали в отставку и оказались неверны руке, которая их баловала, известно, что ни один простой солдат или матрос не покинул свой флаг".(8)

Дэвид Э. Твиггс, временный генерал-майор, 18 февраля 1861 года сдал в Сан-Антонио, штат Техас, все военные посты и другую собственность, находившиеся в его распоряжении; и это после получения приказа об освобождении его от командования. Он был старым и испытанным солдатом армии Соединенных Штатов, и его пример был в высшей степени пагубен.

Однако было мало таких, кто, подобно ему, воспользовался возможностью дезертировать и в то же время совершить бесчестный официальный поступок, рассчитанный на нанесение ущерба правительству, которому они служили.

5 марта 1861 года Твиггсу был устроен грандиозный прием в Новом Орлеане; были даны салюты в честь его недавнего предательства.(9) Президент Бьюкенен, к его чести, через военного министра Холта 1 марта уволил его из армии.(10)

Любопытно, что этот приказ об увольнении был подписан *С. Купером*, генерал-адъютантом армии Соединенных Штатов (*уроженцем Нью-Джерси*), который *шесть дней спустя* подал в отставку, поспешил в Монтгомери, штат Алабама, и там занял аналогичный пост в правительстве Конфедерации. Нелояльность среди видных армейских офицеров какое-то время казалась правилом.(11)

Было усердно распространено, не без последствий, сообщение о том, что генерал Уинфилд Скотт покинул свою страну и флаг, чтобы принять командование армией Конфедерации. К его чести, однако, следует сказать, что он никогда не колебался, и есть неопровержимые доказательства того, что он никогда не лелеял мысли о присоединении к своему штату — Вирджинии. Он рано предвидел, что грядут разобщенность и война, и не только осуждал их, но и желал укрепить правительство Соединенных Штатов и предотвратить и то, и другое. Только его преклонный возраст помешал ему эффективно руководить армиями Союза.

Джордж Х. Томас, как и генерал Скотт, был уроженцем Вирджинии. Его также несправедливо обвинили в том, что он придерживался нелояльных взглядов и подумывал о присоединении к

Югу, но позже сепаратисты жестоко осудили Скотта и Томаса за то, что они не присоединились к Восстанию вместе с Вирджинией.

Офицеры, связанные с Налоговой службой Соединенных Штатов, дислоцированные в южных городах, как правило, были не только нелояльны, но и имущество, находившееся у них на хранении, без зазрения совести передавалось властям Конфедерации. Сборщики налогов, находившиеся в ведении министра финансов, были не только схвачены, но и их командиры во многих случаях перешли на сторону Конфедерации и сдали их. Ярким примером является история капитана Брешвуда, который командовал транспортным судном *Роберта Макклелланда*, дислоцированным в Новом Орлеане. Когда 29 января 1861 года ему было приказано проследовать с ней в Нью-Йорк, он отказался подчиниться. Это побудило Джона А. Дикса, министра финансов, издать свой знаменитый и патриотический приказ "Пристрелить его на месте".(12) Луизиана в то время еще не отделилась, но катер с капитаном Брешвудом перешел на сторону Конфедерации. Как и все другие подобные суда, оказавшиеся в пределах досягаемости ныне пребывающих в приподнятом настроении, чрезмерно уверенных в себе и крайне возбужденных властей Конфедерации.

До конца февраля 1861 года "Флаг Пеликана" развевался над таможенной, Монетным двором, мэрией и повсюду в Луизиане. У дамб Нового Орлеана корабли несли все флаги на земле, кроме Соединенных Штатов. Единственным офицером армии там в то время, который был верен стране, был полковник К. Л. Килберн из Комиссариата, и он готовился бежать на Север.(13)

Настолько властным стал дух Юга, порожденный природой института рабства, что многие, не склонные к разобщению, были увлечены верой в то, что вскоре это станет свершившимся фактом, и только те, кто поддерживал его, станут героями, в то время как те, кто остался при распавшемся Союзе, будут подвергнуты социальному и вечному ostracism. Действительно, было также много тех, кто всерьез верил, что Север, состоящий из торговцев, фабрикантов, фермеров и чернорабочих, обладающих образованием и склонностью заниматься делами, связанными с добыванием денег собственными личными усилиями, не захочет ввязываться в войну и таким образом разрушить их перспективы. Были и другие, которые считали северян трусами, которые, даже если бы захотели сражаться, в лучшем случае не смогли бы сравняться с полудюжиной из них с одним южанином. Эти ложные представления искренне поддерживались. Южане считали рабство облагораживающим для белой расы, а бесплатный труд белых унижающим достоинство жителей свободных Штатов, и поэтому были уверены в собственном превосходстве в оружии и во всем остальном. Были даже некоторые жители Севера, которые так долго слышали, как южане хвастаются своей исключительной храбростью, что сами наполовину верили в это, пока призыв к оружию не развеял все эти иллюзии.

К чести большинства офицеров армии Соединенных Штатов и многих военно-морских сил можно сказать, что, когда они решили покинуть свою страну и флаг, они подали в отставку со своих должностей или, по крайней мере, предложили их, чтобы они могли поднять восстание под каким-нибудь благовидным предлогом.

Военное министерство, как правило, даже при администрации Линкольна, в большинстве случаев было достаточно любезно, чтобы принять такие отставки, даже если оно знало или подозревало, с какой целью они были поданы. Лейтенант. Джулиус А. Де Лангель, артиллерист, уроженец Вирджинии, который оставался в Союзе достаточно долго, чтобы быть выданным властям Отделения (не дискредитирующим его самого) в Фейетвилле, Северная Каролина, с

арсеналом Северной Каролины (22 апреля 1861 г.) сообщил автору после войны, что, отправив заявление об отставке в Военное министерство, он последовал за ним в офис генерал-адъютанта, взяв с собой несколько мешочков с монетами, которые у него были в качестве офицера по выплатам, с целью урегулирования. Он застал генерал-адъютанта Лоренцо Томаса не в лучшем расположении духа, и когда его попросили направить его к соответствующему офицеру для сведения счетов, Томас яростно набросился на него, приказал бросить свои мешочки с монетами и убираться прочь из его присутствия и из Департамента, что тот и сделал соответственно. Таким образом, его счета были быстро улажены. (Скоро мы снова услышим о Де Ланьеле.)

Капитан Джеймс Лонгстрит из Джорджии, ставший генерал-лейтенантом ЦРУ и одним из самых способных боевых генералов в обеих армиях, проводит довольно тонкое различие в отношении права офицера подать в отставку и стать врагом своей страны, в то же время отрицая право унтер-офицера или рядового покинуть армию во время восстания, чтобы следовать своему Государству.

Лонгстрит находился в Альбукерке, штат Нью-Мексико, когда в Самтера открыли огонь. Получив известие о его захвате, он подал в отставку и отправился на юг, через Техас, чтобы присоединиться к своему штату, или, скорее, как оказалось, вступить в армию Конфедерации штатов.

Он говорит, что почувствовал облегчение, узнав, что его отставка принята и вступает в силу 1 июня. Он рассказывает нам, что сержант из Вирджинии и другие солдаты хотели сопровождать его, но он отказался принять это предложение; он объяснил им, что они не могут уехать без разрешения Военного министерства, но с офицерами все по-другому; они могут уйти в отставку, и когда их отставка будет принята, они смогут поступать так, как им заблагорассудится, в то время как сержант и его товарищи связаны присягой в соответствии со сроком их службы.(14)

Возможно, было бы трудно построить более удовлетворительную конституционную или моральную теорию, чем эта, для лиц, находящихся в таком положении, как капитан Лонгстрит и другие, склонных покинуть страну и товарищей ради новообразованной Конфедерации рабов; и все же, если отделения родного штата офицера достаточно для прекращения верности, которую он поклялся поддерживать, требуется тонкое различие, чтобы понять, почему простой солдат также не может быть освобожден от своего срочного контракта и присяги по тем же причинам.

Существует вопрос чести, столь же старый, как организованная война, согласно которому в присутствии опасности или угрожающей опасности увольнение офицера по любой причине, кроме уважительной физической, является актом трусости.

Лучший способ - оправдать, а если это невозможно, то, насколько это возможно, оправдать дезертирство офицеров армии и флота из Союза на том основании, что времена были революционными, когда прецедентам нельзя было следовать, а юридические и моральные права, как правило, игнорировались. Такие периоды время от времени наступают в истории народов. Их правильно называть *восстаниями*, когда они терпят неудачу.

"*Восстание*, действительно, появляется на спине бегущего врага, *нореволюция* пылает на нагрудниках воинов-победителей".(15)

Роберт Э. Ли, уроженец Вирджинии, революционного происхождения, завоевал репутацию солдата во время Мексиканской войны. Ему было пятьдесят четыре года, полковник в Первой Конной, и, хотя в Вашингтоне, но в последнее время по приказу Министерства Техас. Есть убедительные доказательства того, что генерал Скотт и Хон. Фрэнк Р. Блэр предложил ему командование армией Соединенных Штатов в надвигающейся войне. Предполагается, что это заставило его колебаться относительно своего курса. В письме (20 апреля 1861 г.) к сестре он сожалеет о "состоянии революции, в которое была втянута Вирджиния после долгой борьбы", говоря:

"Я не признаю необходимости в таком положении вещей ... и все же мне лично пришлось столкнуться с вопросом, буду ли я участвовать в войне против своего родного государства. При всей моей преданности Союзу и чувстве верности и долга американского гражданина я не смог решиться поднять руку на своих родственников, моих детей, мой дом. Поэтому я подал в отставку со службы в армии, и, *за исключением случаев защиты моего родного штата*, в надежде, что мои скромные услуги никогда не понадобятся, я надеюсь, что мне никогда не придется обнажать меч".

В тот же день в письме генералу Скотту, сопровождавшем его отставку, он пишет: "Я никогда не желаю обнажать меч, кроме как для защиты своего государства".

Ли зарегистрировался 5 марта 1861 года в канцелярии генерал-адъютанта в качестве бrevet-полковника и подполковника Второй кавалерии.⁽¹⁶⁾ Его кандидатура была выдвинута 21 марта 1861 года *президентом Линкольном*, полковником Первой кавалерии, а 23 марта эта кандидатура была утверждена Сенатом. Затем 25 марта президент присвоил ему звание полковника с 16 марта 1861 года; он получил это звание 28 марта и принял его письмом от 30 марта 1861 года. Затем семь штатов вышли из состава Союза, и Конфедеративные штаты Америки существовали с 8 февраля 1861 года.

Через три недели после того, как (20 апреля) Ли принял это последнее назначение, он подал заявление об отставке в армии Соединенных Штатов. Оно поступило к военному министру только 24 апреля и не было принято до 27 апреля, чтобы вступить в силу 25 апреля 1861 года.⁽¹⁷⁾

Ли, однако, 22 апреля принял чин генерал-майора в "Военных и военно-морских силах Вирджинии", приняв командование ими по указанию губернатора Джона Летчера 23 апреля 1861 года.

Таким образом, получается, что через два с половиной месяца после образования Конфедеративных штатов Роберт Э. Ли принял назначение президента Линкольна в США; затем, двадцать четыре дня спустя, в ожидании принятия его отставки, принял командование силами, враждебными Федеральному союзу. 24 апреля он дал инструкции подчиненному: "Пусть будет известно, что вы не собираетесь нападать; но вторжение на нашу территорию будет рассматриваться как акт войны".

У него не было такого утешения, как у Лонгстрита, - знать, что его отставка была принята до того, как он отказался от своего звания и обязанностей в армии Соединенных Штатов; и его штат еще не вышел из состава Союза. Вирджиния не вступала в какие-либо отношения с Конфедерацией до 25 апреля 1861 года, да и то лишь условно. Ее съезд принял Указ об отделении 17 апреля, который вступит в силу, если будет ратифицирован голосами ее народа, на выборах, которые состоятся 23 мая 1861 года. Выборы, проведенные в Вирджинии в феврале прошлого года,

привели к тому, что на съезд было избрано очень значительное большинство делегатов, выступавших против отделения. Съезд 17 марта — 90 голосами против 45 — отклонил Постановление об отделении. Народ Вирджинии был верен Вашингтонскому союзу, пока его не принудил к этому нелояльный губернатор штата. Факт остается фактом, что Ли, прежде чем его штат проголосовал за отделение, поступил на службу в армию Конфедерации и дал клятву поддерживать ее законы и Конституцию, и с тех пор обнажил свой меч, чтобы свергнуть Союз своих отцов и основать новую будущую нацию под другим флагом. Его сын, Г. В. Кастис Ли, уехал из США только 2 мая 1861 года. Фицью Ли также принял поручение Линкольна и ушел в отставку (21 мая 1861 г.) вслед за своим прославленным дядей.

Трудно понять, как фундаментальные принципы государственного и индивидуального патриотизма и долга могут быть поставлены по моральным или политическим соображениям в зависимость от поведения временных властей государства или даже от голоса его народа.

Действия Роберта Э. Ли, уволившегося из армии Соединенных Штатов, и причины, побудившие его к этому, показывают, как и почему многие другие офицеры армии и военно-морского флота отказались от службы в своей стране. Конфедерация быстро распознала этих *"выбывших офицеров"* и по большей части досрочно присвоила им высокие звания и в остальном приветствовала их с энтузиазмом.

Вероятно, медленное продвижение по службе в мирное время как в армии, так и на флоте Соединенных Штатов привело к тому, что многие офицеры подали в отставку и искали повышения в звании, новых успехов и славы на войне.

Нельзя отрицать, что обычай гостеприимного отношения к офицерам во время службы на Юге и иного социального признания их и их семей завоевал у многих любовь к южанам и их доблестному поведению. Это, по крайней мере, удерживало большинство родившихся на Юге офицеров в их собственных Штатах, хотя в некоторых случаях, а возможно, и во многих, они не верили в рабство.

Можно также сказать, что обычно холодный деловой характер зажиточных северян и их социальное безразличие друг к другу, и особенно к офицерам и их семьям, служащим на постах и в городах, не привязывали их к Северу. Офицер, находящийся на регулярной службе в мирное время, не имея надежды на высокое продвижение по службе до наступления старости, имеет лишь немного, кроме общественного признания самого себя и семьи, что могло бы сделать его довольным и счастливым. Это несколько беспомощное состояние заставляет его быть благодарным за проявленное внимание и ревновать к невниманию.

Обращаясь более непосредственно к военной ситуации на момент инаугурации Линкольна, мы обнаруживаем, что майор Андерсон удерживает Самтер, но практически на осадном положении, поскольку власти Конфедерации собрали большую армию в Чарльстоне под командованием Борегара. Форт Моултри и замок Пинкни были захвачены и укомплектованы личным составом; в них были размещены тяжелые орудия, и были установлены батареи, господствующие над фортом Самтер.

Наконец, 7 апреля Андерсону запретили закупать свежую провизию для своей маленькой группы. 10 апреля капитан Г. В. Фокс, бывший офицер военно-морского флота, отплыл с экспедицией помощи, состоящей из четырех военных кораблей, трех паровых буксиров и

торгового парохода, имея на борту двести человек и необходимые запасы боеприпасов и провизии.

Борегар и власти Конфедерации, незамедлительно узнав об экспедиции капитана Фокса и пункте назначения, 11 апреля официально потребовали от майора Андерсона эвакуации форта Самтер, в чем было отказано.

В 4.30 12 апреля по форту Самтер был выпущен сигнальный снаряд с минометной батареи на острове Джеймс, и сразу после этого вражеские орудия открыли огонь с батарей на островах Моррис, Салливанс и Форт Молтри, на что ответили из форта Самтер.

Этот сигнальный снаряд положил начало настоящей войне; его выстрел, образно говоря, был слышен по всему миру; он пробудил впавший в летаргию народ в Северных штатах Союза; он заставил многих, кто никогда и не мечтал о войне, подготовиться к ней; он воспламенил кровь людей, Севера и Юга, одной и той же расы, которая не остывала до тех пор, пока полмиллиона человек не были уничтожены в жестоком пылу битвы; это был первый выстрел, призванный оправдать и утвердить рабство людей как важнейшую опору новорожденной нации, первой и единственной на земле, сформированной из рабов. исключительно для того, чтобы навсегда увековечить рабство человека как социальный и фундаментальный политический институт; но на самом деле этот выстрел был также сигналом призвать друзей свободы человека к оружию и к битве, которая никогда не закончится, пока рабство в соответствии с Конституцией восстановленного Союза не прекратит свое существование.

Экспедиция капитана Фокса была организована не так, как он планировал, и, хотя она достигла места назначения у Самтера за час до того, как по последнему был открыт огонь, она не смогла из-за отсутствия легких лодок или буксиров отправить в форт необходимые припасы или людей. Таким образом, майор Андерсон после двухдневной бомбардировки был вынужден согласиться на эвакуацию форта, что он, соответственно, и сделал в воскресенье днем, 14 апреля, после того, как отсалютовал приспущенному флагу.(18)

Были люди как на Севере, так и на Юге, которые осуждали президента Линкольна и его советников за то, что они, как одно время предполагалось, мирно не эвакуировали Форт Самтер, устранив таким образом непосредственную причину для начала военных действий и оставив еще больше времени для переговоров о компромиссе и уступок северянам. Но Союз уже был распущен, насколько отделившиеся штаты были в состоянии это сделать, и мирное восстановление лояльности и долга этих штатов было тогда явно невозможным.

Южная Каролина отделилась первой, и более чем вероятно, что президент Линкольн ясно понимал, что открытый акт военного нападения на Союз будет иметь место в Чарльстоне. До тех пор, пока передача государственной собственности происходила без сопротивления, Конфедерация становилась сильнее и более дерзкой, и со временем могло прийти иностранное признание. Для дела Союза было гораздо лучше, если первый выстрел был произведен силами Конфедерации при захвате государственной собственности Соединенных Штатов, чем силами Соединенных Штатов при ее возвращении после того, как она была потеряна.

Жители Севера колебались не в своей лояльности Союзу, а в своих суждениях о том, как его сохранить и можно ли его сохранить вообще, пока не пришел Самтер, затем ими сразу овладела твердость убеждений, и с тех пор они посвятили свою жизнь и сокровища поддержанию Федеральной власти. Конечно, на Севере существовало беспокойное меньшинство, которое

либо из-за политической извращенности, трусости, либо из-за нелояльности никогда не поддерживало войну, по крайней мере добровольно. Однако было заметно, что многие из них по прежнему месту жительства или семейным отношениям были проникнуты идеями защиты рабства и предубеждением против негров.

Следует также сказать, что на Севере было много людей, родившихся в рабовладельческих штатах, которые были наиболее решительно настроены против рабства. И были также те, даже в Новой Англии, у кого никогда не было возможности запятнать себя рабством, кто выступал против принуждения отделяющихся Штатов и кто предпочел бы видеть Союз разрушенным, чем спасенным войной. Опять же, длительные контакты и политическое сотрудничество определенных лиц на Севере с рабовладельцами Юга и ожесточенная оппозиция президенту Линкольну и его партии заставили многих неохотно присоединяться к партии войны Союза. Некоторые были слишком слабы, чтобы подняться над своими предрассудками, личными и политическими. Некоторые боялись идти в бой. Был также, хотя и странно непоследовательный, очень значительный класс ранних аболиционистов школы Гаррисона-Смита-Филлипса, которые не поддерживали войну за Союз, но предпочитали, чтобы рабовладельческие штаты отделились и таким образом увековечили институт рабства в Америке — то самое, что, по моральным соображениям, такие аболиционисты всегда заявляли о желании предотвратить. Они выступали против сохранения Союза путем принуждения. Таким образом, они подставили себя под обвинение в том, что они выступали только против рабства в Союзе, оставляя его процветать везде, где оно могло бы быть за пределами Союза. Эта позиция была не только непоследовательной, но и непатриотичной. Лица, придерживающиеся этих взглядов, практически не оказывали моральной или иной поддержки войне за сохранение целостности Республики.

На Юге было много верных людей, особенно в тех районах, где рабство не господствовало. В горных районах Юга оппозиция отделению была правилом, особенно в Западной Вирджинии, Восточном Кентукки, Восточном Теннесси и Западной Северной Каролине. Были также лояльные люди в Северной Алабаме и Джорджии. Но везде, где господствовал решительный дух сторонников разобщения рабовладельцев, как в городах и более густонаселенных частях Юга, хотя рабовладельческое население даже там составляло меньшинство, белое сообщество было вынуждено объединяться с конфедератами. Было много южан, которые поначалу были полны решимости выступить против разобщения, но поддались давлению, полагая, что Конфедерация - свершившийся факт, или что Север либо не будет, либо не сможет успешно сражаться, и будет разбит в бою. Хвастовство превосходством, грандиозная демонстрация и шумная подготовка к войне вводили в заблуждение тех, кто был свидетелем только одной стороны надвигающегося конфликта. Север до Самтера не спешил с действиями, и это не обнадеживало друзей Южного союза, да и, возможно, кого бы то ни было еще. Склонность человечества быть на стороне успеха проявлялась во все трудные времена. Только добродетель индивидуального упрямства позволяет немногим идти наперекор несправедливым народным призывам.

Но труднее всего было разорвать связи с политическими партиями Севера. Тех, кого к политическому успеху в целом привели политики Юга, выступавшие за рабство, нелегко было убедить в том, что принуждение в некотором роде не означает противостояния им самим и их прошлым партийным принципам. Хотя патриотизм был правилом для представителей всех партий Севера, все же многие заявляли, что истинная лояльность заключается в чем-то ином,

чем сохранение Союза путем войны. Они даже после падения Самтера притворялись, и, возможно, действительно верили в то, от чего отказался Юг, а именно: в то, что песней сирен о мире его можно вернуть к лояльности в соответствии с Конституцией. Конечно, были те на Севере, кто честно считал, что аболиционисты своим неприятием рабства и его распространения на Территории привели к отделению, и что такое неприятие оправдывало его. Это число, однако, поначалу было невелико, и по мере развития войны оно становилось все меньше и меньше. Следует помнить, что принуждение к вооруженному отделению было предпринято не для того, чтобы отменить рабство или изменить его статус в рабовладельческих государствах. Заявление, однако, о том, что уничтожение рабства было поставленной целью, настойчиво выдвигалось в качестве оправдывающей причины роспуска Союза штатов. Крик о том, что война со стороны Севера была "войной за отмену рабства", что она велась за "равенство негров", возымел свое действие на более невежественный класс свободных рабочих в обеих частях страны. Всем расам присуще чувство или стремление к превосходству, и эта слабость, если она такова, чрезвычайно чувствительна к прикосновениям демагога.

В советах Конфедерации были высокопоставленные лица, которые не были полностью введены в заблуждение кажущимся безразличием и пассивностью северян. Когда Дэвис и его кабинет провели конференцию (9 апреля), чтобы рассмотреть целесообразность обстрела форта Самтер, полного единодушия по этому вопросу не было. Сообщается, что Роберт Тумб, государственный секретарь, сказал:

"Обстрел этого форта положит начало гражданской войне, более масштабной, чем любая другая, которую когда-либо видел мир; и я не чувствую себя компетентным давать вам советы".(19)

А позже на конференции Тумбс, выступая против нападения на Самтера, сказал:

"Господин Президент, на данный момент это самоубийство, убийство, и мы потеряем всех друзей на Севере. Вы беспричинно растревожите осиное гнездо, простирающееся от гор до океана, и легионы, которые сейчас притихли, вылезут наружу и ужалят нас до смерти. В этом нет необходимости; это ставит нас в неправильное положение; это фатально".(20)

Взятие форта Самтер стало сигналом к безудержному ликованию части сепаратистов. Какое-то время они предавались самым диким проявлениям радости. Юг теперь в целом смотрел на Конфедерацию как на уже созданную. Вместо Звездно-полосатого флага над Самтером развевался флаг Конфедерации. В католическом соборе в Чарльстоне с большой помпой был отпразднован *Последний день*, и епископ тамошней епархии объяснил это событие "бесконечной милостью Божьей, которая специально приложила Свою руку во имя их праведного дела".

Взятие Самтера, несомненно, было самым значительным событием той эпохи. Это достижение было бескровным; ни один человек не был убит, ни одна капля крови не пролилась от вражеского выстрела, и все же оно положило начало войне, которая освободила четыре миллиона Божьих людей.(21)

Монтгомери, временная столица Конфедерации, бурно отпраздновал это событие как первый триумф.

Бескровным было Лето, но война, которую оно открыло, вскоре поглотила тысячи людей.

Форт Пикенс в гавани Пенсаколы теперь оставался единственным во владении Соединенных Штатов из всех фортов или цитаделей на отделившемся Юге.

Этим укреплением овладел лейтенант. А. Дж. Слеммер из армии Соединенных Штатов, и хотя она находилась под большой угрозой нападения и захвата, 23 апреля 1861 года она была успешно усилена и так и не попала в руки Конфедерации. На специальной сессии Конгресса Конфедерации в Монтомери (21 мая 1861 г.) Ричмонд, штат Вирджиния, был объявлен столицей Конфедерации, и Конгресс объявил перерыв, чтобы собраться там.

Хауэлл Кобб (министр финансов при покойном Бьюкенене), президент этого Конгресса, с некоторой долей пророческой правды вызываяще сказал:

"Мы приняли все необходимые меры для преодоления нынешнего кризиса. Прошлой ночью мы прервали заседание, чтобы встретиться в Ричмонде 20 июля. Я расскажу вам, почему мы это сделали. "Старый доминион", как вы знаете, наконец-то сбросил с себя оковы Линкольна и присоединился к своим благородным южным сестрам. Ее земля должна стать полем битвы, а ее ручьи должны быть окрашены южной кровью. Мы чувствовали, что ее дело - это наше дело, и что, если она падет, мы хотели бы умереть рядом с ней".

Как было воспринято на Севере известие о неудаче с укреплением Самтера, о том, что он был обстрелян и захвачен восставшим народом? Об эвакуации форта Самтер стало известно в Вашингтоне и по всей стране почти сразу же, как и в Чарльстоне. Военные действия больше нельзя было предотвратить, разве что позорно отказавшись от всех купленных кровью прав основателей Республики.

Не следует предполагать, что президент Соединенных Штатов уже не просчитал вероятность войны. Зловещие тучи сгущались уже давно, и Линкольн и его советники заметили определенные признаки надвигающейся военной бури. Он подготовился, насколько это было возможно в данных обстоятельствах, к встрече с ней. Теперь долгое ожидание было нарушено. Это принесло некоторое облегчение. Больше не должно было быть ни выжидания, ни компромиссов, ни предложений об уступках рабству или разъединителям. Доктрина предполагаемого права государства по своему желанию и по любому действительному или мнимому поводу отделяться от Союза Штатов и расторгать свои отношения с ним, а также освобождать себя от всех своих конституционных отношений и обязательств, теперь должна была предстать перед судом, который исполнит свой неумолимый декрет властью, на которую нельзя подать апелляцию. Милосердие не является атрибутом войны, ни в ее методах, ни в решениях. Последние в конце концов должны противостоять побежденным. Война апеллирует только к войне. Время и просвещение могут изменить характер войны, но в наш век цивилизации и знаний ни нации, ни народности не движутся назад. Почва, завоеванная для свободы или человечности в политике, науке, литературе или религии, прочно закреплена, и на этой основе могут быть достигнуты новые успехи. Ненужную жестокость можно предотвратить при ведении войны, но милосердие не является элементом науки уничтожения жизни и пролития крови на поле боя.

В воскресенье, 14 апреля (хотя и с датой 15-го), в тот же день, когда Самтер был эвакуирован, президент Линкольн издал свое воззвание, в котором говорилось, что законы Соединенных Штатов были отклонены, а затем были воспротивлены и их исполнению препятствовали в

штатах Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Флорида, Миссисипи, Луизиана и Техас комбинациями, слишком могущественными, чтобы их можно было подавить обычным судебным разбирательством или полномочиями, предоставленными маршалам по закону; он призвал семьдесят пять тысяч ополченцев из нескольких штатов Союза; обратился ко всем лояльным гражданам с призывом сохранить честь, неподкупность и независимость Соединенных Штатов. и существование Национального союза, и "бессрочность народного правительства, и исправление несправедливостей, которые уже достаточно долго терпели". "Первая услуга, - говорится в прокламации, - назначенная призванным силам, вероятно, будет заключаться в возвращении фортов, мест и имущества, которые были изъяты у Союза".

Он предписывал лицам, составлявшим упомянутые комбинации, "разойтись и мирно удалиться в свои соответствующие жилища в течение двадцати дней".

Он призвал Конгресс собраться в четверг, 4 июля 1861 г., на чрезвычайную сессию, "чтобы рассмотреть и определить такие меры, которых, по их разумности, могут потребовать общественная безопасность и интересы".

Это воззвание было первым заявлением президента Линкольна о намеренной цели сохранить целостность Республики, прибегнув к оружию. В своей недавней инаугурационной речи он почти патетически призывал к миру - к дружбе; и нет никаких сомнений в том, что его искренним желанием было избежать кровопролития. Тогда у него и в мыслях не было нападать на рабство, а скорее защищать и предоставлять ему больше гарантий в штатах, где оно существовало. Позже, во многих случаях, когда война во многом способствовала разжиганию общественных настроений на Севере против Юга, он публично заявлял, что спасет "Союз таким, каким он был". Его самым красноречивым высказыванием по этому поводу было:

"Я бы спас Союз. Я бы спас его кратчайшим путем в соответствии с Конституцией. Чем скорее национальная власть будет восстановлена, тем ближе Союз будет к тому, "каким он был". Если найдутся те, кто не спасет Союз, если они не смогут в то же время спасти рабство, я с ними не согласен. Если есть те, кто не стал бы спасать Союз, если бы они не могли в то же время уничтожить рабство, я с ними не согласен. Моя первостепенная цель в этой борьбе - спасти Союз, а не спасти или уничтожить рабство. Если бы я мог спасти Союз, не освобождая ни одного раба, я бы это сделал; и если бы я мог спасти его, освободив одних и оставив других в покое, я бы тоже это сделал ".(22)

Но Авраама Линкольна не понимали ни в 1861 году, ни даже позже, во время войны, и не понимали полностью при жизни ни его враги, ни его личные друзья или друзья по партии. Юг в своем руководстве был непримирим в духе своей враждебности, но массы даже там со временем поняли его истинные цели и искренний характер.

Через два дня после призыва семидесяти пяти тысяч военнослужащих президент Дэвис отреагировал на него, объявив Югу, что президент Линкольн объявил о намерении "вторгнуться в Конфедерацию вооруженными силами с целью захвата ее крепостей, подрыва ее независимости и подчинения ее свободного народа иностранной державе". В том же воззвании он приглашал лиц проходить службу на частных вооруженных судах в открытом море, предлагая тем лицам, которые согласятся принять от них *чины или каперские* свидетельства, а также репрессии.

В это время во всех отделившихся штатах был поднят военный дух, и большое количество хорошо оснащенных войск южан уже было на поле боя, в основном в Чарльстоне и Пенсаколе - всего (включая около 16 000 на пути в Вирджинию) около 35 000 человек. Полевые, штабные и генеральские офицеры, командовавшие этими войсками, были в основном выпускниками Вест-Пойнта или других военных училищ; многие из них даже капитаны рот получили образование в упомянутых учебных заведениях. Нельзя отрицать, что до войны на Юге существовал более высокий воинский дух, чем на Севере. Молодые люди с плантаций, как правило, не были заняты активным трудом, и, следовательно, у них было больше времени для воспитания боевого духа, чем у трудолюбивых молодых людей Севера.

Призыв к оружию застал Север неподготовленным с точки зрения прежнего духа и подготовки; тем не менее, он не колебался, и в течение двух дней войска были организованы и отправились из нескольких штатов на защиту Вашингтона. 19 апреля 6-й Массачусетский был обстрелян буйной толпой на улицах Балтимора. Со всех сторон шли военные сборы и подготовка к войне. Фермы, магазины, конторы, бухгалтерии, профессии, школы и колледжи, квалифицированные и неквалифицированные работники всех видов деятельности отдавали все возможное, чтобы пополнить ряды патриотов. Богатые, состоятельные и бедные служили в одних и тех же ротах и полках, наравне с солдатами, и часто людьми, до этого вращавшимися в высших социальных кругах, довольствовались те, кто вел самую скромную общественную жизнь.

Ротами, как правило, командовали люди, не имевшие ранее военной подготовки, хотя везде, где существовала военная организация, она становилась ядром добровольческой роты. Губернаторы штатов часто разыскивали равнодушных людей, с небольшими навыками в обучении солдат и без каких-либо других известных качеств, и с готовностью назначали их полевыми офицерами, таким людям часто присваивалось звание полковника. Добровольческий полк считался удачливым, если среди его полевых офицеров был лейтенант регулярной армии или даже человек из гражданской жизни, приобретший небольшой военный опыт.

Генеральских офицеров слишком часто, по очевидной необходимости, отбирали у тех, кто имел больше влияния, чем военного мастерства. Некоторые из них, однако, благодаря терпеливому труду в сочетании с усердием и умом, сослужили ценную службу своей стране и заслужили почетные солдатские звания. Но большинство из них стали лишь умеренными офицерами с хорошей репутацией. Война развивает и вдохновляет людей, и если она продолжается долго, из ее ожесточенных конфликтов вырастают великие солдаты.

Случайная удача на войне иногда делает слабых и недостойных людей заметными. Случайное невезение на войне часто настигает способных, достойных, честных, благородных людей с первыми надеждами и уничтожает их.⁽²³⁾ Очень немногие добиваются успеха в длительной войне только благодаря чистому военному гению, если такое вообще возможно. Многие в пылу опыта на полях сражений и в ходе кампаний вдохновляются *здравым смыслом*, который благодаря успеху делает их действительно великими солдатами. Незаменимое качество личной храбрости, обычно считающееся достаточным для того, чтобы сделать человека ценным офицером, часто имеет наименьшее значение. Просто храбрый, опрометчивый солдат в рядах может представлять некоторую ценность как вдохновляющий пример для своих ближайших товарищей, но вряд ли он может сравниться в этом отношении с умным солдатом, который

подчиняется приказам и, хотя никогда не бывает безрассудным, все же, благодаря должной доле личной гордости, выполняет свой долг без бахвальства.

Простой лихой офицер становится все более и более неудачливым и непригодным к командованию, по мере того как он становится высоким по званию. Опрометчивое личное поведение, которое можно было бы допустить к лейтенанту, для генерал-лейтенанта было бы решающим доказательством его непригодности к какому-либо общему командованию. Конечно, бывают редкие чрезвычайные ситуации, когда офицер, каким бы ни было его звание, должен возглавить атаку или напрасно надеяться, или броситься в бой, чтобы посеять панику среди своих собственных войск.

Это, как и все другие действия хорошего офицера, также должно вдохновлять на выполнение долга. Труссу на войне нет места,⁽²⁴⁾ и когда его находят в армии (что случается редко), его следует немедленно отозвать. В конце войны не было такого понятия, как полк трусов. Неэффективные или робкие офицеры, возможно, создали своим командирам дурную славу и привели к тому, что они потеряли уверенность в успехе и, следовательно, стали неустойчивыми или впали в панику. Средний американец не лишен истинного мужества.

Тщательная муштра и дисциплина делают хороших солдат.

Американский народ теперь осознал реалии войны, в которой одной и той же расе, крови и сородичам предстояло бороться, с одной стороны, за отдельное гражданство и форму правления, основанную на единой идее увековечения и укрепления института домашнего рабства и основанной на нем так называемой цивилизации, а с другой - за сохранение целостности Союза штатов под единой Конституцией и единым флагом.

В дополнение к объявлению 15 апреля о наборе 75 000 добровольцев на девятидневную службу президент (3 мая) призвал на службу в Соединенные Штаты еще 42 034 добровольца для службы в течение трех лет, если только их не уволят раньше. В то же время он распорядился добавить к регулярной армии восемь полков пехоты, один кавалерийский и один артиллерийский, что составило максимум 22 714 регулярных офицеров и рядовых; он также призвал 18 000 моряков на военно-морскую службу.

На все эти призывы к призыву на военную службу лояльные штаты откликнулись с величайшей оперативностью, и требуемое число было более чем обеспечено, несмотря на неспособность некоторых южных штатов, не отделившихся, своевременно заполнить установленные им квоты.

Губернатор штата Делавэр Бертон (26 апреля) издал указ о создании добровольческих рот для защиты жизней и имущества в штате, которые не подлежат зачислению на службу в Соединенные Штаты, однако губернатор имеет возможность предложить их правительству общей юрисдикции для защиты столицы и поддержки ее Конституции и законов.

Губернатор Мэриленда Хикс (14 мая) призвал четыре полка нести службу в пределах штата или для защиты столицы Соединенных Штатов.

Губернатор Вирджинии Летчер (16 апреля) злобно отверг конституционность призыва к войскам "для подчинения Южных штатов".

Губернатор Северной Каролины Эллис (15 апреля) сообщил, что он рассматривает ввод войск "с целью подчинения Южных штатов как нарушение Конституции и узурпацию власти".

Губернатор штата Кентукки Магоффин (15 апреля) телеграфировал:

"Ваше сообщение получено. В ответ я решительно заявляю, что Кентукки не будет предоставлять войска для злонамеренной цели подчинения своих братских Южных штатов".

Губернатор Теннесси Харрис (18 апреля) ответил:

"Ваше требование, по моему мнению, является незаконным, неконституционным и революционным по своим целям, бесчеловечным и дьявольским, и не может быть выполнено".

Губернатор штата Арканзас Ректор (22 апреля) ответил:

"Ничего не будет предоставлено. Требование лишь усугубляет оскорбление".(25)

Четыре рабовладельческих штата, таким образом откликнувшись на призыв президента, а именно: Вирджиния, Арканзас, Теннесси и Северная Каролина, вскоре присоединились к Конфедеративным штатам; Мэриленд, Миссури, Кентукки и Делавэр остались в составе Союза и позже выполнили свои квоты по нескольким призывам войск на службу в Соединенные Штаты, хотя многие из них также были зачислены в Армию Конфедерации.

Неподготовленных полной организацией и муштровкой добровольцев Союза либо спешили в Вашингтон, округ Колумбия, чтобы встать на его защиту от ожидаемого нападения и без того большой организованной армии Борегара, либо их собирали в тренировочных лагерях, выбранных для удобства концентрации и рассредоточения, к местам проведения кампаний, которые вскоре должны были начаться.

Оружие на Севере не отличалось ни хорошим качеством, ни изобилием. Некоторые из них были спешно закуплены за границей — винтовки "Энфилд" из Англии, австрийские винтовки из Австрии; каждая страна поставляла свои самые бедные по производству винтовки. Но вскоре на Севере появились производственные предприятия, где производилось лучшее из известных в то время боевых орудий. Старый мушкет с кремневым затвором ранее был заменен мушкетом с ударным затвором, но некоторые из ружей, поставляемых в войска, были старыми и заменены на ружья с кремневым затвором. У этих мушкетов были дульнозарядные устройства с гладкими стволами, стрелявшие только короткими и шаровыми патронами калибра.69. Они находились в процессе вытеснения винтовкой 58-го калибра для пехоты или винтовкой-карабином для кавалерии, как правило, меньшего калибра. Английская винтовка "Энфилд" была 58-го калибра, и винтовка "Спрингфилд", которая вскоре вошла в обиход, была того же калибра. Австрийская винтовка 54-го калибра оказалась плохой конструкции и была в целом осуждена.(26) В Конфедерации была принята на вооружение, изготовлена и использовалась пехотная винтовка 58-го калибра. Стальное нарезное орудие для полевой артиллерии также в целом заняло место гладкоствольного латунного ружья, хотя на протяжении всей войны в обеих армиях использовалось множество видов пушек различного калибра и конструкции.

Общим желанием новых добровольцев было иметь побольше оружия, такого как ружья, пистолы и ножи. Два последних вида оружия были даже хуже, чем бесполезны для пехотинца - просто помехи. Офицеру даже пистолет был мало нужен; только иногда в ближнем бою. Кавалерия под командованием некоторых офицеров прибегла к пистолету вместо шпаги. На Юге, при открытии *wr*, дробовики и ружья *squirrel* собирались вместе для вооружения, а обычные кузнецы в больших количествах ковали длинные напильники в ножи или что-то вроде кортика (или мачете)

для использования в бою.(27) Они никогда не использовались регулярно организованными войсками. Однако партизаны, действовавшие независимыми небольшими группами, часто были вооружены таким необычным оружием. На Севере таких солдат не было. На Юге было много таких банд, лидеры которых приобрели большую известность, но они мало способствовали общим результатам. Партизаны были, в лучшем случае, иррегулярными солдатами, которые обычно маскировались под мирных граждан, беря в руки оружие только для совершения рейдов и нападений на небольшие незащищенные группы, поезда и т.д. Такого рода военные действия просто вызвали раздражение Севера и усиливали ненависть к тому времени.

Не только в вопросе оружия было чему поучиться на собственном опыте. Макклеллан и другие посетили армии Европы и составили отчеты о них; Халлек писал *о военном искусстве*; генерал Скотт и другие имели практический опыт участия в активных кампаниях, но, похоже, никто не знал, какие припасы требуются армии, чтобы сделать ее наиболее эффективной на марше или в бою.

Когда добровольцы впервые вышли на поле боя, транспортные поезда занимали на марше более чем в четыре раза больше пространства, занимаемого войсками. Как следствие, пришлось выделить крупные подразделения для управления поездами и вождения упряжек; большие отряды под командованием офицеров сопровождали их в качестве охраны. Снабжение огромного количества лошадей и мулов фуражом было не только большим налогом на дороги, но и ненужными расходами правительства. Также было произведено чрезмерное снабжение палатками штабов и офицеров, а также солдат. Офицеры, так же как и рядовые, носили с собой не только бесполезную личную одежду, включая сапоги (совершенно бесполезные для лакея) и другой багаж; у каждого офицера, как правило, был один или несколько сундуков и сундучок с другими припасами. В июле 1861 года у Макклеллана было около пятнадцати упряжек, запряженных четырьмя лошадьми или шестью мулами, для перевозки личного снаряжения генерала и его штаба; штаб бригады (в ней не было корпусов или дивизий) располагал лишь пропорционально меньшим количеством упряжек; а для полевых работ и штаба полкового штаба требовалось не менее шести таких упряжек, в том числе по одной для адъютанта, полкового квартирмейстера и комиссара; а полковому врачу и его помощникам требовались еще две.

Каждой роте была выделена одна группа. Один полк — десять рот - редко имел менее восемнадцати больших групп, чтобы иметь возможность выступить из своего лагеря. Кое-что, однако, было связано с заботой о новых и неподготовленных войсках, но в свете будущего опыта крайняя глупость таких попыток развязать войну кажется смешной. Большие перемены, однако, произошли в последние годы войны. Когда я участвовал в активных кампаниях с бригадой из семи полков, одна группа была выделена для штаба бригады и по одной для каждого полка. При таком расположении каждый солдат нес свой собственный полутень (собачью палатку), свернутый в своем рюкзаке, а интендант, комиссар, медикаменты и боеприпасы перевозились обычными поездами. Это относилось ко всем армиям Союза. У конфедератов было еще меньше транспорта с перемещающимися войсками.

Но мы не должны больше задерживаться на этих деталях. Далее мы вкратце попытаемся рассказать о тех кампаниях, событиях и сценах конфликта, которые в последующие четыре

годовойны попали под наше наблюдение или были связаны с движениями, в которых мы участвовали, вплетая в них некоторую личную историю.

(1) Его отставка была принята 29 декабря 1860 года. Хауэлл Кобб из Джорджии, министр финансов при Бьюкенене, ушел в отставку 8 декабря 1860 года, а 4 февраля 1861 года был избран председателем первого Конгресса Конфедерации. Он оставил Казначейство Соединенных Штатов пустым. Джейкоб Томпсон из Миссисипи, министр внутренних дел при Бьюкенене, ушел в отставку 8 января 1861 года. Он переписывался с сепаратистами Юга и, еще находясь в Кабинете министров, был назначен уполномоченным своего штата, чтобы призвать Северную Каролину к отделению. Он стал помощником Борегара, но не добился никаких военных отличий. В 1864 году он отправился в Канаду и там продвигал план освобождения заключенных в Кэмп-Дуглас, Чикаго, и захвата города, и был обвинен в подстрекательстве к заговору с целью поджога Нью-Йорка и других северных городов.

(2) *А.М. Циклопедия*, 1861 (Эпплтон), стр. 430, 431.

Интересно отметить, что Луизиана совместно с Конфедеративными Штатами выпустила в апреле и мае 1861 года золотую монету номиналом 254 820 долларов двуглавыми орлами, изготовленную из трофейных слитков Соединенных Штатов на штампах Соединенных Штатов 1861 года, и серебряную монету номиналом 1 101 316,50 долларов полудолларами. В мае 1861 года оставшиеся слитки были переданы А. Дж. Гизо, помощнику казначея Конфедеративных Штатов Америки, который сразу же уничтожил жетоны Соединенных Штатов и получил жетон Конфедеративных Штатов за серебряные полдоллара, выгравированные изготовителем монеты А. Х. М. Петерсоном. Из этой матрицы на шнековом прессе были отчеканены только *четыре* детали, причем матрица имела такой высокий рельеф, что ее использование было практически невозможно. Эти *четыре* монеты составляли всю чеканку Конфедеративных штатов. Его дизайн, *аверс*: Богиня Свободы (такая же, как на монетах Соединенных Штатов) с дугой из тринадцати звезд (представляющих первоначальные штаты), дата "1861". *Реверс*: американский щит под "Шапкой Свободы"; союз щита и семи звезд (представляющих первоначальные отделившиеся штаты), окруженный венком, слева (цветущий хлопок), справа (сахарный тростник). *Легенда*: "*Конфедеративные штаты Америки*", эксергия, "*Половина долга*" —США(Таунсенд), стр. 427.

(3) *Am. Cyclop.*, 1861, стр. 123.

(4) П. Г. Т. Борегар подал в отставку 20 февраля 1861 года в звании капитана армии Соединенных Штатов, одновременно занимая должность суперинтенданта Вест-Пойнта.

(5) *Жизнь Борегара* (Роман), том i, стр. 25.

(6) *История США* (Хайтман), стр. 836-845.

(7) *История С. S. N. Шарфа*, стр. 14.

(8) Послание президента Линкольна, июль 1861г.

(9) *Am. Cyclop.*, 1861, стр. 431.

(10) Это единственный случай, когда Бьюкенен отдал такой приказ, поэтому мы приводим его.

"1 марта 1861 года. "По указанию Президента и т.д. приказано, чтобы бригадный генерал Дж. Дэвид Э. Твиггс, генерал-майор по бревету, настоящим увольняется из армии Соединенных Штатов за предательство флага своей страны, выразившееся в том, что 18 февраля 1861 года по требованию властей Техаса он сдал военные посты и другую собственность Соединенных Штатов, находящиеся в его ведомстве и в его ведении.

- Дж. Холт, военный министр.
- С. Купер, генерал-адъютант.

(11) Лейтенант Фрэнк К. Армстронг (Первая кавалерийская) в ожидании отставки сражался при Булл-Ран (июль 1861 г.) на стороне Союза, затем перешел на сторону Конфедерации и стал бригадным генералом.

(12) "Министерство финансов, 29 января 1861 г. ".У. Хемпхилл Джонс, Новый Орлеан:

- Скажите лейтенанту Колдуэллу, чтобы он арестовал капитана Брешвуда, принял командование катером и выполнял приказ через вас. Если капитан Брешвуд после ареста попытается помешать командованию катером, скажите лейтенанту Колдуэллу, чтобы он считал его мятежником и обращался с ним соответственно.

"Если кто-либо попытается спустить американский флаг, пристрелите его на месте.

"Джон А. Дикс, министр финансов".

(13) *Мемуары Шермана*, том i, стр. 163.

(14) *От Манассаса до Аппоматтокса* (Лонгстрит), стр. 29-30.

(15) Джон Уилкс, британский писатель, 1780 г. (*Пат. Хрестоматия*, стр. 135).

(16) В 1861 году армейский офицер не был обязан (как сейчас) приносить служебную присягу при получении повышения. Ниже приводится копия последней присяги, принесенной Робертом Э. Ли в качестве офицера армии Соединенных Штатов, и на ней показана форма присяги, которую затем приняли другие армейские офицеры.

"Я, Роберт Э. Ли, назначенный подполковником Второго кавалерийского полка армии Соединенных Штатов, торжественно клянусь, что буду хранить истинную преданность Соединенным Штатам Америки и что я буду честно и преданно служить им против всех их врагов или противников, какими бы они ни были; и соблюдать и повиноваться приказам Президента Соединенных Штатов и приказам офицеров, назначенных выше меня, в соответствии с Правилами и Статьями правительства Армий Соединенных Штатов.

"Р. Э. Ли, младший лейтенант-полковник, США

"Приведен к присяге и подписан при мне в Вест-Пойнте, штат Нью-Йорк, 15 марта 1855 года.

"У. М. Х. Карпентер, мировой судья".

(17) Письмо генерал-адъютанта Томаса Гарфилду. *Материалы Общества армии Камберленда* (Кливленд), 1870, стр. 94.

(18) *Военные отчеты*, том i, стр. 11-13.

Стоит отметить, что ровно четыре года спустя (1865) ровно в полдень точно такой же флаг, опущенный с позором, был "поднят во славе" над фортом Самтер при участии Роберта Андерсона.

(19) Кроуфорд, стр. 421.

(20) *Жизнь Тумбса* (Стоволл), стр. 226.

(21) По одному человеку было убито с каждой стороны в результате несчастного случая.

(22) Письмо Грили, 22 августа 1862 г., Линкольновский *Ком. Сочинения*, том ii., стр. 227; также то же чувство, письмо Робинсону, 17 августа 1864 г., стр. 563.

(23) Генерал революции Бенджамин Линкольн является ярким примером. Он был храбрым, умелым, часто занимал высокое командование и всегда пользовался доверием Вашингтона, но так и не выиграл ни одного сражения. Чтобы как—то компенсировать ему его неудачи, Вашингтон назначил его принять капитуляцию в Йорктауне 19 октября 1781 г. —*Вашингтон и его генералы* (Хедли), том ii., стр. 104, 121.

(24) Еврипид сказал более двух тысяч лет назад: "Труссы не *считаются* в битве; они *там*, но не *участвуют в ней*".

(25) *История восстания* (Макферсон), стр. 114, 115.

(26) Офицеры артиллерийского отдела и инспекторы во время войны за Восстание утверждали, что винтовка 58-го калибра была самой маленькой из возможных. В 1863 году я приобрел для специального использования небольшое количество повторяющихся винтовок Мартини-Генри калибра .44, и при подаче заявки на боеприпасы офицер-артиллерист запротестовал против их поставки на том основании, что использованная пуля была слишком маленькой для эффективного использования. Это, как я продемонстрировал в то время, было ошибкой. И теперь (1896 г.), после многих лет тщательнейших экспериментов и испытаний, проведенных самыми опытными офицерскими советами Англии, Германии, Франции, Австрии, Швеции, Соединенных Штатов и т.д., было установлено, что свинцовая пуля в стальной оболочке, выпущенная из винтовки 30-го калибра, обладает наибольшей скоростью и проникающей способностью.

Армии всех этих стран сейчас или в скором времени будут вооружены этой превосходной малокалиберной винтовкой.

(27) Еще в апреле 1862 года Джефф. Дэвис, хотя и был солдатом по образованию и опыту, придавал большое значение "пикам и ножам" как боевому оружию.—*Военные отчеты*, том x, часть 2, стр. 413.

ГЛАВА III Личное упоминание —Оккупация Западной Вирджинии при Макклеллане (1861) — Кампания, битва при Рич-Маунтин и инциденты

События, приведшие, как мы видели, к отделению штатов; к организации Конфедеративных штатов Америки; к скоплению больших сил Конфедерации; к обстрелу форта Самтер и его последующей капитуляции, а также к призыву к оружию семидесяти пяти тысяч добровольцев

из вооруженных Сил Соединенных Штатов положили конец всяким мыслям о мире иными средствами, помимо войны.

Президент Линкольн и его советники не тешили себя надеждой, что война закончится за три месяца. Он и они слишком хорошо знали, насколько глубоко укоренившейся была цель завершить отделение, поэтому еще до того, как война далеко продвинулась, был сделан призыв за первые три года.

По общему мнению, как Южная, так и Северная Вирджиния вскоре стала ареной первых сражений. Его близость к Вашингтону, столице, привела к необходимости занять южный берег Потомака. Западная часть штата в значительной степени не интересовалась рабами или подневольным трудом, и было известно, что в ней было много граждан, лояльных Союзу. Их было важно защищать и признавать. Нейтральная и сомнительная позиция, которую Кентукки поначалу занял, сделала его занятие очень деликатным делом.

В то время как многие добровольческие отряды были спешно отправлены на защиту Вашингтона, большое их количество было собрано в лагерях по всему Северу для обучения, организации и снаряжения.

Когда Линкольн впервые призвал войска, я находился в Спрингфилде, штат Огайо, наслаждаясь довольно прибыльной юридической практикой, как тогда обстояли дела, но с острой конкуренцией за будущий большой успех.

В ноябре 1856 года я должен был вернуться с обычной работы на ферме в маленький город, чтобы пройти там курс чтения законов, начатый много лет назад и проводившийся через нерегулярные промежутки времени. После моего переезда в Спрингфилд я закончил подготовительные курсы, и 12 января 1858 года, когда мне еще не исполнилось двадцати двух лет, Верховный суд штата Огайо разрешил мне заниматься юридической практикой, и я поселился в Спрингфилде, где мне посчастливилось пользоваться удовлетворительной долей клиентов. С юности у меня было желание узнать как можно больше о войне и военных кампаниях, но, за исключением небольшой подготовки добровольцев—ополченцев, полученного в качестве члена военной роты в форме, и небольшой службы в штабе генерала милиции, у меня не было образования или подготовки к ответственным обязанностям солдата - и уж точно никакой к важным обязанностям офицера какого-либо значительного командования.

Находясь в таком положении и не будучи готовым, по первому призыву добровольцев я записался рядовым в спрингфилдскую роту и отправился с ней в Кэмп-Джексон, ныне Гудейл-парк, Колумбус, Огайо.(1)

Первым добровольцам было разрешено выбирать свою собственную компанию и полевых офицеров. Я был избран майором 3-го добровольческого пехотного полка штата Огайо и назначен губернатором Уильямом Деннисоном 27 апреля 1861 года.

Несколько дней спустя мой полк был направлен в Кэмп-Деннисон, недалеко от Цинциннати, чтобы начать подготовку к полевым действиям. Здесь я увидел и в некотором смысле познакомился с генерал-майором Джорджем Б. Макклелланом, также У. М. С. Роузкрансом,

Джейкобом Д. Коксом, Гордоном Грейнджером и другими, которые впоследствии стали генерал-майорами. Я также встретил многих других, которых в ходе кампаний и сражений последующих четырех лет я знал и ценил как опытных офицеров. Но многие, кого я встретил там, пали по дороге, не только из-за несчастных случаев в бою, но и из-за непригодности к командованию или общей неэффективности.

Полковник моего полка (Марроу) так преувеличил опыт мексиканской войны, что заставил неопытного гражданина-солдата смотреть на него с благоговением, но впоследствии он никогда не был свидетелем настоящего сражения. Джон Битти, который позже стал полковником, а затем бригадным генералом, был моим подполковником; я думаю, у него не было даже того, что соответствовало моей жалкой военной подготовке. Однако он был типичным солдатом Союза добровольцев: умным, храбрым, ужасно серьезным, всегда правдивым, и то, чего он не знал, он не притворялся знающим, ностремился учиться. От природы он обладал духом хорошего солдата; по мере развития войны истинный дух воина стал для него источником вдохновения; и при Перривилле, Стоунз-Ривер, Чикамоге и на других полях сражений он снискал заслуженную славу не только за личную храбрость, но и за умение управлять своим отрядом и лично сражаться с ним.

3-й Огайский и большинство трехмесячных полков в Кэмп-Деннисоне были незамедлительно повторно зачислены в соответствии с объявленным президентом 3 мая призывом добровольцев на три года, и я снова (12 июня 1861 г.) был произведен в майоры.

В начале июня Макклеллан, командовавший департаментом Огайо, включая Западную Вирджинию, пересек реку Огайо и собрал армию, в основном в Графтоне и его окрестностях.

26 мая 1861 года он опубликовал из своей штаб-квартиры в Цинциннати несколько напыщенное обращение к народу Западной Вирджинии, частично связанное с недавним голосованием за отделение, в котором говорилось, что его вторжение было отложено, чтобы избежать видимости влияния на результат. Он обещал защиту верным людям от вооруженных мятежников и с негодованием отвергал любое намерение вмешиваться в дела рабов или рабовладения, обещая подавить попытку восстания "железной рукой".

Прокламация завершалась так:

"Несмотря на все, что было сказано предателями, чтобы заставить вас поверить, что наше появление среди вас будет ознаменовано вмешательством в дела ваших рабов, ясно поймите одну вещь — мы не только воздержимся от любого такого вмешательства, но, напротив, железной рукой подавим любую попытку восстания с их стороны. Теперь, когда мы находимся среди вас, я призываю вас взяться за оружие и поддержать правительство в целом.

"Разорви связь, которая связывает тебя с предателями. Провозгласите всему миру, что вера и верность, которыми так долго гордился Старый Доминион, все еще сохраняются в Западной Вирджинии, и что вы остаетесь верны Звездно-полосатому флагу".(2)

Это воззвание не завоевало Союзникам поддержки в горах Западной Вирджинии, где рабов было мало, а рабство вызывало отвращение. Горцы, естественно, были за Союз, и такой призыв, вероятно, принес бы больше вреда, чем пользы.

Прокламация, однако, соответствовала тогдашней политике администрации в Вашингтоне и общественным настроениям в целом на Севере.

4 мая Роберт Э. Ли, в то время командовавший войсками Вирджинии, приказал полковнику Джорджу А. Портерфилду отправиться в Графтон, на пересечение двух веток железной дороги Балтимор и Огайо, и там собрать войска Конфедерации с целью удержания этой части штата Вирджиния; однако, если он потерпит неудачу в этом и не сможет постоянно удерживать эту железную дорогу, ему было приказано перерезать ее.

8 июня генерал Р. С. Гарнетт был назначен Ли командующим войсками Конфедерации в Северо-Западной Вирджинии.

Силы Союза под командованием полковника Б. Ф. Келли, 1-го добровольческого полка Вирджинии, заняли Графтон 30 мая, войска под командованием Портерфилда без боя отступили к Филиппи, примерно в шестнадцать миль от шоссе, ведущего из Вебстера (в четырех милях от Граптона) через Лорел-Хилл в Беверли. Поскольку дорог в Западной Вирджинии немного, и поскольку эта дорога оказалась одной из важнейших в кампании, к которой мы только приступаем, можно сказать, что она продолжается через Хаттонвилл, через реку Тайгартс-Вэлли, через перевал Чит-Маунтин над вершиной горы Чит, оттуда через Гринбрайер к Стонтону в начале долины Шенандоа. В Беверли его пересекает другая магистраль из Кларксбурга, через Бьюкеннон, через мост Миддл-Форк, Роринг-Крик (к западу от Рич-Маунтин), вершину Рич-Маунтин и т.д. Из Хаттонвилля дорога ведет на юг вверх по реке Тайгартс-Вэлли, пересекая устье Элк-Уотер примерно в семи милях от Хаттонвилля, оттуда мимо Биг-Спрингс на Вэлли-Маунтин в Хантерсвилл, штат Вирджиния. Регион, через который проходят эти дороги, горный.

Добровольцы из Огайо и Индианы составляли основную часть армии под командованием Макклеллана. Сначала эти войска собрались в окрестностях Граптона. Первый лагерь, который занял 3-й отряд Огайо, находился в Феттермане, в двух милях к западу от Граптона. Портерфилд сделал привал в Филиппи, где собрал около восьмисот плохо вооруженных и дисциплинированных людей. Отряды под командованием полковника Б. Ф. Келли и полковника Э. Дюмона из Индианы застали его врасплох 3 июня ночным маршем и захватили часть его команды, большую часть припасов и вынудили его отступить с дезорганизованными и опозоренными силами. Там полковник Келли был тяжело ранен выстрелом из пистолета. Генерал Гарнетт вскоре после сражения при Филиппах собрал около четырех тысяч человек у Лорел Хилл, на дороге, ведущей в Беверли. Эта позиция, естественно, была сильной и вскоре стала грозной благодаря земляным работам и артиллерии. Он лично принял там командование. У подножия горы Рич (западная сторона), на дороге, ведущей из Кларксвилля через Бьюкеннон в Беверли, были сильно укреплены силы конфедерации численностью около двух тысяч человек со значительной артиллерией, которыми командовал полковник Джон Пеграм, в прошлом служивший в США. А Беверли стал базой снабжения для обоих командований. Была проявлена большая активность по набору и оснащению крупных сил Конфедерации для удержания Западной Вирджинии. У них были войска на Канаве под командованием генерала. Генри А. Уайза и генерала Дж. Б. Флойда. Последний совсем недавно был военным министром президента Бьюкенена.

Бригадный генерал Томас А. Моррис из Индианы получил около 4000 человек после событий в Филиппах для задержания Гарнетта и наблюдения за ним на Лорел Хилл. Макклеллан,

сосредоточив силы в Кларксбурге на Паркерсбергской ветке железной дороги Балтимор-Огайо, двинул их оттуда по Беверли-роуд, *через Бьюкеннон*, к передовой позиции Пеграма.

Его армия на этой дороге насчитывала около 10 000 человек.

Генерал У. М. С. Розкранс, заместитель командующего, возглавил бригаду; генерал Н. Шлейх, проработавший три месяца генералом из Огайо, и полковник Дж. Роберт Л. Маккук (9-я О.В.И.), также временно командовавший бригадами.

3-й пехотный полк Огайо входил в бригаду Шлейха.

Пока войска стояли лагерем в Бьюкенноне, Шлейх 6 июля без ведома Макклеллана отправил две роты под командованием капитана Лоусона из 3-го Огайо в разведывательную экспедицию, чтобы выяснить положение противника. Лоусон обнаружил передовые пикеты противника у моста Миддл-Форк, и произошел ожесточенный бой, в котором он потерял одного человека убитым и нанес некоторый урон противнику. Эта несанкционированная экспедиция заставила Макклеллана высказать порицание Шлейху, которого можно было оправдать только по причине неопытности.

К вечеру 9 июля армия Союза достигла Роринг-Крик и разбила лагерь у подножия горы Рич, примерно в полутора милях от укрепленной позиции Пеграма.

В это время генералу Моррису было приказано занять позицию непосредственно напротив укрепленной позиции Гарнетта на Лорел Хилл, наблюдать за его передвижениями и, если он попытается отступить, атаковать и преследовать его.

10 июля 4-й и 9-й полки Огайо с батареей капитана К. О. Лумиса (Колд-Уотер, Мичиган) под руководством лейтенанта О. М. По из инженерных войск произвели рекогносцировку фронта противника, которая навела Макклеллана на мысль, что вражеские "укрепления удерживались большими силами, с несколькими орудиями на позициях, контролирующих передовые подходы, и что прямая атака приведет к тяжелым и ненужным человеческим жертвам".

Эта вера, по его словам, побудила его предпринять попытку обойти противника с фланга и атаковать его с тыла.

Однако Розкранс имеет честь представить около 10 часов вечера 10 июля план поворота позиций противника, который Макклеллан с некоторой неохотой поручил ему осуществить.

Бригада Розкранса состояла из 8-го, 10-го и 13-го Индианских, 19-го Огайского и кавалерийской роты Бердселла, всего насчитывающей 1917 человек.

План, предложенный Роузкрансом и одобренный Макклелланом, был впервые предложен молодым человеком по имени Харт, дом отца которого стоял на пайке, недалеко от вершины горы Рич, в двух милях позади позиции Пеграма. Молодой Харт был изгнан из дома присутствием конфедератов и горел желанием сделать все, что в его силах, для дела Профсоюза. Он разыскал Розкранса и предложил провести его малолюдным путем в обход *левого фланга* противника и под прикрытием густого леса, сделав значительный крюк, к гребню горы Рич, а оттуда к дороге, ведущей к его старому дому в тылу врага. Он произвел такое впечатление на Роузкранса и его окружение, что заручился их доверием к нему и его плану. При

подготовке деталей было приказано, чтобы Розкранс под руководством Харта на рассвете 11-го числа покинул главную дорогу примерно в одной миле перед укреплениями противника, держался под прикрытием склонов горных отрогов, избегал использовать топор или что-либо еще, что могло бы производить шум, достиг дороги на вершине горы, закрепился там как можно прочнее и оттуда атаковал тыл противника по главной дороге. Пока Роузкранс делал это, Макклеллан должен был подвести основные силы армии вплотную к орудиям противника и быть в готовности атаковать с фронта, если будет известно, что Роузкранс готов атаковать с тыла.

Общее расстояние, которое должна была пройти фланговая колонна, оценивалось в пять миль, но оказалось, что оно намного больше. Гора была не только крутой, но и чрезвычайно скалистой и неровной. После осмотра Пеграм счел движение своего левого фланга в тыл абсолютно невозможным. (3)

Однако его правый фланг не был так хорошо защищен природой, и, чтобы избежать внезапности с этого направления, он держал пикеты и разведчиков далеко справа от себя. Харт считал, что движение в обход правого фланга противника наверняка будет обнаружено и, следовательно, вряд ли увенчается успехом.

Сразу же на рассвете Розкранс въехал в горную крепость, куда редко забирался отважный охотник, в сопровождении полковника Ф. В. Ландера, добровольного адъютанта штаба Макклеллана — человека с большим опытом работы на границе на Западе. Под дождем, длившимся пять часов, колонна медленно пробиралась сквозь густой лес, вверх по горе, пересекая овраги извилистыми путями, и к часу дня она приблизилась к вершине горы, но все же на некотором расстоянии к югу от того места, где Беверли-роуд вела через впадину, через вершину. После короткого отдыха, когда, приблизившись к дороге к дому Харта, он был неожиданно обнаружен противником и обстрелян.

Чтобы понять, как получилось, что враг был обнаружен вблизи вершины, где его не ожидали, необходимо вернуться к тому, что Макклеллан делал на вражеском фронте. Харт заверил Роузкранса, что на вершине горы нет враждебных сил, и, столкнувшись там с конфедератами, Роузкранс на какое-то время заподозрил своего проводника в предательстве.

Но сначала заслуживающий упоминания инцидент произошел в 3-м Огайском полку. И. Х. Марроу, его полковник, который утверждал, что находится в доверительных отношениях с Макклелланом, вернулся из штаба около полуночи 10-го и, предполагая, что ему известны планы на следующий день и что за ними последуют важные события, созвал полк и торжественно обратился к нему по существу следующим образом:

"Солдаты Третьего: штурм укреплений противника будет произведен ранним утром. Третий возглавит колонну. У сепаратистов десять тысяч человек и сорок нарезных пушек. Они сильно укреплены. У них больше людей и пушек, чем у нас. Они разорвут нас на куски. Идти в атаку на такого окопавшегося и так вооруженного врага - все равно что идти в мясную лавку, а не на битву. Впереди кровавая работа. Многие из вас, мальчики, уйдут и никогда больше не вернутся".(4)

Эта речь, обращенная таким образом к солдатам, не привыкшим к сражениям, была рассчитана на то, чтобы заставить левоверных подумать о друзьях, о доме—смерти, и уж точно не имела тенденции вселять в неопытных добровольцев надежду и уверенность. Речь была, конечно, дикими, глупыми излияниями слабого человека.

Меня послали с отрядом 3-го Огайо охранять дорогу перед противником и перед тем местом, откуда Роузкранс покинул ее, чтобы подняться на гору. Мой небольшой отряд занял позицию менее чем в полумиле от укрепленной позиции противника, оттеснив его пикеты на рассвете через густой лес по обе стороны дороги. Около 9 часов утра конный ординарец Макклеллана галопом прискакал из лагеря с сообщением для Роузкранса, которое, как говорили, отменяло прежние приказы и требовало от него остановиться, пока не будет составлен другой, лучший план передвижения. Гонцу, как он решительно настаивал, было приказано догнать Розкранса, следуя по маршруту *справого* фланга противника, в то время как Розкранс двигался *справа* и *слева*. Я не только сообщил об этом ординарцу, но и предупредил его о близости пикетов Конфедерации. Однако он настаивал на своей ошибке и представил полномочия генерального командующего пропускать все профсоюзные пикеты. Это было неохотно соблюдено, и злополучный ординарец поскакал дальше в поисках пути на *лево*. Через минуту или две послышался резкий ружейный выстрел, и почти сразу же лошадь ординарца ворвалась в ряды наших пикетов, раненая и без всадника. История была рассказана. Деша с ее предъявителем, живым или мертвым, оказалась в руках врага. Санитар, однако, не был убит, но был серьезно ранен пулей из винтовки. Он и его донесение в Роузкранс дали Пеграму первые сведения о передвижении колонны к вершине горы.

По уже изложенным причинам Пеграм не опасался нападения слева и с тыла, но был несколько обеспокоен тем, что его правый фланг не был в равной степени защищен, и поэтому рано утром 11-го он выслал небольшой пикет возле дома Харта и принял дополнительные меры предосторожности, чтобы за его правым флангом бдительно наблюдали. Сообщение, найденное у захваченного санитара, сообщало Пеграму, что Розкранс ведет колонну в его тыл. (5) Вслед за этим последний направил сильное подкрепление под командованием капитана Джулиуса А. Де Ланьеля к пикету, уже расположенному на вершине горы. В связи с ожидаемым приближением войск с правого фланга были спешно возведены брустверы и выставлены два артиллерийских орудия для отражения атаки с этого направления. Пеграм в своей неуверенности пришел к выводу, что Роузкранс может сделать еще более широкий круг справа от себя и таким образом перевалить через гору по тропинке или дороге, ведущей к автостраде в полутора милях от Беверли; и чтобы предотвратить это, он приказал полковнику У. М. К. Скотту с 44-м вирджинским полком, находившимся тогда в Беверли, занять позицию с двумя артиллерийскими орудиями на перекрестке упомянутых дорог и хорошо разведать обходящую дорогу. (6)

Таким образом, объясняется неожиданное появление врага на вершине горы и подтверждается надежность и верность проводника. Капитана Де Ланьеля, как и Розекранса, тоже ждал сюрприз.

Командование Розкранса вышло с поросшей лесом горы и вдоль ее гребня в тыл позиции Де Ланьеля, и для отражения атаки пришлось произвести новую дислокацию сил Конфедерации.

Позиция войск Де Ланьеля находилась на линии шоссе, проходящей через гору, и вблизи нее, и, следовательно, колонна Розкранса, приближавшаяся с юга и занявшая высоты на некотором расстоянии от дороги, находилась с большей возвышенности.

10-й индианский полк под командованием полковника Мэнсона был впереди и первым принял на себя огонь противника.

После задержки примерно в сорок минут, в течение которых противник получал подкрепление, и обе стороны приводили свои позиции в соответствие с реальной ситуацией, Роузкранс отдал приказ наступать, и хотя войска были новыми и мало обученными, ими хорошо руководили и они храбро отвечали. Само сражение длилось не более пятнадцати минут. Конфедераты оказали храброе сопротивление, но их численность не превышала 800 человек, и хотя у них было преимущество в артиллерии, они не имели выгодного расположения, следовательно, вскоре были опрокинуты, их командир был застрелен, а 21 человек взят в плен, около 50 единиц оружия, 2 артиллерийских орудия и некоторые припасы. Потери Союза составили 12 убитых и 69 раненых, и потери Конфедерации, вероятно, примерно такие же.

Обе стороны сообщили, что капитан Де Лангель убит, и его храбрость была высоко оценена.(7) Генерал Макклеллан и другие офицеры регулярной армии предположили, что на следующий день они опознали его тело и узнали его, а также выразили сожаление по поводу его ранней смерти. Незадолго до этого, как мы видели, он был схвачен как офицер Союза в Фейетвилле, Северная Каролина, и еще позже подал в отставку из США.А. Его предполагаемая смерть, о которой обычно сообщалось через Конфедерацию, стала поводом для многих надгробных проповедей и речей, восхваляющих его южную лояльность и славную жертву жизнью "на высотах Рич Маунтин" во имя человеческого рабства, называемого правами южан или южной свободой.

Но мы еще услышим о Де Лангеле.

Пеграм, узнав о катастрофе на горе у себя в тылу, собрал вокруг себя свои лучшие войска и лично начал атаковать и выбить Розкранса. Он приблизился к полю боя около 6 часов вечера, но, получив сообщение от своих офицеров, что его люди деморализованы и на них нельзя положиться, воздержался от атаки и вернулся в свой главный лагерь и позицию.(8)

Из рассеянных сил Конфедерации некоторые бежали в сторону Беверли, по пути присоединившись к 44-му вирджинскому полку Скотта, а некоторые были отброшены обратно в укрепленный лагерь и присоединились к Пеграму.

В то время как Розкранс действовал в тылу противника, Макклеллан бездействовал на фронте. Макклеллан утверждал, что он должен был ежечасно получать известия от Роузкранса во время своего продвижения через скалистую гору и вверх по ней, и, не так часто получая от него весточки, он в присутствии своих офицеров осудил движение и возложил на Роузкранса ответственность за его предсказанный тогда определенный провал.

Единственной информацией, полученной от Роузкранса в течение дня, было сообщение об успешном продвижении колонны в 11 часов утра 11-го числа; в то время она приближалась к дому Харта и находилась примерно в полутора милях от него.(9)

Договоренность, достигнутая заранее, заключалась в том, что, когда Роузкранс займет позицию на горе, он должен был спуститься с нее в тыл Пеграму, а Макклеллан с основными силами армии должен был атаковать с фронта. Не предполагалось, что Пеграм должен быть полностью проинформирован об этом плане до того, как он может быть в значительной степени выполнен. Люди Роузкранса, будучи сильно измотанными трудным восхождением на крутую гору и

вынужденными вступить в неожиданное сражение, не стали наступать на вражеские укрепления с тыла, а ждали, когда впереди загремят орудия Макклеллана. День был слишком долгим, чтобы сообщать о ситуации через посыльного, и Макклеллан оставался весь день и последующую ночь в полном неведении относительно реального результата сражения; и хотя его дым был хорошо виден, а звуки ружейной пальбы и артиллерии отчетливо слышны со своей позиции, исходя из обстоятельств, которые, по-видимому, происходили в лагере противника после того, как звуки сражения стихли, Макклеллан пришел к выводу, что Роузкранс потерпел поражение, если не был взят в плен и уничтожен, и это побудило Макклеллана и некоторых членов его штаба усердно объявить, что Роузкранс потерпел поражение. Компания Rosecrans нарушила приказ и будет привлечена к ответственности за произошедшую катастрофу. Макклеллан спокойно оставался с основными силами своей армии в лагере на Роринг-Крик примерно до полудня, когда, как он заявляет в своем отчете, "я выдвинул все имеющиеся у меня силы вперед и лично остался в тылу передовых пикетов, готовый атаковать, когда появится указанное движение".

Пока войска ждали "указанного движения", противник подтянул своих стрелков в ожидании атаки. Я был на передовой вместе со стрелками и по своему рвению и неопытности, естественно, пожелал увидеть реальное положение укреплений и орудий противника. В сопровождении двух или трех бесстрашных солдат, следовавших за мной по пятам и без приказов, я сделал небольшой крюк через кустарник и лес слева от главной дороги, вышел к укреплениям, расположенным вплотную к некоторым орудиям, и получил хороший обзор. Противник, предвидя нападение, открыл по нам огонь единственным выстрелом из одного артиллерийского орудия, (10) которое он не смог ослабить в достаточной степени, чтобы причинить нам какой-либо вред. Мы, однако, поспешно отступили, и я попытался сразу же доложить Макклеллану о ситуации и расположении орудий противника, а также о силе и расположении его укрепленного лагеря, но вместо благодарности за информацию я получил жестокий выговор и мне резко сказали, что мое поведение могло привести к развязыванию генерального сражения до того, как *генерал* был готов. Я никогда больше не грешил подобным образом, находясь под командованием Макклеллана.

Ближе к вечеру 11-го, когда звуки битвы на горе стихли, было видно, как офицер галопом прискакал в лагерь противника на склоне горы; он обратился с пылкой речью к тамошним войскам, и громкие возгласы, которыми они ответили, были отчетливо слышны в нашем лагере.

Об этом событии, о котором сообщили Макклеллану, сразу же утвердили его и окружающих в убеждении, что Роузкранс потерпел поражение. Чуть позже были замечены войска Конфедерации, отходящие в тыл и поднимающиеся на гору. Это, вместо того чтобы быть подкреплением для побежденных войск, как это было на самом деле, было воспринято как возможное агрессивное движение, которое каким-то оккультным способом должно атаковать и опрокинуть основную армию впереди. Когда день подходил к концу, По из инженерных войск был послан справа от нас, чтобы найти позицию непосредственно слева от противника, где можно было бы использовать артиллерию. Мне было поручено сопровождать его с двумя ротами 3-го Огайо. Мы поднялись на горный отрог и вскоре достигли позиции в пределах досягаемости ружей противника, которая полностью контролировала его орудия и укрепления. Моя команда была так близка, что я запросил разрешения открыть огонь, не дожидаясь прибытия артиллерии, но этого не дал По из штаба штаба, и, только что получив выговор оттуда, я отдал категорический приказ *не* открывать огонь, если на меня не нападут. Обнаружив нас у

себя в тылу, противник развернул свои орудия и произвел по нам несколько артиллерийских выстрелов, не причинив вреда, но предоставив благовидный предлог для ружейной пальбы, которая, казалось, заставила замолчать вражеские орудия, поскольку их стрельба сразу прекратилась.

По был молодым офицером приятной внешности, превосходного телосложения, выпускником Вест-Пойнта и внуком одного из знаменитых индейских бойцов, особенно известного убийством вождя вайандотов Биг Фут на реке Огайо в 1782 году.

По находился на штабной службе на протяжении всей войны; стал временным бригадиром инженерного корпуса и умер в звании полковника армии Соединенных Штатов в Детройте, штат Мичиган, 2 октября 1895 года.

Мое знакомство с ним началось на отроге горы Рич при упомянутых обстоятельствах.

Макклеллан в своем отчете говорит:

Я послал лейтенанта По найти такую позицию для нашей артиллерии, которая позволила бы нам руководить работами. Ближе к вечеру я получил его доклад о том, что он нашел такое место. Я немедленно выделил отряд, чтобы перерезать дорогу к нему для наших орудий, но было слишком поздно выдвигать их на позиции до наступления темноты, и поскольку я не получал никаких сведений о передвижениях генерала Розкранса, я, наконец, решил вернуться в лагерь, оставив силы, достаточные только для прикрытия рабочей группы. Затем был отдан приказ выдвинуть орудия со всей имеющейся пехотой на рассвете следующего дня. *Поскольку войска были сильно утомлены*, произошла некоторая задержка с выводом из лагеря, и как раз в тот момент, когда начали стрелять, были получены разведданные, что противник покинул свои укрепления и бежал через горы, оставив все свое оружие, транспортные средства, боеприпасы, палатки и багаж.

"Затем, впервые с 11 часов предыдущего дня, я получил сообщение от генерала Розкранса, в котором впервые сообщалось о том, что он занял позицию противника на ферме Харта".(11)

Здесь был командующий генерал в странной ситуации, когда он почти мог видеть и ясно слышать бушующее сражение, но узнал о его успешном результате только через пятнадцать часов после его окончания.

Я остался на горном отроге, командуя несколькими ротами пехоты, с приказом удерживать людей в боевом порядке, без огня, в течение всей ночи. Большую часть времени шел дождь, и из-за похолодания люди сильно страдали. Остальная часть армии отступила в свой лагерь в полутора милях отсюда.

Пеграм собрал свои деморализованные силы и с теми, кто, как предполагалось, был способен совершить долгий марш, около полуночи двинулся в путь по горной тропе к западу от фермы Хартов, надеясь выйти на главную дорогу и присоединиться к силам Гарнетта, которые, как предполагалось, все еще находились у Лорел Хилл.

Утром 12 июля мы нашли несколько сломленных мужчин в последнем лагере Пеграма и значительное количество простых юношей - студентов колледжей Уильяма и Мэри и Хамден—Сидни, которые были еще слишком молоды для войны.

Макклеллан и его сотрудники с ослепительной демонстрацией проехали по опустевшим заводам, осмотрели захваченные орудия, посмотрели на удрученных пленных, а затем телеграфировали в Военное министерство: "В распоряжении противника все сооружения вплоть до точки в поле зрения Беверли. Забрали все его оружие. . . . Поведение войск в бою и по отношению к пленным достойно восхищения".

Армия двинулась вверх по горе к полю битвы и остановилась на несколько минут, чтобы осмотреть его. Вид людей с огнестрельными ранениями был первым для новых добровольцев, и это произвело на них глубокое впечатление; все смотрели на тех, кто участвовал в битве, как на настоящих героев.

Поздно 12-го числа войска достигли Беверли, перекрестка магистральных дорог далеко в тылу Лорел Хилл, и расположились там бивуаком.

Гарнетт, узнав о поражении Пеграма при Рич Маунтин, оставил свои укрепления у Лорел Хилл и, оставив палатки и другое имущество, поспешно отступил в сторону Беверли, довольно робко преследуемый командованием Морриса. Если бы Гарнетт быстро продвинул свою армию через Беверли, он мог бы безопасно пройти во второй половине дня 12-го, но, получив ложную информацию о том, что она была занята утром того же дня войсками Макклеллана, он свернул у Лидсвиллской церкви, примерно в пяти милях от Беверли, и отступил по ведущей к ручью дороге, очень неровной и труднопроходимой. Часть команды Морриса во главе с капитаном регулярной армии Бенхэмом последовала за ним в плотном преследовании, в то время как остальные спокойно отправились в лагерь по приказу Морриса.

Пеграму со своими беглыми людьми удалось найти путь через гору, и в 7 часов вечера 12-го числа он достиг реки Тайгартс-Вэлли, недалеко от дороги Беверли и Лорел-Хилл, примерно в трех милях от Лидсвиллской церкви. Они проехали без дороги около двенадцати миль, были разбиты и умирали с голоду. Здесь Пеграм узнал от жителей Garnett's retreat, the Union pursuit и о том, что Беверли занят Профсоюзами. Всякая надежда спастись в одиночку исчезла, и, хотя он находился в шести милях от Беверли, он отправил командующему силами Союза записку, в которой говорилось:

"В связи с сокращенным и почти голодным состоянием сил, находящихся сейчас здесь под моим командованием, я вынужден предложить сдать их вам в качестве военнопленных. Я должен только просить, чтобы в ваших руках с ними обращались так же, как с пленными северянами неизменно обращались на Юге".

Макклеллан отправил штабных офицеров в лагерь Пеграма, чтобы проводить его и его умирающих от голода солдат в Беверли, всего их было 30 офицеров и 525 рядовых.(12) Остальные сбежали.

Заклученные были освобождены условно и отправлены на юг 15 июля, за исключением тех офицеров, включая полковника Пеграма, которые недавно покинули армию Соединенных Штатов, чтобы присоединиться к армии Конфедерации Штатов; они были оставлены и отправлены в форт Макгенри.(13)

Гарнетт отступил через округ Такер к Калеа-Форд на реке Чит, где разбил лагерь в ночь на 12-е число. 13-го числа его тыл был настигнут у Брода Каррика, и произошло оживленное сражение с потерями с обеих сторон; во время перестрелки у другого брода примерно в миле от брода Каррика Гарнетт, прикрывавший его отступление и руководивший застрельщиками, был убит пулей из винтовки.(14)

Гарнетта рано выбрали для продвижения по службе в армии Конфедерации, и он обещал стать выдающимся лидером. Его армия, теперь сильно деморализованная и дезорганизованная, продолжила отступление через Подковообразную трассу и Ред-Хаус, штат Мэриленд, в Монтерей, штат Вирджиния. Генерал К. У. Хилл по робости или неопытности позволил разбитым войскам Конфедерации беспрепятственно пройти мимо него к Ред-Хаусу, где, согласно приказу, он должен был сосредоточить превосходящие силы.

14 июля Макклеллан двинул свою армию по дороге, ведущей через Хаттонвилл к перевалу Чит-Маунтин, и часть ее преследовала небольшой отряд противника до вершины горы Чит и за ее пределами, на Стонтон-пайк, но ни один враг не был настигнут, и кампания подошла к концу.

Это была первая кампания; казалось, что она увенчалась успехом, и Макклеллан своими донесениями присвоил себе всю славу этой кампании. Он получил благодарность генерала Скотта, президента, и его кабинета.(15)

Из Беверли 16 июля 1861 года Макклеллан обратился с болезненно тщеславным поздравительным обращением к *"солдатам армии Запада"*.(16)

Уже 21 июля 1861 года он сообщил своей жене, что "не уверен, что люди будут хорошо сражаться под чьим-либо командованием, кроме него самого"; и что ему абсолютно необходимо лично отправиться в Канаву, чтобы атаковать генерала Уайза. До сих пор он не водил войска в бой. Поражение Юнион в этот день на Булл-Ране, однако, привлекло внимание к Макклеллану, поскольку он один, по-видимому, добился успеха, хотя, как мы видели, в основном, если не полностью, благодаря Роузкрансу.

22 июля 1861 года он был вызван в Вашингтон, а 24-го покинул свою "Армию Запада", чтобы приступить к другим, более ответственным военным обязанностям, о которых мы здесь говорить не будем. Отстраняя его от этого повествования, я хочу сказать, что в июле 1861 года я написал другу мнение относительно способностей и характера Макклеллана как военного лидера, которое с тех пор я не чувствовал необходимости пересматривать, и которое сейчас в целом принято мыслящими людьми этой страны. Макклеллан был добрым и великодушным, но слабым и настолько чрезмерно тщеславным, что считал ненужным принимать суждения людей с более высокими достижениями и более сильным характером. Даже сейчас сильные люди содрогаются, когда вспоминают тот факт, что Джордж Б. Макклеллан, очевидно, какое-то время держал в своих руках судьбу Республики.

Чтобы показать состояние его ума, а также безмерность его тщеславия, я привожу здесь выдержку из письма его жене от 9 августа 1861 года, предоставляя читателю самому комментировать ситуацию и делать выводы.

"Генерал Скотт - большое препятствие. Он не осознает опасности. Я должен проложить себе путь против него. Завтра вопрос, вероятно, будет решен путем предоставления мне

абсолютного контроля независимо от него. . . . Народ призывает меня спасти страну. Я должен спасти это и не могу уважать ничего, что стоит на пути.

"Я получаю письмо за письмом, веду беседу за беседой, в которых меня призывают спасти нацию, ссылаются на президентство, диктатуру и т.д. . . . Я бы с радостью принял диктатуру и согласился отдать свою жизнь, когда страна будет спасена" и т.д. (17)

Генерал Макклеллан не был нелояльным, и у него не было недостатка в военном образовании. Он был хорошим мужем, снисходительным отцом, добрым и преданным другом, человеком чистой жизни, но, к сожалению, какое-то время его принимали за великого солдата, и эту ошибку он сам так и не обнаружил.

Пока он занимал высокий пост, его окружало много настоящих и мнимых друзей, большинство из которых разделяли его образ мыслей и обладали только его качествами. Президент Линкольн не преминул понять его, но поддерживал и долго поддерживал его из-за отсутствия лучшего лидера для восточной армии, а также потому, что у него было много сторонников среди офицеров.

У Грили в первом томе его книги "Американский конфликт", написанной в начале войны, есть страница с портретами двенадцати самых выдающихся на тот момент "генералов Союза". Скотт - центральная фигура, а вокруг него Макклеллан, Батлер, Макдауэлл, Вул, Фремон, Халлек, Бернсайд, Хантер, Хукер, Бьюэлл и Андерсон. Все они пережили войну, и ни один из них не был по ее окончании выдающимся полевым командиром. Самое большее, один или двое сохранили лишь достойную репутацию офицеров; остальные (за исключением Скотта, ушедшего в отставку по причине преклонного возраста) по той или иной причине потерпели неудачу.

Во втором томе Грили, опубликованном в конце войны, есть еще одна группа "генералов Союза". Грант — центральная фигура, а вокруг него Шерман, Шеридан, Томас, Мид, Хэнкок, Блэр, Ховард, Терри, Кертис, Бэнкс и Гилмор - не один из первых двенадцати; и даже тогда он не исчерпывал список великих солдат, справедливо снискавших вечную славу.

Истинные Вожди должны были формироваться в пламени битвы, в условиях острой необходимости долгой, кровопролитной войны, и они должны были добиваться повышения по службе на поле боя.

(1) Краткое описание жизни писателя до и после войны см. В Приложении А.

(2) *Военные отчеты*, том ii., стр. 48.

(3) Представитель полковника Пеграма, *Военные отчеты*, том ii., стр. 267.

(4) *Гражданин-солдат* (Джон Битти), стр. 22.

(5) Похоже, что этот ординарец отказался сообщить, какой фланг поворачивал Роузкранс, поскольку после того, что выяснилось, у него, должно быть, были сомнения относительно его инструкций; тем не менее Пеграм решил, что Роузкранс обходил его справа, и поэтому уведомил Гарнетта.—*Военные отчеты*, том ii., стр. 256, 260, 272.

(6) *Там же.*, том ii., стр. 275.

(7) *Военные отчеты*, том ii., стр. 245.

(8) *Там же.*, (Отчет Пеграма), том ii., стр. 265.

(9) *Военные отчеты* (Отчет Макклеллана), том ii., стр. 206.

(10) *Гражданин солдат* (Битти), стр. 24.

(11) *Военные отчеты*, том ii., стр. 206.

(12) *Военные отчеты* (Отчет Пеграма), том ii., стр. 267.

(13) В Беверли жила сестра Томаса Дж. Джексона (Стоунуолл), миссис Арнольд, которая, хотя ее муж тоже был нелоялен, была ярко выраженной сторонницей Профсоюзов и оставалась преданной делу Профсоюза на протяжении всей войны.

(14) *Военные отчеты*, том ii., стр. 287.

(15) *Там же.*, стр. 204.

(16) *Там же.*, стр. 236.

(17) *Собственная история Макклеллана*, стр. 84.

ГЛАВА IV Отпор генералу Ли и события на Чит—Маунтин и в долине Тайгарта (сентябрь 1861 г.) -Убийство Джона А. Вашингтона, инциденты и образование штата Западная Вирджиния

Генерал Розкранс из штаба в Графтоне 25 июля 1861 года принял командование "Оккупационной армией в Западной Вирджинии". Впоследствии он перенес свою штаб-квартиру в поле на реке Канава и там активно участвовал в кампаниях.

Бригадный генерал Джозеф Дж. Рейнольдс из Индианы, кадровый офицер, был назначен в первую бригаду и командовал войсками в районе Чит-Маунтин.

Многие из военнослужащих, служивших под командованием Макклеллана, были трехмесячными солдатами, которые откликнулись на первый призыв президента Линкольна и по истечении срока их службы были отозваны, что существенно сократило численность армии в Западной Вирджинии, а поскольку опасность, возникшая в Вашингтоне, была велика, туда были направлены новые полки, которые были организованы так быстро, как только могли.

В Уилинге уже началось движение против отделения Вирджинии и за организацию правительства штата, а впоследствии и нового штата.

Губернатор Летчер и власти Конфедерации приложили огромные усилия в Ричмонде, чтобы вернуть себе Западную Вирджинию и подавить это лояльное политическое движение.

Джон Б. Флойд и Генри А. Уайз, оба на службе Конфедерации, и другие действовали в Канаве и на юго-западе Вирджинии, но поскольку линия от Стонтонна через гору Чит вела в Бьюкеннон и Кларксбург, а также через Лорел Хилл в Вебстер и Графтон, пересекая железную дорогу Балтимор и Огайо в двух точках, в Ричмонде ее рассматривали как ворота в Западную Вирджинию, открытие которых обеспечило бы ее постоянное восстановление.

Генерал Р. Э. Ли, с самого начала являвшийся фаворитом властей Конфедерации, который до сих пор не снискал особой известности, даже не участвуя в битве при Булл-Ран и кампании, теперь (примерно 1 августа) был направлен в Западную Вирджинию "нанести решающий удар по врагу в этом квартале". (1)

Он разместил свою штаб-квартиру в Стонтоне, но в августе мы находим его с основной армией в Вэлли-Маунтин (Биг-Спрингс), на Хантерсвиллской дороге, примерно в двенадцати милях к югу от лагеря Союза в Элк-Уотер на реке Тайгартс-Вэлли. Генерал У. У. Лоринг, в прошлом служивший в армии Соединенных Штатов, офицер, получивший некоторую известность во время Мексиканской войны, непосредственно командовал войсками Конфедерации в Вэлли-Маунтин. Бригадный генерал Х. Р. Джексон — не Стоунволл Джексон, как часто заявлялось, — командовал силами Конфедерации, подчиняясь приказам Лоринга, на Гринбрайер, на Стонтон-роуд, ведущей через Чит-Маунтин в Хаттонвилл. На этих двух линиях у Ли вскоре было более 11 000 боеспособных солдат, готовых к несению службы, и он мог привлечь других от Флойда и Уайза в стране Канава. (2)

Армии Ли противостояло командование генерала Рейнольдса со штаб-квартирой на перевале Чит-Маунтин, (3) в трех милях от Хаттонвилля на реке Стонтон-пайк. Здесь разбили лагерь 13-й индианский полк полковника Салливана, часть батареи Лумиса, и Индианская кавалерия Брэкена. На Чит-Маунтин, на вершине Миддл-Маунтин, примерно в девяти милях к юго-востоку от Хаттонвилля на Стонтон-пайк, находились 14-й Индианский, 24-й и 25-й Огайский полки, а также части той же батареи и кавалерии под командованием полковника Натана Кимбалла из 14-го полка. В лагере Элк-Уотер, примерно в одной миле к северу от устья Элк-Уотер в долине реки Тайгартс и примерно в семи милях к югу от Хаттонвилля на Хантерсвиллской щели, были размещены 15-й и 17-й индианские, 3-й и 6-й пехотные Огайо, а также еще одна часть батареи Лумиса. Вся команда Рейнольдса насчитывала не более 4000 человек, а из-за почти непрекращающихся дождей дороги стали настолько плохими, что было трудно снабжать ее продовольствием и фуражом. Войска были новичками, не привыкшими к походной жизни, и сильно страдали от болезней. Служба для них была тяжелой из-за необходимости большого количества разведывательных работ на многочисленных тропах, ведущих через крутые отроги гор Рич и Чит, которые вплотную примыкают к долине Тайгарта.

Писателю часто приходилось руководить скаутскими отрядами в горах.

(Прилагаемая карта даст некоторое представление о расположении войск и физическом окружении.)

Иногда целые роты размещались в несколько отдаленных и недоступных местах для наблюдения и пикетирования.

Разведчики и шпионы постоянно сообщали о крупных присоединениях к врагу. Поэтому Рейнольдс громко призывал подкрепление, но прибыло лишь несколько человек. 26 августа пять рот 9-го Огайо (немецкий полк Боба Маккука) и пять рот 23-го Огайо (полковник Э. П. Скаммон) достигли лагеря Элк-Уотер. Численность этих рот, находившихся на дежурстве, составляла около восьмисот человек.

Позже эти два полка прославились. Роберт Л. Маккук и Август Виллих служили тогда в 9-м полку, и впоследствии оба отличились как солдаты.

23-й дивизией первоначально командовал полковник У. М. С. Роузкрэнс; затем полковник Э. П. Скаммон, который стал бригадным генералом; затем полковник Стэнли Мэтьюз, который стал сенатором Соединенных Штатов от штата Огайо и судьей Верховного суда Соединенных Штатов; затем полковник Резерфорд Б. Хейс, который стал бригадным генералом и генерал-майором-бrevet-майором и отличился во многих сражениях; впоследствии он стал представителем в Конгрессе, трижды был губернатором Огайо, а затем президентом Соединенных Штатов. Его последним командиром был полковник Джеймс М. Комли, блестящий солдат, который после войны стал выдающимся журналистом, а позже с честью представлял свою страну в качестве министра в Гонолулу, Гавайские острова. Лейтенант Роберт П. Кеннеди служил в этом полку и не только стал капитаном и помощником генерал-адъютанта, но и получил звание бригадного генерала, а после войны был вице-губернатором Огайо и четыре года заседал в Конгрессе. У. М. Маккинли тоже был в этом полку, служил рядовым, сержантом-комиссаром, стал вторым и первым лейтенантом, затем капитаном и brevet-майором, а после войны четыре срока проработал представителем в Конгрессе, дважды был губернатором Огайо, и (пока я пишу) есть признаки того, что в июне 1896 года он будет выдвинут кандидатом в президенты с уверенностью в избрании в ноябре следующего года. (4)

14 августа 1861 года, когда капитан Генри Э. Кунард из 3-го Огайо с частью своей роты находился в передовом пикете на Брейдис-Гейт-роуд, рядовые Винсент и Ватсон под командованием капрала Стинера обнаружили человека, крадущегося мимо них по лесу, которого они остановили и приступили к допросу.

- Он представился батраком; сказал, что у его работодателя неподалеку в горах ферма, где он пасет скот; что двухлетний бычок заблудился, и он его ищет. Его одежда была страшно изорвана кустарником и шиповником. Его руки и лицо были исцарапаны шипами. Он снял сапоги, чтобы облегчить распухшие ноги, и нес их в руках. Подражая языку и манерам необразованного жителя Западной Вирджинии, он спросил часового, "видел ли тот что-нибудь от красного бычка". Часовой не видел. Продолжив разговор еще некоторое время, он, наконец, сказал: "Ну, мне пора, становится поздно, и я чертовски боюсь, что не вернусь на ферму до наступления ночи. Добрый день." "Подождите, - сказал часовой, - лучше сходите к капитану". "О, нет, не хочу его беспокоить, вряд ли он поймал бычка, а уже становится поздно". "Проходите, - ответил часовой, опуская ружье. - Капитан не будет возражать, если его побеспокоят; на самом деле, мне приказано отвести к нему таких, как вы". (5)

Проницательный янки обнаружил, что ботинки слишком аккуратно сшиты и элегантны для альпиниста из Западной Вирджинии, который за двенадцать долларов в месяц ухаживает за скотом на вырубках. Когда спросили, сколько заплатили за ботинки, ответом было пятнадцать долларов. Подозреваемый был высокообразованным джентльменом, совершенно неспособным играть своего предполагаемого персонажа. Он прикоснулся к высшему образованию и цивилизации образованных людей, и его язык не мог приспособиться лгать и обманывать под видом человека, родившегося в поместье. Хотя поначалу капитан Кьюнард колебался, он сказал джентльмену, что отвезет его для дальнейшего обследования в лагерь. Обнаружив, что капитан, в своей почти робкой природной скромности, был, тем не менее, непреклонен, теперь заключенный, зная, что надежды на побег нет, объявил себя капитаном Джулиусом А. Де Ланьелем, покойным командиром конфедератов в битве при Рич-Маунтин, где, как сообщалось, он был убит. Его характерные ботинки были сшиты в Вашингтоне. Он был тяжело ранен 11 июля, и ему удалось добраться до дружелюбного уединенного дома недалеко

от поля боя, где он оставался и за ним ухаживали, пока его рана не зажила и он не смог путешествовать. Он пробыл в горах пять дней и четыре ночи, и как раз в тот момент, когда он проходил мимо последнего и самого передового профсоюзного пикета, его схватили.

Его небольшой запас провизии, состоявший из небольшого мешочка с галетами, был почти исчерпан, а то, что осталось, было испорчено. Его доставили в лагерь, мокрого, дрожащего и измученного от голода, холода и переохлаждения. Нет нужды говорить, что офицеры Союза немедленно удовлетворяли все его потребности. Пробыв несколько дней в нашем лагере и встретившись с генералом Рейнольдсом, который знал его по армии Соединенных Штатов, он был отправлен присоединиться к Пеграму в форт Макгенри. Оба этих офицера вскоре были обменены и прослужили всю войну, ни один из них не достиг большого положения. Пеграм стал генерал-майором и умер 6 февраля 1865 года от ран, полученных при Хэтчерз-Ран. Де Ланьель стал бригадным генералом и пережил войну. Как мы видели, он имел несчастье дважды попасть в плен, (6) один раз как офицер Союза и один раз как офицер Конфедерации; однако ни один из пленных не был взят по его вине.

3-й отряд Огайо расположился лагерем на берегах реки Тайгартс-Вэлли, обычно безобидной, приятно текущей горной речушки, но, как оказалось, способной внезапно подниматься на опасную высоту, как и большинство ручьев, которые расположены так, чтобы собирать воду из множества речушек, лощин и лощин, ведущих с прилегающих горных склонов и отрогов.

Иллюстрируя остроту лагерной жизни, приводится случай, когда эта река внезапно поднялась (20 августа), угрожая смести наводнением больницу 3-го уровня в Огайо, расположенную хирургом McMeans for health and safety на небольшом острове, обычно легкодоступном. В госпитальной палатке находились двое раненых и дюжина или больше больных. Палатки и заключенные были при первой тревоге перенесены на самую высокую точку острова мужчинами, которые приплыли туда с этой целью. Однако к семи часам вечера стало очевидно, что весь остров скоро уйдет под воду; и бревна, плавник, зеленые деревья и т.д. Неслись вниз по реке с огромной скоростью. Спасти раненых, больных и обслуживающий персонал в больнице казалось невозможным. Были высказаны различные предложения; был предложен плот, но это было решено невыполнимым, поскольку, если его изготовить и спустить на воду, он при таком течении был бы неуправляем.

Подполковник Джон Битти из 3-го Огайо с той шотландско-ирландской волей и героической решимостью, которые отличали его во всем, особенно в борьбе с врагом, встретил критическую ситуацию. Он сел в армейский фургон и заставил водителя выехать в бурлящий поток над островом, чтобы тот мог частично двигаться по течению. Таким образом, пустив лошадей вплавь, он вместе с несколькими другими спасся от плавающих бревен и добрался до больницы, подвергшейся опасности. Он сразу же обнаружил, что перевезти пассажиров обратно или даже вернуться с повозкой невозможно. Он немедленно приказал вознице распрячь лошадей и вплавь доставить их на берег, а затем вернуться таким же образом еще с двумя или тремя повозками. Еще два фургона добрались до Битти, но одна упряжка была унесена вниз по течению и утонула. Он поставил три повозки на самом высоком месте, хотя вскоре весь остров был переполнен, приковал их цепями и надежно привязал друг к другу, а также к кольям или деревьям. На ящиках фургона была скатана госпитальная палатка, и на нее поместили больных и раненых вместе с некоторыми больничными припасами. Он вместе с теми, кто сопровождал его, решил остаться и разделить их судьбу, и он вместе с некоторыми, кто не

смог забраться в повозку, забрался на деревья. В 10 часов вечера река достигла ступиц вагонов и угрожала затопить их, но вскоре после этого она начала медленно отступать, хотя снова начался дождь, продолжавшийся всю ночь. Утро застало реку быстро возвращающейся к своему нормальному состоянию, и полковник и его спасательная группа вместе с находившимися в госпитале людьми были благополучно доставлены на берег.

Ночью произошло два забавных инцидента. Ложная тревога привела к тому, что раздался длинный пережат, шум которого и быстро собиравшихся людей был едва слышен на острове сквозь рев воды. Фрэнсис Юнион из 3-й роты "А" был застрелен в темноте и убит без вызова испуганным часовым. Это привело к тому, что длинный бросок был проигран.

Битти упоминает развлечение, не указанное в счете, которым его и других угостили, цепляясь за деревья над наводнением, и которое было организовано солдатом-погонщиком (Джейк Смит), который приплыл на помощь больничным работникам, и санитаром больницы, оба из которых были настолько удачно расположены, что имели беспрепятственный доступ в больничный "буфет". Они оба напились, а затем поссорились из-за своего относительного ранга и социального положения. Первый настаивал на том, чтобы другой обращался к нему как к *мистеру* Смиту, а не как к "Джейку". Семья Смитов, утверждал он, была не только многочисленной, но и в высшей степени респектабельной, и, как один из ее уважаемых членов, ни один человек рангом ниже генерал-майора не должен брать на себя смелость называть его "Джейк"; *особенно это недопустимо со стороны "того, кто выносил рвотные массы и помойные ведра из полевого госпиталя"* - такой человек не должен даже называть его "Джейком". "Джейком". Этот неуважительный намек на его профессию вывел из себя санитар больницы, и, переходя в нечестие, он настаивал на том, что он такой же хороший, как *Смит*, даже лучше, и сразу же бросил вызов "болтливому чистильщику мулов, чтобы тот спустился со своего наместа и встал перед ним как мужчина". "Джейк" остался равнодушен к этой контратаке и ближе к утру сильным голосом с небольшой мелодичностью запел: (7)

"Эй, подари бокал хорошего смеха мне,
моему фейдеру, моему модеру, моей жене;
Работа на сегодня закончена, и мы увидим,
Что изменилось в твоей жизни.

"Undt ve sit us aroundt mit der table,
Undt ve speak of der oldt, oldt time,
Ven ve lif un dot house mit der gable,
Un der vine-cladt banks of der Rhine," etc.

Находясь в лагере в Элк-Уотер, моя жена и трехмесячный сын Джозеф Уоррен-младший, почтенный. Уильям Уайт (шурин), его жена Рейчел и их сын Чарльз Р. Уайт (тогда ему было двенадцать лет) навестили меня, чтобы ненадолго познакомиться с армейским лагерем. Они оставались там до утра 12 сентября. 11-го судья Уайт сопровождал меня в штаб-квартиру Рейнольдса на перевале Чит-Маунтин, и там генерал пригласил его посетить лагерь на вершине горы Чит. Было предложено, чтобы при этом я вместе с Судьей присоединился к лейтенанту У.М. Э. Меррилли из инженерных войск в Кэмп-Элк-Уотер на следующее утро, пошел по главной дороге к вершине, оттуда вниз по горной тропе через дом Роузкрансов в лагерь. Мы были

склонны принять это предложение, но, вернувшись в лагерь, я убедился, что врага видели ближе к нашему лагерю, чем обычно, и решил, что для группы гостей безопаснее всего отправиться домой. Соответственно, они попрощались с нами на следующее утро и проследовали через Хаттонвилл, Беверли, Лорел Хилл, Филиппи, Вебстера и Графтона в целостности и сохранности к своим домам в Спрингфилде, штат Огайо.

Лейтенант Меррилл с небольшим эскортом отбыл, как было условлено, и вскоре на главной дороге столкнулся с силами конфедерации (Андерсона); он и его отряд были схвачены и доставлены вместе с отступающими конфедератами в лагерь Вэлли Маунтин, оттуда в Ричмонд, где они долгое время оставались в тюрьме Либби. Таким образом, судья Уайт (8) и я чудом избежали участи лейтенанта Меррилла.

Рассмотрев некоторые эпизоды лагерной жизни и поговорив о семье и друзьях, я возвращаюсь к ситуации, как уже говорилось, противостоящих сил Рейнольдса и Ли.

В это время Флойд и Уайз активно действовали в стране Канава, противостоя Роузкрансу, который лично командовал там, их особой целью тогда было предотвратить отправку подкреплений к Рейнольдсу, на которого должен был обрушиться тяжелый удар; Ли лично руководил им.

Ли сопровождали в Вэлли-Маунтин два адъютанта, полковники Джон А. Вашингтон и Уолтер Х. Тейлор.

Генерал Лоринг, сохранивший непосредственное командование на этой линии, имел 1-й Северокаролинский и 2-й Теннесси́йский полки под командованием генерала Доннелсона; теннесси́йскую бригаду под командованием генерала Андерсона; 21-й и 42-й Вирджинские и ирландский Вирджинский полки под командованием полковника У. М. Гилхэм; бригада под командованием полковника Берка; батальон кавалерии под командованием майора У. Х. Ф. Ли; три артиллерийские батареи и, возможно, другие войска. На Стонтон-Пайк у реки Гринбрайар, примерно в двенадцати милях перед лагерем Кимбалла на Чит-Маунтин, генерал Джексон располагал 1-м и 2-м полками Джорджии, 23-м, 31-м, 37-м и 44-м вирджинскими, 3-м Арканзасским и двумя батальонами добровольцев из Вирджинии; также двумя батареями артиллерии и несколькими ротами кавалерии.

Хотя Ли и осознавал превосходство в силах, он еще больше стремился обеспечить успех с помощью общей стратегии, поэтому он заставил Лоринга издать конфиденциальный приказ с подробным описанием плана атаки, который настолько примечателен своими сложными деталями, что приводится здесь.

"(Конфиденциально.)"

"Штаб-квартира, Вэлли-Маунтин", 8 сентября 1861 г. "(Специальный приказ № 28) "1. Генерал Х. Р. Джексон, командующий Монтерейской дивизией, выделит колонну численностью не более двух тысяч человек под командованием полковника Раста, чтобы на рассвете 12 сентября обойти позиции противника на перевале Чит-Маунтин ("саммит"). (Четверг). Генерал Джексон, оставив подходящую охрану для своей собственной позиции, с остальными имеющимися в его распоряжении силами займет пост на восточном гребне горы Чит, окружит противника спереди и будет сотрудничать в штурме его атакующей колонны, если обстоятельства будут

благоприятствовать. Марш полковника Руста будет организован таким образом, чтобы достичь своей позиции в ту же ночь, а на рассвете назначенного дня (четверг, 12-е) он, если возможно, застигнет противника врасплох в его окопах и захватит их.

2. После взятия "Перевала" генерал Джексон со всеми своими боевыми силами немедленно выдвинется в направлении Хаттонвилля, подготовленный к атаке противника, принимая все меры предосторожности против обстрела части армии, действующей к западу от горы Чит, и готовый сотрудничать с ней против врага в долине Тайгарт. За наступающими колоннами последуют повозки с припасами, а резерв займет гору Чит.

3. Бригада генерала Андерсона двинется вниз по долине Тайгарт, следуя по западному склону горного хребта Чит, скрывая свои передвижения от противника. Достигнув Уайманса (или окрестностей), он незаметно освежит свои силы, пошлет вперед толковых офицеров, чтобы удостовериться в своем дальнейшем курсе, и в ночь на 11-е (вторник) направится к магистрали Стонтон, где она пересекает западную вершину горы Чит, чтобы прибыть туда как можно скорее после рассвета 12-го (четверг).

"Он примет решение удерживать заставу, не допустить подхода подкреплений к перевалу Чит-Маунтин (вершина), перерезать телеграфный провод и быть готовым, в случае необходимости, оказать помощь в штурме позиций противника на средней вершине горы Чит дивизией генерала Джексона, результата которого он должен дожидаться. Он должен особенно иметь в виду, что действия генерала Джексона направлены на то, чтобы *застать* противника врасплох в его обороне. Следовательно, он не должен обнаруживать свои передвижения и продвигаться — до вечера среды — дальше точки, где он может скрыть свои силы. Пройдя перевал Чит-Маунтин, он свернет с горы и нападет на врага слева и с тыла в долине Тайгарта, либо по новой, либо по старой магистрали, либо по дороге Бекис-Ран, в зависимости от обстоятельств.

4. Бригада генерала Доннельсона будет наступать справа от реки Тайгартс-Вэлли, захватывая тропы и проспекты, ведущие с этой стороны реки, и оттесняя противника, который может попытаться задержать продвижение центра вдоль автострады или повернуть направо.

"5. Та часть артиллерии, которая не может быть использована на флангах, двинется вдоль шоссе Хантерсвилл-тернпайк при поддержке батальона майора Мамфорда, за которыми последуют остальные части бригады полковника Гилхэма в резерве.

6. Бригаде полковника Берка наступать слева от реки Тайгартс-Вэлли, на расстоянии поддержки от центра, и очистить ту сторону долины от сил противника, которые могут помешать продвижению артиллерии.

7. Кавалерия под командованием майора Ли последует, в соответствии с характером местности, в тыл слева от бригады полковника Берка. Он будет следить за передвижениями противника в этом квартале, предупреждать и, по возможности, предотвращать любые попытки обойти линию слева и будет готов нанести удар, когда представится возможность.

8. Фургоны каждой бригады, должным образом припаркованные и охраняемые, под присмотром соответствующих квартирмейстеров, которые будут лично контролировать их передвижения, будут следовать по главной магистрали под общим руководством своего главного квартирмейстера в тылу армии и вне досягаемости пушек противника.

"9. Командиры на обоих направлениях боевых действий должны особо следить за тем, чтобы их подразделения носили отличительные знаки, и чтобы как офицеры, так и рядовые принимали все меры предосторожности, чтобы не стрелять по нашим собственным войскам. Это крайне необходимо, поскольку силы по обе стороны Чит-Маунтин могут объединиться. Они также приложат все усилия, чтобы не допустить шума и разброда в строю, тихо устранят любую путаницу, которая может возникнуть, и заставят свои команды быстро выполнять свои действия в присутствии противника.

"По приказу генерала У. У. Лоринга,

Картер Л. Стивенсон,

"Помощник адъютанта и генеральный инспектор".

Генерал Ли, чтобы побудить свою армию к большим усилиям, сам другим специальным приказом от того же числа призвал ее следующим образом:

"Продвижение вперед, объявленное Северо-Западной армии в специальном приказе № 28 из ее штаба от сегодняшнего дня, дает главнокомандующему возможность призвать войска неуклонно помнить о великих принципах, за которые они борются, и продемонстрировать миру свою решимость поддерживать их. Взоры страны устремлены на вас. Безопасность ваших домов и жизни всех, кто вам дорог, зависят от вашего мужества и усилий. Пусть каждый человек решит победить, и право на самоуправление, свободу и мир найдут в нем защитника. Продвижение этой армии должно быть поступательным".(9)

Колонне из Гринбрайера под командованием полковника Альберта Раста из Арканзаса была предоставлена инициатива, и после ее успеха детализированный план претворился в жизнь, но ожидалось, что несколько колонн будут действовать одновременно и согласованно. Отряд полковника Раста численностью около 2000 человек по слепой дороге справа от Союза достиг назначенной позиции между Красным мостом и укрепленной позицией Кимбалла. Здесь он захватил помощника комиссара и получил от него такой преувеличенный отчет о силе лагеря Кимбалла и количестве его людей, что, не дожидаясь колонн Доннельсона и Андерсона, отступил с одним пленным. Основная армия Ли двинулась на север от лагеря Вэлли Маунтин по шоссе, Андерсон и Доннельсон свернули по назначенным маршрутам направо, первый прошел к началу Беккс-Ран, оттуда через горы к позиции на дороге в тылу лагеря Чит-Саммит, прибыв на рассвете 12 сентября. Доннельсон другим путем, ближе к дороге, по которой следовала основная колонна под командованием Лоринга, направился к Стюарт-Ран, затем вниз по ней к дому Симмонса, где 11-го числа захватил капитана Бенса и около шестидесяти человек из 6-го Огайо, которые находились на открытой позиции и не проявляли бдительности. Затем Доннелсон направился к бегу Бекки и к месту, откуда с близлежащей возвышенности он мог видеть лагерь профсоюзов в Элк-Уотер, а сам он находился к востоку от него и частично в его тылу. Здесь, со своим отрядом, он остался на ночь. Генерал Ли последовал за ним и присоединился к Доннельсону ранним утром 12-го, и вместе они продвинулись к дому Эндрю Крауча, расположенному в миле от лагеря Элк-Уотер и практически в его тылу. Ли, однако, приказал Доннельсону перенести свою колонку в "Пробег Бекки" в доме Роузкранс. Ни Раст, ни Андерсон, ни Доннельсон, хотя каждый из них повел колонну в район между лагерями Элк-Уотер и Чит-Маунтин (на расстоянии около шести миль друг от друга в горах), казалось, в критический момент не знали, где находятся остальные и что они делают. Присутствие Ли с

Доннелльсоном утром 12-го существенно не улучшило ситуацию в этом отношении. Доннелльсон до прибытия Ли планировал атаку на отряд численностью, как он предполагал, в тысячу человек (подразделения 9-го и 23-го Огайо), разбившие лагерь в тылу главного лагеря Профсоюзов и недалеко от дома Джейкоба Крауча. Полковник Сэвидж из 16-го Теннессийского полка посоветовал воздержаться от этой попытки, и Ли, прибыв на место, должно быть, счел ее слишком опасной. Пять дней спустя Ли написал губернатору Летчеру, что "это было заманчивое зрелище" - увидеть наши палатки на Вэлли-Ривер.

Лоринг с главным командованием в сопровождении всей артиллерии оттеснил пикеты Союза обратно к устью Элк-Уотер, где столкнулся с сопротивлением сильной гвардии и пикетов. Здесь был произведен обмен несколькими выстрелами как пехоты, так и артиллерии, но без особого результата.

В соответствии с исторической правдой следует сказать, что Рейнольдс и его офицеры не знали и не предвидели ни одного движения армии Ли, и все, что было сделано для предотвращения ее успеха, было сделано без предварительного плана или методов. Ближе к вечеру 11-го Рейнольдс все еще находился в своем штабе на перевале Чит-Маунтин, в шести милях по ближайшему маршруту от обоих лагерей. В этот день капитан Бенс был застигнут врасплох, и вся его рота была взята в плен примерно в трех милях от лагеря Элк-Уотер, но об этом захвате стало известно только на следующий день. Близость командования Доннелльсона к этому лагерю также была неизвестна до тех пор, пока оно не было выведено, и присутствие Раста и Андерсона на Стонтон Пайк в тылу лагеря Чит Саммит также было неизвестно как Рейнольдсу, так и Кимбаллу примерно до того времени, когда они начали отступать. Правда, 12-го числа стало известно о присутствии каких-то сил в горах между лагерями Союза. Лейтенант Меррилл и его группа отправились из долины на вершину горы утром 12-го, совершенно не подозревая о каких-либо передвижениях противника. Но и Рейнольдс, и Кимбалл действовали в сложившихся обстоятельствах энергично и разумно. Генерал Рейнольдс перенес свою штаб-квартиру в Кэмп-Элк-Уотер, чтобы лучше руководить делами. Утром 12 сентября Кимбалл направил вереницу фургонов из своего лагеря к перевалу за обычными припасами, и они были атакованы командованием Раста, не успев пройти и мили. Об этой атаке доложили Кимбаллу, который предположил, что она была предпринята небольшим разведывательным отрядом, но, отправившись к месту происшествия с частями 25-го Огайо под командованием полковника Джонса, 24-го Огайо под командованием подполковника Гилберта и рот капитанов Брукса и Уильямсона из 14-го Индианского, они наткнулись на отряд противника численностью предположительно 2500 человек. Кимбалл, полагая, что предстоит серьезная работа, приказал удерживать позицию до тех пор, пока не будут приняты дальнейшие меры по преодолению опасности. Последовала острая перестрелка, которая закончилась тем, что войска Руста поспешно отступили со своих позиций на дороге под прикрытием леса и были настолько деморализованы, что побросали "оружие, одежду и все, что мешало их продвижению".(10)

Командование Раста продолжило отступление через горы, и в 10 часов вечера 13-го Раст сообщил генералу Лорингу, что "*Экспедиция против горы Чит провалилась*". Он позволил себе некоторую критику в адрес своих людей, назвав некоторых ("не арканзийцев") трусами. В то же время генерал Джексон доложил Лорингу, что он овладел первой вершиной горы Чит перед позицией Кимбалла, но удерживает ее только до получения приказа, тем временем надеясь, что что-нибудь будет сделано в долине Тайгарта. Однако он больше ничего не предпринял и вскоре удалился в свой прежний лагерь.(11)

Капитан Кунс из 14-го Индианского был отправлен вечером 18-го с вершины Чит-Маунтин с 60 бойцами из 14-го Индианского, 24-го и 25-го Огайо на тропу, ведущую к лагерю Элк-Уотер, с инструкцией занять позицию в доме Роузкранс на бегах Бекки. Кимбалл 12-го послал 90 человек под командованием капитана Дэвида Дж. Хиггинса из 24-го Огайо на смену капитану Кунсу. Направляясь туда, примерно в двух милях от того места, где был атакован полковник Раст, Хиггинс неожиданно столкнулся с колонной полковника Андерсона со стороны Вэлли-Маунтин и вступил с ней в бой с большим рвением. Противник был повергнут в некоторое замешательство этим неожиданным столкновением, но потери с обеих сторон были незначительными, и когда майор Wm. Харроу из Индианы прибыл из лагеря Кимбалла еще с двумя ротами и, убедившись, что поблизости находится бригада Андерсона, приказал войскам Союза отойти примерно на милю от лагеря.

Капитан Кунс из-за сильного дождя, темноты и трудностей с продвижением по горной тропе добрался до дома Роузкрансов только после рассвета 12-го. Он прошел в тыл бригаде Андерсона, когда она маршировала к пайку в тылу лагеря Чит-Маунтин. Когда капитан Кунс добрался до дома Роузкрансов, он обнаружил признаки того, что там недавно побывали войска, и вскоре обнаружил дым и услышал щелканье шапок на горном отроге, ведущем к лагерю Элк-Уотер. Однако он пришел к выводу, что находится недалеко от профсоюзного пикета из этого лагеря, и послал вперед пятерых человек, чтобы выяснить, кто были его соседи. Когда эти люди поднимались на гору, по ним открыли огонь, и трое были застрелены, двое убиты, а остальные взяты в плен. Им не бросили вызов. Это был приказ Доннельсона, генерал Ли и его адъютант полковник Тейлор, находившиеся тогда при нем. Полковник Сэвидж из Теннесси командовал войсками, с которыми столкнулись первыми. Конфедераты продвигались вперед, ведя яростный огонь. Люди капитана Кунса быстро открыли ответный огонь, некоторых убили и ранили, а когда они остановились, противник отошел на возвышенность к востоку и занял позицию за поваленным деревом. Когда враг приблизился по узкой долине, Кунс оказал самое доблестное сопротивление и отбросил атакующие его крупные силы, но, почувствовав свою полную изоляцию, в конце концов отступил по тропе в сторону пайка. Однако далеко он не ушел, пока не наткнулся на группу противника, состоявшую из хирургов, квартирмейстеров и негров, которые, будучи обстрелянными, бежали к основным силам, расположенным ближе к пайку. Это была колонна Андерсона, и примерно в то время люди майора Харроу и капитана Хиггинса вели по ней огонь с другой стороны.

Таким образом, несколько отрядов противника, без особого замысла, казалось, подверглись серьезной атаке со всех сторон и пришли в смятение. Капитан Кунс благополучно удалился, а позже нашел дорогу в лагерь.

Руст потерпел неудачу, и две другие колонны, запутавшись в горах и не зная, как скоро на них снова нападут, беспорядочно отступили и, подобно людям Руста, побросали шинели, ранцы, вещмешки и ружья. Ли говорит, что он приказал отступать, потому что у людей не хватало провизии, а также из-за неудачи Раста. Если бы капитан Кунс добрался до места назначения несколькими часами раньше, он, вероятно, захватил бы Ли и его эскорт из десяти человек, которые предыдущей ночью сбились с пути и были вынуждены оставаться без защиты возле дома Роузкрансов до рассвета. Но с обеих сторон было взято мало пленных. Колонны Андерсона и Доннельсона, разбитые, обескураженные и дезорганизованные, достигли Лоринга в долине. Тогда и с тех пор среди офицеров Конфедерации было много споров относительно причин этого унижительного провала.

Утром 13-го, в 3 часа ночи, Рейнольдс отправил Салливана с перевала по главной дороге, а полковников Марроу и Мосса с частями 3-го Огайо и 2-го Вирджинского (Союз) из лагеря Элк-Уотер по тропинке, ведущей мимо дома Роузкранс, срезать путь к вершине горы Чит, но эти колонны не встретили врага, а нашли только обломки трех отступающих тел. Настоящая слава сражений в горах принадлежала бесстрашному капитану Кунсу, который впоследствии стал полковником своего полка и пал в битве в Дикой местности.

И Ли, и Лоринг, глубоко огорченные, не хотели отказываться от кампании, начатой с такой надеждой и так всесторонне спланированной, но пока столь бесславно завершенной.

Они решили поискать позицию справа от Рейнольдса, с которой можно было бы атаковать лагерь Элк-Уотер в сочетании с фронтальной атакой, и соответственно полковник Джон А. Вашингтон в сопровождении майора У. Х. Ф. Ли (сына генерала Ли) и его кавалерийского командования был направлен для выяснения характера местности в этом направлении.

Рано утром 12 сентября меня послали с отрядом из четырех рот 3-го Огайо в качестве старшего караула на аванпосте и для пикета, а также для разведки на мыс отрог горы Рич недалеко от устья и к северу от Элк-Уотер, к западу от Хантерсвилл-пайк, примерно в полутора милях впереди лагеря. Эта позиция прикрывала Элк-Уотер-роуд от Брейди-Гейт, Пайк, узкой долины Тайгарта и обеспечивала хорошую точку наблюдения за долиной в направлении противника. Часть времени под моим началом находилось артиллерийское отделение и другие подразделения. Здесь Рейнольдс решил сначала упорно сопротивляться наступлению противника, и поэтому мне было приказано построить временные сооружения. Другой отряд располагался к востоку от реки с аналогичными инструкциями. 12-го числа противник отеснил наших стрелков и пикеты в долине и продемонстрировал значительную готовность к бою, но поскольку мы обменялись несколькими выстрелами и продемонстрировали нашу готовность дать бой, настоящей атаки предпринято не было. Мы заметили, что у каждого офицера и солдата Конфедерации на фуражке была белая *нашивка*. Это, как мы узнали позже, было сделано в соответствии с приказом Лоринга, чтобы избежать опасности быть обстрелянным друзьями. Однако, судя по значку, мы утверждали, что участники рейда находились за границей.

Ночью 12-го числа Лоринг, во время дождя и под покровом темноты, послал небольшой отряд в тыл моей позиции и, таким образом, заняв позицию на отроге горы позади и выше нас, попытался врасплох выбить нас оттуда или взять в плен; но атака была предпринята слабо, а энергичный ответный огонь и атака рассеяли все силы.

Полковник Вашингтон 13-го, пытаясь зайти справа от нас, вошел в долину Элк-Уотер через ворота Брейди и спустился по ней с кавалерией майора Ли в качестве эскорта. До меня дошло донесение о приближении кавалерии, но, зная, что дорога пролегает через узкое ущелье и большая часть пути проходит по руслу ручья, я не опасался большой опасности, тем более что дорога вела прямо к моей позиции. Однако несколько солдат индианского полка, находившихся в то время в пикете, были отправлены вверх по Элк-Уотер-роуд на небольшое расстояние, а рота 3-го Огайо была отправлена мной вдоль горного хребта, огибающего ущелье и дорогу, с инструкцией по возможности зайти в тыл приближающейся кавалерии.

Вашингтону слишком не терпелось дать время для выполнения такого распоряжения; вскоре он галопом проскакал поворот и вплотную приблизился к пикетам, майор Ли сопровождал его.

Сержант Вейлер и трое или четверо других открыли по ним огонь, когда они развернули своих лошадей, чтобы улететь. Три пули прошли через тело Вашингтона почти одновременно, выйдя из его груди. Он упал, смертельно раненный. Майор Ли не пострадал, хотя его лошадь была подстрелена. Ли бежал пешком на короткое расстояние, а затем вскочил на лошадь Вашингтона.(12)

Когда до него добрались, полковник Вашингтон пытался приподняться на локте и, хотя задыхался и умирал, пробормотал: "*Воды*", но когда к его губам поднесли воду из ближайшего ручья, он был мертв. Его тело было доставлено в штаб моего аванпоста, а оттуда позже на машине скорой помощи в штаб Рейнольдса в кэмпе. Имя или инициалы Вашингтона были на манжетах его перчаток и на салфетке в его рюкзаке; они служили для опознания его личности. Для солдата он был богато одет, а из оружия имел тяжелые пистолеты и большой нож за поясом. При нем также были пороховница, полевой бинокль, позолоченные шпоры и несколько мелких золотых монет. Его меч, привязанный к луке седла, был унесен его лошадью.

На следующий день полковник У. Э. Старк из Луизианы (13) появился перед моей позицией с флагом перемирия и письмом, адресованным командующему войсками Соединенных Штатов, следующего содержания:

"Подполковник. Джон А. Вашингтон, мой адъютант, вчера, когда ехал верхом с небольшим эскортом, был обстрелян вашими пикетами и, боюсь, убит. В таком случае я прошу вас доставить мне его мертвое тело, или, если он окажется в ваших руках пленником, я должен быть проинформирован о его состоянии.

"Имею честь быть вашим покорным слугой",
Р. Э. Ли,
"Генеральный командующий".

Полковник Майло С. Хасколл из 17-го Индианского 14-го перевез тело Вашингтона на машине скорой помощи на линию Ли и там передал его майору Ли.

Один из пистолетов полковника Вашингтона был отправлен Рейнольдсом военному министру Камерону; секретарь распорядился вручить другой сержанту Джону Дж. Вейлеру, нож - капралу Бирни, а перчатки - рядовому Джонсону, всем солдатам 17-го Индианского полка. Генерал Рейнольдс получил полевой бинокль, но впоследствии передал его сыну полковника Вашингтона Джорджу. Хэсколл завладел шпорами и пороховницей, а капитан Джордж Л. Роуз из штаба Рейнольдса сохранил одно или несколько писем (сейчас они находятся у его сына, преподобного Джона Т. Роуза), через которые прошла одна или несколько смертельных пуль.

Полковник Вашингтон был похоронен на своей плантации "Вейвленд" недалеко от Маршалла, округ Фокье, Вирджиния.

Так рано в своей первой военной кампании погиб Джон Огастин Вашингтон, родившийся в округе Джефферсон, штат Вирджиния, 3 мая 1821 года, правнук брата генерала Вашингтона, Джона Огастина Вашингтона, и по материнской линии правнук Ричарда Генри Ли, великого государственного деятеля-революционера-патриота Вирджинии. Он унаследовал Маунт-

Вернон, но продал его перед войной ассоциации патриотически настроенных дам, которым он принадлежит до сих пор.

Трагическая гибель полковника Вашингтона стала подходящим завершением сложного плана кампании, который, хотя и был начат при самых благоприятных обстоятельствах, потерпел фатальную неудачу в исполнении во всех важных частях, хотя генералы Ли и Лоринг, полковник Сэвидж и другие офицеры Конфедерации, присутствовавшие в войсках, повидали немало реальной службы в Мексиканской войне, и многие из них были образованными офицерами Вест-Пойнта.

Ни Ли, ни Лоринг никогда не делали официального отчета об этой кампании, и оба какое-то время находились под тенью позора из-за ее неэффективности.

Генерал Ли был не совсем откровенен со своей армией, когда 14 сентября объявил ей:

"После завершения *принудительной* рекогносцировки позиций противника как на перевале Чит Маунтин, так и на Вэлли-Ривер и выявления характера естественных подходов и природы искусственных оборонительных сооружений Северо-Западная армия займет свои прежние позиции".

Однако в частном письме, датированном Вэлли Маунтин 17 сентября 1861 года и адресованном губернатору Джону Летчеру, Ли с большой откровенностью говорит о провале кампании.

"Я был очень оптимистичен по поводу захвата работ противника утром в прошлый четверг. Я хорошо обдумал этот вопрос. С большими усилиями войска, предназначенные для внезапного нападения, достигли места назначения, преодолев двадцать миль по крутым неровным горным тропам; в последний день был сильный шторм, который продолжался всю ночь и во время которого им пришлось стоять промокшими до нитки под холодным дождем. Тем не менее, их настроение было хорошим. Когда наступило утро, я смог разглядеть палатки противника на Вэлли-Ривер, в том месте, где проходит Хаттонвилльская дорога, прямо подо мной. Это было заманчивое зрелище. Мы ждали атаки на гору Чит, которая должна была послужить сигналом, до 10 часов утра, когда люди чистили свое непригодное к использованию оружие. Но сигнала не поступило. Все шансы на внезапность были упущены. Запасы провизии у людей были уничтожены накануне бурей. В то утро у них ничего не было из еды, они не могли продержаться еще один день и были вынуждены отступить. Атака с восточной стороны провалилась из-за трудностей на пути; возможность была упущена, и наш план раскрыт. Уверяю вас, это было для меня тяжелым разочарованием; если бы не ливень, я не сомневаюсь, что все закончилось бы благополучно. Это, губернатор, для ваших собственных глаз. Пожалуйста, не говори об этом; мы должны попробовать еще раз.

"Наша самая большая потеря связана со смертью нашего дорогого друга, полковника Вашингтона. Он и мой сын вели разведку фронта противника. Они наткнулись врасплох на скрытый отряд, который открыл по ним огонь с расстояния двадцати ярдов, и полковник упал, пронзенный тремя выстрелами. Лошадь моего сына получила три выстрела, но он сбежал на лошади полковника.

- Боюсь, его рвение к делу, которому он посвятил себя, завело его слишком далеко.

Ли, обнаружив проблемы в стране Канава, направился туда и 21 сентября принял непосредственное руководство тамошними силами. Как раз в это время между вспыльчивым Генри А. Уайзом и Флоридом возникла жестокая ссора.

Ли, однако, вскоре вернулся в Ричмонд, и хотя по-прежнему пользовался благосклонностью своего губернатора и президента Дэвиса, его неудача в Западной Вирджинии погрузила его в тень, из которой он вышел только после того, как сменил генерала Джозефа Э. Джонстона, который был ранен во время командования армией Конфедерации в Севен-Пайнс близ Ричмонда в мае 1862 года.(14)

Основная часть команды Рейнольдса собралась у Чит-Маунтин и, продвигаясь вперед, атаковала Джексона на позиции у Гринбрайера 3 октября, но была отбита. После этого активные боевые действия прекратились в районе гор Чит и Рич и долины Тайгарт.

Незначительное и нерешительное событие, едва ли выходящее за рамки перестрелки, произошло у Скари-Крик 17 июля между частью войск генерала Дж. Д. Кокса и силами под командованием Генри А. Уайза; плен полковников Нортон, Вудраффа и Де Вильерса с двумя или тремя другими офицерами стал основной потерей Союза. Ни одна из сторон не получила решающего преимущества. Переправа через Карнифакс на реке Голей была более важным делом. Это произошло 10 октября 1861 года между войсками под командованием Роузкранса и войсками под командованием Флориды. Флойд был обнаружен на укрепленном посту, но был вынужден поспешно отступить за реку и бросить свои запасы.

Предвыборный сезон закончился, когда силы Союза практически овладели сорока восемью округами, которым вскоре предстояло стать штатом Западная Вирджиния.(15)

Съезд, состоявшийся в Уилинге 11 июня 1861 года, объявил государственные должности Вирджинии вакантными по причине измены тех, кто был выбран для их заполнения, а затем приступил к формированию регулярного правительства штата Вирджиния с Фрэнсисом Х. Пирпонтон в качестве губернатора, утверждая, что люди, лояльные Союзу, должны говорить от имени всего штата. Правительство Пирпонта было признано Конгрессом. Эта организация 20 августа 1861 года приняла постановление "об образовании нового штата из части территории этого штата". Этот указ был одобрен народным голосованием, и 26 ноября 1861 года в Уилинге собрался конвент, который разработал конституцию для предлагаемого нового штата. Это соглашение также было ратифицировано народом в апреле 1862 года, 18 862 человека проголосовали "за" и 514 - "против". Признанный законодательный орган Вирджинии, в целях соблюдения Конституции Соединенных Штатов, 13 мая 1862 года дал согласие на создание нового штата за пределами территории, ранее входившей в состав штата Вирджиния. Таким образом, жители сорока восьми округов провели необходимую подготовку, и Конгресс 31 декабря 1862 года принял закон о приеме Западной Вирджинии в Союз, добавив, однако, условие, что ее народ должен сначала ратифицировать замену Седьмому разделу, статье одиннадцатой ее Конституции, предусматривающую, что дети рабов, родившиеся на ее территории после 4 июля 1863 года, должны быть свободны; что рабы, которым на тот момент было меньше десяти лет, должны быть свободны в возрасте двадцати одного года; и все рабы старше десяти и моложе двадцати одного года должны быть свободны в возрасте двадцати

одного года. возраст двадцать пять лет; и ни одному рабу не должно быть разрешено въезжать в штат на постоянное жительство.

26 марта 1863 года положение об освобождении от рабства было почти единогласно ратифицировано народным голосованием, а 20 апреля 1863 года президент Линкольн издал прокламацию, в которой говорилось, что Западная Вирджиния выполнила все требуемые условия и, следовательно, является штатом в Союзе.

Аномальное создание и принятие этого нового государства было оправдано только мятежными временами и поддержкой лояльного дела. Это единственное государство, выделенное из другого или других государств. Остается странным фактом, что за день до окончательного провозглашения Линкольном Эмансипации он одобрил закон Конгресса о принятии Западной Вирджинии в качестве рабовладельческого штата (с постепенной эмансипацией) в состав Союза. Прокламация исключала округа, обычно тогда называвшиеся Западной Вирджинией, из сферы ее применения.

Результатом успешной оккупации Западной Вирджинии в 1861 году армией Союза и последовавших за этим неудач там в том же году лидеров Конфедерации Ли, Флойда, Уайза и других стало образование нового штата, отныне лояльного флагу и Конституции.

Сейчас мы не обращаем внимания на Западную Вирджинию, где мы впервые узнали кое-что о войне, но со временем вернемся к ней снова. В этой главе я остановился на большем количестве деталей, чем намеревался сделать в последующих, поскольку читатель, даже неопытный в военном деле, к этому времени узнает достаточно, чтобы понять многое из великой военной кампании, о которой часто трудно, а иногда и невозможно рассказать.

(1) Приказа о назначении Ли в Западную Вирджинию, похоже, не издавалось, но см. Письмо Дэвиса Дж. Э. Джонстону от 1 августа 1861 г., *Военные отчеты*, т. v., стр. 767.

(2) Сводка о возвращении войск Лоринга за октябрь 1861 года показывает, что на боевом дежурстве присутствовало 11 700 единиц всего вооружения.—*Военные отчеты*, том v., стр. 933.

(3) Когда Третий Огайо временно расположился лагерем на перевале Чит Маунтин Пасс (июль 1861 г.), пришло известие о катастрофе на Булл-Ран, и, размышляя над этим, полковник Джон Битти, в уединении нашей палатки, однажды рано утром, еще до того, как мы встали, воскликнул по существу: "Пока армия Союза боролась за сохранение человеческого рабства, она заслуживала поражения; что только когда она боролась за свободу всего человечества, Бог даровал нам победу". Такие пророческие речи были тогда преждевременными, и если бы они были произнесены открыто, это вызвало бы порицание со стороны генерала Макклеллана и других.

(4) Это предсказание сбылось. Майор Wm. Маккинли вступил в должность президента Соединенных Штатов 4 марта 1897 года.

(5) *Гражданин солдат* (Битти), стр. 51.

(6) *Ante*, стр. 161, 196.

(7) *Гражданин солдат*, стр. 60-1.

(8) Уильям Уайт в то время был судьей общей юрисдикции; в марте 1864 года он стал судьей Верховного суда штата Огайо, эту должность он занимал до своей смерти. Он был назначен президентом Артуром и утвержден Сенатом (март 1883 г.) окружным судьей Соединенных Штатов по южному округу Огайо; его внезапная смерть помешала ему пройти квалификацию и приступить к исполнению служебных обязанностей. Он был замечателен своими юридическими познаниями в сочетании с простотой и чистотой характера. Родившийся (28 января 1822 г.) в Англии, оба родителя умерли, когда он был ребенком, не имея ни брата, ни сестры, ни очень близких родственников, бедный и почти бездомный, он, когда ему было около десяти лет, приплыл в трюме корабля в Америку. С этого скромного начала, благодаря неиссякаемой энергии и различным превратностям судьбы, он в рамках республиканских институтов получил образование, приобрел друзей, стал выдающимся юристом и правоведом и заслужил высокое уважение своих собратьев. Умер (12 марта 1883 г.) в Спрингфилде, штат Огайо, в возрасте шестидесяти лет, проработав восемь лет судьей общей юрисдикции и девятнадцать лет судьей Верховного суда штата Огайо.

Его единственный сын, Чарльз Роджерс Уайт (родился 25 мая 1845 года), также стал выдающимся юристом и судьей и преждевременно скончался 29 июля 1890 года в вагоне Pullman Северной Тихоокеанской железной дороги недалеко от Томпсонс-Фоллс, штат Монтана, во время возвращения из Спокан-Фоллс, где он, находясь в предполагаемом путешествии на Аляску, смертельно заболел.

(9) *Военные отчеты*, том v., стр. 192.

(10) Отчет Кимбалла, *Военные отчеты*, том v., стр. 186.

(11) Отчет Руста, *Военные отчеты*, том v., стр. 291.

(12) У. Х. Ф. Ли прослужил всю войну; был ранен и взят в плен на станции Бренди в 1863 году; командовал кавалерией; стал генерал-майором и сдался при Аппоматтоксе. Позже он стал фермером в Уайт-Хаусе, штат Вирджиния, на Паманки, и был избран в Конгресс в 1886 году. Его старший брат, Джордж Вашингтон Кастис Ли, выпускник Вест-Пойнта, с отличием прошел войну; также стал генерал-майором Конфедерации и был взят в плен моим командованием в битве при Сейлорз-Крик 6 апреля 1865 года. Роберт Э. Ли-младший, другой сын генерала Ли, также служил в армии Конфедерации, но не в высоком звании.

(13) Полковник Старк был убит в качестве генерала при Антьетаме. Его сын, майор Старк, встретил меня 26 марта 1865 года между линиями фронта перед Питерсбергом, под флагом перемирия, в то время как убитых накануне вывозили или хоронили. Когда Ли сдался, я нашел его и дал ему ужин и постель на ночь.

(14) *Манассас - Аппоматтоксу* (Лонгстрит), стр. 112.

(15) Западная Вирджиния была принята в качестве штата в апреле 1863 года с сорока восемью округами, но Конгресс согласился законом, утвержденным 10 марта 1866 года, добавить округа Беркли и Джефферсон.—*Уставы и соглашения*., часть II., стр. 1993.

ГЛАВА V Захват Кентукки союзом —Сражение при Грин—Ривер—Поражение Хамфри Маршалла—Сражения при Милл-Спрингс, фортах Генри и Донельсон - Захват Боулинг-Грин и Нэшвилла и другие вопросы

Штат Кентукки с его нелояльным губернатором (Магоффином), а также другими должностными лицами штата, рано стал источником большого недоумения и тревоги в Вашингтоне.

Штат не отделился, но его власти заняли позицию нейтралитета, в соответствии с которой они потребовали, чтобы никакие войска Союза не оккупировали штат, и некоторое время также делали вид, что никакие конфедераты не должны вторгаться в штат.

Предполагалось, что если силы Союза войдут в Кентукки, ее народ массово восстанет, чтобы изгнать их. Это заблуждение сохранялось до тех пор, пока не выяснилось, что ее Законодательный орган лоялен Союзу и гражданская война в штате неминуема, когда в сентябре 1861 года вооруженные силы как Союза, так и Конфедерации вошли в штат.

Генерал Роберт Андерсон был (15 августа 1861 г.) назначен командующим департаментом Камберленд, состоящим из штатов Кентукки и Теннесси.

Боулинг-Грин был оккупирован 8 сентября генералом Симоном Боливаром Бакнером, уроженцем Кентукки, ранее служившим в регулярной армии. Все искренне надеялись, что он присоединится к делу Профсоюза. Президент Линкольн 17 августа по неустановленным причинам приказал назначить его бригадным генералом добровольцев и передать в руки генерала Андерсона для исполнения по его усмотрению.(1)

Бакнер решил поддержать дело Конфедерации, все еще исполняя обязанности генерал-адъютанта штата Кентукки. Комиссия, по-видимому, ему так и не была предложена.

Смены командующих союзами происходили на Западе с такой частотой, что встревожили лояльных людей и поколебали их веру в скорый успех.

Бригадный генерал У. С. Харни, командовавший Западным департаментом со штаб-квартирой в Сент-Луисе, когда началась война, был освобожден от должности, и 31 мая 1861 года его сменил Натаниэль Лайон, недавно назначенный бригадным генералом добровольцев. Лайон погиб 10 августа, доблестно ведя свои войска при Уилсонс-Крик против превосходящих сил генерала Стерлинга Прайса. Генерал Джон К. Фремонт принял командование Западным департаментом 25 июля со штаб-квартирой в Сент-Луисе. Он был первым, кто объявил военное положение. Это он сделал для города и графства Сент-Луис 14 августа 1861 года.(2)

Вслед за этим (30 августа) он издал *прокламацию об освобождении*, обязавшись освободить рабов всех лиц в штате Миссури, которые подняли оружие против Соединенных Штатов или принимали активное участие вместе со своими врагами в боевых действиях; другое имущество всех таких лиц также подлежит конфискации. Та же прокламация предписывала всем нелояльным лицам, захваченным в его рядах с оружием в руках, предстать перед военным трибуналом и, если их признают виновными, расстрелять.(3)

Президент Линкольн в целом не одобрил это заявление. Письмом от 2 сентября он приказал Фремонту не позволять расстреливать ни одного человека без его согласия и просил его

изменить положение, касающееся конфискации и освобождения рабов, таким образом, чтобы оно соответствовало акту Конгресса, ограничивающему конфискацию *"собственности, используемой в целях восстания"*.В

Линкольн указал в качестве причины своей просьбы, что такая конфискация и освобождение рабов *"встревожат наших друзей из Южного Союза и настроят их против нас; возможно, разрушат наши довольно справедливые перспективы для Кентукки."*: Фремонт отказался изменить свое воззвание, Линкольн 11 сентября приказал сделать так, как указано.(4)

Но поскольку дела в департаменте Фремонта продвигались неудовлетворительно, 24 октября его сменил генерал Дэвид Хантер, которого, в свою очередь, сменил генерал Х. В. Халлек 2 ноября 1861 г.(4)

Бригадный генерал У. С. Грант 1 сентября 1861 года принял командование войсками в округе Юго-Восточная Миссури, штаб-квартира в Каире, штат Иллинойс.(5)

Самым заметным событием 1861 года в округе Грант стала ожесточенная битва при Бельмонте, произошедшая 7 ноября недалеко от Каира. Грант командовал лично и добивался успеха до тех пор, пока конфедераты не получили значительного подкрепления, после чего он был вынужден уйти в отставку, что он и сделал в полном порядке.

Конфедератов возглавляли тремя колоннами генералы Леонидас Полк, Гидеон Дж. Пиллоу и Бенджамин Ф. Читем.

Это событие, на самом деле совершенно лишённое существенных результатов для обеих сторон, за исключением доказательства доблести войск, стало предметом поздравительного приказа Гранта, в котором он заявляет, что участвовал *"во всех сражениях, которые вели в Мексике генералы Скотт и Тейлор, за исключением Буэна-Висты, и он никогда не видел более ожесточенных боев или где войска вели себя с большей доблестью"*.(5) Конгресс Конфедерации выразил благодарность командованию Конфедерации и их войскам за их *"отчаянную храбрость"*, благодаря которой катастрофа была превращена в победу.(5)

6 октября 1861 года генерал Роберт Андерсон был освобожден от должности, и генерал У. Т. Шерман был назначен командовать департаментом Камберленд.(6)

Шерман лично проинформировал военного министра Кэмерона и генерал-адъютанта Лоренцо Томаса (16 октября), что необходимые силы в его Ведомстве составляют 200 000 человек.(6) Это было расценено как настолько дикая оценка, что его заподозрили вбездумии, и 13 ноября он был уволен из своего Отдела.(7) После этого некоторое время он пребывал в замешательстве из-за такой оценки количества войск, необходимого для обеспечения успеха кампании через Кентукки и Теннесси. Затем мы слышим о том, что он занимает видное место в командовании дивизией под командованием Гранта в Шайло.

По мере развития войны его представление о требованиях войны более чем оправдалось, и позже он стал успешным командиром более чем двухсот тысяч человек.(8)

Бригадный генерал Дон Карлос Бьюэлл освободил Шермана от командования департаментом Камберленд и был назначен (9 ноября) в департамент Огайо, новый, состоящий из штатов Огайо, Мичиган, Индиана, той части Кентукки к востоку от реки Камберленд, и Теннесси, штаб-квартира в Луисвилле.(9)

Военное министерство приказало командованиям генералов Кокса и Рейнольдса в Западной Вирджинии передать определенные полки Огайо и Индианы, и этот приказ заставил 3-й Огайо вместе с другими полками совершить контрмарш по дорогам ноября через Хаттонвилл, Беверли, Рич Маунтин и Бьюкеннон в Кларксбург, откуда их по железной дороге перебросили в Паркерсбург, а оттуда на пароходе в Луисвилл. К 30 ноября 3-й был разбит лагерем в пяти милях к югу от города на Седьмой улице планк-роуд и вскоре стал частью Семнадцатой бригады под командованием полковника Эбенезера Дюмона и (5 (10) декабря) Третьей дивизии под командованием генерала О. М. Митчелла, обоих очень умных офицеров, активных, приветливых и усердных; последний не испытан в боях.

Дивизия Митчелла двинулась *через* Элизабеттаун к Бэкон-Крик, где 17 декабря 1861 года встала лагерем на зимовку.

Дивизия Маккука продвинулась примерно на шесть миль к Манфордвиллю на Грин-Ривер, а генерал Джордж Х. Дивизии Томаса было приказано перебраться в Либерти, где она должна была находиться ближе к основным силам армии, а позже его штаб разместился в Ливане, и его дивизия, состоящая из четырех бригад, нескольких отдельных кавалерийских подразделений и трех артиллерийских батарей, была размещена там, а также в Сомерсете и Лондоне.(11)

17 декабря четыре роты 32-го Индианского (немецкого) полка под командованием подполковника фон Треба из командования Маккука, несшие службу на аванпосту на станции Роулеттс, к югу от Грин-Ривер, подверглись нападению двух пехотных полков, одного кавалерийского — техасских рейнджеров — и артиллерийской батареи. Храбрость и превосходство в выучке этих рот позволили им оттеснить крупные силы и удерживать свои позиции до прибытия других рот полка, когда противник был вынужден поспешно отступить, при этом обе стороны понесли значительные потери. Полковник Б. Ф. Терри (12 лет) из Техасских рейнджеров заставлял своих людей неоднократно врываться в ряды пехоты. В последней атаке он был убит, и атакующие силы в беспорядке отступили. Большая заслуга в их поведении принадлежит полковнику Требе и его небольшому отряду.

Полковник Джеймс А. Гарфилд был назначен командующим полевыми войсками в Большой Песчаной стране, Восточный Кентукки, а генерал Хамфри Маршалл из Кентукки, претендовавший на военное мастерство, противостоял ему, каждый с несколько разбросанными силами численностью около пяти тысяч человек. Несмотря на то, что Гарфилд тогда был неопытен на войне, он в середине зимы, в суровой местности, с ужасными дорогами и с плохо оснащенным командованием, без артиллерии, проявил много энергии и способностей, обрушив свои силы на врага в Престонбурге и Пейнтсвилле, штат Кентукки. Были перестрелки 25 декабря 1861 года у Грайдерс-Ферри на реке Камберленд, 28-го у Сакраменто, 8 января 1862 года у Фишинг-Крик и значительное сражение у Миддл-Крик, недалеко от Престонбурга, 10-го, результатом которого стало практически изгнание Маршалла из Кентукки, сильное деморализация его командования и навечное опозорение его самого.

Следующим по важности было более значительное сражение при Логанс-Кросс-Роудс, на Фишинг-Крик, штат Кентукки, обычно называемое битвой при Милл-Спрингс, в котором 19 января 1862 года сражался генерал Джордж Х. Томас командует силами Союза, а генерал Джордж Б. Криттенден - конфедератами. Войска Конфедерации заняли укрепленный лагерь в Буковой роще, на северном берегу реки Камберленд, почти напротив Милл-Спрингс. Генерал Томас с частью Второй и третьей бригад, батареей Кенни и батальоном кавалерии Вулфорда 17-го достиг перекрестка дорог Логана, примерно в девяти милях к северу от Буковой рощи, и там остановился, чтобы дожидаться прибытия других войск, прежде чем двинуться на позицию Криттендена.

Последний, полагая, что он может нанести удар по Томасу до того, как его дивизия сосредоточится, и узнав, что Фишинг-Крик разделил его силы и был настолько затоплен недавними дождями, что стал непроходимым, выступил из своих укреплений у Буковой рощи в полночь 18-го и около 7 часов утра 19-го напал на Томаса на перекрестке дорог Логана с восемью полками пехоты и шестью артиллерийскими орудиями. Сражение длилось около трех часов, когда войска Конфедерации уступили и беспорядочно отступили в свой укрепленный лагерь, преследуемые по пятам. Они были загнаны за свои укрепления и до темноты подвергались артиллерийскому обстрелу со стороны батарей Союза. Генерал Томас готовился штурмовать укрепления на следующее утро. С помощью небольшого речного парохода Криттендену удалось ночью переправить свои войска через Камберленд, бросив двенадцать артиллерийских орудий с их кессонами и боеприпасами, большое количество стрелкового оружия и амуниции, около 160 повозок, 1000 лошадей и мулов, а также продовольственные запасы.

Бригадный генерал Ф. К. Золликоффер из Теннесси, командовавший бригадой Конфедерации, был убит в критический момент сражения. Число фактически участвовавших с каждой стороны составляло около 5000 человек. Потери Союза составили 1 офицера и 38 рядовых убитыми и 13 офицеров и 194 рядовых ранеными, всего 246 человек. (13) Убитых конфедератов было 125, раненых 309, всего 434. Эта победа имела большое значение, поскольку была первой сколько-нибудь значимой в департаменте Огайо. Президент поздравил ее распоряжением.(13)

Несмотря на эту победу, президент Линкольн, давно недовольный задержками армии Союза в продвижении вперед и достижении определенного успеха, издал свой первый (и последний, судя по его характеру, только (14)) *"Общий военный приказ"* в следующих словах:

"Общий военный приказ президента № 1. "Особняк исполнительной власти", Вашингтон, 27 января 1862 года. "Приказано, чтобы 22 февраля 1862 года было днем общего движения сухопутных и военно-морских сил Соединенных Штатов против сил повстанцев. Особенно, чтобы армия в крепости Монро и вокруг нее, Потомакская армия, армия Западной Вирджинии и армия близ Манфордвилля, Кентукки, армия и флотилия в Каире и военно-морские силы в Мексиканском заливе были готовы выступить в этот день.

"Чтобы все другие силы, как сухопутные, так и военно-морские, со своими соответствующими командирами подчинялись существующим на данный момент приказам и были готовы подчиниться дополнительным приказам, когда они будут отданы должным образом.

"Что главы ведомств, и особенно военный министр и военно-морской министр, со всеми их подчиненными, и Главнокомандующий, со всеми другими командующими и подчиненными

сухопутных и военно-морских сил, по отдельности будут нести свою строгую и полную ответственность за оперативное выполнение этого приказа.

"Авраам Линкольн".

Консервативные командиры раскритиковали этот президентский приказ как допущение со стороны мистера Линкольна руководства войной на местах, а назначение дня для перехода армии и флота было объявлено неразумным и предупреждением врагу. При других обстоятельствах президент был бы открыт для критики с точки зрения стратега, но конкретные обстоятельства, состояние страны и общественное мнение оправдывали его действия. Иностранное вмешательство или признание Конфедерации оказались под угрозой. Решительной победы Союза одержано не было. Макклеллан шесть месяцев удерживал Потомакскую армию в бездействии на виду у Белого дома. Халлек в Сент-Луисе, командующий большим и важным департаментом, давно говорил о масштабных планах и до сих пор не осуществил ни одного. В Западной Вирджинии дела зашли в тупик. Бьюэлл пока мало что обещал о скором продвижении вперед.

Войска Конфедерации занимали передовые позиции в Миссури и высоко на Миссисипи. Они были укреплены в фортах Генри и Донельсон на реках Теннесси и Камберленд соответственно, а также в Боулинг-Грин и других важных местах в Кентукки. Они все еще удерживали Верхнюю Канаву, страну Гринбрайер, Винчестер и другие пункты в долине Шенандоа. Армия Конфедерации удерживала Макклеллана почти в пределах укреплений к югу от Потомака в Вашингтоне. Президент был признан ответственным за бездействие армии. При других обстоятельствах, при других армейских командирах, этот приказ не был бы отдан. Это служило уведомлением этих командиров о том, что армия должна атаковать врага, и сообщало стране о серьезности намерений президента энергично вести войну, и таким образом помогало призыву на военную службу, вселяло уверенность и предупреждало вмешивающиеся страны держаться подальше.(15)

28 января 1862 года и генерал Грант, и коммодор А. Х. Фут, флаг-офицер военно-морских сил США в западных водах, телеграфировали Халлеку в Сент-Луис, что, с его разрешения, форт Генри на Теннесси может быть ими взят. Получив власть, они окружили его и атаковали на канонерских лодках со стороны реки и с армией по суше. Огонь канонерских лодок заставил батареи замолчать, и весь гарнизон покинул форт, за исключением генерала Ллойда Тилмана (его командира), его штаба и одной роты численностью около 70 человек, которая сдалась 6 февраля. Госпитальный катер, на борту которого находилось 60 больных и около 20 тяжелых орудий, казармы, палатки, боеприпасы и т.д., также попал в руки Профсоюзов. Единственная серьезная потеря произошла на "Эссексе" в результате попадания пули в котлы, в результате чего были ранены и ошпарены 29 офицеров и матросов, включая коммодора Дэвида Д. Портера.

В тот же день генерал Грант доложил, что возьмет форт Донельсон, и 12 февраля 1862 года он отправил шесть полков в обход по воде и перевел часть своего командования из форта Генри через всю страну, на расстояние около двенадцати миль.

Три канонерские лодки под командованием капитан-лейтенанта С. Л. Фелпса прошли вверх по Теннесси до Флоренции, штат Алабама, в то время как другие проследовали к устью Камберленда и поднялись по нему на помощь сухопутным войскам.

Коммандер Фелпс по пути вверх по реке захватил два парохода, уничтожил еще шесть, груженных припасами, захватил в Серро-Гордо недостроенную канонерскую лодку и совершил другие важные захваты военных припасов. Он обнаружил значительные профсоюзные настроения среди жителей, некоторые из них добровольно вступили в армию для борьбы с Конфедерацией.(16)

Грант был назначен в округ Западный Теннесси 14 февраля 1862 года.(17)

У генерала Гранта, когда он начал атаку форта Донельсон, было около 15 000 человек в трех дивизиях, которыми командовали, соответственно, генералы К. Ф. Смит, Джон А. Макклерланд и Лью Уоллес. Общая численность противника составляла не менее 20 000 человек под командованием генерала Дж. Б. Флойда.(18) Обход форта начался 12-го, но он не был завершен до вечера 13-го, когда прибыли канонерские лодки и войска, отправленные по воде. Флаг-офицер Фут открыл огонь по укреплениям противника в 3 часа дня 14-го числа с четырех канонерских лодок, который продолжался полтора часа с блестящей перспективой полного успеха, когда каждая из двух ведущих лодок получила выстрелы, выводящие из строя, и была отнесена назад течением. Двое других вскоре были частично выведены из строя и, следовательно, выведены из боя. Затем Грант решил плотно обложить форт, частично укрепить свои линии и дать время коммодору Футу уйти в отставку, отремонтировать свои канонерские лодки и вернуться. Но противник не позволил этого сделать. Ночью 14-го он отвел с левого фланга основную часть своих боеспособных войск под командованием генералов Гидеона Дж. Пиллоу, Б. Р. Джонсона и С. Б. Бакнера, а на рассвете 15-го атаковал с целью снять осаду или спастись бегством крайний правый фланг армии Гранта. Последовало сражение, длившееся несколько часов, и по большей части конфедераты отвоевали позиции, оттесняя союзников прямо к центру. Грант отсутствовал, консультируясь с коммодором Футом (19), когда началась атака. Фут тогда обдумывал возвращение в Каир для устранения повреждений и также был ранен.(19) Грант, вернувшись на место сражения, приказал дивизии Смита контратаковать правый фланг противника, которая увенчалась таким успехом, что к концу дня овладела частями укреплений конфедерации. После того, как началась атака Смита, Макклерланду и Уоллесу было приказано перейти в наступление на левом фланге противника, в результате чего конфедераты были отброшены обратно на укрепления, откуда они вышли утром. Затем рано утром следующего дня была проведена подготовка к штурму по всей линии фронта.

Ночью в лагерях Конфедерации царили ужас и деморализация, особенно в штаб-квартире.

В полночь 15-го числа между Флордом, Пиллоу и Бакнером состоялся военный совет, на котором численность армии Гранта была значительно увеличена, и было решено, что пытаться сократить инвестиции практически невозможно. Флорд притворился, что верит в то, что его поимка имела первостепенное значение для дела Союза, и, хотя он был старшим по званию, он объявил о решимости *"не пережить капитуляцию там"*. Пиллоу, следующий по старшинству, также присвоил себе такую же важность и индивидуальные права; следовательно, Флорд через Пиллоу передал командование в конце совета Бакнеру с пониманием того, что последний при первой возможности начнет переговоры о сдаче войск.(20) Флорду и Пиллоу с помощью двух небольших пароходов, прибывших ночью из Нэшвилла, удалось переправиться через реку и уйти с примерно 1000 офицерами и рядовыми, в основном принадлежавшими к старой бригаде Флорда. Часть кавалерии, небольшие отряды и отдельные офицеры во главе с полковником

Форрестом бежали ночью по дороге через реку, которая была проходима только для конных людей из-за заводи.(21)

Действия Флойда и Пиллоу, не разделивших судьбу своих командиров, и поведение Флойда, особенно то, что он увел войска своей старой бригады, предпочтя их другим, были решительно осуждены президентом Дэвисом и его военным министром. Оба генерала по приказу Дэвиса были освобождены от должности (21), и с тех пор ни один из них не занимал сколько-нибудь важного командования. Солнце их военной славы село при Донельсоне. Флойд не оправдал оказанного ему доверия как военному министру Бьюкенена и, как мы уже видели, рано покинул свой пост, чтобы присоединиться к Восстанию. Пиллоу в качестве генерала завоевал имя в боях под командованием Тейлора и Скотта и флаг Республики в Мексике.

Рано утром 16-го Бакнер отправил Гранту записку, в которой предлагал "назначить уполномоченных для согласования условий капитуляции сил и поста", находящихся под его командованием, и предлагал заключить перемирие до 12 часов того же дня. На это замечание Грант ответил так:

"Только что получено ваше письмо от сегодняшнего дня, предлагающее перемирие и назначение уполномоченных для согласования условий капитуляции. Никакие условия, кроме безоговорочной и немедленной капитуляции, не могут быть приняты. Я предлагаю немедленно приступить к вашим работам."

Генерал Бакнер назвал условия Гранта *"неблагодарными и недостойными рыцарства"*, но принял их, немедленно капитулировав с примерно 15 000 офицеров и рядовых, около 40 артиллерийских орудий и большим количеством припасов, лошадей, мулов и другого общественного имущества.

Потери армии Гранта составили 22 офицера и 478 рядовых убитыми и 87 офицеров и 2021 солдат ранеными, всего 2608 человек.(22) Потери военно-морского флота под командованием Фута составили 10 убитых и 44 раненых. Число убитых и раненых конфедератов, вероятно, не превышало 1500 человек (23), поскольку они сражались, по большей части, за укрепления. Взятие форта Донельсон было на данный момент величайшим достижением войны и принесло Гранту заслуженную известность.

Писательский полк, как мы уже говорили, разбил лагерь в декабре 1861 года в Бэкон-Крик, штат Кентукки. Зима была дождливой и суровой, лагеря большую часть времени были грязными, и войска перенесли много лишений. Это была их первая зима в палатках, и многие были больны.

Полковник Марроу, под тем или иным предлогом, обычно отсутствовал в Луисвилле, и ответственность за муштру и дисциплину в полку возлагалась на подполковника Битти, который был вполне на высоте, несмотря на то, что Марроу говорил и делал многое, что настраивало полк против него. Писатель также вызвал недовольство полковника.

По возвращении в полк 28 января Битти вручил ему для переадресации обвинения, касающиеся его нелояльности, невоенного поведения и неэффективности; после чего он решил уйти в отставку, и обвинения были сняты. Битти стал полковником, а я - подполковником 12 февраля 1862 года.

Армия Бьюэлла начала продвижение на юг 10 февраля, дивизия Митчелла шла впереди.

Высокий железнодорожный мост через Грин-Ривер в Манфордвилле не имел ни перил, ни защиты по бокам, но команды благополучно перешли его при лунном свете. Сцена переправы была в высшей степени живописной и привлекла много внимания со стороны войск, только начинавших новую кампанию.

Марш 14-го числа вызвал большой интерес. В домах всех, у кого не было рабов, были очевидные знаки лояльности, и там, где появлялись рабы, они проявляли величайшую радость при виде солдат Союза. Все рабы верили, что мы пришли освободить их, и было очень трудно помешать им идти с нами. Местность, по которой мы проезжали, напоминала пещеры, а на поверхности было много чашеобразных впадин, на дне которых, как правило, было много воды. Родников и ручьев было мало. Конфедераты, уходя в отставку, загоняли своих искалеченных, больных и сломанных лошадей, мулов и т.д. В эти пруды и расстреливали их, оставляя разлагаться и, таким образом, делая воду непригодной для использования армией Союза.(24) У войск не было другого выбора, кроме как использовать воду из загрязненных прудов. Мы еще услышим о них.

В этот день дивизия достигла Баррен-Ривер и обменялась несколькими артиллерийскими выстрелами с арьергардом армии генерала А. С. Джонстона под непосредственным командованием генерала Харди. На следующий день — последний день боев у форта Донельсон — наступающая дивизия Митчелла форсировала реку и заняла Боулинг-Грин, который был признан сильно укрепленным и, естественно, хорошей позицией для обороны. Во время поспешной эвакуации многие склады были сожжены; другие были розданы жителям, а некоторые оставлены для захвата. После необъяснимой задержки здесь на неделю, в течение которой мы слышали о победе при Форт-Донельсоне, дивизия Митчелла, все еще находившаяся в авангарде, возобновила свой марш к Нэшвиллу, удаленному примерно на семьдесят миль. Глава дивизии достигла Эджфилда (пригород Нэшвилла на северном берегу Камберленда) вечером 24 февраля, а на следующее утро мэр и комитет граждан официально сдали город Нэшвилл, пока кавалерия Форреста занимала его. Дивизия генерала Нельсона из армии Бьюэлла прибыла на лодках ночью 24-го и сразу же высадилась в городе.

Нэшвилл стал бы богатой добычей и был бы легко взят, если бы войска либо из Донельсона, либо из Боулинг-Грин были без промедления выдвинуты вперед после падения форта Донельсон.

Генерал А. С. Джонстон оставил город еще 16-го и сосредоточил свои силы в Мерфрисборо, в тридцати или более милях от него, оставив только Флойда с деморализованной бригадой и небольшим кавалерийским отрядом полковника Н. Б. Форреста вывезти или уничтожить орудия и склады, которых там было огромное количество.

Джонстон приказал Флойду не драться в городе.(25) В Нэшвилле целую неделю царил столпотворение, прежде чем он был взят. Толпа, в которой участвовали все классы, завладела им. Соответствующие офицеры бросили свои запасы боеприпасов, квартирмейстерских и комиссарских припасов, а те, что были портативными, были, насколько это было возможно, унесены любым, кто мог их пожелать. Никакая собственность не была в безопасности, частные дома и имущество были захвачены и присвоены. В наше время не разыгрывалось другой такой позорной сцены.(26)

Джонстон имел право ожидать прибытия армии Союза уже 18-го, и, если бы возобладал мудрый совет, Нэшвилл мог быть взят в этот или более ранний день.

Расхождение во взглядах привело к задержкам в продвижении армии Бьюэлла. Бьюэлл Эрли высказался за то, чтобы двинуться прямо на Нэшвилл через Боулинг-Грин или погрузить свои подразделения в Луисвилле на пароходы, а оттуда по воде вверх по Камберленду.(27)

Халлек назвал движение от Боулинг-Грин к Нэшвиллу плохой стратегией, и это мнение он телеграфировал и Бьюэллу, и Макклеллану. Успех при форте Донельсон не изменил взглядов Халлека, и Гранта осудили за продвижение дивизии Смита к Кларксвиллу. После того, как Бьюэлл добрался до Нэшвилла, его охватила паника, и, хотя у него было 15 000 человек, им овладела идея, что он вот-вот будет сокрушен. Поэтому он предположил приказать командованию армии Гранта Смита перебраться на лодке из Кларксвилла к нему на помощь.(28)

Впервые я увидел Гранта на пристани в Нэшвилле 26 февраля 1862 года. Он был свеж после своих недавних достижений, и мы смотрели на него с интересом. Тогда он был всего лишь гостем в Нэшвилле. Его тихое, скромное поведение, характерное для него при любых обстоятельствах, заставляло людей говорить о нем пренебрежительно, как о заурядном человеке, который по счастливой случайности или с помощью других добился успеха. Ему было тогда сорок лет, (29) он был ниже среднего роста и веса, но крепкого телосложения и хорошо сложен. Его голова для его тела казалась большой. Его несколько выступающий подбородок свидетельствовал о твердости и решительности. Его руки и ноги были маленькими, а движения обдуманными и бесстрастными. Затем он, как всегда, охотно заговорил, но никогда не праздно и не исключительно для того, чтобы развлечь даже своих друзей.

И Халлек, и Бьюэлл, очевидно, либо завидовали Гранту, либо питали или предполагали, что питают настоящее презрение к его талантам. Бьюэлл уделял ему мало внимания в Нэшвилле, и Халлек сообщил о нем в Военное министерство за то, что он поехал туда, хотя город находился в пределах его округа. Его отъезд в Нэшвилл впоследствии был назван причиной для фактического отстранения его от командования.(30)

Сообщения о том, что Грант часто находился в состоянии алкогольного опьянения и что членам своего штаба и подчиненным командирам он был обязан своими недавними победами, были в то время свободно распространены. Гранту, как и большинству великих военачальников на войне, приходилось развиваться с опытом и даже через поражения. Однако он рано проявил склонность брать на себя ответственность и использовать возможности для борьбы с врагом. Его достоинством было упрямство - качество, незаменимое для хорошего солдата.

В отличие от него, Халлек и Бьюэлл, каждый из которых претендовал на большее военное образование и достижения, не были уверены ни в своих войсках, ни в самих себе и, следовательно, действовали медленно. Они говорили о сложных возможных кампаниях, но никогда лично не проводили их. Каждый из них был хорошим организатором армий на бумаге, многое знал о снаряжении и муштре войск, а также об их дисциплине в лагере, но отсутствие у каждого стремления встретить врага и сразиться с ним не позволяло им вселять в солдат ту уверенность, которая приводит к победам. Простая репутация военного технического образования скорее умаляет, чем добавляет уверенности армии в своем командующем. Такой командир будет считаться хорошим военным писарем или генерал-адъютантом, но вряд ли будет искать сражения и выигрывать их.

3-й Огайо со своей бригадой прошел маршем через Нэшвилл 27 февраля и расположился лагерем у ручья на магистрали Мерфрессборо, примерно в четырех милях от города. В Нэшвилле восстановилась тишина, жители, похоже, оценили хороший порядок, поддерживаемый войсками Союза, особенно после недавнего столкновения с мафией.

В Нэшвилле офицеры 3-го Огайо (особенно полковник Битти) были обвинены в укрывательстве негритянских рабов, и Бьюэлл разрешил некоторым охотникам за рабами обыскать лагерь полка в поисках их сбежавшего "*имущества*". Полковник приказал собрать всех цветных мужчин для проверки, но случилось так, что ни одного найти не удалось. Один из охотников за рабами предложил обыскать палатку в поисках некоего беглого раба, и полковник Битти серьезно сказал ему, что он может это сделать, но что если его поиски увенчаются успехом, это будет стоить ему жизни. Дальнейших поисков произведено не было. Один из беглых рабов, "Джо", красивый мулат, *занял (?)* у полковника Битти, ассистента хирурга Генри Х. Сейса и, возможно, других небольшие суммы денег и исчез. Некоторое время спустя я увидел "Джо" на службе у почтенного. Самсона Мейсона в Спрингфилде, штат Огайо.

8 марта Джон Морган, тогдашний знаменитый партизанский налетчик иррегулярной кавалерии, бросился с узкой дороги вдоль западной стороны Сумасшедшего дома, расположенного примерно в пяти милях от Нэшвилла на реке Мерфрисборо пайк, захватил при свете дня часть обоза внутри наших позиций и скрылся по проселочной дороге с капитаном Брейденом из штаба генерала Дюмона, который командовал поездом, погонщиками и примерно восьмьюдесятью лошадьми и мулами. Полковник Джон Кеннетт с частью своего полка (4-й кавалерийский полк Огайо) преследовал и настиг Моргана, убил и ранил часть его налетчиков и отбил капитана Брейдена и погонщиков, а также лошадей и мулов. Примерно в это же время Митчел организовал отряд пехоты для быстрой перевозки на повозках и немного кавалерии, чтобы ночью двинуться на Мерфрисборо, рассчитывая застать там врасплох небольшой отряд. Экспедиция стартовала, но не успела продвинуться далеко, как около девяти часов вечера главу экспедиции встретил Морган и около двадцати пяти его людей с флагом перемирия, он притворился, что хочет провести какое-то расследование. Поднятие флага перемирия ночью было настолько необычным, что его и его спутников сопровождали на территорию Убежища и там задержали до тех пор, пока с Бьюэллом не удастся связаться. Экспедиция, разумеется, была прекращена, и около полуночи Морган и его сопровождающие были отпущены.

Колумбус, штат Кентукки, считавшийся сильным Гибралтаром, сильно укрепленный и снабженный множеством орудий, большинство из которых были крупного калибра, что считалось необходимым для предотвращения судоходства по Миссисипи, был занят генералом Леонидасом Полком с силами в 22 000 человек, но под угрозой нападения commodora Фута и генерала У. Т. Шермана был эвакуирован 2 марта 1862 г.(31) Таким образом, штат Кентукки стал практически свободным от конфедератов, и Миссисипи на значительном расстоянии ниже Каира снова была открыта для судоходства с Севера.

(1) *Военные отчеты*, том iii., стр. 255, 442.

(2) *Военные отчеты*, том iii., стр. 255, 442.

(3) *Там же.*, стр. 466, 469, 485, 553, 567.

(4) *Военные отчеты*, том iii., стр. 466, 469, 485, 533, 567

(5) *Там же.*, стр. 144, 274, 312.

(6) *Там же.*, том iv., стр. 296-7, 300, 314 и 333, 341.

(7) *Военные отчеты*, том v., стр. 570.

(8) В январе 1861 года Шерман был суперинтендантом Военной академии в Александрии, штат Луизиана, над дверью которой был высечен из мрамора девиз: "*Благодаря щедрости Генерального правительства Соединенных Штатов. Вечный союз*".

Уже 9 января экспедиция из пятисот новоорлеанских ополченцев под командованием полковника Уита в сопровождении генерала Брэкстона Брэгга отправилась на лодке в Батон-Руж и захватила арсенал Соединенных Штатов с большим количеством оружия и боеприпасов. Конфедераты отправили две тысячи мушкетов, триста егерских винтовок и некоторое количество боеприпасов Шерману в Александрию, чтобы он принял их и отчитался. Обнаружив, что от него требуется стать хранителем украденных военных припасов из Соединенных Штатов, и имея предвидение, что война неизбежна, он 18 января 1861 года подал в отставку, рассчитался с государством и отбыл на Север.

Позже мы находим его в Сент—Луисе президентом железной дороги Пятой улицы, и когда 10 мая повстанцы в Кэмп—Джексоне были окружены и взяты в плен, он со своим маленьким сыном "Вилли" - ныне отцом Шерманом и высокопоставленным лицом католической церкви - были на виду и находились под угрозой потери своих жизней, когда войска, возвращавшиеся из лагеря, подверглись нападению и открыли огонь по толпе, убивая как друзей, так и врагов. Шерман убежал со своим мальчиком в овраг, который прикрывал его до тех пор, пока не прекратилась стрельба. *Мемуары Шермана*, том i, стр. 155, 174.

(9) *Военные отчеты*, том iv., стр. 349, 358.

(10) Семнадцатая бригада состояла из 3-го, 10-го и 13-го Огайо и 15-го кентукки.—*Военные отчеты.*, том vii., стр. 476.

(11) *Там же.*, стр. 479.

(12) Полковник Терри был братом Дэвида С. Терри, который, будучи председателем Верховного суда Калифорнии, убил Дэвида К. Бродерика, в то время сенатора Соединенных Штатов, на дуэли на озере Мерсед, Калифорния.

Дэвис С. Терри, в связи с предполагаемыми претензиями, вытекающими из решения окружного суда Калифорнии против его жены (ранее Сары Алтеи Хилл), отменяющего предполагаемое заявление о браке между покойным миллионером, сенатором У. М. Шэрон и она сама в железнодорожной столовой в Лэтропе, Калифорния. (14 августа 1889 г.), напал на судью Стивена Дж. Филда из Верховного суда Соединенных Штатов, и сам был дважды застрелен на месте Дэвидом Ниглом, заместителем маршала, который сопровождал судью Филда, чтобы защитить его от угроз нападения со стороны Терри. Верховный суд на основании *хабеас корпус* освободил Нигл из-под стражи штата, где она содержалась до суда по обвинению в убийстве Терри. Судья Ламар и председательствующий судья Фуллер, придерживаясь изнеженных представлений о правах штата, отказали ему в праве таким образом уволить его,

заявив, что он должен ответить за стрельбу в Терри перед властями штата, что федеральное правительство было бессильно защитить своих маршалов от судебного преследования за необходимые действия, совершенные ими в защиту своих судов, судей или присяжных заседателей при исполнении служебных обязанностей.—*В Ре Нигл*, 135 *США*, 1, 52, 76.

(13) *Военные отчеты*, том vii., стр. 82, 102, 108.

(14) Были изданы только два других приказа (8 марта 1862 г.), получивших название "общевойсковых приказов президента"; один относится к организации армии Макклеллана в корпус, а другой - к ее перемещению на полуостров и обеспечению безопасности Вашингтона.—*Беспорядок. и Документы президентов*, том vi., стр. 110.

(15) Захват капитаном Уилксом (8 ноября 1861 г.) с британского парохода "*Трент*" комиссаров Конфедерации Мейсона и Слайделла был настолько близок к развязыванию войны с Англией, что, хотя они были с извинениями переданы (1 января 1862 г.) британским властям, существовали большие опасения, что что-то вызовет иностранную войну и последующее вмешательство.

(16) *Военные отчеты*, том vii., стр. 155.

(17) *Там же.*, т. viii., с. 555.

(18) Грант оценивает свои собственные силы на момент сдачи форта в 27 000 человек, но не все они были доступны для атаки, а численность союзников на предыдущий день — в 21 000 человек — *Воспоминания Гранта*, том i, стр. 314.

(19) *Военные отчеты*, том ii. viii., стр. 160, 167.

(20) *Военные отчеты*, том vii., стр. 269, 283, 288.

(21) *Там же.*, стр. 274, 254.

(22) *Военные отчеты*, том vii., стр. 167, 270.

(23) *Там же.*, стр. 269, 283, 288.

(24) Генерал Битти справедливо обвиняет меня в том, что я лишил его ужина в "Таверне Белла", когда он был очень голоден, слишком вольным комментарием, когда мы сидели за обеденным столом, по поводу *остроты* супа и *цвета* волос мула в кофе.—*Гражданин солдат*, стр. 106.

(25) *Военные отчеты*, том vii., стр. 426, 433.

(26) Представитель Форреста, *там же.*, том vii., стр. 429.

(27) *Военные отчеты*, том vii., стр. 619-621, 624.

(28) *Мемуары Гранта*, том i, стр. 320.

(29) Грант родился 27 апреля 1822 года в Пойнт-Плезант, Клермонт, штат Огайо.

(30) *Мемуары Гранта*, том i, стр. 326; *Военные отчеты*, том vii., стр. 683-3.

(31) *Военные отчеты*, том vii., стр. 853.

ГЛАВА VI Битва при Шайло —Захват острова № 10—Наступление Халлека на Коринф и другие события

Генерал Альберт Сидни Джонстон, находясь в Мерфрисборо (3 февраля 1862 г.), принял полное командование Центральной армией Западного департамента и приступил к ее реорганизации для активных полевых действий, а 27-го приступил к ее перемещению с целью сосредоточения в Коринфе, штат Миссури.(1)

Генерал П. Г. Т. Борегар 5 марта принял командование Миссисипской армией. 29-го армии Конфедерации Кентукки и Миссисипи были объединены в Коринфе под последним командованием Джонстона в качестве главного командующего, с Борегаром в качестве второго и генералами Леонидасом Полком, Брэкстоном Брэггом, У. М. Дж. Харди и Дж. Б. Криттенденом, соответственно, командующими корпусами. Позже генерал Джон К. Брекинридж был назначен в Резервный корпус, сменив Криттендена. Общая численность этой армии составляла 59 774 человека, а на момент вступления в строй (3 апреля) - 49 444. (2) В то время это была самая грозная, лучше всего укомплектованная офицерами и организованная армия Конфедерации для активных полевых операций. Чтобы противостоять этим крупным силам, была задействована армия штата Теннесси, общая численность которой составляла 44 895 человек всех родов войск.(3) У Гранта было шестьдесят два артиллерийских орудия, а его войска состояли из пяти дивизий, которыми командовали, соответственно, генералы Джон А. Макклерланд, У. Х. Л. Уоллес, Лью Уоллес, Стивен А. Херлберт, У. Т. Шерман и Б. М. Прентисс.

3 апреля 1862 года Миссисипская армия была выдвинута к Шайло, примерно в двадцати милях отсюда, в соответствии с тщательно подготовленным полевым приказом, в котором каждому корпусу был назначен свой маршрут марша и место сбора, а также даны общие и подробные инструкции относительно ожидаемого сражения, целью которого было заставить армию Союза врасплох на рассвете в субботу, 5-го. Корпус Харди составлял левую часть армии Конфедерации, и по достижении места сражения его левый фланг должен был упираться в Совиный ручей, приток Снейк-Крик, а правый простирался к Лик-Крик. Корпус Брэгга представлял собой правые силы Конфедерации, их право опираться на Лик-Крик. Оба этих корпуса должны были быть сформированы для сражения в две линии, на расстоянии 1000 ярдов друг от друга, правое крыло каждого корпуса должно было образовывать линию фронта. Корпус полка должен был двигаться позади двух упомянутых корпусов, построиться в колонну и остановиться на Проселочной дороге в качестве резерва. Резервному корпусу под командованием Брекинриджа было приказано сосредоточиться в Монтерее и занять там позицию, откуда при необходимости наступать либо по прямой дороге на Питтсбург-Лэндинг, либо на Гамбург. Для подразделений этой армии были даны другие инструкции. Приказ состоял в том, чтобы в надвигающемся сражении приложить все усилия, чтобы повернуть левый фланг армии Союза, отрезать его от Теннесси и отбросить обратно к Совиному ручью и там добиться его капитуляции.(4)

Джонстон опубликовал этот адрес:

"Солдаты армии Миссисипи:

"Я привел вас в движение, чтобы дать бой захватчикам вашей страны. С решимостью и дисциплинированной доблестью, подобающими людям, сражающимся, как и вы, за все, ради чего стоит жить или умереть, вы не можете не идти к решающей победе над наемниками-

аггриями, посланными поработить вас и лишить ваших свобод, собственности и чести. Помните о ценной ставке. Помните о зависимости ваших матерей, ваших жен, ваших сестер и ваших детей от результата. Помните о прекрасной, широкой, изобильной земле, счастливых домах и связях, которые будут разрушены вашим поражением. Глаза и надежды 8 000 000 человек обращены на вас. От вас ожидают, что вы покажете себя достойными вашей доблести и происхождения; достойными женщин Юга, чья благородная преданность в этой войне никогда не была превзойдена. С такими стимулами к храбрым поступкам и с верой в то, что Бог с нами, ваши генералы уверенно поведут вас в бой, уверенные в успехе".

Пять дивизий Гранта были разбиты лагерем в районе Питтсбург-Лэндинг или перед ним, между Филином и Лик-Крик; дивизия Шермана (за исключением бригады Стюарта), находившаяся впереди, недалеко и справа от церкви Шайло, была наиболее продвинутой. Дивизия Макклернанда располагалась примерно в полумиле от него в тылу, прикрывая его левый фланг. Дивизия Прентисса находилась примерно в полумиле (немного отстав) слева от Макклернанда в направлении устья Лик-Крик, а бригада Стюарта все еще находилась слева от Прентисса на Гамбургской дороге. Дивизии Херлберта и Смита — последняя справа, которой командовал на поле боя генерал У. Х. Л. Уоллес из—за отсутствия Смита в Саванне по болезни - находились примерно в миле в тылу Макклернанда и Прентисса и примерно в трех четвертях мили от Питтсбург-Лэндинг.(5)

Дивизия Лью Уоллеса, насчитывавшая в настоящее время 7302 человека и десять артиллерийских орудий, находилась недалеко от Крампс-Лэндинга на западном берегу Теннесси, в пяти милях ниже Питтсбург-Лэндинга и в четырех милях выше Саванны.(6)

По прямой Саванна находится в семи милях ниже Питтсбургской пристани. Гамбург находится в четырех милях выше этой пристани, на том же берегу реки и выше устья Лик-Крик. Церковь Шайло, бревенчатое строение примерно в двух с половиной милях от реки, дала название битве.

Мы оставили армию Бьюэлла в Нэшвилле. Он оставался там с 25 февраля по 15 марта 1862 года, когда его кавалерия двинулась в Саванну, где армия Теннесси была тогда частично собрана под командованием генерала К. Ф. Смита. 4 марта Халлек освободил Гранта от любого активного командования на местах и приказал ему назначить Смита командующим "экспедицией", а самому оставаться в Форт-Генри. Грант сильно переживал из-за такого обращения и неоднократно просил освободить его от дальнейшей службы под началом Халлека. Недавний успех Гранта при фортах Генри и Донельсон и его исключительный характер в принятии на себя ответственности и ведении боевых действий привели к общественному требованию о его восстановлении, которое дошло до Вашингтона и Халлека и вынудило последнего 13 марта восстановить его в должности командующего своей армией и округом. Грант добрался до Саванны 17 марта и обнаружил, что Смит смертельно болен, а часть войск уже высадилась в Питтсбурге на западном берегу Теннесси. Впоследствии он приказал другим дивизиям высадиться, и, хотя вопрос об укреплении траншей рассматривался, его главный инженер, полковник (впоследствии генерал-майор) Джеймс Б. Макферсон, высказался против необходимости или целесообразности использования необработанных войск для строительства оборонительных сооружений. Было решено, что недисциплинированных и необученных солдат (а таких было большинство) можно было бы лучше подготовить к предстоящей кампании, обучив их муштровке.

Грант разместил свою штаб-квартиру в Саванне (к востоку от Теннесси), оставив Шермана командовать той частью армии, которая находилась перед Питтсбург-Лэндингом.

Помимо некоторых частей армии Бьюэлла, которые были оставлены удерживать Нэшвилл, дивизия Митчелла была выделена для действий на линии через Мерфрисборо на юг, в Алабаму или на Чаттанугу, в зависимости от того, что могло показаться лучшим.

Дивизия Маккука покинула Нэшвилл 16 марта вслед за кавалерией, а другие дивизии армии Бьюэлла следовали с интервалами. В Колумбии, штат Теннесси, Маккук был задержан, восстанавливая сгоревший мост через реку Дак, до 30-го. Нельсон достиг этой реки и 29-го перешел вброд свою дивизию, после чего получил передовую. Бьюэлл не ускорил свой марш, и Грант, по-видимому, не придавал значения его раннему прибытию. Целью было сосредоточить армию штата Огайо в Саванне не ранее воскресенья и понедельника, 6 и 7 апреля.

Дивизия Нельсона прибыла туда вечером 5-го, о чем Гранту было известно. Бьюэлл прибыл примерно в то же время, но не сообщал о своем прибытии и не пытался сделать этого до 8 часов утра 6-го, когда Грант отправился в Питтсбург-Лэндинг, чтобы принять личное командование в битве, бушевавшей тогда с большой яростью.

Хорошо помнить, что генерал Грант, на котором лежала ответственность за кампанию и надвигающийся конфликт, фактически находился со своей армией всего двадцать дней, когда началось сражение; что он не выбирал позицию передовых дивизий своей армии и не мог, если бы захотел, изменить место соединения армии Бьюэлла со своей, поскольку Халлек выбрал Саванну в качестве этого места, и Бьюэлл медленно продвигался к ней до прибытия туда Гранта.

Недружелюбный настрой Халлека и отсутствие сердечности у Бьюэлла по отношению к Гранту делали ситуацию крайне затруднительной. Бьюэлл был младше Гранта, но он долгое время командовал департаментом, в то время как Грант командовал только округом, и только этим можно объяснить естественное нежелание Бьюэлла служить под его началом. Если бы армия Бьюэлла быстро прибыла на Теннесси, битвы при Шайло не было бы, поскольку и Джонстон, и Борегар решили, что атака возможна только до объединения армий Гранта и Бьюэлла.

Грант был серьезно ранен после наступления темноты 4 апреля, когда возвращался в Питтсбург-Лэндинг под ливнем после расследования какой-то необычной стрельбы из пикета на передовой. Его лошадь упала на него, повредив ногу и вывихнув лодыжку так сильно, что сапог пришлось отрезать. В течение нескольких дней после битвы он не мог ходить без помощи костылей. (7)

В спор о том, была ли армия Союза в Силоме застигнута врасплох утром первого дня, я не хочу вмешиваться. Показания Шермана и его командира бригады генерала Ральфа П. Бакленда, а также Гранта, Уилла - всех, с кем я беседовал по этому вопросу, следует воспринимать как убедительные, что уже 4 апреля они знали о присутствии значительных отрядов кавалерии Конфедерации, и что вечером 5 апреля они столкнулись с таким количеством противника, что офицеры Союза на поле боя убедились, что противник намеревался предпринять атаку; однако совершенно очевидно, что вечером 5 апреля эти офицеры не знали, что превосходно оснащенная офицерами и организованная армия Конфедерации находился на позиции впереди и вплотную к церкви Шайло в качестве центра, в полном боевом порядке, с

определенным планом, полностью понятным всем его офицерам, для завтрашнего сражения. В плане Джонстона не было никаких сбоев, за исключением *потери одного дня*, из-за чего начало атаки было перенесено с рассвета субботы на то же время в воскресенье. Друзья Конфедерации никогда не перестанут сожалеть о потере на марше из Коринфа *этого одного дня*. Многие до сих пор притворяются, что судьба рабства и Конфедерации повернулась против них лицом. Грант был не так хорошо подготовлен к сражению в субботу, как в воскресенье, и никакая часть армии штата Огайо не могла и не захотела бы прийти ему на помощь раньше воскресенья. Грант, однако, говорит, что он не отчаивался в успехе без армии Бьюэлла, (7)

Грант, когда началось сражение, находился в девяти милях на лодке от Питтсбург-Лэндинг, который находился по меньшей мере еще в двух милях от церкви Шайло, где началось сражение. Вплоть до утра сражения у него были опасения, что может быть предпринята атака на Крампс-Лэндинг, позицию Лью Уоллеса, с целью уничтожения складов и транспортов Союза. (7) Он услышал первые отдаленные звуки битвы, когда завтракал в Саванне, (7) и на шлюпке-рассыльном поспешил к своим войскам, которые уже подверглись яростной атаке, задержавшись лишь для того, чтобы приказать Нельсону идти к Питтсбург-Лэндингу и, *по пути*, дать указание Уоллесу в Крампс-Лэндинге привести свою дивизию в боевую готовность к любым приказам. Несомненно то, что командиры дивизий Союза в Шайло, отходя вечером 5-го, не ожидали общей атаки на следующее утро. Они, несомненно, приняли обычные меры предосторожности против обычных внезапных действий пикетов, ротанов и аванпостов, но они не готовились к генеральному сражению, тем более необходимому, что три из пяти дивизий никогда не были под огнем, и большинство из них почти не обучались маневрам, заряданию и стрельбе, если вообще обучались, и мало кто из офицеров до сих пор слышал грохот яростного пушечного выстрела или свист опасной пули. Но можно сказать, что рядовые армии Конфедерации были также неопытны и плохо дисциплинированы. В широком смысле это было правдой, хотя многие полки Конфедерации дольше проходили муштру и дисциплину, чем полки Союза, и они очень доверяли своим корпусным и дивизионным командирам, многие из которых приобрели значительную известность в мексиканских и индейских войнах.

Корпусная организация Армии Конфедерации, в дополнение к дивизионной, давала больше генеральских офицеров и большую компактность в управлении большой армией. В то время корпуса были неизвестны в Армии Союза. И еще более важным был тот факт, что одна армия выступила подготовленной и ожидающей сражения, причем все ее офицеры были заранее тщательно проинструктированы относительно того, что ожидалось, а другая, без такой подготовки, ожидания или инструктажа, внезапно оказалась втянутой против превосходящих сил в то, что оказалось величайшим сражением, которое до сих пор велось на американском континенте. Войска Конфедерации рано утром вступили в бой по всему своему фронту с целью обойти любой фланг несовершенного соединения дивизий Союза, но их усилия ни в каком существенном смысле не увенчались успехом. Безрассудные и стремительные атаки, однако, отбросили, сначала поспешно, затем более медленно, передовые подразделения Союза, хотя и не обошлось без страшных потерь для конфедератов. Эти тяжелые потери привели к необходимости вскоре задействовать резервы Конфедерации. Командиры Союза использовали в своих интересах неровности местности и лес, чтобы защитить своих людей, часто проводя линию фронта в лесу на краю полей, тем самым вынуждая своих врагов наступать по открытой местности, подвергаясь смертоносному огню. Первоначальное превосходство атакующей армии постепенно сходило на нет, и хотя она продолжала завоевывать позиции, ее убитые и раненые были многочисленны и находились совсем рядом с ней, что, несомненно, заставляло

многих отступать или останавливаться, чтобы позаботиться о своих товарищах. Было выдвинуто обвинение в том, что большая дезорганизация возникла в результате разграбления захваченных союзом лагерей. Дивизии Херлберта и У. Х. Л. Уоллеса вскоре вместе с резервной артиллерией были активно задействованы, и, за исключением короткого периода, около 5 часов вечера, и сразу после этого, а также вследствие захвата в этот час Прентисса и примерно 2000 человек его дивизии, непрерывная линия Союза от Совиного ручья до Лик-Крик или Теннесси сохранялась нетронутой, хотя часто отходила.

Во второй половине дня положение конфедерации стало настолько отчаянным, и Джонстону так не терпелось уничтожить армию Союза до наступления ночи и подхода подкреплений, что он лично повел бригаду в атаку, как было приказано, во время которой он получил ранение в ногу, которое из-за отсутствия внимания вскоре оказалось смертельным. Его падению приписывается окончательное поражение Конфедерации, хотя его заместитель, Борегар, написал боевой приказ и был знаком с ним, а также имел в то время большую репутацию полевого генерала. Он, по крайней мере частично, командовал при Булл-Ране. Теперь Борегар принял командование и упорно продолжал атаку до наступления ночи. Подкрепления ни для одной из армий не прибыли вовремя для воскресного сражения. Из-за некоторого недопонимания приказов и без какого-либо недомогания со своей стороны генерал Лью Уоллес добрался до поля боя только ночью, и то после того, как истощенное состояние войск обеих армий положило конец столкновению первого дня. Армия Теннесси, имея основную дивизию вдали, благородно и героически встретила войска, которые пытались сокрушить ее; в битве с двумя из пяти ее дивизий произошли особые бедствия; генерал У. Х. Л. Уоллес был смертельно ранен, а Прентисс попал в плен, оба командира дивизий; потери Союза в офицерах и рядовых в остальном были велики, вероятно, достигнув 7000 человек (первый день сражения), но когда наступила ночь, истощенная армия Теннесси твердо стояла в тылу примерно в двух милях от своей самой передовой линии на утро. Полковник Уэбстер из штаба Гранта сосредоточил около двадцати артиллерийских орудий (направленных в основном на юг и юго-запад) вблизи Питтсбург-Лэндинг и выше него на гребне хребта к северу от глубокого оврага, пересекающего левое побережье Союза и впадающего в Теннесси. Дивизия Харбурта была следующей справа от этой артиллерии, продвигаясь на запад почти под прямым углом к реке. Между артиллерией и рекой было размещено несколько войск. Канонерские лодки *Тайлер* и *Лексингтон*, которыми командовали, соответственно, лейтенанты ВМФ Грим и Ширк, находились недалеко от устья ущелья, и когда последовала последняя отчаянная атака, их огонь существенно помог отразить ее. Следующей справа от Херлберта шла дивизия Макклернанда, также продвигавшаяся на запад; затем дивизия Шермана, образовавшая почти прямой угол, вытянув свое правое крыло на север, к Снейк-Крик, к разлившимся землям и болотам чуть ниже устья Совиного ручья. Разбитые части других дивизий и организаций были перемешаны в этой линии, названные три дивизии были единственными на поле боя, которые все еще оставались нетронутыми. (8) На этой позиции армия Гранта встретила на закате и отразила последнюю атаку конфедератов, в последний раз отбросив в то памятное воскресенье наступающие войска. Встревоженная, разочарованная, обескураженная, если не сказать побежденная, армия Конфедерации была отведена на ночь на бивуак в район утренних лагерей Союза. После того, как стрельба прекратилась, Лью Уоллес добрался до поля справа от Шермана.

Известно, что в течение дня в тылу армии Союза появилось много отставших и вскоре они в значительном количестве собрались близ Теннесси. Войска были новыми и недисциплинированными, и, следовательно, офицерам было трудно поддерживать

организацию и держать людей в узде; но сомнительно, чтобы количество отставших, учитывая характер сражения, было больше обычного, и их было не больше, если не меньше, чем в тылу армии Конфедерации. У наступающей и, по-видимому, успешной в бою армии обычно сравнительно мало отставших в тылу, но план ведения боевых действий, принятый Джонстоном и Борегаром, в массовом порядке, часто в сомкнутых колоннах полков, оказался настолько разрушительным для жизни, что заставил храбрецов уклоняться от повторных атак.

Однако доблесть, проявленная атакующими силами, и упорное оборонительное сражение, которое вела армия Союза, редко, если вообще когда-либо, были превзойдены ветеранами какой-либо войны любой расы или в любую эпоху.

Высокопоставленных офицеров Союза, возможно, справедливо критикуют за то, что они не были лучше подготовлены к битве благодаря укреплениям, концентрации и т.д., Но, безусловно, и офицеры, и солдаты заслуживают высокой похвалы за их героическое, кровавое и успешное сопротивление после начала конфликта. Около двадцати пяти процентов из тех, кто действительно участвовал в бою, пали убитыми или ранеными, и по крайней мере такое же количество врагов было выведено из строя. Наполеон не участвовал ни в одном сражении за один день, где пропорциональные потери убитыми и ранеными в обеих противоборствующих армиях были бы столь велики; и ни одно сражение современности не показывает столь значительных пропорциональных потерь в численно более слабой армии, которая была вынуждена неуклонно отступать в течение всего дня, и все же ночью все еще вызывающе стояла и вела бой, а ее командующий отдавал приказ перейти в наступление на рассвете следующего дня.

Грант не был безупречен как солдат в Шайло, но кто еще справился бы так хорошо? Если не военный гений, то он был олицетворением упрямой настойчивости, никогда не позволявшей вырваться ни единому слову разочарования или сомнения в течение всего дня, даже своему личному штабу, хотя и страдал от мучительной боли из-за недавней травмы, полученной в результате падения его лошади. Ему и доблести его офицеров и солдат страна многим обязана за своевременную победу, хотя и одержанную большой ценой жизни и увечий. Ему и им подобает хвалить, а не порицать.

Пока что армии штата Огайо не приписывают участие в воскресном сражении. Бьюэлл и дивизия Нельсона из этой армии были в Саванне вечером 5-го, но Бьюэлл воздерживался от попыток сообщить Гранту о своем присутствии до следующего утра. Затем Грант отправился на поле боя. Грант завтракал в Саванне, когда началось сражение, и сначала решил найти Бьюэлла, прежде чем отправиться к своей армии; но грохот орудий был таким непрерывным, что он почувствовал, что не должен медлить ни минуты, и поэтому оставил Бьюэлла записку с просьбой поспешить со своим подкреплением к Питтсбург-Лэндингу, отдал приказ Нельсону немедленно выступить, а затем продолжил на лодке вверх по реке. Бьюэлл, повторив Нельсону инструкции Гранта выступить в противоположную от Пристани сторону, сам около полудня отправился на лодке к этому месту со своим начальником штаба полковником Джеймсом Б. Фраем.(9)

Бьюэлл, по-видимому, был сильно впечатлен количеством и характером отставших, которых он увидел по прибытии, и он навел некоторые справки о приготовлениях Гранта к отступлению его армии. Грант, узнав, что Бьюэлл находится на борту парохода у пристани, разыскал его там, поспешно объяснил ситуацию и необходимость подкрепления и снова отправился на поле боя.

До этого он был в гуще боя, где у него отстрелили меч и ножны. Только в 13.30 (9) голова колонны Нельсона двинулась во главе с бригадой Аммена к Питтсбург-лэндингу, а затем по заболоченной дороге через реку, по которой артиллерию было невозможно переправить. Артиллерия отправилась позже на лодке. В 5 или 6 часов вечера передовые части — восемь рот 36-го Индианского полка (полковник У. Гроуз) — достигли точки на реке напротив места высадки. Эти роты были быстро переправлены через Теннесси на пароходах и немедленно отправлены маршем, менее чем в четверти мили левее уже сосредоточенной артиллерии, на поддержку армии Гранта, которая затем вступила в бой, отражая последнюю на этот день атаку конфедератов. Другие полки (6-й Огайо, полковник Н. Л. Андерсон, 24-й Огайо, полковник Ф. К. Джонс) бригады Аммена внимательно следили за ними, но только 36-й Индианский участвовал в сражении, которое к тому времени закончилось. Этот полк потерял одного человека убитым.(10) Ожидаемое прибытие армии Огайо и присутствие тех ее частей, которые прибыли, возможно, оказали хорошее моральное воздействие, но ее позднее прибытие не дает ей права претендовать на какую-либо заслугу в результате сражения первого дня.

Как всегда, те, кто видит только тыл армии во время сражения, получают от вида и заявлений деморализованных отставших преувеличенные представления о состоянии тех, кто участвует в сражении. В том, что армия Гранта была в опасности и остро нуждалась в подкреплении, сомневаться не приходится. То, что армия Конфедерации понесла страшное наказание в первый день боев, несомненно. Борегар сообщает, что в понедельник он не смог ввести в бой 20 000 человек (11) — менее половины от того числа, которое было у Джонстона, когда началось сражение. Прибытие дивизий Нельсона и Лью Уоллеса шестью часами ранее, вероятно, придало бы сражению первого дня иной аспект. Армия Огайо в то время состояла, как правило, из лучше оснащенных, дисциплинированных и более старых войск, хотя и не привыкших к сражениям, чем большинство военнослужащих армии Теннесси.

Хотя наступила ночь, темная и дождливая, когда четыре дивизии армии Бьюэлла достигли западного берега Теннесси, а дивизия Лью Уоллеса прибыла справа, Грант приказал осмотреть местность впереди и привести всю армию в готовность перейти в наступление на рассвете следующего утра. Уоллес был выдвинут вперед на крайнем правом фланге выше устья Совиного ручья, а Шерман, Макклерланд и Херлбат в названном порядке слева от Уоллеса, затем Маккук (А. McD.), (12) Криттендену (Томас Т.) и Нельсону (ум.) были отведены позиции в названном порядке, от Херлберта слева, Нельсон на крайнем левом фланге, далеко в направлении Лик-Крик; все они продвинулись (за исключением Маккука) ночью на значительное расстояние от позиций армии Теннесси к концу дня. битва.(13)

Артиллерия Бьюэлла прибыла и ночью заняла позиции на батареях. Генерал Джордж Х. Дивизия Томаса и одна бригада генерала Томаса Дж. Дивизия Вуда не прибыла вовремя к месту сражения. Там присутствовали командующие бригадами армии Огайо, бригадные генералы Ловелл Х. Росс, Дж. Т. Бойл, полковники Джейкоб Аммен, У. Суи Смит, У. Н. Кирк (34-й Иллинойс) и Уильям Х. Гибсон (49-й Огайо). Эти полковники позже стали генеральскими офицерами.

Вскоре после 5 часов утра вся армия Союза двинулась вперед, неуклонно укрепляя позиции до 6 часов утра, когда были достигнуты сильные позиции армии Борегара с его артиллерией на

позициях, и сражение стало всеобщим и бушевало с большей или меньшей яростью на протяжении большей части дня, пока армия Конфедерации не была отброшена на всех участках, потеряв несколько орудий и пленных, помимо убитых и раненых. Последняя оборона противника была предпринята около 3 часов дня перед лагерем Шермана накануне сражения первого дня. И Грант, и Бьюэлл сопровождали войска, часто лично руководя атаками, как и командиры дивизий и бригад. Поздно вечером Грант подъехал с парой полков к краю поляны недалеко от церкви Шайло и приказал им *"Атаковать"*. Они ответили криком и побежали через проем, заставив врага сломаться и рассеяться. На этом практически закончилась двухдневная памятная битва у старой бревенчатой церкви, с которой все и началось.(14)

Армия миссисипских конфедератов, вышедшая всего за четыре дня до этого, полная надежд и самоуверенности, из своего укрепленного лагеря в Коринфе, вскоре начала поспешное отступление. Ее командир был мертв; многие из ее лучших офицеров были убиты или ранены; ее колонны были разбиты и деморализованы; большая часть ее материальной части была уничтожена; надежда и уверенность были рассеяны, и все же она продолжала организованное отступление к своим укреплениям в Коринфе. Борегар заявил о какой-то победе в этом деле.(15)

Из Монтерея 8 апреля Борегар направил Гранту записку, в которой говорилось, что из-за истощения его войск из-за чрезвычайной продолжительности сражения он вывел их из боя, и просил разрешения отправить на поле боя конный отряд для захоронения погибших в сопровождении некоторых джентльменов, желающих забрать тела своих сыновей и друзей. На это Грант ответил, что из-за теплой погоды он распорядился похоронить погибших с обеих сторон немедленно.(16)

Общие потери армии Теннесси за оба дня составили 87 офицеров и 1426 рядовых убитыми, 336 офицеров и 6265 рядовых ранеными, всего убитых и раненых 8114. В плен и без вести пропавшими попали 115 офицеров и 2318 рядовых, всего 2433 человека, общие потери - 10 547.(16)

Общие потери армии штата Огайо составили 17 офицеров и 224 рядовых убитыми, 92 офицера и 1715 рядовых ранеными, всего 2048 человек. В плен попало 55 человек. (16) Общее количество убитых, раненых, взятых в плен или пропавших без вести из двух армий Союза составило 12 650 человек.

Первые сообщения о потерях обычно носят неполный оценочный характер и неточны из-за отсутствия полной информации. Приведенное выше описание потерь приведено на основе пересмотренных списков. Отчет Гранта о потерях существенно не отличается от приведенного выше.(17)

Потери армии Конфедерации в двухдневном сражении, как указано в отчете Борегара от 11 апреля, составили 1728 убитых, 8012 раненых; общее количество убитых и раненых - 9740, пропавших без вести - 959, общее количество пропавших без вести - 10 699. (16) Грант утверждал, что отчет Борегара был неточным, поскольку указанные выше 1728 человек были похоронены, по фактическим подсчетам, только перед дивизиями Шермана и Макклернанда. Похоронные группы оценили число убитых в 4000 человек.(17)

Помимо Джонстона, командующего армией, было убито и ранено много офицеров Конфедерации. Достопочтенный. Джордж У. Джонсон, затем принявший на себя обязанности временного губернатора Кентукки от Конфедерации, был убит во время боя в рядах на второй

день; генерал Гладден был убит в первый день, а генералы Читэм, Кларк, Хиндман, Б. Р. Джонсон и Боуэн были ранены.

С тех пор во время войны мало кто хвастался превосходством солдат-южан над солдатами-северянами. Обе армии сражались с мужеством, достойным их расы и национальности. На американцев всегда можно положиться в этом, когда ими хорошо командуют. Я уже занял больше места, чем первоначально намеревался, описывая основные черты битвы при Шайло, и сейчас я не могу продолжить кампанию дальше, чем сказать, что генерал Халлек прибыл в Питтсбург-Лэндинг 11 апреля и принял командование в первый и единственный раз на поле боя. Вскоре он привлек к себе третью армию (армию Миссисипи) численностью около 30 000 человек под командованием генерала Джона Поупа.

Остров № 10, расположенный в излучине Миссисипи выше Нью-Мадрида, был рано занят конфедератами крупными силами, хорошо укрепленными, в надежде, что его удастся удержать и таким образом перекрыть реку Миссисипи войскам Союза с Севера. Вскоре после взятия форта Донельсон флаг-офицер Фут вывел свою флотилию канонерских лодок в Миссисипи и совместно с армией под командованием генерала Джона Поупа предпринял попытку захвата острова. Поуп перебросил около 20 000 человек в Пойнт-Плезант, на западный берег реки, 6 марта 1862 года, что вынудило конфедератов 14-го числа эвакуироваться из Нью-Мадрида, расположенного на том же берегу реки, примерно в десяти милях выше Пойнт-Плезант и на таком же расстоянии ниже острова. Поуп прорубил, или *"распилил"* канал от точки над островом № 10 через лес к Уилсону и протоке Сент-Джонс, ведущей в Нью-Мадрид.(18) Позиция конфедератов с их батареями и редутами на восточном берегу реки была все еще настолько сильна, что Поуп со своей армией в одиночку не мог ее взять. Канонерские лодки были атакованы с севера, но им не удалось выбить противника. Фут, несмотря на просьбу Поупа, не считал возможным, чтобы канонерская лодка прошла мимо батарей и направилась на помощь армии в Пойнт-Плезант. С помощью канонерских лодок Поуп мог переправить свою армию на восточную сторону и таким образом перекрыть все поставки для армии Конфедерации на острове. Капитан США Генри Уолк, выразивший готовность попытаться пройти мимо острова и батарей с помощью *Каронделе*, получил приказ сделать это. Соответственно, он подготовился, взяв на борт капитана Хоттенштейна и двадцать три снайпера 42-го Иллинойского полка. Все матросы были вооружены; ручные гранаты лежали в пределах досягаемости, а к котлам были прикреплены шланги для подачи обжигающей воды, чтобы отогнать abordажные группы. Подготовленный таким образом, *"Каронделе"* в ночь на 4 апреля "в черной тени грозы" благополучно миновал остров и батареи. По нему был открыт огонь, но он достиг Нью-Мадрида, не потеряв ни одного человека. *"Питтсбург"* под командованием лейтенант-коммандера Томпсона подобным же образом прошел испытание без травм, также во время грозы 7 апреля. Эти две канонерские лодки в тот же день успешно атаковали батареи конфедерации на восточном берегу и прикрывали переправу армии Поупа. Видя, что побег невозможен, гарнизон острова сдался флаг-офицеру Футу 7 апреля, в тот же день, когда конфедераты были изгнаны с поля при Шайло. Утром 8-го Поуп преследовал и захватил в плен почти все отступающие войска. Генерал У. У. Макколл, командовавший островом № 10, и два других генерала, более 5000 человек, 20 единиц тяжелой артиллерии, 7000 единиц вооружения, а также большое количество боеприпасов и провизии были взяты без потери солдата Союза.(19)

Только 30 апреля армия Халлека двинулась на Коринф. Грант, хотя и номинально командовал правым крылом, был не более чем наблюдателем, поскольку приказы этому крылу даже не передавались через него. В течение тридцати дней Халлек перемещался и укреплял траншеи, делая в среднем не более двух третей мили в день, пока 30 мая он не вошел в Коринф и не обнаружил, что тот полностью эвакуирован. Он сразу же приступил к строительству укреплений для 100 000 человек. Но вскоре началось рассеивание этой великой армии; армия Огайо (Бьюэлла) была отправлена на восток вдоль линии железной дороги Мемфис-Чарльстон с приказом ремонтировать дорогу по ходу движения. Вскоре мы встретимся с этой армией и расскажем о ее будущих передвижениях к реке Огайо — при отступлении после армии Брэга.

Грант, недовольный обращением с ним в связи с оккупацией Коринфа, по его собственной просьбе был освобожден от любых обязанностей в отделе Халлека. Позже, по совету Шермана, он решил остаться, но перенести свою штаб-квартиру в Мемфис, куда он отправился 21 июня верхом на лошади с небольшим эскортом.

11 июля 1862 года Халлек был уведомлен о своем назначении командующим всеми армиями со штаб-квартирой в Вашингтоне. Поэтому Гранта снова отозвали в Коринф. Он достиг этого места и принял командование 15 июля, Халлек отбыл два дня спустя, чтобы никогда больше не выходить на поле боя лично. Последний не был под огнем во время войны и никогда не командовал армией в бою. Здесь мы оставляем Гранта и его блестящую карьеру на Западе. Вскоре мы снова поговорим о нем, и еще позже, когда он будет командовать всеми армиями Союза (включая Халлека), но со штабом в полевых условиях при Потомакской армии.

(1) *Военные отчеты*, том vii., стр. 904, 911.

(2) *Там же.*, том x., часть I., стр. 398 (396).

(3) *Там же.*, том x., часть I., стр. 112.

(4) *Военные отчеты*, том x., часть I., стр. 392-7.

(5) *Военные отчеты*, атлас, Таблица XII.

(6) *Там же.*, том x., часть I., стр. 112.

(7) *Битвы и лидеры*, том i, стр. 466.

(8) Карты, показывающие позиции войск каждой армии в оба дня, см. в *"Битвы и лидеры"*, том i, стр. 470, 508.

(9) Дневник генерала Аммена, отчеты Нельсона и Аммена, *Военные отчеты*, том x, часть I., стр. 323, 328, 332.

(10) Аммен, *там же.*, том x., часть I., стр. 334, 337.

(11) *Военные отчеты*, том x., часть I., стр. 391 (398).

(12) МакКук приехал только рано утром 7-го. *Военные отчеты*, том x., часть I., стр. 293.

(13) Официальная карта, *Битвы и лидеры*, том i, стр. 598.

(14) *Мемуары* Гранта, том i, стр. 351.

(15) *Военные отчеты*, том х., часть II., стр. 384-5, 424, 482 (407-8).

(16) *Военные отчеты*, том х., часть I., стр. 111, 105, 108, 391.

(17) *Битвы и лидеры*, том i, стр. 485.

(18) *Битвы и лидеры*, том i, стр. 460.

(19) *Битвы и вожди*, том i, стр. 446 и др.

Кампания Митчелла в Северной Алабаме—Рейд Эндрюса в Джорджию и захват локомотива—Дело в Бриджпорте—Разграбление Афин, штат Алабама, и военный трибунал полковника Турчина—Сожжение Пейнт—Рока полковником Битти—Другие инциденты и личные упоминания—Митчел освобожден от должности

Дивизию генерала Митчелла (к которой я принадлежал) армии штата Огайо мы оставили в Нэшвилле, готовую перейти на самостоятельную линию. Когда другие дивизии двинулись к Саванне, Митчел 18 марта 1862 года возобновил свой марш на юг, разбив лагерь в первую ночь в Лаверни, в пятнадцати милях от Нэшвилла. На следующий день мы маршировали по дороге, ведущей мимо старых хлопковых полей, и чувствовали, что находимся в самом сердце рабовладельческого Юга. Рабы были явно другого типа, чем в Кентукки, хотя все еще имели множество оттенков цвета, варьирующихся от чисто африканского черного до маслянисто-белого. Во многих случаях приходилось прибегать к глазомеру, чтобы определить, есть ли в них хоть капля черной крови. Но эти негры были проникательны, и идея свободы преобладала в их умах. Они слышали, что Северная армия идет, чтобы освободить их. Их хозяева, вероятно, говорили об этом при них. Они верили, что пришло время для их освобождения. Какими бы необразованными они все ни были, они каким-то образом понимали, что были причиной войны. По мере продвижения нашей колонны, независимо от пола и в семьях, они покидали поля и свои дома, поворачиваясь спиной к хозяину и хозяйке, многие несли свои постельные принадлежности, одежду и другие пожитки на головах и спинах и выходили на обочины дорог, крича и распевая поурри из песен о свободе и религии, уверенно ожидая, что последуют за армией к немедленной свободе. Их было так много, что мы большую часть дня маршировали между почти непрерывными их рядами. Их разочарование было искренним и глубоким, когда им сказали, что они должны вернуться в свои дома: армия Союза не смогла их взять. Конечно, некоторые так и не вернулись, но основная масса из них вернулась и оставалась до тех пор, пока не был введен окончательный указ о начале войны и с них не спали цепи, которые никогда больше не были прикованы к их расе в Америке. Они кричали "Слава", увидев Звезды и полосы, как будто это было знамя защиты и свободы, а не эмблема державы, которая до сих пор держала их и их предков в рабстве. "Старый флаг" обладает особым очарованием для тех, кто служил под ним. Было заметно, что везде, где мы маршировали на Юге, особенно в Кентукки, Теннесси и Вирджинии, мы находили на обочинах дорог людей, которые сражались на мексиканской войне, часто со слезами на глазах, которые заявляли об искренней преданности флагу и Союзу.

20-го числа мы достигли Мерфрисборо без боя, небольшие силы Конфедерации отступали и разрушали мосты по мере нашего продвижения.

Дивизия была занята ремонтом железной дороги, и особенно восстановлением недавно разрушенного железнодорожного моста близ Мерфрисборо через реку Стоунс. Я усердно работал, руководя отрядом солдат на этом мосту. За десять дней он был восстановлен, хотя тяжелые бревна пришлось распиливать и тесать из зеленого бруса в близлежащем лесу. Армия Союза никогда напрасно не нуждалась в опытных механиках, строителях или инженерах-локомотивостроителях.

31-го я сел на поезд из девяти вагонов, отправляющийся в Нэшвилл за припасами для интендантов, комиссаров и боеприпасов, получив инструкции по ремонту в пути неисправных мест на железной дороге. Из-за разрушения мостов поезду и охране пришлось ехать более длинным маршрутом, чем прямой, преодолев расстояние более сорока миль. Мы отремонтировали железную дорогу, добрались до Нэшвилла и загрузили мои фургоны к вечеру второго дня. Город был деморализующим местом для солдат. Несколько моих бойцов из 10-го Огайо напились, и пока я ночью пытался вывести поезд и охрану из города, кто-то бросил камень, который попал мне в затылок, порезав кожу головы и вызвав обильное кровотечение. Я сел на поезд около полуночи, а затем стал искать хирурга, но в тот час так никого и не смог найти. Зная, что миссис Макминс, жена хирурга 3-го отделения в Огайо, находится в отеле "Сити", я вызвал ее, и она провела необходимую операцию и остановила кровотечение. Задолго до восхода солнца мой поезд был уже далеко в пути, и к 8 часам вечера 2 апреля он благополучно прибыл в наш лагерь в Мерфрисборо. Около Лаверни на него напала какая-то иррегулярная кавалерия или партизаны, но их легко отбросили. Такие войска, как правило, не стремились сражаться. Проведение поезда снабжения через страну, кишашую ими, сопряжено с большой ответственностью и опасностью и требует много энергии и мастерства.

3 апреля Митчелл, которого теперь снабжали, двинулся на юг, и на следующий день мы достигли Шелбивилля — города, известного большим количеством членов Профсоюза. Лояльность, казалось, была правилом, а не исключением. Флаг Союза был вывешен влиятельными людьми по дороге в Шелбивилл и в нем. Наши оркестры играли, когда мы въезжали в город, и было много проявлений радости по поводу нашего приезда. Это единственное место на Юге, где я был свидетелем такого приема. Я помню среди тех, кто приветствовал нас, имена Уоррена, Гурни, Стори, Купера и Уизнера.

Находясь здесь, полковник Джон Кеннетт с частью своего 4-го кавалерийского полка штата Огайо совершил рейд на юг и захватил поезд на железной дороге Нэшвилл-Чаттануга и около пятнадцати пленных.

Незадолго до того, как мы добрались до Шелбивилля, Митчелл отправил группу из восьми переодетых солдат под предводительством гражданина Кентукки, известного как капитан Дж. Эндрюс, проникнуть в ряды конфедерации и проследовать через Чаттанугу в Атланту, имея какую-то смутную идею захватить состав из вагонов или локомотив и сбежать с ними, сжигая за собой мосты. Отряд достиг места назначения, но из-за отсутствия инженера, который обещал присоединиться к нему в Атланте, от плана отказались, и каждый из отряда благополучно вернулся, присоединившись к своим полкам в Шелбивилле. Эндрюс, все еще желая осуществить свой план, организовал вторую группу, состоящую из него самого и другого гражданина Кентукки, У.М. Кэмпбелла, и двадцати четырех солдат, выделенных из полков штата Огайо, семи из 2-го, восьми из 33-го и девяти из 21-го. (1) Эта группа выступила из Шелбивилля в понедельник вечером, 7 апреля 1862 г., переодетые гражданами, утверждающие, что были

изгнаны из своих домов в Кентукки армией Союза и направились на юг, чтобы присоединиться к армии Конфедерации. Они должны были путешествовать поодиночке или парами по дорогам, не посещаемым ни той, ни другой армией, но таким, по которым обычно ездят настоящие беженцы из Кентукки, до Чаттануги или какой-нибудь станции, откуда на автомобилях можно доехать до Мариетты, Джорджия, где вся группа должна была собраться через четыре дня, готовая сесть на поезд на север следующим утром (в пятницу). Эндрюс снабдил каждого человека достаточным количеством денег Конфедерации для оплаты счетов. Было понятно, что если кто-либо из них попадет под подозрение и ему будет угрожать поимка, они должны будут записаться в армию Юга, пока не представится возможность сбежать. Эндрюсу и его группе было известно, что Митчел должен был отправиться в Хантсвилл, штат Алабама, через день или два, и Эндрюс надеялся, что сможет сбежать со своим захваченным поездом через Чаттанугу, оттуда на запад по железной дороге Мемфиса и Чарльстона и присоединиться к Митчелу в какой-нибудь точке к востоку от Хантсвилла.

Расстояние было слишком велико, чтобы вся группа могла добраться до места назначения до пятницы, и по дороге Эндрюс успел уведомить большинство своих людей, что предприятие не будет предпринято до субботы. Около полуночи 11 апреля участники группы добрались до Мариетты и, за двумя исключениями, провели ночь в небольшой гостинице недалеко от депо. Биг-Шэнти (где пассажирам раннего утреннего поезда разрешалось позавтракать), к северу от Мариетты, был местом, где группа предложила захватить локомотив и ту часть поезда, которая могла показаться практически осуществимой, машинисту (Брауну) из группы направить его на север, останавливаясь с интервалами, достаточными только для того, чтобы перерезать телеграфные провода, предотвратить передачу информации вперед, разорвать короткие участки пути, чтобы предотвратить преследование, и сжечь мосты, последний был главной целью рейда. Портер и Хокинс из группы, которые остановились в другом отеле, не были вовремя разбужены и, следовательно, не участвовали в дерзком поступке, ради которого была организована вечеринка.

Ночью Эндрюс тщательно проинструктировал сотрудников своего отеля, объяснив каждому, чего от него ожидают. Эта вечеринка была для него почти незнакомым человеком еще пять дней назад, и вряд ли двое из них, хотя и служили в одном полку, до тех пор знали друг друга. Никогда прежде для столь экстраординарной попытки не было собрано столь неуместного отряда. Я знал одну из них — сержант-майора Мэрион А. Росс из 2-го Огайо. У него не было ни предварительной подготовки, ни особых навыков для такой экспедиции. Он был фермерским мальчиком (Champaign Co., Огайо), отличавшимся более чем обычной скромностью, без какого-либо элемента безрассудной отваги в его натуре. У него были почти белые шелковистые льняные волосы, и в Антиохийском колледже, где я впервые встретил его, он редко общался со своими школьными товарищами в играх или развлечениях. Его называли дамским угодником, и это потому, что он не любил активные занятия, которыми обычно увлекаются молодые люди.

Говорят, что когда Росс выяснил количество поездов, регулярных и нерегулярных, которыми военные нужды перекрыли железную дорогу, а также оценил расстояние, которое предстояло преодолеть, он в последний момент попытался отговорить Эндрюса от осуществления этого предприятия. В этом он потерпел неудачу, но Эндрюс предоставил любому из участников, которые сочли проект слишком опасным, право отказаться от него.⁽²⁾ Однако ни один из них не воспользовался этой свободой. Росс понимал, что план обречен на провал, но был слишком мужествен, чтобы бросить своих товарищей.

Субботним утром, еще до рассвета, группа разместилась в одном пассажирском вагоне и двинулась на север. В этом и других вагонах находилось несколько сотен пассажиров. (3) На рассвете, в восьми милях от Мариетты, поезд остановился, и машинисты крикнули: "*Большая лачуга — двадцать минут на завтрак*". При этих словах кондуктор, машинист, кочегар и машинисты вместе с большинством пассажиров покинули поезд. Таким образом, Эндрюсу и его группе была предоставлена желанная возможность. Они не колебались. На трех вагонах, вернувшихся с тендера, включая только товарные вагоны, была вытянута сцепная втулка, а пассажирские вагоны отрезаны. Эндрюс монтировал двигатель, Браун и Найт были инженерами, а Уилсон - пожарным. Другие заняли места тормозных, помощников и охранников, и, к изумлению прохожих, локомотив быстро двинулся на север. Кондуктор, машинист и машинисты поезда были ошеломлены. Захват был осуществлен, но как миновать поезда и станции на долгом пути в Чаттанугу; и как миновать это место, и при этом преодолеть сотню миль по железной дороге Мемфиса и Чарльстона, прежде чем они окажутся в пределах границ Союза в Хантсвилле? Поезд проехал совсем небольшое расстояние, когда его остановили и перерезали телеграфные провода, затем он снова двинулся дальше, время от времени останавливаясь достаточно надолго, чтобы Эндрюс и его люди могли разобрать рельсы позади себя. Они добрались до Кингстона, в тридцати двух милях к северу, где должны были сделать остановку, но, заявив, что их поезд был эшеломом с порохом, спешащим к армии Борегара, им разрешили пройти дальше; так что бегство продолжалось до тех пор, пока не были минованы Далтон и туннель к северу от него. Кондуктор Фуллер отправился пешком из Биг-Шэнти с небольшой группой, затем раздобыл ручную тележку, а в Далтоне - локомотив. Его стремление было одновременно энергичным и разумным. В Далтоне ему удалось передать телеграмму в Чаттанугу с уведомлением о приближении налетчиков. Захваченный локомотив, известный как *General*, оказался неисправным, вскоре закончилось топливо, и, наконец, преследователи появились в поле зрения. Машины были сброшены, мосты подожжены, но преследователи продвинули машины вперед и потушили пламя. Наконец, недалеко от Чаттануги *генерал* был оставлен, и налетчики рассеялись по лесам и, как правило, поодиночке пытались избежать поимки; но поскольку вся страна была взбудоражена и солдаты Конфедерации были поблизости, большая часть отряда вскоре была схвачена; один или двое избежали разоблачения, смело отправившись на вербовочные пункты и записавшись в армию Конфедерации. История страданий, испытаний и судьбы этого отважного отряда - одна из самых захватывающих и трагических за всю войну. Она слишком длинная, чтобы ее здесь пересказывать. Захваченные были заключены в тюрьму в Чаттануге, а Эндрюс, лидер (после совершения одной попытки побега), был сильно избит, и в Чаттануге был подготовлен эшафот для его казни, но по какой-то причине он и его спутники были переведены в Атланту, где в день их прибытия его отвели на эшафот и повесили, а его тело похоронили в безымянной и до сих пор неизвестной могиле. (3) Он умер храбро, смирившись со своей судьбой. Он был человеком спокойного поведения, необычайной решимости и более чем обычных способностей. Он был судим и приговорен чем-то вроде военного трибунала, обвинен в нелояльности к Конфедерации и повешен как шпион. (3) Другие люди с большей известностью умерли на виселице, а другие с меньшими заслугами заняли высокие посты.

Семеро из группы были доставлены в Ноксвилл, а в июне 1862 года предстали перед военным трибуналом и приговорены к повешению как шпионы. Кэмпбелл, Уилсон, Росс, Шадрок, Славен, Робинсон и Скотт были повешены 18 июня по приказу генерала Э. Кирби Смита в Атланте. (3) Их тела были похоронены в грубо вырытой траншее у подножия эшафота.

Благодарное правительство распорядилось вскрыть эту траншею и перенести бранные останки этих несчастных героев жестокой войны на прекрасное Национальное кладбище близ Чаттануги и похоронить среди героев Чикамоги, чтобы они покоились там до тех пор, пока Великая Армия погибших солдат не будет призвана восстать утром воскресения.

Восемь других, Браун, Найт, Портер, Вуд, Уилсон, Хокинс, Уоллам и Дорси, претерпев в тюрьме нечто большее, чем смертные муки, различными способами и в разное время сбежали; и после подобных страданий шестеро других, Паррот, Баффем, Бенсингер, Реддик, Мейсон и Питтенгер, были (март 1863 г.) обменены. Эти четырнадцать человек, за исключением Вуда и Баффема, живших в 1881 году, были почетными и порядочными гражданами. Питтенгер был членом методистской епископальной конференции Нью-Джерси и автором книги *"Захват локомотива"*, в которой рассказывается об этом трагическом событии во всех его болезненных подробностях.

Дивизия Митчелла возобновила свой марш на юг 9 апреля и достигла Фейетвилля на следующий день; две бригады — Турчина и Силла — продолжили марш в направлении Хантсвилля по железной дороге Мемфис-Чарльстон. В Фейетвилле жители, казалось, были совершенно нелояльны и не оказали никакого гостеприимства. Хантсвилл был застигнут врасплох и захвачен до рассвета 11 апреля. Было захвачено большое количество вагонов и пятнадцать локомотивов. (4) На складе был обнаружен один поезд, груженный новобранцами для армии Борегара в Коринфе. Многие конфедераты, раненные при Шайло, были схвачены и условно освобождены. На следующий день в Стивенсоне были захвачены еще пять локомотивов и большое количество подвижного состава. (4)

Единственный случай, засвидетельствованный мной во время войны, когда группа солдат отказывалась подчиняться приказам, произошел в 10-м полку Огайо, когда в Фейетвилле было приказано готовиться к маршу, каждому нести свой рюкзак. В некоторых случаях до этого в повозках компании перевозили ранцы солдат. Полковник У.М. Х. Литл (в то время командовавший бригадой), будучи сильно огорчен и взбешен неподчинением своего полка, приказал направить на него отделение батареи, достал часы и дал солдатам две минуты на то, чтобы взять свои рюкзаки и быть готовыми к маршу. Приказ был безропотно выполнен, и инцидент больше не повторялся. Этот полк был хорошим, и позже он отличился доблестью и хорошим солдатским поведением.

По мере того как мы продвигались на юг, в хлопковые районы, рабов становилось все больше, и они по-прежнему стекались к обочинам дорог, стремясь последовать за армией. Все верили, что "армия янки" пришла исключительно для того, чтобы освободить их.

Полковник Джон Битти был назначен маршалом-провостом и президентом Административного совета Хантсвилля.

Хантсвилл был красивым, аристократичным маленьким южным городком. Особенностью его был большой источник недалеко от его центра, который обеспечивал обильный запас воды для людей и животных большой армии. Это был дом алабамских Клэев, сплошь нелояльных; бывшего сенатора Джерри Клеменса, который рано был членом Профсоюза, но позже был склонен принять отделение как свершившийся факт; затем, когда Союз занял Северную Алабаму, он смело выступал за возвращение штата в состав Союза. Полковник Ник Дэвис,

также бывший член Профсоюза, сначала выступал против отделения; затем, после Булл-рана, принял звание полковника в алабамском повстанческом полку; затем отказался от него и с тех пор пытался оставаться верным Профсоюзу. Поведение таких сильных людей, как Клеменс и Дэвис, не вызывает удивления, если принять во внимание их окружение. Было много таких, кто, чувствуя себя обязанными продолжать свое пребывание на Юге и веря после Булл-Рана, что Конфедерация создана, уступили своему сопротивлению.

Здесь проживал преподобный Фредерик А. Росс, выдающийся пресвитерианский священник, проповедовавший божественность рабства.(5) Преподобный Росс был арестован генералом Руссо и отправлен на север в тюрьму за то, что публично молился в своей церкви в Хантсвилле (во время оккупации армией Союза) за успех Конфедерации, свержение Союза и поражение его армий.

Было несколько человек, среди которых distinguished. Джордж У. Лейн (позже назначен судьей Соединенных Штатов), который твердо придерживался Профсоюза. Эта часть Алабамы к северу от Теннесси выступала против отделения.

Клемент Комер Клей, юрист, который был солдатом на войне с индейцами Крик, главным судьей своего штата, служил в обеих палатах Конгресса и был губернатором Алабамы, был арестован и предстал перед судом в Хантсвилле, когда ему было семьдесят три года, военной комиссией, председателем которой я был. Против него было выдвинуто несколько обвинений, самое серьезное из которых касалось оказания помощи партизанам и советов им тайно расстреливать солдат Союза, перерезать телеграфные линии и крушить поезда. Это обвинение он яростно отрицал до тех пор, пока не было предъявлено письмо, написанное его собственным почерком, недавно адресованное главарю партизан, в котором он советовал ему и его группе совершить упомянутые действия. С ним не подверглись суровому обращению, но его отправили в Кэмп-Чейз, штат Огайо, для содержания под стражей. Позже он был освобожден и умер в Хантсвилле в 1866 году. Его сын, Клемент Клейборн Клей, был судьей, а впоследствии сенатором Соединенных Штатов. Он вышел из состава Сената в феврале 1861 года и был официально исключен в марте 1861 года. Он стал сенатором в Конгрессе Конфедерации в 1862 году, а в течение последних двух лет войны был секретным агентом Конфедерации в Канаде, где планировал рейды на северную границу.

Генерал О. М. Митчел придерживался передовых взглядов на обращение с рабами хозяев, выступающих с оружием в руках против правительства. Рабы таких хозяев, по его мнению, должны быть конфискованы. Он использовал нескольких рабов в качестве шпионов, чтобы добывать информацию о враге и обнаруживать секретные запасы Конфедерации, и им он обещал защиту, если не свободу. Госсекретарь Стэнтон одобрила его действия и взгляды в этом вопросе.(6)

Но Бьюэлл, его непосредственный командир, полностью осуждал любое использование рабов каким-либо образом в качестве инструментов подавления восстания. Поэтому Митчелл вскоре впал у него в немилость. Бьюэлл, узнав, что Митчел нанял нескольких трудоспособных беглых рабов, чтобы помочь солдатам в строительстве частоколов для защиты железнодорожных мостов, которые необходимо поддерживать для доставки припасов, приказал Митчелу послать офицера проследить, чтобы нанятые таким образом рабы были немедленно возвращены своим хозяевам. Соответственно, Митчелл приказал мне взять небольшую охрану и с локомотивом и автомобилем отправиться к мостам к западу от Хантсвилла и к северу от реки Теннесси, на

железнодорожной линии от Декейтера через Афины в сторону Нэшвилла, чтобы выполнить этот приказ Бьюэлла. Я выполнил это с точностью доодной только буквы. Выполняя эту неприятную обязанность, я наткнулся на место, где разведывательный отряд под командованием лейтенанта, посланного Митчелом, задержал двух переодетых в гражданскую форму партизан Конфедерации, только что пойманных с поличным за перерезание телеграфных проводов, что, по заявлению Митчелла, каралось смертной казнью. Разведывательный отряд продолжил подвешивать их проволокой к телеграфным столбам. Я не одобрял дисциплинарное взыскание, но был бессилён и не имел власти над офицером; и тогда занимался только возвращением рабов их владельцам.

До этого приказа Бьюэлла Конгресс принял закон в качестве Статьи военного кодекса, запрещающий использование любых вооружённых сил Соединённых Штатов "с целью возвращения лиц, скрывающихся со службы или с работы, которые, возможно, сбежали, и любой офицер, признанный военным трибуналом виновным в нарушении этой статьи, подлежит увольнению со службы".(7) Приказ и мое исполнение его были в равной степени нарушением закона, за отдачу и исполнение которого и Бьюэлл, и я могли быть уволены со службы. Сразу после захвата форта Донельсон Грант издал приказ, запрещающий возвращение беглых рабов со своей армией и всех рабов, находившихся в форте Донельсон на момент его захвата.(8)

И Стивенсон, и Декейтер, расположенные к востоку и западу от Хантсвилла, были захвачены Митчеллом 12 апреля с помощью трофейных локомотивов и вагонов, и вскоре его командование было настолько расширено, что удерживало сто миль железной дороги между Стивенсоном и Тускумбией. Однако в конце того же месяца войска были выведены из Тускумбии и к югу от Теннесси. 3-й и 10-й Огайо, находившиеся в Декейтере, эвакуировали его согласно приказу и в ночь на 27 апреля сожгли железнодорожный мост (длиной в полмили) через реку Теннесси.

В тот же день началась экспедиция в Бриджпорт, где железная дорога снова пересекает Теннесси, и где генерал Дэнвилл Ледбеттер командовал небольшим отрядом на западном берегу реки, несколько укрепленном траншеями. Экспедиция состояла из двух рот кавалерии, двух артиллерийских орудий и шести полков пехоты под командованием Митчелла. Из-за разрушения конфедератами моста через Видоуз-Крик было невозможно перевезти по железной дороге артиллерию с кессонами и лошадьми ближе, чем на четыре мили от Бриджпорта. С помощью тюков хлопка две пушки были переброшены через глубокий ручей, а артиллерийские лошади и кессоны с дополнительными боеприпасами остались позади. Орудия были подтащены двумя ротами 3-го Огайо, и вся экспедиция продвинулась к гребню холма примерно в пятистах ярдах от редутов Лидбеттера, недалеко от северной оконечности моста. Противник был застигнут врасплох или деморализован, и Ледбеттер не решался ни отступить, ни сражаться до тех пор, пока один-два выстрела из нашей пушки не опустошили его редуты и укрепленные позиции у конца моста.

Его орудия поспешно погрузили на платформу, и было предпринято поспешное отступление через Теннесси по железнодорожному мосту; но прежде чем всем войскам Конфедерации удалось переправиться, Лидбеттер приказал взорвать двести фунтов пороха с целью взорвать восточный пролет моста. Взрыв не сработал, поэтому был подожжен подъемный мост на восточной оконечности, чтобы завершить его разрушение.(9) Но было сделано несколько захватов. Ледбеттер также покинул свой лагерь к востоку от реки и был вынужден оставить два орудия, установленные на восточном берегу. Один из рейдеров "Эндрюс" из 33-го полка Огайо,

который, чтобы спастись от поимки и наказания, присоединился к батарее капитана Кейна и исполнял обязанности сержанта артиллерии с двумя захваченными орудиями, спрятался под берегом реки и подал сигнал о своем желании сдаться. Ему разрешили перейти к нам, и, поскольку здесь присутствовал его старый полк, он сразу же присоединился к нему.

Митчел передал свое командование в Бриджпорт с большой скоростью и мастерством, но он проявил нервный характер, из-за чего создавалось впечатление, что в крупном сражении он будет слишком взволнован для командира.

Сразу после отступления Ледбеттера кавалерийский отряд появился ниже Бриджпорта в открытом поле, не зная, что это место занято, и был бы взят в плен, если бы Митчелл не приказал открыть по ним огонь до того, как они подойдут достаточно близко, чтобы быть отрезанными.

Утром 30-го меня послали во главе отряда через Теннесси на разведку в направлении Чаттануги. Мы соорудили импровизированные плоты из бревен и бруса для перевозки солдат, а нескольких лошадей для конных офицеров загнали в реку и, привязав их головы к плотам, заставили переплыть восточное русло Теннесси. Мы захватили два упомянутых ружья, несколько мушкетов и припасы в лагерях противника и обнаружили свидетельства поспешного бегства конфедератов. Сделав крюк, мы попали в долину, обрамленную с востока горой Раккун, и посетили крупный завод по производству селитры в пещере Ник-а-Джек. Эти сооружения мы уничтожили, разбив большие железные котлы и подожгли все горючие конструкции. Часть отряда была отправлена под прикрытием густого леса к железной дороге к востоку от Шеллмаунда, станции у реки, где мы рассчитывали отрезать путь поезду из вагонов, занятых погрузкой, для вывоза, запасов провизии. Машинист за несколько минут до того, как группа достигла железной дороги, направил свой паровоз к водопроводной станции, расположенной к востоку от места нашего пересечения, и таким образом избежал поимки. Мы, однако, захватили в плен одного капитана и около дюжины человек, а также вагоны поезда и значительные припасы, все это нам пришлось уничтожить, за исключением нескольких отборных, столь необходимых окороков. Все это мы погрузили на платформу, которую отогнали примерно на десять миль к восточному краю разрушенного моста. Этот налет на несколько дней вызвал в Чаттануге сильное волнение. Сообщалось, что отряд в Шеллмаунде насчитывал 5000 человек, и Ледбеттер приказал сжечь "все мосты на железной дороге и проселочных дорогах" и отступить к Лукаут-Маунтин.(10) Тогда было бы легко взять Чаттанугу. Полтора года спустя это стоило многих жизней и стало едва ли не единственным трофеем Союза в битве при Чикамоге.

Во время этого рейда я узнал от пленных, что Фаррагут и Батлер 29 апреля 1862 года вступили во владение Новым Орлеаном. Это была первая информация об их успехе, полученная на Севере.(11)

Моя экспедиция была первой вооруженной в ходе войны на материковой части Джорджии.

Вернувшись на западный берег реки, я обнаружил, что мой полк вместе с другими получил приказ выступить в 9 часов вечера в Стивенсон, пункт назначения Афины, штат Алабама. Противник под командованием полковника Дж. С. Скотта атаковал (1 мая) и выбил из Афин 18-й Огайо под командованием полковника Т. Р. Стэнли. Это дело не было похвальным ни для одной из сторон. Говорили, что войска под командованием Скотта укрывались в домах, из которых они стреляли по людям Стэнли, когда последние убегали по улицам, и утверждалось, что граждане помогали расстреливать солдат Союза, хотя это так и не было доказано. Скотт в своем отчете

Борегару, датированном днем боя, хвастался, что "парни взяли мало пленных, их выстрелы оказались исключительно смертельными".(11)

Само по себе это дело не имело большого значения, поскольку полковник Скотт был изгнан из Афин следующей ночью, а на следующий день пересек Теннесси, захватив только багаж Стэнли, четыре фургона и двадцать человек, понеся убитыми и ранеными большие потери, чем он нанес.

Этот инцидент стал одним из самых исключительных событий за всю войну.

Полковник Джон Бэзил Турчин из 19-го Иллинойского полка, командующий бригадой дивизии Митчелла, прибыл в Афины 2 мая, и, как было сказано, в отместку за предполагаемое плохое поведение горожан днем ранее он удалился в свою палатку и предоставил ее на два часа для разграбления своим командованием. Утверждалось, что в это время в частные дома вторгались, изымали и уносили деньги и ценности, а также совершали отвратительные бесчинства. Турчин был русским, (12) опытным солдатом и военным, получившим образование в лучших школах Европы. Он служил в генеральном штабе российского царя и в Императорской гвардии, дослужившись до звания полковника, и служил своему царю также в Венгерской войне 1848-49 годов и в Крымской войне 1854-56 годов.

Более чем возможно, что он усвоил представления о способах обращения с собственностью противника, включая его рабов, и о методах обращения с захваченными городами и их жителями, которые не согласуются с современными, более гуманными и цивилизованными правилами ведения войны, и верил в них.

Он не верил, что армия вторжения может успешно вести войну, а ее офицеры и солдаты будут выступать в роли миссионеров милосердия, защитников и сохранителей собственности враждебных жителей. Позже, после того как генерал Маккосланд сжег Чемберсбург, Пенна, на Турчина обрушилось меньше критики за его поведение в Афинах.

Его поведение и поведение его командования, несомненно, были преувеличены во многих деталях, но правдивости было достаточно, чтобы вызвать много комментариев и яростных порицаний. Дело было особенно неудачным с точки зрения места, поскольку Афины по праву славились количеством жителей, которые честно служили делу Союза.

Генерал Митчелл отправился в Афины, услышав, что они разграблены, обратился к гражданам, убедил их организовать комитет для рассмотрения всех жалоб и представления отчетов по ним; затем приказал командиру бригады обыскать каждого подчиненного ему солдата, а каждому офицеру дать честное слово в письменной форме, что у него не было разграбленного имущества. Впоследствии комитет сообщил об этом, но никаких обвинений поименно ни одному офицеру или солдату предъявлено не было. Однако он представил счета сорока пяти граждан на общую сумму 54 689,80 долларов за предполагаемые грабежи. Обыск был произведен без каких-либо предметов, и отчеты полицейских показали, что у них не было украденного имущества.

В подразделении Митчелла были изданы строгие приказы против мародерства, которые впоследствии приводились в исполнение. Надругательства над женщинами, если таковые имели место, были значительно усилены.(13)

Бьюэлл арестовал Турчина, и позже он предстал перед судом, был признан виновным и приговорен к увольнению со службы в Соединенных Штатах, суд признал его виновным в "пренебрежении служебным долгом в ущерб надлежащему порядку и воинской дисциплине", а также в "неподчинении приказам" и в некоторых уточнениях обвинений, среди прочего, в том, что он "2 мая 1862 года или около того провел свою бригаду маршем в город Афины, штат Алабама, и, разложив оружие полков на улицах, совершил позволить своему командованию разойтись и в его присутствии или с его ведома и ведома его офицеров грабить жителей указанного города и прилегающей к нему страны, не предпринимая надлежащих мер для их сдерживания". Он признал себя виновным только по одному пункту, а именно в том, что разрешил своей жене находиться с ним в Афинах и сопровождать его во время службы в войсках на поле боя. Этот военный трибунал был создан по приказу Бьюэлла 5 июля 1862 года, и он заседал сначала в Афинах, а затем в Хантсвилле, штат Алабама, 20 июля. (14) Генерал Джеймс А. Гарфилд был его президентом, а полковники Джон Битти, Джейкоб Аммерн, Карран Поуп, Дж. Дж. Джонс, Марк Манди и Т. Д. Седжвик были другими членами.

Во время заседания суда генерал Гарфилд и полковник Аммен были гостями полковника Битти и моими в нашем лагере близ Хантсвилла. Хотя я встречался с Гарфилдом, ни с одним из них у меня не было предыдущего знакомства. Они были даже замечательными людьми — оба состоявшиеся и высокообразованные, многие из них ранее имели военное образование. У нас была возможность близко познакомиться с ними за обедом и в течение долгих вечеров, проведенных в обсуждении войны и всевозможных тем. Оба были прекрасными собеседниками и любили спорные беседы. Аммен, хотя и не только из тщеславия, был склонен занимать большую часть времени, и иногда он проводил целый вечер, рассказывая истории, пересказывая какое-либо событие или отстаивая свою точку зрения в споре. Он был самым старшим в группе и всегда интересным, поэтому его терпели в этом — вообще. Он был суеверен и до определенной степени верил в сверхъестественное, отрицая, что такая вера была слабостью, иначе "Наполеон и сэр Вальтер Скотт были слабейшими из людей". Генерал Битти так описывает случай из вечерней беседы (24 июля) в нашем лагере:

Мы поужинали и сразу же отправились в соседнюю палатку. Еще до того, как Гарфилд устроился на своем складном табурете, он заговорил непринужденно и неторопливо, как человек, которому есть что сказать. Он красноречиво останавливался на мельчайших деталях своей юности, как будто это были вопросы первостепенной важности. Кейфер был не только внимательным слушателем, но и казался удивительно заинтересованным. Дядя Джейкоб принялся вставлять словечко то тут, то там, но Гарфилд был слишком поглощен, чтобы замечать его, и поэтому упорно продолжал, разогреваясь по мере продвижения. Однако, к несчастью для его плана, прежде чем зайти далеко, он трогательно упомянул свою мать, когда дядя Джейкоб, энергично жестикулируя и направив указательный палец на говорившего, крикнул: "Одно слово, только одно слово прямо здесь", — и так настаивал до тех пор, пока Гарфилд не был вынужден либо уступить, либо проявить абсолютную невежливость. Таким образом, генерал взял свое слово; более того, он держал слово до конца вечера. Заговорщики предприняли смелые попытки свергнуть его и прекратить его деятельность, но они не увенчались успехом. В полночь, когда мы с Кейфером ушли, он все еще разговаривал; и после того, как мы легли спать, он, с болтающимися на ногах подтяжками, просунул голову в дверь нашей палатки и поделился с нами теми немногими наблюдениями, которые мы упустили из-за нашего поспешного отъезда. Кейфер повернулся лицом к стене и застонал. Бедняга, его подбросила собственная петарда. Я думаю, дядя Джейкоб заподозрил, что молодые люди подстроили ему работу". (15)

Завершив рассмотрение дела, суд Бьюэлла 6 августа 1862 года издал приказ, одобряющий его разбирательство и приговор об увольнении со службы, а также объявляющий, что полковник Турчин перестал "состоять на службе Соединенных Штатов".(16)

Хотя выдвинутые против него обвинения и судебный процесс над ним были печально известны в Военном министерстве и всей стране, президент Линкольн за день до приказа Бьюэлла об увольнении назначил полковника Турчина бригадным генералом добровольцев, и Сенат незамедлительно утвердил это назначение, и, таким образом, он вышел из-под суда и осуждения с повышением в звании. Он принял повышение, впоследствии служил в полевых условиях, отличился во многих сражениях и покинул армию 4 октября 1864 года.

Турчин на момент поступления в Армию Союза был и остается жителем Иллинойса.

Было много отличных людей иностранного происхождения и постоянного проживания, которые нашли места в армии Союза и заняли их с почетом.(17)

В Пейнт-Роке, на железной дороге к востоку от Хантсвилла, поезд, в котором 3-й "Огайо" перевозился из Стивенсона (2 мая), был обстрелян партизанами из засады, и шесть или восемь человек были более или менее серьезно ранены.

Полковник Битти остановил поезд и, уведомив горожан, что все подобные акты хулиганства приведут к неминуемому уничтожению собственности, поскольку было известно, что мнимые мирные граждане часто сами были виноватыми сторонами или укрывали виновных, лично обстрелял город в доказательство того, к чему приведет повторение подобных деяний.

Было предпринято множество бесплодных небольших экспедиций, чтобы отразить постоянные вторжения кавалерии Уилера, Моргана, Адамса и Скотта к северу от Теннесси и на наши линии коммуникаций.

18 мая, почувствовав беспокойство в лагере, я вызвался добровольцем в качестве специального помощника полковника У.М. Х. Литла в экспедицию в Винчестер, штат Теннесси. Мы проезжали через местность, густо кишевшую самыми дерзкими бандами партизан, и в Винчестере столкнулись с частью регулярной кавалерии Адамса, которая, предприняв опрометчивую атаку на город, пока мы его занимали, и потеряв несколько человек, отступила на восток, в горы.

13 мая генерал Джеймс С. Негли повел войска из Пуласки против кавалерии Адамса у Роджерсвилля, к северу от Теннесси, напротив Мускул-Шоулз, и с небольшими потерями отбросил их за реку. Позже конфедераты предприняли более решительные усилия занять значительными силами кавалерии и легкой артиллерии местность к северу от Теннесси ниже Чаттануги, но 4 июня экспедиция под командованием Негли, состоящая из войск, отобранных под командованием Митчелла, застала Адамса врасплох с его основными силами в двенадцати милях к северо-западу от Джаспера, и обратила его в бегство, убив около двадцати его людей, ранив и взяв в плен еще около сотни; также было захвачено оружие, боеприпасы, продовольственные фургоны и припасы.(18) Негли перебрал свое командование через горы вплоть до Теннесси, угрожая переправиться на южную сторону у Шеллмаунда и в других пунктах, и, наконец, занял позицию напротив Чаттануги.

Экспедиция вызвала большой переполох среди повстанцев, хотя на самом деле было достигнуто немного. Атака, предпринятая на Чаттанугу 7 и 8 июня, провалилась, и

командование Негли вернулось.(19) Полковник Джошуа В. Силл, 33-й округ штата Огайо, впоследствии бригадный генерал, убитый в битве при Стоунз-Ривер, командовал бригадой под командованием Митчелла и в экспедиции в Чаттанугу. Он был опытным, образованным офицером, скромным почти до безобразия, но храбрым и способным на великие подвиги. Его тело похоронено в Чилликоуте, штат Огайо.

Положение Митчелла в Северной Алабаме всегда было ненадежным; он охватил слишком большую территорию; ему не хватало концентрации, и он постоянно подвергался опасности подвергнуться нападению в деталях; кроме того, его отношения с Бьюэллом, его непосредственным командиром, не были сердечными. Он часто жаловался непосредственно военному министру на отсутствие поддержки. Вскоре после прибытия Бьюэлла из Коринфа, в последних числах июня, Митчел подал в отставку и попросил предоставить ему немедленный отпуск, но на следующий день (2 июля) военный министр приказал ему вернуться в Вашингтон, (20) и его сменил генерал Ловелл Х. Руссо, уроженец Кентукки, который также верил в энергичное ведение войны. Генерал Митчел по прибытии в Вашингтон был выбран президентом Линкольном для командования экспедицией на Миссисипи, но Халлек воспротивился его предложению и не отдал необходимых приказов для планируемого движения, следовательно, Митчел бездействовал до сентября, когда ему было поручено командование Южным департаментом, штаб-квартирой Хилтон-Хед. Он заболел желтой лихорадкой и умер в Бофорте, Южная Каролина, 30 октября 1862 года. Он похоронен на кладбище Гринвуд, Бруклин, Нью-Йорк.

(1) Питтенгер, *Захват локомотива*, стр. 26, 40.

(2) *Захват локомотива*, стр. 66-8.

(3) *Захват локомотива*, стр. 204-5, 182, 224, 353.

(4) *Военные отчеты*, том х., часть I., стр. 641; Часть II., стр. 104.

(5) *Анте*, стр. 5.

(6) *Военные отчеты*, том х., часть II., стр. 115, 162-5, 195.

(7) Цитируется в прокламации Линкольна от 22 сентября 1862 года.

(8) Макферсон, *История реконструкции*, стр. 293.

(9) *Военные отчеты*, том х, часть I., стр. 657.

(10) Отчет Лидбеттера, *Военные отчеты*, том х, часть I., стр. 658.

(11) *Военные отчеты*, том х, часть I., стр. 878.

(12) Русское имя — Иван Васильевич Турчинов. Турчин, *Битва при Чикамоге*, стр. 5, 6.

(13) *Военные отчеты*, том х., часть II., стр. 204, 212, 290, 294-5.

(14) *Военные отчеты*, том xvi., часть II., стр. 99, 273.

(15) *Гражданин солдат*, стр. 159.

(16) *Военные отчеты*, том xvi., стр. 277.

(17) Мое последнее письмо от генерала. Роберт К. Шенк рассказывает о встрече во время служения в Англии с бывшим солдатом из Огайо. Я привожу его письмо, опуская несущественные части.

"Маршалл-Хаус, Йорк-Харбор, Мэн, 10 июля 1889 года. "Мой дорогой генерал Кейфер, Ваше письмо пришло ко мне как раз в тот момент, когда я покидал Вашингтон. ... Я держусь довольно хорошо и полон сил для старика, так близко подошедшего к восьмидесятилетнему рубежу. Примите мою благодарность за вашу добрую память и добрые пожелания. Вы хотите узнать о полковнике Джоне Декорси, который некоторое время командовал [16-м] пехотным полком Огайо во время нашей последней войны. Мне нечего вам о нем рассказать, за исключением того, что впоследствии я познакомился с ним как с британским дворянином. Я полагаю, губернатор Деннисон назначил его офицером Союза и, насколько я понимаю, имел некоторый предыдущий военный опыт и подготовку.

"Однажды вечером, на вечеринке в доме моего друга в Лондоне, примерно в 1872 году, мне сказали, что лорд Кинсейл особенно желает быть представленным мне. Я сказал, что, конечно, это было бы приятно. Когда меня представили, он объяснил, что, помимо общего желания засвидетельствовать свое почтение американскому министру, он проявил ко мне интерес как к выходцу из Огайо. Я был немного удивлен, обнаружив, что английский джентльмен обладает какими-то особыми знаниями об Огайо. Далее он сказал мне, что некоторое время не был в Лондоне и был болен, иначе он зашел бы ко мне раньше, поскольку служил командиром полка в Огайо во время нашей последней войны. Это удивило меня, но он объяснил, что в то время он не был лордом Кинсейлом, иначе этот факт мог бы привлечь некоторое внимание, а всего лишь Джоном Декорси, довольно неожиданно унаследовавшим титул. Я думаю, он сказал о смерти двоюродного брата и, возможно, о конце двух или трех других жизней, вмешавшихся в это дело. Очевидно, он сам тогда был инвалидом и с тех пор умер. Я нашел его приятным джентльменом.

"Баронство Кинсейл - старый титул. Я полагаю, что этот лорд Кинсейл был 31-м или 32-м бароном. Его предок, граф Ольстер, за защиту короля Иоанна в единоборстве с чемпионом, предоставленным Филиппом Августом Французским, получил привилегию для себя и наследников *вечно ходить с покрытой головой в присутствии членов Королевской семьи*. Это, мой дорогой генерал, должно быть, все, что я рассказал вам о Джоне Декорси или смог вспомнить, когда встретился с вами по упомянутому вами случаю в Спрингфилде. Надеюсь, у вас доброе сердце и вы здоровы, я тоже

"Искренне ваш,
"Роберт К. Шенк".

(18) *Военные отчеты*, том x., часть I., стр. 904, 919-920.

(19) *Военные отчеты*, том x., часть I., стр. 904, 919-920.

(20) *Битвы и лидеры* и др., том ii., стр. 706-7; *Военные отчеты*, том xvi., Часть II., стр. 92.

ГЛАВА VIII Вторжение Конфедерации в Кентукки (1862) — Угроза Цинциннати и вызов "Охотников на белок" — Битвы при Иуке, Коринфе и Хэтчи—Бридж—Передвижения армий Конфедерации Брэгга и Кирби Смита—Отступление армии Бьюэлла в Луисвилл-Битва при Перривилле с личными и другими инцидентами

Как мы видели, великая армия Халлека в Коринфе была рассеяна, армия Огайо двинулась на восток. Июнь 1862 года он потратил на восстановление мостов, в том числе большого моста через Теннесси в Декейтере, но недавно сгоревшего под его руководством и вскоре снова переданного конфедератам.

Власти Конфедерации планировали вторжение по двум направлениям и с участием двух армий, — одной под командованием генерала Э. Кирби Смита, а другой под командованием генерала Брэкстона Брэгга, — целью которых были река Огайо и города Луисвилл и Цинциннати; целью было также привлечь армии Конфедерации в Кентукки, получить припасы и принудить Армию Союза к эвакуации из Алабамы и Теннесси, и особенно из Нэшвилла. В начале августа 1862 года эти две армии Конфедерации были собраны в Ноксвилле и Чаттануге и вдоль Верхнего Теннесси, основные силы Кирби Смита - в первом, а Брэгга - во втором месте. Цели этих армий вскоре стали известны, и поэтому армии штата Огайо было приказано сосредоточиться в Дечерде и Винчестере, штат Теннесси.

Генерал Роберт Л. Маккук, покойный полковник 9-го Огайо, командующий бригадой под командованием генерала Джорджа Х. Томас, ехавший в машине скорой помощи во главе своего отряда, больной и беспомощный, был застрелен и смертельно ранен 5 августа примерно в трех милях к востоку от Нью-Маркет, штат Алабама, группой людей, попавших в засаду, которые, как говорят, были партизанами в гражданской одежде. Он умер в 12 часов утра 6 августа. Его командование в отместку опустошило местность вокруг места его смерти.(1) Маккук сражался в Западной Вирджинии; при Милл-Спрингс (где он был ранен), при Шайло и в других местах. Он был одним из десяти сыновей майора Дэниела Маккука, который был убит (21 июля 1863 г.) в возрасте шестидесяти пяти лет недалеко от острова Баффингтон во время рейда Моргана в Огайо, когда возглавлял отряд, чтобы отрезать Моргану путь к отступлению через реку Огайо. Два его брата были убиты в бою — Чарльз М. при Булл-Ране 21 июля 1861 года и Дэниел при Кенесоу 21 июля 1864 года. Александр Макдауэлл Маккук командовал корпусом, и все братья имели почетные боевые заслуги. Доктор Джон Маккук, брат старшего Дэниела Маккука, также служил и погиб на войне. У него было пятеро сыновей, трое из которых с отличием служили в добровольческой армии и двое - на военно-морском флоте. Я знал сына Джона, генерала Энсона Джорджа Маккука, сначала в дивизии Митчелла в звании майора и подполковника 2-го Огайо, затем на Сорок пятьдесят, Сорок шестом и сорок седьмом конгрессах, а позже в качестве секретаря Сената Соединенных Штатов.

Убийство генерала Р. Л. Маккука при сложившихся обстоятельствах было расценено как убийство и вызвало глубокое возмущение как в армии, так и за ее пределами. Даже Бьюэлл издал приказ арестовывать каждого трудоспособного мужчину подозрительной внешности в радиусе десяти миль от места, где был застрелен Маккук, забирать всех лошадей, пригодных для службы в пределах этого круга, и преследовать и уничтожать бушвикеров.(2) Однако после ареста нескольких человек и изъятия нескольких лошадей инцидент был исчерпан в том, что касается официальных действий.

Мемфис был взят 6 июня 1862 года флаг-офицером К. Х. Дэвисом, который имел при себе Таранный флот под командованием полковника Чарльза Эллета-младшего и индианскую бригаду под командованием полковника Г. Н. Фитча.(3)

План вторжения Конфедерации, как уже говорилось, состоял в том, чтобы действовать по двум направлениям. Кирби Смит из Ноксвилла первым двинулся дальше и занял Камберленд-Гэп, который тогда удерживал генерал Джордж У. Морган. Брэгг был в Тьюпело, штат Миссисипи, 18 июля, но, загоревшись идеей, что после вторжения в Кентукки ее народ возьмется за оружие под знаменами Конфедерации, он начал переброску своей армии на новое поле боя и 29 июля перенес свою штаб-квартиру в Чаттанугу.

Кирби Смит выступил 13 августа, двинувшись на Камберленд-Гэп, но, сочтя его неприступным для прямой атаки, он оставил генерала Стивенсона с дивизией угрожать ему и двинулся на Лексингтон. Джон Морган со значительным отрядом кавалерии предшествовал Смиту в Среднем Кентукки, и его вторжение было воспринято как предвестник более масштабного вторжения, которое должно было последовать. Тревога по поводу дерзкого движения охватила не только Кентукки; она распространилась и на Огайо, и возникли опасения за безопасность Цинциннати.

Генерал Горацио Дж. Райт был назначен в новый департамент штата Огайо, состоящий из штатов Огайо, Мичиган, Индиана, Иллинойс, Висконсин и Кентукки к востоку от реки Теннесси, включая Камберленд Гэп, и он принял командование им 23 августа со штаб-квартирой в Цинциннати.(4) 16-го числа Бьюэлл приказал генералу У. М. Нельсону из окрестностей Мерфрисборо с частью артиллерии и пехоты направился в Кентукки, чтобы там организовать войска для поддержания открытых коммуникаций и действий против Джона Моргана.(5) Райт 23-го числа приказал Нельсону отправиться в Лексингтон, чтобы принять командование войсками в этом районе и сменить генерала Лью Уоллеса. Нельсон с недостаточным количеством и в основном новыми, необученными и недисциплинированными войсками двинулся к Ричмонду, штат Кентукки, где (30 августа) на него напала армия Кирби Смита, и его войска были катастрофически разбиты с большими потерями, в основном в плену. Сам он был ранен в ногу мушкетной пулей. Сейчас между армией Смита и рекой Огайо было мало организованных войск Союза, а те организации, которые удалось собрать, были новыми и неспособными справиться с ветеранами Конфедерации. Известие о поражении при Ричмонде достигло Цинциннати в тот же вечер, и сразу же было высказано предположение, что Лексингтон и Франкфурт вскоре окажутся в руках врага, и армия Кирби Смита немедленно двинется на Ковингтон, Ньюпорт и Цинциннати. Предположение оказалось верным, поскольку разбитые войска отступили через Франкфурт и Лексингтон.

Мэр (Джордж Хэтч) и городской совет Цинциннати действовали мужественно и энергично, чтобы справиться с надвигающейся чрезвычайной ситуацией, а лояльные люди искренне откликнулись на все требования и подчинились военным властям, либо взяв в руки оружие, либо работая на укреплениях. Лью Уоллес, назначенный Райтом непосредственным командующим тремя городами, объявил военное положение, которое должно быть введено полицией (до тех пор, пока его не отменят военные); и бизнес в целом был приостановлен.

Мэр с санкции Уоллеса разрешил банкам оставаться открытыми с 13:00 до 14:00; пекарям заниматься своим делом; врачам посещать своих пациентов; сотрудникам газет заниматься своим бизнесом; похороны были разрешены, но из города могли выезжать только скорбящие;

всем аптекарям разрешалось заниматься бизнесом, но все питейные заведения, закусочные и увеселительные заведения должны были оставаться закрытыми. Губернатор Дэвид Тод 1 сентября санкционировал прием вооруженных граждан со всего штата, которые были названы "Охотниками на белок". Патриотизм жителей Огайо и Индианы был героически продемонстрирован, и их массовый бросок на защиту Цинциннати и других городов, которым угрожали, возможно, оказал свое влияние и был, по крайней мере, весьма похвален; однако, если бы на эти города было предпринято настоящее нападение, вряд ли "Охотники на белок" показали бы себя эффективными солдатами. Кирби Смит вошел в Лексингтон, Кентукки, 1 сентября, а два дня спустя отправил генерала Хета примерно с шестью тысячами человек угрожать Цинциннати. На следующий день к Хету присоединились Морган и его налетчики. К 10-му эти силы были близ Ковингтона и угрожали серьезной атакой. Прозвучало несколько артиллерийских выстрелов и небольшая перестрелка, но на следующий день было установлено, что конфедераты начали отступление, и через несколько дней "Охотники на белок" вернулись в свои дома под аплодисменты лояльных людей, и дела в Куин-Сити возобновились. Сообщается об одном акте беспорядков в Цинциннати со стороны некоторых граждан, которые начали разрушать уличную железную дорогу, потому что считалось возмутительным позволять ей вести бизнес, "когда салоны светлого пива не могли этого сделать".(6)

Законодательный орган штата Огайо разрешил губернатору вручать каждому "Охотнику на белок".

Прежде чем рассказать о передвижениях армии Брэгга из Теннесси в окрестности Луисвилля и об армии Бьюэлла, преследующей Брэгга с фланга и тыла, следует упомянуть попытку другой колонны конфедератов сотрудничать с Брэггом в осуществлении его общего плана вторжения в Кентукки.

Генерал Стерлинг Прайс, до сих пор действовавший в Арканзасе и Миссури, сразу после Шайло, был переведен со своей армией в Коринф для усиления Борегара, и когда Брэгг, сменивший Борегара, разработал свой план вторжения и сосредоточил для этой цели основную часть своей армии в Чаттануге, он поручил генералу Эрлу Ван Дорну командовать округом Миссисипи, а Прайсу - округом Теннесси, последнему удерживать линию железной дороги Мобил и Огайо, и оба должны были противостоять Гранту, наблюдать за ним и помешать ему отправить подкрепление в Чаттанугу. Бьюэлл. Прайс остался в Тьюпело, штат Миссисипи, примерно с 15 000 человек. Позже, 11 сентября, президент Дэвис приказал Ван Дорну принять командование как своей собственной армией, так и армией Прайса, последняя тогда находилась в походе на Иуку, штат Миссисипи, намереваясь оттуда двинуться в Средний Теннесси, если будет обнаружено, как полагал Брэгг, что Роузкранс (который 11 июня сменил Поупа на посту командующего армией Миссисипи) отправился со своей армией в Нэшвилл, чтобы усилить Бьюэлла. Две дивизии Гранта, Пейна и Джеффа К. Дэвиса, отправились туда, в результате чего силы для обороны Северной Миссисипи были значительно сокращены. Прайс вошел в Иуку 14 сентября, гарнизон отступил без боя. Прайс, узнав, что Розкранс отступил на Коринфе, телеграфировал Ван Дорну, что он повернет назад и будет сотрудничать в атаке на Коринф. Брэгг телеграфировал ему, чтобы он поспешил в Нэшвилл. Роузкранс телеграфировали Гранту, чтобы он "присматривал за старым дятлом, иначе он ускользнет от них". 17 сентября Халлек телеграфировал Гранту, чтобы помешать Прайсу пересечь Теннесси и образовать перекресток с Брэггом. Грант телеграфировал, что "сделает все, что в его силах, чтобы

предотвратить подобную катастрофу", и начал концентрировать свои войска против Прайса в Иуке. Генерал Э.О. К. Орд был переведен в Бернсвилл, где Грант разместил свой штаб, а Розкранс направил две свои дивизии к Хасинто с приказом двигаться на Иука, обойти Прайса с фланга и отрезать ему путь к отступлению. Генералу Стивену А. Херлберту было приказано провести сильную демонстрацию из Боливара, штат Теннесси, против Ван Дорна, находившегося в то время недалеко от Гранд-Джанкшен, с примерно 10 000 боеспособными людьми, и заставить его поверить, что ему угрожает непосредственная опасность нападения, и таким образом помешать ему совершить отвлекающий маневр в помощь Прайсу, двинувшись маршем на Коринф. Эта уловка удалась. Грант отдал приказ, а Орд начала подготовку к атаке Прайса у Иуки, как только раздались выстрелы Rosecrans на дороге Хасинто. Около 4 часов дня 19 сентября дивизия К. С. Гамильтона под командованием Роузкранса атаковала дивизию Литтла из армии Прайса на дороге Хасинто, и до ночи продолжался ожесточенный бой с переменным успехом, с наступлением темноты обе стороны заявили о победе. Ни Грант, ни Орд не слышали шума битвы из-за густого леса и попутного ветра. Роузкранс не сообщил или не мог сообщить Гранту о положении дел, и последний узнал о сражении только в 8.30 утра 20-го числа. Ночью Прайс отступил со своими войсками в направлении Болдуина, вдоль железной дороги Мобил и Огайо, куда Грант приказал Ордену с дивизиями Гамильтона и Стэнли и кавалерией преследовать его. Преследование было безрезультатным. Битва при Иуке разгорелась после 16:00, в основном двумя противоборствующими бригадами, каждая численностью около 4000 человек. Потери Союза составили 141 убитый, 613 раненых, 36 пропавших без вести, всего 790 человек.

Потери Конфедерации, как сообщалось, составили 85 убитых, 410 раненых, 40 пропавших без вести, всего 535. (7)

После того, как Юка Роузкранс был назначен командующим в Коринфе, Грант основал свою штаб-квартиру в Джексоне, штат Теннесси. Херлберт находился со своим подразделением в Боливаре, штат Теннесси. Хотя Халлек частично построил оборонительные сооружения вокруг Коринфа, заняв его в мае 1862 года, они были слишком удалены от города и слишком сложны для небольшой армии.

Совсем недавно Грант частично построил несколько открытых батарей с соединительными брустверами на Колледж-Хилл. Эти Розекраны были достроены, а также построено несколько редутов для прикрытия северной части города.

Из Рипли, штат Миссисипи, 29 сентября Ван Дорн со своей собственной армией и армией Прайса, численностью около 25 000 человек, быстрым маршем двинулся на Коринф, где Роузкранс смог собрать не более 18 500 человек, состоящих из дивизий генералов Дэвида С. Стэнли и К. С. Гамильтона и кавалерийской дивизии полковника Джона К. Мизнера из армии Миссисипи, и дивизий генералов Томаса А. Дэвиса и Томаса Дж. Маккина из армии Теннесси. До 3 октября точно не было известно, планировал ли Ван Дорн атаковать Боливар, Джексон или Коринф. Наступление Ван Дорна и Прайса было встречено на Чуалла-роуд бригадой Оливера из дивизии Маккина, которую неуклонно оттесняли назад вместе с подкреплениями, пока в 10 часов утра все войска Союза не оказались внутри старой линии укреплений Халлека, а к 13.30 конфедераты заняли ее и энергично продвигались к недавно установленной внутренней линии укреплений. Армия Прайса образовалась слева от конфедератов, а армия Ван Дорна - справа. Основная тяжесть дневного сражения пришла на дивизии Маккина и Дэвиса. Генерал

Хаклман из дивизии Дэвиса был убит, а генерал Ричард Дж. Огсби из той же дивизии был тяжело ранен. Войска Союза понесли тяжелые потери. Одна бригада дивизии Стэнли и бригада Салливана из дивизии Гамильтона поздно вечером пришли на помощь сильно потесненным войскам Союза. Наступление ночи положило конец битве, но армия Конфедерации находилась в шестистах ярдах от Коринфа, а войска Союза в основном находились за своей внутренней и последней линией обороны. Ситуация была критической. Утром 4-го армия Розкранса была сформирована: Маккин слева, Стэнли и Дэвис справа от него в указанном порядке, одна бригада Гамильтона на крайнем правом фланге, а остальная дивизия Гамильтона в резерве справа. (8)

Ван Дорн открыл артиллерийский огонь в 4.30 утра, но в настоящую атаку перешел только около 8 утра. Она велась с севера города и сильнее всего ударила по дивизии Дэвиса. Его линия фронта прорвалась, а позже его командование было нарушено, и часть конфедератов проникла в город и туда, где была сосредоточена резервная артиллерия. Резервы Стэнли, однако, быстро обрушились на них и вытеснили с большими потерями. Затем атака была нанесена на Бэттери-Робинетт, к западу от Юнион-центра. Три последовательные атаки были произведены колонной на эту батарею и в центре с величайшей решимостью, и происходило много рукопашных боев, пока последняя атака не была отбита около 11 часов утра (4 октября 1862 г.), когда противник отступил под прикрытие, недоступное для пушечного выстрела. Ван Дорн надеялся взять Коринф 3-го числа, и теперь, получив отпор на каждом этапе, он начал отступление, зная, что Грант не будет бездействовать. Только около двух часов дня Розкранс убедился, что противник начал отступление. (9) Генерал Джеймс Б. Макферсон прибыл 4 октября из Джексона с пятью полками, но слишком поздно для сражения. Сражение было тяжелым; обе армии сражались с отчаянием и мастерством; войска Союза, будучи в меньшинстве, компенсировали неравенство, сражаясь, частично, за брустверами.

Потери были тяжелыми, особенно в рядах офицеров. Потери Союза составили: убито 27 офицеров и 328 рядовых, ранено 115 офицеров и 1726 человек, взято в плен или пропало без вести 5 офицеров и 319 человек; общее количество - 2520. (10) Потери Конфедерации (как указано в отчете Ван Дорна (11)), включая потери при мосте Хэтчи (5 октября), составили: убито 594, ранено 2162, взято в плен или пропало без вести 2102; общее количество - 4858.

Грант, помимо отправки Макферсона на поддержку Роузкрансу, направил Херлберта в Боливар, чтобы тот выступил со своей дивизией в тыл противника. Херлберт стартовал 4-го числа через Миддлтаун и Покахонтас. На прежнем месте он столкнулся с кавалерией противника и к ночи вынудил их перебраться через Биг-Мадди, где расположилась лагерь дивизия, причем одна бригада захватила мост и переправилась через него на восточную сторону. Грант приказал Херлберту во что бы то ни стало добраться до Роузкранса. (12) Ситуация для Херлберта была критической. Перед его единственной дивизией были Ван Дорн и Прайс. Но ситуация для отступающей армии была в высшей степени отчаянной. Если его отступление будет задержано на время, достаточное для того, чтобы колонна Розкранса атаковала его с тыла, она должна быть потеряна или рассеяна. Именно на это уверенно рассчитывал Грант. Утром 5-го Херлберт энергично продвигался к мосту Дэвиса через Хэтчи. Генерал Орд прибыл около 8 часов утра и принял командование силами Херлберта. Едва началось продвижение, как было встречено сильное сопротивление. Орд силами бригады генерала Витча отбросил противника примерно на три мили назад, заняв горный хребет Метамора примерно в одной миле от Хэтчи. Здесь завязалось ожесточенное сражение, враг был вытеснен с поля боя через мост, и часть

командования Орда заняла позицию к востоку от реки, хотя и не без больших потерь. Орд сам был ранен на мосту, и командование снова перешло к Херлберту. Последний вскоре после этого занял постоянную позицию к востоку от Хэтчи, таким образом эффективно остановив отступление Ван Дорна этим маршрутом и вынудив его отступить и найти другой, менее желательный. Под покровом ночи Ван Дорн отступил по другой дороге на юг и пересек Хэтчи у Крамс-Милл, в шести милях выше по реке.(13)

Успех Орда и Херлберта был настолько полным, что Грант считал, что армия Ван Дорна должна была быть уничтожена.(14)

Розкранс покинул Коринф только утром 5 октября, да и то недостаточно быстро или далеко, чтобы догнать Ван Дорна в пылу битвы с Ордом и Херлбуртом или вовремя отрезать ему путь к отступлению другим маршрутом. Розекранс привел в качестве оправдания истощенное состояние своих войск после битвы 4-го августа. В 14 часов дня, в последний день битвы, он был уверен, что противник решил отступить, но все же приказал победоносным войскам проследовать в свои лагеря, обеспечить себя пятидневным пайком, принять пищу и отдохнуть и быть готовыми выступить рано утром следующего дня.(15) Макферсон, прибывший со свежей бригадой, мог быть немедленно атакован в тыл измотанным войскам Ван Дорна. Армия Розекранса снова встала лагерем во второй половине дня 5-го, в то время как Орд и Херлберт вели свое сражение. Хотя преследование было возобновлено Роузкрансом 6-го числа, а затем продолжено до Рипли, это было после того, как летающий враг вышел за пределы досягаемости. Но хотя возможно, что Розкранс мог бы добиться большего успеха, несомненно, что он и его войска преуспели; во всяком случае, отвлекающий маневр Ван Дорна в пользу грандиозного центрального вторжения Брэгга провалился из-за катастрофы.

Но мы должны вернуться к Брэггу и Бьюэллу, главным действующим лицам "Марша в Кентукки".

Армия Брэгга начала пересекать Теннесси у Чаттануги 26 августа 1862 года и немедленно двинулась на север, его кавалерия под командованием Уилера держалась ближе к подножию гор на западе, прикрывая и маскируя реальное движение. Армия Бьюэлла, как мы уже говорили, была сосредоточена в окрестностях Дечарда, штат Теннесси, а ее части все еще удерживали Хантсвилл, Батл-Крик и Мерфрисборо.

Многочисленные и в целом незначительные стычки произошли в Батл-Крике и других местах. Мерфрисборо был застигнут врасплох и с позором сдался кавалерии Форреста 13 июля, а войска Моргана захватили Галлатин, штат Теннесси, 12 августа; но эти места не были удержаны.

Брэгг продолжил свой марш через Пайквилл и Спарту, штат Теннесси, пересекая Камберленд у Карфагена и Гейнсборо. Объединив свою армию в Хопкинсвилле, штат Кентукки, он проследовал через Глазго в Манфордвилл, на Грин-Ривер, где находилось значительное укрепление, занятое полковником Дж. Т. Уайлдером примерно с 4000 человек.

Бьюэлл, после того как отправил несколько своих дивизий так далеко на восток, в горы, как Джаспер, Алтамонт и Макминнвилл, но безрезультатно, двинул свою армию к Нэшвиллу, откуда с подкреплением от Гранта (две дивизии), оставив две дивизии и несколько отрядов под командованием Томаса удерживать этот город, через Тайри-Спрингс и Франклин к Боулинг-Грин, штат Кентукки, наступление прибыло туда 11 сентября.(16) Брэгг тогда находился в Глазго. Генерал Джеймс Р. Чалмерс и полковник Скотт, каждый с бригадой, первая пехотная, другая

кавалерийская, атаковали, и бригада Чалмерса атаковала позиции Уайлдера 14 сентября. Атака была отбита с большой резней, потери Чалмерса составили 3 офицера и 32 рядовых убитыми и 28 офицеров и 225 рядовых ранеными.(17) Затем Чалмерс удалился в Кейв-Сити, но 16-го вернулся с основной армией Брэга. Брэгг со своей армией и корпусами полка к северу от Манффордвилля и Харди к югу от реки начали переговоры о сдаче этого места. Будучи полностью окруженным со всех сторон тяжелыми батареями, Уайлдер капитулировал, в том числе 4133 офицера и рядового. Чалмерсу было поручено вступить во владение сданными сооружениями утром 17-го. Если бы Бьюэлл немедленно двинулся маршем на Манффордвилл из Боулинг-Грин, он обнаружил бы Брэга с половиной его армии к югу от Грин-Ривер, Полк с другой половиной к северу от него, а Уайлдера, все еще удерживающего позицию на реке между ними.

Брэгг после капитуляции сосредоточил свою армию к югу от Грин-Ривер, напротив Манффордвилля, на невысоком гребне холмов. Он еще не соединился с Кирби Смитом, и его силы, находившиеся тогда на позиции, вероятно, не намного превышали 20 000 человек.(18)

Эта должность не имела особых преимуществ, была хорошо известна многим офицерам Бьюэлла и должна была принадлежать самому Бьюэллу. В случае поражения армия Брэга должна была быть потеряна, и Кирби Смита постигла та же участь. Грин-Ривер, проходимая в нескольких местах в тылу Брэга и к северу, сделала бы отступление разбитой армии невозможным, и, кроме того, у Брэга не было базы к северу, на которую можно было бы отступать. Ситуация была хорошо понята в нашей армии, за исключением Бьюэлла, который, казалось, опасался, что произошло соединение с Кирби Смитом, хотя Уайлдер (только что освобожденный условно-досрочно) и другие его офицеры в день капитуляции сообщили Бьюэллу, что никакого соединения не было. Уайлдер, однако, был преувеличенного мнения о силе Брэга в Манффордвилле. Соединение двух армий Конфедерации произошло только 9 октября в Харродсбурге, на следующий день после битвы при Перривилле.(19)

У Бьюэлла к югу от Брэга было не менее 50 000 боеспособных людей. С тех пор он признает, что у него было 35 000 человек, прежде чем он приказал дивизии Томаса и другим войскам выступить из Нэшвилла.(19) Томас прибыл 19 и 20 числа. 20-го числа произошла небольшая перестрелка, и Брэгу было разрешено отступить без дальнейших преследований за реку, откуда он двинулся на север. Медленное продвижение армии Бьюэлла из Нэшвилла в Боулинг-Грин и, после пятидневной задержки там, оттуда в направлении Манффордвилля было свободно прокомментировано его армией в то время. Она состояла из закаленных и опытных войск, жаждущих найти врага и дать ему бой.(20) В истории ни одной войны не было более благоприятной возможности сразиться и пожать плоды победы, чем при Грин-Ривер, но время и люди для большого и решающего успеха еще не пришли.

Водоснабжение к северу от Боулинг-Грин, о котором уже говорилось, было в лучшем случае плохим, особенно в жаркую сентябрьскую погоду. Бассейны или пруды, загрязненные в результате отстрела в феврале прошлого года больных и раздавленных животных армии Харди при отступлении из Боулинг-Грин, содержали самую ядовитую и отвратительную воду, но когда-то для большей части армии это было все, что можно было иметь для человека или животного. Я помню, как однажды мы с полковником Джоном Битти недалеко от Кейв-Сити стояли под сильным ливнем, держась за углы резинового одеяла, чтобы набрать воды и утолить жажду. Армия, однако, как это обычно бывало при передвижении, мало страдала от болезней.

Обоз армии Бьюэлла был отправлен с кавалерийским охранением из Боулинг-Грин по дороге к западу от Манфордвилля через Браунсвилл, Личифилд и Биг-Спринг в Вест-Пойнт в устье Солт-Ривер на реке Огайо, откуда в Луисвилл.(21)

Брэгг беспрепятственно продолжил свой марш на север от Грин-Ривер вдоль железной дороги до окрестностей Нолина, оттуда на северо-запад через Ходженсвилл до Бардстауна, затем через Перривилл до Харродсбурга, часть его армии дошла до Лоренсбурга, Лексингтона и Франкфурта.(21)

Бьюэлл двинулся *вслед за* Брэггом к окрестностям Нолина, оттуда держа курс на запад через Элизабеттаун и Вест-Пойнт к Луисвиллю, куда 25 сентября прибыла передовая дивизия генерала Томаса, а последняя дивизия - 29 сентября. И поезд, и армия, благополучно добравшиеся до города, по крайней мере, избавили это место от дальнейшей опасности захвата, и в этом Бьюэллу была отдана должная, хотя страна и власти в Вашингтоне были крайне недовольны результатом его кампании.

Камберленд-Гэп из-за нехватки припасов был в ночь на 17 сентября эвакуирован генералом Джорджем У. Морганом, и, хотя его преследовали генерал Стивенсон и кавалерия Джона Моргана, он пробился через Манчестер, Бунвилл, Уэст-Либерти и Грейсон в Гринап, на реке Огайо, прибыв туда 2 октября. Затем Стивенсон присоединился к Кирби Смуту во Франкфурте.

Это правда, что Нэшвилл все еще удерживался силами Союза, но Северная Алабама и почти все остальные районы Среднего Теннесси, оккупированные во время кампаний предыдущей весны, были потеряны или брошены. Грант в одиночку удерживал свои позиции на севере Миссисипи и Западе Теннесси, и его армия была опасно истощена, чтобы усилить Бьюэлла.

Кларксвилл, расположенный на реке Камберленд ниже Нэшвилла, в департаменте Грант, был захвачен 18 августа 1862 года, и там были захвачены и уничтожены несколько пароходов и кое-какие припасы. Командовал полковник Родни Мейсон (71-й полк в Огайо), и в то время под его началом было всего около 225 человек. Его позиция была неподходящей для обороны; у него не было укреплений, и у него не было кавалерии, которая могла бы сообщить ему о приближении или силе противника. По-разному утверждалось, что Мейсон сдался всего нескольким отрядам иррегулярной кавалерии без артиллерии и без единого выстрела, будучи обманутым, полагая, что он окружен превосходящими силами с шестью артиллерийскими орудиями.(22) Военное министерство несколько поспешно, 22 августа, приказом без суда уволило полковника Мейсона со службы. Этот приказ был отменен 22 марта 1866 г.(22) Двенадцать офицеров полка подписали заявление о том, что они советовали сдаться. Для этого Военное министерство вывело их 29 августа 1862 года. Президент распорядился отменить приказ в отношении капитана Сола Дж. Хоука, поскольку он подписал заявление, неправильно поняв его содержание.(23) Приказ об увольнении остальных был отменен после войны, за исключением лейтенанта Айры Л. Морриса, который поступил на службу в 1864 году рядовым и после этого был с честью уволен в звании лейтенанта.

Армия Конфедерации теперь занимала Франкфурт, Лексингтон, Камберленд-Гэп и большую часть среднего Кентукки. Армия Бьюэлла, в значительной степени усиленная свежими войсками и численностью, присутствовавшей при исполнении служебных обязанностей, 65 886 человек (24), по-видимому, была осаждена в Луисвилле. Нельсон отступил туда после своего

поражения при Ричмонде (30 августа), собрал очень значительную армию и соорудил несколько брустверов.

В Вест-Пойнте я получил разрешение продолжить наступление армии на Луисвилл, предварительно получив уведомление о моем назначении полковником недавно сформированного полка.

По прибытии в Луисвилл я впервые увидел Прокламацию президента Линкольна от 22 сентября, в которой объявлялось, что 1 января 1863 года он провозгласит всех рабов в Штатах или определенных частях штата, народ которых должен восстать, "отныне и навсегда свободными". Идея ведения войны за освобождение рабов в мятежных штатах, мягко говоря, не поощрялась в армии Бьюэлла, поэтому со стороны офицеров было много критики этого заявления и несколько глупых угроз уйти в отставку вместо того, чтобы "бороться за свободу негров". Даже армия, патриотически сражавшаяся за подавление восстания, тогда не до конца осознала, что в божественном плане Бога не было того, чтобы в нашей пораженной стране когда-либо наступал мир, пока наше знамя свободы не развевалось ни над кем, кроме свободных людей.

24 сентября президент издал приказ о создании Департамента Теннесси и назначил его командующим генерал-майора Джорджа Х. Томас; и в тот же день Бьюэлли было приказано передать ему командование и отступить в Индианаполис.(25) Эти приказы были переданы полковником Маккиббеном, но доставлены только 29-го.(26) Бьюэлл немедленно передал свое командование Томасу, но последний, со своей природной скромностью, запротестовал против принятия его в чрезвычайной ситуации. Халлек приостановил выполнение приказа, и Бьюэлл снова принял командование, объявив Томаса заместителем командира.(26)

Прошло больше года, прежде чем генерал Томас снова получил столь важное командование, от которого он таким образом отказался, а затем он сменил Розкранса и принял командование армией Камберленда, когда она была осаждена Брэггом в Чаттануге. Томас, хотя и был до некоторой степени застенчив, был одним из наших величайших солдат. Он служил непрерывно с начала и до конца войны, отличившись во многих сражениях, особенно при Стоунз-Ривер, при Чикамоге, в ходе кампании в Атланте (1864) и при Нэшвилле 15 и 16 декабря 1864 года. Солдаты Камберлендской армии восхищались им, почти боготворили, и он заслуживал их привязанности. Его основные характеристики отличались от характеристик Гранта, Шермана, Мида или Шеридана, которые, хотя и были отличными солдатами, каждый из них отличался от других характером и качествами. Генерал Томас, будучи виргинцем по происхождению, сначала ожидал участия в восстании и его уговаривали присоединиться к нему, затем позже он подвергся оскорблениям и клевете из-за заявлений, поступавших с Юга, о том, что он намеревался присоединиться к своему государству. Нет никаких свидетельств того, что он когда-либо колебался в своей лояльности Союзу.

У меня было мнение Гранта о генерале Томасе как о командующем офицере, когда я наносил ему официальный визит в Сити-Пойнт 5 декабря 1864 года, как раз в то время, когда Худ осаждал Нэшвилл. Грант убеждал Томаса сразиться с Худом и снять осаду, опасаясь, как потом сказал Грант, что Худ пересечет Камберленд и совершит зимний рейд в Кентукки. Томас отказался сражаться, пока не будет полностью готов. Грант, расспросив меня о дорогах и холмах к югу от Нэшвилла, о которых я кое-что узнал весной и осенью 1862 года, несколько нетерпеливо сказал:

"Томас - отличный солдат, и хотя с его нынешними силами он в любой момент может нанести удар Худу, ему не хватает уверенности в себе и склонности переходить в наступление до тех пор, пока у него не будет семидесяти пяти процентов шансов в битве, по его собственному мнению, в пользу успеха".

Томас родился 31 июля 1816 года и умер в Сан-Франциско 28 марта 1870 года. Его тело похоронено в Трое, Н. Я. Шерман, командующий армией, объявляя о его смерти, сказал:

Само воплощение честности, неподкупности и чести, он останется для потомков как *идеал* солдата и джентльмена. Хотя он не оставил ребенка, который носил бы его имя, старая армия Камберленда, насчитывающая десятки тысяч человек, назвала его отцом и будет оплакивать его слезами мужского горя".

Я был свидетелем, в основном, большой трагедии, произошедшей в результате ссоры между высшими офицерами Армии Союза. Это произошло 29 сентября 1862 года в Голт-Хаусе, Луисвилл, куда я отправился, чтобы подать Бьюэллу прошение об отставке в звании подполковника 3-го пехотного полка штата Огайо, чтобы дать мне возможность принять повышение.

Генерал Джефф К. Дэвис командовал дивизией под командованием генерала Уильяма Нельсона в Луисвилле и каким-то образом навлек на себя порицание Нельсона. Нельсон отстранил его от командования и приказал явиться к Райту, командующему отделом, в Цинциннати. Райт приказал Дэвису вернуться в Луисвилл и явиться к Бьюэллу для исполнения своих обязанностей. Дэвис, будучи из Индианы, возвращался через Индианаполис, а оттуда его сопровождал в Луисвилл губернатор Оливер П. Мортон, который вместе с другим другом находился с Дэвисом в вестибюле Galt House около 9 часов утра, когда Дэвис обратился к Нельсону, требуя компенсации за несправедливость, которая, по его утверждению, была ему причинена, и, как говорили, в то же время запустил бумажным комом Нельсону в лицо.(27) Нельсон в ответ ударил Дэвиса по лицу тыльной стороной ладони, а затем, назвав Мортон "подстрекателем Дэвиса к преднамеренному оскорблению", сразу же вышел из вестибюля в примыкающий коридор и начал подниматься по ступенькам лестницы, очевидно направляясь в свою комнату. Вскоре, однако, он вернулся в холл и тихо направился в сторону Дэвиса. Последний тем временем достал у своего друга пистолет, и когда Нельсон приблизился, выстрелил в него, пуля попала Нельсону в левую часть груди, прямо над сердцем, вызвав то, что через полчаса оказалось смертельным ранением.(27) Инцидент был прискорбным. Нельсон был способным, ценным офицером и проявил себя таковым на многих поприщах. Он был известен своей поспешностью, а иногда и неоправданной грубостью по отношению к другим, однако он быстро раскаивался в любом акте несправедливости и заглаживал свою вину, насколько это было возможно. Дэвис был помещен под военный арест Бьюэллом, но позже был освобожден по приказу из Вашингтона, чтобы ему разрешили подчиниться гражданским властям. Еще позже он был восстановлен в командовании дивизией, затем получил корпус, и своей храбростью, солдатской выправкой и общим хорошим поведением до конца войны в какой-то степени искупил кровавый поступок.

Моя отставка была принята этим памятным 29 сентября 1862 года, и с тех пор моя официальная связь с моим первым полком, его доблестными офицерами и солдатами, а также с благородной

армией Огайо и другими великими армиями Запада прекратилась навсегда, и не без глубочайшего сожаления, особенно после расставания с полковником Джоном Битти, с которым я был больше, чем другом и компаньоном, ел и спал, маршировал и разбивал бивуаки, на самых доверительных условиях, не получив от него ни одного недоброго слова в течение семнадцати месяцев, хотя он был моим непосредственным начальником, и мы оба вместе прошли через множество лишений и досадных испытаний. Это было тем более примечательно, что каждый из нас обладал сангвиническим темпераментом и был упрям от природы.

Битти был назначен президентом Линкольном бригадным генералом добровольцев 29 ноября 1862 года, и после этого он, как и ранее в Перривилле, особенно отличился при Стоунз-Ривер и Чикамоге. С тех пор он с отличием проработал в Конгрессе три срока.

Мне посчастливилось встретиться и пожать руки, год и около восьми месяцев спустя, некоторым выжившим из этой западной армии в Гринсборо, Северная Каролина, после капитуляции Ли и по случаю сдачи армии Джо Джонстона Шерману.

Хотя моя скромная связь с армией Бьюэлла оборвалась в Луисвилле, я кратко изложу ее историю, которая продлится еще несколько дней.

Корпуса полка и Харди, составлявшие армию Брэгга, мы оставили в окрестностях Бардстауна и Харродсбурга, а некоторые части - во Франкфурте и Лексингтоне. Кирби Смит находился с основными силами своей армии в Салвизе, примерно в двадцати милях к северо-востоку от Перривилля, и, полагая, что на него нападут первым, громко потребовал подкрепления, и Брэгг накануне Перривилля отправил ему дивизии Уизерса и Читема из полка и корпуса Харди. Брэгг назначил Полк командующим своей армией в окрестностях Перривилля и отправился во Франкфурт, чтобы стать свидетелем инаугурации (4 октября) нового временного губернатора штата Кентукки Ричарда Хоуза (28 лет) — ее бывший, Джордж У. Джонсон, был убит при Шайло, сражаясь рядовым.

Бьюэлл, получив дальнейшее подкрепление новыми войсками, в основном из Огайо и Индианы, начал 2 октября общее движение против Брэгга и Смита. Дивизия генерала Джошуа У. Силла генерала Александра Макд. Корпус Маккука, за которым следовал генерал Эбенезер Дюмон с дивизией гау, двинулся через Шелбивилл к Франкфурту. Маккук с двумя оставшимися дивизиями Первого корпуса, которыми командовали, соответственно, генералы Л. Х. Руссо и Джеймс С. Джексон, двинулся из Блумфилда в Тейлорсвилл, где остановился на вторую ночь. Корпус Криттендена двинулся маршем через Бардстаун по дороге Лебанон-Данвилл, которая проходила примерно в четырех милях к югу от Перривилля, с ответвлением от него. Корпус Гилберта двинулся по более прямой дороге на Перривилл. Томас, второй по старшинству, сопровождал Криттендена справа, а Бьюэлл разместил свой штаб в корпусе Гилберта, центральном в движении. По мере продвижения колонн Союза армии Брэгга и Кирби Смита сочли необходимым начать сосредоточение. По какой-то причине, не оправданной хорошей стратегией, Брэгг назначил две точки сосредоточения - Перривилл и Сальвиза, расположенные на расстоянии двадцати миль друг от друга. Смит упорствовал в вере, что наступающая армия нанесет по нему удар первой.

Генерал Силл по дороге во Франкфурт 3-го столкнулся с некоторым сопротивлением, но 4-го оттеснил противника так близко, что грохот его орудий прервал Ричарда Хейза во время чтения его инаугурационной речи. Брэгг, присутствовавший на церемонии, получил депеши, извещавшие о скором приближении колонн Союза.(29) Это привело к всеобщему паническому бегству ассамблеи, большую часть которой составляли военные Конфедерации, и инаугурация так и не была завершена. Хейз бежал из столицы, наполовину вступив в должность, сопровождая армию, и это было, пожалуй, последнее, что слышали о губернаторе Кентукки, выступающем за отделение.

Брэгг лично поспешил в Харродсбург и там встретился с Полком, который сообщил ему новости о передвижениях своей армии и приближении колонн Союза. Брэгг пришел к выводу, что широкий фронт, прикрываемый силами Союза (около пятнадцати миль), давал возможность разбить часть из них в раннем сражении, и поэтому он в 17.40 7-го числа приказал полку отозвать дивизию Читема, которой до сих пор было приказано усилить Смита, и образовать соединение с корпусом Харди близ Перривилля, и там немедленно дать бой, а затем двигаться к Версалью, куда Смиту было приказано отправиться со своей армией.(30) МакКук был повернут прямо на Перривилл, и Силлу было приказано двигаться в том же направлении. Бьюэлл, в 7 часов вечера 7-го, казалось, знал, что на следующий день в Перривилле будет оказано упорное сопротивление. Он так и посоветовал генералу Томасу.(31) Полк с дивизией Читема достиг Перривилля около полуночи 7-го, и войска были размещены на заранее установленной линии с расчетом на то, что сражение начнется рано утром следующего дня. Войска Конфедерации, таким образом, занимавшие позиции, насчитывали около 18 000 человек, в то время как непосредственно им противостояло еще ни одно подразделение на позициях, и, фактически, на стороне Союза не проводилось никакой реальной подготовки к сражению. Ночью на крайнем левом фланге конфедерации произошла стычка между бригадой полковника Дэна Маккука и дивизией Шеридана за владение водой в Докторс-Форк, но не более того.

Брэгг в Харродсбурге, не услышав, что на рассвете началось сражение, поспешил в Перривилл, и там в 10 часов утра узнал, что по предложению Полка был проведен совет генералов Конфедерации, на котором было решено действовать только в обороне. Однако он, после некоторой рекогносцировки и корректировки позиций, приказал полку вступить в бой.(32)

Маккук со своими двумя дивизиями подошел примерно в трех милях от Перривилля около 10.30 утра 8-го числа и столкнулся там с некоторым сопротивлением, а позже его войска были выдвинуты вперед и сформированы справа от дивизии Руссо, расположившись возле сарая к югу от дороги Перривилль и Маквилл, а слева от нее по хребту через кукурузное поле тянулся лес, занятый 2-м и 33-м Огайо. Правый фланг бригады генерала Уильяма Р. Террилла из дивизии Джексона опирался на лес слева от Руссо, его левый фланг образовывал тыл. Бригады Старкуэзера и Вебстера Руссо и дивизии Джексона, соответственно, были размещены Маккуком в поддержку названной линии. Дивизии Шеридана и Р. Б. Митчелла из Третьего корпуса были размещены не для подготовки к бою, а в нескольких сотнях ярдов справа от Маккука, но предполагалось, что они будут достаточно близко, чтобы защитить его.(33)

За исключением нескольких стычек в рядах перестрелок и поисков позиций, ожесточенных боев не было до 14:00, когда решительная атака всей силы обрушилась на бригаду Террилла, в результате чего она вскоре уступила, генерал Джеймс С. Джексон, командир дивизии, был убит при первом обстреле, и вскоре после этого Террилл пал. Маккук ранее (около 12.30 пополудни)

поехал в штаб Бьюэлла, расположенный примерно в двух с половиной милях от него, и проинформировал его о ситуации, но это не пробудило в нем опасения, что вот-вот начнется сражение. Вся команда Маккука, присутствовавшая на поле, вскоре столкнулась с большими трудностями. Об этом капитан Фишер из штаба Маккука сообщил Бьюэллу в его палатке в 3.30 или 4 часа дня, и Бьюэлл утверждал, что это была его первая новость о том, что на его фронте бушевало сражение.

Полк с тремя дивизиями пехоты и дополнением артиллерии, а также с кавалерией на каждом фланге обрушился на две оставшиеся без поддержки дивизии Маккука, умело выбрав место и способ атаки. Правый фланг Руссо был атакован вскоре после того, как бригада Терриля была отброшена назад, и вскоре в бой вступила вся его дивизия. Конфедераты продвигались под прикрытием артиллерийского огня, обходя правый фланг Руссо. Его войска выстояли, несмотря ни на что, и оказали самое доблестное сопротивление. Их правый фланг был повернут, когда бездействующий корпус Гилберта был достаточно близко, чтобы сразу вступить в бой и обеспечить им защиту. Команда Маккука, хотя и сильно пострадала, не была изгнана с поля боя. Мой старый полк занимал вершину холма, прямо за сараем для сена. На этой позиции под командованием полковника Джона Битти он сражался, подвергаясь шквальному огню вражеских батарей и фронтальному и фланговому огню его пехоты. Амбар, наконец, загорелся, и его пламя было таким жарким, что правая сторона полка была вынуждена временно уступить дорогу. Его потери составили 190 из находившихся на тот момент в строю 500 человек, включая капитанов Кунарда и Макдугала и лейтенантов Сент-Джона и Старра среди убитых. Полковник У. Х. Литл, командовавший бригадой, был ранен и взят в плен.

Конфедераты временно овладели лишь частью поля боя, и ночью корпус Маккука все еще противостоял им.

Дивизии Шеридана и Р. Б. Митчелла из Третьего корпуса вечером предприняли некоторый отвлекающий маневр, отойдя назад и угрожая левому флангу полка. В конце дня Бьюэлл приказал направить подкрепление к Маккуку, но они прибыли к нему слишком поздно для начала сражения. Полк заявил о победе, но, хотя у него был некоторый временный успех, обе армии спали на поле боя.

Неспособность Бьюэлла узнать или услышать о битве до тех пор, пока не стало слишком поздно, чтобы ввести в нее свои многочисленные войска вблизи поля боя, стала предметом многочисленных комментариев. Если бы Криттендена и Гилберта оттеснили вперед, пока силы Брэгга сражались с Маккуком, его армия была бы отрезана, взята в плен или рассеяна; армия Кирби Смита, расположенная дальше к северу, также оказалась бы под угрозой.

Во время войны такая возможность больше не представилась. Говорят, что Бьюэлл был в своей палатке, а ветер был неблагоприятный. Но где были его штабные офицеры, которые должны были стать глазами и ушами своего генерала?

Потери Союза составили 39 офицеров и 806 рядовых убитыми, 94 офицера и 2757 рядовых ранеными, всего 3696 человек; и взятыми в плен или пропавшими без вести 13 офицеров и 502 рядовых, всего 4211 человек. Из них дивизия Руссо потеряла 18 офицеров и 466 человек убитыми и 52 офицера и 1468 человек ранеными, всего 2004; и дивизия Джексона потеряла 6

офицеров и 81 человека убитыми и 8 офицеров и 338 человек ранеными, всего 433; в общей сложности, две дивизии, 2437. Еще несколько убитых и раненых были из трех дивизий Третьего корпуса.(34)

Потери конфедерации, по сообщению генерала Полка, составили 510 убитых и 2635 раненых, всего 3145 человек; 251 взят в плен, всего 3396 человек.(34)

Брэгг отступил с поля боя при Перривилле ночью после битвы и объединил свою армию с армией Смита при Харродсберге. Начиная с 13 октября, он отступал через Юго-восточный Кентукки через Камберлендский перевал в Теннесси, оттуда перебросил свою армию в Мерфрисборо, куда ранее был отправлен Брекинридж, также кавалерия Форреста.

Так закончилось великое вторжение. Оно не принесло ни одного из ожидаемых плодов. И Брэгг, и Кирби Смит остро ощутили разочарование от того, что сыновья Кентукки не сплотились под их стандартами. Брэгг часто замечал, находясь в Кентукки: "У здешних людей слишком много жирного скота, и они слишком богаты, чтобы воевать".

Из Брайантсвилла он написал генерал-адъютанту в Ричмонд:

"Кампания здесь была основана на вере и самых позитивных заверениях в том, что народ этой страны массово восстанет, чтобы отстоять свою независимость. Ни у кого из людей никогда не было такой благоприятной возможности, но я с сожалением должен добавить, что у них практически нет желания ею воспользоваться".(35)

Концепция вторжения была замечательной, а проведение кампании энергичным и, при всех обстоятельствах, умелым, но если бы армия Огайо была быстро перемещена и смело сражалась вместе со своими многочисленными вспомогательными силами, армии Брэгга и Кирби Смита были бы разбиты и уничтожены по отдельности.

Армия Бьюэлла преследовала врага из Кентукки и, наконец, сосредоточилась перед Нэшвиллом. По указанию президента 24 октября 1862 года штат Теннесси к востоку от реки Теннесси и Северные районы Алабамы и Джорджии стали департаментом Камберленд, и генерал У. С. Роузкранс был назначен его командующим, а его войска составили Четырнадцатый армейский корпус.(36) В тот же день Бьюэллу было приказано передать командование Роузкрансу. Последний пережил Бьюэлла в Луисвилле 30 октября. Бьюэлл удалился в Индианаполис ждать приказов. Его больше никогда не назначали на действительную службу, хотя он занимал чин генерал-майора до 23 мая 1864 года. Он был не лишен таланта и обладал большим военным образованием; был хорошим организатором и сторонником дисциплины, но больше подходил для должности адъютанта, чем для командования в полевых условиях. Многое, что говорили о нем, было неправдой или несправедливостью, но факт остается фактом: он потерпел неудачу как независимый командующий армией во время полевых операций. Обладая большими возможностями, он не добился успеха— единственного испытания величия на войне - возможно, ни в какой жизненной ситуации. Однако он не был последним представителем класса, развитого и призванного на фронт в связи с военной необходимостью, кто не справлялся с порученной им работой или кто не мог или не воспользовался предоставленными возможностями.

Роузкранс, командуя армией Камберленда, выиграл битву при Стоунз-Ривер (31 декабря 1862 года); затем оттеснил Брэгга за реку Теннесси и участвовал в великой битве при Чикамоге 19 и

20 сентября 1863 года. 19 октября 1863 года Томас сменил его в Чаттануге, а 28 января 1864 года был назначен в департамент Миссури. На этом новом поприще Роузкранс проявил большую активность и хорошо послужил, но 9 декабря 1864 года его снова сменили, и с тех пор он ожидал приказов в Цинциннати. Несмотря на некоторые ошибки, его характер великого солдата и полководца выдержит суровое испытание военных критиков. Он был разносторонне развитым человеком, прекрасным собеседником и добродушным джентльменом, который привлек к себе много преданных друзей.

Эта глава, и без того более объемная, чем предполагалось изначально, должна на этом закончиться, поскольку я должен обратиться к другим кампаниям, армиям и полям сражений, более тесно связанным с моей дальнейшей карьерой в Войне за Восстание.

(1) *Военные отчеты*, том xvi, часть I., стр. 838-841.

(2) *Там же.*, часть II., стр. 290.

(3) *Военные отчеты*, том x, часть I., стр. 910.

(4) *Там же*, том xvi, часть II, стр. 404.

(5) *Битвы и лидеры*, том iii, стр. 39, и см. *Военные отчеты*, том xvi, часть II, стр. 394, 395.

(6) *Огайо на войне*, том первый, стр. 93.

(7) *Битвы и лидеры*, том ii., стр. 736.

(8) *Битвы и вожди*, том ii., стр. 744, карта.

(9) *Военные отчеты*, том ii. xvii., Часть I., стр. 158, 170; *Битвы и вожди*, том ii., стр. 752.

(10) *Военные отчеты*, том. xvii., часть I., стр. 176.

(11) *Там же.*, стр. 381 (382-4).

(12) *Там же.*, стр. 158, 308.

(13) *Военные отчеты*, том. xvii., часть I., стр. 205-8, 302, 322.

(14) *Там же*, стр. 158; *Мемуары Гранта*, том i, стр. 417.

(15) *Битвы и лидеры*, том ii., стр. 753; *Военные отчеты* (отчет Розекранса), том ii. xvii., Часть I., стр. 170.

(16) Атлас, *Военные отчеты*, часть V., номер 24.

(17) *Военные отчеты*, том xvi., часть I., стр. 978.

(18) *Военные отчеты*, том xvi., часть I., стр. 966, 970.

(19) *Битвы и лидеры*, том iii., стр. 603-42.

(20) В то время как армия собиралась у Капающих источников, около полуночи из стада вырвался бык и в диком неистовстве метался взад и вперед по армии, прыгая на разбитых

биваком спящих солдат, многих серьезно ранив, пока большая часть армии не была поднята по тревоге и не была вызвана наверх. В конце концов его окружили и закололи штыками до смерти.

- (21) Атлас, *Военные отчеты*, часть V., номер 24.
- (22) *Военные отчеты*, том xvi., часть I., стр. 862-8.
- (23) *Военные отчеты*, том xvi., часть I., стр. 862-8.
- (24) *Там же.*, часть II., стр. 564.
- (25) *Там же.*, стр. 539, 554-5, 560.
- (26) *Военные отчеты*, том xvi., часть II., стр. 554-5, 560.
- (27) *Битвы и лидеры*, том iii., стр. 43, 61.
- (28) *Битвы и вожди*, том iii., стр. 47, 602.
- (29) *Битвы и лидеры*, том iii., стр. 602, 47.
- (30) *Военные отчеты*, том xvi., часть I., стр. 1092-6.
- (31) *Там же.*, часть II., стр. 580.
- (32) *Военные отчеты*, том xvi., часть I., стр. 1092-3.
- (33) *Там же.*, стр. 1040.
- (34) *Военные отчеты*, том xvi., часть I., стр. 1033, 1112.
- (35) *Военные отчеты*, том xvi., часть I., стр. 1088.
- (36) *Там же.*, часть II., стр. 641, 654.

ГЛАВА IX Полковник 110—го добровольческого полка Огайо — Кампании в Западной Вирджинии под командованием генерала Милроя, 1862-1863 гг. -Освобождение рабов в долине Шенандоа и инциденты

30 сентября 1862 года я прибыл в Колумбус, штат Огайо, из Луисвилля и сразу получил звание полковника 110-го добровольческого пехотного полка штата Огайо. Мой полк находился в Кэмп-Пиква, штат Огайо, еще не организованный, без оружия и одежды. Я обнаружил, что лагерем командует полковник ополчения, назначенный специально для этой цели.

Бойцы 110-го Огайо были по большей части набраны из сельской местности и питались в лагере, по большей части, домашней едой, добровольно поставляемой их друзьями. Это были прекрасные молодые люди, но ни один из офицеров не служил в армии.

Я отказался принять командование лагерем или полком до тех пор, пока не будут доставлены одежда и оружие. Трех-четыре дней хватило, чтобы раздобыть эти припасы, но удалось раздобыть только гладкоствольные мушкеты с капсюлями .69 калибра. Эти ружья были тяжелыми, длинными и громоздкими и намного уступали спрингфилдской винтовке 58-го калибра, но я принял их временно, чтобы не мешать строевой подготовке и дисциплине в полку, которые были невозможны без них.

Приняв командование, я созвал офицеров полка и объяснил им их обязанности, а также свои собственные, и особенно проинформировал каждого командира роты о том, что от него потребуются квалификация для командования своей ротой и что он всегда будет нести ответственность за поведение солдат. Была создана офицерская школа, и вскоре весь лагерь приобрел военный вид. Работа, начатая таким образом вовремя, превратила этих необученных добровольцев в офицеров и солдат, столь же хороших, как те, которые когда-либо сражались в любой войне или стране. (1)

Обстановка в Кэмп-Пикую не благоприятствовала дисциплине, но 19 октября 1862 года полк сел в автомобили и проследовал через Колумбус в Зейнсвилл, оттуда по воде в Мариетту, а оттуда пешком в Паркерсбург, Западная Вирджиния, где он впервые занял территорию, называемую страной врага, и разбил лагерь. Ранняя, но сильная снежная буря разразилась в первую ночь нашего лагеря и предвещала трудности и страдание, которым не суждено было прекратиться до окончательной победы при Аппоматтоксе. Строевая подготовка и дисциплина прошли удовлетворительно. Новые войска будут храбро выполнять свою работу в бою, если они смогут успешно маневрировать, а также знать, как пользоваться своим оружием. Генерал Дж. Д. Кокс, командующий округом Западная Вирджиния, со свойственной ему форменной вежливостью приветствовал меня телеграфом в моем новом районе действий. Через несколько дней меня отправили в Кларксбург, в подразделение, знакомое мне по службе под командованием Макклеллана.

В Паркерсберге я впервые встретил 122-й пехотный полк Огайо под командованием полковника У. М. Х. Болла. Он был младше меня на восемь дней призыва, и, следовательно, за более чем два года, что наши полки служили вместе, я обычно командовал им. Он не был образованным солдатом и не стремился им стать, не прилагал усилий, чтобы хорошо выглядеть на учениях или на параде, и все же он был самым ценным офицером, преданным и разумно храбрым, обладающим достаточными умственными способностями, чтобы успешно занять любую должность. Он не стремился к высшему командованию, но всегда добросовестно выполнял свой долг в лагере и на поле боя. Его преданность мне, хотя он старше меня по годам, до сих пор заслуживает моей благодарности.

В его полку, как и в добровольческих полках в целом, было много людей, которые прославились на войне, а еще позже и в мирное время. Подполковник Мозес М. Грейнджер был самым опытным офицером и заслуживал более высокого звания. В дополнение к отличию, завоеванному им как солдатом, он приобрел высокую репутацию гражданина, юриста и правоведа.

Первый хирург (Таддеус А. Рими) 122d, хотя и проработал в этой области недолго, занял первое место в своей профессии, как и следующий хирург, У. М. Хьюстон, и его ассистент, Уилсон Дж. Брайант. Его капеллан Чарльз К. Маккейб был одним из лучших и наиболее эффективных на войне. Его рвение при любых обстоятельствах выполнять высокие служебные обязанности и жизнерадостный нрав помогали в трудные времена поддерживать дух и мужество солдат. Он оказывал помощь раненым и умирающим на поле боя, а также больным и инвалидам в госпиталях. Он прославился во всех армиях, в которых служил, тем, что пел в подходящее время сильным, мелодичным голосом патристические и религиозные песни, к которым, часто даже на марше, присоединялась большая часть армии.

С тех пор он добился успеха в Методистской епископальной церкви, епископом которой он сейчас является. Уильям Т. Мелой, доктор философии Объединенной пресвитерианской церкви, ныне расположенной в Чикаго, был лейтенантом в этом полку. Он прославился своей ученостью и высоким характером. Те, кто назван в этих полках-компаньонах, являются примерами только тех, кто добровольно и героически выдержал тяжелое испытание войной.

Ложное сообщение о том, что Стоунволл Джексон угрожал совершить налет на железную дорогу Балтимора и Огайо в Нью-Крик (ныне Кейзер), Западная Вирджиния, вызвало поспешный перевод по железной дороге моего командования туда. Там я сначала попал под непосредственное командование генерал-майора Роберта Х. Милроя, тогда отличавшегося своим рвением к Союзу и личной храбростью. Он был высокого роста и обладал внушительной осанкой. Его копна седых, всклокоченных, жестких волос побудила солдат окрестить его "Серым орлом". Он хорошо разбирался в военном деле и участвовал во многих самых кровопролитных сражениях войны, особенно во втором Булл-ране при Поупе. Он также участвовал в Мексиканской войне. Несмотря на свою чрезмерную порывистость, он был справедливым, щедрым, добросердечным человеком и в высокой степени пользовался доверием своих войск. Он навлек на себя недоброжелательство военного министра Стэнтона и, считая, что с ним обошлись несправедливо, более чем отвечал взаимностью на неприязнь министра. Он искренне восхищался президентом Линкольном и критиковал его только за промедление с освобождением рабов. Он считал, что рабам участников восстания следовало предоставить свободу с самого начала войны. Он был настолько яростно настроен против рабства и отдельных сепаратистов и настолько радикален в своих методах, что Джефферсон Дэвис своим заявлением запретил обращаться с ним и его офицерами, в случае их захвата, как с военнопленными. Ему было поручено проводить оценку жителей и требовать от них принести присягу в поддержку Конституции и Союза. Он также отличился тем, что был упомянут Дэвисом в Послании Конгрессу Конфедерации от 12 января 1863 года. Между противоборствующими властями было много переписки по поводу его способа ведения войны, (2) и, похоже, генерал Халлек дезавуировал и осудил предполагаемые действия Милроя. Многие обвинения против Милроя были ложными, хотя это была правда, что он верил в ведение войны железной рукой. Он относился к солдату Конфедерации на поле боя с большей благосклонностью, чем к домоседу Конфедерации, который действовал как шпион или как партизан, стреляя из засады по проезжающим солдатам или погонщикам и перерезая телеграфные провода. Он действительно потребовал, чтобы некоторые влиятельные лица, проживавшие в пределах его подчинения, принесли присягу на верность Соединенным Штатам и Западной Вирджинии или отказались от всех прав на защиту его подразделения. Дальше этого он не пошел.

В Нью-Крике я впервые встретился с Г. П. Ключере, французским солдатом удачи, но недавно получившим звание бригадного генерала. Он командовал под командованием Милроя в Чит-Маунтинской дивизии. Он получил много военных и других знаний, был властным по натуре, неумело говорил по-английски и, казалось, не испытывал желания вступать в контакт с добровольцами. С ним у меня были мои единственные личные трудности серьезного характера во время войны.

В Нью-Крике постоянно проводились учения. Чтобы избежать неожиданностей в виде внезапных перебежек, роты, а также батальон научили быстро выстраиваться в каре и защищаться от кавалерии. В начале декабря Милрой выступил в Литтл-Питерсберг, на Южном берегу Потомака, а меня назначили командовать постом в Мурфилде, включавшим округ Харди,

Западная Вирджиния, штаб Милроя находился в десяти милях от нас. Генерал Ли приказал генералу У. Э. Джонсу, тогда временно командовавшему долиной Шенандоа, вернуть занятый нами округ. Слабые попытки сделать это потерпели неудачу. Однако мы постоянно были начеку из-за назойливых атак иррегулярной кавалерии капитана Макнила или партизан. В конце декабря 1862 года было решено совершить рейд в нижнюю часть долины Шенандоа и, если это окажется практически осуществимым, оккупировать ее навсегда. Мне было поручено возглавить рейд с примерно двумя тысячами пехотинцев, кавалерии и артиллерии. Это привело к необходимости освободить меня от командования этим постом. Поэтому Ключере было приказано из Петербурга сменить меня. Он прибыл поздно вечером со своим штабом и эскортом, показал свои приказы, и я предложил ему немедленно принять командование. Он отказался это сделать, пока не выяснит расположение войск, дороги и т.д. Я предоставил ему удобные помещения, и все шло бы прекрасно, если бы не неожиданный инцидент.

Перед приездом Ключере подполковник полка из Западной Вирджинии подал прошение об отпуске, чтобы съездить в Петербург навестить подругу. На это я ответил отказом, и он согласился поехать без отпуска. После того, как он проехал по речной дороге при лунном свете около трех миль, его остановил человек, который из-за дерева направил на него мушкет и потребовал, чтобы он сдался и отдал свою шпагу, пистолеты, пальто, лошадь и сбрую, что он быстро выполнил и принял условно-досрочное освобождение. Человек, совершивший захват, утверждал, что он обычный солдат Конфедерации, возвращающийся из отпуска к своему командованию. С имуществом полковника и верхом на лошади он продолжил свое путешествие по горной тропе. Полковник вернулся в Мурфилд и рассказал о своем приключении. Я немедленно приказал капитану Роуэну с небольшим количеством его кавалерии из Западной Вирджинии преследовать конфедератов. Поскольку на земле лежал снег, преследовать его было легко, и еще до полуночи капитан захватил его в плен, а все имущество полковника было возвращено в Мурфилд. Когда этот человек предстал передо мной, я произвел некоторый осмотр, а затем приказал отвести его на гауптвахту. В это время на сцене появился Ключере и в возбужденном состоянии потребовал, чтобы я немедленно приказал расстрелять заключенного. Поскольку это было отклонено, он снова предъявил свой приказ заменить меня и заявил, что немедленно примет командование и сам прикажет расстрелять этого человека той ночью. Я не мог отрицать его права принять командование, несмотря на то, что произошло, но я решительно отрицал его полномочия расстреливать пленного и настаивал на том, что не было причин для его немедленного расстрела; что он может быть осужден только военным трибуналом или военной комиссией, и для приведения его в исполнение смертного приговора потребуется одобрение Президента. (Только позже, во время войны, командующие департаментами, округами или армиями смогли утвердить смертный приговор.) Ключере яростно осуждал власти, включая президента, за их мягкий подход к ведению войны и доводил себя до иступления. Пока он готовил приказ, требующий от начальника полиции расстрелять этого человека без суда и следствия, я отправился на телеграф и ознакомил Милроя с ситуацией, после чего он приказал мне сохранить за собой командование постом до дальнейших распоряжений. Милрой, прибывший в Мурфилд на следующий день, поддержал меня, и с солдатом обращались как с обычным военнопленным. Ключере притворился удовлетворенным, и позже ему удалось добиться назначения командовать экспедицией в долину Шенандоа, что было не очень желательно в середине зимы. Он достиг Страсбурга и двинулся через долину на север, к Винчестеру, но был преследуем небольшим отрядом под командованием Джонса. Это сделало необходимым усилить его, и я, следуя приказу,

отправился в это место через Ромни и Блуз-Гэп, и по пути ко мне присоединился Милрой с корпусом его дивизии. Покинув Мурфилд 30 декабря, я с двумя санитарями проехал вперед примерно на милю к Южному ответвлению Потомака, чтобы осмотреть брод, поскольку у нас не было понтонов, и, переправившись через реку, стал ожидать подхода обоза и его охраны, которые должны были продолжить наступление, поскольку в том направлении, как было известно, противника не было. Когда головная часть поезда достигла брода, капитан Дж. Х. Макнил (чей дом находился неподалеку) примерно с пятьюдесятью членами своего партизанского отряда атаковал его, выйдя из засады на берегу реки в Мур-Филд. Завязалась короткая схватка, во время которой я снова переправился через реку и присоединился к ней. Макнилы отогнали с небольшими потерями, но, по крайней мере, на короткое время мне грозила большая опасность попасть в плен.

В этот день ко мне присоединился цветной мальчик, беглый раб, которого мы называли Эндрю Джексон. Он стал моим слугой до конца войны. Он всегда был верным, честным, добродушным и храбрым. Он был чистокровным африканцем и во время битвы добровольно брал в руки оружие солдата и сражался в передовых рядах. Он стал широко известен во всей Потомакской армии и других армиях, в которых я служил, и к нему доброжелательно относились, куда бы он ни приезжал. После войны он проживал в Спрингфилде, штат Огайо, и умер там (1895) от травмы, полученной в результате пинка лошади.

В ночь на 31 декабря 1862 года командование разбило бивак на западном склоне гор Аллегани во время свирепой снежной бури, а рано утром следующего дня мои войска выступили вперед в условиях продолжающегося шторма над вершиной. Вскоре после того, как голова колонны начала спуск на восток, и когда леденящие зимние порывы ветра вызвали самый низкий спад человеческого энтузиазма, я услышал крики, сначала неясные, затем ближе и громче. Это было настолько необычно и неожиданно в сложившихся удручающих обстоятельствах, что я приказал колонне остановиться, пока я не смогу вернуться и выяснить причину. Моим первым впечатлением было, что была произведена внезапная атака в тыл войскам, но когда крики раздались ближе, я принял их за предвестие великой победы, известие о которой только что пришло. Добравшись до вершины горы, я разглядел сквозь летящий снег генерала Милроя, едущего вдоль строя войск и останавливающегося через определенные промежутки времени, как бы для краткого обращения к солдатам. Я ждал его приближения и, когда он прибыл, обратился к нему с вопросом: "В чем дело, генерал?" В правой руке он держал шляпу и шпагу, а другой гнал свою лошадь безрассудным галопом по снегу, его высокая фигура, растрепанные седые волосы, развевающиеся на ветру, и явное волнение делали фигуру наиболее живописной и поразительной. Он резко остановил свою лошадь, чтобы ответить на мой вопрос. Естественное препятствие в его речи, которое сильнее всего сказывалось на нем, когда он был взволнован, вызвало некоторую задержку в его первом пылком высказывании. Он сказал:

"Полковник, разве вы не знаете, что сегодня День освобождения, когда все рабы станут свободными?"

Затем он повернулся к остановившимся войскам и снова заговорил:

"В этот день президент Линкольн провозгласит свободу четырех миллионов человеческих рабов, что станет самым важным событием в истории мира со времен рождения Христа. Наше хвастовство тем, что это страна свободы, было наглой ложью. Отныне это будет подлинной реальностью. Поражения наших армий в прошлом мы заслужили, потому что мы

вели войну для защиты, увековечения и укрепления цепей рабства. Отныне мы будем вести войну, чтобы установить и увековечить свободу для всего человечества под нашим флагом; и Господь Бог Всемогущий будет сражаться на нашей стороне, и он - воинство, и армии Союза одержат победу."

Именно этот характер речи побудил солдат к громким демонстрациям на вершине цепи Аппалачей этим холодным и ненастным утром середины зимы. Продолжение показывает, как сбывалось пророчество Милроя; но не всегда победа приходила к оружию Союза. Как и во времена Крестовых походов, когда предполагалось, что Господь будет сражаться на стороне крестоносцев, победа не всегда была на их стороне. Шарль Мартель, веривший в молитву о божественной помощи при вступлении в бой, все же свидетельствовал, что "Господь всегда сражается на стороне самых тяжелых батальонов"; это был всего лишь другой способ сказать: "Господь помогает тем, кто помогает себе сам".

Командование Милроя вышло в долину Шенандоа, уже запомнившуюся своими многочисленными кровавыми конфликтами, которым суждено было стать еще более запоминающимися из-за других, гораздо более кровавых сражений.

Эта пострадавшая от войны долина, от Стонтон до Потомака, была красивой и богатой, а ее жители до войны были гордыми и хвастливыми; у них было много рабов для обработки земли и в качестве личных слуг. Это также была питательная среда для рабов, которые на более южном рынке приносили большую прибыль своим владельцам. Винчестер был родиной масонов и других людей, выдающихся государственных деятелей и солдат на протяжении всей истории Вирджинии.

Но не все жители долины Шенандоа были нелояльны. До фактического начала войны большинство его голосующего населения было за Союз, и его представители проголосовали против Постановления об отделении. Я видел обращение Филипа Уильямса, эсквайра, старого, уважаемого и выдающегося юриста из Винчестера, сделанное, когда рассматривался вопрос об отделении, в котором он попытался изобразить ужасы войны, которая последует за попыткой создать независимое правительство. Он пророчествовал, что долина станет полем битвы для враждующих воинств; что поля будут разорены, урожай уничтожен, зерно и скот конфискованы; а рабов уведут и отпустят на свободу. Его обращение на какое-то время вызвало у него насмешки. Он дожил до того, что увидел, как его словесная картинка предстает всего лишь тщеславным, слабым отражением реальности. Когда началась война, и его сыновья и друзья вступили в армию Конфедерации, его симпатии были на стороне Юга. Однако он часто возвращался к своему более чем сбывшемуся пророчеству. Он дожил до того, чтобы увидеть, как долина на протяжении девяноста или более миль ее протяженности пропитана запахом крови; дома, будь то в городе или деревне, превращены в госпитали, а охваченные войной огни горящих мельниц, амбаров и зернохранилищ освещают долину и горные склоны до вершин Голубого хребта и Аллеганских гор на востоке и западе. Перо не может адекватно описать ад агонии, опустошения и отчаяния, которые наблюдались в этом плодородном регионе за четыре года войны; и задолго до окончания конфликта там не содержалось ни одного раба-человека. Однако с тех пор, при новой цивилизации, он уже давно восстановил свое бывшее процветание, и ни один его обитатель, хотя многие из них являются сыновьями и дочерьми рабовладельцев, не желает снова держать рабов. Не все богатые довоенные жители этой долины владели рабами или верили в рабство. Многие были квакерами, другие данкардами (или тункерами), все

из которых по религиозному воспитанию и убеждениям были противниками человеческого рабства, следовательно, против Отделения и рабовладельческой власти. Некоторые молодые люди из семей квакеров или Данкардов по принуждению вступили в Армию Конфедерации, но их было немного. Несмотря на то, что они были против войны, более лояльных членов Профсоюза нигде нельзя было найти. Соседи-сепаратисты называли их "*тори*", а квакеры - потомками тори Революции. Часто приходилось слышать рассказы о заключении в Винчестере по приказу генерала Вашингтона некоторых квакеров из Филадельфии, которые утверждали, что были тори, которым был установлен двадцатимильный тюремный срок, и которые, когда наступил мир, возжелали богатых земель долины и были унижены своим заключением, послали за своими семьями и поселились там навсегда. Раскрывает ли эта история истинную причину раннего поселения квакеров в Вирджинии или нет, несомненно, что они были лояльны Союзу, который Вашингтон помог основать, и выступали против человеческого рабства.

Энтузиазм Милроя по поводу Эмансипации был воплощен на практике, когда он поступил в Винчестер. Не видя Прокламации президента и не зная наверняка, что она была издана и применима к округу Шенандоа-Вэлли, Милрой выпустил прокламацию, озаглавленную "Свободу рабам". Это привело к тому, что те, кто находился в его подчинении, немедленно покинули своих хозяев. Хотя рабы не умели читать, ни один не упустил случая в течение последующей ночи услышать, что свобода была провозглашена, и все, даже самые доверенные личные или домашние слуги, независимо от возраста, пола или предыдущего доброго обращения, насколько известно, отстаивали свою свободу. Каким-то образом этим людям было внушено, что если они словом или действием, каким бы простым или неважным оно ни было, после Провозглашения согласятся со своим прежним состоянием, они снова на всю жизнь станут рабами. Вероятно, они заимствовали это понятие из библейской истории о еврейском рабстве, где говорится, что после шестилетней службы раб должен стать свободным, за исключением случаев, когда, предпочитая рабство, он добровольно позволял своему бывшему хозяину протыкать уши шилом у дверного косяка и таким образом навечно посвящал себя рабству.(3)

Таким образом, оказалось, что многим аристократическим матронам и девицам, воспитанным в роскоши и привыкшим к личному обслуживанию слуг, приходилось самим готовить себе завтрак или голодать, поскольку никакие уговоры, доброе обращение или обещания не могли заставить бывшую рабыню совершить малейший поступок, который, возможно, можно было бы истолковать как согласие с предыдущим состоянием рабства. Даже заверения профсоюзного офицера не могли поколебать их позиции. "Юбилейный год", о котором они пели в своих сердцах, давно наступал для них, и им не нужны были шила и дверные косяки для ушей, да они и не собирались рисковать. Многие из них, хотя их хозяева и предлагали пищу для собственного употребления, не готовили ее, чтобы это не было истолковано как признание сохраняющейся власти хозяина над ними. Большинство из них с поразительной быстротой собрали свое небольшое имущество и заявили, что готовы эмигрировать. Генерал Милрой использовал пустые поезда, идущие на север за припасами, чтобы перевезти этих освобожденных людей с земли их рождения туда, где рабское состояние не могло их настигнуть. Большинство из них знали историю Джона Брауна, и многие из них каким-то образом были снабжены дешевыми вырезанными из дерева фотографиями этого раннего поборника их свободы. Каким-то образом они научились также петь песни Джона Брауна и другие песни о свободе. Когда поезда, груженные этими людьми, направлялись к Потомаку, в них звучали песни о свободе и

религиозные гимны, характерные для их расы, с универсальной, но более жизнерадостной музыкой скрипки и банджо.

Они были беззаботны и свободны от забот, хотя и покидали весь дом, который когда-либо знали, и отправлялись неизвестно куда, за домом и защитой, — все было им компенсировано, если бы только они были свободны навсегда. Быстрое освобождение рабов было исключительным явлением в долине Шенандоа, особенно в Винчестере. Большинство этих освобожденных людей вскоре нашли дома и работу, некоторые из молодых людей пошли в армию, позже в качестве солдат, а другие - на фермы или в качестве домашней прислуги на Север, где война отзывалась трудоспособных мужчин. Великие испытания, выпавшие на долю вольноотпущенников, начались только после войны.

Не следует предполагать, что рабовладельцы в Долине были, по крайней мере во время войны, жестоки к своим рабам; напротив, доброта и снисходительность были правилом. Вероятно, это было верно в довоенные дни, за исключением случаев, когда членов семей продавали и разлучали для отправки в отдаленные районы. Я не помню ни слова осуждения в адрес черных за то, что они приняли свободу. В некоторых случаях выражалась жалость. Были предложены памятные подарки, которые были приняты с чувством. Те, кто был домашним или личными слугами, часто проявляли чувство сострадания к жалкому и беспомощному состоянию тех, кому они так долго служили. Следует помнить, что, независимо от того, какими поместьями когда-то владели, война обнищала жителей этой Долины, и лишь немногие из них могли, даже имея деньги, обеспечить себя достаточным количеством еды, одежды и помощи, чтобы жить в условиях, приближающихся к комфорту. И будущее тогда не сулило облегчения.

Бедственное положение некоторых богатых людей вполне могло бы вызвать сочувствие. Я помню прекрасную семью Винчестерцев, состоявшую из четырех леди, матери и трех взрослых дочерей, которые были образованны и образованны, не привыкли работать и до сих пор полностью зависели от своих рабов. Белых или черных слуг после Объявления нельзя было нанять за деньги. Поэтому эти дамы провели консультацию, чтобы определить, что можно сделать. Мать не пыталась выполнять то, что она считала черной службой. В конце концов дочери решили работать "неделю напролет", и таким образом каждая могла быть *леди* две недели из трех. Этот план, казалось, сработал хорошо, и вскоре они развеселились по этому поводу и хвастались домашними достижениями.

Клюзере во время своего рейда в Долину размышлял над инцидентом, в результате которого ему не позволили принять командование постом в Мурфилде, и притворился, что верит, будто я причинил ему зло. Он зашел так далеко, что открыто рассказал офицерам полиции об инциденте и заявил, что, если он встретит меня снова, он застрелит меня, если я не заглажу свою вину. Эти угрозы поступили ко мне по прибытии в Винчестер, и мои друзья, казалось, предчувствовали серьезные последствия. Поскольку я всегда осуждал личные конфликты и старался избегать их, я был несколько раздражен. Я мало что знал о Клюзере или его характере, за исключением того, что он был авантюристом или солдатом удачи. Я ничего не сказал о том, что я буду делать, если он попытается напасть на меня, но я позаботился о том, чтобы иметь при себе револьвер, из которого намеревался, в случае нападения, убить его, если это возможно, прежде, чем я получу какое-либо серьезное ранение. Вскоре я встретил его, отдал честь и прошел мимо, не получив в ответ ничего, кроме свирепого, порочного взгляда. После этого я несколько раз проходил мимо него в лагерях или по дорогам, не замечая его, и хотя его угрозы

повторялись, он ко мне не приставал. Вскоре инцидент и его последующее поведение привели к некоторым разногласиям между ним и Милроем. Милрой арестовал его, и позже командование отдало ему приказ. 2 марта 1863 года ему было разрешено уйти в отставку, поскольку он служил бригадным генералом добровольцев с 11 октября 1862 года, а ранее, с 10 марта 1862 года, был полковником и исполняющим обязанности адъютанта. Он отправился в Нью-Йорк и там сделал какую-то газетную работу, в которой критиковал президента Линкольна и ведение войны, а впоследствии исчез. Впоследствии он стал военным министром коммуны в Париже, незадолго до окончания франко-прусской войны. Он бежал из Парижа при его закрытии, а годы спустя, будучи помилован, вернулся во Францию и теперь, как мне сообщили, является членом Палаты депутатов от социалиста.

Было много таких авантюристов, как Ключере, из-за рубежа, которые получили чины в нашей добровольческой армии благодаря своим предполагаемым военным знаниям или опыту, которые почти без исключения потерпели неудачу или что похуже. Как правило, они были властными и обладали темпераментом, не подходящим для того, чтобы командовать американским солдатом-добровольцем. Фактически, они не были с ним близки и не завоевали его доверия. Однако это было неверно в отношении русского генерала Джона Б. Турчина и, возможно, очень немногих других.

Командование Милроя в течение зимы было в основном занято удержанием долины и защитой железной дороги Балтимор-Огайо от набегов небольших отрядов конфедератов. В этом оно было успешным. Теперь мы находились в Среднем департаменте, которым командовал генерал Роберт К. Шенк, штаб-квартира которого находилась в Балтиморе. Шенк был назначен бригадным генералом добровольцев 17 мая 1861 года и генерал-майором 30 августа 1862 года. До своего назначения в этот департамент он с отличием служил в Восточной армии и был избран в Конгресс в 1862 году, но сохранил свою должность до заседания Конгресса 5 декабря 1863 года. Шенк, хотя и не имел военного образования или опыта, был человеком с военным чутьем и обладал многими высокими качествами солдата. Он был образованным государственным деятелем, юристом и мыслителем, а также серьезным, энергичным, напористым, успешным человеком.

По большей части, находясь в Винчестере, я командовал бригадой, состоящей из пехоты и артиллерии, расположенной на высотах, но некоторое время я находился под командованием бригадного генерала Вашингтона Л. Эллиота, кадрового офицера, который был дружелюбным и способным во всем, что касалось военной дисциплины, но робким и не предприимчивым. Он добросовестно выполнял все свои обязанности в соответствии с приказами, но не более того. Милрой, с другой стороны, был беспокойным и постоянно настороже, стремясь сделать все, что было возможно для его команды, поэтому нас часто отправляли в рейды вверх по долине в Стонтон, Фронт-Ройял, и через горы. Партизаны полковника Мосби наводнили местность к востоку от Долины и часто врывались в нее через перевалы Блу-Ридж и нападали на наши обозы с припасами, небольшие разведывательные группы и пикеты, мало чего добиваясь, кроме того, что держали нас на чеку.

Кавалерия Имбодена и Дженкинса удерживала верхнюю долину в окрестностях Маунт-Джексона и Нью-Маркет, но в целом отступила без боя, когда против них двинулась экспедиция. Поскольку мы находились на территории противника, о наших передвижениях, как правило, быстро становилось известно конфедератам, и наши экспедиции обычно не приносили

существенных результатов. В январе 1863 года я повел отряд численностью около тысячи человек на Фронт-Ройял, который тогда удерживался небольшим кавалерийским отрядом, который я надеялся застать врасплох и захватить в плен, но мне не удалось ничего сделать, кроме как взять несколько пленных и выбить врага с этого места без особых боев. Мы взяли Front Royal поздно вечером очень холодной ночи и решили отложить его до следующего дня. Не будучи уверенным в наших силах и чтобы избежать неожиданности, я был вынужден оставить своих людей дежурить всю ночь. Слабая атака была предпринята на нас только на рассвете.

Иллюстрируя то, как жители Сецессии относились к офицерам Профсоюза, я вспоминаю инцидент, произошедший во Фронт-Ройял. Член моего штаба организовал ужин в доме полковника Бэкона, старика и сепаратиста. Полковник обращался с нами вежливо, но пока мы ели, несколько горожанок собрались в соседней гостиной, где стояло пианино, распахнули дверь и принялись исполнять такие военные песни Конфедерации, как "Прочь, Стоунуолл Джексон" и "Мой Мэриленд"..... "....."..... "Мы, конечно, с добродушием приняли этот концерт в нашу пользу, но когда мы закончили ужин, без приглашения капеллан Маккейб — ныне епископ Маккейб - и я вошли в гостиную. Нам даже не предложили присесть, и через короткое время музыка смолкла, и дама за пианино покинула ее. Капеллан Маккейб сразу же сел за пианино и, к изумлению дам, начал петь своим необычайно сильным, звучным голосом: "Мы идем, отец Абрахам, еще триста тысяч". Дамы некоторое время мужественно стояли на своем, но пока капеллан, аккомпанируя себе, пел "*Мой Мэриленд*" со словами, описывающими вторжение Ли и отступление из Мэриленда, включая слова "И они оставили Антьетам по своему следу, по своему следу", дамы распахнули входную дверь и опрометью бросились на улицу, а оттуда по своим домам. Впоследствии говорили, что мы были невежливы с этими дамами.

Находясь в Винчестере, помимо обычной лагерной службы и участия в случайных рейдах, я был президентом Военной комиссии, состоящей из трех офицеров, с офицером для записи. Она была создана по образцу военной комиссии, впервые созданной, я полагаю, генералом Скоттом в Мексике для суда над гражданами за преступления, не наказуемые по статьям военного кодекса. Возникла необходимость в каком-то органе власти для рассмотрения преступлений по общему праву, поскольку все суды в долине были приостановлены. Помимо граждан, обвиняемых в таких преступлениях, в комиссию для судебного разбирательства были переданы граждане, обвиняемые в преступлениях против армии Союза, таких как стрельба по солдатам из засады и т.д. Конституционность комиссии была поставлена под сомнение, однако она рассматривала только официальные обвинения граждан, обвиняемых в убийстве, воровстве, краже со взломом, поджоге и нарушении общественного порядка. Как правило, его выводы и приговоры утверждались Военным министерством или президентом, даже когда обвиняемый был приговорен к тюремному заключению в одной из тюрем на Севере страны. Были один или два случая, когда обвиняемых приговаривали к расстрелу, но ни в коем случае президент не допускал приведения такого приговора в исполнение. Во время судебного процесса по обвинению в убийстве старика по фамилии Баффенбаргер я узнал, что в Шарпсбурге, штат Мэриленд, он был другом моего отца, когда оба были молодыми людьми.(4) Оказалось, что Баффенбаргер убил молодого и сильного человека, который жестоко напал на него без уважительной причины. Большинство членов комиссии признали его виновным в непредумышленном убийстве, и комиссия вынесла ему самый мягкий приговор — один год тюремного заключения. Его ранняя дружба с моим отцом, возможно, побудила меня найти основания для его оправдания. Адвокаты допускались ко всем делам; как правило, Филип Уильямс, эсквайр, старый и уважаемый юрист из Винчестера, представлял обвиняемого, а

капитан Зебулон Бэрд, судья-защитник из штата Милрой (способный юрист из Индианы), представлял обвинение.

(1) Особые упоминания об офицерах этого полка см. В Приложении В.

(2) *Военные отчеты*, том ххi., стр. 1054.

(3) Ex. ххi., 6; Deut. хv., 17.

(4) Мой отец, Джозеф Кейфер, родился в Шарпсбурге 28 февраля 1784 года.

РАБСТВО И ЧЕТЫРЕ ГОДА ВОЙНЫ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАБСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

ВМЕСТЕ С ПОВЕСТВОВАНИЕМ О КАМПАНИЯХ И СРАЖЕНИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, В КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ АВТОР: 1861-1865

ДЖОЗЕФОМ УОРРЕНОМ КИФЕРОМ, генерал-майором ДОБРОВОЛЬЦЕВ; БЫВШИМ СПИКЕРОМ ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ США; И генерал-майором ДОБРОВОЛЬЦЕВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ТОМ II. 1863-1865

Сыновья Г. П. Патнэма

Нью-Йорк и Лондон

Издательство "Никербокер Пресс"

1900

Авторское право, 1900 г.

ДЖОЗЕФ УОРРЕН КЕЙФЕР

Издательство "Никербокер Пресс", Нью-Йорк

Содержание

ГЛАВА I Общие замечания об Антитаме, Фредериксберге и Чанселорсвилле —Сражения при Винчестере под командованием генерала Милроя — Его поражение и отступление к Харперс— Ферри - С указанием инцидентов

ГЛАВА II Вторжение в Пенсильванию—Кампания и битва при Геттисберге—Отступление Ли через Потомак и потери с обеих сторон

ГЛАВА III Беспорядки в Нью—Йорке, 1863 г. —Преследование армии Ли до Раппаханнока—Бои на Уоппинг—Хайтс и перестрелки—Западные войска, посланные в Нью-Йорк для проведения призыва-Их возвращение-Инциденты и т.д.

ГЛАВА IV Наступление армии Ли, октябрь 1863 г., и отступление Потомакской армии к Сентревиллю—Битва при станции Бристоу—Наступление армии Союза, ноябрь 1863 г. —Штурм и захват станции Раппаханнок и форсирование бродов—Дело у станции Бренди и отступление армии Конфедерации за Рапидан—Инциденты и т.д.

ГЛАВА V Кампания "Майн Ран" и битва при Апельсиновой роще, ноябрь 1863 г. — Зимний расквартирование (1863-4) Потомакской армии в здании суда Калпепера и его реорганизация-Грант Назначен командующим армиями Союза и подготовка к агрессивной войне

ГЛАВА VI Планы кампаний Союза и Конфедерации—Кампания и битва в дикой местности, май 1864 г.—Автор ранен и личные дела— Продвижение армии к реке Джеймс с упоминанием сражений при Спотсильвании, Колд-Харборе и других сражениях, а также отчет о потерях и пленении

Кампания к югу от реки Джеймс и Питерсберга —Рейд Хантера—Битва при Монокаси— Наступление Эрли на Вашингтон (1864)—Передвижения Шеридана в долине Шенандоа и другие события

ГЛАВА VIII Личное упоминание генералов Шеридана, Райта и Рикеттса, а также миссис Рикеттс; также генералов Крука и Хейса —Битва при Опеционе под командованием Шеридана, сентябрь 1864 г., и инциденты

ГЛАВА IX Битва при Фишерс—Хилл —Преследование Раннего опустошения долины Шенандоа (1864)—Кавалерийское сражение у ручья Тома и второстепенные события

ГЛАВА X Битва при Сидар—Крик, 19 октября 1864 г., с комментариями к ней - также личные упоминания и инциденты

ГЛАВА XI Мирные переговоры—Предложение Ли Джефферсону Дэвису, 1862 г.— Переписка Фернандо Вуда с мистером Линкольном, 1862 г.—Mr. Стивенс в крепости Монро, 1863—Гораций Грили, конференция на Ниагарском водопаде, 1864 —Визиты Жаклин-Гилмор в Ричмонд, 1863-4—Ф. П. Блэр, сенатор, конференции с мистером Дэвисом, 1865—Конференция на Хэмптон—Роудс, мистер Линкольн, Сьюард, Стивенс и другие, 1865-Орд-Лонгстрит, Ли и Грант, переписка, 1865; и Лью Уоллес и генерал Слотер, конференция в Пойнт-Изабель, 1865

ГЛАВА XII Осада Ричмонда и Питерсберга — Взятие и отвоевание форта Стедман и захват части первой линии противника перед Питерсбергом бригадой Кейфера, 25 марта 1865 г. — Битва при Файв—Форкс, 1 апреля— Штурм и взятие работ Конфедератов на левом фланге Союза, 2 апреля — Капитуляция Ричмонда и Питерсберга, 3 апреля - Визит президента Линкольна в Питерсберг и Ричмонд и его смерть

ГЛАВА XIII Битва при Сейлорз—Крик, 6 апреля -Капитуляция армии генерала Роберта Э. Ли у здания суда Аппоматокса, 9 апреля 1865 г. —Капитуляция других армий Конфедерации и окончание войны за восстание

ПРИЛОЖЕНИЯ

А

Генерал Кейфер

Происхождение и жизнь до Гражданской войны

Государственные службы в гражданской жизни

Служба в Испанской войне

В Упоминание офицеров 110 - го добровольческого пехотного полка Огайо

С

Прощальный приказ генерала Кейфера в Гражданской войне

Потери в бригаде Кейфера

Д Переписка между генералами Райтом и Кейфером, касающаяся битвы при сейлорз-Крик

Е Письмо генерала Кейфера генералу Корбину по Кубе

Ф Список офицеров, служивших в штабе генерала Кейфера во время войны в Испании

Г Прощальный приказ генерала Кейфера во время войны в Испании

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Генерал-майор Джордж Гордон Мид, США, 18 августа 1864 г.

Бригадный генерал Уэсли Мерритт [С фотографии, сделанной в 1864 году.]

Генерал-майор Роберт К. Шенк [С фотографии, сделанной в 1863 году.]

Генерал-майор Фрэнк Уитон [На фотографии, сделанной в 1865 году.]

Бревет бригадного генерала Дж. Уоррена Кейфера [С фотографии, сделанной в 1865 году.]

Генерал-майор Уильям Х. Френч [С фотографии, сделанной в 1863 году.]

Карта поля битвы в Апельсиновой роще, Майн-Ран, Вирджиния. [27 ноября 1863 г.]

Бревет бригадного генерала Джона У. Хорна, Шестого Мэрилендского добровольческого отряда [С фотографии, сделанной в 1864 году.]

Бревет бригадного генерала М. Р. Макклелнана, 138-й Пенсильванский полк добровольцев [С фотографии, сделанной в 1864 году.]

Бригадный генерал Джозеф Б. Карр (На фотографии, сделанной после войны.)

Полковник Джеймс У. Снайдер, девятый Нью-Йоркский тяжелый артиллерийский полк [С фотографии, сделанной в 1865 году.]

Майор У. М. С. Макэлвейн, 110-й добровольческий полк Огайо [С фотографии, сделанной в 1863 году.]

Приказ подполковника Аарона Спенглера, 110-го добровольческого полка Огайо [С фотографии, сделанной в 1863 году.]

Генерал-майор Горацио Г. Райт [С фотографии, сделанной в 1865 году.]

Генерал-майор Джеймс Б. Рикеттс [С фотографии, сделанной в 1865 году.]

Фанни Рикеттс (С фотографии, сделанной в 1865 году.)

Капитан У. М. А. Хэтуэй, 110-й добровольческий полк Огайо [С фотографии, сделанной в 1863 году.]

Приказ майора Джонатана Т. Рорера, 138-го Пенсильванского добровольческого полка [С фотографии, сделанной в 1865 году.]

Генерал Филип Х. Шеридан, США [С фотографии, сделанной в 1885 году.]

Поле битвы при Опеционе, Вирджиния. [19 сентября 1864 г. На официальной карте 1873 г.]

Бrevet генерал-майора Резерфорда Б. Хейса [По фотографии, взятой с картины.]

Бrevet полковника Мозеса М. Грейнджера, 122-й дивизии добровольцев из Огайо [С фотографии, сделанной в 1864 году.]

Подполковник Ааром У. Эбрайт, 126-й добровольческий полк Огайо [С фотографии, сделанной в 1864 году.]

Поле битвы при Фишерс-Хилл, Вирджиния. [сентябрь 1864 г. На официальной карте.]

Генерал-майор Джордж Крук, США (По фотографии, сделанной в 1888 году).

Генерал-майор Гео. У. Гетти [С фотографии, сделанной в 1864 году.]

Бригадный генерал У. Х. Сьюард [С фотографии, сделанной в 1864 году.]

Карта поля битвы Сидар-Крик, Вирджиния. [19 октября 1864 г.]

Капитан Дж. К. Уллери, 110-й добровольческий полк Огайо [С фотографии, сделанной в 1865 году.]

Приказ полковника Ото Х. Бинкли, 110-й добровольческий полк Огайо [С фотографии, сделанной в 1865 году.]

Петербург, Вирджиния, Фортификационные сооружения, 1865

Приказ полковника Клифтона К. Прентисса, добровольцев Шестого Мэрилендского полка [С фотографии, сделанной в 1865 году.]

Подполковник У. М. Н. Фостер, 110-й добровольческий полк Огайо [С фотографии, сделанной в 1863 году.]

Джон У. Уоррингтон, рядовой 110-го добровольческого полка Огайо [С фотографии, сделанной в 1899 году.]

Джон Б. Элам, рядовой 110-го добровольческого полка Огайо [С фотографии, сделанной в 1899 году.]

Бrevet генерал-майора Дж. Уоррена Кейфера и его штаба, 1865 год, Третья дивизия Шестого армейского корпуса

Дж. Уоррен Кейфер, генерал-майор добровольцев [С фотографии, сделанной в 1898 году.]

Президент Маккинли и генералы-майоры Кейфер, Шафтер, Лоутон и Уилер [С фотографии, сделанной на палубе корабля в Саванне, Джорджия, 17 декабря 1898 г.]

РАБСТВО И ЧЕТЫРЕ ГОДА ВОЙНЫ

ГЛАВА I Общие замечания об Антитаме, Фредериксберге и Чанселорсвилле —Сражения при Винчестере под командованием генерала Милроя — Его поражение и отступление к Харперс—Ферри - С описанием инцидентов

Армия Конфедерации под командованием Ли вторглась в Мэриленд в 1862 году, и после ничьей в битве при Антиетаме 17 сентября она отступила через долину Шенандоа и горные перевалы за Раппаханноком.

Макклеллану не удалось взять Ричмонд, и хотя его армия вела тяжелые сражения при Чикахомини и Малверн-Хилл, она не одержала побед, которые принесли бы плоды, если не считать списков убитых и раненых, и его армия, будучи выведенной из Джеймса в августе 1862 года, не смогла эффективно противостоять генералу Джону Поупу во Втором Булл-Ране. Получив командование объединенными силами Союза в Вашингтоне и его окрестностях, Макклеллан снова имел под своим началом большую и великолепно оснащенную армию. Сначала он проявил некоторую энергию, двинув ее в Мэриленд вслед за Ли, но из-за своей чрезвычайной осторожности и задержек допустил взятие Харперс-Ферри (15 сентября 1862 г.) с 10 000 человек и огромным запасом оружия и припасов, и, наконец, когда удача улыбнулась его армии в Антитаме, он позволил ей спокойно стоять на вооружении целый день и достаточно долго, чтобы Ли смог отступить через Потомак, откуда ему было разрешено неторопливо отходить, практически без помех, на юг. Критически изучающий битву при Антиетаме узнает о множестве отчаянных боев с обеих сторон, без четко определенного общего плана ведения сражения ни с одной из сторон. Поскольку Ли сражался в обороне, он мог довольствоваться тем, что приводил передвижения своих войск в соответствие с передвижениями Армии Союза. Стоунволл Джексон, выдержав короткое, энергичное сражение с корпусом Хукера, вывел свой корпус из боя в семь часов утра и вернулся на поле боя только в 16:00(1)

Обычно армия Союза сражалась дивизиями, и редко более двух сражались одновременно, часто только одна. Таким образом, некоторые подразделения из-за отсутствия надлежащей

поддержки были разорваны на части, а другие вообще не были задействованы. Действуя на внутренних направлениях, Ли получил возможность сконцентрироваться против атак Союза и, наконец, отразить их. Несмотря на такой способ ведения боя, армия Конфедерации подверглась грубому обращению и понесла большие потери.

Генералу Эмброузу Э. Бернсайд к концу дня удалось переправиться через ручей Антитам по Каменному мосту и надежно закрепиться на правом фланге конфедерации. Ночью у Макклеллана также было много свежих войск, готовых к битве следующего дня. Значительные части его армии не участвовали в боях, и прибыло подкрепление. Две армии противостояли друг другу весь день 18-го, частично занятые похоронами погибших, как будто существовало перемирие, а ночью Ли отвел свою армию в Виргинию. (2)

Какой бы нерешительной ни была эта битва, она навсегда останется в памяти, поскольку по ее итогам президент Линкольн сдержал обещание, данное "себе и своему Создателю". (3) 22 сентября 1862 года, пять дней спустя, он издал предварительную прокламацию, в которой объявил о своем намерении принять 1 января 1863 года военные меры, объявляющие свободными рабов во всех штатах или частях штатов, оставшихся на тот момент в состоянии восстания. Он задолго до битвы при Антиетаме обдумывал эту акцию и, следовательно, подготовил это воззвание и пообещал себе издать его после того, как армия Союза одержит победу. Изгнание армии Ли из Мэриленда и, таким образом, избавление Вашингтона от дальнейшей угрозы было воспринято им как выполнение добровольно поставленного условия.

Макклеллан был освобожден от командования Потомакской армией во время пребывания в Орлеане, штат Вирджиния, 7 ноября 1862 года, и Бернсайд стал его преемником. Макклеллан больше никогда не командовал никакими силами.

Бернсайд перевел армию в Фалмут, штат Вирджиния, напротив Фредериксбурга, на реке Раппаханнок. Хотя его всего лишь призвали подготовиться к наступлению, он ускорил атаку на армию Конфедерации, а затем укрепился на высотах Фредериксбурга. Он потерпел сокрушительный отпор (14 декабря 1862 г.) и на следующий день отвел свою армию за реку Раппаханнок в свои лагерь.

Бернсайд был освобожден от командования Потомакской армией 25 января 1863 года, и его сменил генерал-майор Джозеф Хукер.

Битва при Чанселлорсвилле произошла с 1 по 5 мая 1863 года в Дикой местности, к югу от Рапидана, и привела к поражению армии Союза и ее отступлению на свои прежние позиции в Фалмуте.

Поражения при Фредериксберге и Чанселлорсвилле привели к общему убеждению, что армия Ли предпримет еще одно вторжение на Север. В таком вторжении участвовало командование Милроя в Винчестере, затем в Среднем департаменте, которым командовал генерал-майор Роберт К. Шенк, штаб-квартира которого находилась в Балтиморе.

Оглядываясь назад, я думаю, что это необходимо для лучшего понимания событий, о которых вскоре будет упомянуто.

Вскоре после Чанселлорсвилля силы Конфедерации в верхней части долины Шенандоа активизировались, и между ними и нашими разведывательными отрядами происходили частые нерешительные конфликты. Наши обычные разведчики, которые обычно путешествовали ночью в одежде конфедератов, почти каждый день распространяли слухи о планируемом нападении на Винчестер войск армии Ли. В мае мне было поручено особое руководство этими разведчиками. Их отчеты о предполагаемых атаках были настолько однообразны, что я поверил им и посоветовал Милрою, что, если он в ближайшее время не получит значительного подкрепления, было бы неплохо отступить с его уязвимой позиции. Он отказывался верить, что будет предпринято что-то большее, чем кавалерийский рейд в Долину или против него, и чувствовал себя достаточно сильным, чтобы победить его. Он утверждал, что Ли не посмеет отвести какую-либо часть своей пехоты с фронта Потомакской армии. Но в дополнение к упомянутым сообщениям, я узнал уже 1 июня из переписки, тайно доставленной на наши линии от офицера армии Ли, к которому я получил доступ, что Ли планировал грандиозное движение на север и что его армия достигнет Винчестера 10 июня 1863 года. Сепаратисты Винчестера в целом верили, что в этот день на нас нападут. Я передал эту информацию Милрою, но он по-прежнему настаивал на том, что вся эта история была придумана для того, чтобы заставить его с позором покинуть Долину.(4)

Наступило 10 июня, а армия Конфедерации так и не появилась. Это утвердило Милроя в его неверии в предполагаемую атаку большими силами, и моя доверчивость была высмеяна. Однако уже 8 июня Милрой телеграфировал Шенку в Балтимор, что у него есть информация о том, что Ли направил пехотную дивизию на соединение с кавалерией Стюарта в Калпепере; что кавалерийские силы там были "вероятно, в два раза больше 12 000 человек" и что "несомненно, был проведен мощный пеший рейд". (5) Полковник Дон Пьятт, начальник штаба Шенка, посетил и проинспектировал пост в Винчестере 10 и 11 июня, и когда он достиг Мартинсбурга, Вирджиния, по возвращении 11-го, он отправил Милроя немедленно предпринять шаги по удалению. его командование перешло к Харперс-Ферри, оставив в Винчестере только наблюдательный пункт, который мог легко вернуться к Харперс-Ферри.(6) Этот приказ был отправлен в свете того, что Пайетт счел правильным составить депешу этой даты от Халлека Шенку, а от последнего - ему. Милрой немедленно телеграфировал Шенку о получении депеши Пьятта, сказав:

- У меня достаточно сил, чтобы надежно удерживать это место, но если какие-либо силы будут отведены, баланс будет восстановлен в течение двадцати четырех часов. Должны уйти все, или ничего".

Это привело к получению 12 июня депеши от Шенка Милрою на следующем языке:

Подполковник Пайетт ... неправильно понял меня и несколько превысил свои инструкции. Вы сделаете все необходимые приготовления к отступлению, но тем временем будете удерживать свою позицию".

12-го числа Милрой сообщил о стычках с кавалерией конфедерации на дорогах Фронт-Ройял и Страсбург, добавив:

- Я совершенно уверен в своей способности удержать это место. Пока не появляется ничего, кроме кавалерии. Пусть они придут.

Еще 13-го Халлек телеграфировал Шенку в ответ на запрос, что у него нет достоверной информации о том, что пехота повстанцев находится в долине, и в тот же день Шенк телеграфировал своему начальнику штаба в Харперс-Ферри, чтобы "Проинструктировать генерала Милроя проявлять большую осторожность, ничем не рискуя без необходимости, и быть готовым к отступлению в полном порядке в случае превосходства".

Милрой сообщил Шенку о сражении при Винчестере 13-го числа, и в тот же день от генерала Келли Шенк впервые узнал, что генерал Ли был на пути к тому, чтобы изгнать Милроя из Винчестера. Шенк сразу *же попытался* телеграфировать Милрою, чтобы тот "отступал, сражаясь, если необходимо, и удерживал дорогу на Харперс-Ферри".

Халлек телеграфировал Шенку 14-го: "Сообщается, что корпуса Лонгстрита и Юэлла прошли через Калпепер к Сперривиллу, по направлению к Долине".(7)

Это был первый намек, поступивший от Халлека или Хукера на то, что армия Ли намеревалась двинуться в направлении Долины, или что были какие-либо опасения, что она может ускользнуть от бдительности Потомакской армии, которая, как предполагалось, противостояла ей или, по крайней мере, наблюдала за ее передвижениями. 14-го генералу Шенку пришла еще одна депеша следующего содержания:

- Если возможно, доставьте Милроя из Винчестера в Харперс-Ферри. Он будет "съеден", если останется, если он еще не достиг спасения.

"А. Линкольн,
"Президент Соединенных Штатов".

Остается рассказать о том, что действительно произошло в Винчестере, а затем, в полном свете фактов, решить, кому следует отдать должное.

Когда 14-го Халлек объявил, что корпуса Лонгстрита и Юэлла "прошли через Калпепер на Сперривилл в направлении Долины", мы два дня сражались с корпусом Юэлла или его частями у Винчестера, в трех днях пути от Калпепера, а другие части армии Ли достигли Долины и Мартинсбурга. Сообщение о том, что Винчестер должен был подвергнуться атаке 10 июня, было правдой, но продвижение кавалерии Союза к югу от Раппаханнока и сражение 9-го числа у станции Бренди, к северу от Калпепер Корт Хаус (тогдашней штаб-квартиры Ли), настолько дезорганизовали кавалерию Конфедерации, что вызвали задержку в продвижении корпуса Юэлла в долину, который затем продвигался через Фронт-Ройял.

В ночь на 12 июня мои разведчики обнаружили, что продвинуться дальше чем на четыре-пять миль по дорогам Фронт-Ройял, Страсбург и Сидар-Крик невозможно, прежде чем наткнуться на пикеты кавалерии конфедерации. Это указывало, как и сам факт, на то, что непосредственно за ними находились тяжелые части пехоты, которые было желательно тщательно замаскировать. В полночь у меня по моей собственной просьбе состоялась беседа с Милроем в его штаб-квартире, на которой был обсужден весь предмет нашей ситуации. Я не был проинформирован ни о полученных им приказах или депешах, ни о его депешах Шенку, выражающих уверенность в его способности удержать Винчестер. Милрой настаивал на том, что перед ним только

кавалерия, и ему не терпелось сразиться с ними, и особенно не хотелось отступать при обстоятельствах, которые могли навлечь на него обвинение в трусости. Он также искренне желал удержать Долину и защитить жителей Союза. Он яростно напомнил мне, что я верил в атаку, которая должна была начаться 10-го числа, и оказалось, что я ошибался. Я не мог ничего ответить на это, кроме как предположить, что кавалерийское сражение на станции Бренди послужило отсрочкой атаки.

Во время моего знакомства с Милроем он выказывал доверие и дружбу по отношению ко мне; теперь он выказал сильное раздражение из-за моей настойчивости, убеждавшей его немедленно отдать приказ об отступлении, и, наконец, довольно резко отпустил меня. (8)

Рано утром следующего дня я получил приказ прибыть со своим полком в район Юнион-Миллс на Страсбург-пайк и двигаться по дороге Сидар-Крик, расположенной к западу от Страсбург-Пайк и тянущейся, в целом, параллельно ей. Вскоре было установлено, что противник сосредоточил крупные силы на этой дороге примерно в трех милях к югу от Винчестера. Мне подчинялось отделение батареи Карлина под командованием лейтенанта Тикера, и вместе с ним мой полк продвинулся примерно на милю к югу, хорошо удерживаясь на гребне между пайк-роуд и Седар-Крик-роуд. Противник держался в укрытии, и, не имея приказа вступить в бой, я отвел войска к перекрестку двух дорог. Около 14:00 мне сообщили, что Мильрой хотел, чтобы я провел тщательную разведку и оценил силы и позицию противника. Для усиления моих сил мне были приданы 12-й Пенсильванский кавалерийский полк подполковника Мосса и эскадрон 13-го Пенсильванского кавалерийского полка. Я быстро двинулся вперед с 12-м полком слева на равнине, пехота и артиллерия в центре прикрывали Страсбург-пайк, а эскадрон находился на гребне справа от меня, который тянулся параллельно пайку. Мы продвинулись в таком порядке примерно на милю, когда мои стрелки вступили в плотный бой с вражескими. Вскоре мне стало ясно, что противник растянулся по широкому фронту, а его продвижение было лишь слабым прикрытием. Но поскольку мне было приказано атаковать противника, я ввел в действие все свое командование, двинулся в его передовую линию и с помощью артиллерии обстрелял лес за этой линией. Мы понесли некоторые потери, но упорно продвигались вперед, пока враг не отступил в леса слева от Кернстауна. Моя артиллерия открыла огонь картечью, и на несколько мгновений наш фронт, казалось, очистился. Но теперь мои фланговые подразделения доложили, что противник поворачивает справа от меня по меньшей мере с бригадой пехоты. Поэтому я отступал медленно и в полном порядке, используя любую возможную возможность остановиться и открыть огонь. Поступило сообщение о приближении подкрепления. Я распорядился, чтобы по прибытии они разместились на возвышенности справа от пики перед мостом в Юнион (или Бартонс) Миллс, чтобы прикрывать наше отступление, которое должно быть осуществлено артиллерией и пехотой через этот мост.

Полковник Мосс, не веря, что сможет пересечь тайлрейс с его насыпями и ручьем ниже Мельниц, начал продвигать свою кавалерию к мосту. Я повернул его назад с настоятельным приказом прикрывать левый фланг так долго, как это необходимо или возможно, затем найти переправу ниже Мельниц. К сожалению, когда артиллерия достигла моста в готовности к переправе, он был обнаружен занятым 123-м Огайо под командованием полковника Т. У. Уилсона, который, к моему облегчению, шел с фланга под руководством капитана У. Л. Шоу, офицера штаба генерала Эллиота. Этому полку было приказано, как только он очистит мост, развернуться вправо, продвинуться на возвышенность и вступить в бой с противником, который затем продвигался вперед в большом количестве. Прежде чем полковник Уилсон смог вывести

свой полк в боевую линию, он попал под разрушительный огонь и нанес большие потери. Тем не менее, хотя полк был сравнительно новым, вскоре он успешно вступил в бой с противником и отбросил его наступление. Более доблестного боя, при всех обстоятельствах, еще не было. Это позволило мне отвести артиллерию через мост и отойти на новую позицию, с которой мы могли бы прикрывать мост нашей артиллерией и легко дать отпор врагу. Полковники Уилсон и Мосс были выведены в полном порядке, первый - выше, а второй - ниже моста. Бригада Гордона из дивизии Эрли при попытке перейти мост была отброшена назад со значительными потерями, и наступила ночь, положившая конец этой первой битве при Винчестере. Пленного конфедерата доставили к генералу Милрою (который вместе с генералом Эллиотом присоединился ко мне с наступлением темноты), который откровенно сказал, что он из луизианской бригады Хейза, дивизии Эрли, корпуса Юэлла; что Юэлл лично командовал на поле боя. Милрой до тех пор не желал верить, что впереди него были другие войска, кроме кавалерии.

Помимо дивизии Эрли из корпуса Юэлла, мы сражались с мэрилендскими войсками, которые долгое время действовали в верхней долине и состояли из батальона пехоты (полковник Герберт), батальона кавалерии (майор У. У. Голдсборо) и артиллерийской батареи. (9) Я не был вынужден отдавать приказ об отступлении до тех пор, пока цель наступления не была полностью достигнута, и то только тогда, когда луизианская бригада Хейза появилась на моем правом фланге, а тамошняя кавалерия была разбита и отброшена назад. Генерал Джон Б. Гордон (10) (бывший сенатор от Джорджии), который противостоял мне с пятью пехотными полками, сообщает об этом сражении:

"Около 4 часов пополудни я развернул линию стрелков и двинулся в атаку, держа два полка в резерве. Продвинувшись на несколько сотен ярдов, я счел необходимым поставить в линию эти два полка справа и слева. Стрелки противника отступили на его линию фронта, часть которой занимала сильную позицию за каменной стеной, но с которой он был отброшен. Батарея, которую я надеялся захватить, была быстро отведена. В этой атаке моя бригада потеряла семьдесят пять человек, включая нескольких боеспособных офицеров".(11)

Общие потери противника в этом сражении, должно быть, были по меньшей мере на столько же больше. Потери Союза во всем вооружении составили не более сотни человек. Теперь было очевидно, что командование Милроя не сможет удержать Винчестер. Я предполагал, что отступление будет предпринято ночью, но в краткой беседе с Милроем по окончании сражения он ничего не сказал на эту тему, а упрек, сделанный накануне вечером, предупредил меня, чтобы я больше не делал ему предложений относительно его обязанностей в этой чрезвычайной ситуации.

Генерал Эллиот, мой непосредственный начальник, сообщил мне, когда я поздно ночью ехал через Винчестер в свой лагерь на высотах к северо-западу от города, что, по его мнению, отступать на Харперс-Ферри уже слишком поздно. Я предположил, что дороги на Ромни, Пагтаун и Эппл-Пай-Ридж, или Бэк-Крик, открыты и что мы можем безопасно свернуть на одну или несколько из них. Он сказал, что обратит внимание Милроя на мое предложение и порекомендует эти пути отступления, но если он это сделает, то предложение не будет одобрено. На рассвете 14 июня я получил письменный приказ взять 110-й полк Огайо под командованием подполковника У. Н. Фостера, одну роту 116-го пехотного полка Огайо под командованием капитана Аркено и L-ю роту 5-й регулярной батареи с шестью орудиями под командованием лейтенанта Уоллеса Ф. Рэндольфа и занять открытое, изолированное земляное

укрепление, расположенное в трех четвертях мили к западу от укреплений на высотах между дорогами Ромни и Пагтаун, но в поле зрения основных сооружений. Земляных работ едва хватило бы для одного полка. Приданные мне войска вскоре заняли позиции, и на моем фронте воцарилась тишина. Противник, казалось, бездействовал. Милрой сообщил мне, что дороги в Пагтаун и Ромни были оцеплены и патрулировались кавалерией, и поэтому на меня не возлагалось наблюдение за ними. Около трех часов дня я подъехал к главному форту и велел расседлать и накормить мою лошадь, пока я добивался встречи с Милроем. Я нашел его в приподнятом настроении. Он похвалил меня за сильный бой, который я оказал накануне, и заявил, что, по его мнению, враг всего лишь пытался выманить его из Долины. Он ссылаясь на тишину того дня как на доказательство того, что у них не было цели нападать на него в его работах. Он сказал, что кавалерия только что сообщила об отсутствии противника ни на одной из дорог передо мной.

Около 4 часов пополудни я начал неторопливо заводить свою лошадь, чтобы вернуться на земляные работы, когда со стороны Круглой горы, примерно в миле к юго-западу от моего участка, не менее двадцати орудий открыли по ней огонь. Я спешил к проезжавшему мимо хозяина фургона и на его лошади менее чем за пять минут добрался до подножия холма, на котором располагался земляной вал, а затем, поспешив пешком сквозь шквал выстрелов и разрывов снарядов, вскоре был там. Лейтенант Рэндольф со своими шестью винтовочными орудиями отвечал врагу как можно дольше, но вскоре его батарея была в значительной степени выведена из строя, большинство лошадей убито, а большая часть ящиков с боеприпасами взорвалась. Только два его орудия могли оставаться на месте для ожидаемого нападения. Около 6 часов вечера, под прикрытием канонады, защищенная небольшим количеством леса и характером местности, луизианская бригада Хейса из пяти полков при поддержке бригад Смита и Хока перешла в наступление. Мои люди хорошо выполняли свою работу, и два орудия выпустили картечь по врагу. Было видно, как пали многие офицеры и солдаты конфедерации, и голова колонны дрогнула, но не было ни траншей, ни перестрелок, которые могли бы помешать продвижению врага. Были упорные бои за низкие брустверы и некоторые бои внутри них, но только после того, как наши незащищенные фланги были атакованы, я приказал отступить. Батарея была потеряна, но большая часть командования благополучно добралась до главного укрепления, хотя и подвергалась обстрелу противника на большей части расстояния. Капитан Аркено был убит, а лейтенант Пэрис Хорни из 110-го Огайо попал в плен. Наши потери убитыми, ранеными и пленными были невелики. Генерал Милрой с наблюдательного пункта на флагштоке главного форта был свидетелем этого события. В своем отчете об этом он говорит:

"Противник открыл по мне огонь по меньшей мере из четырех полных батарей, причем некоторые из его орудий имели наибольшую дальность, под прикрытием огня которых он направил колонну численностью по меньшей мере *десять тысяч* человек на внешние укрепления, удерживаемые полковником Кейфером, которые тот после упорного сопротивления отбил".(12)

Генерал Эрли в своем отчете сообщает, что двадцать орудий под командованием полковника Джонса открыли огонь по этой позиции. Генерал Хейз сообщает о своих потерях: 14 убитых, 78 раненых, 13 пропавших без вести.

Часть орудий осталась на земляных валах, которые мы бросили, и артиллерия полковника Джонса теперь открыла огонь по нашим укреплениям. Завязалась артиллерийская дуэль, которая продолжалась до наступления темноты. Других ожесточенных боев в этот день не произошло, произошло лишь несколько незначительных стычек с бригадой Гордона южнее и с частями дивизии Джонсона восточнее Винчестера.

Самым заметным событием дня стало открытие огня десятком артиллерийских орудий среди бела дня из квартала, где, как было известно, противника не было. Капитан Морган (13-я Пенсильванская кавалерийская дивизия), на которого была возложена обязанность патрулирования дорог Ромни и Пагтаун, был осужден за то, что не обнаружил присутствия противника и не доложил о нем. В большом смысле это порицание было несправедливым. Его доклад, сделанный около двух часов дня, о том, что ни на этих дорогах, ни поблизости от них противника обнаружено не было, несомненно, соответствовал действительности, однако час спустя Эрли с тремя своими бригадами добрался до них примерно в миле перед земляным валом, занятым мной. В это время капитан Морган закончил свою разведку и вернулся в лагерь. Однако кое-кому не хватало бдительности; возможно, генерал Милрой был не совсем безупречен.

Как уже говорилось, на меня не возлагалась обязанность выяснять передвижения противника; напротив, мне сообщили, что пикеты и разведчики прикрывают мой фронт. Возможно, это единственный случай подобной неожиданности за всю войну.

Положение командования Милроя теперь было критическим. У него было около 7000 человек, способных нести службу, больше войск, чем могло быть использовано в фортах или защищено ими. Полковник А. Т. Макрейнольдс из 1-го Нью-Йоркского кавалерийского полка, командовавший Третьей бригадой Милроя в Берривилле, примерно в десяти милях к востоку от нас, был атакован 13-го и, согласно приказу, отступил, достигнув Винчестера в 9 часов вечера. 14-го было определено известно, что в Юэлле по меньшей мере 20 000 человек всех родов войск, и было ясно, что, хотя мы могли выдержать атаку, наши артиллерийские боеприпасы скоро иссякнут, и капитуляция всего командования, если оно останется, станет неизбежной. Около 11 часов утра я присутствовал в главном форте на так называемом военном совете, но моего мнения не спросили и не высказали относительно целесообразности попытки к бегству. Я рискнул, однако, предположить, что, если бы рассматривалась капитуляция, я мог бы вывести свое пехотное командование той же ночью, возможно, с другими, через Бэк-Крик или Эппл-Пай-Ридж-роуд, не встретив противника, и мог бы безопасно добраться до Пенсильвании, держась значительно западнее Мартинсбурга. Однако около полуночи было решено сложить орудия, бросить все повозки, всех больных и раненых, а также всевозможные припасы и эвакуировать Винчестер. Погонщики, артиллеристы и сопровождающие лагеря должны были ехать верхом и вести за собой лошадей и мулов, внимательно следуя за вооруженными войсками, которые должны были выступить в час ночи по Мартинсбургской дороге. В случае встречи с врагом мы должны были атаковать его и, если возможно, прорваться. Движение началось только в 2 часа ночи, и ночь была темной. Огромный отряд лошадей и мулов, управляемых недисциплинированными людьми и непривычными к наездникам, пришел в сильное замешательство, когда они столпились на пике прямо по пятам за пехотой. Мулы издавали редкий для слуха рев, словно движимые злонамеренным желанием известить врага о нашем уходе. Мой полк шел впереди по заставе. Милрой не сопровождал главу колонны. Эллиотт, однако, был с ней часть времени. Когда мы проехали около трех миль, на востоке

послышался знакомый *стук* ступиц артиллерийских колес, и вскоре стало очевидно, что противник движется к пайку, намереваясь нанести по ней удар с нашего фронта. Часть наших войск в то время двигалась по линии, параллельной пике, к востоку от нее. Когда голова колонны прошла около четырех миль и приблизилась к складу Стивенсона (расположенному на небольшом расстоянии к востоку от Мартинсбург пайк), справа от меня началась беспорядочная стрельба, которая вскоре распространилась вдоль линии наискосок к одному фронту. Колонна двигалась флангом влево, под прямым углом к дороге, за моим полком следовал 122-й Огайский полк. В темноте из этих полков была сформирована боевая линия, и стрелки были брошены вперед. Линия фронта продвигалась на север, нащупывая противника, но вскоре была остановлена, и войска снова были двинуты во фланг. Мой полк, находившийся слева, снова перешел в наступление, держась примерно в ста ярдах к западу от пики. Мне сообщили, что вся армия должна была последовать за нами и разделить нашу судьбу. Когда мы были примерно в пяти милях от Винчестера и голова колонны находилась примерно к западу от названного Склада, несколько разрозненных выстрелов оповестили нас о том, что враг находится на пике неподалеку от нас. Я остановился и повернулся лицом к людям, выстроившимся в боевой порядок по направлению к пике, и, хотя все еще было темно, личное расследование показало тот факт, что конфедераты были в замешательстве, и команды, которые они отдавали, также указывали на то, что они были сильно взволнованы. Я нашел Эллиота на некотором расстоянии в тылу и получил его согласие атаковать их. Полковника У. М. Х. Болла из 122-го Огайо попросили поддержать меня справа. Мое командование быстро перебежало дорогу, не стреляя. К счастью, оно ударило во фланг противника. Мы взяли несколько пленных и оттеснили противника вправо через лес примерно на двести ярдов под натиском его приближающейся артиллерии. Затем наша линия остановилась и открыла огонь по рядам противника, вызвав сильное замешательство и убив и ранив большое количество людей. Теперь по нам открыла огонь батарея, но вскоре мы заставили ее замолчать, убив или прогнав ее артиллеристов. Противник отступил в поисках защиты к перерезанной железной дороге, (13) и лес передо мной был расчищен, но мой правый фланг был незащищен, и в этот момент значительные силы пехоты и два артиллерийских орудия угрожали этому флангу. Я отошел на небольшое расстояние, изменил направление вправо и снова двинулся вперед. Полковник Болл доблестно подошел со своим полком справа от меня, и через двадцать минут наш фронт был расчищен, орудия противника замолчали, артиллеристы перестреляны или отогнаны, а артиллерийские лошади убиты. Завладеть орудиями нам помешало только появление другого, более крупного отряда противника справа от нас. Теперь приближался рассвет. Не дожидаясь вражеского огня, я приказал обоим своим полкам отойти, что и было сделано в полном порядке, к западу от пайка. Противник сразу же вновь занял леса на нашем фронте превосходящими силами, но, очевидно, без хорошей линии фронта. Я снова приказал двум полкам атаковать, на что был дан блестящий ответ, хотя обещанная атака в нашу поддержку так и не была предпринята. Эллиота я не видел и не получал от него никаких приказов после начала боя. Милрой пытался поддержать бой ближе к Винчестеру, к востоку от пайка, и он не отдавал приказа, который дошел бы до меня.

После конфликта, в котором две линии были задействованы на расстоянии менее двадцати футов друг от друга, противник уступил, и наша линия продвинулась к его артиллерии, стреляя и выбивая артиллеристов из их орудий и полностью заставляя их замолчать, конфедераты снова укрылись на перерезанной железной дороге. Я ничего не мог узнать о ходе боя в других точках и не слышал стрельбы, за исключением редких выстрелов в направлении Винчестера. Я пришел к

выводу, что цель нападения была достигнута, насколько это было возможно, и что у некомпатантов было время скрыться. Наступил рассвет, и мы не могли надеяться на дальнейшее застигновение врага врасплох или длительную операцию на его фланге. Поэтому около 5 часов утра я приказал вывести всю линию из леса и возобновил марш на север по Мартинсбургской дороге. Вскоре ко мне присоединились генералы Милрой и Эллиот, а также члены их штабов, но с небольшим количеством людей. Милрой лично возглавлял атаку 87-го Пенсильванского полка, и под его началом была подстрелена лошадь, но в ходе сражения не было согласованности действий. Полковник У. М. Г. Эли и часть бригады, которой он командовал, были взяты в плен между депо Стивенсона и Винчестером, почти не участвовав в боях, и часть бригады Макрейнольдса постигла та же участь.

Кавалерию охватила паника, и, смешавшись с мулами и лошадьми, на которых были верхом погонщики и другие, все в большом беспорядке устремились к холмам на северо-запад, за ними в несколько лучшем порядке следовала пехота; мулы ревели, лошади ржали, погонщики и всадники неистово сквернословили, но большая часть отступающей массы достигла Блади-Ран, Пенсильвания, пройдя через сэра Джона-Ран, Хэнкок и Бат. Жители Эппл-Пай-Риджа, ставшие свидетелями дикой сцены, описывают ее как настоящий бедлам.(14)

Капитан Z. Бэрд из штаба Милроя, который присоединился ко мне во время ночного боя в лесу, но у которого сложилось ошибочное впечатление, что Эллиот отдал приказ о нападении, в своих показаниях перед следственным судом Милроя дает такой отчет о сражении:

"Генерал Эллиот приказал полковнику Кейферу из 110-го Огайо проследовать в лес. Приказ был незамедлительно выполнен. Как только полк достиг леса, началась ожесточенная ружейная пальба. Генерал Эллиот заметил мне, что противник, должно быть, находится там в полном составе и что 110-й должен быть немедленно поддержан 122-м полком "Огайо". Я вызвался передать приказ полковнику Боллу из 122-го Огайо и отвести его в лес, чтобы разместить его на правом фланге 110-го Огайо и избежать стрельбы по ошибке в наших собственных людей. 122-й полк "Огайо" прибыл на правый фланг 110-го в относительно хорошем порядке и немедленно открыл огонь. Затем оба полка продвинулись вперед и выбили противника из леса. Внезапность их нападения свидетельствовала о том, что враг был удивлен. Они захватили один из своих кессонов или миновали его. Мы могли заглянуть в их лагерь и увидеть, что их артиллерийские лошади были неуправляемы. Мы были так близко, что могли слышать приказы, отдаваемые их офицерами в попытке восстановить порядок. Огонь противника, хотя и быстрый, прошел по нам, как из стрелкового оружия, так и из артиллерии. По мере продвижения мы видели свидетельства раненых и убитых противника о том, что наш огонь был эффективным. После того, как это состязание длилось примерно час, полковник Кейфер попросил меня вернуться в тыл и узнать, какие дислокации происходят на правое поддержать полковника Болла и его самого. Я выполнил его приказ. Когда я прибыл в тыл, я заметил 87-й Пенсильванский, 18-й Коннектикутский и 123-й Огайо, наступавшие справа в боевом порядке под непосредственным командованием полковника Эли из 18-го Коннектикутского. Генерал Милрой тоже присутствовал, но спешился, его лошадь, как я и предполагал, была выведена из строя. Он был занят сменой лошадей. Не доложив генералу Милрою, насколько я теперь припоминаю, я со всей возможной поспешностью вернулся к полковнику Кейферу, чтобы уведомить его о поддержке, которую он собирался получить справа. В то время я предположил, что, судя по эффекту огня 110-го и 122-го Огайо, когда полковник Эли со своими силами атакует справа, мы разгромим их. Однако я встретил отступающие 110-й и 122-й Огайо. Офицеры были так заняты

поддержанием порядка, что я не мог с ними связаться. После того, как мы отступили к Мартинсбургской дороге, я увидел генералов Милроя и Эллиота. Первый сообщил мне, что отступление снова началось".(15)

Полковник У. М. Х. Болл (122-я дивизия Огайо) в своем официальном отчете так описывает бой:

"Мне было приказано следовать за 110-м добровольческим пехотным полком штата Огайо, который некоторое время назад был выведен с поля боя и скрылся из виду. Поскольку полки были настолько разделены, я не стал вступать в бой с врагом сразу после 110-го. Я встал справа от 110-го добровольческого пехотного полка штата Огайо, и два полка продвинулись вглубь леса и вступили в бой с противником, который занял лес пехотой и артиллерией. После резких действий линия обороны была продвинута по крайней мере на 100 ярдов и на расстояние двадцати шагов от артиллерии противника, где обе стороны в течение пятнадцати-двадцати минут вели ужасный огонь. Артиллерия была отброшена назад более чем на 100 ярдов и на некоторое время замолчала под огнем наших винтовок. По приказу полковника Кейфера оба полка затем отступили за пределы досягаемости пехоты противника, переформировались и снова продвинулись вглубь леса, и после ожесточенного боя отступили по приказу полковника Кейфера, когда противник наступал на наш фланг".

Предполагаемая атака полковника Эли и других так и не была предпринята.

Мы прошли маршем через Смитфилд (клип Wizzard), Чарльзтаун и Холлтаун и достигли Харперс-Ферри около трех часов дня, пройдя тридцать пять миль и сражаясь два часа в пути.

Берривилль, удерживаемый бригадой Макрейнольдса под командованием Милроя, был взят дивизией Рудса в составе пяти бригад 13 июня; Банкер-Хилл, расположенный на прямой дороге к Мартинсбургу из Винчестера, был занят противником рано утром 14-го; а Мартинсбург был взят (все той же дивизией) вечером того же дня. Генерал Дэниел Тайлер и полковник Б. Ф. Смит (126-й полк Огайо) с небольшим отрядом пехоты и кавалерии и одной батареей доблестно держались несколько часов, чтобы дать возможность своим обозам с багажом и припасами в сопровождении небольшого количества кавалеристов уйти через Уильямспорт. Часть батареи была захвачена, но войска Тайлера и Смита отступили к Шепердстауну, а оттуда к Харперс-Ферри.

Отступая со склада Стивенсона, мы преследовали единственно возможный маршрут, который тогда был у нас, к Харперс-Ферри. Около 2000 человек всех родов войск добрались до Харперс-Ферри вместе с нами, а другие прибыли позже. Но гораздо большая часть команды Милроя сбежала вместе с животными в Пенсильванию; только в "Кровавом беге" собралось 2700 солдат. Потери в плену, включая больных и раненых, оставленных в госпитале, и раненых, оставленных на поле боя, составили около 3000 человек. Потери в моем командовании, учитывая отчаянный характер боевых действий, были невелики, и лишь немногие из моих офицеров и солдат, годных к службе и не раненных в бою, были взяты в плен. Лейтенанты Т. Дж. Уикли и К. М. Гросс из-за пренебрежения к дежурному офицеру были оставлены в пикете близ Винчестера вместе с 60 бойцами 110-го Огайо и, следовательно, взяты в плен. Хирурги со своими помощниками были оставлены в госпитале и на поле боя для ухода за больными и ранеными. Капеллан Маккейб остался, чтобы помогать в уходе за ранеными, оставленными на поле боя. Потери противника убитыми и ранеными значительно превышали потери Союза в каждом из трехдневных боев. 13-го я был ушиблен стреляной пулей и легко ранен мушкетным

выстрелом солдата, находившегося менее чем в десяти футах от меня, ближе к концу боя у земляного вала 14-го, а моя лошадь была подстрелена подо мной в ночном бою на складе Стивенсона. Мы сражались с лучшими частями армии Ли. Дивизия генерала Эдварда Джонсона из корпуса Юэлла в ночном сражении состояла из бригад Стюарта, Николла и Уокера ("Каменная стена"). Джонсона осудили за то, что он не добрался до Мартинсбургской дороги и не покрыл ее ранее ночью 14 июня. Он доложил, что его командование какое-то время находилось в критической ситуации после нашей атаки на него; что "две группы канониров (13 из 16) были убиты или выведены из строя".(16)

Эта война не имеет аналогов сражению при Винчестере, и нет ни одного примера войны, когда сравнительно небольшое войско, практически окруженное значительно превосходящими силами, прорубало себе путь к отступлению.

С дивизией Джонсона так грубо обошлись утром 15-го, что она не преследовала нас, и ей не было приказано снова выступить в поход до некоторого времени следующего дня. План Ли состоял в том, чтобы корпус Юэлла быстро продвинулся в Пенсильванию. Его задержка в Винчестере отложила отдачу Ли приказа Юэллу "взять Харрисбург" до 21 июня.(17) Потеря трех или более дней в Винчестере, скорее всего, спасла столицу Пенсильвании от захвата.

Генерал Халлек возложил ответственность за катастрофу с оружием Союза в Винчестере на генерала Милроя, а Халлек приказал генералу Шенку арестовать Милроя. В августе 1863 года в Вашингтоне собрался Следственный суд для расследования поведения Милроя и эвакуации Винчестера. Действия Шенка в связи с этим вопросом также были поставлены под сомнение. Суд заседал двадцать семь дней, заслушал множество свидетелей, включая генералов Шенка и Милроя, и имел в своем распоряжении массу приказов и депеш. Я был известным другом Милроя, поэтому не был вызван против него, и он не вызывал меня, потому что я так радикально расходился с ним во мнениях относительно необходимости эвакуации Винчестера. Свидетельские показания, хотя и отдают мне должное, не раскрывают большую часть информации, сообщенной мной Милрою, и моих взглядов относительно решения, проявленного им в чрезвычайной ситуации. Милрой и его друзья с большой убедительностью утверждали, что его удержание Винчестера примерно на три дня задержало, на это время или дольше, продвижение Ли в Пенсильванию и, таким образом, спасло Харрисбург от захвата и дало Потомакской армии время достичь Геттисберга и там вынудить Ли сосредоточить свою армию и вести безуспешное сражение. Следственный суд не составил официального отчета, но генеральный судья-адвокат Холт рассмотрел показания и пришел к выводам, в целом снимающим с Милроя обвинение в неподчинении приказам и ненадлежащем поведении во время эвакуации, но в некоторой степени осуждающим Шенка за то, что он положительно не отдал приказ об эвакуации. Президент Линкольн сделал характерное замечание по поводу этого отчета, не в ущерб ни Шенку, ни Милрою, завершив его следующим абзацем:

"Серьезная вина не обязательно связана с какой-либо серьезной катастрофой, и я не могу сказать, что в данном случае кто-либо из офицеров заслуживает серьезной вины. Никакой военный трибунал в данном случае не считается необходимым".(18)

Халлек, однако, не прекратил своей враждебности к Милрою, и только в последние месяцы войны "Серый орел" получил другое командование на местах. Он был опрометчиво храбрым и патриотичным человеком, и все его сердце принадлежало делу Союза. В бою он без необходимости рисковал собственной личностью, не осуществляя должного контроля за всем

своим командованием. Он умер в Олимпии, штат Вашингтон, 29 марта 1890 года в возрасте семидесяти пяти лет. Цветной народ Америки должен воздвигнуть памятник в его память. Он был их другом, когда это навлекло на него много негативной критики.

(1) *От Манассаса до Аппоматтокса* (Лонгстрит), стр. 242, 257, 401.

(2) *Там же.*, 263.

(3) *Авраам Линкольн* (Николай и Хэй), том vi., стр. 159.

(4) В письмах, датированных маем 1863 г., полковнику У. М. С. Фюрею (в то время корреспонденту "*Газетт Цинциннати*" при армии Розкранса в Теннесси) я подробно изложил общий план продвижения Ли на север и указал дату начала движения.

(5) *Военные отчеты*, том ii. xxvii., Часть III., стр. 36.

(6) *Военные отчеты*, том. xxvii., Часть II., стр. 125. Пайетт, 11 июня, телеграфировал Шенку из Винчестера после осмотра места, что Милрой "может взорвать все, что повстанцы смогут здесь достать". — *Там же.*, стр. 161.

(7) *Военные отчеты*, том. xxvii., часть II., стр. 130-7, 159-81.

(8) За несколько дней до этого события я безапелляционно приказал женам всех офицеров и гражданам, находившимся в моем подчинении, отправляться на Север, но дамы устроили митинг возмущения и обратились к генералу Милрою с просьбой отменить мой приказ, что он и сделал, в то же время сказав что-то о том, что я слишком опасаюсь опасности. Я имел удовольствие встретиться и поприветствовать этих же дам в Вашингтоне 5 июля, когда они прибыли из Винчестера через Стонтон, Ричмонд, *Касл-Тандер*, реки Джеймс и Потомак.

(9) *Военные отчеты*, Представитель Эрли, том. xxvii., Часть II., стр. 460.

(10) Его сын, майор Хью Х. Гордон, эффективно служил в моем штабе во Флориде, Джорджии и на Кубе (война в Испании), как и капитан Дж. Э. Б. Стюарт, сын великого генерала кавалерии Конфедерации; также майор Джон Гэри Эванс (бывший губернатор Южной Каролины) и другие, тесно связанные с выдающимися офицерами Конфедерации. См . Приложение F.

(11) *Военные отчеты*, том. xxvii., Часть II., стр. 491.

(12) *Военные отчеты*, том. xxvii., Часть II., стр. 46.

(13) Отчет генерала Джонсона (Конфедерата), *Военные отчеты*, том. xxvii., Часть II., стр. 501.

(14) Санитар, который пытался пронести верхом на лошади мой саквояж с бумагами и т.д., выбросил его в поле, когда ехал в горы. Квакерша, мисс Мэри Лаптон, была свидетельницей этого акта из своего дома, нашла саквояж и вернула его мне со всем содержимым после битвы при Опеконе, 19 сентября 1864 года.

(15) *Военные отчеты*, том. xxvii., Часть II., стр. 136.

(16) *Военные отчеты*, том. xxvii., Часть II., стр. 501-2.

(17) *Там же.*, стр. 443.

(18) *Военные отчеты*, том. xxvii., Часть II., стр. 88-197.

ГЛАВА II Вторжение в Пенсильванию — Кампания и битва при Геттисберге — Отступление Ли через Потомак и потери в обеих армиях

В Харперс-Ферри 16 июня меня назначили командовать бригадой под командованием генерала У. Х. Френча, кадрового офицера. Генерал Джозеф Хукер, командующий Потомакской армией, 25 июня приказал французам быть готовыми выступить в любой момент. Френч занял позицию на Мэриленд-Хайтс, где 27 июня его посетил Хукер и отдал приказ готовиться к эвакуации как Хайтс, так и Харперс-Ферри. Под началом Френча было около 10 000 боеспособных людей. Халлек, получив уведомление о намерении Хукера эвакуировать эти места и объединить командование Френча с Потомакской армией для предстоящего сражения, отменил приказ Хукера; вслед за этим последний телеграммой из Сэнди Хук попросил освободить его от командования этой армией. Поскольку его просьба была удовлетворена, 28 июня он был освобожден от должности, и президент назначил его преемником генерал-майора Джорджа Г. Мида. Мид, также нуждавшийся в подкреплении, в тот же день попросил разрешения приказать Френчу присоединиться к нему со своими войсками. Халлек, хотя и передал Френч под командование Мида, не согласился на это. Однако Френч со всеми своими войсками (за исключением моей бригады) по приказу из Вашингтона оставил Харперс-Ферри и Мэриленд-Хайтс и стал наблюдательным корпусом для действий в окрестностях Фредерика, штат Мэриленд, в тылу Потомакской армии. И хотя никакой враг не угрожал и вряд ли сделает это в ближайшее время, мне было приказано разобрать укрепленные высоты, погрузить орудия и припасы на катера на каналах Чесапик и Огайо и сопроводить их в Вашингтон, по пути ремонтируя канал и шлюзы. Эта работа была проделана тщательно, и мы прибыли с флотилией из двадцати шести лодок в Вашингтон вскоре после полуночи 4 июля 1863 года. Это был мой первый визит в этот город.

По приказу Халлека я отправился 6-го числа по железной дороге, чтобы вновь занять Харперс-Ферри, но был остановлен Мидом во Фредерике и там снова доложил Френчу. Френч был назначен командовать Третьим армейским корпусом (на смену генералу Дэниелу Э. Сиклзу, раненному при Геттисберге), и его последнее командование стало Третьей дивизией этого корпуса под командованием Эллиота; моя бригада, состоящая из 110-го и 122-го пехотных полков Огайо, 6-го Мэрилендского и 138-го Пенсильванского, стала Второй бригадой этой дивизии. Эта бригада (с добавлением позже трех полков) не была расформирована во время войны и была широко известна как "*Бригада Кейфера*".

В мои намерения не входит пытаться написать полную историю битвы при Геттисберге, величайшего, если судить по результатам, из многих великих сражений войны. Геттисберг знаменует собой пик Восстания. С него начинается неизбежное падение Конфедерации, хотя за этим последовало почти два года войны, и после того, как Ли угрюмо начал свое отступление с высот Геттисберга, было пролито больше крови, чем раньше.

На этом этапе войны президент Линкольн проявлял активный интерес к передвижениям армий, хотя в целом воздерживался от абсолютного руководства ими на поле боя. Для армейских командиров не было ничего необычного в том, что они обращались к нему за мнением относительно передвижений войск, и он был свободен в своих предложениях, добровольно беря на себя ответственность, если они будут приняты и его планы провалятся. Хукер в

тщательно разработанной депеше (15 июня), касающейся предполагаемых перемещений армии Ли из Раппаханнока на север, сказал:

- Я придерживаюсь мнения, что мой долг зайти ему в тыл, хотя при этом голова его колонны может достичь Уоррентона раньше, чем я смогу вернуться.

Президент, отвечая, сказал:

"У меня есть только одна идея, которую, я думаю, стоит вам предложить, а именно: если вы обнаружите, что Ли идет к северу от Раппаханнока, я ни в коем случае не стал бы переходить его южнее. Если бы он оставил арьергард у Фредериксбурга, соблазняя вас напасть на него, он сражался бы в укреплениях и поставил бы вас в невыгодное положение, и таким образом, как человек за человеком, нанес бы вам поражение в этом пункте, в то время как его основные силы каким-то образом получили бы преимущество перед вами на севере. Одним словом, я бы не стал рисковать запутаться в реке, *подобно быку, наполовину перепрыгнувшему через забор, и быть разорванным собаками спереди и сзади, без малейшего шанса забодать в одну сторону или лягнуть в другую.*"(1)

Президент, отвечая на другое сообщение от Хукера от 10 июня, сказал:

"Я думаю, что ваша цель - армия Ли, а не Ричмонд. Если он направится к верховьям Потомака, следуйте за ним по его флангу и внутреннему следу, сокращая свои ряды, пока он удлиняет их. Сражайтесь и с ним, когда представится возможность. Если он останется там, где он есть, *тревожьте его еще и еще.*"(2)

Будучи глубоко обеспокоенным судьбой Винчестера (14 июня), была отправлена эта депеша:

Генерал-майор Хукер:

- Насколько мы можем судить, противник окружил Милроя в Винчестере, а Тайлера - в Мартинсбурге. Если бы они смогли продержаться несколько дней, вы могли бы им помочь? *Если голова армии Ли находится в Мартинсберге, а ее хвост на дощатой дороге между Фредериксбергом и Чанселорсвиллем, то животное должно быть где-то очень худое. Ты не мог бы сломить его?"*

"А. Линкольн".(2)

Хукер не переправлялся через реку и не атаковал тыл армии Ли, он также не "беспокоил" армию Ли и не "ломал" ее, каким бы "слабым" ни было "животное", и, следовательно, Милрой был принесен в жертву, а богатые города и округа Мэриленда и Пенсильвании были захвачены голодным и опустошительным врагом; но наступил Геттисберг; войска Союза там успешно возглавлял другой командир — Мид!

Джордж Гордон Мид пришел к командованию Потомакской армией при самых тяжелых обстоятельствах. Положение этой армии и страны было критическим. Он отличился как командир бригады, дивизии и корпуса под командованием Макклеллана, Бернсайда и Хукера; короче говоря, он снискал лавры на многих полях сражений, особенно под Фредериксбергом, где он прорвался через правый фланг противника и добрался до его резервов, но у него никогда не было независимого командования. Он был революционного происхождения (Пенсильвания), хотя и родился в Кадисе, Испания, 31 декабря 1815 года, где тогда проживали его родители, а

его отец был тамошним торговцем и судовладельцем. Он окончил Вест-Пойнт; был скромным, правдивым, трудолюбивым, прилежным человеком с инстинктами солдата. Он был ранен при Нью-Маркет, или Глендейле, во время кампании на полуострове (1862). Он был властным человеком, стремился к успеху, благоразумным, но упрямым, а когда возбуждался, проявлял свирепый нрав; и все же в целом он был справедлив. На третий день после того, как он принял командование армией, ее передовой корпус начал битву при Геттисберге. Какой великий солдат когда-либо прежде брал армию и бросал ее в бой против грозного противника за столь короткое время? Следует также помнить, что войска, составлявшие его армию, не привыкли к материальному успеху. Их никогда не вели к решающей победе. Некоторые из них потерпели поражение при Булл-Ране; некоторые из них на полуострове; некоторые из них во время Второго Булл-Рана; некоторые из них участвовали в ничьей битве при Антиетаме; некоторые из них потерпели отпор при Фредериксберге и поражение при Чанселлорсвилле, и армия в целом потерпела больше поражений, чем успехов, хотя и состояла из офицеров и солдат, равных лучшим, когда-либо призванным в бой. Когда Мид принял командование, армия Ли в основном находилась далеко в долине Камберленд и наступала; Юэлл получил приказ взять Гаррисбург и затем находился с большей частью своего корпуса в Карлайле, штат Пенсильвания. Йорк и Райтсвилл, штат Пенсильвания, были взяты 28-го дивизией Гордона Эрли. 29-го Юэлл приказал своему инженеру вместе с кавалерией Дженкинса произвести разведку обороны Гаррисберга, и он сам направлялся к этому месту в тот же день, когда Ли отозвал его и его корпус, чтобы присоединиться к основной армии в Кэштауне или Геттисберге. (3)

Корпус Лонгстрита выступил маршем из Фредериксбурга 3 июня, через здание суда Калпепера, оттуда вверх по Раппаханноку и вдоль восточного склона Голубого хребта; 19-го занял Эшби-Гэпс и Сникерс-Гэпс, ведущие в долину; 23-го прошел через Мартинсбург и Уильямспорт в Мэриленд, достигнув Чемберсбурга 27-го; оттуда 30-го прошел маршем к Гринвуду, а на следующий день к Марш-Крик, в четырех милях от Геттисберга, дивизия Пикетта и бригада Худа, оставленные соответственно в Чамберсберге и Нью-Гилфорде. (4)

Корпус А. П. Хилла не покидал Фредериксберг до 14 июня, сразу после того, как Хукер привел Потомакскую армию в движение на север. Хилл двинулся в Долину и присоединился к Лонгстриту в Берривилле, а оттуда опередил его на Чемберсбург, а затем на один день - на Кэштаун и Геттисберг. (5)

Генерал Дж. Э. Б. Стюарт, командующий кавалерией Конфедерации, пересек верхний Раппаханнок 16 июня и двинулся восточнее Голубого хребта на правый фланг Лонгстрита, оставив на Раппаханноке для наблюдения лишь небольшой отряд кавалерии с инструкциями следовать на правом фланге корпуса Хилла. Тяжелые кавалерийские бои произошли 17-го числа при Олди, а также при Миддлберге, Аппевилле и Сникерс-Гэпе, но без решающих результатов, обе стороны заявили о победах. 24-го Стюарту с основными силами своей кавалерии удалось ускользнуть от кавалерии Союза и армии Хукера (затем они нащупывали путь на север) и прошли восточнее Сентервилля, оттуда через Фэрфакс Корт-Хаус и Дрансвилл, а 27 июля переправились через Потомак у Роузерс-Форда и захватили большой обоз со снабжением между Вашингтоном и Роквиллем. Кавалерия Стюарта нанесла некоторый урон в тылу и к востоку от Потомакской армии, но в целом это смелое движение мало способствовало успеху кампании Ли, если вообще способствовало чему-либо. Наступление Стюарта достигло оставленных конфедератами позиций через Дувр и Карлайл, штат Пенсильвания, поздно вечером второго дня битвы, его солдаты и лошади были в несколько измотанном

состоянии. Единодушное мнение среди военных критиков заключалось тогда и с тех пор заключается в том, что Ли совершил большую стратегическую ошибку, разрешив своим основным кавалерийским силам быть отделенными от тесного контакта с правым флангом его движущейся армии. Генерал Ли, похоже, сам пришел к такому выводу, поскольку часто в своих официальных отчетах о кампании он сожалеет об отсутствии своей кавалерии и, как следствие, неспособности получить достоверную информацию о передвижениях Потомакской армии. (6) Лонгстрит резко критикует рейд Стюарта и приписывает отсутствие кавалерии, в значительной степени, провалу Геттисбергской кампании. (7) Кавалерия под командованием энергичного командира является *глазами и ушами* большой армии, особенно когда она ведет активную кампанию против бдительного врага.

Проследив с некоторыми подробностями основные силы, составлявшие армию Ли, относительно времени и маршрутов, до окрестностей Геттисберга, остается кратко проследить за Потомакской армией до того же места. Хотя часть ее корпусов выдвинулась раньше, штаб этой армии не покидал Фалмут до 14 июня, когда он был размещен в Дамфрисе; на следующий день на станции Фэрфакс, 18-го в здании суда Фэрфакс, 26-го в Пулсвилле, штат Мэриленд, и на следующий день во Фредерике, штат Мэриленд, где Мид сменил Хукера. Перед тем, как Потомакская армия покинула Фалмут, дивизия Шестого корпуса была переброшена через реку для наблюдения за противником, но она не атаковала его и была отведена 13-го.

Мид обнаружил свою армию, в основном, в окрестностях Фредерика, хотя часть его корпусов прошла на север, а другие приближались сходящимися линиями, шестой корпус только что прибыл в Пулсвилл из Вирджинии. 29 июня Мид перенес свою штаб-квартиру из Фредерика в Миддлберг, а на следующий день - в Тэйнитаун, штат Мэриленд, примерно в пятнадцати милях к югу от Геттисберга.

Передвижения Потомакской армии были такими, чтобы прикрыть Вашингтон и Балтимор и в то же время как можно скорее ввести в бой армию вторжения.

Первый, одиннадцатый и Третий корпуса под командованием генерал-майора Джона Ф. Рейнольдса 1 июля наступали на Геттисберг, возглавляя Первый корпус, которому предшествовала только кавалерийская дивизия генерала Джона Бьюфорда. Затем Ли быстро сосредотачивал свою армию в Геттисберге. Рейнольдс обнаружил, что Бьюфорд яростно сражается с пехотой корпуса Хилла, когда они прорывались через горы по Кэштаунской дороге. Он быстро перебрал Первый корпус на поддержку Бьюфорда, и вскоре завязался горячий бой. Одиннадцатому корпусу под командованием генерала Оливера О. Ховарда было приказано поспешить вступить в бой. Говард прибыл около 11.30 утра, как раз в тот момент, когда Рейнольдс был смертельно ранен, и командование полемикой перешло к Говарду. Он выдвинул две дивизии Одиннадцатого полка на поддержку Первого корпуса, затем вступил в бой на Семинари-Хилл, к северо-востоку от Геттисберга, и разместил третью дивизию на Кладбищенском хребте, к югу от города. На Кэштаунской дороге с большим ожесточением продолжалось сражение. На какое-то время успех Союза был значительным, и конфедераты были отброшены назад, а многочисленные пленные, включая генерала Арчера, были захвачены; но подкрепление из Кэштауна и неожиданное прибытие в 13.30 по Йоркской и Гаррисбергской дорогам корпуса Юэлла справа от Говарда оставили его в меньшинстве и обошли с флангов. Он вел неравное сражение примерно до 4 часов дня, затем отдал приказ об отходе к Кладбищенскому хребту, что было достигнуто со значительными потерями, в основном

пленными, взятыми на улицах Геттисберга. Мид, узнав о смерти Рейнольдса, отправил генерала У. С. Хэнкока представлять его интересы на поле боя. Хэнкок прибыл вовремя, чтобы помочь Говарду выгодно расположить войска на Гребне холма, где они достойно отразили атаку на правом фланге. Корпуса Слокума и Сиклза прибыли около 7 часов вечера и были размещены справа и слева, соответственно, от тех, кто находился на позиции. Хэнкок доложил Миду, что занимаемая позиция была сильной, и посоветовал сосредоточить там армию для сражения. В 10 часов вечера Мид покинул Тэйнитаун и прибыл на поле боя в 1 час ночи 2 июля, приняв, на основании полученных донесений, решение остановиться и дать там генеральное сражение.⁽⁸⁾ Второй и Пятый корпуса и остальная часть Третьего прибыли рано утром 2-го. Второй и Третий корпуса заняли позиции слева от Союза на продолжении хребта в направлении горы Литтл-Раунд-Топ. Пятая дивизия находилась в резерве до прибытия Шестой в 14:00, когда она была перемещена в крайний левый фланг, а Шестая заняла свое место в резерве из-за истощения своих войск, которые только что совершили тридцатидвухмильный марш с 9 часов вечера предыдущего дня. Третий, под командованием Сиклса, был передвинут им к персиковому саду примерно в полумиле впереди и вне линии соприкосновения с корпусами справа и слева от него. Здесь она приняла на себя удар сражения, начатого около 3 часов дня корпусом Лонгстрита с правого фланга конфедератов. Второй и Пятый корпуса были спешно прикрывать фланги Третьего. Битва яростно бушевала в течение нескольких часов, пока ночь не положила ей конец. Третий был вынужден после отчаянного столкновения отступить на положенный ему рубеж. Сиклс был тяжело ранен, потеряв ногу. Пятой, после героического сражения, удалось захватить и удержать гору Раунд Топ (биг), ключ к позиции слева от Союза, а также Кладбищенский холм и Калпс-Хилл справа от нее. С наступлением темноты Лонгстрит, понеся большие потери, был вынужден отступить, не получив существенного преимущества. Шестой и часть Первого корпусов, получив приказ двигаться влево, участвовали в этом сражении и помогали в отражении атаки Лонгстрита. Двенадцатая дивизия Гири, двигавшаяся с крайнего правого фланга, также усилила левый. Именно этот отход с правого фланга позволил корпусу Юэлла захватить и оккупировать часть линии фронта Союза в окрестностях Калпс-Хилл. Около 8 часов вечера был предпринят штурм Одиннадцатого корпуса на Кладбищенском холме, где противник проник к батарее, за которой произошли *рукопашная* схватка, конфедераты после рукопашного боя были сброшены с холма и вынуждены отступить. Так закончились бои второго дня под Геттисбергом, ни одна из сторон не получила решающего преимущества. Однако большая часть армии Союза была более или менее вовлечена в бой, в то время как корпус Лонгстрита (за исключением дивизии Пикетта) и только части корпуса Юэлла армии Конфедерации серьезно пострадали. Было несколько энергичных артиллерийских дуэлей, но они редко вносят существенный вклад в достижение важных результатов.

Третий день начался на раннем рассвете с того, что дивизия Гири (вернувшаяся с левого фланга) атаковала и после оживленного боя вернула себе прежнюю позицию справа. Все утро справа у Калпс-Хилл и вдоль Рок-Крик также бушевало ожесточенное сражение, в котором участвовала бригада Уитона из Шестого корпуса. За этим исключением, до полудня 3-го числа на позициях двух великих армий царило затишье.

Ли, воодушевленный некоторой видимостью успеха в первый и второй дни и чрезмерно уверенный в боевых качествах своей великолепной армии, порожденных ее поражениями Потомакской армии при Раппаханноке, решил вести наступательное сражение, хотя и вдали от своей естественной базы. Соответственно, Лонгстриту был отдан приказ собрать колонну численностью не менее 15 000 человек для атаки под прикрытием артиллерии на левый центр

союзных войск, которая должна быть поддержана одновременными реальными или притворными атаками других частей армии Конфедерации.

Лонгстрит не верил в успех атаки и поэтому выдвигал против нее множество возражений и предсказывал ее провал. Он посоветовал развернуть армию Конфедерации справа от Союза слева и таким образом вынудить Мида уйти с его естественно сильной позиции.(9) Лине захотел слушать своего старшего лейтенанта. Дивизия Пикетта из трех бригад была назначена справа от колонны, и она стала дивизией направления. Дивизия Кемпера из четырех бригад корпуса Хилла была сформирована слева от Пикетта, а бригада Уилкокса из корпуса Хилла была размещена эшелонам в поддержку справа от Пикетта, а бригады Скейлса и Лейна из корпуса Хилла под командованием Тримбла должны были двигаться в поддержку левого фланга Кемпера. Вся колонна из десяти бригад, состоявшая из сорока шести полков, насчитывала около 20 000 человек.

Генералы Пендлтон и Александер, начальники артиллерии армии Северной Вирджинии и корпуса Лонгстрита, соответственно, сосредоточили 150 орудий на горном хребте, протянувшемся в целом параллельно левому флангу армии Союза и примерно в одной миле от него, чтобы иметь возможность вести сходящийся огонь по его левому центру.(10) Пока на позициях конфедерации продолжалась подготовка к решающему сражению, армия Союза стояла в страхе, готовая к боевой буре, предвещаемой долгим затишьем и активными приготовлениями, наблюдаемыми на ее фронте. В 13:00 батареи Лонгстрита открыли огонь, и превосходящие орудия армии Союза, хотя и не были на позициях в таком большом количестве, быстро отреагировали. Эта ужасающая дуэль длилась около двух часов. Мид, осознав бесполезность своего артиллерийского огня и в ожидании скорого штурма, приказал отвести большую часть своей артиллерии в укрытие, чтобы дать орудиям время остыть и пополнить боекомплект. Это заставило противника поверить, что он эффективно заставил их замолчать, и атакующая колонна двинулась вперед.(11) Артиллерия Союза с добавленными свежими батареями снова была быстро выведена на позиции для настоящей работы. Сомкнутая массированная штурмовая колонна под хорошим предводительством храбро двинулась в атаку вниз по склону и через открытую местность, направленную против части линии фронта Союза, частично расположенной на Кладбищенском хребте. Поддерживающие батареи Конфедерации теперь почти прекратили огонь. Когда атакующая колонна двинулась вперед, орудия Союза повернулись к ней, прорезая бреши при каждом выстреле. Как правило, они были закрыты от поддержки, но когда голова колонны подобралась вплотную к брустверам Союза, а в одном месте и к ним, огонь пехоты Союза стал непреодолимым. Лонгстрит приказал дивизиям Маклоуза и Худа, удерживавшим свою линию справа от атакующей колонны, выдвинуться в бой. Силы Союза выдвинулись и атаковали вспомогательную бригаду Пикетта справа. Под яростным огнем пехоты и артиллерии голова огромной колонны конфедератов быстро растаяла. Генералы Гарнетт, Пендер, Семмс, Армистед и Барксдейл были убиты, генералы Кемпер, Тримбл, Петтигрю и многие другие офицеры были ранены, и многие цвета Конфедерации были сбиты. Конфедераты, проникшие за линию фронта Союза, были убиты или взяты в плен. Когда было продемонстрировано, что успех невозможен, Пикетт приказал отступать, и те из его людей, которые не были отрезаны огнем, продолжавшим охватывать поле боя, убежали в укрытие за батареями, оставив широкий путь атакующей колонны усеян мертвыми, умирающими и ранеными. Великая битва была практически завершена. Мид не стал выводить свою армию и преследовать разбитых конфедератов, как ожидали от него их лидеры. Ли, лично помогая

восстанавливать позиции своих разбитых войск, осознал ужасные последствия нападения Пикетта и великодушно сказал офицеру: *"Это все моя вина"*.

Генералы Хэнкок и Гиббон и многие важные офицеры Союза были ранены. Это, наряду с другими причинами, помешало Миду перейти в наступление. Две трети армии Конфедерации не принимали активного участия в последнем сражении, и день был слишком затрачен, чтобы Мид мог использовать комбинации, необходимые для успеха немедленной атаки.

Лонгстрит отозвал Маклоуза и Худа с их передовых позиций. Килпатрик двинул свою кавалерийскую дивизию в атаку на правый фланг конфедерации, а кавалерийская бригада Фарнswortha предприняла доблестную атаку в тыл пехоте Лонгстрита, объезжая отряды, пока лихой командир не погиб, а его команда не была разорвана на куски ужасающим огнем вражеской артиллерии и пехоты. Большое сражение также завязалось на территории Союза, недалеко от Рок-Крик, между кавалерией Конфедерации под командованием Стюарта и основными силами кавалерии Союза под командованием генерала Альфреда Плезантона, в ходе которого наша кавалерия удержала поле боя и отбросила Стюарта от попытки проникнуть в тыл правого фланга Союза. Пехотные корпуса двух армий больше не вступали в бой при Геттисберге. Ли отвел левый фланг, чтобы уплотнить свою армию, все еще удерживая кавалерию слева от себя.

С наступлением темноты 4 июля Ли, предварительно отправив вперед свои поезда и машины скорой помощи, заполненные больными и ранеными, начал отступление по дорогам Фэрфилд и Эммитсбург через Хагерстаун к Потомаку в Уильямспорте и Фоллинг-Уотерсе, его кавалерия прикрывала тыл. Шестой корпус и наша кавалерия последовали за ним в плотном преследовании утром 5-го, но основные силы Потомакской армии двинулись на фланг конфедерации, направляясь на Миддлтаун, штат Мэриленд. Французы (оставленные у Фредерика) оттеснили колонну к Уильямспорту и Фоллинг-Уотерсу, разрушили понтонный мост и взяли в плен его охрану и обоз. Кавалерия Буфорда была послана Мидом в Уильямспорт, где она столкнулась с наступлением войск Ли, уничтожила поезда и захватила множество орудий и пленных. Недавние проливные дожди так раздули Потомак, что его невозможно было перейти вброд. Большую часть больных и раненых конфедератов с большими усилиями переправили через разлившуюся реку на импровизированных лодках, но не без задержки в несколько дней. Армия Ли достигла Потомака 11-го числа, понесла значительные потери во время отступления в плену, оружии и обозах. Она заняла сильную позицию, прикрывая Уильямспорт и Падающие воды, и укрепилась в траншеях.

Армия Союза, достигнув Миддлтауна и получив подкрепление от командования Френча и некоторую реорганизацию, 11-го числа развернулась для сражения, а 12-го вплотную подошла к фронту армии Конфедерации. Были отданы приказы о начале атаки утром 13-го, но весь день прошел в разведке и дальнейших приготовлениях. На следующее утро врагу удалось форсировать реку, и был взят в плен только арьергард.

Было испытано большое разочарование от того, что Мид снова не заставил Ли сражаться к северу от Потомака. Несомненно то, что в армии Ли не хватало боеприпасов для всех видов оружия, а пайки были скудными. Ли в депешах Джефферсону Дэвису, датированных 7, 8 и 10 июля, проявлял большие опасения относительно результата сражения в случае нападения в его тогдашней ситуации.(12)

Армии Мида также сильно препятствовали обстоятельства, неподвластные человеческому контролю. Когда 13 июля предполагалось всеобщее наступление, лил проливной дождь, а возделанные поля были настолько мягкими, что передвижение артиллерии и войск было почти невозможным. Колеса лафетов так глубоко увязли в мягкой земле, что пушки не могли безопасно стрелять. Депеши от Халлека и одна от президента Линкольна убедили Мида атаковать Ли до того, как он пересечет Потомак.⁽¹³⁾ Мид полностью осознавал важность этого, но он проявил некоторую робость, свойственную его натуре, и стремился создать все условия в свою пользу, прежде чем рискнуть вступить в еще одно сражение. Его комбинации были составлены со слишком большой точностью для того времени, за которое ему приходилось это делать.

Менее осторожный командир мог бы в течение первых нескольких дней опрометчиво атаковать Ли спереди или с фланга, или с обоих направлений одновременно, полагаясь на то, что он не сможет сосредоточить свою армию для сопротивления. Но после того, как Ли сосредоточил свои силы и укрепился на хорошо выбранной позиции, прикрывая Уильямспорт и Фоллинг-Уотерс, результат атаки был бы сомнительным, тем не менее, в свете того, что стало известно позже, она должна была быть предпринята. Мид, однако, преуспел в сложившихся обстоятельствах при Геттисберге, и независимый командир двухнедельной давности, еще не привыкший вести агрессивные бои с большой армией, имеет право на взвешенное суждение.

Пересмотренные списки потерь Потомакской армии в битве и кампании при Геттисберге показывают, что 246 офицеров и 2909 рядовых убиты, 1145 офицеров и 13 384 рядовых ранены, всего 17 684; также 183 офицера и 5182 рядовых взяты в плен, всего 23 049. Первый и Одиннадцатый корпуса потеряли, в основном, в первый день, в пленных 3527 человек.⁽¹⁴⁾

В несовершенных списках потерь армии Северной Вирджинии не указано количество убитых и раненых офицеров отдельно от рядового состава, а от некоторых командований не найдено отчетов, однако, насколько известно, они показывают 2592 убитых и 12 709 раненых, всего 15 301 и 5150 взятых в плен, всего 20 541.⁽¹⁵⁾ В записях военнопленных в канцелярии генерал-адъютанта США указаны имена 12 227 раненых и невредимых конфедератов, захваченных в Геттисберге с 1 по 5 июля 1941 года. включительно.⁽¹⁵⁾

Когда закончилась Геттисбергская кампания, я честно служил в Потомакской армии, мне было суждено быть с ней и от нее, разделять ее судьбу в течение двух лет и до конца войны.

(1) *Военные отчеты*, том ii. xxvii., Часть I., стр. 30-1.

(2) *Там же.*, стр. 35, 39.

(3) Отчет Юэлла, *Военные отчеты*, т. xxvii., Часть II., стр. 443.

(4) Отчет Лонгстрита, *там же.*, 358.

(5) Отчет Ли, *там же.*, 317.

(6) *Военные отчеты*, том II. xxvii., Часть II., стр. 316, 321-2.

(7) *От Манассаса до Аппоматтокса*, стр. 342-3, 351-9, 362.

(8) Отчет Мида, *Военные отчеты*, том. xxvii., Часть I., стр. 115.

(9) *Манассас - Аппоматтоксу*, стр. 386-7.

(10) Отчет Пендлтона, *Военные отчеты*, том. xxvii., Часть II., стр. 352.

(11) *Манассас - Аппоматтоксу*, стр. 392.

(12) *Военные отчеты*, том ii. xxvii., Часть II., стр. 299-302.

(13) *Там же.*, стр. 82-3.

(14) *Там же.*, стр. 187.

(15) *Военные отчеты*, том ii. xxvii., Часть II., 346.

ГЛАВА III Беспорядки в Нью—Йорке, 1863 г. —Преследование армии Ли до Раппаханнока— Бои на Уоппинг—Хайтс и перестрелки—Западные войска, посланные в Нью-Йорк для проведения призыва-Их возвращение-Инциденты и т.д.

Во время Геттисбергской кампании организованное ополчение Нью-Йорка, а также дислоцированные там добровольческие и регулярные войска были отправлены в Пенсильванию для оказания помощи в отражении армии вторжения, таким образом, оставив этот город без его обычной защиты.

Горацио Сеймур, губернатор штата Нью-Йорк в 1863 году, не всегда был в согласии с президентом Линкольном и военным министерством в отношении ведения войны, необходимости набора войск и средств, с помощью которых они были получены. Его неприятие призыва было хорошо понято и ободрило беспокойное население Нью-Йорка, которое было настроено против войны и, следовательно, против всех радикальных мер по заполнению городской квоты. Бедняки верили, что у них есть справедливые основания для жалобы. Пункт Закона Конгресса о зачислении в армию позволял призывнику быть уволенным после выплаты компенсации в размере трехсот долларов. Это давало более богатым людям право, которым бедные не могли воспользоваться.

Город Нью-Йорк лояльно откликнулся людьми и деньгами в поддержку Профсоюза по окончании войны, но по мере того, как борьба прогрессировала, бремя города возрастало и поступало много призывов к мужчинам, произошла некоторая реакция в общественных настроениях, особенно среди масс, которые воображали себя самыми большими страдальцами. Ее мэр Фернандо Вуд до войны (6 января 1861 г.) в Послании ее Общему совету назвал Союз всего лишь "конфедерацией", в которой Нью-Йорк был "Имперским городом"; и далее сказал, что распад Союза неизбежен; что абсолютно невозможно удерживать Штаты "вместе дольше, чем они считают, что с ними справедливо обращаются"; что Союз "нельзя сохранить принуждением или удержать вместе силой"; что с "пострадавшими братьями из рабовладельческих Штатов" город сохранил "дружеские отношения и общую симпатию" и был полностью разделен. не "участвовал в войне против их конституционных прав или их внутренних институтов", и "следовательно, Нью-Йорк имеет право ожидать и должен стремиться сохранить продолжение непрерывных отношений со всеми секциями". Он осудил другие части штата Нью-Йорк как "инострannую державу", стремящуюся издавать законы для правительства города; утверждал, что "многое, без сомнения" можно "сказать в пользу справедливости и политики отделения" и что Тихоокеанские и Западные штаты, а также Южные штаты вскоре создадут

независимую республику. Но мэр Вуд, не удовлетворившись всей этой чепухой о разобщении, сказал дальше:

"Почему бы Нью-Йорку, вместо того чтобы поддерживать за счет своих взносов в доход две трети расходов Соединенных Штатов, не стать столь же независимым? Как *свободный город*, с лишь номинальной пошлиной на импорт, ее местное правительство могло поддерживаться без налогообложения ее народа. Таким образом, мы могли бы жить без налогов и иметь дешевые товары, почти беспошлинные. В этом она заручилась бы полной и сплоченной поддержкой южных штатов, а также всех других штатов, интересам и правам которых в соответствии с Конституцией она всегда была верна; и когда разобщенность стала фиксированным и несомненным фактом, почему Нью-Йорк не может разорвать узы, которые связывают его с продажным и коррумпированным хозяином — с народом и партией, которые разграбили ее доходы, отняли власть самоуправления и разрушили Конфедерацию, частью которой она была, гордый город Империи? Среди мрака, который нынешнее ипредполагаемое положение вещей должно нависнуть над страной, Нью-Йорк, как Свободный город, может пролить единственный свет и надежду на будущее восстановление нашей некогда благословенной Конфедерации". (1)

Это самое дерзкое сообщение опередило все Постановления об Отделении, за исключением постановления Южной Каролины, и примерно на два месяца предшествовало инаугурации президента Линкольна. Предлагаемое отделение Нью-Йорка предполагало разрыв уз, которые связывали ее с государством, а также с нацией, и поэтому не могло иметь даже тени оправдания отдельного суверенитета, такого, какой был заявлен для штата.

Опасная доктрина этого Послания и предложения по превращению Нью-Йорка в *свободный город*, а также другие подобные политические учения принесли свои плоды и во многом способствовали формированию общественных настроений, кульминацией которых стало сопротивление призыву и чудовищные, кровавые и разрушительные беспорядки, последовавшие в Нью-Йорке.

Значение поражения армии Конфедерации при Геттисберге и взятия Вicksburga 4 июля 1863 года не было хорошо понято в Нью-Йорке, когда в субботу, 11 июля 1863 года, в соответствии с инструкциями, маршал-провост Дженкинс приступил к первоначальным работам на углу 46-й улицы и Третьей авеню, начертив на колесе имена тех, кто должен откликнуться на призыв правительства или заплатить деньги за смягчение наказания.

Первый день прошел без какого-либо открытого насилия и даже с некоторыми добродушными шутками со стороны огромной собравшейся толпы. Призыв проводился открыто и справедливо, и имена призывников были публично объявлены и опубликованы прессой в воскресенье утром. Оказалось, что имена многих мужчин, слишком бедных, чтобы оплатить смягчение наказания, были сняты с руля, и поэтому им придется лично отправиться в армию, независимо от склонности или способности обеспечивать свои семьи в их отсутствие. Другие, не призванные, опасались, что их постигнет та же участь. Поэтому в воскресенье в укромных местах собрались жители района, где начался призыв, и решили сопротивляться ему вплоть до кровопролития. Лидеры движения широко заявляли об отсутствии организованного ополчения и других солдат регулярной армии и добровольцев, чтобы укрепить веру в то, что сопротивление будет успешным. Полиции, хотя и эффективной, особо опасаться не приходилось, поскольку она должна была быть широко разбросана по городу для защиты людей и имущества. Продвигая план сопротивления федеральным властям, организованные группы рано утром в понедельник

отправились во двор, на фабрику и в магазин и заставили мужчин бросить работу и присоединиться к процессии, направлявшейся к углу Третьей авеню и 46-й улицы.

Капитан Дженкинс и его помощники, не опасаясь никакой опасности, возобновили призыв в присутствии огромной толпы, многие из которых столпились в его кабинете, и несколько имен были названы и зарегистрированы, когда в окно был брошен булыжник, разбивший стекло на тысячу осколков, сбивший с ног нескольких тихих наблюдателей в комнате и напугавший чиновников. Это был первый акт знаменитых нью-йоркских беспорядков. Второй и третий камни теперь летели через разбитое окно в обреченных офицеров и репортеров, и с неистовыми криками толпа превратилась в толпу и, выломав двери, ворвалась в комнату, круша столы, тумбочки, мебель и уничтожая все, что можно было найти. Одно только колесо отнесли наверх и в конце концов спасли. Маршалу удалось спастись, но его заместитель, лейтенант Вандерпоэль, был ужасно избит и доставлен домой, считая, что он умер. Здание, в котором находился офис, было подожжено, а гидранты были захвачены толпой, чтобы помешать Пожарной службе тушить пламя, и через два часа сгорел целый квартал. Суперинтендант полиции Кеннеди подвергся нападению бунтовщиков и был оставлен умирать. По городу распространились самые преувеличенные слухи об успехах мафии, и быстро сформировались другие банды, выступавшие против призыва, особенно в его южных частях.

Пока генерал Сэнфорд из ополчения штата, мэр города Опдаик и генерал Джон Э. Вул спешно совещались и, в отсутствие какой-либо военной силы, достаточной для подавления и без того грозного бунта, пытались придумать средства для его подавления, толпа, к которой присоединились многочисленные банды воров и головорезов, выросла до размеров огромной армии и, чувствуя себя одержимой непреодолимой силой, быстро передвигалась по явно обреченному городу, занимаясь убийствами, грабежами и поджогами. Не считались ни с личностями, ни с имуществом. Мирных граждан открыто хватали, жестоко обращались и грабили везде, где находили. Тех, кто пытался сопротивляться, часто безжалостно волокли по улицам, топтали ногами и оставляли умирать. Был разрушен квартал из коричневого камня на Лексингтон-авеню. На подавление беспорядков был направлен вооруженный отряд морской пехоты численностью около пятидесяти человек. На углу 43-й улицы эти морские пехотинцы попытались разогнать толпу, открыв по ней огонь холостыми патронами, но на них набросились с такой свирепой яростью, что они были сломлены и подавлены, у них отобрали оружие, нескольких из них убили, и всех жестоко избили. В этот момент отряд полиции попытался арестовать некоторых лидеров, но потерпел поражение, был жестоко избит, а один из его членов убит. Окрыленная этими триумфами и возбужденная уже пролитой кровью, ярость толпы не знала границ и предполагала немедленное нападение на главные улицы, отели и общественные здания. Город наполнился ужасом; все предприятия прекратились, общественный транспорт перестал курсировать, и ужас охватил государственные власти, а также мирных граждан.

Негры, казалось, были первым объектом враждебности толпы; общественные места, где они работали, были захвачены, а нанятые там цветные слуги подвергались жестокому обращению, а в некоторых случаях были убиты. Приют для цветных полусирот на Пятой авеню, недалеко от 43д-стрит, где проживает около 800 цветных детей, подвергся посещению, его обслуживающий персонал и заключенные подверглись жестокому обращению, внутренняя часть здания была разграблена, и, несмотря на личные усилия шефа Декера, оно было обстреляно и сожжено.

Грабежам предавались свободно, и многие женщины, принадлежавшие к бунтовщикам, уносили добычу.

Оружейный склад на Второй авеню, в котором хранилось некоторое количество оружия и боеприпасов, хотя и охранялся отрядом солдат, вскоре был захвачен, его содержимое изъято, а само здание сожжено. Это не было достигнуто до тех пор, пока по меньшей мере пятеро из толпы не были убиты и еще многие ранены полицией. В нижней части города бунтовщики нападали в основном на ни в чем не повинных цветных мужчин.

По меньшей мере дюжина человек была зверски убита, еще многие были избиты, а другие вынуждены были скрываться или бежать из города. Одного цветного мужчину схватили, пинали и терзали до тех пор, пока жизнь, казалось, не угасла, а затем его тело подвесили к дереву и под ним разожгли костер, тепло которого привело его в сознание.

Была проведена демонстрация против редакции газеты *Tribune*. Огромная толпа из окрестностей 46-й улицы достигла парка рядом с этим офисом около пяти часов вечера, и некоторые из ее лидеров, выломав двери, ворвались в здание и начали уничтожать его содержимое и готовиться сжечь его. Однако решительный натиск полиции выгнал их, и здание было спасено.

Полиция, хотя и проявила героизм в своих усилиях по защите города, добилась успеха лишь частично. Призыв был приостановлен. Здание на Бродвее недалеко от 28-й улицы, частично занятое под офис проректором-маршалом Марриером, было подожжено, и весь квартал сгорел. Отель "Голова быка" на 44-й улице также был сожжен дотла, потому что его владелец отказался поставлять мафии спиртное. Резиденции маршала-провоста Дженкинса и почтмейстера Уэйкмана и два дома из коричневого камня на Лексингтон-авеню также были уничтожены пожаром, несколько сотрудников полиции и морских пехотинцев были забиты камнями до смерти, а другие смертельно ранены.

Совет олдерменов собрался и принял резолюцию, предписывающую комитету представить план, согласно которому можно было бы выделить ассигнования на смягчение наказания (300 долларов) тем беднейшим гражданам, которые могли бы быть призваны в армию. Генерал Вул, командовавший департаментом, обратился с призывом к уволенным вернувшимся солдатам предложить мэру свои услуги по обороне города. Этот призыв нашел некоторый отклик на следующее утро, и генерал Харви Браун принял командование войсками в городе. На второй день (14-го) беспорядки были еще более ожесточенными, чем в первый. Толпа полностью контролировала город и сеяла ужас повсюду, куда бы ни двинулась.

Губернатор Горацио Сеймур прибыл в город и немедленно издал прокламацию, приказывающую бунтовщикам разойтись по домам под страхом наказания за использование им всей власти, необходимой для восстановления мира и порядка. Поскольку беспорядки продолжались, он в тот же день издал еще одну прокламацию, объявляющую город в состоянии восстания и уведомляющую, что все лица, оказывающие сопротивление любой силе, призванной для подавления восстания, будут подвергнуты наказаниям, предусмотренным законом. Эти прокламации, однако, не возымели особого эффекта. Второй день сопровождался новыми зверствами по отношению к неграм. Толпа в своей жестокости не считалась ни с возрастом, ни с немощью, ни с полом. Когда бы и где бы ни находилось цветное население, смерть была их неумолимой судьбой. Целые кварталы, населенные ими, были сожжены дотла.

Несколько раз небольшие военные силы, собранные на второй день, встречались с бунтовщиками и отбрасывали их назад, стреляя шариковыми патронами. Лейтенант Вуд, командовавший 150 регулярными войсками из Форта Лафайет, разгоняя около 2000 человек, собравшихся в окрестностях Гранд-стрит и Питт-стрит, был вынужден выпустить в них пули, убив около десятка и ранив многих, в том числе двух детей. Эта толпа была разогнана. Граждане организовались, чтобы защитить себя и город.

Губернатор Сеймур обратился к огромному собранию со ступеней мэрии и посоветовал подчиняться закону и официальным властям. Он зачитал письмо, в котором говорилось, что он пытается приостановить действие проекта, и объявил, что у него есть информация о том, что он был отложен в городе Нью-Йорк. Это объявление в какой-то степени успокоило волнение и предотвратило распространение беспорядков.

Полковнику О'Брайену с отрядом войск было приказано разогнать толпу на Третьей авеню. Ему удалось повернуть дело вспять, но во время волнения он вывихнул лодыжку и остановился в аптеке на 32-й улице, пока его команда передавалась дальше. Группа бунтовщиков, обнаружив его, окружила магазин и угрожала его уничтожением. Он вышел и тут же лишился чувств, и толпа обрушилась на его распростертое тело, избивая, топча и калеча его. В течение нескольких часов его тело таскали взад и вперед по тротуару самым бесчеловечным образом, после чего отнесли к парадному входу в его резиденцию, где с криками и насмешками повторилось то же самое обращение.

Отсутствующие ополченцы были поспешно отправлены домой из Пенсильвании, и к 15-му бунт настолько утих, что многие из его лидеров пали или были взяты в плен, а толпа была разбита на части, и с ней было легче справиться. Мэр Опдаик, объявив, что беспорядки в основном прекратились, посоветовал поддерживать добровольные ассоциации для обеспечения надлежащего порядка, и после этого работа была осторожно возобновлена.

16-го числа архиепископ Джон Хьюз распорядился развесить по городу открытку, приглашающую людей, "названных во многих газетах бунтовщиками", собраться на следующий день, чтобы послушать его речь. В назначенный час около 5000 человек собрались перед его резиденцией, когда архиепископ, облаченный в пурпурные одежды и другие знаки отличия своего высокого священнического служения, обратился к ним со своего балкона. Он взывал к их патриотизму и советовал соблюдать закон как принцип их католической веры. Он сказал им, что "ни одно правительство не может выстоять или защитить себя, если оно не защищает своих граждан". Он призвал их разойтись по домам и впредь не совершать незаконных актов насилия. Это собрание мирно разошлось, и массовый бунт был прекращен.

Но призыв на время был приостановлен, и губернатор Сеймур дал некоторые гарантии, что он больше не будет возобновлен в городе. Муниципальные власти приняли законопроект о выплате компенсации в размере 300 долларов, или заменяющих ее денег, призванным мужчинам из бедных классов.

Общее количество убитых и раненых в ходе беспорядков неизвестно. Губернатор Сеймур в своем сообщении заявил, что "по оценкам полиции, число убитых и раненых составляет не менее тысячи". Участники беспорядков, как обычно, пострадали больше всех. Были

предъявлены иски к городу о возмещении ущерба уничтоженному имуществу на общую сумму 2 500 000 долларов, и город выплатил истцам около 1 500 000 долларов.

Это краткое изложение событий великого нью-йоркского бунта дано для объяснения передвижений войск, о которых вскоре будет упомянуто. Но чтобы дать читателю более полное представление о противодействии, с которым столкнулись федеральные чиновники при исполнении законов о призыве на военную службу, следует сказать в этой связи, что бунты по призыву в небольших масштабах имели место в Бостоне, штат Массачусетс; Трое, штат Нью-Йорк; Портсмуте, штат Нью-Йорк, и в округе Холмс, штат Огайо, и в других местах.

Мы оставили Потомакскую армию в Мэриленде в конце трудной Геттисбергской кампании, наблюдая за армией Северной Вирджинии, только что бежавшей через Потомак.

Харперс-Ферри был вновь занят войсками Союза уже 6 июля 1863 года. Мид двинул свою армию к этому месту и, быстро форсировав Потомак и реку Шенандоа недалеко от ее устья, овладел перевалами в Голубом хребте и двинулся на юг вдоль его восточного склона. Проходя через Аппервилль и Пьемонт в направлении Манассас-Гэп и Фронт-Роял, он угрожал линии отступления Ли к его старой позиции за Рапиданом и, таким образом, вынудил армию Конфедерации несколько поспешно покинуть долину Шенандоа.

На Уоппинг-Хайтс, недалеко от Манассас-Гэп, 23 июля произошло несколько оживленное сражение между частями двух армий, в котором участвовали мои войска, и они понесли небольшие потери. Враг был отброшен назад, и один корпус армии Ли был вынужден отступать по маршрутам выше по долине. С 14 июля по 1 августа в Халлтауне, Шепердстауне, Сникерс-Гэпе, Беррис-Ферри, Эшби-Гэпе, Честер-Гэпе, Баттл-Маунтин, Келли-Форде и Брэндистейшн происходили оживленные перестрелки, но ни одна из них не принесла существенных результатов. К 26 июля Потомакская армия прибыла в окрестности Уоррентона, штат Вирджиния, и заняла северный берег Раппаханнока, в то время как армия Северной Вирджинии заняла позицию за Рапиданом, прикрывая его броды. Теперь командующие обеих этих великих армий позволили своим командирам сохранять спокойствие, чтобы восстановить силы. Время от времени происходили столкновения между пикетами и разведывательными отрядами, но ни один из них не заслуживал особого внимания.

Поскольку Военное министерство решило ввести призыв в Нью-Йорке и Бруклине, а повторение беспорядков было неминуемо, были отданы приказы направить ветеранские войска в Нью-Йоркскую гавань для такой дислокации и несения службы, какие могут потребоваться в случае необходимости. Западные войска были в основном отборными, и, с целью направления меня на эту службу, 14 августа мне было приказано отправиться в Александрию со 110-м и 122-м Огайо, первым командовал подполковник Фостер, а вторым - полковник У. М. Х. Болл. 16-го я погрузил эти полки и 3-й Мичиганский на транспортный корабль в Александрии с инструкциями Халлека доложить о моем прибытии в гавань Нью-Йорка генералу Э. Р. С. Кэнби. (2) По прибытии к месту назначения мои войска вместе с другими из Потомакской армии были распределены по обоим городам. Моя собственная штаб-квартира на короткое время находилась на Губернаторском острове, затем на постоянной основе в Кэрролл-парке в Бруклине.

Угроза беспорядков и зарождающиеся движения за повторное предотвращение призыва были легко предотвращены, поскольку было очевидно, что власти не потерпят никакого незаконного собрания людей при поддержке солдат-ветеранов. Эта служба оказалась отличным

времяпровождением для мужчин. Офицеров и солдат повсюду в городах принимали тепло, они пировали в обществе и были польщены. Однако было очевидно, что добрые люди еще не оправились от ужасов недавних беспорядков, и они проявляли болезненное опасение, что они повторятся. Призыв, однако, прошел мирно, и, когда казалось, что вся опасность миновала, войскам было приказано вернуться в свои части Потомакской армии.

На публичном завтраке, устроенном для солдат 110-го Огайо в Кэрролл-парке, Бруклин, появился мужчина очень преклонных лет с утренней газетой, попросил разрешения прочитать памятное и характерное письмо президента Линкольна от 26 августа 1863 года, адресованное почтенному Дж. Джеймсу К. Конклингу из Иллинойса в ответ на приглашение посетить массовый митинг в Спрингфилде "безоговорочных членов Профсоюза". В письме содержались ответы на многочисленные возражения, выдвинутые против президента в связи с ведением войны, его прокламацией об освобождении и его целью завербовать цветных мужчин в солдаты. По пронизательности, лаконичности, ясности и убедительности аргументации это письмо принадлежит к числу лучших из всех сочинений президента Линкольна. Это произошло как нельзя кстати и во многом помогло заставить замолчать придиричивых, удовлетворить сомневающихся и примирить честных людей, которые искренне желали полного восстановления Союза. Его действие было особенно благотворным и приносило удовлетворение солдатам на поле боя, которые каким-то образом чувствовали, что бремя поддержания Союза лежит на них неравномерно.

Обращаясь к тем, кто был недоволен им и желал *мира*, он сказал:

"Вы желаете мира и обвиняете меня в том, что у нас его нет. Но как мы можем его достичь? Есть только три возможных пути. Во-первых, подавить восстание силой оружия. Я пытаюсь это сделать. Вы за это? Если да, то пока мы согласны. Если вы не за это, второй способ - отказаться от Профсоюза. Я против этого, вы за это? Если да, то вам следует сказать об этом прямо. Если вы не за силу, но и не за *ропуск*, остается только какой-то мыслимый *компромисс*. Я не верю, что сейчас возможен какой-либо компромисс, предусматривающий сохранение Союза".

Тем, кто выступал против Провозглашения Эмансипации и желал ее отмены, он сказал:

"Вы говорите, что это неконституционно. Я думаю иначе. Я думаю, что Конституция наделяет своего Главнокомандующего правом ведения войны во время войны. Самое большее, что можно сказать, это то, что рабы - это собственность. Существует ли когда-либо какой-либо вопрос о том, что по законам войны собственность, как врагов, так и друзей, может быть отнята, когда это необходимо?"

И далее:

"Но Прокламация как закон либо действительна, либо недействительна. Если она недействительна, она не нуждается в опровержении. Если она действительно, то не может быть отозвана, так же как мертвый не может быть возвращен к жизни".

И еще дальше:

"Вы говорите, что не будете сражаться за освобождение негров. Некоторые из них, кажется, готовы сражаться за вас; но это неважно. Тогда сражайтесь с вами исключительно ради спасения Союза. Я специально выпустил Прокламацию, чтобы помочь вам в спасении Союза.

... Я думал, что все, что можно заставить негров делать в качестве солдат, оставляет белым солдатам гораздо меньше возможностей для спасения Союза.

Знаки выглядят лучше. Отец Вод снова без огорчений отправляется к морю. Спасибо за это великому Северо-Западу; и все же не только им. Пройдя триста миль, они встретились с Новой Англией, Эмпайром, Кистоуном и Джерси, прокладывая себе путь направо и налево. Солнечный Юг, расцвеченный множеством цветов, тоже протянул руку помощи. На месте их часть истории была записана черным по белому. Это была великая национальная работа, и пусть никто не будет обделен вниманием тех, кто сыграл в ней почетную роль. И хотя те, кто преодолел великую реку, вполне могут гордиться, даже это еще не все. Трудно сказать, что было сделано что-либо более храбро и хорошо, чем в Антиетаме, Мерфрисборо, Геттисберге и на менее заметных полях. Нельзя забывать и о паутинных лапах дяди Сэма. Они присутствовали на всех водных берегах, не только в глубоком море, широком заливе и быстрой реке, но и в узких, илистых протоках, и везде, где земля была немного влажной, они побывали и оставили свои следы. Спасибо всем".

Во время моего пребывания в Нью-Йорке меня навестила моя жена и сопровождала меня с войсками в Александрию.

6 сентября войска из Огайо под моим командованием погрузились на корабль и, высадившись в Александрии, штат Вирджиния, прошли маршем к Фокс-Форду на реке Раппаханнок, а 14-го присоединились к Третьему корпусу, отсутствовавшему один месяц.

На следующий день вся армия переправилась через реку и расположилась лагерем вокруг здания суда Калпепера.

(1) *История восстания* (Макферсон), стр. 42.

(2) *Военные отчеты*, том xxix., часть II., стр. 46, 54.

ГЛАВА IV Наступление армии Ли, октябрь 1863 г. и отступление Потомакской армии к Сентревиллю—Битва при станции Бристоу—Наступление армии Союза, ноябрь 1863 г. — Штурм и захват станции Раппаханнок и форсирование бродов—Дело у станции Бренди и отступление армии Конфедерации за Рапидан—Инциденты и т.д.

В других местах произошли события, которые повлияли на положение дел в Вирджинии.

Генерал Розкранс в начале сентября начал перебрасывать армию Камберленда через реку Теннесси в Джорджию, его целью была Чаттануга. Бернсайд примерно в то же время начал движение в сторону Ноксвилла, а по пути отбил Камберленд-Гэп. Власти Конфедерации, опасаясь, что Брэггу угрожает опасность, решили направить крупные подкрепления его армии, и 9 сентября 1863 года Лонгстрит с двумя дивизиями своего корпуса и дополнением артиллерии был отправлен по железной дороге из Ли на усиление Брэггу. Кровопролитная битва при Чикамоге произошла 19 и 20 сентября. Это привело к тому, что Розкранс и его армия овладели Чаттанугой, а Брэгг и его армия остались на поле боя. Розкранс удерживал Чаттанугу практически на осадном положении; его коммуникации были фактически перерезаны, и для оказания помощи его силам, оказавшимся в опасности, Одиннадцатый и Двенадцатый корпуса

Потомакской армии были 24 сентября отправлены на запад под командованием генерала Джозефа Хукера.

Потеря этих корпусов сократила относительную численность армии Мида по сравнению с армией Ли, что было существенно ниже того, что было до того, как две дивизии Лонгстрита были выделены из армии последнего.

Эллиот был освобожден от командования Третьей дивизией Третьего корпуса Потомакской армии 3 октября 1863 года и ему было приказано явиться в Роузкранс. Его сменил генерал Джозеф Б. Карр (Трой, Нью-Йорк). Карр был обаятельным человеком в обществе, приятной внешности, дружелюбным и обаятельным, но не сильным как солдат. Считалось, что он был фаворитом президента, который назначил его бригадным генералом 7 сентября 1862 года; однако Сенат, не сумев утвердить его, президент повторно назначил его в марте 1863 года с присвоением звания с даты первого назначения, тем самым присвоив ему высокое звание вопреки решению Сената. Наконец, при третьем назначении в 1864 году он был утвержден в должности путем некоторого компромисса, после острых разногласий между президентом и Сенатом, но в младшем звании, а затем направлен в армию Батлера.(1)

Какое-то время Мид не планировал активных операций. Но Ли примерно 9 октября пересек Рапидан и начал движение в обход Мида справа, угрожая его тылу. Это вынудило Мида отступить за реку Раппаханнок, а к 14-му - к Сентервиллю и Юнион-Миллс, недалеко от первого поля битвы на Булл-Ран.

13-го, пока моя бригада с временно приданной ей нью-йоркской батареей удерживала "Станцию Три Мили" близ Уоррентона и вела перестрелку с противником, были открыты урны для голосования, и для войск штата Огайо были проведены очередные выборы, причем и урны, и бюллетени были доставлены избирателям вдоль линии фронта, чтобы они могли проголосовать, не нарушая ее.(2)

В ту ночь Третий корпус разбил лагерь в Гринвиче. На следующее утро мне было приказано с моей бригадой и батареей капитана Макнайта (штат Нью-Йорк) прикрывать в качестве арьергарда отступление Третьего корпуса к высотам Манассас через станцию Бристоу. Мне было приказано избегать чего-либо похожего на генеральное сражение, но по возможности отбивать наступающего врага, предотвращать захваты и сбивать с толку его попытки задержать основную колонну или добраться до нее. Успешное ведение арьергарда отступающей армии, преследуемой энергичным противником, требует не только храбрости, но и умения и такта. После того, как основные силы моего корпуса покинули лагерь, направляясь к Бристоу, и вскоре после рассвета голова корпуса генерал-лейтенанта А. П. Хилла появилась со стороны Уоррентона. Я продемонстрировал свои войска с максимально возможной демонстрацией силы и несколькими выстрелами из батареи заставил противника остановить голову колонны и выстроиться в боевую линию. После этого я быстро отступил колонной и возобновил марш до тех пор, пока враг снова не продвинулся вперед с фланга слишком близко для моей безопасности, когда на выбранной позиции мои войска снова были быстро выстроены в линию и открыт огонь, который неизбежно вынудил его остановиться и снова принять боевую готовность. Это движение часто повторялось. На каждой такой остановке противник неизбежно тратил много времени, давая, таким образом, основным частям корпуса широкую возможность неторопливо продвигаться к месту назначения. От слабых или разбитых людей арьергарда не требовалось останавливаться и сражаться, но им разрешалось двигаться так быстро, как они

могли. День был почти на исходе, когда ко мне прибыл курьер из Френча с сообщением, что корпус миновал станцию Бристоу и находится на северной стороне Брод-Ран. Не имея теперь никакой другой ответственности, кроме как за безопасность моего собственного отряда, я двигался быстрее, и к 4 часам пополудни я благополучно миновал станцию Бристоу и поднялся на возвышенность к северу от Брод-Ран, откуда я мог с расстояния менее мили видеть Бристоу и на значительном расстоянии линию железной дороги, идущую в общем направлении на север и юг. Третий корпус скрылся из виду, направляясь к высотам в Манассасе. Мое командование было сильно утомлено, и я остановил его для короткого отдыха, но вскоре я приказал ему выдвинуться вперед, где он занял позицию в соответствии с приказом генерала Мида прикрывать глухую дорогу, по которой, как он опасался, враг может двинуться для захвата высот.

Генерал А. П. Хилл в своем дневном отчете говорит:

"От этого пункта (Гринвич) до Бристоу мы следовали вплотную к тылам Третьего корпуса, подобрав около 150 [?] отставших. Достигнув холмов по эту сторону Брод-Ран и обозревая равнину с северной стороны, был обнаружен отдыхающий Третий корпус, часть которого только начала марш к Манассасу. Я решил, что нельзя терять времени, и поспешил за дивизией Хета, выстроив ее в боевую линию вдоль гребня холмов и параллельно Брод-Рану. Батальон Поуга был выведен на передовую и получил приказ открыть огонь по врагу. Они, очевидно, были застигнуты врасплох и отступили в крайнем замешательстве [?]. Видя это, генералу Хету было приказано продвигать свою линию до тех пор, пока он не достигнет переправы, а затем двинуться левым флангом, переправиться вброд и теснить противника. Этот приказ был немедленно выполнен, когда я заметил, что вражеские стрелки появились по эту сторону Брод-Рана, а также справа и в тылу дивизии Хета. Генералу Куку, командующему правой бригадой дивизии Хета, было передано распоряжение присматривать за его правым флангом, и он быстро сменил фронт одного из своих полков и отбросил врага назад . . . Тем временем я отправил генерала Андерсона отправить батальон Макинтоша вперед и отвести две бригады на угрожаемую позицию и защитить правый фланг Хета . . . Три бригады продвигались в прекрасном порядке и довольно устойчиво, бригада Кука, достигнув гребня холма впереди, оказалась в поле зрения противника. линия фронта за железнодорожной насыпью (Второй корпус), о присутствии которой я не знал".(3)

Хилл неожиданно попал в роковую ловушку. Он ошибался, полагая, что видел какую-либо значительную часть Третьего корпуса к северу от Брод-Ран, или что кто-либо из них был захвачен врасплох и отступал в замешательстве. Если бы я не прервал свою команду на отдых, он бы мало что заметил из этого. Мы весь день сбивали с толку голову его колонны и на какое-то время были вне опасности, и, согласно его отчету, убитых и раненых у нас было гораздо больше, чем мы потеряли. Отставшие, о которых он сообщил, были взяты в плен, не могли принадлежать к моему командованию, поскольку в нем не осталось ни одного человека.

Случайное обстоятельство, когда Уоррен прибыл в Бристоу во главе Второго корпуса, двигавшегося по дороге, параллельной железной дороге, как раз в тот момент, когда Хилл разворачивал свои силы для атаки на Третий корпус, привело к серьезному и кровопролитному сражению. Когда арьергард Третьего корпуса миновал станцию Бристоу, частей Второго не было видно. Я не видел ничего из этого до тех пор, пока Хилл не начал выстраивать свои войска на гребне холмов к югу от Брод-Ран. Видя, что сражение продолжается, а мое собственное

командование слишком далеко продвинулось вперед и слишком измотано, чтобы быть вовремя отозванным для участия в нем, я спешил с усталой лошади и вместе с единственным штабным офицером съел обед из вещевого мешка моего ординарца (4) и наблюдал за ходом сражения. Это редкий случай, когда у любого человека есть возможность спокойно наблюдать за всем значительным сражением. Со своей позиции я мог видеть между линиями противостоящих сил; я мог замечать маневры каждой отдельной организации; и я мог почти с уверенностью предвидеть результат атак и контратак. Поначалу было совершенно очевидно, что каждый командир мало что знал о том, с чем ему приходилось сталкиваться. Формирование генерал-лейтенанта Хилла, как описано им в его отчете, было организовано с учетом предполагаемых сил к северу от Брод-Ран и, следовательно, было очень ошибочным. Уоррен не замечал присутствия врага, пока Хилл неожиданно не наткнулся на его маршевую линию. Хилл, казалось, жаждал сражения с Третьим корпусом, находившимся тогда далеко за пределами его досягаемости, и нашел его со Вторым корпусом, который спокойно продвигался к месту сосредоточения близ Сентервилля. Командование генерала Уоррена было растянуто по дороге, и у него не было боевого приказа. Хилл с двумя дивизиями и другими, которые вскоре должны были прибыть, был лучше подготовлен, хотя его формирование было плохим, к встрече Второго корпуса. Уоррен мудро использовал слегка приподнятое железнодорожное полотно в качестве бруствера и быстро начал сражение, не давая противнику времени на смену позиции или создание новых порядков. Сначала сражение велось с применением мушкетов, но вскоре с обеих сторон прибыла артиллерия и открыла огонь с близкого расстояния. Уоррен в своем отчете, после описания предварительных перемещений своего командования на позиции, говорит:

"Более вдохновляющей сцены и представить себе было невозможно. Боевая линия противника смело продвигалась вперед, одна часть наших войск неуклонно ожидала ее, а другая двигалась против нее с удвоенной скоростью, в то время как артиллерия галопом занимала позицию и вступала в бой. ... Под нашим огнем отпор врага вскоре стал гарантированным, и батарея Арнольда прибыла вовремя, чтобы усилить деморализацию и добраться до беглецов.

"Врагом руководили храбро, о чем свидетельствует ранение трех его генералов в этой атаке, и даже многие отступали, но угрюмо. Продвижение тонкой линии вдоль нашего фронта обеспечило 450 пленных, два знаменных станда и пять полевых орудий".(5)

Сражение было непродолжительным, но из-за открытой позиции конфедератов их потери были велики и несоизмеримы с короткими боями в целом. Генерал Уоррен и его офицеры справедливо удостоились почестей за то, что так достойно справились с чрезвычайной ситуацией.

Командование Хилла потерпело столь сокрушительное поражение, что Второй корпус оставался во владении полем боя до 9 часов вечера, когда беспрепятственно продолжил свой марш к месту соединения с основной армией. Хилл сообщил о своих потерях убитыми, ранеными и пропавшими без вести в 1378 году (6), но достоверно утверждалось, что они были намного больше. Потери Второго корпуса при Бристоу отдельно не указаны, но его общие потери в двух боях того дня, включая Бристоу, составили 546 человек.(6)

Поведение Хилла подверглось критике, и в его отчете, датированном ноябрем 1863 года, содержатся следующие замечания:

Генерал Хилл объясняет, как в своей спешке атаковать Третий армейский корпус противника он упустил из виду присутствие Второго, что и стало причиной последовавшей катастрофы.

"Р. Э. Ли, генерал".

"Катастрофа на станции Бристоу, по-видимому, произошла из-за доблестного, но чересчур поспешного наступления противника.

"Дж. А. Седдон, военный министр".

"Наблюдался недостаток бдительности, по причине чего, по-видимому, Третий армейский корпус противника занял позицию, давшую им большое преимущество.

"Джей Ди" (Дэвис) (7)

Последние два утверждения не показывают, что Седдон и Дэвис четко понимали реальную ситуацию.

Ли продолжающимися фланговыми движениями указал на цель вынудить армию Союза вернуться в свои укрепления в Александрии, но от этого плана отказались после катастрофы при Бристоу. Вскоре конфедераты начали отступать к Раппаханноку, разрушая железнодорожное полотно и мосты, и Ли, наконец, разбил свою армию лагерем на плантации Боттс, недалеко от станции Бренди. Он построил там зимние квартиры, сохранив за собой броды через Раппаханнок и сильно укрепившись к северу от реки на станции Раппаханнок.

Армия Союза начала осторожное продвижение вперед 19 октября, держась поближе к железной дороге Оранж-Александрия. 21-го я расположился лагерем на поле битвы при Бристоу, и мы закончили погребение погибших. 26-го, около 9 часов вечера, пришел приказ, извещавший меня, что кавалерийская дивизия генерала Джона Бьюфорда находится под угрозой и в опасности близ станции Кэтлетт, и предписывающий мне отправиться к нему на помощь. Моя бригада с приданной батареей достигла его около полуночи и под его руководством выстроилась в боевую линию: мой левый фланг опирался на железную дорогу, кавалерия - на флангах. В темноте на него напали, казалось, превосходящие силы пехоты и кавалерии, но он упрямо удерживал свои позиции. Бьюфорд был опытным солдатом и закаленным бойцом. Именно он открыл битву при Геттисберге на Семинарском холме.

Когда была составлена наилучшая возможная диспозиция для ожидаемой утренней атаки, он пригласил меня в подобие штаба, состоявшего из потрепанной палатки-ширинки. Ночь была темной и дождливой, все промокли и чувствовали себя неудобно. Загорелый старый солдат велел санитару достать из какого-то потайного закутка бутылку виски, укупорка которой была идеальной, а из-за отсутствия штопора представляла проблему. Он сказал: "Хорошо, ты держи свечу". Затем он взял бутылку в левую руку, а мечом в правой ударил погорлышку так умело, что оно плавно перерубилось. Проблема была решена. Дальнейшие подробности излишни. Я постиг искусство изготовления стаканчиков для питья, разрезая бутылку надвое прочной бечевкой, но этот подвиг Бьюфорда был для меня в новинку. (8)

Джон Бьюфорд умер от болезни 16 декабря 1863 года в звании генерал-майора добровольцев. Он снискал большую известность как способный, сражающийся солдат.

Ли нельзя было позволить отдыхать в выбранном им зимнем жилище. 7 ноября Потомакская армия двинулась к бродам на реке Раппаханнок, и тогда была проведена подготовка к переходу, хотя они были сильно защищены противником. Третий корпус сосредоточился у Келлис-Форда, примерно в пяти милях ниже станции Раппаханнок. Этот корпус форсировал переправу около 5 часов вечера и выстроился в боевом порядке на утесах у реки. Мое командование в этот день не вело боевых действий. Третья бригада при некоторой помощи Второй бригады Первой дивизии Шестого корпуса в сумерках под руководством опытного генерала Дэвида А. Рассела отважно атаковала и захватила сильно укрепленный *тет-де-пон* к северу от реки у станции Раппаханнок. Основные части бригад Хока и Хейса из дивизии Эрли корпуса Юэлла были захвачены в плен численностью 1630 человек, включая убитых и раненых. Потери Рассела в этом деле, по общим данным, составили 327 человек. Он захватил семь боевых знамен и батарею из четырех нарезных орудий Грина.(9) Ли намеревался удерживать эту позицию в качестве центра, а затем поочередно обрушиваться на разделенные части Потомакской армии после того, как они форсируют реку выше и ниже ее.(10) Его потеря вынудила его отойти от реки и занять позицию перед зданием суда Калпепера, упершись правой рукой в гору Пони.

На следующий день основная часть армии Мида, преуспев в форсировании реки, была двинута вперед для участия в ожесточенном сражении. Ближе к вечеру мне было приказано выбить противника с холма (Миллерс) примерно в двух милях перед станцией Бренди. Это место удерживали артиллерия и пехота, прикрываемые с флангов кавалерией. Это была самая передовая позиция Ли, и она прочно удерживалась как наблюдательный пункт. Мое командование было готово к атаке в следующем порядке: 138-й пенсильванский (полковник Маккленнан) был перемещен слева от железной дороги, чтобы угрожать противнику справа от него; 122-й Огайо (полковник У. Х. Болл) следовал в поддержку. 110-й Огайский (подполковник Фостер) был поставлен справа от железной дороги с приказом двигаться прямо на высоту, занятую противником; 6-й Мэрилендский (полковник Джон У. Хорн) - в поддержку, но на некотором расстоянии справа. Артиллерии под рукой не было, и приказ об атаке был отдан немедленно. Расстояние до холма составляло около полумили. 138-й привлек на себя артиллерийский огонь противника, но продолжил наступление. 6-й выдвинулся в лес справа, чтобы провести демонстрацию, и я лично повел 110-й к настоящей работе. Мои люди не произвели ни одного выстрела, когда они двинулись в атаку. Я приложил все возможные усилия, чтобы поторопить войска, но когда они достигли подножия холма, артиллерия противника была отведена, а его пехота поспешно отступила. Я был первым, кто взобрался на гребень, будучи верхом и стреляя из пистолета по отступающим войскам, находившимся менее чем в двухстах футах от меня. Сообщалось, что в этом месте пистолетной пулей был ранен конфедерат. Это самое близкое, к чему я могу прийти, когда лично каким-либо образом ранил любого человека в бою. Без дальнейших приказов мы двинулись к станции Бренди, тесня врага до тех пор, пока не встретили более грозные силы с несколькими артиллерийскими батареями, которые вынудили нас остановиться. Наступила ночь, и дневная работа закончилась тем, что мы расположились бивуаком на станции. Капитан Андресс из 138-го полка был единственным убитым офицером из моего командования, и в остальном мои потери были незначительными. Мы пошли в атаку под наблюдением командующего генерала Мида и большей части его армии. Мид верил, что за штурмованными высотами будет обнаружена армия Ли, готовая к битве.

Хотя Ли выбрал сильную позицию (как уже говорилось) перед зданием суда Калпепера и несколько укрепил ее, он решил, что это неподходящая позиция, и поэтому отказался от

сражения к северу от Рапидана,(11) и к утру 9 ноября его армия была к югу от этого исторического ручья.

Армия Северной Вирджинии больше никогда не пересекала реки Рапидан или Раппаханнок. Отныне она должна была ограничиваться более узким театром военных действий и более плотной обороной столицы Конфедеративных Штатов, но эта оборона все равно должна была стать самой запоминающейся и кровопролитной, даже по сравнению с тем, что было раньше.

(1) *Военные отчеты*, том. xxxvi., Часть II., стр. 34.

(2) Это было на знаменитых выборах губернатора штата Огайо в Бро-Валландигеме.

(3) *Военные отчеты*, том xxi., часть I., стр. 426.

(4) Этот обед состоял из коробки сардин и "сухарей".

(5) *Военные отчеты*, том xxix., часть I., стр. 242.

(6) *Там же.*, стр. 250, 428.

(7) *Военные отчеты*, том xxix., часть I., стр. 428.

(8) Бечевка, туго натянутая вокруг бутылки в том месте, где желательно сделать надрез, а затем быстро натягиваемая взад-вперед до тех пор, пока от трения стекло не нагреется, и ее легко будет отделить острой банкой от руки или каким-либо твердым веществом.

(9) Три из них принадлежали батаре Рэндольфа, потерянной при Винчестере.—*Военные отчеты*, том xxix., часть I., стр. 626.

(10) *Там же.*, стр. 613-616.

(11) *Военные отчеты*, том xxix., часть I., стр. 611, 616 (Отчет Ли).

ГЛАВА V Кампания "Майн Ран" и битва при Апельсиновой роще, ноябрь 1863 г. — Зимний расквартирование (1863-64) Потомакской армии в здании суда Калпепера и его реорганизация-Грант Назначен командующим армиями Союза и подготовка к агрессивной войне

Хотя дороги были плохими из—за частых дождей и большой загруженности, а ноябрьские ветры предупреждали о приближении зимы, которая положит конец дальнейшим широкомасштабным боевым действиям, и хотя все попытки пересечь Рапидан в хорошую погоду весной и летом потерпели неудачу, все же, когда Потомакская армия снова расположилась бивуаком в Калпепере, был слышен всеобщий клич: "Вперед, на Ричмонд!"

Последняя кампания Ли рассматривалась в высших кругах как большой блеф, который Мид должен был "раскрыть", пока армия Северной Вирджинии находилась к северу от Раппаханнока. Мид, однако, действовал настойчиво и добросовестно, руководствуясь своим собственным суждением, сформированным в свете лучших знаний, которые он мог получить. Он терпеть не мог водить машину и сам был чем-то вроде бульдозера, а иногда — как говорили, это было вызвано приступами диспепсии — был неоправданно вспыльчив и проявлял самый жестокий нрав по отношению к начальству и подчиненным. Несмотря на это, он никогда не терял самообладания и не действовал исключительно импульсивно, и он никогда не позволял

простой видимости руководить им. Также его начальство не могло заставить его действовать вопреки своему суждению относительно конкретной военной ситуации. Следует помнить, что после Геттисберга его уговаривали сразиться с Ли к северу от Потомака. Его убедили начать сражение до отхода Одиннадцатого и Двенадцатого корпусов на Запад, и когда Ли двинулся на север на своем фланге, казалось, что у него появилась возможность вступить в сражение, но его страх перед той же стратегией, которую армия Конфедерации продемонстрировала во второй кампании Булл-Ран против Поупа, побудил его проявить чрезмерную осторожность и так сконцентрировать свою армию, чтобы избежать возможности разгрома ее отдельными частями.

На следующий день (16 октября), после того как Мид добрался до Сентервилля, президент, обеспокоенный тем, чтобы Ли снова не сбежал без генерального сражения, адресовал Халлеку следующую характерную записку:

"Если генерал Мид сможет сейчас атаковать его (Ли) на поле боя, не более чем равном для нас, и сделать это со всем умением и храбростью, которыми обладает он, его офицеры и солдаты, честь будет принадлежать ему, если он добьется успеха, и вина может быть моей, если он потерпит неудачу.

"Искренне ваш,
А. Линкольн".

Эта записка была направлена Миду.

На это он ответил, что у него было намерение атаковать противника, когда было обнаружено его точное местонахождение; что недостаток информации о местоположении и намерениях Ли и боязнь поставить под угрозу его связь с Вашингтоном помешали ему сделать это раньше. Но давление продолжалось. Халлек, 18-й, телеграфировал Миду:

"Ли, несомненно, издевается над вами. Если вы не можете установить его передвижения, то я уж точно не смогу. Если ты будешь преследовать его и сразишься с ним, я думаю, ты узнаешь, где он. Я не знаю другого способа.

Это было слишком для Мида. Он ответил:

"... Если у вас есть для меня какие-либо приказы, я готов их принять и повиноваться, но я должен настаивать на том, чтобы меня избавили от навязывания таких прописных истин под видом выражения мнения, которыми вы недавно удостоили меня, особенно потому, что о них никто не просил. Я пользуюсь случаем, чтобы повторить то, что я уже заявлял ранее: если мой курс, основанный на моем собственном суждении, не встретит одобрения, я должен быть отстранен от командования и я желаю этого".

Хотя Халлек извинился, "если он непреднамеренно оскорбил", а Мид поблагодарил его за "объяснение", эти и другие подобные происшествия оказали свое влияние на поведение Мида.

Поскольку ему не удалось загнать Ли в тупик у Калпепера, единственную возможность сделать это следовало искать к югу от Рапидана. Мид была не прочь сразиться.

26 ноября 1863 года армия Мида была приведена в движение с целью общей концентрации к югу от Рапидана, в таверне Робертсона на тернпайк-роуд, к вечеру того же дня. Армия Ли численностью около 50 000 человек была в основном сосредоточена и располагалась на зимних квартирах перед зданием суда Оранджа, с линией укреплений спереди через дощатую дорогу и автостраду, простиравшуюся до реки.

Замысел Мида состоял в том, чтобы быстрым движением провести эту линию до того, как Ли успеет сосредоточиться на ней.

Пятому корпусу (Сайкс) было приказано переправиться через Рапидан у Калпепер-Майн-Форд и оттуда двигаться по планк-роуд к магазину Паркера и перекрестку дорог к таверне Робертсона; Первый корпус (Ньютон) с двумя дивизиями должен был следовать за Пятым. Второй корпус (Уоррен) должен был форсировать переправу у Джерманна-Форда, оттуда двинуться прямо к таверне Робертсона и там ожидать прибытия других корпусов.

Третьему корпусу (генерал Уильям Х. Френч), за которым следовал Шестой (Седжвик), было приказано переправиться у Джейкобс-Форд (Мельница) и продолжить марш, держа курс налево, к таверне Робертсона. Джейкобс-Форд с его крутыми берегами оказался настолько труднопроходимым, что произошла некоторая задержка, и артиллерию пришлось направить в обход Джерманна Форд, и она не возвращалась к корпусу до утра 27-го. Брод Джейкобса был самым высоким вверх по реке, и, следовательно, перейдя его, Френч оказался в непосредственной близости от врага. Ли к вечеру 26-го перебросил кавалерию и часть пехоты корпуса Хилла в район таверны Робертсона, хотя и не в достаточном количестве, чтобы помешать Уоррену занять назначенную позицию. Сайксу также не было нанесено серьезного ущерба. Кавалерия переправилась через Эли и другие броды. Френч с помощью понтонов благополучно форсировал реку, но 26-го числа он не продвинулся дальше чем на три мили от переправы, поскольку время было потеряно на поиск вслепую проселочных дорог, ожидание прибытия артиллерии и рекогносцировку. Силы противника проявили себя на пересекающихся дорогах справа от него, где было несколько таких дорог, ведущих от Сиссона, Уитчелла, Табачного Стика и Мортонского Брода, и одна, которая вела от Раккун—Форда — еще выше по реке - к перекрестку у дома Джонса, откуда вела самая прямая дорога к Таверне. Укрепления противника прикрывали значительную часть этой последней дороги, с которой он мог легко выйти и атаковать с фланга и тыла или эшелоны марширующих колонн.⁽¹⁾ Эти условия сделали положение Френча опасным и заставили его действовать с крайней осторожностью, поскольку Шестой корпус не мог прибыть, пока он не уберется с дороги. Несмотря на то, что Френчу предстояло пройти на несколько миль дальше, чем Уоррену, и требовалось преодолеть необычные трудности или остерегаться их, Мид сообщил ему уже в 13:00 26-го, что его задержка тормозит операции Уоррена, и снова в 15:00 он отправил Френча:

"Я бы не стал продвигаться дальше от реки, кроме как для того, чтобы расчистить путь генералу Седжвику, пока он не подойдет и не переправится".

Вторая дивизия генерала Генри Принса с небольшим количеством кавалерии шла впереди; третья дивизия Карра и первая дивизия генерала Дэвида Б. Бирни следовали в указанном порядке. У дома вдовы Моррис несколько неприметная дорога резко сворачивала налево, но которая несколько кружным путем вела к таверне Робертсона. Голова колонны принса, однако,

находилась на более прямой дороге к дому Тома Морриса, с флангами и кавалерией значительно правее. Вскоре на них напали и загнали внутрь или отозвали обратно.

Похоже, Принса заставили поверить, что он поддерживал связь с левыми Уоррена.(2)

Вскоре стало очевидно, что голова колонны Френча находится недалеко от дороги Раккун-Форд и укреплений, удерживаемых по меньшей мере двумя дивизиями корпуса Юэлла армии Ли, и, казалось, не было ни малейшего шанса освободить ее без боя.

В 11.45 утра 27-го Мид отправил Френчу:

"Если вы не можете соединиться с Уорреном тем маршрутом, по которому идете, вы должны пройти к нему слева".

В 1.45 Мид снова отправил Френча:

"Немедленно атакуйте противника на своем фронте, бросив левый фланг вперед, чтобы соединиться с генералом Уорреном в таверне Робертсона. Цель атаки - соединиться с генералом Уорреном, что должно быть осуществлено немедленно".

Принц к этому времени уже выстроился в боевую линию и вступил в бой с врагом. Дивизии Карра было приказано выдвинуться вперед и занять позицию слева от Принса, а в 3 часа дня дивизии Бирни было приказано сформироваться в поддержку Карра.

Принс ехал по дороге, ведущей к перекрестку с Раккун-Форд-роуд. Первая бригада дивизии Карра (генерал У. Х. Моррис) двинулась слева от Принса, моей бригаде— Второй — было приказано пройти позади Морриса и занять позицию слева от него, а бригада полковника Б. Ф. Смита — третья — была направлена слева от меня.

Моррис несколько запутался в овраге и густом лесу и не сразу смог выстроиться в правильную линию. В этой позиции он был обстрелян с гребня холма менее чем в двухстах ярдах от своего фронта, пули падали среди моих людей, когда они проходили мимо его тыла. Я обратился к Моррису с просьбой выступить вперед, атаковать и занять гребень, но он отказался сделать это из-за отсутствия приказа.

Как только я смог расположить два моих передовых полка, 110-й и 122-й Огайо, слева от Морриса, я повел их на гребень хребта, захватил несколько пленных и разместил полки на удобной позиции за забором на вершине. Другие мои полки, 6-й Мэрилендский и 138-й Пенсильванский, по прибытии последовательно заняли позиции слева от войск Огайо. Горный хребет, который тянулся справа от меня вдоль фронта Морриса, все еще удерживался противником большими силами, и оба моих фланга были под угрозой. Из-за неправильного выполнения приказов полки Огайо отступили на небольшое расстояние, но вскоре отвоевали гребень и снова вступили в ожесточенный бой, хотя и под прицельным огнем артиллерии и язвительным огнем мушкетов. Местность была несколько открыта спереди, и я мог видеть, как враг готовится к атаке. Я снова, но тщетно, обратился к Моррису с просьбой продвинуться вперед и закрыть брешь, так как в противном случае его позицию в овраге и густом лесу невозможно было удержать. Начался штурм, и Моррис был вынужден в некотором замешательстве отступить. Несколько отказавшись от своего правого фланга, я сохранил свою

изолированную позицию и угрожал правому флангу противника. Первая бригада, хотя и состояла частично из полков, ранее не участвовавших в ожесточенных боях, была быстро переформирована и, по приказу Карра, вскоре блестящей атакой полностью овладела хребтом, и таким образом брешь была закрыта. Сражение к этому времени яростно бушевало по всему фронту. Полковник Смит, зайдя слишком далеко в тыл, заблудился в зарослях и не смог подойти ко мне слева. Он не вернулся в дивизию до окончания сражения. Это несчастье было трудно объяснить, поскольку полковник Смит был умным, храбрым и опытным офицером — выпускником Вест-Пойнта. Он встретил несколько разведывательных отрядов противника и, согласно указаниям, попытался найти связь с войсками корпуса Уоррена. Из-за его неудачи мой левый фланг остался неприкрытым.

Противник предпринял две атаки на мой рубеж колоннами глубиной не менее трех линий. Первая атака произошла перед полком Хорна, но была упреждена, и полк Макклеллана, выдвинувшись на открытую местность, ударил по правому флангу противника и (стреляя баком и боллом из мушкетов 69-го калибра) показал отличную результативность. Макклеллан был тяжело ранен и, как следствие, вынужден был покинуть поле боя.

Битва бушевала с неослабевающей яростью до наступления темноты, и уже к 8 часам вечера снаряды из тяжелых орудий справа от нас со свистом пробивали лес над нашими головами, разрываясь с громким шумом, создавая самый отвратительный и странный вид, но на самом деле нанося небольшой урон.

С приближением ночи боеприпасы в моих полках закончились, и все мое командование, за исключением одного полка, было заменено полками дивизии Бирни. (3)

Храбрость и боевые навыки полковников Болла, Хорна и Макклеллана, а также подполковников М. М. Грейнджера и У. Н. Фостера и майора Ото Х. Бинкли и другие были наиболее заметны. Лейтенант Джеймс А. Фокс из 110-го здесь погиб. Он поднялся по служебной лестнице, но был гордым духом и многообещающим офицером. Мы похоронили его в полночь, в полной военной форме, завернутого в одеяло, за ближайшей садовой оградой.

В этот поздний день я также хочу засвидетельствовать тихую доблесть и высокие солдатские качества давно покойного генерала Дэвида Б. Бирни.(4) Он не подчинялся приказам только буквально. Его дивизия находилась в резерве и поддержке, и он занял позицию, откуда мог наблюдать за ходом сражения и вовремя заметить, когда и где он понадобится. Он не проявлял себя на поле. Когда он заметил по ослабевающему огню моих людей, что их боеприпасы почти иссякли, он подъехал ко мне и спокойно предложил, чтобы ему разрешили приказать полкам из его собственного подчинения занять свои места. Чтобы даже на мгновение не допустить прорыва в линии фронта, его полки были выдвинуты вперед, и мои люди залегли, в то время как его люди перешагнули через них и открыли огонь. Освобожденные войска были затем выведены и пополнены боеприпасами.

Пока шло сражение, Шестой корпус, находившийся все еще на некотором расстоянии в тылу, был направлен по другой дороге на Таверну Робертсона, и ночью Третьему корпусу было приказано отступить и следовать за Шестым.

Враг отступил в конце сражения, оставив в нашем распоряжении своих убитых непогребенными и своих раненых на поле боя и в госпиталях. Мы сражались с большей частью, если не со всем корпусом Юэлла.

Сообщалось о потерях в тринадцати бригадах Конфедерации, в сорока четырех полках и в артиллерии дивизий Эрли, Джонсона и Роудса, всего 601 человек.(5)

Потери Третьего корпуса составили 10 офицеров и 115 рядовых убитыми, 28 офицеров и 719 рядовых ранеными, всего 872 человека.

Бригады Морриса и Кифера пострадали сильнее всего, хотя дивизия Принса вступила в бой первой. В моей собственной дивизии было убито и ранено 172 человека, в дивизии Принса - 163. Под моим командованием не было ни одного захваченного в плен или пропавшего без вести человека.

Конфедераты называли это сражение битвой при ферме Пейна; (5) но со стороны Союза оно широко известно как битва при Апельсиновой роще; это место, однако, иногда называют Локаст-Гроув, и обе стороны часто упоминают его как Майн-Ран, хотя в собственном смысле сражение происходило не на этом ручье.

Битва, в которой френч участвовал при описанных обстоятельствах, вызвала много споров и взаимных обвинений между генералами Мидом и Френчем и, вероятно, привела к реорганизации Потомакской армии четыре месяца спустя.

Мид объяснил неудачу кампании неудачей Френча 26-го и его дальнейшей неудачей 27-го, когда он не смог соединиться с левыми силами Уоррена в таверне Робертсона. Он утверждал, что если бы такой переход был сделан, он мог бы напасть на часть армии Ли на автострате и уничтожить ее, и что тогда он смог бы захватить линию за Майн-Ран до того, как Ли смог бы занять ее своими объединенными силами. Мид далее утверждал, что 27-го числа Френч свернул не на ту дорогу и, следовательно, был вынужден вести бесплодное сражение в одиночку, в то время как другие корпуса армии бездействовали, ожидая его. Френч упорно настаивал на том, что его марш на крайнем правом и открытом фланге, по самой длинной линии и через трудный брод, без хорошего проводника и по слепым дорогам, с сомнениями относительно того, какую из них следует выбрать, оправдывал его действия с осторожностью и в бою там, где он сражался, когда обнаружил, что его командование атаковано; и он также утверждал, что, когда он ввел корпус Юэлла в бой, Мид должен был обрушиться на врага во фронте Уоррена и сокрушить его; что, сражаясь, когда и где он сражался, он делал больше, чем мог бы сделать в противном случае. чтобы предотвратить концентрацию армии Конфедерации, особенно для предотвращения ее скопления перед таверной Робертсона. Значительная часть армии Союза симпатизировала французам, но факт оставался фактом: план Мида по сосредоточению и сражению в назначенное время и в назначенном месте провалился.

28-го числа армии столкнулись лицом к лицу: армия Конфедерации в укреплениях позади и вдоль высокого западного берега Майн-Ран, обе армии растянулись на небольшом расстоянии к югу от планк-роуд к северу от автостраты, в направлении поля битвы 27-го.(6) Третий корпус удерживал центр Союза. Корпус Уоррена с дивизией Третьего корпуса был отправлен на разведку в поисках точки атаки справа от конфедератов. Уоррен сообщил о возможном нападении там. 29-го были проведены другие разведки, и Мид решил атаковать с обоих флангов на следующее утро: Шестой и Пятый корпуса под командованием Седжвика слева от противника, а Второй корпус и две дивизии Третьего справа от него. Третья дивизия Карра выступила в 4 часа утра на две мили левее и присоединилась к колонне Уоррена. Ночь была холодной, и было много страданий.

Уоррен имел наготове около 20 000 человек и должен был атаковать в 8 часов утра по сигналу батарей центра. Седжвик должен был атаковать часом позже. Сигнальные батареи открыли огонь, и мы стояли в большом строю, трезво ожидая приказа к атаке. Сильные укрепления противника, оцетинившиеся орудиями в лучах утреннего солнца, находились непосредственно перед нами. Минуты промедления были как часы для ожидающих войск. Многие возносили безмолвные молитвы о безопасности, и нередко в колонне можно было увидеть на груди солдата бумажку с указанием его имени, роты, полка и домашнего адреса, чтобы в случае гибели его тело можно было опознать. Уоррен колебался и незадолго до 9 часов утра отправил Мида, находившегося тогда в четырех милях от него:

"Яркий солнечный свет показывает мне, что я не могу добиться успеха".

Мид приостановила атаку Седжвика, которая тогда еще продолжалась, и поспешила к Уоррену. Я увидел двух мужчин у небольшого зеленого костра из сосновых дров, серьезно обсуждающих критическую ситуацию. Мид, казалось, осуждал Уоррена, однако последний придерживался своего мнения, что штурм не может быть успешным, и Мид уступил. Каким-то образом войска великой колонны, еще до того, как было объявлено окончательное решение, пришли к выводу, что атака не будет предпринята, и они осторожно начали изводить друг друга, как солдаты, напрасными молитвами. Позже различным командованиям был отдан приказ занять свои прежние позиции.

Французы воспротивились штурму центра. Позиция противника, естественно сильная, была значительно усилена трудом. Я думаю, что мудрость воздержания от какого-либо нападения в свете всех фактов была общепризнанной. Сезон был неблагоприятным; Мид находился на большом расстоянии от своей базы; успех мог быть лишь временным и не мог быть продолжен, а поражение при сложившихся обстоятельствах стало бы фатальной катастрофой. Даже Грант в 1864 году "все лето" пытался собрать плоды того, что называлось успехами.

1 декабря обе армии провели, наблюдая друг за другом и ведя себя так, как будто они вызывали друг друга на атаку.

"Один боялся, а другой не осмеливался" — но который?

Кампания затянулась сверх всяких ожиданий; всякая надежда получить преимущество внезапным или иным способом была утрачена, продовольствия становилось все меньше, и поэтому Мид решил отвести свою армию на базу снабжения. Таким образом, в сумерках 1-го числа армия Союза двинулась разными дорогами к разным бродам Рапидана, Третий корпус - к Калпеперскому рудничному броду, самому дальнему вниз по реке из всех используемых, и к 8 часам утра следующего дня все переправились обратно, а 3-го числа они были в своих прежних лагерях на станции Бренди. Потомакская армия потеряла в этой кампании 1272 человека убитыми и ранеными.(7)

Так закончилась кампания Mine Run; не бескровная, но разочаровывающая, как многие другие. В ней Мид продемонстрировал свою готовность сражаться и то, что его армия верна ему. Другой возможности сразиться в великой битве под независимым командованием на поле боя ему так и не представилось. Его главная слава на все времена должна быть связана с Геттисбергом.

Ли, ночью 1 декабря, чувствуя уверенность, что Мид не станет атаковать его на его сильной позиции, и зная, что последняя находится далеко от его базы, в незнакомой стране,

перегруженной поездами, решил перейти в наступление, бросив две свои дивизии против левого фланга Мид на следующее утро. Но когда наступило утро, Мид была уже в безопасности, и погоня была невозможна.

Ли, как говорят, был сильно огорчен упущенной возможностью и воскликнул своим генералам:

"Я слишком стар, чтобы командовать этой армией; мы никогда не должны были позволять этим людям уйти".(8)

Перед началом этой кампании Мид выразил намерение занять позицию перед Фредериксбергом, но Халлек не одобрил этот план.(9)

Потомакская армия, завершив свою историческую работу в памятном 1863 году, перешла на зимние квартиры в районе Калпепер Корт-Хаус, где ее базой снабжения была станция Бренди Стейшн. Моя бригада занимала бревенчатые хижины на ферме Джона Майнора Боттса (10), частично построенные конфедератами до 8 ноября.

Забота зимой о большой армии требует большой бдительности, умения и энергии. В сезон, когда нет особых возможностей для тренировок, трудно поддерживать дисциплину. Болезни становятся все более распространенными, и возникает много беспорядков, как среди офицеров, так и среди солдат.

Однако необходимо было сохранить лагерную охрану, а также большую стражу и пикеты по фронту и флангам всей армии. Замерзание и оттаивание, а также постоянное движение обозов со снабжением привели к образованию глубокой грязи на дорогах и в лагерях. Командиры бригад Третьего корпуса, а также других корпусов, поочередно назначались дежурными офицерами корпуса, обязанности которых длились двадцать четыре часа и требовали, чтобы офицер находился в авангарде и на позициях пикета корпуса, чтобы следить за сохранением бдительности; за тем, чтобы приказы были поняты и выполнялись, и сообщать о любых необычных происшествиях. От него требовалось лично посещать всех охранников и пикеты, по крайней мере, один раз днем и один раз ночью. Линия наступления Третьего корпуса проходила от горы Пони, слева от нее, вокруг фасада здания суда Калпепера, охватывая Мэдисон-Корт-Хаус-роуд; в длину около пяти миль. Эта служба была тяжелой, изматывающей, а по ночам сопряженной с опасностью.

Во время моей службы в качестве дежурного офицера корпуса, в марте 1864 года, подполковник Чарльз Таунсенд (106-й Нью-Йоркский), командующий большой гвардией на Сперривиллской дороге, в нарушение приказа впустил нескольких женщин-беженек, которые предъявили пропуск офицера внешнего кавалерийского пикета. Был приказ не признавать пропуска для граждан, не являющихся выходцами из штаба армии. Полковник доложил мне о случившемся, и я не одобрил его действия, но не сообщил об этом. Дамы, выполняя какое-то поручение, добрались до штаба и рассказали о том, что их пропустили по этой дороге. Мид приказал мне сообщить о провинившемся офицере, что я и сделал, приведя для него все возможные оправдания, но они были бесполезны. Мне было приказано выдвинуть обвинения против полковника Таунсенда "за неподчинение приказам". Для его разбирательства был созван общий военный трибунал, председателем которого был генерал Д. Б. Бирни, и, несмотря на то, что я предпочитал обвинения, меня включили в его состав.

На судебном процессе я заявил о своей заинтересованности и попросил суд освободить меня от участия в заседании, но моя просьба была отклонена. Суд признал Таунсенда виновным и приговорил его: "К отстранению от должности и денежного содержания на два месяца". Этот приговор был утвержден генералом Мидом 1 апреля, но отстранение Таунсенда от звания было отменено, и он был прикомандирован к службе. Он был доблестным и опытным офицером и, остро ощущая позор, бросился навстречу своей смерти в Колд-Харборе сразу по истечении шестидесятидневной приостановки выплаты жалованья. Этот инцидент иллюстрирует суровость дисциплины и судьбу войны.

Солдаты армии, насколько это было возможно, поддерживали активность, но холодная зима с частыми дождями причиняла большой дискомфорт, и многие оказались в госпиталях; лишь немногие были уволены. Было возведено множество грубых бревенчатых часовен, которые использовались, часто поочередно, для религиозного богослужения, лекций, концертов, чтений и танцев. Иногда гражданских посетителей было много. Один самый заметный армейский бал был дан в штабе генерала Джозефа Б. Карра. Это мероприятие состоялось 25 января 1864 года, и на нем присутствовали в основном офицеры армии, некоторые военные чиновники из Вашингтона и других мест, жены офицеров и их друзья, посетившие армию, а также приглашенные леди и джентльмены из Вашингтона, Нью-Йорка, Филадельфии, Бостона и Балтимора. Присутствовало более четырех тысяч человек. Бал проходил в больших шатрах, установленных специально для этой цели. Для прогулок и танцев были постелены просторные полы. Был накрыт ужин, на котором подавалось все, что можно было достать на суше или на море, с неограниченным количеством ликеров и вин. Вечер был полностью посвящен этому. Это было великолепно, не поддающееся описанию. Для сотен людей это был их последний бал или появление в светской жизни.

Несмотря на неизбежную распущенность участников, и хотя никакого скандала на нем не было, и были соблюдены все приличия, обычные в таких случаях, в то время он был предметом очень суровой критики в прессе, с кафедры и со стороны людей в целом. Генерал Карр и его добрая жена были знатоками общественных дел и имеют право на честь организовать и провести самый многолюдный бал подобного рода, когда-либо проводившийся в Соединенных Штатах.

Скачками и другими видами спорта увлекались, особенно кавалерия. Но все это были лишь отвлекающие маневры и не указывали на то, что армия не готовилась к предстоящей ей кровавой работе.

Грант с армиями под командованием генерала Джорджа Х. Томаса, У. Т. Шермана и Джозефа Хукера 25 ноября 1863 года вынудили Брэгга покинуть его намест на Миссионерском хребте и поспешно отступить, а армия Теннесси под командованием Шермана впоследствии освободила Бернсайд, осажденный в Ноксвилле Лонгстри, таким образом завершив кампании 1863 года на Западе примерно в то же время, когда они завершились на Востоке. Вскоре после этого поползли слухи о том, что Гранта назначат главнокомандующим всеми армиями Союза. 29 февраля 1864 года Конгресс принял закон, восстанавливающий звание генерал-лейтенанта, и президент Линкольн на следующий день назначил Улисса С. Гранта на эту должность, а Сенат на следующий день подтвердил это назначение. 10 марта 1864 года Халлек был освобожден от должности главнокомандующего, а затем стал начальником штаба сухопутных войск. В тот же день президент назначил Гранта "в соответствии с актом Конгресса командовать армиями Соединенных Штатов", штаб армии должен был находиться в Вашингтоне и "находиться вместе

с генералом Грантом на местах". Грант основал свой полевой штаб в Калпепер Корт-Хаус 26 марта 1864 года и оставался в Потомакской армии до прихода Аппоматтокса. Незадолго до его вступления в Потомакскую армию, 23 марта 1864 года, она была реорганизована, Первый и Третий корпуса были разделены на отдельные организации, а входящие в их состав войска распределены по Второму, Пятому и Шестому корпусам, при этом они сохранили свои прежние корпусные значки. Хэнкок возобновил командование Вторым корпусом. Уоррен был назначен командовать Пятым. Карра перевели во Вторую. Третья дивизия, Третий корпус, стала Третьей дивизией Шестого корпуса (Седжвика), старая Третья дивизия Шестого была объединена с другими его дивизиями.

Генерал Х. Принс был назначен командовать Третьей дивизией Шестой армии. Вторая бригада (Кейфера) этой дивизии, с добавлением 126-го Огайского (полковник Смит) и 67-го Пенсильванского (полковник Стонтон), была передана под командование генерала Дэвида А. Рассела (11), но вскоре его перевели в другое командование, и полковник Б. Ф. Смит навремя сменил его. Генерал-майор Джеймс Б. Рикеттс до 30 апреля 1864 года сменил генерала Принса, и с тех пор Третья дивизия Шестого корпуса была известна как "Дивизия Рикеттса".

Со стороны генералов Френча, Сайкса, Ньютона и других было много недобрых предчувствий по поводу расформирования их командования и их освобождения от полевых обязанностей. Объединение дивизий и бригад в сохранившийся корпус также вызвало большое недовольство и возбудило зависть к организациям из расформированного корпуса, которые получили свои старые наименования. Это был второй раз, когда войска, которыми я командовал, испытали подобное. Находясь в лагере или на марше, офицер может невзлюбить своих солдат, но большое сражение, в котором он выполняет свой долг, всегда вернет ему популярность. Третьим значком корпуса был бриллиант, Шестым - греческий крест. Третье подразделение какое-то время придерживалось *бриллианта*, но позже с гордостью носило оба и, наконец, радовалось в одиночестве под *греческим крестом*.

Потомакская армия впервые была сокращена до трех корпусов. Однако в составе этой армии был большой артиллерийский резерв, не приданный ни одному корпусу, но подчиненный генералу Генри Дж. Ханту; также кавалерийский корпус, состоящий из трех дивизий и резервной бригады, командовать которыми был назначен генерал-майор Филип Х. Шеридан (5 апреля 1864 г.).⁽¹²⁾ К каждому корпусу была придана артиллерийская бригада. Эта армия, как и любая другая хорошо укомплектованная, также имела (каждая со старшим офицером) свои комиссариат, интендантский, артиллерийский и медицинский отделы; также военную охрану, состоящую из бригады пехоты и кавалерийского полка под командованием генерал-маршала-провоста; ⁽¹³⁾ также сигнальный и инженерный корпуса и другие второстепенные и несколько независимые организации, такие как личная охрана командующих генералов, пионеры, понтоны и т.д.

Потомакская армия, организованная таким образом, получившая командование и назначенная вместе с новым командующим всеми армиями Союза, теперь ждала хорошей погоды, чтобы начать самую кровавую кампанию, свидетелем которой когда-либо был цивилизованный человек.

(1) См. набросок, приложенный к отчету Мида, *Военные отчеты*, том xxix, часть I., стр. 19.

(2) *Военные отчеты*, том xxix., часть I., стр. 738.

- (3) Отчет Бирни, *Военные отчеты*, т. xxvii., Часть I., стр. 750.
- (4) Он умер от болезни 18 октября 1864 года.
- (5) *Военные отчеты*, том xxix., часть I., стр. 836-8.
- (6) *Военные отчеты*, том xxix., часть I., стр. 19. (набросок).
- (7) *Военные отчеты*, том xxix., часть I., стр. 686.
- (8) *Битвы и лидеры*, том iii., стр. 241 (полковник Венейбл).
- (9) *Военные отчеты*, том xxix., часть I., стр. 18.
- (10) Боттс был тогда на своей ферме — членом Профсоюза. Он был сторонником старой линии вигов и был лично враждебен Джеффу. Дэвис.
- (11) *Военные отчеты*, том ii. xxxiii., стр. 717, 722, 732, 745.
- (12) *Там же.*, 798, 806.
- (13) Для каждого боевого корпуса Армии Союза был принят значок (январь 1863 г.), цвет которого указывал номер дивизии в корпусе. Три дивизии по три бригады в каждой обычно составляли корпус. Каждый офицер и солдат носил на своей шляпе соответствующий значок корпуса; первая дивизия была красной, вторая - белой, а третья - синей. Значок располагался на видном месте в центре всех флагов штаб-квартиры. Флаги дивизии были квадратными, бригадные - треугольными, все белого цвета, за исключением флагов второй дивизии, которые были синими; флаг второй бригады имел красную окантовку рядом с древком, а флаг третьей бригады - красную окантовку со всех сторон.

ГЛАВА VI Планы кампаний Союза и Конфедерации—Кампания и битва в дикой местности, май 1864 г.—Автор ранен и личные дела—Продвижение армии к реке Джеймс с упоминанием сражений при Спотсильвании, Колд-Харборе и других сражениях, а также отчет о потерях и пленении

Здесь не будет предпринята попытка изложить полную подробную историю великой кампании в Дикой местности и многих сражений, разыгравшихся весной и летом 1864 года в Юго-Восточной Вирджинии и вокруг Ричмонда и Питерсберга. Я ограничусь общим рассказом о кампании с указанием дат, результатов сражений и потерь, а также некоторыми деталями боевых действий, в которых участвовали войска, с которыми я был непосредственно связан или которыми интересовался.

Генерал Грант (9 апреля 1864 г.) в конфиденциальном сообщении генералу Миду (1) изложил свой план первых действий всех основных армий Союза. Техас должен был быть оставлен, за исключением Рио-Гранде, и Генерал Бэнкс, находившийся тогда на Ред-Ривер, должен был сосредоточить силы численностью не менее 25 000 человек в Новом Орлеане для продвижения на Мобил. Шерман должен был покинуть Чаттанугу одновременно с переездом Мида, "армия Джо Джонстона была его целью, а сердце Джорджии - его конечной целью"; в случае успеха Шерман должен был "обезопасить линию от Чаттануги до Мобила с помощью Бэнкса". Генерал Франц Сигель (тогда командовавший департаментом Западная Вирджиния (2)) должен был направить две колонны: одну из Беверли под командованием генерала Орда, чтобы попытаться

достичь железной дороги Теннесси и Вирджиния к западу от Линчбурга, а другую из Чарльстона, Западная Вирджиния, под командованием генерала Джорджа Крука, нанести удар по Солтвиллу и оттуда двинуться на восток, чтобы присоединиться к Ордену. Генерал Куинси А. Гилмор должен был быть переведен с 10 000 человек из Южной Каролины к генералу Б. Ф. Батлеру в крепость Монро, и последний генерал должен был организовать силы численностью около 23 000 человек под непосредственным командованием генерала У. Ф. Смита, с которыми и под командованием Гилмора он должен был "захватить Сити-Пойнт и действовать против Ричмонда с южного берега реки", двигаясь одновременно с армией Мида. Миду он сказал: *"Армия Ли будет вашей целью. Куда пойдет Ли, туда пойдете и вы"*. Генерал Бернсайд, который в то время в Аннаполисе формировал Девятый армейский корпус, должен был усилить Мид примерно 25 000 человек. На "Джеймсе" должно было быть военно-морское сотрудничество. Грант тогда еще не решил, с какого фланга атаковать Ли, и будет ли он пересекать Рапидан выше или ниже армии Конфедерации.

Весь багаж был сокращен до минимально возможного уровня. "Два фургона на полк численностью 500 человек ... для всего багажа, за исключением запасов продовольствия и боеприпасов. Один фургон в бригаду и один в штаб дивизии ... и около двух в штаб корпуса.

Впоследствии Мид произвел дальнейшее сокращение и разрешил полку использовать только один фургон.

Когда было окончательно решено наступать правым флангом Ли, Миду было приказано переправить припасы в Белый дом на Паманки.(3)

Сигелю было приказано продвигать колонну из Мартинсбурга вверх по долине Шенандоа.

Грант в конфиденциальной депеше от(4) 29 апреля Халлеку назначил 4 мая датой приведения Потомакской армии в движение, сказав:

"Мои собственные представления о направлении нашего марша полностью сформированы, но поскольку независимые от меня обстоятельства могут изменить их, я лишь заявляю, что мои усилия будут направлены на объединение сил Батлера и Мида".

На следующий день, по свидетельству арестованного в Балтиморе офицера-повстанца, который покинул армию Ли 17 апреля, Халлек телеграфировал Гранту, что Ли собирается двинуться по горной дороге Лонгстрит на запад, через Голубой хребет, с 20 000 человек; что Хилл численностью в 50 000 человек должен форсировать правый фланг Гранта у Калпепера и тремя дивизиями сформировать соединение у Уоррентона с Юэллом; что все войска Конфедерации из Восточного Теннесси должны усилить Ли; что Брекинридж с 25 000 человек в Западной Вирджинии в сопровождении кавалерии Моргана должен пробиться вниз по реке. Канава в Огайо, недалеко от Галлиполиса; что если Ли достигнет Пенсильвании, Брекинридж должен присоединиться к нему, кавалерия Моргана разрушит все железные дороги на восток и запад; что общее направление Ли должно быть на Уилинг и Питсбург; что оборона Ричмонда должна быть оставлена Борегару с дивизией Пикетта численностью 15 000 человек, линией Мэриленда, деталями из госпиталей, призывниками, ополчением по призыву губернатора Смита (от пятидесяти до пятидесяти пяти лет) и иностранным легионом вынужденных переселенцев.(5)

Этот план, если он когда-либо был сформирован, каким бы всеобъемлющим он ни был по замыслу, никогда не должен был быть приведен в исполнение даже частично. Вероятно, оно возникло в богатом воображении офицера-повстанца, от которого Халлек его получил.

В марте 1864 года Лонгстри, находившийся тогда в Гринвилле, штат Теннесси, разработал столь же всеобъемлющий план, согласно которому Борегар должен был возглавить передовую колонну от границ Северной Каролины через горные перевалы, Лонгстрит должен был следовать через Восточный Теннесси, соединившись с Борегаром в Кентукки, и вместе двинуться против железнодорожной линии из Луисвилля и таким образом вынудить Шермана отступить с фронта Джонстона, позволив ему продвигаться на север, избегая генерального сражения, пока все колонны Конфедерации не смогут сформировать грандиозный узел на реке Огайо или вблизи нее. Этот план был одобрен Ли, и как Ли, так и Лонгстрит представили его президенту Дэвису и военному министерству в Ричмонде. Дэвис не одобрил его.

Другой план, представленный Брэгом (в то время "Главкомандующим при президенте"), получил одобрение Дэвиса. В соответствии с этим Джонстон должен был выступить к истокам реки Литтл Теннесси, Лонгстрит к востоку от Ноксвилля и присоединиться к Джонстону, и, объединившись, они должны были выступить на запад в Средний Теннесси и прорвать линию снабжения Союза вокруг Нэшвилла. Хотя были отданы некоторые приказы относительно выполнения этого плана, он не был предпринят всерьез, поскольку Джо Джонстон считал его невыполнимым.(6) Лонгстрит с той частью его команды, которая служила в Вирджинии, в начале апреля был переведен в Рапидан. Грант один двинул свои армии для проведения своих кампаний, как и планировалось.

Дикая местность

Только 2 мая Мид отправил приказ своему корпусу о переходе 4-го числа через Рапидан. В день выступления он обратился к своим солдатам с волнующим патриотическим обращением.(7) Грант решил атаковать и обойти правый фланг Ли.(8)

Как только ранним утром инженеры смогли заложить понтоны, кавалерия форсировала реку у бродов Эли и Джерманна и расчистила путь пехоте. (Второй) корпус Хэнкока переправился через реку у брода Эли и двинулся маршем в окрестности Чанселлорсвилля. (Пятый) корпус Уоррена, сопровождаемый (Шестым) корпусом Седжвика, переправился у Джерманна-Форда. Уоррен направился к таверне "Олд Уайлдернесс". Седжвик расположился бивуаком на высотах к югу от реки. Резервная артиллерия переправилась через брод Эли, а продовольственные и другие обозы - через этот брод и Калпепер Майн. Все эти передвижения происходили в соответствии с приказом.(9)

В первый день я не встретил серьезного сопротивления. В ночь на 4-е я разбил лагерь непосредственно к югу от Рапидана на высоте чуть выше брода. Мне было приказано прикрывать брод и защищать понтонный мост, пока голова колонны Бернсайда не достигнет его. Вся армия спала без палаток. Поднявшись рано утром и стоя на утесе с видом на реку, майор У. М. С. Макэлвейн из моего полка тихим, но несколько обеспокоенным тоном осмелился предположить, что, если я не буду более благоразумен, чем обычно, я бы никогда не пересек ее. Я сказал ему, что шансы на войну вряд ли уменьшаются из-за благоразумия там, где речь идет о долге, и что мои шансы вернуться на Север живым, вероятно, так же велики, как и его. Казалось, он совершенно не беспокоился о себе.

Генерал Грант, его штаб и эскорт проехали мимо, пока мы ждали. Он был верхом на прекрасном, хотя и маленьком вороном коне, на котором хорошо держался; был просто одет, выглядел образцом здоровья и не выказывал никаких признаков беспокойства за себя. Его простая шляпа и одежда резко контрастировали с несколько щегольски одетым и экипированным персоналом. Он отдал честь и вежливо заговорил, но не остановил свою лошадь из-за довольно быстрого аллюра.

Около 10 часов утра Бернсайд во главе своего отряда достиг брода. Его девятый корпус был недавно организован им в Аннаполисе, штат Мэриленд, и офицеры и солдаты были, в целом, заново экипированы и одеты, а все полки и штабы имели новые флаги. Длинная вереница, растянувшаяся на многие мили, медленно двигавшаяся по низинам к переправе, была весьма внушительной и наводила на самые разные размышления. Но пришло время решительного сражения. Голова Пятого корпуса была выдвинута вперед по Ориндж-и Фредериксбург-планк-роуд с целью избежать укреплений Майн-Ран, но при появлении противника на автостраде, идущей, в общем, параллельно планк-роуд и к северу от нее, Шестой корпус (за исключением Второй бригады, Третьей дивизии) переместился на позицию справа от Пятого, за исключением дивизии Гетти, которая была направлена к пересечению дорог Брок и Ориндж-планк с инструкциями удерживать ее любыми способами до прибытия корпуса Хэнкока из Тодда-таверна. Около полудня две дивизии корпуса Уоррена вступили в ожесточенный бой с головным корпусом Юэлла на пике, отбросив его на некоторое расстояние назад, когда, будучи обойдены с фланга, они, в свою очередь, были отброшены назад, потеряв два орудия. Дивизия Уодсворта из этого корпуса, отправленная на планк-роуд, была отведена на соединение с другими дивизиями Уоррена. Уоррен понес некоторые потери в плену, захваченном в дивизии Кроуфорда. Гетти, прибыв на планк-роуд, обнаружил, что наша кавалерия отеснена корпусом Хилла, но он развернулся по обе стороны дороги и, открыв огонь по противнику, остановил его. Гетти смог удерживать свою позицию до прибытия Хэнкока около 14:00. Хэнкок со своим корпусом и дивизией Гетти рьяно и какое-то время успешно атаковал врага, хотя и встречал упорное сопротивление. Генерал Александр Хейс был убит в этом бою, когда заделывал брешь в нашей линии. Противник перебросил войска с автострады на помощь Хиллу, и Мид, видя это, направил дивизию Уодсворта и бригаду Бакстера Пятого корпуса к Хэнкоку. Наступила ночь, и сражение на этой части поля прекратилось до прибытия подкрепления, обе армии удерживали свои позиции.

Шестой корпус (дивизия Гетти отсутствовала вместе с Хэнкоком) с большим трудом пробился сквозь густую низкую сосновую чащу и около 14:00 был на позиции, в основном развернутой, справа от Пятого, дивизия Рикеттса (Вторая бригада отсутствовала) слева, а Райт справа. Вскоре после того, как голова колонны Бернсайда достигла Джерманна-Форд, моя бригада выдвинулась на поле боя. По мере нашего продвижения стрельба по всему протяженному фронту вскоре показала нам, где началась серьезная работа. Генерал Трумэн Сеймур (известный в Олустиэле) был назначен в этот день командовать бригадой, но он не сразу присоединился к ней. Когда мы приблизились к месту сражения, офицер штаба Седжвика приказал мне провести бригаду справа от той части Шестого корпуса, которая уже была выстроена и частично вступила в бой. Выполнив этот приказ, мы стали крайне правыми в армии. Остальные бригады Третьей дивизии находились на позиции слева от корпуса, я не поддерживал с ними связи и доложил генералу Х. Г. Райту, командующему Первой дивизией.

Интенсивная стрельба уже велась вдоль линии 6-го корпуса слева от нас. Бригада около 14:00 была выдвинута мной на позицию в две линии: 6-я Мэрилендская и 110-я Огайо - слева направо, впереди, а 122-я и 126-я Огайо и 138-я Пенсильвания - в тылу и в резерве. Были выдвинуты стрелки, которые оттеснили стрелков противника на небольшое расстояние к его основным позициям, и последовал острый бой, продолжавшийся примерно до 5 часов вечера, когда, получив надлежащую поддержку, была предпринята агрессивная атака.

Цитирую из моего официального отчета, датированного 1 ноября 1864 года:

"Я получил приказ взять на себя общее руководство первой линией, теснить противника и, если возможно, обойти его с левого фланга. Войска храбро ринулись вперед, оттеснив противника примерно на полмили к 6 часам вечера, когда мы наткнулись на него на склоне холма, укрепленного за наспех сколоченными бревнами. Во время наступления войска дважды останавливались и открывался огонь, в результате которого было убито и ранено значительное количество противника.

"Поскольку линия фронта находилась на крайнем правом фланге армии, а войска слева от нее не могли продвинуться вперед вместе с ней, я счел разумным остановиться, не предпринимая атаки на линию противника. После короткой консультации с полковником Дж. Джон У. Хорн, я послал сообщение, что передовые позиции бригады не получили поддержки ни на одном фланге, и что противник перекрыл линию справа и слева и, по-видимому, имеет большие силы, что делает невозможным достижение успеха войсками в дальнейшей атаке.

Вскоре после этого я получил приказ немедленно атаковать.

"Чувствуя уверенность, что отправленное мной сообщение не было получено, я откладывал до тех пор, пока не поступил второй приказ атаковать. Соответственно, я предпринял атаку без дальнейших промедлений.

"Атака была произведена около 7 часов вечера, войска находились в густой дикой местности. Линия была продвинута на расстояние 150 ярдов от укреплений противника под самым ужасным огнем с фронта и флангов. Добиться успеха было невозможно; но, несмотря на это, оба полка удержали свои позиции и вели быстрый огонь почти три часа, а затем, согласно приказу, отошли лишь на небольшое расстояние.

"Я был ранен около 8.30 вечера винтовочной пулей, прошедшей через обе кости левого предплечья, но не сдавал командование до 9 часов вечера

"Войска должны были продолжать это неравное сражение, полагая, что другие войска должны были атаковать противника с фланга.

"В этой атаке 6-й Мэрилендский потерял убитыми двух офицеров и шестнадцать рядовых и восемь офицеров и 132 человека ранеными; а 110-й Огайо потерял одного офицера и тринадцать человек убитыми и шесть (6) офицеров и девяносто три (93) человека ранеными, что в совокупности в двух полках составило 271.

"Майор Уильям С. Макэлвейн, 110-й полк Огайо, получивший похвалы всех, кто его знал, за свое мастерство, рассудительность и отвагу, был среди убитых.

"Лейтенант Джозеф Макнайт, 110-й Огайо, и капитан Адам Б. Мартин, 6-й Мэриленд, были смертельно ранены и с тех пор скончались.

Капитан Дж. Б. Ван Итон и лейтенанты Х. Х. Стивенс и Г. О. Макмиллен из 110-го Огайо, майор Дж. К. Хилл, капитаны А. Биллингсли, Дж. Т. Голдсборо, Дж. Дж. Брэдшоу и Дж. Р. Раузер, а также лейтенанты Дж. А. Суартс, К. Дамут и Д. Дж. Смит из 6-го Мэрилендского были более или менее тяжело ранены.

"Все они проявили величайшую храбрость и заслуживают благодарности страны.

"Полковник Джон У. Хорн, 6-й Мэрилендский полк, и подполковник О. Х. Бинкли, 110-й Огайо, заслуживают особого упоминания за их мужество, мастерство и одаренность.

"Капитаны Браун, 110-й Огайо, и Прентисс, 6-й Мэриленд, отличились в успешном управлении стрелками.

"Из сообщений об этом ночном нападении, опубликованных в газетах Ричмонда, известно, что бригадный генерал повстанцев Дж. М. Джонс (командующий бригадой "Стоунуолл") и многие другие были убиты в результате нападения".

Из-за моего ранения я отсутствовал в составе бригады после битвы в Дикой местности до 26 августа 1864 года, и поэтому я не могу рассказать о ее передвижениях и операциях, исходя из личных знаний. Полковник Болл сменил меня на поле боя в командовании бригадой, а полковник Хорн отвечал за передовые позиции в ночной атаке. Сеймура не было с атакующими войсками. На следующий день он был взят в плен, и командование бригадой перешло к полковнику Б. Ф. Смиты.

Чтобы читатель мог проследить за ходом сражения, я далее цитирую свой отчет от 1 ноября 1864 года.

Рано утром 6 мая бригада построилась в две боевые линии и атаковала укрепления противника на своем фронте, 122-й и 126-й огайские и 138-й Пенсильванский - на передовой, а 110-й Огайский и 6-й Мэрилендский - в тылу. Бригада по-прежнему оставалась крайним правым флангом армии. Атака велась наиболее энергично, но было обнаружено, что враг слишком многочислен и слишком сильно укреплен, чтобы его можно было выбить со своей позиции. Понесся очень тяжелые потери, войска были отведены на исходные позиции, где были возведены небольшие укрепления. В атаке войска вели себя наиболее храбро. 122-й и 126-й полки в Огайо и 138-й в Пенсильвании понесли очень тяжелые потери.

"Около 14:00 бригада бригадного генерала Шалера из Первой дивизии Шестого армейского корпуса заняла позицию справа от этой бригады и стала крайним правым флангом армии.

Перестрелка продолжалась примерно до захода солнца, когда противник повернул армию вправо и атаковал ее фланг и тыл, заставив войска быстро отступить и вынудив их отступить на некоторое расстояние, прежде чем они были переформированы. Наступление противника на фланг и тыл было настолько быстрым, что не было времени сменить фронт, чтобы встретить его, и при отступлении произошла некоторая неразбериха. В бригаде было потеряно несколько пленных. Вскоре линии были восстановлены, и продвижение противника остановилось.

Противник предпринял атаку на восстановленный рубеж около 8 часов вечера, но был с честью отбит.

"Были распространены необоснованные сообщения о том, что войска этой бригады первыми уступили дорогу, когда была предпринята первая атака противника.

"Здесь уместно заявить, что против войск, расположенных справа от нее, не выдвигается никаких обвинений в плохом поведении, но что эта бригада оставалась на своем посту и успешно отражала одновременную атаку с фронта, пока войска, расположенные справа от нее, не были удвоены и в беспорядке отступали вдоль ее линий".

Присутствие облеченного властью генерала или представляющего его умного штабного офицера предотвратило бы бесполезную резню вечером 5-го и катастрофу вечером 6-го, которые на какое-то время угрожали безопасности всей армии. Бригада или больше войск, брошенных на левый фланг противника небольшим числом в любой вечер, удвоили бы его силы и дали бы нам, с небольшими потерями, эту часть поля боя и свободу действий на следующий день.

Успех в овладении позицией 5-го числа оставил наше правое крыло в воздухе вытянутым вперед, с противником на фланге, вызвав, таким образом, атаку, предпринятую на следующий день генералом Дж. Б. Гордоном, который отбросил основную часть Шестого корпуса к центру Союза. Атака Гордона была повторением флангового движения Стоунволла Джексона при Чанселлорсвилле, и ее следовало предвидеть настолько далеко, чтобы вызвать катастрофический провал.

В полевом госпитале, увидев моего штабного офицера (капитана Томаса Дж. Блэка, которому перевязывали раненую руку), я обсудил ситуацию и предсказал, что противник воспользуется благоприятной возможностью для атаки. Предвидя нападение, мой слуга (Энди Джексон), горячо заботясь о моей безопасности, держал оседланную лошадь возле палатки, чтобы я мог, когда это произойдет, сесть на нее и сбежать. Люди Гордона продвинулись достаточно далеко, чтобы их пули прошли сквозь больничные палатки, но больница не была взята.

Бригада генерала Шалера из Первой дивизии Шестого корпуса, будучи поставлена на крайнем правом фланге Шестой дивизии, первой уступила дорогу; затем, поскольку противник находился в глубоком тылу Второй бригады, а также на ее фланге, и в то же время она была атакована с фронта, она также отступила в некотором замешательстве, но под командованием своих храбрых офицеров, полковников Болла, Хорна и Макклеллана, подполковников Грейнджера, Эбрайта, Бинкли и других, она вскоре была выстроена в правильную линию перед наступающей колонной Гордона, где это многое сделало для того, чтобы остановить его. Генералы Сеймур и Шалер, отделившиеся от своих бригад во время их поисков, оба были схвачены.(10)

Но кто-то нуждался и искал "*козла отпущения*". Во Второй бригаде было всего три полка — 6-й Мэрилендский, 110-й и 122-й Огайский, которые служили под командованием Милроя в долине Шенандоа в 1863 году. Кто-то сообщил прессе и, вероятно, Гранту, что вечером 6 мая войска, сражавшиеся там под командованием Мильроя, находились на крайнем правом фланге армии и первыми уступили дорогу. Это неизбежно было ложью, поскольку эти войска тогда вообще не были крайне правыми и не отступали до тех пор, пока силы справа от них не были сломлены и разгромлены. Генерал Грант в письме Халлеку в оправдание (7 мая) по поводу катастрофы

справа от него сказал: "Старая бригада Милроя подверглась нападению и отступила в большом замешательстве, почти без сопротивления, унося с собой хорошие войска". (10) Возможно, это заявление было сделано для того, чтобы пощекотать слух Халлека, поскольку было известно, что он ненавидел Милроя и его друзей, но, тем не менее, оно было неправдивым и крайне несправедливым. Из трех полков из долины Шенандоа 494 (треть от их числа) пали убитыми или ранеными на этом поле из-за неэффективности и грубых ошибок высших офицеров, которые никогда не были достаточно близко, чтобы услышать роковой глухой удар или пролетающий мимо свист винтовочной пули. Многие другие из этих полков пали (поблизости) на высотах Апельсиновой Рощи в ноябре позапрошлого года. Грант много лет спустя признал несправедливость своего заявления.

После того, как я был ранен, хотя все еще командовал атакующими силами, слева подъехал майор и доложил мне, что его офицеры и солдаты быстро падают, и выразил опасение, что их нельзя будет долго удерживать от выполнения своей работы. Ему было поручено подбодрить их надеждой на то, что ожидаемая поддержка скоро прибудет. Когда он развернул свою лошадь, чтобы вернуться, в нее выстрелили, она упала, и майор, вскочив на ноги, не говоря ни слова, быстро исчез (что было видно при свете вспышек винтовок) среди густого кустарника сосен. Больше его никогда не видели, и его тело не было найдено. Должно быть, он был убит, и его тело позже поглотил великий пожар, который, питаясь сухим деревом имусором, охватил поле битвы, слизывая драгоценную кровь и кремируя тела погибших мучеников. Это был доблестный Макэлвейн, который ранним утром выразил столько беспокойства за мою безопасность.

Полковник Уильям Х. Болл, услышав поздно вечером о моем ранении, поинтересовался его природой и, убедившись, что оно серьезное, характерно воскликнул: "Хорошо! теперь он вернется домой и переживет войну; его боевые дни закончились ". Это не так, и пока не с ним. Когда около полуночи меня несли на носилках влево вдоль тыла строя по направлению к полковому госпиталю, обостренное ухо уловило звук голоса, отдающего громкие команды, знакомого мне много лет назад по моему родному городу. Я вызвал офицера и узнал, что это мой земляк, полковник Эдвин К. Мейсон, в то время командовавший 7-м полком штата Мэн. Еще день или два, и он тоже был тяжело ранен.

Я кое-что повидал на войне, но впервые на мою долю выпали мертвые, умирающие и раненые в тылу. Солдат на линии фронта безразлично видит, как падают его товарищи, и продолжает выполнять свой долг. Раненые добираются в тыл самостоятельно или с помощью, и те, кто находится в боевой линии, их больше не видят. Часть медицинского персонала в хорошо организованной армии вместе со стюардами госпиталей и санитарями выезжает на поле боя, чтобы временно перевязать раны, остановить кровотечение и направлять санитаров и бригаду скорой помощи в работе по доставке раненых к оперирующим хирургам в полевом госпитале. Мертвые не нуждаются во внимании и обычно его не получают, пока битва не закончится.

По прибытии в больницу, около двух часов дня, меня внесли через вход в большую палатку, по обе стороны которой лежали человеческие ноги и руки, похожие на груды печных дров, за исключением крови. Повсюду были убитые и раненые, многие из последних умирали. Хирурги с блестящими, иногда окровавленными ножами и инструментами были заняты своей работой. Вскоре меня уложили на грубый дощатый операционный стол и напоили хлороформом, а умелые хирурги — Чарльз Э. Кэди (138-й округ Пенсильвании) и Теодор А. Хелвиг (87-й округ Пенсильвании) — сделали надрезы на поврежденных частях, обнажили сломанные концы

раздробленных костей, обработали их пилой и ножом и снова поставили на место, наложив шины и перевязав. Затем меня перенесли на лежанку на земле, чтобы освободить место для... "Следующего". Ощущение, вызванное анестезией при переходе в бессознательное состояние и обратно, было волнующим и восхитительным. На несколько часов, измученный потерей крови, я впал в короткую дремоту, сопровождаемую причудливыми снами. Не у всех это бывает одинаково.

Из этого госпиталя 7-го числа меня увезли на машине скорой помощи в огромном поезде раненых по направлению к зданию суда Спотсильвании, но, приблизившись к этому месту, поезд, отклонившись от пути следования армии, медленно двинулся под грохот битвы в наших ушах к Фредериксбергу. На частых привалах нам заваривали и приносили большие котлы мясного чая. Я выпивал его галлонами, как и другие. Это было полезно для измученного жаждой, воспаленного неба, но давало мало питательных веществ. Около десяти дней я был прикован к кровати в частном доме — миссис Alsop's—отведен под офицерский госпиталь. Раненые из Спотсильвании также вскоре прибыли во Фредериксбург, и хирурги и медсестры были перегружены. С Севера прибыли хирурги-контрактники, а также медсестры и сопровождающие из каждой Санитарной и христианской комиссий. Меня навестила мисс Доротея Л. Дикс (тогда ей было семьдесят лет), которая руководила корпусом больничных медсестер. Гораций Манн задолго до этого превознес ее за филантропическую деятельность в пользу душевнобольных.(11) Во время пребывания здесь сильное воспаление моей руки угрожало моей жизни, но, наконец, добравшись до Аквиа-Крик, я отправился на госпитальном катере в Вашингтон, а оттуда домой. Повсюду отели, больницы, лодки и автомобили были переполнены ранеными, только что прибывшими из Дикой природы и Спотсильвании. Филантропические жители крупных городов днем и ночью держали на складах хирургов с опытными помощниками для ухода за путешествующими ранеными.

Но вернемся к Дикой местности. Шестой корпус с небольшими боями восстановил утраченные позиции утром 7-го. 6-го числа Пятая армия вступила в ожесточенное сражение слева от Шестого корпуса, но без существенного успеха. Корпус Хэнкока вместе с пятой дивизией Уодсворта и шестой дивизией Гетти на рассвете 6-го начал блестящее сражение на планк-роуд и в некотором замешательстве оттеснил противника более чем на милю вдоль дороги, когда корпус Лонгстрита прибыл слева от Хэнкока и переломил ход сражения, и, в свою очередь, наши войска были вынуждены вернуться на свои прежние позиции на Брок-роуд. Генерал Джеймс С. Уодсворт был смертельно ранен, когда собирал своих людей, а героический Гетти был тяжело ранен. Потери в этом сражении с обеих сторон были велики. Генерал армии Конфедерации Дженкинс был убит, а Лонгстрит тяжело ранен. В них стреляли по ошибке, их собственные люди, (12) как и в Джексона "Каменная стена" в Чанселлорсвилле. Ли лично находился на дощатой дороге, руководя битвой. Он подверг себя опасности и отчаялся в результате. В критический момент он отправил своего "генерал-адъютанта, полковника У. Х. Тейлора, обратно в магазин Паркера, чтобы подготовить эшелоны для переброски в тыл". (13) Грант рано утром 6-го поставил корпус Бернсайда между тернпайк и планк-роудз, и они вели сражение в центре в течение дня, обе армии хорошо удерживали свои позиции. Утро 7-го числа застало армию Ли отошедшей и сильно укрепившейся на новой линии, справа от магазина Паркера, а слева протянувшейся на север через автостраду.

5-го и 6-го числа Шеридан со своей кавалерией удерживал левый фланг и прикрывал тыл армии, сражаясь и отражая попытки кавалерии Стюарта проникнуть к нам в тыл. 7-го числа в таверне

Тогда произошло ожесточенное кавалерийское сражение, в котором Шеридан одержал победу. Но в тот день две великие армии в основном оставались на позициях, и великая битва в Пустыне с ее попеременными успехами и отражениями и длинными списками убитых и раненых была закончена.

Грант, решив больше не сражаться в Дикой местности, в ночь на 7-е число привел свою армию в движение к зданию суда Спотсильвании, кавалерия двигалась впереди Пятого корпуса по Брок-роуд, за ней следовали Второй и Шестой корпуса по дощатым дорогам и заставам, армейские поезда шли впереди, Девятый корпус - в тылу. Ли, либо предвидев, либо обнаружив это движение, бросил корпус Лонгстрита во фронт Уоррена на Брок-роуд, и 8-го числа завязались тяжелые бои, в которых в разное время участвовала большая часть корпусов обеих армий. Кавалерийская дивизия Вильсона овладела зданием суда, но, не получив поддержки, отступила. 9 мая противник был потеснен, и его позиция укрепились. Две дивизии Девятого корпуса, обнаружив противника на Фредериксбургской дороге, отбросили его назад и форсировали реку Нью-Йорк с некоторыми потерями. В этот день генерал-майор Джон Седжвик, командовавший Шестым корпусом, находясь на передовой в поисках позиции противника, был убит метким стрелком. Он пользовался доверием и любовью своего корпуса.

Шеридан с кавалерией оторвался от основной армии 9-го числа, получив приказ Мида двигаться на юг, вступать в бой, по возможности, с кавалерией противника, перерезать железные дороги, угрожать Ричмонду и, в конечном итоге, установить связь с силами Союза на реке Джеймс или присоединиться к ним. Он обошел противника справа и уничтожил депо на Бивер-Дэм, два локомотива, три состава вагонов, сотню других вагонов и большое количество припасов и пайков для армии Ли; также телеграфную линию и железнодорожное полотно на протяжении десяти миль и отбил несколько пленных. 10 мая он пересек Саут-Анна по мосту Суслика, захватил станцию Эшленд, локомотив и вереницу вагонов, уничтожил склады и железнодорожное полотно, а на следующий день двинулся маршем в сторону Ричмонда. У Желтой таверны он встретил кавалерию конфедерации, разгромил ее, убив ее командира, генерала Дж. Э. Б. Стюарта, захватив два артиллерийских орудия и несколько пленных, и вынудил ее отступить через Чикахомини. 12-го Шеридан достиг второй линии укреплений вокруг Ричмонда, затем снова пересек Чикахомини и после долгих ожесточенных боев прибыл к Боттомс-Бридж утром 13-го. На следующий день он был в гавани Хаксалла на реке Джеймс, где отправил своих раненых и набрал людей и лошадей. 24-го он присоединился к Потомакской армии в Честерфилде, возвращаясь через Белый дом на Паманки.(14)

Бои в Спотсильванском суде и вокруг него продолжались в течение 10-го и 11-го, а 12-го корпус Хэнкока атаковал центр противника, захватив в плен генерал-майора Эдварда Джонсона с генералом Джорджем К. Стюартом и около трех тысяч человек из его дивизии. Продвигаясь ко второй линии брустверов противника, Хэнкок встретил отчаянное сопротивление на так называемом выступе, или "мертвом углу". Это был ключ к позиции Ли, и, сосредоточив там свои батареи и лучшие войска, он безжалостно пожертвовал последними, чтобы удержать ее. Второй корпус был усилен Шестым под командованием генерал-майора Горацио Г. Райт, преемник Седжвика. Происходили самые кровопролитные бои, и убитых и раненых с обеих сторон было больше, чем где-либо в этой войне, если не во всей истории. Бригада Уитона из Шестого корпуса сражалась в "мертвом углу", а 126-й Огайо из Второй бригады Третьей дивизии был выделен и получил приказ атаковать его. При штурме она потеряла каждого четвертого человека.(15) Вся Вторая бригада с заметной храбростью сражалась при Спотсильвании.

Ночью противник отошел на более короткий рубеж. С 13-го по 17-е, поскольку обе армии были укреплены, ничего решающего не произошло, поскольку часто происходили ожесточенные столкновения. Союзные больные и раненые были отправлены в тыл через Фредериксбург и Аквиа-Крик, а также были доставлены припасы.(16)

Генерал Грант утром 11-го написал Халлеку:

"Сейчас закончился шестой день очень тяжелых боев. Результат на данный момент во многом в нашу пользу. Но наши потери были тяжелыми, как и у противника. К настоящему времени мы потеряли одиннадцать генералов убитыми, ранеными и пропавшими без вести, и, вероятно, 20 000 человек. Я думаю, потери противника должны быть больше. Мы взяли в бою более 4000 пленных, в то время как он взял лишь немногих, за исключением отставших. Сейчас я отправляю обратно в Бель-Плейн все свои фургоны за свежим запасом провизии и боеприпасов, *и предлагаю сражаться на этом рубеже, даже если это займет все лето*".(17)

Курсив мой, чтобы подчеркнуть происхождение наиболее часто цитируемой фразы генерала Гранта.

Армия Союза двигалась своим левым флангом 19-го числа, когда Юэлл попытался обойти ее правый фланг и овладеть Фредериксбургской дорогой, но он встретил новую дивизию под командованием генерала Р. О. Тайлера, позже две дивизии Второго корпуса и дивизию цветных войск Ферреро (двенадцать рот, численностью 2000 человек, недавно выведенную из обороны Вашингтона) и был с лихвой отброшен.

9-й Нью-Йоркский тяжелый артиллерийский полк под командованием подполковника Уильяма Х. Сьюарда, сына госсекретаря Сьюарда, присоединился ко Второй бригаде у реки Северная Анна 26 мая.(18)

Армия к 26-му переправилась через Северную Анну у различных бродов, а к 28-му переправилась через Паманки у бродов Ганновертон и Хандли, постоянно вступая в ожесточенные бои. 29-го враг был оттеснен в свои укрепления за Тотопотоми, Шестой корпус занял здание Ганноверского суда. Уоррен подвергся нападению, но отбил врага у церкви Бетесда, а Барлоу из Шестого полка занял линию стрелковых окопов к югу от реки. Кавалерия была задействована во время этих передвижений во многих делах, и Шеридан с двумя дивизиями 31-го занял Колд-Харбор, но испытывал сильное давление, пока Райт с Шестой и генерал В. Ф. Смит (недавно прибывший с Восемнадцатым корпусом из Батлера на реке Джеймс) не сменили его. Эти корпуса 1 июня атаковали и захватили часть укрепленной линии противника.

В 6 часов вечера, в ходе общей атаки на укрепления противника, дивизия Рикеттса (Третья из шестой) захватила много пленных и укрепления на своем фронте и с честью отразила неоднократные попытки отбить их. В этом наступлении Вторая бригада двигалась в следующем порядке: 6-я Мэрилендская и 138-я Пенсильванская в первой линии, 9-я Нью-Йоркская во второй и третьей линиях и 122-я и 126-я Огайо в четвертой линии, всем им предшествовал 110-й Огайо на линии перестрелки.

Генерал Мид адресовал эту записку генералу Райту:

"Пожалуйста, передайте мою благодарность бригадному генералу Рикеттсу и его доблестному командованию за то, как они вели себя сегодня. Достигнутый ими успех имеет величайшее значение, и, если он будет продолжен, это существенно продвинет наши операции вперед".

Утром 3-го числа дивизия продвинулась вперед примерно на двести ярдов под сильным огнем и окопалась, используя для этой цели штыки, жестяные кружки и тарелки.(19) В 4 часа утра 3 июня по приказу Гранта Шестой и Восемнадцатый корпуса и Вторая дивизия Барлоу атаковали сильно укрепленные укрепления противника, но получили самый сокрушительный отпор — самый кровопролитный за всю войну. Погибло около 10 000 солдат Союза. Численность и сила позиций противника были недостаточно изучены. Он не пострадал соответственно. Перед его укреплениями были обнаружены глубокие овраги и трясина.

Штурм был приостановлен около 7 часов утра и не возобновлялся. Грант говорит в своих мемуарах:(20)

"Я всегда сожалел о том, что был предпринят последний штурм Колд-Харбора".

Другие нерешительные бои произошли в Колд-Харборе 12-го числа, когда армия Ли отступила из-за дальнейших фланговых перемещений, последние части армии Союза были выведены, и к 13 июня несколько ее корпусов, переправившись через Чикахомины у мостов Лонг и Джонс, достигли реки Джеймс у здания суда Чарльз-Сити. Тем временем Шеридан с двумя кавалерийскими дивизиями получил приказ отправиться в Гордонсвилл, чтобы разрушить Центральную железную дорогу и установить связь, если это практически возможно, с экспедицией Хантера, которая в то время находилась в долине Шенандоа. Шеридан провел успешное сражение на станции Тревилян 11 июня, разгромив кавалерийские дивизии Хэмптона и Фитца Ли.

Вскоре армия Союза переправилась через реку Джеймс.

За исключением пленных и пропавших без вести, потери Армии Союза во время упомянутых операций, указанные в пересмотренных списках, приведены в следующей сводной таблице: (21)

Убитые. Раненые. Совокупно.

Офицеры. Солдаты. Офицеры. Мужчины.

Дикая местность, 5-7 мая 143 2013 569 11 468 14 193

Здание суда Спотсильвании, 8-21 мая

174 2551 672 12 744 16 141

Северная Анна, Паманки и Тотопотомой, 21 мая-1 июня

41 550 159 2,575 3,325

Колд-Харбор, церковь Бетесда и др., 2-15 июня

143 1702 433 8 644 10 922

Таверна Тодда на Джеймс-Ривер (Кавалерия, Шеридан), 9-24 мая

7 57 16 321 401

Тревильский рейд (кавалерия, Шеридан), 7-24 июня

14 136 43 695 888

Всего 522 7009 1892 36 447 45 870.(22)

Кажется, не существует вообще никаких полных списков, по которым можно было бы составить сводку потерь убитыми и ранеными в армии Конфедерации во время кампании в Дикой местности, но, за исключением Колд-Харбора, они, несомненно, были примерно такими же большими, как в Армии Союза. Во время кампании Армия Союза захватила 22 полевых орудия и потеряла 3. Было захвачено не менее 67 цветов. И отчеты показывают, что Потомакская армия с 1 по 12 мая 1864 года взяла в плен 7078 человек, а с 12 мая по 31 июля 1864 года - 6506; всего 13 584.

Отчеты Профсоюза показывают, что число "захваченных и пропавших без вести [Профсоюз] с 4 мая по 24 июня" составляет 8966 человек.(23)

Убитыми и ранеными в Шестом армейском корпусе с 5 мая по 15 июня 1864 года были 10 614 человек; в его Третьей дивизии - 1993, а во Второй бригаде этой дивизии - 1246.

- (1) *Военные отчеты*, том. xxxiii., стр. 827.
- (2) *Военные отчеты*, том. xxxiii., стр. 664.
- (3) *Там же.*, стр. 827-9.
- (4) *Там же.*, стр. 1017.
- (5) *Военные отчеты.*, том. xxxiii., стр. 1022.
- (6) *Манассас - Аппоматтоксу* (Лонгстрит), стр. 544-5.
- (7) *Военные отчеты*, том. xxxvi., Часть II., стр. 370.
- (8) *Там же.*, часть I., стр. 189 (Отчет Мида).
- (9) *Там же.*, часть II., стр. 331.
- (10) *Военные отчеты*, том. xxxvi., часть II., стр. 729, 742, 745, 748.
- (11) *Двенадцать проповедей*, стр. 302.
- (12) *Манассас - Аппоматтоксу*, стр. 564.
- (13) *Воспоминания Ли*, А. Л. Лонг, стр. 330.
- (14) *Военные отчеты*, том. xxxvi., часть I., стр. 193, 776-792.
- (15) *Военные отчеты*, том. xxxvi., часть I., стр. 749.
- (16) *Там же.*, стр. 188-195 (Отчет Мида).
- (17) *Военные отчеты*, том. xxxvi., часть I., стр. 627.
- (18) *Там же.*, стр. 734, 740.
- (19) *Военные отчеты*, том. xxxvi., часть I., стр. 734-5 (Отчет Кейфера).
- (20) Том ii, стр. 276.
- (21) *Военные отчеты*, том. xxxvi., часть I., стр. 188 (119-198).

(22) Интересно отметить, что соотношение убитых и раненых, показанное в этой таблице, почти точно равно 1 к 5, то есть 16,6 процента. из общего числа убитых 1 из каждых 14,6 был офицером; из раненых 1 из 20 был офицером; из всего числа убитых и раненых 1 офицер был убит из каждых 88, 1 офицер был ранен из каждых 24,3, и 1 рядовой был убит из каждых 6,5, и один офицер был убит или ранен из каждых 19.

(23) *Военные отчеты*, том. xxxvi., часть I., стр. 188, 196.

ГЛАВА VII Кампания к югу от реки Джеймс и Питерсберга—Рейд Хантера—Битва при Монокаси—Наступление Эрли на Вашингтон (1864)—Передвижения Шеридана в долине Шенандоа и другие события

В соответствии с общим планом, как мы видели, генерал Б. Ф. Батлер организовал в крепости Монро армию Джеймса, состоящую из Десятого и Восемнадцатого корпусов, которыми командовали, соответственно, генералы Куинси А. Гилмор и У. Ф. Смит. Он двинулся на транспортах вверх по реке Джеймс 4 мая 1864 года и без серьезного сопротивления высадился на Бермудских островах в ночь на 5-е число. В то же время генерал Каутц с 3000 кавалеристами совершил рейд из Саффолка и разрушил часть железной дороги Питерсберг-Уэлдон. Эти передвижения вызвали поспешную концентрацию против Батлера всех имеющихся войск с Каролинских островов. Борегар был назначен их командующим. Было несколько нерешительных боев между частями армии Батлера у Стоуни-Крик, станции Джарраттс и Уайт-Бридж, и было несколько общих столкновений на перекрестке Порт-Уолтхолл, станции Честер, Свифт-Крик, Прокторс-Крик и Дрюрис-Блафф, а также несколько мелких столкновений вдоль реки Джеймс. Каутц, совершив второй успешный рейд, перерезал железную дорогу Ричмонд-Данвилл в Колфилде, уничтожив мосты, пути и склады. Результатом всего этого стало то, что командование Батлера оставило сильно укрепленные позиции у Бермудской сотни, но не смогло продвинуться вперед и серьезно угрожать Ричмонду.

Термин "Закупоренный", выражение, используемое для описания положения Батлера, было заимствовано из депеши Гранта Военному министерству, в которой он описал ситуацию Батлера между "Джеймсом" и "Аппоматтоксом", когда противник укрепился по всему фронту, как "подобную бутылке".(1)

Грант приказал корпусу Смита усилить Потомакскую армию. Батлер атаковал Петербург 9 июня, главным образом корпусом Гилмора, но из-за отсутствия сотрудничества со стороны нескольких атакующих частей это место не было взято. Генерал Батлер объяснил поражение неспособностью Гилмора подчиняться приказам и действовать энергично.(2)

После ухода Смита Батлер сделал немногим больше, чем удержал свою позицию. Потомакская армия переправилась к югу от реки Джеймс 14 июня. 16-го Мид предпринял атаку на Питерсберг, главным образом войсками под командованием Хэнкока и Бернсайда, в результате которой была взята только часть укреплений противника с одной батареей и несколько пленных. Бои продолжались 17-го, и на рассвете 18-го был отдан приказ о генеральном штурме, но при продвижении вперед выяснилось, что противник отошел на внутреннюю и более укрепленную линию. Позже в тот же день части Второго, Пятого и Девятого корпусов предприняли безуспешные атаки на этот новый рубеж. Затем было установлено, что основная армия Ли достигла Петербурга, и дальнейшие попытки взять его штурмом были прекращены.(3) В течение июня велись ожесточенные бои между пехотными частями за овладение дорогами,

которые, однако, носили нерешительный характер. Кавалерийские дивизии Уилсона и Каутца 22-го числа в ходе рейда захватили станцию Римс и разрушили несколько миль Уэлдонской железной дороги, а на следующий день, после разгрома кавалерии У. Х. Ф. Ли близ станции Ноттовей, достигли перекрестка Берквилл и разрушили депо и около двадцати миль железнодорожного полотна. На следующий день они разрушили железную дорогу от станции Мехерим до моста Роанок на расстоянии двадцати пяти миль, но при возвращении 28-го числа они столкнулись на станции Римс с кавалерией противника и сильным отрядом пехоты и были разбиты с потерей поездов и артиллерии. Шестой корпус был отправлен им на помощь, но прибыл на станцию после того, как дело было закончено и противник отступил. (4)

Я не возьмусь описывать важные передвижения и операции (5) войск под командованием Гранта перед Питерсбергом и Ричмондом в течение оставшейся части лета и осени 1864 года, поскольку войска, которыми я непосредственно интересовался, были в начале июля переброшены в Мэриленд и Вашингтон. Краткое описание событий в долине Шенандоа и Западной Вирджинии, однако, необходимо, чтобы читатель мог лучше понять важные события, о которых вскоре будет рассказано.

Генерал Франц Сигель, командовавший департаментом Западная Вирджиния, двинулся вверх по долине и потерпел поражение при Нью-Маркет 15 мая. Он отступил на северный берег Сидар-Крик. Его потери составили около 1000 убитых, раненых и взятых в плен, а также семь артиллерийских орудий. Генерал Джордж Крук, двигавшийся через Фейетвилл, Роли и Принстон, 9 мая участвовал в битве при горе Клойд и одержал блестящую победу. Он нанес большой урон врагу и вернулся в Мидоу Блафф, на Канаве. Генерал Дэвид Хантер сменил Сигела на посту командующего департаментом 21-го и присоединился к войскам в Сидар-Крик в долине 26-го. Сигелу было поручено командовать Резервной дивизией, расположенной вдоль железной дороги Балтимор- Огайо.

Хантер и Крук со своих соответствующих позиций двинулись в сторону Стонтон 30-го числа. Хантер встретился с врагом под командованием генерала У. Э. Джонса в Пьемонте 5 июня и после ожесточенного боя разгромил его, убив Джонса и захватив около 1500 пленных. 6-го Хантер достиг Стонтон, а 8-го к нему присоединился Крук. Здесь они разрушили железные дороги, запасы Конфедерации, заводы и фабричные сооружения и 10-го вместе продвинулись к Лексингтону. Теперь им противостоял Маккосланд, под командованием которого была в основном кавалерия. Лексингтон был взят 11-го числа после некоторых боев, а вместе с ним и большое количество военных припасов. Часть канала Джеймс-Ривер и ряд обширных металлургических заводов были разрушены. 12-го числа Хантер сжег Военный институт Вирджинии и все здания, связанные с ним. Он также сжег резиденцию экс-губернатора Джона Летчера. Высказывались сомнения относительно того, может ли быть оправдан поджог Института или дома Летчера по правилам современной войны. Институт, однако, был подготовительной школой для офицеров Конфедерации, и его директор, полковник Смит, с 250 курсантами объединился с войсками Маккоуланда для защиты Лексингтона. Летчер выпустил жестокое и подстрекательское воззвание, подстрекающее население к восстанию и ведению партизанской войны против войск Союза. (6)

Хантер проследовал через Бьюкенен и Пики Оттер-роуд через Голубой хребет и 15-го прибыл в Либерти, в двадцати четырех милях от Линчберга. Здесь до него по каналам Конфедерации дошли слухи о катастрофах, постигших армии Гранта и Шермана, а также о боях Шеридана на

станции Тревилян. Хантеру также сообщили, что Брекинридж находится в Линчбурге со всеми силами повстанцев в Западной Вирджинии, и что корпус Юэлла численностью 20 000 человек прибывает ему на подкрепление. Несмотря на эти сообщения, 16-го числа Хантер начал наступление на Линчбург. Несколько его колонн встретили упорное сопротивление в этот и последующий день, но ночью, после энергичного сражения у Даймонд-Хилл, он разбил свои силы лагерем недалеко от города. 18-го Хантеру стало известно, что генерал-лейтенант Джубал А. Эрли с корпусом Юэлла из армии Ли находился в Линчберге. Объединенные команды Эрли и Брекинриджа намного превосходили силы Хантера численностью. Ситуация была критической для Хантера. Однако он стойко держался до наступления ночи, а затем отступил через Либерти и Буфорд-Гэп к Нью-Каслу и Суит-Спрингсу. Генерал У. М. А. Аверелл с кавалерией прикрывал тыл. Противник с большим опозданием добрался до Салема, где заблаговременно сосредоточил свою армию. Для своего уединения Хантер выбрал маршрут из Льюисбурга в Чарльстон по реке Канава, вместо того чтобы спускаться по долине Шенандоа или мимо Уорм-Спрингс и Южного ответвления Потомака. Преимущество последнего маршрута заключалось бы в том, что он вышел бы в Камберленде или Нью-Крике на железной дороге Балтимор-Огайо, гораздо ближе к его настоящей базе в Мартинсбурге или Харперс-Ферри. Его отступление по выбранному маршруту оставило Долину, железную дорогу Балтимор и Огайо, а также Балтимор и Вашингтон практически без защиты. Хантер прибыл в Чарльстон 30-го числа, пройдя маршем через Уайт-Сер-Спрингс, Льюисбург и Медоу-Блафф. 16-го числа он отправил свой обоз снабжения из 200 фургонов, 141 пленного и больных и раненых под командованием капитана Т. К. Макканна, командующего добровольцами, с приказом достичь Канавы в Чарльстоне. Поезд охраняли части 152-го и 161-го добровольцев из Огайо - бойцов "ста дней" под командованием полковника Дэвида Патнэма из бывшего полка. На реке Гринбрайер 22-го числа поезд подвергся нападению братьев Термонд и был вынужден вернуться в Уайт-Сер-Спрингс. Оттуда он проследовал через Хиллсборо в Беверли, куда прибыл 27-го.(7) Рейд Хантера, так блестяще начавшийся, на этом, к сожалению, закончился.

Эрли прибыл в Линчбург 17 июня и принял командование всеми находящимися там силами, включая те, что находились под командованием Брекинриджа. Эрли преследовал Хантера до гор, а затем, 23-го числа, быстро прошел маршем через Стонтон и вниз по долине Шенандоа с целью вторжения в Мэриленд, выполняя инструкции, данные ему Ли перед тем, как быть отделенным от основной армии последнего.(8)

Теперь Сигел удерживал Мэриленд-Хайтс. Поэтому рано утром 8 июля они пересекли Потомак выше по реке и достигли Фредерик-Сити, штат Мэриленд, утром 9-го.(9)

Команда Хантера была вынуждена спуститься по реке Канава на лодках, затем подняться по реке Огайо до Паркерсберга, а оттуда по железной дороге добраться до Камберленда и пойнтов на железной дороге Балтимор-Огайо. Хантер покинул Чарльстон только 3 июля, Паркерсбург - только 8-го, достиг Камберленда с какой-либо частью своей армии только 9-го. Тогда он был слишком далеко, чтобы быть доступным в попытке противостоять вторжению Эрли.(10)

Передвижения Эрли в долине вызвали громкие призывы к вводу войск, и Грант приказал дивизии Рикеттса (Шестой корпус) перебраться в Мэриленд. Дивизия покинула свой лагерь перед домом Уильямсов 6 июля и в тот же день отправилась в Сити-Пойнт в Балтимор. Утром 8-го он высадился в Локаст-Пойнт, недалеко от Балтимора, и на машинах направился в Монокаси-

Джанкшен, где в тот же день части двух бригад дивизии присоединились к генералу Лью Уоллесу, который в то время командовал департаментом.

До прибытия Рикеттса Уоллесу удалось собрать воедино под командованием генерала Э. Б. Тайлера только два полка Потомакской бригады "Хоум", 11-й Мэрилендский пехотный полк, два Огайских стодневных полка (144-й и 149-й), 8-й Иллинойский кавалерийский и отделение 159-го Огайского стодневногo полка, служившее в качестве конной пехоты, все новые или неопытные войска.(11) У него была только одна артиллерийская батарея. Поэтому Сигел, все еще находившийся на Мэрилендских высотах, был недоступен по сравнению с Эрли. Только Первая бригада численностью 1750 человек под командованием полковника Труакса и часть Второй бригады (138-я пенсильванская, 9-я Нью-Йоркская тяжелая артиллерийская, 110-я и 126-я Огайо) численностью 1600 человек под командованием полковника Макклелнана из ветеранских войск Рикеттса достигли поля боя. Тайлер занял позицию справа, прикрывая каменный мост, а Рикеттс - слева. Позиция, выбранная Уоллесом, была хороша стратегически, а также сильна для отражения фронтальной атаки превосходящих сил. Он находился за рекой Монокаси, прикрывая железнодорожный мост, шоссе общего пользования и еще один мост, а также имел в качестве путей отступления автострады на Балтимор и Вашингтон. Если бы позиция была удержана, можно было бы поддерживать связь с этими городами, а также с Сигелом на высотах. Целью Эрли было уничтожить Уоллеса или отмахнуться от него и двинуться на Вашингтон. Эрли выступил из Фредерика в 8 часов утра 9 июля и после демонстрации на фронте Уоллеса обошел войска Гордона вброд, чтобы обрушиться на левый фланг Рикеттса. Последний сменил фронт на левый, чтобы встретиться с Гордоном. Сражение началось всерьез в 10.30 утра. Превосходство противника в артиллерии дало ему большое преимущество, и большую часть дня войска Рикеттса удерживали свои позиции под прицельным огнем батарей Эрли. Фронт противника был настолько велик, что Рикеттсу, чтобы противостоять ему, пришлось выстроить все свое командование в одну линию. Первая и вторая линии Гордона были отбиты, а его третья и четвертая линии позже были приведены в действие на левом фланге Союза. Эрли ввел туда свои резервы, и все же войска Рикеттса были не сломлены и не дрогнули. Однако было очевидно, что неравное сражение должно привести к поражению, поэтому Уоллес приказал отступать на Балтимор пайк. Рикеттс начал отходить только в 4 часа дня, да и то в полном порядке. Войска Тайлера сражались хорошо и удерживали каменный мост до тех пор, пока Рикеттс не покинул поле боя. Эрли был настолько серьезно ранен, что не предпринял или не смог немедленно предпринять энергичное преследование. За исключением нескольких отрядов кавалерии, он остановил свою армию у каменного моста. Потери Союза составили 10 офицеров и 113 рядовых убитыми и 36 офицеров и 567 рядовых ранеными, всего 726 человек, не считая попавших в плен или пропавших без вести.(12) Полковник У. М. Х. Сьюард (9-я Нью-Йоркская воздушная армия) был легко ранен и сломал лодыжку в результате падения своей лошади, когда в нее стреляли.

Ветеранская Третья дивизия потеряла 656 человек убитыми и ранеными, а войска под командованием Тайлера - 70. Мой бывший помощник генерал-адъютанта, капитан У.М. А. Хэтуэй, был убит в этом бою. Общее количество убитых и раненых во Второй бригаде с 5 мая по 9 июля включительно составило 2033 человека, (13) более половины от числа потерь под командованием Скотта и Тейлора в Мексиканской войне.

Никаких сообщений о потерях Конфедерации обнаружено не было, но, учитывая сильную позицию Союза, характер атак Конфедерации и количество раненых (400), оставшихся в

госпиталях, оно, должно быть, в значительной степени превышало потери лояльной армии. Эрли говорит в своем отчете, написанном сразу после битвы, что его потери "составили от 600 до 700 человек".(14)

Утром 10-го Эрли двинулся через Роквилл в сторону Вашингтона и поздно вечером следующего дня оказался перед укреплениями на Седьмой улице Пайк. По пути он не встретил сопротивления. Уоллес с Рикеттсом отступили в сторону Балтимора. В столице царил великий смятение, и было вызвано добровольческое ополчение округа Колумбия.

Оборона, однако, была слабо укомплектована. Первая и Вторая дивизии Шестого корпуса высадились в Сити-Пойнте 10-го, а часть Второго достигла форта Стивенс 11-го, примерно в то же время, когда рано утром достигла своего фронта, и Первая дивизия с остатками Второго прибыла на следующее утро. Перед фортом произошла перестрелка, свидетелем которой стал президент Линкольн. Многие государственные служащие и граждане оказались в окопах. Эрли отступил через Потомак к Лисбургу, несколько поспешно, начав после наступления темноты 12-го. Он снова достиг Долины 15-го. Шестой корпус под командованием Райта начал преследование рано утром 13-го, но не догнал его. Дивизия Рикеттса присоединилась к своему корпусу 17-го. Часть команд Хантера и Крука также присоединились к Райту, который двинулся через Сникерс Гэп в долину у Берривилля. Райт попеременно отступал и продвигал свою армию вперед, пересекая Потомак снова и снова, до 5 августа, когда он был в Монокаси Джанкшен, штат Мэриленд.

В этой связи следует отметить, что Эрли отправил генерала Брэдли Джонсона с его кавалерийской бригадой перерезать Северную Центральную железную дорогу и железные дороги Балтимора и Огайо; ему это удалось, а также разрушить несколько мостов и два пассажирских поезда. Один мост на железной дороге между Вашингтоном и Балтимором был разрушен Джонсоном по пути в Пойнт-Лукаут, штат Мэриленд, для освобождения заключенных конфедератов. Одной из главных целей, которые преследовал Ли, отдавая приказ о начале операции в Мэриленде, было освобождение этих заключенных.(15) Когда Эрли ушел в отставку из Вашингтона, он вспомнил о Джонсоне.

Самым примечательным событием, связанным с только что описанной кампанией, было полное рассеяние многотысячных войск в Западной Вирджинии и Долине под командованием Хантера, Сигела, Крука, Аверелла и Б. Ф. Келли, так что ни один из них не участвовал в битве при Монокаси или обороне Вашингтона.

13 (16) июля Райту было поручено командовать всеми войсками, участвовавшими в преследовании Эрли, включая часть Девятнадцатого корпуса под командованием генерала У. Х. Эмори, только что прибывшего транспортом из армии Джеймса. Хантер по-прежнему оставался командующим департаментом Западной Вирджинии. Недавняя неудача Хантера привела к тому, что ему не доверяли для полевых работ, и был подыскан другой командир. 2 августа Грант приказал генералу Шеридану из Потомакской армии явиться к Халлеку в Вашингтон. В депеше Халлеку от 1 августа Грант сказал, что хочет, чтобы Шеридан был назначен командующим всеми войсками на местах. Когда это показали президенту Линкольну (3 августа), он нетерпеливо телеграфировал Гранту:(17)

- Я видел ваше донесение, в котором вы говорите: "Я хочу, чтобы Шеридан командовал всеми войсками на поле боя с инструкциями отойти к югу от врага и следовать за ним насмерть. Куда

бы ни пошел враг, пусть идут и наши войска. "Это, я думаю, совершенно правильно относительно того, как должны двигаться наши силы; но, пожалуйста, просмотрите депеши, которые вы, возможно, получали отсюда с тех пор, как вы отдали этот приказ, и выясните, если сможете, есть ли в голове кого-либо из присутствующих идея "поставить нашу армию южнее врага" или "следовать за ним насмерть" в любом направлении. Я повторяю вам, что это не будет ни сделано, ни предпринято, если вы не будете наблюдать за этим каждый день и час и принуждать к этому".

Шеридан достиг Харперс-Ферри 7 августа и принял командование недавно сформированной Средней военной дивизией, включающей Средний департамент и департаменты Вашингтон, Саскуэханна и Западная Вирджиния. (18) Первая кавалерийская дивизия под командованием генерала Альфреда Т. А. Торберта достигла Шеридана из-под Питерсберга 9 августа. Шеридан двинулся в путь 10-го и достиг Сидар-Крик в двенадцати милях к югу от Винчестера на Страсбург-пайк 12-го, столкнувшись с некоторым сопротивлением в Опековон-Крик, Винчестере и Ньютауне. Эрли был усилен дивизией Кершоу из корпуса Лонгстрита и другими подразделениями армии Ли. Противник предпринял маневр на флангах Шеридана, и к 22 августа армия Союза отошла к Холлтауну и Харперс-Ферри.

Пока что предсказания Линкольна сбывались. Но вскоре должны были произойти великие события.

(1) *Воспоминания Гранта*, том ii., стр. 151.

(2) *Военные отчеты*, том II. xxxvi., Часть II., стр. 273, 291. *Книга Батлера*, стр. 677.

(3) *Там же.*, том xl., стр. 168.

(4) *Военные отчеты*, том xl., часть II., стр. 169.

(5) Памятный "Взрыв мины" под непосредственным руководством Бернсайдса произошел 30 июля 1864 года.

(6) *Военные отчеты*, том II. xxxvii, Часть I., стр. 97.

(7) *Военные отчеты*, том ii. xxxvii., Часть I., стр. 99, 101, 618-19, 683.

(8) *Там же.*, 346, 347.

(9) *Там же.*, 302.

(10) *Военные отчеты*, том. xxxvii. Часть I., стр. 102.

(11) *Там же.*, 200.

(12) *Военные отчеты*, том ii. xxxvii, Часть I., стр. 201-2.

(13) *Там же.*, стр. 206-7.

(14) *Военные отчеты*, т. xxxvii., Часть I., стр. 348-9.

(15) *Военные отчеты*, том ii. xxxvii., Часть I., стр. 349, 767, 769.

(16) *Там же.*, часть II., стр. 261, 284.

(17) Там же., часть I., стр. 582.

(18) Военные отчеты, том ii. xliii., Часть I., стр. 709, 719, 721.

ГЛАВА VIII Личное упоминание генералов Шеридана, Райта и Рикеттса, а также миссис Рикеттс — также генералов Крука и Хейса — Битва при Опекине под командованием Шеридана, сентябрь 1864 г., и инциденты

Я настолько оправился от раны, полученной в Дикой местности, что смог добраться до Балтимора 25 августа по пути в армию, хотя моя рука все еще была в шинах и на перевязи. В ответ на телеграмму Военное министерство приказало мне явиться к генералу Шеридану. Я прибыл в Харперс-Ферри на следующий день. Когда я доложил Шеридану, он свирепо посмотрел на меня и заметил: "Мне нужны бойцы, а не калеки. Что я могу с вами сделать?" Я попросил его направить меня к генералу Райту для назначения в мою старую бригаду. Казалось, он колебался. Я сообщил ему о своем знакомстве с долиной Шенандоа и сказал, что, по-моему, способен выполнять свои обязанности. Он неохотно отдал желаемый приказ.

Шеридан тогда не произвел на меня благоприятного впечатления. Он казался беспокойным, нервным и раздражительным. Теперь я думаю, что несколько недооценивал его. Ему было тридцать три года, (1) он был в полном расцвете мужественной силы. Он прославился как солдат как в пехоте, так и в кавалерии, хотя высшей славы ему еще предстояло достичь. Он был невысокого роста, особенно широк в плечах, с ногами, довольно короткими даже для его роста. У него была довольно большая голова, выступающий нос, полные глаза; у него было волевое лицо, и он отличался веселым, общительным нравом, а не замкнутым и молчаливым. В нем преобладали ирландские черты, и в свободное от службы время он был склонен к разгулу, свободе и непринужденности. Подчиненным было нетрудно приблизиться к нему, но он не всегда был разборчив в языке, на котором обращался к ним. Он не производил впечатления обдуманного мыслителя или рассуждательницы, и часто создавалось впечатление, что его решения или мнения были спонтанными, а не результатом размышлений. В тишине лагеря он, казалось, был менее способен комбинировать или планировать крупные действия, чем в чрезвычайных ситуациях на местах. В битве он часто проявлял возбуждение, свойственное его порывистой натуре, но никогда не терял головы и не проявлял никакого расположения, кроме как давить на врага. Вот некоторые мнения, сформировавшиеся после того, как я увидел его в нескольких великих сражениях и знал его лично на протяжении всех последних лет его жизни. Остается сказать, что он был честным человеком и преданно относился к своим друзьям. Его слава солдата высокого класса сохранится надолго.

Генералы Райт и Рикеттс тепло приняли меня и, как всегда, проявили предельную доброту.

Горацио Г. Райт был опытным и образованным солдатом инженерного класса. Он, как и великий Томас, обладал самым приятным характером. Во время войны он занимал много важных должностей, ни в одной из них не потерпел неудачи и все же безропотно перенес назначение из отдела в подразделение войск. Однажды, как мы увидим, ему не повезло, и слава его начальника сияла так ярко, что затмила заслуженную славу подчиненного. Но я не должен предвосхищать. Райт был особенно приспособлен для командования пехотой — корпусом или более в бою. Его общение со своими офицерами было добрым и уверенным при любых обстоятельствах. Его характеристики как солдата были непритязательными, крепкими,

основательными — он никогда не увлекался пиротехникой. Он был скромнен и не особенно амбициозен. Короче говоря, он был великим солдатом.

Джеймс Б. Рикеттс также был высокообразованным солдатом, и когда я встретил его в Долине, он участвовал во многих сражениях. Он был человеком большой скромности, спокойного поведения и самых великодушных порывов. Он никогда ни о ком не отзывался недоброжелательно и всегда был справедлив к вышестоящим подчиненным. Он был ранен при Булл-Ране (1861), схвачен и на много месяцев заключен в тюрьму в Ричмонде. Его героическая жена Фанни Рикеттс, узнав о его ранении, присоединилась к нему на поле боя и разделила с ним шестимесячное пребывание в плену, чтобы ухаживать за ним. (2) Читатель должен простить особое упоминание Райта, Рикеттса и его жены, поскольку они были моими лучшими друзьями не только во время войны, но и после нее. миссис Рикеттс часто бывала в лагере со своим мужем и, хотя была в высшей степени утонченной леди, по характеру, образованию и духу была вполне способна командовать армейским корпусом. Она обладала большими управленческими способностями.

Осмелюсь упомянуть также двух других офицеров, с которыми я познакомился в Долине в 1864 году и которые впоследствии стали моими друзьями.

Джордж Крук был идеальным солдатом. Он родился недалеко от Дейтона, штат Огайо, 8 сентября 1828 года и окончил Вест-Пойнт. Он был среднего роста, обладал мягким, но героическим духом и заслуженно прославился в войне за восстание, а впоследствии и в войнах с индейцами. Он скоропостижно скончался в Чикаго 21 марта 1890 года. Его тело похоронено в Арлингтоне среди его павших боевых товарищей. Он не оставил детей. Его слава как патриота и солдата принадлежит истории.

Резерфорд Б. Хейс, командир бригады в начале кампании Шериданс-Вэлли, родился в Делавэре, штат Огайо, 4 октября 1822 года. Он не получил военного образования. Он был мужчиной среднего роста, крепкого телосложения, с песочного цвета волосами, сангвиническим темпераментом, всегда обладал самообладанием и мягкостью в общении с другими. Он был самым умелым офицером и обладал способностью вдохновлять своих людей на героические поступки. Он был дважды ранен и вышел в отставку в конце войны, отличившись как солдат-доброволец. Впоследствии он проработал один срок в Конгрессе, три срока в качестве губернатора штата Огайо и был президентом Соединенных Штатов с 1877 по 1881 год.

Я принял командование своей старой бригадой 26 августа недалеко от Холлтауна. Ее ряды были сильно поредевшими, но все же в ней насчитывалось около 2000 боеспособных людей, включая новобранцев. Затем он состоял из 6-го Мэрилендского, 110-го, 122-го и 126-го Огайских, 67-го и 138-го пенсильванских и 9-го Нью-Йоркского тяжелых артиллерийских полков, выполнявших функции пехоты. Я застал все еще при нем командующих полками полковников Джона У. Хорна и У. М. Х. Болла, подполковников Ото Х. Бинкли и Аарон У. Эбрайт, каждый из которых благополучно прошел через недавние кровавые кампании.

Кавалерия Шеридана ежедневно проводила разведку и часто вступала в бой с противником на подступах к Чарльзтауну. 29-го была произведена кавалерийская разведка, в результате которой кавалерия Фитца Ли при поддержке пехоты атаковала близ Смитфилда. Пришло сообщение, что наша кавалерия под командованием генерала Уэсли Мерритта отброшена

назад, и Рикеттсу было приказано отправиться ей на помощь. Поскольку я был знаком с дорогами и местностью, он послал меня вперед с моей бригадой и несколькими приданными войсками. Мы встретили нашу кавалерию примерно в двух милях от Смитфилда, отступавшую в несколько разбитом состоянии. Я развернул свое командование слева от него и отбросил противника к хребту примерно в миле к северу от этого места. Здесь он занял оборону, продемонстрировав значительную силу. Я решил атаковать немедленно. Готовясь к наступлению, я обнаружил, что, по-видимому, значительный отряд кавалерии готовится к атаке на моем левом фланге. Моя линия была единственной, и я был без поддержки в этом направлении. В этот момент на холме позади меня появилось небольшое количество конных офицеров и рядовых. Я предположил, что это кавалерийский отряд, посланный вперед для участия в сражении. Я поехал сообщить командующему офицеру о грозящей опасности. Я застал там Шеридана, его штаб и сопровождающих, а также Мерритта и некоторых его сотрудников. Шеридан выехал вперед, чтобы оценить ситуацию. Он, казалось, удивился, увидев меня, и резко спросил: "Что *ты* здесь делаешь?" Тогда не было времени для переговоров, так как мое командование уже начало наступление. Я рассказал ему об опасности, указал на вражескую кавалерию слева от нас и попросил выделить силы, чтобы встретить ее. Он ответил, что у него нет сил под рукой. Я предположил, что сопровождающая его кавалерия, если ее немедленно перебросить далеко влево на угрожающую позицию, достигнет цели. Он ответил: "... Это мой эскорт". Я ответил, что это было крайне необходимо и могло бы предотвратить катастрофу. С несколько удивленным выражением на лице он приказал двигать машину, как я указал.(3)

Примерно во время этого инцидента было замечено облачко дыма от винтовки, выпущенной по высотам, удерживаемым противником примерно в миле от нас. Почти сразу же послышался знакомый *глухой удар*, и все оглянулись, чтобы посмотреть, кто из собравшихся офицеров был ранен. Майор (хирург) У. Х. Рулисон (9-я Нью-Йоркская кавалерийская дивизия), занимавший должность медицинского директора кавалерии, был убит выстрелом.(4)

Враг был отброшен с хребта, и вскоре мы овладели Смитфилдом.(5) Кавалерия Мерритта заняла пост у моста, а пехота была отведена в лагерь близ Чарльзтауна.

Шеридан бросил всю свою армию вперед 3 сентября, пехота растянулась от фермы Клифтон справа до Берривилля слева. В этот день произошел короткий, но ожесточенный бой между кавалерией Аверелла и Маккосланда у Банкер-Хилл, в котором последняя потерпела поражение с потерей пленных, фургонов и припасов, а также между командованием Крука и дивизией Кершоу. Последний, по-видимому, с наступлением темноты неожиданно прибежал в Крук, недалеко от Берривилля, и был сурово наказан. Кершоу служил в корпусе Лонгстрита, а затем получил приказ вернуться к армии Ли в Питерсберге. До 19-го числа не происходило никакого другого события большей важности, чем разведка.

Армия Шеридана тогда состояла из Шестого корпуса под командованием Райта — трех дивизий, которыми командовали соответственно генералы Дэвид А. Рассел, Джордж У. Гетти и Джеймс Б. Рикеттс, и артиллерийской бригады из шести батарей; девятнадцатого корпуса под командованием Эмори — двух дивизий и четырех батарей; Восьмого корпуса (армия Западной Вирджинии) под командованием Крука — двух дивизий и артиллерийской бригады из трех батарей. Помимо упомянутых войск, там были три кавалерийские дивизии и восемь батарей легкой или конной артиллерии под командованием генерала Альфреда А. Т. Торберта.

Кавалерийскими дивизиями командовали, соответственно, генералы Уэсли Мерритт, У. М. У. Аверелл и Джеймс Х. Уилсон.(6) Хотя под командованием Шеридана находилось около 50 000 человек, находившихся на службе, они были настолько разбросаны, охраняя железные дороги и различные позиции, что он не смог ввести в бой более 25 000 человек всех родов войск.(7) Эрли располагал в районе Долины корпусом Юэлла, командованием Брекинриджа и, по крайней мере, одной дивизией корпуса Лонгстрита, кавалерийскими дивизиями Фитца Ли и Маккосланда и другими кавалерийскими формированиями, и вполне вероятно, что он не смог ввести в бой более 25 000 боеспособных людей. Эти оценки будут оставаться в силе в течение сентября и октября, хотя в каждой армии произошли некоторые дополнения и изменения. Грант встретился с Шериданом 16-го в Чарльзтауне, чтобы разработать план раннего наступления последнего. Шеридан достал из кармана табличку с указанием расположения противоборствующих армий, дорог, ручьев и т.д. И подробно изложил Гранту свой собственный план сражения, сказав, что может начать пораньше. Грант одобрил план и даже не выставил свой, заранее подготовленный. Эта встреча была в пятницу. Шеридан должен был переехать в следующий понедельник.(8)

Шеридан отдает должное мисс Ребекке М. Райт из Винчестера за то, что она прислала ему информацию с посыльным о том, что дивизия Кершоу и артиллерия Катшоу под командованием генерала Андерсона начали присоединяться к генералу Ли.(9)

Противник стоял лагерем примерно в пяти милях к северу от Винчестера, на складе Стивенсона, его кавалерия продвигалась на восток до пересечения реки Опекон у Берривилль-пайк. Наши лагеря располагались, как правило, примерно в шести милях к северу от ручья Опековн. План Шеридана, представленный Гранту, состоял в том, чтобы обойти армию Эрли, пройти восточнее Винчестера и нанести удар по долине пайк у Ньютауна, в семи милях к югу от Винчестера, и там, находясь в тылу Эрли, вынудить его дать сражение.(10) Эрли 18-го перебросил две дивизии в Мартинсбург, что заставило Шеридана внезапно изменить свой план и принять решение атаковать оставшиеся дивизии на складе Стивенсона. Эрли, однако, не стал задерживаться в Мартинсберге, но, узнав там о визите Гранта к Шеридану и опасаясь каких-либо агрессивных действий, вернулся той же ночью, оставив дивизию Гордона на Банкерс-Хилл с приказом выступить на рассвете следующего утра на Склад. Гордон добрался до Склада примерно в то время, когда началось сражение.(11)

Окончательный план Шеридана относительно ожидаемого сражения был изложен в приказах, изданных 18-го числа. Кавалерия Уилсона и корпус Райта должны были форсировать ручей Опековн на Берривилль-пайк. Эмори должен был доложить Райту и следовать за ним. Как только будет достигнута открытая местность к югу от Опековна, Райт должен был поставить оба корпуса в боевую линию напротив склада Стивенсона. Приказ Крукса состоял в том, чтобы отойти к той же переправе через Опекон и оставаться там в качестве резерва. Кавалерийские дивизии Мерритта и Аверелла под командованием Торберта должны были двигаться вправо в направлении Банкер-Хилл.(12)

Армия выступила в 2 часа ночи 19-го числа, как было приказано. Кавалерии Уилсона удалось форсировать ручей и оттеснить кавалерию противника через глубокое ущелье примерно на две мили в сторону Винчестера. Райт последовал за ним, дивизия Гетти возглавляла, Рикеттс и Рассел следовали за ним. Когда дефиле было пройдено, Гетти занял позицию слева от пайка, Рикеттс - справа, оба в две линии, а дивизия Рассела осталась в резерве. Моя бригада

находилась справа от корпуса, сформированного для боя. Единственная батарея была выдвинута на позицию справа. Девятнадцатому корпусу было приказано сформироваться справа от Шестого и соединиться с ним. До этого времени серьезных боев не было. Эрли был вынужден отвести основную часть своей армии вправо, чтобы прикрыть Берривилль и Винчестер пайк. С нашей стороны произошла большая задержка с переброской артиллерии и Девятнадцатого корпуса, в течение всего этого времени мы подвергались непрерывному огню орудий противника. Девятнадцатый не установил тесного соединения справа от Шестого. Только в 11.40 был отдан приказ об общей атаке. Дивизия Рикеттса должна была удерживать свой левый фланг на пайке. Как только началось наступление, Шестой корпус подвергся сильному артиллерийскому обстрелу вражеских батарей, но доблестно продвинулся вперед примерно на одну милю, вытесняя или захватывая все перед собой. Генерал Рикеттс в своем отчете от 27 сентября описал то, что произошло:

"Девятнадцатый корпус не двигался и не поддерживал связь справа от меня, а застава, на которой переодевалась дивизия, проходила слева, создавая большой промежуток между Шестым и Девятнадцатым корпусами. По мере продвижения линий фронта интервал увеличивался. Противник, обнаружив этот факт, бросил большой отряд людей к промежутку и угрожал охватить мой правый фланг. Полковник Кейфер немедленно приказал 138-му и 67-му пенсильванским и 110-му Огайскому полкам разорвать связь с правым флангом остальной части его бригады и двинуться навстречу наступающим колоннам противника. Эти три полка самым доблестным образом встретили превосходящие силы противника и сдерживали их. Как только Девятнадцатый корпус вступил в бой с противником, силы на моем фронте начали медленно отступать. Названные три полка продвигались вперед до тех пор, пока не наткнулись на две батареи (восемь орудий), заставив их замолчать и вынудив противника оставить их. Три полка подошли менее чем на двести ярдов к двум батареям, когда Девятнадцатый корпус после самого доблестного сопротивления сдался. Эти орудия были бы захвачены нашими войсками, если бы наши фланги были должным образом защищены. Враг сразу же большими силами атаковал мой правый фланг; успешное сопротивление было больше невозможно; нашим людям был отдан приказ отступить на нашу вторую линию, но враг, наступавший в то время в полную силу, временно привел нас в замешательство".

Отражение атаки Девятнадцатого и, следовательно, трех моих полков привело к тому, что корпус Брекинриджа оказался полностью на нашем правом фланге, угрожая армии катастрофой. Райт незамедлительно ввел дивизию Рассела, до тех пор находившуюся в резерве, и продвижение врага было остановлено. Здесь храбрый Дэвид А. Рассел расстался с жизнью. В моем отчете, написанном 27 сентября 1864 года, в общих чертах описывалась дальнейшая роль, предпринятая моей бригадой:

"Разбитые войска моей бригады были остановлены и переформированы в лесу позади войск из резерва, которые выдвинулись вперед, чтобы заполнить промежуток. Как только они переформировались, их снова двинули вперед по той же местности, по которой они прошли в первый раз. Продвигая эту часть моей бригады вперед, я получил приказ от бригадного генерала Рикеттса, командующего дивизией, снова объединить мою бригаду недалеко от центра корпуса и справа от шоссе, возле дома. Этот приказ был выполнен немедленно, и вся моя бригада была выстроена в одну линию, немедленно оказавшись лицом к лицу с врагом. Четыре полка моей бригады, находившиеся слева, поддерживали связь с Первой бригадой

Третьей дивизии и отчаянно сражались, в основном вытесняя противника. Они также захватили значительное количество пленных во время своего первого наступления.

"Интенсивный огонь продолжался по всей линии примерно до 4 часов дня, когда началось общее наступление. Противник отступил перед стремительностью наших войск и вскоре был полностью разбит. Эта бригада продвигалась вперед с передовой линией к улицам Винчестера и вглубь них. Разгром врага повсюду был полным. Наступила ночь, и преследование было прекращено. Войска моей бригады расположились лагерем вместе с корпусом на дорогах Страсбург и Фронт-Ройял, к югу от Винчестера".

В планы Шеридана входило, в случае полного успеха атаки Райта, быстро оттеснить Крука от Винчестера и захватить Страсбург-пайк, и таким образом отрезать Эрли отступление; но отпор Девятнадцатого корпуса заставил переместить Крука вправо от нас. Это вызвало некоторую задержку, в течение которой Шестому корпусу пришлось принять на себя основную тяжесть сражения. Генерал Хейс в своем отчете от 13 октября 1864 года описал роль, которую сыграла дивизия под командованием Крука:

"Имею честь сообщить, что в битве при Опекине 19 сентября 1864 года Второй пехотной дивизией армии Западной Вирджинии командовал полковник Исаак Х. Дюваль до позднего вечера того дня, когда он был выведен из строя тяжелым ранением, и командование дивизией перешло ко мне. Полковник Дюваль не покидал поле боя до тех пор, пока не было совершено поражение противника и не закончились серьезные бои. Дивизия не принимала участия в боевых действиях до полудня, но оставалась в резерве у моста Опекон, на Берривилле и Винчестер-пайк. Бои других частей армии были жестокими, нерешительными. Вскоре после полудня, когда мы приблизились к полю боя, появились некоторые признаки того, что силы, сражавшиеся утром, были превосходящими. Около 13:00 эта дивизия была сформирована на крайнем правом фланге пехотной линии нашей армии, Первая бригада под моим командованием шла впереди, а Вторая бригада под командованием полковника Д. Д. Джонсона - примерно в шестидесяти ярдах сзади, образуя линию поддержки; правый фланг Второй бригады, однако, был вытянут примерно на сто ярдов правее, чем у Первой бригады. Дивизию развернули на некоторое расстояние вправо, чтобы нанести удар по линии повстанцев на левом фланге. Левый фланг повстанцев был защищен полевыми укреплениями и батареей на южной стороне ручья Ред-Бад. В некоторых местах этот ручей можно было легко пересечь, но в других он представлял собой глубокую болотистую лужу шириной от двадцати до тридцати ярдов и был почти непроходим. Ручей не был виден ни с одной части нашей линии, когда мы начали продвигаться вперед, и, вероятно, никто не знал о нем, пока мы не достигли его берегов. Дивизия продвигалась вперед одновременно с Первой дивизией полковника Тоберна, находившейся слева от нас, в хорошем порядке и без особого сопротивления, пока неожиданно не наткнулась на ручей Ред-Бад. Этот ручей, неровная земля и густые заросли на его берегах находились в пределах досягаемости картечи, картечниц и мушкетного огня со стороны линии фронта повстанцев. По нам был открыт очень разрушительный огонь, в разгар которого наши люди бросились в ручей и переправились через него. Из-за трудностей при переправе тыловые и передние линии, а также различные полки одной линии смешались вместе и достигли мятежного берега ручья с разбитыми порядками и организациями; но все, казалось, были воодушевлены правильным духом и самым решительным образом атаковали повстанческие силы скопом. В этой атаке мы понесли тяжелые потери, но успех был быстрым и полным. Мятежники, оставшиеся на нашем фронте, были обращены в бегство и разбиты, а одно или

несколько артиллерийских орудий захвачены. После этого не предпринималось никаких попыток сформировать линии или полки. Офицеры и солдаты шли вперед, оттесняя повстанцев с одной позиции на другую, пока побежденный враг не был обращен в бегство и прогнан через Винчестер".

Около 5 часов вечера Шеридан проскакал галопом вдоль передовой линии Шестого корпуса со шляпой и шпагой в руках и заверил солдат в более выразительных, чем изящных выражениях, о победе в последней атаке, и примерно в то же время приказал Уилсону со своей кавалерией продвинуться слева и занять долину пайк к югу от Винчестера. Торберту с кавалерией Мерритта и Аверелла было приказано пронестись вдоль Мартинсбургской пики справа от Крука, чтобы нанести удар слева от Эрли. Противник был отброшен на открытые равнины к северо-востоку от Винчестера и изо всех сил пытался удержать свой левый фланг у подножия холмов Эппл-Пай-Ридж и прикрыть Мартинсбургский выступ.

Большая часть кавалерии противника и большая часть его артиллерии находились слева от него. Гетти (Шестой корпус), который с самого начала удерживал левый фланг нашей пехоты, неуклонно продвигался вперед, удерживая завоеванные позиции. Девятнадцатый полк практически не участвовал в сражении после его отражения. Кавалерия сыграла заметную роль в битве. Последняя битва произошла рано утром в одной миле от Винчестера. Около 5 часов вечера корпуса Райта и Крука, хотя и стоявшие тогда в одной линии, стремительно бросились вперед, в то время как кавалерийские дивизии Мерритта и Аверелла под командованием Торберта, несколько сбитые в кучу, опрокинули кавалерию конфедерации и безжалостно пронеслись вдоль Мартинсбургского выступа и подножия обрывистого хребта. Артиллерия противника была опрокинута или вынуждена бежать с поля боя. Торберт достиг левого фланга пехоты конфедерации в тот момент, когда наступающие войска Райта и Крука оказывали на нее сильное давление. Наша кавалерия, построившись в глубокую колонну, с саблями наголо, атаковала левый фланг конфедерации, и битва была выиграна. Эта атака была самой волнующей и живописной в войне. Солнце садилось, но его можно было разглядеть сквозь церковные шпили города. Его лучи, сверкающие на обнаженных саблях тысячеконных воинов, создавали картину настоящей войны, свидетелем которой редко кто был. В этой атаке, помимо упомянутых командиров дивизий, участвовали генералы Кастер и Девин, а также полковники Лоуэлл, Шунмейкер и Кейпхарт, командующие бригадами, все особо отличившиеся как кавалеристы. Бои продолжались на улицах Винчестера и за его пределами. Преследование было остановлено наступлением ночи и усталостью солдат, многие из которых были без еды и отдыха около восемнадцати часов. Значение этой победы было велико, но особенно отрадно это было для старых солдат под моим командованием, которые сражались при Винчестере под командованием Милроя. Ночное сражение у склада Стивенсона за пятнадцать месяцев до этого — в июне 1863 года — происходило в пределах поля Опековон. Корпус Юэлла выбил Милроя из Винчестера, но теперь, в свою очередь, под командованием другого командира, он столь же стремительно отступал от наших войск. Обреченный на войну город Винчестер больше никогда не увидел армию Конфедерации. Кавалерийская дивизия Уилсона сослужила хорошую службу на левом фланге Союза, часто яростно атакуя правый фланг Конфедерации. Ближе к вечеру он прорвался мимо Винчестера на восток, столкнулся с кавалерией Брэдли Джонсона и рассеял ее. Уилсон, однако, был слишком слаб, чтобы отрезать Эрли путь к отступлению, но он продолжал преследование до 10 часов вечера

Это было мое первое серьезное сражение после тяжелого ранения, и искренность заставляет меня сказать, что я не думаю, что одно или несколько ранений способствуют развитию храбрости или укрепляют нервы для будущих сражений. Однако общепринятый опыт показывает, что, когда солдат однажды оказывается втянутым в конфликт, его нервы, если до этого они были затронуты, становятся устойчивыми, и опасность забывается.

Моя лошадь была подстрелена, когда я возглавлял три полка справа от корпуса; позже я получил сильный ушиб левого бедра осколком разорвавшегося снаряда, а вторая лошадь была ранена осколком снаряда, который разорвался под ней, когда я пытался захватить батарею, расположенную на холме в южном конце главной улицы Винчестера.

Я снова цитирую свой отчет:

"Моя бригада потеряла в битве при Опеционе нескольких доблестных и превосходных офицеров. Подполковник А. В. Эбрайт, командовавший 126-м Огайо, был мгновенно убит в начале боя. Он был неизменно храбр и искусен. Он участвовал во многих сражениях Шестого корпуса во время кампании прошлого лета. Капитан Томас Дж. Хайатт и лейтенант Руфус Риксекер, 126-й Огайо, и лейтенант У. М. Х. Бернс, 6-й Мэриленд, также пали в этом бою. Каждый отличался храбростью на этом и других полях сражений. Полковник Джон У. Хорн, 6-й мэрилендский полк, которого никто не отличал выдающейся храбростью, был тяжело, если не смертельно, ранен.(13) Полковник Уильям Х. Болл, 122-я дивизия Огайо, получил осколочное ранение, но не покинул поле боя. Он сохранил свою обычную репутацию хладнокровного бойца, отличного рассудка и мастерства. Капитан Джон С. Стаки, 138-й пенсильванский полк, потерял ногу. Майор Ч. М. Корнин, 122-й полк Огайо; капитан Фейт и Уолтер, 138-й полк Пенсильвании; капитан Уильямс, лейтенанты Паттерсон, Уэллс и Крукс, 126-й полк Огайо; капитаны Хокинс, Раузер и лейтенант Смит, 6-й Мэриленд; лейтенанты Фиш и Кэлвин, 9-й тяжелый артиллерийский полк Нью-Йорка; капитаны Ван Итон и Тримбл и лейтенанты Дитер и Саймс, 110-й полк Огайо, среди многих офицеров, получивших более или менее тяжелые ранения. (Лейтенант Дитер, 110-й полк Огайо, с тех пор скончался.)

"Капитан Дж. П. Дадроу, 122-я Огайо, и лейтенант Р. У. Уайли, 110-я Огайо, были легко ранены, когда исполняли обязанности адъютанта в моем штабе".

У полковника Эбрайта было предчувствие своей смерти. За несколько минут до 12 часов ночи он разыскал меня и хладнокровно сказал, что будет убит до окончания сражения. Он настоял на том, чтобы сообщить мне, что хочет, чтобы его останки и вещи были отправлены в этот дом в Ланкастере, штат Огайо, и меня попросили написать его жене о какой-то собственности на Западе, о которой, как он опасался, она не знала. Он был нетерпелив, когда я попытался выбросить мысль о неминуемой смерти из его головы. Несколько мгновений спустя пришло время для нового наступления, и беседа с полковником Эбрайтом закончилась. Менее чем через десять минут, когда он ехал рядом со мной, он упал замертво со своей лошади, пронзенный в грудь винтовочной пулей. Его предчувствие смерти не было вызвано страхом. Он прошел через бойню в Дикой местности и в Колд-Харборе; сражался со своим полком в глухом углу Спотсильвании и возглавлял его в Монокаси. Излишне говорить, что я выполнил его просьбу.

Подобные инциденты не были редкостью.

Битва была кровопролитной.

Убитыми и ранеными из Профсоюза были:(14)

Убито. Ранено. Совокупно.

Офицеры. Офицеры.

| Мужчины. | Мен.

Шестой армейский корпус (Райт) 18 193 111 1331 1653

Девятнадцатый армейский корпус (Эмори) 22 292 104 1450 1868

Армия Западной Вирджинии 6 98 34 649787

Кавалерия 7 61 29 275 372

Итого 53 644 278 3705 4680

Потери в моей бригаде составили 4 офицера и 46 рядовых убитыми, 24 офицера и 261 рядовой ранеными; всего 335 человек. (15) Это было немногим меньше общих потерь в трех кавалерийских дивизиях.

Насколько я могу судить, полного списка потерь Конфедерации нет. Эрли сообщил о своих убитых и раненых в этом сражении в 2141 году и пропавших без вести в 1818 году, всего 3959. (16) Несомненно, многие из пропавших без вести были убиты или ранены. Генерал Р. Э. Роудс был убит во время атаки со своей дивизией.(16) Генерал Годвин и полковник Паттон также были убиты; генералы Фицхью Ли и Йорк были тяжело ранены.

Эта битва вдохновила страну. Линкольн, Стэнтон и Грант телеграфировали друг другу поздравления и благодарность.(17)

Теперь Шеридан был назначен бригадным генералом регулярной армии и назначен постоянным командующим Средним военным округом.

Вскоре Долина еще больше наполнилась кровью, и факел войны вскоре поглотил ее.

(1) Шеридан родился 6 марта 1831 года и умер 5 августа 1888 года.

(2) Миссис Рикеттс приехала из Вашингтона в Булл-Ран в своем собственном экипаже и умоляла генерала Дж. Э. Джонстона освободить ее мужа под честное слово и позволить ей отвезти его домой в Вашингтон. В этом было отказано, и ее карета была конфискована. Спустя годы, когда Джонстоны находились в Вашингтоне, занимая высокие политические посты, она отказалась признавать их.

(3) Члены его штаба сообщили, что Шеридан сказал, что просьба о его личном телохранителе была дерзкой, но не могла быть отклонена.

(4) *Военные отчеты*, том II. xliii., Часть I., 145.

(5) *Там же.*, 45.

(6) *Военные отчеты*, том II. xliii., Часть I., стр. 107-112.

(7) *Там же.*, стр. 61.

(8) *Мемуары* Гранта, том ii., стр. 328.

(9) *Мемуары* Шеридана, том ii., стр. 4-7.

(10) *Военные отчеты*, том ii. xliii., Часть I., стр. 46.

(11) *Там же.*, стр. 555.

(12) *Там же.*, часть II., стр. 102-3.

(13) Полковник Хорн пережил войну и умер близ Митчеллвилля, штат Мэриленд, 4 октября 1897 года.

(14) *Военные отчеты*, т. xliii., Часть I., 118.

(15) *Там же.*, стр. 113.

(16) *Там же.*, стр. 555.

(17) *Там же.*, стр. 61-2.

ГЛАВА IX Битва при Фишерс—Хилл —Преследование Раннего опустошения долины Шенандоа (1864)—Кавалерийское сражение у ручья Тома и второстепенные события

Мы оставили победоносную армию Шеридана к югу от Винчестера, в пяти милях от поля битвы. У него была только такая возможность отдохнуть, какую можно получить ночью, следующей за долгим дневным сражением. Некоторые офицеры и солдаты вернулись на место конфликта во мраке ночи, чтобы оказать помощь раненым и найти и опознать тела погибших друзей. Однако забота о раненых входила в обязанности хирургов, санитаров госпиталя, бригады скорой помощи и носильщиков носилок; а погибших в обеих армиях можно было похоронить позже. Тела некоторых погибших солдат успешной армии всегда отправляются домой для погребения. Капелланы часто играют важную роль в последнем. Теперь нужно было подвозить и распределять пайки, фураж и боеприпасы. Независимо от того, насколько хорошо снабжены солдаты, они обычно выходят из большого сражения ни с чем.

Армия Эрли расположилась бивуаком в Ньютауне и в 3 часа ночи 20 сентября продолжила отступление к Фишерс-Хилл, примерно в двух милях к югу от Страсбурга. Эрли разместил свою армию на сильной оборонительной позиции на этом холме, который представляет собой крутой утес с обрывистым скалистым утесом, сразу к югу от Тумблинг-Ран. Справа от него протекала река Шенандоа, а слева простиралась узкая долина Сидар-Крик у подножия горы Литтл-Норт. Эта естественно сильная позиция была хорошо укреплена и неприступна для фронтальной атаки.

Армия Шеридана двинулась в погоню на рассвете 20-го, Эмори шел впереди. Вечером того же дня Райт и Эмори заняли высоты вокруг Страсбурга, а корпус Крука был переброшен справа и в тыл к ним, к северу от Сидар-Крик, где он был укрыт в густом лесу. Шеридан решил использовать Крука, чтобы повернуть противника влево, если это возможно. Девятнадцатый и Шестой корпуса в ночь на 20-е заняли позиции в указанном порядке, слева направо, перед Фишерс-Хилл. Это не было достигнуто без нескольких ожесточенных столкновений, вызванных вытеснением противника с сильно укрепленных высот, которые он удерживал перед своей основной линией фронта. Часть моей бригады занималась этими предварительными

перемещениями всю ночь.(1) Третья дивизия — дивизия Рикеттса — снова находилась справа от Шестого корпуса и армии, сформированной 21-го числа. Ближе к концу дня офицер штаба генерала Рикеттса сообщил мне, что мое командование должно находиться в резерве за правым флангом и что я вряд ли буду участвовать в предстоящем сражении, если план командующего будет выполнен. Мне было приказано отвести мои полки в как можно более удобное место для отдыха, и поэтому я выбрал хорошее место для бивуака и был занят тем, что объезжал войска и рассказывал офицерам о перспективе освобождения от тяжелой работы на следующий день, когда непосредственно на моем фронте разразилось оживленное сражение. Часть Второй дивизии Шестого корпуса была отбита при попытке с наступлением темноты захватить укрепленный холм справа от нас, который Шеридан и Райт внезапно решили взять для безопасности нашей армии.(2) Райт, видя, что мое командование близко, приказал Рикеттсу прислать ко мне полк для усиления отброшенных войск. Я послал 126-й Огайо под командованием капитана Джорджа У. Хоге, и вскоре он оказался под серьезной угрозой в результате новой атаки. Обнаружив это, я последовал за ним с 6-м Мэрилендским полком под командованием майора К. К. Прентисса и, объединив их с другими войсками, атаковал высоты сразу после наступления темноты и овладел ими. Два моих полка заняли их на ночь.(3)

Шеридан 21-го числа приказал Торберту с кавалерийскими дивизиями Мерритта и Уилсона (за исключением бригады Дэвина) отправиться в долину Лурай с инструкциями вытеснить любые силы противника, с которыми он может столкнуться, и, если возможно, перейти из этой долины в Нью-Маркет и перехватить отступление Эрли, если последний потерпит поражение в предстоящем сражении. Кавалерийская дивизия Аверелла находилась на дороге Бэк, или Сидар-Крик, и продвинулась далеко вперед.

Шестой и Девятнадцатый корпуса удерживали позиции, которые занимали накануне вечером, и угрожали противнику спереди. Часть моей бригады продолжала находиться на передовой до полудня 22-го, остальная часть находилась в резерве. Настоящее нападение должен был совершить Крук, но это делало желательным скрыть свои передвижения и ввести в заблуждение бдительного врага. Пока Крук прятался в лесу, Шеридан решил провести демонстрацию против левого центра Эрли таким образом, чтобы заставить его ожидать мощной атаки там. Соответственно, вся дивизия Рикеттса с кавалерией Аверелла была выставлена примерно в 12 метрах довольно вызывающе и заметно продвинулась вправо от нас, вплотную к фронту противника. Мое положение в частичном резерве делало мое командование наиболее доступным для этого движения. Поэтому мне было приказано перейти в наступление, за мной последовал полковник Эмерсон с Первой бригадой. Движение было совершено на виду у противника и под огнем его орудий. После некоторых боев мы заняли горный хребет, который простирался недалеко от Тамбллинг-Ран к северу от укреплений противника. Противник упорно сражался, чтобы удержать этот гребень в качестве защиты слева от себя и хорошего наблюдательного пункта. По приказу Рикеттса я продолжал повторными атаками теснить противника вдоль этого гребня примерно на три четверти мили, пока он не был вынужден оставить его, пересечь Прогалину и укрыться в своих укреплениях. Под таким прикрытием, какое мы смогли найти, мои люди теперь находились на расстоянии легкого мушкетного выстрела от врага. Во время этого движения наши орудия в тылу пытались помочь нам, но трудно было сказать, от чего мы пострадали больше — от наших собственных снарядов или от огня противника. Кавалерия Аверелла отбросила вражеских стрелков еще дальше вправо от нас.

Противник со своего сигнального пункта на горе Трех Вершин воспринял передвижения Рикеттса и Аверелла как подготовку к настоящей атаке, рассчитанной обрушиться на фронт дивизии Рамсера, и приготовился встретить ее. Пока происходили эти операции, Крук перебросил свою пехоту под прикрытием густого леса вдоль склона горы Литтл-Норт и к 4 часам дня занял позицию со своими двумя дивизиями на левом фланге Эрли. Крук сразу же пересек узкую долину и обрушился на крайний левый фланг противника, который тут же уступил дорогу. Рамсер, шедший впереди меня, внимательно наблюдал за Рикеттсом, и теперь, увидев опасность со стороны Крука, начал отводить свои войска с бруствера и менять фронт влево от себя. Я был достаточно близко, чтобы обнаружить это движение, и, чтобы предотвратить его завершение, я приказал немедленно атаковать, что и было выполнено на бегу. Рамсер, обнаружив новую и, казалось бы, более неминуемую опасность, попытался возобновить свои работы, но одновременно Крук атаковал, и войска Рамсера, застигнутые врасплох его передвижением, пришли в замешательство, впали в панику и бежали через лес или были захвачены в плен. Это посеяло панику во всей армии Эрли. Войска под моим командованием не останавливались для ведения огня в атаке, а переправились через реку и с трудом взобрались на обрывистые берега и через брустверы, понеся небольшие потери, и вскоре овладели восемью орудиями противника и несколькими пленными. Они встретились внутри вражеских укреплений и смешались с людьми Крука. Когда атака была в разгаре, полковник Джордж А. (Сэнди) Форсайт (4) из штаба Шеридана галопом догнал меня. Он был носителем приказов, но не доставлял их. Он только воскликнул: "С вами все в порядке, вы не нуждаетесь в приказах". Позже он объяснил, что Шеридан послал его направить меня к нападению, если представится возможность, в сотрудничестве с Круком.

Объезжая верхом справа от укреплений противника, чтобы проникнуть внутрь, и поднимаясь на крутой холм в лесу, я столкнулся с конным офицером, одетым в простую блузу и шляпу с опущенными полями, но без знаков различия. Некоторое время мы оставались вместе, он расспрашивал о ходе сражения, как я его наблюдал. Я спросил его, знает ли он, что делает генерал Крук. Он скромно рассмеялся и сказал, что Крук как раз в это время вместе со мной пытался проникнуть в укрепления противника и что, как он предположил, его командование начало преследование раньше. Так началось знакомство с героем этой битвы, переросшее в дружбу, которая закончилась только с его смертью.

Эрли не смог сплотить свои войска, и все его орудия, стоявшие на позициях позади укреплений, попали в наши руки. Только ночь спасла его и его деморализованную армию от пленения. Другие дивизии Шестого и Девятнадцатого корпусов подошли быстро, но сражение закончилось штурмом.

Капитан Джед. Хотчкисс, один из инженеров-топографов, служивших в армии Эрли, описывает операции в своем дневнике 22-го числа следующим образом:

"Противник в 13 часов дня продвинулся на несколько боевых порядков перед Рамсером, но далеко не продвинулся и лишь вклинился в наш боевой порядок. В 16.30 они загнали стрелков перед Гордоном и завязали оживленную артиллерийскую дуэль. В то же время фланговые силы, наступавшие слева от нас, у Северной горы, продвинулись вперед, отбросили кавалерию и двинулись на левый фланг нашей пехоты — скорее, за его пределы. Бригаде там (Баттла) было приказано отойти влево, и всей линии было приказано растянуться в ту сторону, двигаясь вдоль линии брустверов. Но противник, атаковавший как раз в это время (17.30 вечера) вторую

бригаду слева, вместо того, чтобы идти маршем вдоль линии укреплений, был направлен своим командиром поперек угла. Противник, увидев это движение, бросился через укрепления, и бригада в замешательстве обратилась в бегство, тем самым позволив врагу зайти в тыл дивизии Эрли, а также Гордона и остальной части Роудса; вся наша линия отступила вправо, практически не оказывая сопротивления, и противник перешел в наступление и занял нашу линию. Генерал Эрли и его штаб были поблизости, и я с другими пошел за Уортоном (справа), но было слишком поздно".

В 4 часа утра следующего дня Рано утром отправил Ли:

"Вчера поздно вечером противник атаковал мою позицию у Фишерс-Хилл и преуспел в оттеснении левой части моей линии, которую защищала кавалерия, и бросил силы в тыл левой части моей пехоты, когда все войска в панике отступили и не могли быть собраны. Это привело к потере двенадцати артиллерийских орудий, хотя мои потери в людях невелики". (5)

Позже он сообщил о своих 240 убитых и раненых на Фишерс-Хилл, 995 пропавших без вести; всего 1235. (6) Многие из его пропавших без вести, несомненно, были убиты или ранены.

Убитыми и ранеными из Профсоюза были:(7)

Убит. Ранен. Совокупно.

Шестой армейский корпус 27 208 235

Девятнадцатый армейский корпус 15 86 101

Армия Южной Вирджинии (Крук) 8 152 160

Кавалерия 2 11 13

- - -

Итого 52 457 509

Убитых и раненых в моей бригаде было 80 человек, что составляет ровно половину потерь в команде Крука и более трети в Шестом корпусе.

Победа при Фишерс-Хилл, хотя и сравнительно бескровная, была одной из самых полных в войне. Но из-за неспособности Торберта вытеснить кавалерию Фитца Ли (тогда под командованием Уикхема из-за ранения Фитца Ли при Опекине) из долины Лурей и занять позицию в тылу Эрли, армия последнего была бы уничтожена. Торберт столкнулся с Уикхемом в узком ущелье и не смог вовремя оттолкнуть его. Пехота Шеридана собралась на Вэлли-пайк к югу от Фишерс-Хилл после наступления темноты и, продолжая преследование всю ночь, захватив в плен множество отставших и еще два орудия, на рассвете достигла Вудстока в двенадцати милях южнее. Авереллу было приказано продвигаться по дороге Сидар-Крик и высадиться у Вудстока в тылу отступающего противника. Этому он по какой-то причине не сделал, но вскоре после наступления темноты вернулся в лагерь и стал ждать рассвета. Он достиг Вудстока вслед за пехотным корпусом, слишком поздно, чтобы отрезать противника или атаковать его. За это и некоторые другие предполагаемые проступки Шеридан отстранил его от командования дивизией и назначил своим преемником полковника Уильяма Х. Пауэлла.

Эрли собрал свои разбитые силы и попытался закрепиться у Рудс-Хилл, к востоку от Шенандоа и к югу от Маунт-Джексона. Однако, когда наши войска двинулись в атаку на него, он быстро отступил в направлении Стонтонна. Проехав Нью-Маркет, он свернул на дорогу, ведущую в

Браунс-Гэп, где к нему присоединились его кавалеристы из долины Лурэй, дивизия Кершоу и артиллерия Катшоу, которые оставили его на складе Стивенсона 15-го.

Только 25-го Торберт со своей кавалерией добрался до Шеридана в Нью-Маркет. Часть пехоты Шеридана продвинулась до Маунт-Кроуфорда и Лейси-Спрингс, в то время как основные силы кавалерии продвинулись к Стонтону и Уэйнсборо.

Вечером 3 октября произошел инцидент, который имел некоторое отношение к строгости приказов, касающихся уничтожения имущества в долине Шенандоа. Лейтенант Джон Р. Мейгс, инженер Шеридана, возвращаясь с топографической съемки местности близ Дейтона в сопровождении двух помощников, столкнулся с тремя мужчинами в нашей форме и поехал с ними в сторону штаба Шеридана. Внезапно эти люди набросились на лейтенанта Мейгса и, хотя требовали его сдачи, застрелили его. Один из его помощников был схвачен, а другой сбежал и сообщил о случившемся. Шеридан был в ярости, поскольку убийство лейтенанта было немногим меньшим, чем просто убийство, произошедшее в наших рядах. Трое мужчин, вероятно, были переодетыми конфедератами, действовавшими недалеко от своих домов. Шеридан приказал Кастеру, сменившему командование кавалерийской дивизией Уилсона, сжечь все дома в радиусе пяти миль от того места, где был убит Мейгс. На следующее утро Кастер приступил к выполнению этого приказа. В указанный район входила деревня Дейтон. Когда было сожжено несколько домов, действие приказа было приостановлено, и от Кастера потребовали вместо этого привести всех трудоспособных мужчин в качестве заключенных. (8)

Генерал Т. В. Россер с кавалерийской бригадой из Ричмонда присоединился рано утром 5 октября, и армия последнего, будучи в остальном значительно усиленной, вскоре снова начала проявлять признаки активности.

Поскольку ожидалось, что Шестой корпус воссоединится с Потомакской армией перед Питерсбергом, Шеридан решил отступить по крайней мере до Страсбурга, а также опустошить Долину, поскольку она была отличным складом припасов для армий Конфедерации. Он начал движение 6-го, пехота перешла в наступление. Кавалерия начала разрушительную работу в Уэйнсборо и Стонтоне. Днем он обычно оставался спокойным, затем ночью, во время движения, поджигал все зернохранилища, амбары и мельницы, не оставляя после себя ничего, кроме отходов. Костры освещали Долину и склоны гор, создавая картину ослепительного величия, которое редко увидишь. Пламя осветило плодородную долину, отбрасывая отвратительный отблеск, смешанный с клубами дыма, на подножия холмов и вершины огромных горных хребтов по обе стороны обреченной Долины. Случайные артиллерийские залпы придавали панораме величественный вид. Огонь и меч здесь буквально соединились в настоящем военном деле. В необходимости или разумности такого уничтожения собственности могут быть сомнения, однако война тогда перешла в острую стадию. Все возможные средства ускорить ее окончание казались оправданными. Чемберсбург, штат Пенсильвания, был бессмысленно сожжен 30 июля 1864 года. Было выдвинуто обвинение в том, что Шеридан заявил, что он настолько полностью уничтожит все в Долине, что "вороне пришлось бы нести рюкзак, когда она пролетала над ним". Конфедераты во главе с Россером, их новым командиром кавалерии, преследовали арьергард Шеридана и ежедневно нападали на него. Это продолжалось до вечера 8-го. Очевидный успех Россера был преувеличенно отмечен

в Ричмонде. Там его называли "Спасителем Долины". Незадолго до своего появления в Долине он завоевал репутацию в ходе рейда, во время которого захватил и угнал немного скота, принадлежавшего армии Гранта. В ночь на 8-е Шеридан приказал Торберту выпороть Россера на следующее утро или сам получишь порку.

Пехота армии была остановлена, чтобы дожидаться исхода кавалерийского сражения. Шеридан сообщил Торберту, что он будет наблюдать за битвой с горы Раунд Топ. Дивизия Мерритта стояла лагерем в долине пайк у подножия этой горы, к северу от Томс-Брук, а дивизия Кастера примерно в пяти милях к северо-западу, недалеко от Тамблинг-Ран. Ночью Кастер двинулся на юг по проселочной дороге, которая пролегла примерно в трех милях к западу от пайка. На рассвете Россер, полагая, что наша армия все еще отступает, неожиданно встретил Кастера и атаковал его тремя кавалерийскими бригадами, и почти одновременно Мерритт, в свою очередь, атаковал кавалерийские дивизии Ломакса и Джонсона у вэлли пайк. Мерритт расширил свое правое крыло, а Кастер - левое, пока две дивизии не объединились, когда под командованием Торберта они атаковали и прорвали линии Россера вдоль всего ручья Тома. Сражение длилось около двух часов, когда все силы Россера пришли в сильнейшее расстройство и при отступлении переросли в бегство. Торберт (9) преследовал Россера на протяжении двадцати пяти миль, захватив около трехсот пленных, одиннадцать артиллерийских орудий с их кессонами и все фургоны Россера и санитарные машины, включая штабные фургоны с его официальными документами. Было сказано, что были найдены последующие бюллетени, объявляющие об ожидаемых победах Россера на этот день. Слава Россера как солдата, заработанная годами тяжелых боев, была утрачена у ручья Тома за два часа.

Катастрофы конфедератов в

Долине стали теперь настолько частыми, что какой-то остряк в Ричмонде отметил свежую партию нового

оружия, предназначавшегося для армии Эрли: *"Генералу Шеридану, позаботиться о Джубале А. Рано."*

Армия Шеридана отступила к северу от Сидар-Крик. Шестой корпус, получив приказ присоединиться к Потомакской армии, продолжил свой марш на восток к Фронт-Ройял, рассчитывая проследовать в Пьемонт и там пересечь на автомобиле для Александрии. Однако 12-го числа она отказалась от этого маршрута и двинулась маршем к Эшби-Гэп, намереваясь пройти через нее в Вашингтон, а оттуда на транспорте добраться до Сити-Пойнта.(10) Когда 13-го этот корпус частично переправился через Шенандоа близ Миллвуда, от Шеридана пришел приказ Райту возвращаться со своим корпусом в Сидар-Крик. Этот приказ был отдан после возвращения Эрли на Фишерс-Хилл. Необходимость действий Шестого корпуса вскоре станет очевидной. Он достиг Сидар-Крик и встал лагерем в полдень 14-го.

Я вспоминаю случай, когда рыжая лисица начала пробегать по временному бивуаку корпуса в Миллвуде. Все собравшиеся войска, около 10 000 человек, образовали вокруг него кольцо, в то время как несколько всадников скакали за ним, пока он не упал от страха и изнеможения. Офицеры и рядовые армии всегда наслаждались инцидентами подобного характера. Однако у этих загорелых солдат было под рукой более серьезное развлечение.

(1) *Военные отчеты*, том ii. xliii., Часть I., стр. 152.

(2) Там же., стр. 152.

(3) Там же., стр. 223 (Отчет Рикеттса).

(4) Ровно четыре года спустя Форсайт, командуя пятьюдесятью отборными разведчиками, был окружен на острове Бичер, в Арикари-Форкери-форквилле реки Репаблик, примерно девятью сотнями индейцев во главе со знаменитым вождем Римским Носом, и дал самый отчаянный бой, известный в анналах наших войн с индейцами. Лейтенант Бичер, хирург Моуэрс и шестеро скаутов были убиты, а двадцать других тяжело ранены. Сам Форсайт был ранен в правое бедро, а его левая нога была сломана винтовочными пулями. Он продержался восемь дней; тем временем двум его разведчикам удалось ускользнуть от индейцев, и, достигнув форта Уоллес, расположенного в 110 милях, они вернулись с отрядом на подмогу. — *Жизнь на равнинах* Кастера, с. 88-98.

(5) *Военные отчеты*, том. xliii., часть I., стр. 557.

(6) Там же., стр. 556.

(7) Там же., стр. 124.

(8) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 50-2.

(9) Генерал А. Т. А. Торберт отличился на многих полях сражений и пережил войну. Совершая путешествие на пароходе *Вера Крус*, он потерпел кораблекрушение у берегов Флориды 29 августа 1880 года. Он героически помогал другим избежать смерти и с почти нечеловеческим напряжением держался на плаву на сломанном лонжероне в течение двадцати часов и таким образом добрался до берега только для того, чтобы утонуть и умереть от истощения.

(10) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 59.

ГЛАВА X Битва при Сидар—Крик, 19 октября 1864 г., с комментариями к ней, а также личными упоминаниями и инцидентами

Генерал Эрли, по прибытии в Фишерс-Хилл со своей реорганизованной армией, 13 октября занял агрессивную позицию, выдвинув пехотную дивизию к северу от Страсбургга и свою кавалерию по проселочной дороге в сторону Сидар-Крик. Это привело к ожесточенным боям, в которых участвовали дивизия полковника Тоберна из корпуса Крука и кавалерия Кастера. Эрли, похоже, действовал, полагая, что все, кроме команды Крука, отправились в Питерсбург. Как мы видели, результатом этих действий стало возвращение Райта в Сидар-Крик.

Госсекретарь Стэнтон телеграммой 13-го числа вызвал Шеридана в Вашингтон для консультаций относительно будущих операций последнего.

Эрли, встретив неожиданное сопротивление, ночью отвел свои войска к Фишерс-Хилл, и, когда спокойствие восстановилось, Шеридан 16-го числа двинулся на Вашингтон, через Фронт-Ройял и Манассас-Гэп. Он повел с собой до самого Фронт-Ройяла свою кавалерию под командованием Торберта, намереваясь оттеснить их через Честер-Гэп к Центральной железной дороге Вирджинии в Шарлотсвилле, чтобы совершить масштабный рейд к востоку от Блу-Ридж.

У Эрли была сигнальная станция на горе Три Топ, на виду у наших офицеров-связистов, которые знали сигнальный код Конфедерации. С этой станции 16-го числа было отправлено следующее сообщение:

"Генерал-лейтенанту Эрли:

"Будьте готовы выступить, как только мои войска присоединятся к вам, и мы сокрушим Шеридана.

- Лонгстрит, генерал-лейтенант.

Райт, которого оставили командовать армией в Сидар-Крик, переслал это сообщение Шеридану, который получил его, находясь недалеко от Фронт-Роял. Райт также в сопроводительном сообщении к сообщению выразил опасение атаки в отсутствие кавалерии. Он ожидал, что она обрушится справа от него. Шеридан, посчитав, что лучше перестраховаться, отказался от кавалерийского рейда и приказал Торберту доложить Райту, предупредив последнего, чтобы тот был настороже, и высказав Райту мнение, что в случае нападения он сможет победить врага.(1) Шеридан с кавалерийским эскортом проследовал в Ректортаун, конечную станцию железной дороги; там сел в вагоны и прибыл в Вашингтон утром 17-го. Он провел консультацию со Стэнтоном и Халлеком и вместе с некоторыми членами своего штаба выехал из Вашингтона по железной дороге в 12 часов утра, прибыв вечером того же дня в Мартинсбург. Здесь его встретил эскорт из трехсот кавалеристов. Он покинул Мартинсбург на следующее утро (18-го) и достиг Винчестера около 3 часов дня, на расстоянии двадцати двух миль. В последнем месте он задержался на ночь, осматривая окружающие высоты на предмет их пригодности для укреплений.

Но вернемся к его армии. Торберт достиг Сидар-Крик с кавалерией 17-го. Сообщение Лонгстрита было уловкой. Лонгстрит, хотя и находился в Ричмонде, не был на дежурстве, поскольку не полностью оправился от ранения, полученного в Дикой местности.(2)

Положение противоборствующих армий в ночь на 18 октября можно изложить вкратце.

Армия Союза расположилась лагерем по обе стороны автостреды, лицом на юг, и к северу от Сидар-Крик, притока Шенандоа, который, протекая в общем направлении с северо-запада на юго-восток, впадает в реку примерно в двух милях к западу от Страсбурга. Северная ветвь Шенандоа течет на север к Фишерс-Хилл, оттуда изгибается на восток у подножия горы Три Топ (или Массануттен) и огибает ее северную оконечность, оттуда, образуя соединение с южной ветвью, проходит мимо Фронт-Роял на запад и снова на север, впадая в Потомак у Харперс-Ферри.

Две дивизии Крука под командованием полковника Джозефа Тоберна и полковника Резерфорда Б. Хейса находились полностью к востоку от пайка; дивизия Тоберна продвинулась далеко вперед, его фронт соответствовал течению ручья; девятнадцатый корпус (Эмори), две дивизии, располагался по обе стороны пайка, прикрывая мост и брод непосредственно перед собой, а Шестой находился справа от Эмори. Дивизии Рикеттса, Уитона и Гетти из Шестой были расположены лагерем в порядке, указанном слева направо. Мидоу-Брук (иногда называемый Марш-Ран), небольшой ручей, с изрезанными берегами, текущий с севера на юг и впадающий в Сидар-Крик, отделял левую часть дивизии Рикеттса от правой части Девятнадцатого корпуса.

Фронт Шестого корпуса соответствовал линии Сидар-Крик; дивизия Гетти была отодвинута и, следовательно, находилась гораздо ближе других к Миддлтауну. Моя бригада была левой от Шестой, и ее левый фланг опирался на Мидоу-Брук. Кавалерия Мерритта находилась в непосредственной близости от правого фланга Гетти. Кастер находился примерно в полутора милях справа от Мерритта, на проселочной дороге за грядой холмов, недалеко от подножия горы Литтл-Норт. Весь путь назад пролегал по пересеченной местности, не приспособленной для кавалерийских операций. Кавалерийская дивизия Пауэлла находилась недалеко от Фронт-Ройял. Штаб армии находился в доме Белл-Гроув на высотах к западу от Пайка, непосредственно в тылу справа от Девятнадцатого корпуса. Штаб Райта находился недалеко от штаба Шеридана.

Обозы с припасами и багажом нашей армии находились примерно в миле позади ее правого центра и примерно на таком же расстоянии от Миддлтауна, деревни в двенадцати милях к югу от Винчестера и примерно в двух милях к северу от моста через Сидар-Крик. Лагерь Гетти и Мерритта, как правило, располагались к западу от Миддлтауна. Фронт нашей армии занимал около двух миль; дивизии Кастера и Тоберна справа и слева находились за этим пределом.

Армия Союза не была укреплена, за исключением части Девятнадцатого и Восьмого корпусов. Из-за сообщений о том, что Эрли отошел на юг, Райт приказал бригаде Девятнадцатого корпуса выступить на рассвете 19-го для проведения тщательной разведки. Войска Союза, за исключением обычной охраны и пикетов, спокойно спали в своих палатках в ночь на 18 октября.

Армия Конфедерации стояла лагерем на Фишерс-Хилл, в двух милях к югу от Страсбурга и примерно в шести милях от центра армии Союза, измеряемого пикой. Гора Три Вершины находилась к востоку и югу от излучины Шенандоа; ее северный конец вплотную примыкал к реке. Генерал Дж. Б. Гордон и капитан Хотчкисс с сигнальной станции Конфедерации в Три-Топе 18-го числа с помощью полевых биноклей отметили расположение всех лагерей Союза и по своему раннему докладу решили атаковать на следующее утро.(3) Соответственно, дивизии Гордона, Рамсера и Пеграма и кавалерийская бригада Пейна были ночью переброшены через реку, оттуда вдоль подножия горы Три Топ и вдоль ее северной оконечности на восток до и снова через реку у бродов Боумен и Макинторф ниже устья Сидар-Крик, а оттуда, к 4 часам утра, на позицию к востоку от главного лагеря корпуса Крука. Этими дивизиями командовал Гордон. Дивизии Кершоу и Уортона прошли маршем по реке пайк к северу от Страсбурга и там разделились; первая двигалась на восток в сопровождении Эрли. Кершоу пересек Сидар-Крик у Робертс-Брода, примерно в полутора милях выше его устья, что привело его к Тоберну из корпуса Крука. Уортон, сопровождаемый всей артиллерией Эрли, продолжил движение к пайку и занял позицию перед Хаппс-Хилл, менее чем в миле к югу от моста через Сидар-Крик. У него был приказ форсировать мост, как только Гордон предпримет атаку на позиции Союза слева и с тыла, и таким образом привести в действие артиллерию. Кавалерийская дивизия Ломакса, до этого размещенная в долине Лурей, получила приказ ускользнуть от кавалерии Пауэлла, присоединиться справа от Гордона и сотрудничать с ним в атаке. Кавалерийские дивизии Россера были выдвинуты ночью 18-го вплотную к Кастеру с приказом атаковать одновременно с Гордоном. Враг не знал, что Шеридана нет в его армии, и кавалерии Пейна, сопровождавшей Гордона, было приказано проникнуть в дом Белл Гроув и взять его в плен.(4)

Райт командовал армией во время всех военных операций, но в остальном ею командовали от имени Шеридана, во время его отсутствия, его сотрудники. Мало кто из армии знал, что Шеридана не было дома, когда началось сражение.

В 4 часа утра все еще спящая армия Союза была разбужена резкой стрельбой далеко справа. Россер атаковал Кастера; но, хотя это было несколько неожиданно, Кастер удержал свои позиции. Это была начальная атака, но почти в тот момент, когда раздались выстрелы Россера, началась атака Кершоу на Тоберн, за которой сразу последовали Гордон со своими тремя дивизиями и кавалерия Пейна на дивизию Хейса из корпуса Крука. Помимо того, что дивизии Крука были застигнуты врасплох, они были в значительной степени в меньшинстве, и, следовательно, после короткого и отчаянного сопротивления обе дивизии были разбиты и несколько рассеяны. Тоберн был убит. Офицеры героически сделали все, что было в их силах, чтобы сплотить солдат, но некоторые попали в плен, а семнадцать артиллерийских орудий были потеряны. Вскоре Эрли присоединился к Гордону с Кершоу, и вместе они обрушились на левый фланг Девятнадцатого корпуса, который в то же время был атакован спереди Уортоном со всей артиллерией Эрли. Девятнадцатый разделил судьбу корпуса Крука и вскоре был разбит и отброшен в тыл. Это объединило пять пехотных дивизий Эрли и его артиллерию на высотах возле Белл-Гроув-Хаус, откуда они могли действовать против Шестого корпуса. Штаб Шеридана был захвачен, его сотрудники были вынуждены бежать с такими официальными бумагами, какие смогли собрать. Отряды Крука и Эмори были разгромлены еще до того, как полностью рассвело. Положение нашей кавалерии было таково, что она не могла оказать немедленной помощи при отражении главной атаки. Гордон расширил свою линию в направлении Миддлтауна, ориентируясь в основном на запад, и справа к нему присоединилась иррегулярная кавалерия, часть которой появилась к северу от Миддлтауна. Эти силы угрожали нашим боеприпасам и другим поездкам. Густой туман помог скрыть передвижения противника. Произошедшее бедствие не следует приписывать недостатку мастерства и храбрости со стороны войск Восьмого и Девятнадцатого полков. Крук, которому помогали такие доблестные офицеры, как полковники Тоберн, Томас М. Харрис и Милтон Уэллс из Первой дивизии, и полковники Р. Б. Хейс, Х. Ф. Девол, Джеймс М. Комли и Б. Ф. Коутс из его Второй дивизии, и Эмори, которому помогали генералы Макмиллен и Дуайт, и полковники Дэвис и Томас из его Первой дивизии, и генералы Гровер и Бирге, и полковники Портер, Молине, Дэн. Макколи и Шанк из его Второй дивизии сделали все возможное в сложившихся обстоятельствах, чтобы предотвратить катастрофу. Более храбрых или умелых офицеров найти было невозможно. Эти корпуса стали жертвами неожиданности. Их позиция была неудачно выбрана и плохо защищена пикетами и охраной. Нет необходимости защищать доброе имя офицеров и рядовых, которые были так бесславно разбиты. Битва, столь успешная до сих пор для Эрли, однако, еще не закончилась, и ему не суждено было продолжать испытывать удачу. Райт сохранил за собой активное командование Шестым корпусом, хотя в силу старшинства он командовал армией. Он, как только была предпринята атака, передал свой корпус Рикеттсу, который передал командование своей дивизией (Третьей) мне, а я передал свою бригаду полковнику У.М. Х. Боллу из 122-й Огайо. Моя дивизия была следующей, на которую обрушились войска Эрли. Однако у нее было время свернуть лагерь, построиться и развернуться лицом на восток. Еще до того, как совсем рассвело, моя старая бригада под командованием полковника Болла по моему приказу форсировала Медоу-Брук и продвигалась вверх по высотам возле дома Белл-Гроув. Бригада Болла была разгромлена разбитыми войсками Девятнадцатого полка, и какое-то время опасались, что ее не удастся удержать на месте. Противник обошел долину Пайк слева от меня

и в тылу и, таким образом, полностью изолировал мою дивизию от других войск Союза. Несмотря на эту ситуацию, дивизия прочно удерживала свою незащищенную позицию. Чтобы прикрыть более широкий фронт, бригады сражались и маневрировали отдельно, в единой боевой линии, и часто сталкивались в разных направлениях. Вскоре я обнаружил, что могу отогнать или сдержать любого врага перед любой частью моего командования. Бои стали всеобщими и яростными и сулили нашим войскам скорый успех. Уитон, следующий справа от меня, и Гетти, следующий справа от него, расположившись лагерем, также развернулись и двинулись на восток, к пайку, чтобы встретиться с противником, который уже овладел им непосредственно к югу от Миддлтауна. Гетти столкнулся с пехотой и кавалерией Гордона среди наших поездов. Гетти и Уитон вскоре оказались далеко друг от друга, а Уитон, ближайший, все еще находился менее чем в полумиле от моего подразделения, которое находилось дальше всех на юге. Разбитые войска Восьмого и Девятнадцатого корпусов отступили до Миддлтауна, а некоторые вскоре достигли Ньютауна, продвигаясь к Винчестеру, разнося преувеличенные сообщения о катастрофе по всей армии. Кавалерия Кастера все еще удерживалась Россером в долине Сидар-Крик. Мерритт доблестно пришел на помощь, и к 7 часам утра противник был отброшен на каждом рубеже. Гетти встретил сильные силы у Мидоу-Брук, недалеко от Миддлтауна, но выстоял, хотя его правый фланг был атакован одной из дивизий Гордона. Уитон сражался со своей дивизией в промежутке между моей дивизией Гетти, и ему, как и другим дивизиям, приходилось часто менять фронт, чтобы встретить фланговые колонны противника. Полная изоляция дивизий Шестого корпуса не позволяла их командирам знать реальную ситуацию на местах, и ни у одной из них не было никаких гарантий сотрудничества или помощи со стороны других. Моя дивизия, находившаяся дальше всех на юге, подвергалась большой опасности быть отрезанной. Каждая дивизия с 6 до 9 утра вела самостоятельный бой. Ни одна дивизия в течение этого времени не была вытеснена со своих позиций какой-либо прямой атакой, предпринятой по ней, и каждая смена позиции какой-либо значительной частью Шестого корпуса производилась преднамеренно по приказу и без давления противника спереди. Райт был с Гетти или Уитоном до тех пор, пока не убедился в их способности прикрывать поезда и удерживать свои позиции. Рикеттс, командовавший корпусом, приказав мне удерживать позицию возле Сидар-Крик до дальнейших распоряжений, покинул меня, пообещав вскоре вернуться с помощью, но около 7 часов утра он упал, пронзенный в грудь винтовочной пулей, и его унесли с поля боя. (5) Затем командование корпусом перешло к Гетти, а командование его дивизией - к генералу Л. А. Гранту из Вермонта.

Около 8 часов утра Райт пришел ко мне с информацией об успехе Гетти и Уитона. Он сказал, что скоро у него будет кавалерия на правом фланге противника, и что, по его мнению, битву можно выиграть. Он был спокоен, жизнерадостен и владел собой. Казалось, он не обратил никакого внимания на рану под подбородком, полученную пролетевшей мимо пулей, хотя из раны обильно текла кровь. С ним не было штабного офицера, и он был без сопровождения.(6) Я приказал капитану Деймону из моего штаба явиться к нему. Райт повторил приказ Рикеттса удерживать мою дивизию за Медоу-Брук вплоть до Сидар-Крик. Это я мог делать, когда мне не угрожали на моем левом фланге. Следует помнить, что после 6 часов утра, когда дивизии корпуса были развернуты лицом к лицу, а Восьмой и Девятнадцатый корпуса оттеснены в тыл, дивизия Гетти стала слева, дивизия Уитона - в центре, а моя дивизия - справа от армии, вся линия была обращена, в общем, на восток. На этой позиции, изолированной, как говорилось выше, дивизии продолжали бой. Мое самое большое беспокойство вызывала возможность истощения боеприпасов у солдат. Один офицер доставил нам сквозь туман, дым и неразбериху

значительный запас патронов в ящиках, притороченных к мулам. Полковник Болл послал капитана Р. У. Уайли из своего штаба ускорить продвижение еще одного такого каравана мулов. Из-за изменения дислокации бригады он повел ее в тылу конфедератов. Капитан Уайли был единственным офицером моей дивизии, взятым в плен в дневном бою.

Гетти, который успешно сражался со своей дивизией под Миддлтауном, занял позицию к 10 часам утра, расположив левую часть своей дивизии на шоссе к северу от города примерно в трех четвертях мили.

Все утро моя дивизия вела ожесточенные бои. Полковник Томпкинс, начальник артиллерии Шестого корпуса, собрал несколько орудий на плато слева от меня под командованием капитанов Макнайта и Адамса. Пехота их не поддерживала. Противник приблизился под прикрытием дыма и тумана и захватил большинство из них в плен. Под моим руководством полковник У. Х. Генри и капитан К. К. Прентисс с 10-м Вермонтским и 6-м Мэрилендским полками сменили фронт и отбили их после ожесточенного боя. Те орудия, которые не были выведены из строя, были сняты вручную. Моя позиция находилась на открытой местности вдоль гребня хребта, прямо возле Сидар-Крик, прикрывая Болотный ручей (или Луговой ручей). Противник форсировал Ручей недалеко от его устья, но вскоре был отброшен назад; затем слева от меня была предпринята ожесточенная атака крупными силами. Это тоже было отбито. Битва продолжалась чередованием атак с фронта и флангов моей дивизии. Каждая из них была отбита со значительными потерями для противника. Ситуация становилась настолько многообещающей, что около 9 часов утра я приказал начать общую атаку по всей линии. Это было сделано быстро, и враг был отброшен к востоку от Марш-Рана, и полный успех казался обеспеченным, когда крупные силы противника снова появились слева от меня в направлении Миддлтауна. Атаку пришлось приостановить и проводить комбинации, чтобы встретить новую опасность. Битва все еще бушевала с большой яростью, моей линии часто приходилось менять фронт, чтобы отразить атаки с флангов. Иногда часть его была обращена на север, другая - на восток, а третья - на юг. Враг ни разу не смог потеснить нас. Все изменения позиции производились по моему приказу и после того, как прямые атаки противника были отбиты. Я не забывал о важности объединения дивизий Шестого корпуса, и по мере того, как враг был отброшен назад слева от меня, мое командование медленно продвигалось на север, к битвам при Гетти и Уитоне. Мое сражение продолжалось, в общем, в миле с лишним к юго-западу от Миддлтауна и в непосредственной близости от наших ночных лагерей. Гетти и Уитон до сих пор сражались со своими дивизиями близ Марш-Рана к югу от Миддлтауна. Около 10 часов утра я добрался до Шерстяной дороги, которая проходила параллельно общей линии, которую в то время удерживали мои войска, и почти под прямым углом к автостраде, ведущей на запад к Сидар-Крик с южной оконечности Миддлтауна. В это время противник был у меня перед носом, и нашим флангам больше ничего не угрожало. Он приостановил дальнейшие атаки своей пехотой, но сосредоточил на нас сильный артиллерийский огонь, на который наши орудия ответили. Мы потеряли мало пленных; даже раненых из дивизии вывезли. Люди находились в плотном строю, и никакой деморализации не произошло. В плен и без вести пропавшими из состава дивизии за весь день попали два офицера и тридцать четыре рядовых.(7) С этой последней позиции я неторопливо повел дивизию влево и в тыл по Олд-Фордж-роуд (которая тянулась на запад от Вэлли-пайк на северной окраине Миддлтауна через Мидлмарш-Брук и хребет к ручью), минуя фронт Уитона и соединившись с правым флангом Гетти. Бригада дивизии Эмерсона по ошибке временно отошла на небольшое расстояние к северу от обозначенной линии, но ошибка была быстро исправлена. Затем я приказал полковнику Боллу прикрыть фронт

всей дивизии плотной линией стрелков, и он соответственно развернул 110-й Огайский и 138-й Пенсильванский полки под командованием подполковника Ото Х. Бинкли и передвинул их примерно на триста ярдов вперед вдоль опушки леса, отдав приказ как можно дольше сдерживать противника в случае нападения. Немедленно был отдан приказ снабдить войска боеприпасами. Дивизия Уитона вскоре сформировалась справа от меня, и впервые после начала сражения Шестой корпус объединился.

Теперь противник овладел лагерями (за исключением кавалерии) нашей армии и был разгромлен успехом. Райт отдал приказ о реорганизации всех разбитых войск и о том, чтобы кавалерия Мерритта и Кастера переместилась справа налево от армии, (8) а командирам дивизий сообщили, что враг будет атакован примерно в 12:00

Мы оставили Шеридана в Винчестере. Он оставался там всю ночь на 18 октября. Перед тем как встать утром, офицер, дежуривший в пикете перед городом, сообщил об артиллерийском обстреле в направлении его армии. Шеридан интерпретировал это как сильную разведку, в ходе которой ощущался враг. Накануне вечером его уведомили, что Райт приказал провести такую разведку. До него дошли дальнейшие сообщения о сильном обстреле, и в 8.30 утра он начал присоединяться к своей армии. Когда он в сопровождении своего эскорта добрался до Милл-Крик к югу от Винчестера, он отчетливо услышал непрерывный грохот артиллерии, который убедил его, что его армия ведет ожесточенное сражение. Приближаясь к Кернстауну и наткнувшись на возвышенность на дороге, он увидел несколько деморализованных солдат, сопровождающих лагерь, а также обозы и повозки маркитантов, в большом замешательстве спешащих в тыл. В этой смешанной массе были маркитанты и их клерки, погонщики, бездельники, вожаки коров, слуги и всевозможные лагерные приверженцы. Это зрелище сильно встревожило Шеридана; для него оно было почти ужасающим. Подобную сцену в большей или меньшей степени обычно можно наблюдать в тылу любой большой армии во время сражения. Обычные ложные сообщения о том, что вся армия разбита и отступает, были провозглашены этими летающими людьми как оправдание их собственного позорного поведения. Шеридан, несмотря на свой солдатский опыт, был убежден, что вся его армия потерпела поражение и отступает.(9) Проезжая среди этих людей, он сформировал ошибочные впечатления о том, что произошло во время утренней битвы, которые никогда не выходили у него из головы. Непрерывный грохот орудий и грохот мушкетной стрельбы должны были подсказать ему, что, по крайней мере, какие-то организованные силы храбро обнажают свою грудь перед врагом и служат пищей для пуль и снарядов. Шеридан ошибочно принял дезорганизованную орду, через которую он прошел, за значительную часть полностью разгромленной армии, и эта ошибка даже позже помешала ему четко понять реальную ситуацию.

Он впервые встретился с Торбертом, своим начальником кавалерии, и от него узнал только о том, что произошло слева от Миддлтауна и вокруг него. Торберт, который не был справа, где уже несколько часов бушевал бой с пехотой, предположил, что деморализация распространилась и на эту часть поля. Затем Шеридан прибыл в дивизию Гетти (10:30 утра) и, обнаружив ее и ее храброго командира в непрерывном строю лицом к лицу с врагом, предположил без дальнейшего расследования, что другие пехотные части не делают того же. Он справедливо ставит дивизии Гетти и кавалерии в заслугу то, что они находились "в присутствии врага и оказывали сопротивление". (11) Гетти, хотя до этого командовал Шестым корпусом, не претендовал на знание позиции или предыдущих передвижений армии. Он постоянно

оставался со своей дивизией и мудро удерживал шоссе, прикрывая наш левый фланг и эшелоны. Это тоже соответствовало приказу Райта. Когда Шеридан прибыл, Гетти фактически не участвовал в бою, но противник вел артиллерийский огонь с большого расстояния. Выстрел прогремел рядом с Шериданом, когда он приближался к Гетти. После первого приветствия Шеридан сказал Гетти: "Корпус Эмори находится в четырех милях у вас в тылу, а дивизия Уитона из вашего корпуса - в двух милях у вас в тылу. Я сформирую их из вашей дивизии". Шеридан тогда ничего не сказал ни о корпусе Крука, ни о Третьей дивизии Шестого полка, которой я командовал.(12)

До этого момента Шеридан не встречался с Райтом, который находился справа от армии, и Шеридан не мог видеть с пики ни войска моей дивизии, ни подразделения Уитона, все еще находившегося справа от меня. Моя дивизия никогда не была так далеко в тылу, как слева от линии Гетти. Райт подтверждает мои воспоминания о положении моего подразделения на момент прибытия Шеридана, но, по его воспоминаниям, Уитон не завершил соединение с моим правым.(13)

Полковник Болл в своем отчете, датированном днем после сражения, говоря об окончательном движении Второй бригады моей дивизии на соединение с дивизией Гетти, правильно говорит: "Нам было приказано двигаться наискосок *влево и в тыл* и соединиться с правым флангом Второй дивизии". Вместо того, чтобы *продвигаться* вперед, чтобы выстроиться в линию с Гетти, необходимо было двигаться наискосок *в тыл*. Примерно к 10 часам утра дивизии Шестого корпуса были объединены, организованные войска нашей армии выстроились в линию, и фланговые движения противника прекратились. С этого момента он должен был встретить нас спереди. Наши эшелоны были защищены, и не было никакой мысли о дальнейшем отходе. Шестой корпус не потерял ничего из своего походного снаряжения, ни повозки, ни, на постоянной основе, ни одного артиллерийского орудия. Его организация была идеальной, и в его рядах не было отставших. Сильная линия стрелков была брошена вперед, и люди пополнились боеприпасами.

Здесь произошел инцидент, который едва не стал причиной моего увольнения из армии. Полковник Дж. У. Снайдер из 9-го Нью-Йоркского тяжелого артиллерийского полка, получив приказ держать свое командование в готовности к скорейшему наступлению, уведомил меня, что у его людей практически закончились боеприпасы и что офицер-артиллерист доложил, что у них нет патронов подходящего размера. Это был единственный полк в командовании, вооруженный гладкоствольными мушкетами 69-го калибра. Для них требовались самострелы. Остальные войска были вооружены винтовками 58-го калибра. Я приказал полковнику проинструктировать своих людей выбросить свои мушкеты так быстро, как только винтовки удастся найти на поле боя, и занять их места. Его люди с готовностью выполнили это, и вскоре полковник Снайдер доложил, что его полк готов к бою, у них в руках винтовки и сорок патронов. Этот полк, очень большой и великолепный (три батальона, по четыре роты в каждом), таким образом, был подготовлен к участию в надвигающемся конфликте. После того, как инцидент был почти забыт, по армейским каналам пришло письмо от начальника артиллерийского управления в Вашингтоне, в котором сообщалось, что капитаны рот 9-го Нью-Йоркского полка по отдельности сообщили, что их солдаты выбросили свои мушкеты "19 октября 1864 года по приказу полковника Кейфера, командира дивизии", и просили меня объяснить этот предосудительный приказ. Я признаю себя виновным и изложил обстоятельства, послужившие основанием для необычного приказа, но вскоре получил еще одно сообщение от того же

офицера, в котором сообщалось, что мое имя было направлено президенту через военного министра для увольнения. Мне сказали, что по этому поводу возникла переписка, в которой генералы Шеридан и Райт полностью одобрили мои действия. Этот инцидент позволяет мне вспомнить, что Райт предлагал атаковать рано, в 12 часов ночи

Два или три заявления Шеридана заслуживают особого упоминания. Говоря о своем появлении на поле, он говорит:

"Приближаясь к Вэлли-пайк, к югу от Ньютауна, я увидел примерно в трех четвертях мили к западу от пайк группу войск, которая оказалась дивизиями Рикеттса и Уитона из Шестого корпуса".

И, говоря о времени после того, как он познакомился с Гетти и Райтом, он говорит:

"Я приказал дивизии Кастера вернуться на правый фланг и, возвращаясь к месту, где располагался мой штаб, встретил неподалеку от них дивизию Рикеттса под командованием генерала Кейфера и дивизию генерала Фрэнка Уитона, которые шли на фронт".(14)

Расстояние от Ньютауна до Миддлтауна составляет пять миль. В тот день моя дивизия не подходила к Ньютауну ближе чем на четыре мили. Я уверен, что это также верно и в отношении подразделения Уитона. Шеридан был введен в заблуждение ложными донесениями, полученными до его прибытия, и видом увеличенного количества разбитых войск других корпусов, которые продолжали отходить в тыл. Шеридан не мог встретиться со мной и Уитоном, ведущими наши дивизии на фронт; кроме того, наши дивизии никогда не находились ближе чем в миле от его тогдашнего штаба. Дивизия Уитона и правая часть моей дивизии продвинулись дальше, чем любая часть дивизии Гетти. Это подтверждается воспоминаниями Райта, Гетти и других, а также отчетами, написанными вскоре после сражения многими офицерами.(15) Шеридан, когда он писал, должно быть, помнил нашу встречу с Уитоном, когда мы вместе подъехали к нему справа, чтобы сообщить ему о позиции наших соответствующих командований и заверить его, что мы можем удерживать свои позиции и наступать, как только будет приказано. Эта поездка привела нас с Уитоном ближе к Ньютауну, чем в любое другое время в тот день. Шеридан был настолько впечатлен обстоятельствами, сопутствовавшими его приходу на поле боя, и своей первой встречей с Торбертом и Гетти, а также предыдущими докладами ему, что он предположил положение вещей, которого не существовало. Было заявлено, что моя дивизия присоединилась к Гетти справа от него. Однако оказалось, что часть дивизии Хейса из корпуса Крука объединилась с правыми силами Гетти, хотя поначалу я не выделял их из состава войск последнего.

Спустя годы после битвы экс-президент Хейс сослался на некоторые заявления в *Мемуарах* Шеридана следующим образом:

Говоря об этом сражении, он говорит, что, проходя вверх по пайку, иногда с одной стороны, иногда с другой, дойдя до Сидар-Крик, он атаковал Первую дивизию Гетти из Шестого корпуса; что он прошел вдоль этой дивизии небольшое расстояние, когда из лощины перед ним возникла шеренга, состоящая исключительно из офицеров армии Крука из Западной Вирджинии и знаменосцев. Утром армия была обращена в паническое бегство, но эти люди не были охвачены паникой. Они отдали ему честь, но теперь между врагом, им и беглецами не было ничего, кроме этого подразделения Гетти. Он сказал: "Эти офицеры, казалось, выросли

прямо из-под земли". Это было двадцать четыре года спустя, но он прекрасно помнит все, кроме имен. Однако среди них он вспоминает, что видел одного, полковника Р. Б. Хейса, бывшего президента Соединенных Штатов, и рассказывает об этом там, создавая впечатление, что там не было людей — ни рядовых, ни армии — просто несколько знаменосцев и несколько офицеров.

Дело в том, что в ложнине, прямо в тылу, была шеренга людей, вероятно, тысяча или тысяча двести человек, и они воздвигли небольшую баррикаду и залегли вплотную за ней. Он подошел и увидел этих офицеров, но не увидел солдат, или, кажется, не видел их; но в то время я понятия не имел, что он не видел рядовых в этой шеренге. Теперь он рассказывает эту странную историю о шеренге офицеров, шеренге знаменосцев и отсутствии силы. Дело в том, что первой пришла дивизия Гетти, затем моя, а затем пришла дивизия генерала Кейфера, вся залегшая за этой баррикадой, но в хорошем состоянии, за исключением того, что утром были некоторые потери. Рядом со мной был генерал Кейфер, затем шли остальные части Шестого корпуса, а еще дальше, я не сомневаюсь, в строю шел Девятнадцатый корпус. Затем мы находились, я полагаю, в таком положении час или полтора".(16)

Переходя от спорных, хотя и важных моментов, относящихся к битве, все согласны с тем, что, когда Шеридан добрался до своей армии, сражение, по всей видимости, уже состоялось и было проиграно, и что армия Союза была вынуждена отойти на новую позицию. Следует также считать неоспоримым тот факт, что Шестой корпус был объединен до его прибытия, что разбитые войска других командований формировались Шестым, и что противник также был вынужден сменить фронт и был остановлен в своем продвижении.

Присутствие Шеридана придало уверенности его армии и вселило в людей дух успеха. Хотя армия любила Райта и верила в него, его темперамент был не таков, чтобы доводить армию до состояния высокого энтузиазма. Глубокое огорчение по поводу утренней катастрофы охватило нашу армию и во многом повлияло на последующие усилия по одержанию победы. Шеридан показал себя войскам, проехав верхом по фронту, и его громко приветствовали. Он заверил их в успехе еще до окончания дня. Во время затишья в дневном сражении некоторые из разбитых войск Восьмого и Девятнадцатого корпусов были реорганизованы.

Райт возобновил командование своим корпусом, а Гетти - дивизией. Перед приходом Шеридана Райт проинструктировал командиров своих дивизий, что он перейдет в наступление, и было понятно, что наша армия продвинется примерно на 12 метров, как только будет обеспечено достаточное пополнение боеприпасов. Шеридан, однако, отложил время начала наступления до 3 часов дня, все еще преисполненный больших надежд на полную победу, и около 1 часа дня продвинулся вперед по всему нашему фронту. Он не врезался в сильную линию застрельщиков, и атака была легко отбита. Тогда мне, как и Райту и другим, показалось, что вся наша армия должна была быть брошена против врага на этот отпор, и это решило исход дня. Шеридан, однако, придерживался своей цели действовать в обороне до конца дня. Ложное сообщение о том, что колонна конфедератов движется к Винчестеру по Фронт - Ройял - роуд, заставило Шеридана отложить свою атаку примерно до 4 часов дня.

Эрли быстро понял, что условия изменились, что армии должны встретиться лицом к лицу. Следует иметь в виду, что наша армия теперь была обращена фронтом на юг, а не на восток, а армия Эрли была вынуждена смотреть на север, а не на запад, как в утреннем сражении.

Эрли, надеясь удержать уже завоеванные позиции и, таким образом, пожать некоторые плоды победы, после отражения отступил за пределы досягаемости наших орудий и занял сильную позицию со своей пехотой и артиллерией, в основном на естественном амфитеатре холмов, центр немного отступил, простираясь от точки к северу от Сидар-Крик возле Мидлмарш-Брук слева от него до автостреды возле Мидлтауна и через нее, защищая свои фланги к западу от этого ручья и к востоку от города своей кавалерией и конной артиллерией. Следующие два часа Эрли усердно возводил люнеты или реданы для прикрытия своих полевых орудий. Его люди были умело размещены за каменными заборами, обычными в Долине, и на участках его линии за временными брустверами.

Рано утром, еще до 12 часов дня, телеграфировал Ричмонду, что одержал полную победу и переправит армию Союза через Потомак. В 4 часа пополудни наша армия двинулась вперед единой линией, без значительных резервов, но в великолепном стиле. Гетти, все еще остававшийся левым флангом на шоссе, был руководящим подразделением. Мне было приказано держать мой левый фланг справа от Гетти. Уитон должен был поддерживать связь с моим правым полком, а Девятнадцатый корпус - с правым полком Шестого корпуса; а кавалерия Мерритта к востоку от Миддлтауна и Кастера на Сидар-Крик прикрывала фланги. Проверив свою позицию непосредственно перед стартом, я обнаружил, что войска под командованием Хейса заполнили пространство в двести или триста ярдов между правой и левой частями Гетти. Я обнаружил Хейса, временно отдыхающего на земле на небольшом расстоянии позади своих людей, окруженного своим посохом. От него я узнал, что у него не было приказа наступать, после чего я попросил его отвести своих людей, чтобы я мог сократить интервал до начала движения. Он быстро поднялся, сел на коня и сказал: "Если эта армия двинется вперед, я заполню этот пробел, с приказом или без него". К сожалению, ему поступил приказ отступить, и вместе с другими бойцами его корпуса (Восьмого) сформироваться в резерве возле заставы. Его отступление оставило в последний момент брешь, которую можно было заполнить, только отклонив мою дивизию влево, когда она продвигалась вперед. Это вызвало некоторую неустойчивость в линии, и правая бригада (Эмерсона) продолжала движение слишком долго, вызвав некоторое скопление войск в центре дивизии, и в результате возник некоторый беспорядок, пока они находились под сильным огнем пехоты и артиллерии. Это необходимое движение также привело к разрыву между дивизией Уитона и моей, тем самым создав угрозу моему правому флангу. Однако наша атака не была остановлена, пока мы не продвинулись вперед примерно на милю. Центр противника был отброшен на его частично укрепленную линию на упомянутых высотах. В результате моя дивизия оказалась под самым разрушительным огнем артиллерии и пехоты с фронта и флангов. Мой правый фланг был особенно уязвим, поскольку он продвинулся вперед дальше, чем войска справа.

Потери в дивизии были серьезными, и стало невозможно удерживать незащищенные войска в атаке. Они не стреляли по мере продвижения. Дивизия отошла на небольшое расстояние, где была остановлена и быстро развернута. Менее чем через пять минут она снова атаковала левый центр конфедерации. Правая дивизия Гетти и левая дивизия Уитона пошли вперед со второй атакой, и передовая позиция в непосредственной близости от стрелковой досягаемости противника была захвачена и удержана. Моя дивизия была частично защищена каменным забором, расположенным к северу от открытого поля, в то время как конфедераты удерживали дальнюю сторону поля, примерно в трехстах ярдах, и также были защищены каменным забором, а также несколькими временными брустверами. Враг занимал возвышенность, и поле боя в центре было ниже, чем по обе стороны. Сражение здесь было упорным и какое-то время

обещало затянуться до ночи. Артиллерия Эрли на моем фронте действовала слабо, поскольку располагалась на гребне холмов позади линии его пехоты, и артиллеристы, когда они брались за дело со своими орудиями, попадали под огонь нашей пехоты. Дивизия Уитона и та часть Девятнадцатого корпуса, что находилась справа от него, хотя и отставали от центра, но неуклонно завоевывали позиции; то же самое происходило и с кавалерией. Гетти, хотя и получил приказ держать левый фланг на пике, медленно двинул свою дивизию вперед, сделав полукруг влево. В этом движении левая рука Гетти достигла Миддлтауна, а правая немного обогнула его на западе.

Кавалерия Мерритта обошла город к востоку от Миддлтауна. В этот момент дивизия Кершоу и часть дивизии Гордона находились справа от меня, а часть дивизии Рамсера - слева. Дивизии Пеграма и Уортон находились перед Гетти, а Уортон частично находился к востоку от пайка, противостоя нашей кавалерии. Левый фланг Эрли удерживали войска Гордона, включая часть его кавалерии.(17) Эрли теперь прилагал героические усилия, чтобы удержать свою позицию, надеясь, что ночью он сможет отступить с некоторыми плодами победы. Шеридан прилагал все возможные усилия, чтобы выбить врага, и для достижения этой цели он лично активно действовал на флангах вместе с кавалерией. Райт, спокойный, уверенный и невозмутимый, уделял пристальное внимание своему корпусу и постоянно подвергался опасности. Я часто встречал его в этот критический момент. Он приказал продолжить атаку на центр противника. С уставшими войсками это казалось невозможным. Однако была предпринята подготовка к попытке. Стрельба на этой последней позиции продолжалась около часа, в течение которого обе стороны сильно пострадали. Когда солнце садилось за горы в тот осенний вечер, стало очевидно, что должно произойти что-то решающее, иначе ночь положит конец кровавому дню, оставив врагу во владении основную часть поля битвы.

Эрли был настолько уверен в окончательной победе, что ранее в тот же день отдал приказ о создании своего штаба и эшелонов снабжения, и к 4 часам дня они начали прибывать на поле боя.

Следует помнить, что две армии маневрировали и сражались в течение двенадцати часов, почти без еды и отдыха и с недостаточным запасом воды. Измотанные войска можно удержать в строю, особенно когда они находятся под каким-нибудь прикрытием, но тогда трудно двигаться в атаку с настроением, необходимым для успеха. Между левым и моим правым флангами Уитона оставался значительный промежуток. Здесь снова произошел показательный инцидент, связанный с пополнением запасов наших людей боеприпасами. Сержант-артиллерист провел трех мулов, нагруженных ящиками с патронами, через промежуток справа от меня на виду у обеих армий и с безразличным спокойствием к каменной стене, занятой конфедератами, и за ее пределами. Сержант и его группа не были обстреляны. По линии фронта было передано приказание моему подразделению перейти в атаку по заданному сигналу, и всем подчиненным офицерам было приказано приложить максимум усилий для достижения успеха. Случай с сержантом и его отрядом, проникшим в тыл противника, подсказал мне возможность проникнуть в него небольшим отрядом наших солдат.

Прежде чем отдать приказ к атаке, я проинструктировал полковника Эмерсона, командующего Первой бригадой, спешно сформировать под руководством компетентного штабного офицера небольшой отряд и дать им указание быстро продвигаться вдоль западной стороны каменной стены, протянувшейся поперек от меня справа к позиции противника, и проникнуть через

брешь между двумя бригадами противника, с инструкциями открыть по нему прицельный огонь, как только будет достигнут его фланг. Разрыв был между двумя бригадами Гордона. Приказ был выполнен быстро и красиво, и его выполнение произвело желаемый эффект. Выполнение этого приказа было поручено капитану Х. У. Дэю (151-я нью-Йоркская, исполняющий обязанности инспектора бригады).(18)

Отряд состоял примерно из 125 человек, каждый из которых знал, что в случае неудачи последует смерть или плен. Полковник Мозес Х. Грейнджер (122-я дивизия Огайо) добровольно помогал и, в некотором смысле, руководил движением этого небольшого отряда. Брешь была преодолена с ходу, и по незащищенным флангам конфедератов был открыт огонь, который заставил их выйти из укрытия своих укреплений и каменной стены. В этот момент дивизия, как и было приказано, обрушила разрушительный огонь на теперь уже незащищенных конфедератов и, сразу же бросившись в атаку через поле, обратила врага в полное бегство. Паника охватила войска Гордона, которые были поражены первыми, затем распространилась на дивизии Кершоу и Рамсера, последовательно находившиеся справа от Гордона.(19)

Я цитирую отчет полковника Эмерсона, командующего моей Первой бригадой, в котором он описывает последнее сражение, включая прорыв линии Эрли:

"Бригада простояла здесь под артиллерийским огнем примерно до 4 часов дня, когда капитан Смит пришел с приказом двигаться вперед, соединяясь слева со Второй бригадой. Бригада продвигалась через лес, когда подверглась очень сильному огню на правом фланге, под которым она была разбита, но вскоре переформировалась на своей старой позиции и снова двинулась вперед, к каменному забору, противник находился за другой каменной стеной впереди, за которой было чистое поле. От правого фланга бригады до стены, за которой находился враг, тянулась каменная стена. Несколько моих людей лежали разбросанными вдоль этой последней названной стены. Первая дивизия находилась справа и впереди, почти параллельно противнику. Казалось, что все зашло в тупик из-за интенсивного артиллерийского и ружейного огня. На этом этапе полковник Кейфер, командующий дивизией, подошел ко мне и спросил, что за люди залегли вдоль стены, идущей от нашей линии к линии противника, и приказал мне послать их вперед, чтобы обойти врага с фланга и выбить его с занимаемой позиции. Выполнение приказа было поручено капитану Х. В. Дэю, инспектору [Второй] бригады, который проследовал вдоль стены и, выйдя на фланг противника, выбил его, когда бригада была быстро выдвинута вперед на соединение со Второй бригадой, и не останавливался до тех пор, пока мы не прибыли в расположение Девятнадцатого корпуса, когда, в соответствии с приказами полковника Кейфера, бригада вышла на утреннюю позицию, получила свой *завтраки* расположилась лагерем, довольная тем, что хорошо поработала до завтрака ".(20)

Также из отчета полковника Болла, командующего Второй бригадой:

"Около трех часов дня вся армия двинулась в одну линию на врага. Непосредственно перед наступлением войска были отведены влево, и мой левый фланг соединился со Второй дивизией Шестого армейского корпуса, в то время как мой правый фланг соединился с Первой бригадой Третьей дивизии. Мы продвинулись на полмили к опушке леса, когда были встречены метким огнем с правого фланга. На этот огонь был открыт энергичный ответный огонь примерно через пятнадцать минут, когда войска дрогнули и в некотором беспорядке отступили на небольшое расстояние. Вторая и третья дивизии отступили одновременно. Линия была быстро переформирована, продвинулась вперед и снова вступила в бой с противником, причем каждая

группа войск занимала каменную стену. Было использовано преимущество стены или забора, идущего перпендикулярно той, которую занимал противник, и соединяющегося с ней. После того, как бой продолжался здесь около трех четвертей часа, с поперечной стены по врагу был произведен сильный залп. Немедленно последовало поспешное и всеобщее отступление противника, и наши войска с готовностью последовали за ним, обстреливая отступающую армию на бегу и не давая противнику возможности перестроиться или закрепиться.

"Во время преследования противник предпринял несколько попыток сплотиться, но энтузиазм преследования свел на нет все эти усилия. Во время преследования наши войска подверглись артиллерийскому обстрелу крупнокалиберными дробями, снарядами и картечью, и мы достигли укреплений Девятнадцатого армейского корпуса (которые были захвачены утром) на закате солнца. Здесь преследование пехоты было прекращено. Первый, второй и, вероятно, третий флаги, нанесенные на восстановленные укрепления Девятнадцатого армейского корпуса, принадлежали полкам, входившим в эту бригаду".(21)

Генерал Эрли рассказывает, как повлиял на его армию прорыв его линии небольшими частями наших войск:

"В течение последующей части дня кавалерией противника был предпринят ряд смелых попыток прорвать нашу линию справа, но они неизменно были отбиты. Ближе к вечеру пехота противника продвинулась к позициям Рамсера, Кершоу и Гордона, и атака на фронте Рамсера и Кершоу, на мой взгляд, была успешно отбита, и я надеялся, что день наконец-то за нами, но часть противника проникла в промежуток, который находился между бригадой Эванса, крайней слева, и остальной частью линии, когда эта бригада отступила, и вскоре за ней последовали другие бригады Гордона. Генерал Гордон прилагал все возможные усилия, чтобы сплотить своих людей и повести их обратно против врага, но безрезультатно. Информация об этом происшествии, с преувеличениями, быстро распространилась по рядам Кершоу и Рамсера, и их люди, опасаясь, что их обойдут с фланга, начали в беспорядке отступать, хотя ни один враг не наседали на них, и это дало мне первое представление о состоянии Гордона. В то же время кавалерия противника, заметив беспорядок в наших рядах, предприняла еще одну атаку справа от нас, но снова была отбита. Были приложены все усилия, чтобы остановить и сплотить людей Кершоу и Рамсера, но их масса сопротивлялась всем призывам и продолжала заходить в тыл, не дожидаясь каких-либо усилий для устранения частичной катастрофы".(22)

Наступление дивизии привело к полному разгрому армии Эрли. Дивизии Пеграма и Уортонa, стоявшие на нашем крайнем левом фланге близ Миддлтауна, вскоре оказались втянуты в катастрофу, и вся наша армия двинулась вперед, не встречая особого сопротивления, захватив много пленных и орудий, остановившись только тогда, когда силы Эрли были либо уничтожены, либо взяты в плен, либо в диком беспорядке отброшены за Сидар-Крик.(23) Наша кавалерия под командованием Мерритта и Кастера преследовала до поздней ночи Фишерс-Хилл, к югу от Страсбурга, и захватила много пленных.

Часто утверждалось, что кавалерия справа имеет право на победу над армией Эрли. Это правда, что Кастер предпринял несколько попыток атаковать левый фланг и тыл Гордона, но появление кавалерии Россера справа от Кастера, к северу и востоку от Сидар-Крик, остановило его, и только после того, как позиции Эрли были прорваны и началось общее отступление, Кастер снова появился на фланге и в тылу противника. Его присутствие там имело много общего с диким отступлением людей Эрли. Кастер, который много требовал от своей кавалерии и

настаивал на том, что она захватила сорок пять артиллерийских орудий и т.д., в своем отчете о сражении не делал вид, что его дивизия вызвала окончательный перелом в силах Эрли. Говоря о своем последнем нападении слева, Кастер говорит:

"Видя, что столь большие силы кавалерии быстро надвигаются на незащищенный фланг, а их линия отступления находится под угрозой перехвата, линии противника, уже прорванные, теперь дрогнули в крайнем замешательстве".(24)

Часть артиллерии и кессонов Эрли с боеприпасами и обозами снабжения, а также машины скорой помощи и множество боевых знамен были захвачены к северу от Сидар-Крик. Кавалерия, однако, захватила к югу от Ручья другие существенные плоды великой победы, включая множество орудий, штабной обоз и другие обозы, а также несколько пленных. Погонщиков на заставе охватила паника; они вырезали мулов или лошадей, чтобы на них сбежать, оставив упряжки смешиваться в величайшем беспорядке. Водители машин скорой помощи, набитых мертвыми и ранеными, тоже бежали, и животные бежали с ними по полю без присмотра. Сцена представляла собой самые дикие разрушения. Вскоре на поле опустился ночной мрак, усугубив его ужасающий вид.

Орудия, потерянные Восьмым и Девятнадцатым корпусами, были доставлены утром на городскую площадь Страсбурга и торжественно выставлены напоказ. Наша кавалерия нашла их там ночью. Немногое, из чего состоит армия, было оставлено на усмотрение Эрли; катастрофа постигла все части его армии, за исключением, возможно, его кавалерии, действовавшей на отдаленных флангах. В широком смысле кавалерия Россера в течение дня была нейтрализована частью кавалерии Кастера, а Ломакса сдерживал Пауэлл на Фронт-Ройял-роуд. Неописуемое смятение охватило офицеров Конфедерации, а также рядовых. Среди первых были одни из лучших и храбрейших, каких только мог произвести Юг. Сам Эрли пользовался доверием генерала Ли. У Эрли были командиры дивизий, генерал Джон Б. Гордон (с тех пор в Сенате Соединенных Штатов), Джозеф Б. Кершоу, Стивен Д. Рамсер, Джон Пеграм и Габриэль К. Уортон, все из которых отличились. Рамсер был смертельно ранен при попытке дать последний отпор возле дома в Белл-Гроув и скончался там. Эрли бежал с поля боя, окруженный несколькими верными последователями, глубоко огорченный и удрученный, преисполненный несправедливого осуждения своих собственных войск.(25) Следующий день застал его все еще без организованной армии.(26) Похоже, он заслуживал лучшей участи. Его звезда военной славы закатилась. Она больше никогда не взошла. Несколько месяцев спустя он добрался до Ричмонда с единственным сопровождающим, незадолго до этого едва избежав захвата отрядом кавалерии Шеридана. Наконец он вернулся в Юго-Западную Виргинию, где Ли отстранил его от командования 30 марта 1865 года.

Его несчастья в Долине, несомненно, были во многом связаны с его непримиримой ненавистью к Союзу. Шеридан был его заклятым врагом. Сразу после того, как Кирби Смит сдался в 1865 году, а Шеридан был на пути к Рио-Гранде, последний столкнулся с Ранним побегом через Миссисипи на маленькой лодке, рядом с которой плыли его лошади. Он сбежал, но его лошади были схвачены.(27)

Шеридан за свое великое мастерство и доблесть справедливо заслужил похвалы своей страны, и его слава как солдата будет бессмертной, но не только из-за его победы при Сидар-Крик и не только из-за "Поездки Шеридана", как описано поэтом Ридом.(28)

Моя дивизия с наступлением темноты вернулась к своему ночному стоянке, как и другие подразделения армии.

Когда пятнадцатичасовая бойня прекратилась и солнце зашло, разогнав мрак холодной октябрьской ночи над обширным полем, там предстала сцена еще более ужасная, чем обычно. Мертвые и умирающие из двух армий смешались. Многие раненые поползли к ручьям в поисках первой потребности раненого человека — *воды*. Множество искалеченных и выпряженных лошадей бродило по полю, усугубляя неразбериху. Фургоны, орудийные лафеты и кессоны были в беспорядке разбросаны в тылу последнего оплота армии Конфедерации. Брошенные машины скорой помощи, иногда заполненные мертвыми и умирающими конфедератами, можно было увидеть в большом количестве, а разрозненные бригады перетаскивали перевернутые машины через холмы и овраги. Мертвые и умирающие люди были найдены в темноте почти повсюду. Крики агонии страдающих жертв были слышны со всех сторон, а стоны раненых животных усугубляли ужасы ночи.

"Милосердие покидает арену битвы", но когда конфликт заканчивается, *милосердие* снова заявляет о себе. Об инвалидах обеих армий заботились одинаково. Далеко за полночь, а некоторые и всю долгую ночь, герои дневной битвы служили как друзьям, так и врагам, где всего лишь накануне ночью наша армия мирно спала, почти не мечтая о смертельной схватке наступающего дня. Однако главная заслуга эффективного медицинского корпуса заключается в хорошей работе по уходу за несчастными.

Потери в офицерах были необычайно велики. Помимо полковника Тоберна, убитого в начале сражения, генерал Д. Д. Бидвелл пал рано утром, а полковник Чарльз Р. Лоуэлл-младший был убит ближе к концу сражения, возглавляя атаку своей кавалерийской бригады. Восемьдесят шесть офицеров Союза были убиты или смертельно ранены.

Многие выдающиеся офицеры были ранены. Из шести офицеров штаба моей бригады, которые были переданы полковнику Боллу рано утром, только один (капитан Дж. Т. Рорер) не пострадал ночью. Двое были мертвы.

20-го числа все было достаточно мирно, хотя со всех сторон были видны следы борьбы предыдущего дня. Павшие из обеих армий были похоронены — синей и серой в отдельных траншеях, чтобы дожидаться утра воскресения.

У меня нет цели говорить об отдельных актах храбрости. Количество убитых и раненых в каждой армии было примерно одинаковым. Потери в моей дивизии, за исключением 36 взятых в плен или пропавших без вести, составили убитыми 8 офицеров и 100 человек рядового состава; ранеными 34 офицера и 528 человек рядового состава; всего 670 человек. Уитон потерял убитыми и ранеными 470 человек; Гетти - 677. Убитыми и ранеными в Шестом корпусе были 1926 человек, включая 109 человек из его артиллерии.

Большая заслуга в победе была отдана Шериданом кавалерии. Его общие потери в трех дивизиях под командованием Торберта составили убитыми 2 офицера и 27 человек рядового состава; ранеными - 9 офицеров и 115 человек рядового состава; всего 153; менее одной

четвертой числа убитых и раненых только в моей пехотной дивизии. Убитых и раненых в моей старой бригаде под командованием полковника Болла было 421.

Потери Армии Союза приведены в следующей официальной таблице:(29)

Убит.	Ранен.	Взят в плен или Пропал без вести.	Совокупно.
Офицеры.	Офицеры.	Офицеры.	
Мужчины.	Мужчины.	Мен.	
Шестой армейский корпус	23 275 103 1525 6 194 2126		
Девятнадцатый армейский корпус	19 238 109 1127 14 776 2383		
Армия Западной Вирджинии	7 41 17 253 10 530 858		
Временная дивизия	1 11 6 66 18 102		
Кавалерия	2 27 9 115 43 196		

Общий итог	52 529 244 3186 30 1561 5665		

В таблицу включены 156 артиллеристов убитыми или ранеными.

Общее число убитых и раненых по Союзу составило 4074 человека.

Убитые и раненые в Шестом корпусе и в некоторых других пехотных дивизиях составили около двадцати процентов. от числа участвовавших в боях. Это было больше на шесть процентов. чем аналогичные потери французской армии при Маренго, где Наполеон одержал победу, позволившую ему позже носить железную корону Карла Великого; на шесть процентов. чем при Аустерлице, битве "Трех императоров"; на восемь процентов. чем в армии Веллингтона при Ватерлоо, где закатилась звезда славы Наполеона; или в немецкой или французской армии при Гравелоте, или при Седане, где Наполеон III. сложил свою императорскую корону; и больше примерно на пятнадцать процентов. чем средние потери австрийской и французской армий при Гогенлиндене.

"Где глубокой ночью бьют барабаны,
Приказывая зажечь костры смерти".

Число убитых и раненых в этом сражении намного ниже, чем в некоторых других крупных сражениях Восстания, однако потери только армии Союза были лишь немного ниже совокупных, подобных потерям американской армии от Лексингтона до Йорктауна (1775-1781), и примерно такими же, как у американской армии в Мексиканской войне, от Пало-Альто до города Мехико (1846-1848).(30)

Если бы перед битвой не произошло ни одного из двух событий, результат ее мог бы быть другим. Если бы Эрли не ускорил атаку пехотной дивизией и кавалерией Россера 13 октября, Райт с Шестым корпусом отправился бы в Питерсбург; и если бы *поддельная* (Лонгстрит) депеша 16-го не была засечена сигнальной станцией Конфедерации на горе Три Топ, Торберт с кавалерией был бы к востоку от Блу-Ридж во время предполагаемого рейда. Если бы не "Лонгстрит диспатч", Шеридан, скорее всего, задержался бы в Вашингтоне или задержал бы

свои действия на обратном пути. Мог ли Шестой корпус, кавалерия или Шеридан остаться невредимыми в битве?

Основными особенностями сражения были: (1) то, что армия под умелым командованием была застигнута врасплох в своем лагере и, в значительной степени, изгнана из него в начале сражения; (2) то, что, несмотря на это, к концу дня она одержала самую знаменательную и полную полевою победу в войне, возможно, за исключением тех, что были одержаны при Нэшвилле и Сейлорз-Крик; (3) армия Конфедерации была разгромлена, так что на завтра сражения не было. В большинстве случаев во время Восстания оказывалось, что побежденная армия угрюмо отступала лишь на короткое время, чтобы возобновить борьбу.

Сидар-Крик в некоторых отношениях имеет поразительную аналогию с Маренго. Оба были двойственными по характеру, каждое из двух сражений в один день; победители утра были повержены и разгромлены вечером. Победа Шеридана над Эрли, как и победа Наполеона над маршалом Меласом, не оставила победителям дальнейших сражений на следующий день. Сравнение справедливо и в другом отношении. Командующий каждой из окончательно разбитых армий примерно в середине дня сражения отправил сообщение своему правительству о великой победе, за которой на закате последовали известия о серьезнейшей катастрофе.

Насколько они непохожи друг на друга в других отношениях? С начала и до конца Маренго Наполеон был на поле боя, лично командуя, разделяя поражение, а затем и победу. Шеридан отсутствовал и не участвовал в разгроме своей армии, но присутствовал при окончательном успехе. Наполеон, после своего отражения, получил подкрепление от Дезэ в 6000 человек; но армия Шенандоа после утренней катастрофы была усилена только своим настоящим командующим — Шериданом.

В противостоящих армиях у Сидар-Крик не было большой разницы в численности. С каждой стороны было задействовано, вероятно, по 20 000 человек всех родов войск. Относительное положение и расклад войск должны приниматься во внимание, а также численность, при определении силы одной армии над другой. Эрли пытался оправдать свое поражение, утверждая, что у него была меньшая армия. В ответ на это Шеридан и его начальник-маршал Крауниншилд попытались показать, что Эрли потерял в плену больше людей, чем, по его утверждению, было при исполнении служебных обязанностей.⁽³¹⁾ После операции и Фишерс-Хилла Эрли был усилен дивизией Кершоу из корпуса Лонгстрита, тремя батареями Катшоу и кавалерийским дивизионом Россера с легкой артиллерией, а также многими более мелкими подразделениями, все из которых участвовали в Сидар-Крик. Шеридан не получил подкрепления, а бригады Эдвардса из Первой дивизии Шестой, Карри из Девятнадцатой и Кертиса из Восьмого корпусов после Операции были отправлены на другие задания и не находились в Сидар-Крик. Внезапность и рассыпание утром большей части корпусов Крука и Эмори в значительной степени выбили их из дневного сражения, и Шестому корпусу и кавалерии пришлось вести неравный бой.

Война завершилась на кровавом поле битвы в долине Шенандоа, что касалось важных операций, при Сидар-Крик.

Президент Линкольн присвоил мне звание бригадного генерала бrevetом от 30 ноября 1864 года; комиссия объявила, что назначение было произведено "за доблестные и достойные

заслуги в битвах при Опекине, Фишера-Хилл и Сидар-Крик, Вирджиния", и я был назначен им на службу в качестве бригадного генерала 29 декабря 1864 года.

Армия Шеридана вернулась в Кернстаун и разместилась на зимние квартиры. Однако вскоре Шестой корпус был переброшен по железной дороге и на пароходе, через Харперс-Ферри и Вашингтон, в Сити-Пойнт, где присоединился к Поттомасской армии 5 декабря 1864 года.

(1) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 64.

(2) *Манассас - Аппоматтоксу* (Лонгстрит), стр. 574.

(3) *Военные отчеты*, том ii. xliii, Часть I., стр. 580, Дневник капитана Хочкиса.

(4) *Военные отчеты*, том II. xliii., Часть I., стр. 580.

(5) Предполагалось, что генерал Рикеттс был смертельно ранен. Его жена во второй раз пришла к нему на поле боя. Его отвезли в Вашингтон, к нему домой, и он медленно выздоравливал. Ближе к концу войны он снова смог проходить полевую службу. Он умер от пневмонии 22 сентября 1887 года и похоронен в Арлингтоне.

(6) Майор А. Ф. Хейден из штаба Райта, когда ранним утром бушевало сражение, был замечен скачущим ко мне с поднятой рукой, показывая, что у него есть какой-то важный приказ. Прямо перед тем, как добраться до меня, он был ранен в туловище и упал с лошади на твердую землю, катаясь снова и снова, пока не свернулся почти калачиком. Его унесли, завернув в одеяло, как мертвого. В феврале следующего года я встретил его на пароходе "Чесапик", возвращавшемся на службу, и снова увидел его на праздновании Столетия в Филадельфии в 1876 году.

(7) *Военные отчеты*, том ii. xliii., Часть I., стр. 132.

(8) *Военные отчеты*, том II. xliii., Часть I., стр. 53.

(9) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 68-82.

(10) В одном из отчетов Шеридан фиксирует свое прибытие в 9 утра, В своих *Мемуарах* - в 10.30 утра (стр. 86). Гетти в своем отчете от ноября 1864 года говорит: "Шеридан прибыл между 11 часами утра и 12 часами ночи". Я сделал запись (сохранившуюся до сих пор) о том времени, когда Шеридан подъезжал верхом к тылу дивизии Гетти.

(11) *Воспоминания*, стр. 82.

(12) Эти факты изложены в частном письме генерала Гетти автору, датированном 31 декабря 1893 года.

(13) Вот выдержка из письма генерала Райта ко мне, датированного 18 июля 1889 года:

"Мною были отданы приказы об установлении рубежей, и дивизии Гетти и ваши (Вторая и Третья) были на позициях, а Уитон (Первая) и Девятнадцатый корпуса занимали позиции, когда генерал Шеридан прибыл на место. Я сообщил ему о том, что было сделано и что предполагалось сделать, и он не внес никаких изменений в составленные мной распоряжения.

Действительно, насколько я понимаю, он полностью одобрил их . . . Генерал Шеридан позже внес некоторые изменения в дислокацию кавалерии".

(14) *Воспоминания*, том ii., стр. 82, 85.

(15) Полковник Мозес М. Грейнджер из Второй бригады Третьей дивизии говорит: "Очевидно, что наша бригада находилась в строю справа от Гетти задолго до прибытия Шеридана". — *Очерки военной истории*, том iii, стр. 124.

(16) Этот отрывок взят из выступления генерала Хейса, сделанного на банкете Лояльного легиона в Цинциннати 6 мая 1889 года. *Очерки военной истории*, том iv., стр. 23.

(17) *Военные отчеты*, том ii. xliii., Часть I., стр. 581.

(18) *Военные отчеты*, том ii. xliii., часть I., стр. 228, 234, 251-2, 202.

(19) *Там же.*, стр. 562 (Отчет Эрли).

(20) *Военные отчеты*, том ii. xliii., Часть I., стр. 234.

(21) *Военные отчеты*, том. xliii., Часть I., стр. 250-1.

(22) *Битвы и вожди* др., т. iv., стр. 528.

(23) *Военные отчеты*, том. xliii., Часть I., стр. 562-3, 580.

(24) *Там же.*, стр. 524.

(25) *Военные отчеты*, том ii. xliii., Часть I., стр. 562-3.

(26) Наполеон однажды заметил: "Как жаль генерала на следующий день после проигранного сражения!"

(27) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 211.

(28) Расстояние от Винчестера до Мидлтауна составляет двенадцать миль.

(29) *Военные отчеты*, том ii. xliii., Часть I., стр. 131, 137.

(30) Великие события на войне не всегда измеряются количеством пролитой крови. Список убитых и раненых Шермана во время его марша из "Атланты к морю" составлял всего 531 человек. *Жизнь гранта* (Церковь), стр. 297-8.

(31) *Битвы и вожди* др., т. iv., стр. 532.

ГЛАВА XI Мирные переговоры—Предложение Ли Джефферсону Дэвису, 1862 г.—Переписка Фернандо Вуда с мистером Линкольном, 1862 г.—Mr. Стивенс в крепости Монро, 1863—Конференция Горация Грили на Ниагарском водопаде, 1864 —Визиты Жакесс—Гилмор в Ричмонд, 1863-4-Ф. П. Блэр, сенатор, конференция с мистером Дэвисом, 1865—Конференция на Хэмптон—Роудс, мистером Линкольном, Сьюардом, Стивенсом и другими, 1865 —Переписка Орда-Лонгстрита, Ли и Гранта, 1865, и Лью Уоллеса и генерала Слотера, конференция в Пойнт-Изабель, 1865.

Война длилась уже почти четыре года, с переменным успехом во всех военных ведомствах, и народы Севера и Юга давно пресытились ее ужасными бедствиями. На Севере с самого начала существовала антивоенная партия, а в некоторых населенных пунктах на Юге было большое количество лояльных людей, многие из которых присоединились к Армии Союза. Юг истощался в людях и средствах. Блокада стала настолько эффективной, что для властей Конфедерации было практически невозможно получать поставки из-за рубежа. Непредвзятым наблюдателям казалось, что Конфедерация скоро рухнет. Шерман в своем марше "от Атланты к морю" разрезал Конфедерацию надвое. В нем не было золота или серебра, а выпускаемые им бумаги не имели ценности и распространялись только по принуждению в пределах границ Конфедерации. Провизию можно было получить только с помощью системы военного захвата. Конфедерация не пользовалась доверием ни внутри страны, ни за рубежом; и росло недовольство президентом Дэвисом и его советниками. На Юге также возникло ощущение, что рабство, в любом случае, обречено. Наконец, "колыбель и могила" были ограблены, чтобы пополнить армию; это было сделано путем безжалостного призыва. Конгресс Конфедерации принял закон, разрешающий включение в армию цветных мужчин—рабов. Это было воспринято не очень хорошо, хотя генерал Ли одобрил эту политику, предположив, однако, что необходимо будет предоставить свободу тем, кто стал солдатами.(1)

Несмотря на отчаянное положение, в которое попала Конфедерация, у нее все еще оставалось на поле боя не менее 300 000 хорошо экипированных солдат, которыми, как правило, хорошо командовали, и, хотя они были вынуждены действовать в обороне, они были очень грозны.

Офицеры и солдаты Армии Союза, дольше всех прослужившие на поле боя, хотя и были уверены в окончательном успехе, очень хотели скорейшего окончания войны — вернуться к своим семьям и мирным занятиям. Это желание проявлялось не столько в недовольстве, сколько в беспокойном расположении к тем, кто стоит у власти, кто, как можно было бы предположить, мог каким-то образом обеспечить мир. Кредит Соединенных Штатов оставался хорошим; их облигации легко продавались внутри страны и за рубежом, однако ежедневно накапливался огромный долг в размере 4 000 000 долларов, а их бумажная валюта обесценилась примерно на тридцать пять процентов. номинальной стоимости. Эти и многие другие причины привели к общему стремлению к миру. С обеих сторон лица, облеченные высшей властью, были несправедливо обвинены в намерении продолжать войну ради скрытых целей, когда было продемонстрировано, что это больше не оправданно.

Этот ретроспективный обзор представляется необходимым, прежде чем дать краткое описание различных усилий по ведению мирных переговоров. Первое открытое предложение на этот счет поступило от генерала Роберта Э. Ли в письме президенту Дэвису, написанном во Фредериктауне, штат Мэриленд, 8 сентября 1862 года. Это было сразу после Второго Булл-Рана, во время первого вторжения Конфедерации в Мэриленд и в дни расцвета Конфедерации.

Дэвису было предложено присоединиться к армии Ли и от имени ее главы предложить Соединенным Штатам признать независимость Конфедеративных штатов. Ли в этом письме проявил себя в некотором роде политиком. Он настаивал на том, что отклонение такого предложения возложит ответственность за продолжение войны на власти Союза и, таким образом, поможет на выборах партии в стране, выступающей против войны. (2) Однако из этого предложения Ли ничего не вышло.

Фернандо Вуд, который поддерживал какие-то отношения с президентом Линкольном, хотя последний всегда подозревал его, в письме к нему, датированном 8 декабря 1862 года, утверждал, что обладает "надежными и правдивыми полномочиями", заявляя, что Южные штаты направят представителей в Конгресс при условии, что всеобщая амнистия позволит им это сделать. Президента попросили немедленно обратить внимание на этот вопрос, и Вуд предложил, "чтобы джентльменам, чьи бывшие социальные и политические связи с лидерами Южного восстания, было разрешено вести с ними неофициальную переписку по этому вопросу".

Мистер Линкольн, чья способность распознавать обман превосходила способность любого другого человека его времени, быстро ответил: "Я сильно подозреваю, что ваша информация окажется беспочвенной; тем не менее, я благодарю вас за то, что вы сообщили ее мне". Далее он сказал мистеру Вуду, что если "народ Южных Штатов прекратит сопротивление и восстановит, подчинится и сохранит национальную власть в пределах таких Штатов, война прекратится со стороны Соединенных Штатов, и что если в течение разумного времени для достижения такой цели потребуются полная и всеобщая амнистия, в ней не будут отказывать". Президент отказался приостановить военные операции, "чтобы попробовать какой-либо эксперимент по ведению переговоров". Он выразил желание получить любую "точную информацию", которой мог бы располагать мистер Вуд, сказав, что она "может оказаться более ценной до, чем после 1 января 1863 года", имея в виду, несомненно, обещанную Прокламацию об освобождении. План Вуда, очевидно, не имевший под собой существенной основы, потерпел крах. (3)

Другие, примерно в то же время, донимали мистера Линкольна планами прекращения войны. Некий Дафф Грин, политик из Вирджинии, написал из Ричмонда в январе 1863 года, прося президента об интервью, "чтобы проложить путь к скорейшему прекращению войны". Он попросил такого же разрешения у Джеффа Дэвиса. Его усилия ни к чему не привели.

Александр Х. Стивенс, вице-президент Конфедерации, полагая в начале лета 1863 года, что времена благоприятствуют мирным переговорам, написал мистеру Дэвису, прося направить его в Вашингтон якобы для переговоров об обмене пленными, но на самом деле попытаться "обратить внимание на общее урегулирование на такой основе, которая могла бы быть в конечном счете приемлемой для обеих сторон, и остановить дальнейшее кровопролитие". Он заверил мистера Дэвиса, что у него есть только одна идея для окончательного урегулирования — "признание суверенитета Штатов". Мистер Дэвис телеграфировал Стивенсу, чтобы тот возвращался в Ричмонд, и он прибыл 22 июня 1863 года. Дэвис и его кабинет министров, похоже, с некоторой сердечностью поддержали план Стивенса; все думали, что это может привести к оказанию помощи "партии мира" на Севере. Лидеры Конфедерации были в значительной степени воодушевлены успехами Демократической партии на выборах 1862 года; неоднократными нападками на администрацию со стороны некоторых друзей Линкольна по

партии; публичными собраниями, проводимыми в Нью-Йорке, на которых Фернандо Вуд и другие выслушивали яростные и обличительные речи, а также выдвижением Валландигема на пост губернатора Огайо. Военная ситуация была критической для обоих правительств, когда Стивенс достиг Ричмонда. Пембертон был осажден и обречен на досрочную капитуляцию в Висксбурге. С другой стороны, Ли вторгся в Пенсильванию, только что добившись некоторых успехов в долине Шенандоа; и на северной земле назревала великая битва. Стивенсу было приказано проследовать через Долину, чтобы присоединиться к Ли, и из его штаб-квартиры попытаться добраться до Вашингтона. Проливные дожди и плохие дороги отпугнули хрупкого вице-президента. Наконец министр военно-морского флота Конфедерации отправил его на небольшом пароходе (*Торпедо*) под флагом перемирия в сопровождении комиссара Роберта Ульда в качестве его секретаря в крепость Монро. Отсюда он написал письмо адмиралу С. П. Ли на Хэмптон-Роудс от 4 июля 1863 года, в котором говорилось, что он "передал письменное послание Джефферсона Дэвиса, *главнокомандующего* сухопутными и военно-морскими силами Конфедерации Аврааму Линкольну, *главнокомандующему* сухопутными и военно-морскими силами Соединенных Штатов", и что он желает отправиться в Вашингтон на своем собственном судне. Титулы, которыми были обозначены мистер Линкольн и мистер Дэвис, были предварительно определены Дэвисом и его советниками. Предвидя возможные возражения против того, чтобы последнего называли президентом Конфедерации, вышеизложенное было принято как наименее спорное. Однако в Ричмонде было торжественно решено, что, если принятые обозначения или титулы приведут к отклонению сообщения мистера Стивенса, он должен сказать, что у него есть сообщение "президенту Линкольну от президента Конфедерации". Если бы это было неприемлемо как очевидное признание Дэвиса президентом независимого государства, то миссия мистера Стивенса заключалась бы в немедленном прекращении. Адмирал Ли телеграфировал мистеру Линкольну о прибытии мистера Стивенса, его миссии и желании проследовать в Вашингтон. Мистер Линкольн не придерживался пунктуальности. Сначала он был склонен отправить длинную депешу с отказом мистеру Стивенсу в разрешении поехать в Вашингтон и сообщением, что ничего не будет получено "при условии независимости Конфедеративных Штатов, и что все будет получено и тщательно рассмотрено им, когда будет предложено любым влиятельным лицом или лицами на условиях, не предполагающих независимости так называемых Конфедеративных Штатов". Однако было решено, что это слишком подробно, и министру военно-морского флота было приказано телеграфировать адмиралу Ли:

"Просьба А. Х. Стивенса неприемлема. Обычные агенты и каналы достаточны для любой необходимой связи и переговоров между Соединенными Штатами и повстанцами".

Это положило конец первым планам мистера Стивенса по обеспечению мира. В своей книге, написанной после войны, он признает или делает вид, что скрытой целью его предполагаемой поездки в Вашингтон было посредством переписки, которая будет опубликована, "произвести глубокое впечатление на растущую конституционную (*так!*) партию на Севере полным осознанием истинной природы и конечных тенденций войны ... что самый надежный способ сохранить их свободы - это позволить нам пользоваться нашими отдельно". (4)

Великие события произошли в тот день, когда мистер Стивенс прибыл в крепость Монро. Висксбург пал, и Ли в то памятное четвертое июля проводил своих раненых, готовясь к отступлению с

рокового поля Геттисберга.

Гораций Грили, искренний враг рабства, который каким-то образом проникся убеждением, что Администрация несет ответственность за затягивание войны, стал беспокойным и жаловался. Он, возглавляя "Нью-Йоркскую трибун", дал волю многочисленной критике, которая поощряла участников восстания и их друзей на Севере. Он слушал всевозможных претендентов и, в конце концов, был обманут, поверив, что мир может быть заключен через каких-то южных эмиссаров в Канаде. Авантюрист, называющий себя "Уильям Корнелл Джуэтт из Колорадо", с Ниагарского водопада, 5 июля 1864 года писал мистеру Грили:

"Я уполномочен сообщить вам ... что два посла Davis & Co. сейчас находятся в Канаде с полными полномочиями в интересах мира, и мистер Сандерс просит вас немедленно прибыть ко мне в Катаракт-Хаус для частной беседы; или, если вы пришлете охрану президента для него и двух друзей, они приедут и встретятся с вами. Он говорит, что все дело может быть *завершеной, вами, ими и президентом Линкольном.*" (5)

Мистер Грили, по-видимому, был настолько впечатлен этим как началом мира, что написал мистеру Линкольну диктаторское письмо, напоминающее ему о долгом продолжении войны; утверждая, что страна недовольна тем, как она ведется, и не желает дальнейших призывов войск; признавая, что широко распространено убеждение, что правительство не желает мира; упрекая президента в том, что он не принял мистера Стивенса годом ранее, и пророчествуя, что, если не будут предприняты шаги, чтобы показать стране, что предпринимаются честные усилия для обеспечения скорейшего урегулирования наших трудностей, партия Союза будет уничтожена. потерпел поражение на предстоящих президентских выборах. Грили предложил этот совершенно невыполнимый план урегулирования: (1) Союз должен быть восстановлен и объявлен бессрочным; (2) рабство отменено; (3) полная амнистия; (4) выплата 400 000 000 долларов рабовладельческим штатам за их рабов; (5) рабовладельческие штаты должны иметь представительство, основанное на общей численности их населения, и (6) немедленно должен быть созван национальный съезд. Произнеся тираду о состоянии страны и ее кредитоспособности, а также еще несколько предупреждений относительно предстоящих выборов, мистер Грили в заключение потребовал начать переговоры с людьми в Ниагаре.

Мистер Линкольн, хотя и не верил ни партиям в Канаде, ни плану Грили, написал последнему 9 июля, говоря:

"Если вы сможете найти где-либо кого-либо, заявляющего, что у него есть письменное предложение Джефферсона Дэвиса о мире, поддерживающее восстановление Союза и отказ от рабства, что бы еще оно ни включало, скажите ему, что он может прийти ко мне с вами, и что, если он действительно внесет такое предложение, он, по крайней мере, будет в безопасности в газете (и без огласки, если захочет) до того момента, пока вы с ним не встретитесь. То же самое, если там будут два или более человека".

Президент, столь быстрый и откровенный, крайне удивил и привел в замешательство мистера Грили. Мистер Линкольн принял два основных пункта плана Грили - восстановление Союза и отказ от рабства, и на данный момент отказался от всех остальных. На следующий день мистер Грили в ответ повторил упреки по поводу того, что он назвал "грубым отпором" Стивенса, сказав, что, по его мнению, участники переговоров не будут "раскрывать свои бюджеты"; сославшись

на важность принятия каких-либо мер для содействия выборам и указав, что он мог бы попытаться заглянуть в руки ниагарских партий. Снова, 13-го числа, он написал мистеру Линкольну, что у него есть достоверная информация о том, что Клемент К. Клей из Алабамы и Джейкоб Томпсон из Миссисипи были на Ниагарском водопаде, должным образом уполномоченные вести переговоры о мире, добавив, что он ничего не знает об условиях, и сказав, что давно пора прекратить резню. Президент, по-прежнему не испытывающий ни малейшей веры в Грили или его канадских переговорщиков, но уязвленный несправедливым предположением, что он настроен против мира, телеграфировал мистеру Грили 15-го числа:

"Я ожидал, что вы пришлете мне не письмо, а приведете мне человека или людей", - и сказал, что к нему направляется посыльный с письмом.

Письмо мистера Линкольна было кратким, но соответствовало делу:

"Ваше письмо от 13-го числа только что получено, и я разочарован, что вы еще не прибыли сюда с этими уполномоченными, если они согласятся приехать, после того, как вам показали мое письмо к вам от 9-го января. Покажите им то и это, и если они согласятся на условия первого, приведите их. Я не только намереваюсь приложить искренние усилия к установлению мира, но и намереваюсь, что вы будете личным свидетелем того, как это будет сделано".

Мистер Грили, когда это письмо попало к нему в руки, выразил сильное замешательство, но решил отправиться на поиски канадских сторон при условии, что у него будет безопасный билет для К. К. Клея, Джейкоба Томпсона, Джеймса П. Холкомба и Джорджа Н. Сандерса в Вашингтон в сопровождении его самого. Охранная грамота была получена через Джона Хэя, посыльного. По прибытии мистера Грили на Ниагару он попал в руки "Колорадо Джуэтт", своего тщеславного корреспондента, и через него адресовал Клею, Томпсону и Холкомбу следующее письмо:

"Я понимаю, что вы должным образом аккредитованы в Ричмонде как представители предложений, направленных на установление мира; что вы желаете посетить Вашингтон для выполнения своей миссии; и что вы также желаете, чтобы Джордж Н. Сандерс сопровождал вас. Если моя информация на данный момент в значительной степени верна, я уполномочен Президентом Соединенных Штатов обеспечить вам его безопасность во время предполагаемого путешествия и сопровождать вас в ближайшее время, которое будет для вас приемлемым".

Мистер Грили в этом сообщении проигнорировал все условия, изложенные в письмах мистера Линкольна к нему. Несмотря на это, двое из названных лиц ответили (Томпсона не было с Клеем и Холкомбом), заявив, что у них нет полномочий для обсуждения вопроса о мире, и, следовательно, они не могут принять его предложение. Клей и Холкомб действительно сказали что-то о том, что они знакомы с позицией своего правительства и, если им разрешат поехать в Ричмонд, могут получить для себя или других надлежащие верительные грамоты. Мистер Грили доложил о ситуации, попросив у президента дальнейших инструкций. Теперь всем, кто был связан с этим фарсом, стало очевидно, что, если так будет продолжаться и дальше, мистер Линкольн будет вынужден подать в суд на Конфедерацию с требованием мира. Линкольн решил положить конец сложившейся ситуации и в то же время четко определить свою позицию перед миром. Он отправил Джона Хэя на Ниагару с этим знаменитым письмом:

"Для тех, кого это может касаться: Любое предложение, которое охватывает восстановление мира, целостности всего Союза и отказ от рабства и которое исходит от органа власти,

способного контролировать армии, находящиеся в настоящее время в состоянии войны с Соединенными Штатами, будет принято и рассмотрено исполнительной властью Соединенных Штатов и будет удовлетворено либеральными условиями по другим существенным и второстепенным пунктам, и его предъявитель или предъявители будут иметь гарантии безопасности в обоих направлениях.

"Авраам Линкольн".

Это недвусмысленное письмо было передано Холкомбу в Клифтон-Хаус Грили и Хэем. Мистер Грили, по-видимому, выразил Джуэтту свое сожаление по поводу "печального прекращения инициативных шагов, предпринятых во имя мира, исходя из обвинений, выдвинутых Президентом в данных ему инструкциях". Ничто не могло быть более несправедливым. Эмиссары Конфедерации написали мистеру Грили длинное письмо, которое они передали общественности, обвиняя мистера Линкольна в недобросовестности. Они предположили, что мистер Грили был послан президентом по собственной инициативе мистера Линкольна пригласить их в Вашингтон для переговоров о мире. Не похоже, чтобы мистер Грили пытался разуверить общественность в этой ошибке или донести правду. Он утверждал, что рассматривает обеспечение безопасности 16 июля как отступление от всех предыдущих условий президента, а также от его собственных, ранее высказанных условий. Президент считал за лучшее не публиковать всю переписку, предпочитая молча страдать от несправедливости. Мистер Грили продолжал в плохом настроении. Он отказался посетить мистера Линкольна, как того просили, на конференции. Он написал президенту 8 и еще раз 9 августа 1864 года, оскорбляя некоторых офицеров кабинета, повторяя свои упреки в адрес мистера Линкольна за то, что тот не принял мистера Стивенса, порицая его за то, что он не отправил после Вicksburg депутацию в Ричмонд просить мира, жалуясь ему за то, что он не отправил "трех крупнейших" демократов в Конгрессе просить мира, рассказывая, однако, мало о своем фиаско с Ниагарским водопадом, но добавляя: "Не позволяйте месяцу пройти без серьезных усилий во имя мира", и заканчивая свое последнее письмо так:

"Я прошу вас, умоляю вас немедленно выдвинуть предложения о мире. И в случае, если мир сейчас не может быть заключен, соглашайтесь на *перемирие сроком на один год*, при котором каждая сторона сохранит в неприкосновенности все, что она сейчас имеет, но порты повстанцев будут открыты. Тем временем, пусть будет проведен национальный съезд, и, во всяком случае, войны больше не будет".

Это предложение о перемирии на один год и открытии портов мятежников было равносильно предложению дать Конфедерации один год на восстановление сил дома и за границей; укрепить свой кредит, организовать новые комбинации и связать руки своим друзьям из Союза и администрации, не говоря уже о признании неудачи в подавлении восстания.

Хотя мистер Грили был членом Профсоюза и на протяжении всей своей общественной жизни выступал против рабства, он не верил в войну и не обладал никакими солдатскими инстинктами, которые позволили бы ему распознать ее тенденции. Можно предположить, что он был лично дружелюбен к президенту, но враждебно относился к мистеру Сьюарду, государственному секретарю, и, вероятно, сильно ревновал ко всем выдающимся генералам армии. Грили долгое время был, благодаря *Tribune*, признанным фактором формирования общественного мнения, и теперь, когда война поглотила все другие интересы, его власть и влияние через прессу пошли на убыль. Он был совершенно непрактичен в руководящих

вопросах. Его неспособность установить мир и добиться известности в административных делах во время войны всю жизнь озлобляла его по отношению к своим старым друзьям по партии.

Обзор курса мистера Линкольна в отношении попыток мистера Грили договориться о мире показывает, что первый действовал с предельной откровенностью и на время подчинился диктаторскому курсу второго и несправедливым обвинениям в колебаниях и недобросовестных действиях, вместо того чтобы сокрушить своего старого друга или подвергнуть опасности общее дело ради эгоистичной славы.(6)

Хотя в некотором смысле он был открыт в 1863 году, другая, столь же тщетная попытка установить мир предпринималась в июле 1864 года. Джеймс Ф. Джекесс, полковник 73—го Иллинойсского полка, служащий в армии Роузкрэнса — методистский епископальный священник, доктор медицинских наук - в мае 1863 года написал Джеймсу А. Гарфилду, начальнику штаба, привлекая внимание к тому факту, что его церковь разделилась по вопросу о рабстве; говоря, что методистская епископальная церковь Юга была ведущим элементом Восстания и заметным участником ведения войны; что значительная часть территории этой церкви Юга находилась во владении Армии Союза; что ее служители, когда-то яростно выступавшие против рабства. обращаясь к Профсоюзу, он узнал лично:

"Что они считают, что Восстание убило Методистскую епископальную церковь Юга; что оно практически уничтожило рабство и все важные вопросы различий между Севером и Югом; что они желают вернуться к "Старой Церкви"; что их братья на Юге всем сердцем устали от Восстания; и что они наиболее горячо желают мира и привилегии вернуться к своей верности церкви и государству, и что они сделают это по первому предложению, поступившему из надежного источника И исходя из этих соображений, но не из только это, но поскольку Бог возложил на меня эту обязанность, я представляю соответствующим властям следующее предложение, а именно:*я отправлюсь в Южную Конфедерацию и вернусь в течение девяноста дней с условиями мира, которые примет правительство.*"

Далее он заявил;

"Я не предлагаю компромисса с предателями, но их немедленное возвращение к верности Богу и своей стране Я предлагаю выполнить эту работу во имя Господа; если Он вложит в сердца моих начальников разрешение мне это сделать, я буду благодарен; если нет, я выполнил свой долг".

Это письмо Роузкрэнс направила мистеру Линкольна, одобрив заявление Жакесс. Президент, видя трудности, написал Роузкрэнсу, сказав, что Жакесс "не может идти ни с какими правительственными полномочиями", но оставил за Роузкрэнсом право предоставить желаемый отпуск по собственному усмотрению. Отпуск был предоставлен. Жакесс, поняв, что простой отпуск или влияние церкви не помогут ему проникнуть в ряды Конфедерации, отправился в Балтимор и умолял генерала Шенка отправить его через форт Монро в Ричмонд. Шенк телеграфировал президенту (13 июля) о пожеланиях Жакесса и получил ответ: "Мистер Жакесс - очень достойный джентльмен, но я не могу иметь никакого отношения, прямо или косвенно, к делу, которое он рассматривает". Полковник, однако, убедил Шенка отправить его в форт Монро, откуда он добрался до Ричмонда при попустительстве офицеров, проводивших обмен пленными. Через одиннадцать дней он снова был в Балтиморе и в письме просил президента разрешить ему сообщить "ценную информацию и предложения о мире", которые он

получил. Это разрешение предоставлено не было. Мистер Линкольн хорошо понимал, что у него не могло быть ничего официального, о чем он мог бы сообщить, и что за то короткое время, что он был на Юге, он не смог бы получить никакой достоверной информации об общественных настроениях. Немного задержавшись в Балтиморе, этот полковник-проповедник вернулся в свой полк. Не похоже, чтобы он когда-либо делал, даже Роузкрансу или Гарфилду, какой-либо подробный отчет об этой своей первой поездке в Ричмонд. Хотя его усилия до сих пор не увенчались успехом, он не был обескуражен, а с верой, характерной для его класса, решился на еще одно усилие. Теперь он связывал с ним некоего Дж. Р. Гилмора, лектора и литературного персонажа, известного как "Эдмунд Кирк", который провел некоторое время в западных армиях. Оба были полны энтузиазма, но их усердие составляло их главную заслугу в предпринятом деле. Президент отказался от личной беседы с Жакессом, но в июле 1864 года выдал Гилмору пропуск за его собственной подписью в штаб-квартиру Гранта с запиской для Гранта, разрешающей обоим "пересечь наши границы с обычным багажом и отправиться на Юг". Г-н Гилмор ранее (15 июня 1864 года) написал мистеру Линкольну, сообщив ему кое-что о том, что предложит Жакесс. По сути, он сказал бы: "Сложите оружие и возобновите мирные занятия; в Прокламации об освобождении говорится, что будет сделано с неграми; массам будет дарована амнистия, и никаких условий с повстанцами. Лидерам должно быть разрешено искать спасения за границей, и по истечении шестидесяти дней ни один из них не должен быть найден в Соединенных Штатах". 16-го числа эти двое мужчин покинули позиции Батлера, и им было разрешено проследовать под наблюдением в Ричмонд. На следующий день они попросили через государственного секретаря Джуду П. Бенджамина об интервью с "президентом Дэвисом", которое было предоставлено им в девять часов вечера в присутствии как Дэвиса, так и Бенджамина.

Посланцы-добровольцы были вежливо приняты, и беседа длилась два часа. Похоже, что Жакесс и Гилмор даже не упомянули план, упомянутый в письме последнего мистеру Линкольну. Однако это было несущественно, поскольку у них не было полномочий что-либо представлять. Они спросили мистера Дэвиса, не сводится ли "спор" к следующему: Объединение или разобщение". Дэвис ответил: "Да, или независимость, или подчинение". "Посланники" предложили двум правительствам обратиться к народу с двумя предложениями: (1) "Мир с разобщенностью и независимостью Юга", (2) "Мир с союзом, эмансипацией, без конфискаций и всеобщей амнистией". В течение шестидесяти дней должно быть проведено голосование по этим предложениям, в котором должны принять участие граждане всех Соединенных Штатов; преобладающее предложение должно быть соблюдено. До проведения голосования должно быть заключено перемирие. Мистер Дэвис тут же сказал:

"Этот план совершенно невыполним. Если бы Юг был только одним штатом, это могло бы сработать; но как бы то ни было, если бы только один штат возражал против эмансипации, это свело бы на нет все дело: поскольку вы знаете, что народ Вирджинии не может проголосовать за отмену рабства в Южной Каролине, равно как и народ Южной Каролины не может проголосовать за отмену рабства в Вирджинии".

Интервью продолжалось в том же духе, но без какого-либо приближения к соглашению. Очевидно, что Дэвис и Бенджамин превзошли "посланников" и были обвинены в незнании формы их собственного правительства. Дэвис позволил себе немногословно о том, что рабство его нисколько не волнует, поскольку его рабы уже были освобождены войной; и он заявил, что южане "будут свободны" — будут управлять сами собой, если им "придется видеть, как

разграбляются все южные плантации и горят все южные города". Дэвис также объявил, что был бы рад в любое время получить предложения "о мире на основе независимости. Обращаться ко мне по любому другому вопросу нет необходимости".

Когда интервью закончилось, Жакесс и Гилмор быстро вернулись на линию фронта и отправились на Север. Последний опубликовал отчет об интервью в *Atlantic Monthly* за сентябрь 1864 года. Его отчет существенно не отличается от отчета Бенджамина, отправленного дипломатическим агентам Конфедерации в Европе, или Дэвиса в его *"Взлете и падении Конфедерации"*. (7)

В целом публикация истории этого визита в Ричмонд принесла много пользы делу Профсоюза в ходе предстоящей президентской кампании. Эта история заткнула рты сторонникам мира, хотя несколько друзей мистера Линкольна по партии, опасаясь результатов выборов, продолжали требовать более весомых свидетельств его намерения вести переговоры о мире; в основном для того, чтобы это повлияло на ноябрьские выборы.

Генри Дж. Рэймонд, председатель Национального исполнительного комитета Республиканской партии, на заседании комитета в Нью-Йорке, опасаясь выдвижения кандидатуры Макклеллана и возможного избрания президентом, 22 августа 1864 г. направил мистеру Линкольна паническое письмо, в котором выразил большой страх перед поражением последнего на выборах, дал несколько неблагоприятных прогнозов относительно результатов выборов Э. Б. Уошберна, губернатора Мортон, Саймона Камерона и других, выразил сожаление по поводу неспособности армии одерживать победы и назвал причиной реакции общественные настроения:

"У одних складывается впечатление, у других - страх и подозрение, что при нынешней администрации нам в любом случае не видать мира до тех пор, пока не будет отменено рабство".

Продолжение:

"Так или иначе, широко распространено подозрение, что мы могли бы жить в мире с Союзом, если бы захотели. Бесполезно рассуждать об этом убеждении — еще более бессмысленно его осуждать. Оно может быть изгнано только каким-то авторитетным актом, одновременно достаточно смелым, чтобы привлечь внимание, и достаточно отчетливым, чтобы бросить вызов недоверию и вызвать уважение".

Реймонд был достаточно смел, чтобы попросить назначить комиссию для предложения "мира Дэвису, как главе повстанческих армий, при единственном условии признания верховенства Конституции — все остальные вопросы должны быть решены на съезде народов всех Штатов". Он заявил, что если предложение будет принято, люди передадут выполнение деталей в лояльные руки; в случае отказа "это посеет семена недовольства на Юге и развеет все иллюзии о мире, которые царят на Севере". Он потребовал, чтобы это предложение было сделано немедленно, как "спонтанный акт" мистера Линкона. Мистер Реймонд, казалось, выражал совпадающие взгляды своих республиканских единомышленников. (8) Три дня спустя он и его комитет прибыли в Вашингтон, чтобы лично призвать президента к незамедлительным действиям. В свете недавних попыток на Ниагаре и в Ричмонде предложение Раймонда было неприемлемым, однако мистер Линкольн решил, если этот шаг должен быть предпринят, снова использовать автора предложения в качестве инструмента для демонстрации его безумия.

Президент написал письмо с инструкциями, которое, по его мнению, ему, возможно, придется передать мистеру Реймонду, уполномочив его отправиться в Ричмонд и предложить "Достопочтенному Джефферсону Дэвису, чтобы после восстановления Союза и национальной власти война немедленно прекратилась, а все оставшиеся вопросы были оставлены для урегулирования мирными способами". Если это предложение не будет принято, мистер Реймонд должен был тогда "запросить информацию о том, какие условия, если таковые имеются, предусматривающие восстановление Союза, будут приняты". "Если представление каких-либо условий, охватывающих восстановление Союза", было отклонено, то мистеру Реймонду было предписано "запросить информацию о том, какие условия мира будут приняты; и по получении любого ответа сообщить о том же правительству".

Следует отметить, что в письме Реймонда президент опустил все упоминания о рабстве. В предыдущих он настаивал на *отказе Юга от рабства*, а также на восстановлении Союза. В вопросах амнистии, конфискации и по всем другим вопросам президент был готов предоставить Югу все, что угодно. (9)

Это письмо так и не было доставлено. Мистер Реймонд в личных беседах с мистером Линкольном пришел к убеждению, что последний понимает ситуацию и настроения страны лучше, чем он и его комитет, и вопрос был закрыт.

Не следует предполагать, что президент на мгновение отказался от своей давней цели настаивать на отмене рабства в качестве условия мира. В своем ежегодном Послании Конгрессу в декабре 1864 года, выражая свои взгляды и цели по вопросу прекращения войны, он говорит:

"Представляя отказ повстанцев от вооруженного сопротивления национальным властям в качестве единственного необходимого условия прекращения войны со стороны правительства, я не отказываюсь ни от чего из ранее сказанного относительно рабства. Я повторяю заявление, сделанное год назад, о том, что "Пока я остаюсь на своем нынешнем посту, я не буду пытаться отозвать или изменить Прокламацию об освобождении и не буду возвращать в рабство никого, кто свободен в соответствии с положениями этой прокламации или любым из актов Конгресса". Если народ каким-либо способом или средствами вменит в обязанность исполнительной власти обратное порабощение таких людей, другой, а не я, должен быть их инструментом для выполнения этого. Выдвигая единственное условие мира, я имею в виду просто сказать, что война прекратится со стороны правительства всякий раз, когда она прекратится со стороны тех, кто ее начал".

Мистер Линкольн был триумфально переизбран, но, несмотря на это и предвещаемый крах Конфедерации, Фрэнсис П. Блэр, сенатор, ветеран государственного деятеля, преуспевший во времена Джексона, выступил в надежде, что сможет стать успешным посредником между Севером и Югом. Он лично намекнул президенту о своих пожеланиях на этот счет, но не получил от последнего никакого поощрения, кроме замечания: "Приходи ко мне после Саванна-фоллс". Шерман захватил Саванну 22 декабря 1864 г. Мистер Линкольн, не разрешая мистеру Блэру подробно раскрывать ему свои планы, 28 декабря написал и подписал открытку: "Разрешите предъявителю, Ф. П. Блэру-старшему, пройти наши рубежи, отправиться на юг и вернуться".

С этим удостоверением мистер Блэр отправился в Грант в Сити-Пойнт и под флагом перемирия отправил сообщение "Джефферсону Дэвису, президенту" и т.д., и т.п. Суть одного из сообщений

заклучалась в просьбе о встрече с мистером Дэвисом для обсуждения планов, которые в конечном итоге могли бы "привести к чему-то практически осуществимому" — миру. После некоторой досадной задержки мистеру Блэру разрешили съездить в Ричмонд, где 12 января 1865 года Дэвис дал ему интервью.

Г-н Блэр объяснил г-ну Дэвису, что он прибыл без ведома президента Линкольна о его планах, но с ведома последнего о его цели попытаться начать мирные переговоры. После некоторой предварительной беседы мистер Блэр зачитал мистеру Дэвису подробный документ, содержащий его "предложения". В них упоминалось рабство, "причина всех наших бед", говорилось, что оно обречено и, следовательно, больше не является непреодолимым препятствием на пути к умиротворению, добавлялось, что, поскольку Юг предложил использовать рабов для "завоевания мира" и обеспечения своей независимости, должно последовать "их освобождение от рабства".(10) После отмены рабства г-н Блэр предположил, что война против Союза превратилась в войну за монархию. Затем было упомянуто правление Максимилиана в Мексике под покровительством Австрии и Франции и о его опасности для свободных институтов в результате установления "династии Бонапартов-Габсбургов на нашем Южном фланге". Г-ну Дэвису сделали комплимент за то, что его позиция была такова, что он стал инструментом предотвращения опасности. Было высказано предположение, что Хуареса, возглавляющего "Либералов Мексики", можно убедить "передать всю власть, которой он может командовать, президенту Дэвису — если необходимо, диктатуре — для восстановления прав Мексики". Г-н Дэвис должен был использовать своих ветеранов-конфедератов и мексиканских рекрутов, а при необходимости и "множество армии Севера, офицеров и рядовых", чтобы изгнать захватчиков, поддержать Доктрину Монро и таким образом "восстановить Мексиканскую Республику". Г-н Блэр далее предположил, что если г-н Дэвис добьется всего этого, это "объединит его имя с Вашингтоном и Джексоном в качестве защитника". о свободе страны", и если "освобождая Мексику, он смоделирует ее штаты по форме и принципам, чтобы приспособить их к нашему Союзу и добавить новое южное созвездие на его благодатное небо", он достигнет еще большей славы. Этот и другие разговоры подобного рода, казалось, привлекли внимание Дэвиса, поскольку г-н Блэр заявил, что схему "можно решить". Г-н Дэвис заявил, что он "полностью за народное правительство".

Ни о чем согласовано не было, хотя, как сообщил г-н Блэр, беседа касалась многих вопросов. Г-н Дэвис, очевидно, стремился к какому-либо соглашению, поскольку 12 января он направил г-ну Блэру, который все еще находился в Ричмонде, записку, в которой, среди прочего, говорилось, что он "не склонен находить препятствия в формах" и готов "вступить в переговоры о мире; что он готов назначить комиссара для встречи со стороны Соединенных Штатов для проведения переговоров с целью обеспечения мира в *двух странах*". Эта записка была доставлена в Вашингтон мистером Блэром и показана президенту Линкольна, который 18 января направил ему записку, в которой говорилось, что он постоянно был и все еще готов назначить агента для встречи с человеком, назначенным мистером Дэвисом, "с целью обеспечения мира для народа нашей *единой страны*". С запиской мистера Линкольна мистер Блэр вернулся в Ричмонд и, не имея никаких полномочий ни из какого источника, перешел к новому проекту, а именно к тому, что Грант и Ли должны быть уполномочены вести переговоры. Это ни во что не вылилось. Записка г-на Линкольна, предлагающая переговоры, направленные исключительно на достижение "мира для народа нашей *единой страны*", поставила г-на Дэвиса перед большой дилеммой. Ситуация была до крайности критической. Конгресс Конфедерации проголосовал за недоверие мистеру Дэвису; Шерман не только прошел маршем

к морю, но и продвигался вверх по атлантическому побережью через Каролинские острова; Ли сообщил, что у его армии не было двухдневного рациона; и многие советники Дэвиса заявили, что успех невозможен. Наконец, мистер Дэвис, проконсультировавшись с вице-президентом Стивенсом и его кабинетом министров, решил назначить комиссию в составе мистера Стивенса, сенатора Р. М. Т. Хантера и бывшего военного министра Джона А. Кэмпбелла. Этой комиссии было поручено (28 января 1865 г.) отправиться в Вашингтон для неофициальной конференции с президентом Линкольном *"по вопросам, связанным с текущей войной, и с целью обеспечения мира в двух странах"*. Его государственный секретарь мистер Бенджамин посоветовал г-ну Дэвису поручить комиссарам обсудить тему письма г-на Линкольна. Инструкции не соответствовали записке мистера Линкольна и не были подтверждены ничем из того, что он когда-либо говорил. Несмотря на это, комиссары появились на границе с Союзом и попросили разрешения проследовать в Вашингтон в качестве "Комиссаров мира". После того, как это было передано телеграфом в Вашингтон, майор Экерт из Военного министерства был направлен в штаб Гранта с указанием принять их при условии, что они письменно заявят, что прибыли для совещания на основании ноты президента от 18 января. Перед прибытием майора Эккерта они, в нарушение своих инструкций, попросили разрешения "отправиться в Вашингтон для проведения конференции с президентом Линкольном по вопросу о существующей войне и с целью выяснения, на каких условиях она может быть прекращена, в соответствии с курсом, указанным им в его письме мистеру Блэру от 18 января 1865 года". Их пропустили в штаб-квартиру Гранта, и мистеру Линкольну сообщили об их последней просьбе. Последний отправил секретаря Сьюарда в крепость Монро для встречи с ними. Сьюарду было в письменном виде поручено довести до сведения комиссаров, что необходимы три незаменимые вещи: "(1) Восстановление национальной власти во всех Штатах. (2) Исполнительная власть не отступает по вопросу рабства от позиции, занятой по нему в последнем ежегодном Послании. (3) Никакого прекращения боевых действий до окончания войны и роспуска всех сил, враждебных правительству". По другим вопросам Секретарю было поручено сказать, что президент будет действовать "в духе искренней либеральности". Мистеру Сьюарду определенно не предстояло ничего доводить до конца. Он начал встречаться с членами комиссии 1 февраля. Между тем, в тот же день майор Экерт встретился с ними в Сити-Пойнте и проинформировал их о требованиях президента, на которые они отреагировали, представив письменные инструкции Дэвиса. Майор Экерт сразу же уведомил их, что они не смогут продолжить работу, если не будут строго соблюдать условия мистера Линкольна. Это, по-видимому, положило конец миссии Стивенса, Хантера и Кэмпбелла. Грант, будучи впечатлен их стремлением обеспечить мир, телеграфировал Стэнтону о своем впечатлении и выразил сожаление, что мистер Линкольн не смог побеседовать со Стивенсом и Хантером, если не со всеми тремя, до их возвращения. Президент, прочитав депешу Гранта, решил лично встретиться с комиссарами в крепости Монро. Г-н Линкольн присоединился к г-ну Сьюарду в этом месте на реке Куин, где они были встречены комиссарами утром 3 февраля. Последовавшая за этим конференция не имела никакого значения. Президент был откровенен и тверд, придерживаясь своего ранее объявленного ультиматума. Стивенс попытался рассказать о мексиканском плане Блэра; о перемирии и какой-то уловке, чтобы "дать время остыть". Мистер Линкольн ответил на все предложения словами: "Восстановление Союза является *непременным условием*;" и что перемирия не может быть ни на каких других условиях. Нет абсолютной уверенности в том, что именно было предложено или отвергнуто в деталях с обеих сторон, поскольку не было сделано ни одного параллельного отчета о конференции, и репортеры были исключены из нее. Г-н Линкольн, по словам членов комиссии, заявил, что путь

к восстановлению для повстанцев заключался в роспуске "их армий и разрешении национальным властям возобновить свои функции". Президент заявил, что он будет либерально осуществлять полномочия исполнительной власти в отношении конфискации имущества. Сообщается, что он сказал также, что последствия прокламации об освобождении должны были быть решены судами, изложив свое мнение о том, что, поскольку это была военная мера, она не будет действовать в будущем, как только война прекратится; что она будет применяться только к тем рабам, которые попали под ее действие. Г-н Сьюард привлек внимание к недавнему принятию Конгрессом Тринадцатой поправки к Конституции. Комиссары сообщают, что он сказал, что если отделяющиеся штаты согласятся вернуться в Союз, они могут помешать ратификации поправки.

Очевидно, что некоторая окраска была внесена в заявления мистера Стивенса и пати. Единственное хорошее замечание, высказанное в выступлении, по поводу которого нет разногласий, было сделано мистером Линкольном. Мистер Хантер, пытаясь убедить последнего в том, что существовали серьезные прецеденты его обращения с вооруженными людьми, привел пример обращения английского короля Карла I со своими подданными, участвовавшими в вооруженном восстании. На это Президент ответил: *"Я не претендую на то, чтобы войти в историю. По всем подобным вопросам я передам вас мистеру Сьюарду. Все, что я отчетливо помню о случае с Карлом I. это то, что он потерял голову."*

Комиссары прибыли в Ричмонд очень разочарованными и сообщили о своей неудаче. Последствия для Юга были удручающими. Мистер Стивенс, казалось, отказался от дела Конфедерации в это время; он уехал из Ричмонда, отказался от участия в Восстании и ушел в отставку. (11) Мистер Дэвис передал отчет своих уполномоченных Конгрессу Конфедерации, заявив, что никакие условия урегулирования не могут быть достигнуты, "кроме тех, которые может предоставить победитель". Последний проблеск конференции на Хэмптон-Роудс был замечен на публичном собрании, состоявшемся в Африканской церкви в Ричмонде 6 февраля 1865 г., на котором г-н Дэвис и другие произносили бравурные речи. Г-н Дэвис выразил уверенность, что они "вынудят янки менее чем через двенадцать месяцев обратиться к нам с просьбой о мире на наших собственных условиях".(12)

Генерал Э.О. К. Орд, командующий армией Джеймса, примерно 20 февраля попытался организовать еще одну мирную конференцию, которая должна была быть проведена по военным каналам при содействии жен некоторых офицеров двух армий. С этой целью он под тривиальным предлогом добился встречи с генералом Джеймсом Лонгстритом, в то время командовавшим войсками Конфедерации непосредственно к северу от Ричмонда. Орд в интервью сослался на конференцию на Хэмптон-Роудс, заявив (по словам Лонгстрита), что политики Севера боялись затрагивать вопрос о мире; что не было никакого способа затронуть эту тему, кроме как через офицеров армии; что на стороне Союза война продолжалась достаточно долго, и что армейские офицеры "должны собраться вместе как бывшие товарищи и друзья и немного поговорить". Сообщается, что в Ord говорилось, что "работа воюющих сторон" должна быть прекращена; Гранту и Ли следует поговорить; что жена Лонгстрита со свитой офицеров Конфедерации должна сначала навестить миссис Грант в пределах позиций Союза; что затем миссис Грант должна нанести ответный визит в Ричмонд в сопровождении офицеров Союза, и что таким образом дамы могли бы помочь генералам Гранту и Ли в установлении мира на условиях, почетных для обеих сторон. Лонгстрит благосклонно отнесся к выступлению Орда. Ли встретился с Лонгстритом в доме президента Дэвиса в Ричмонде. Присутствовал

Брекинридж (тогдашний военный министр). На этой встрече было решено, что Лонгстрит должен был добиться дальнейшего интервью с Ord и посмотреть, как можно обсудить эту тему между Грантом и Ли. Лонгстрит вызвал свою жену из Линчбурга в Ричмонд по телеграфу. Примерно в последний день февраля Орд и Лонгстрит провели еще одну встречу, на которой Орд предположил, что, если Ли напишет Гранту письмо, последний будет готов его получить, и, таким образом, может быть созван военный съезд. Лонгстрит сообщил о результатах беседы с Ордом, и Ли 1 марта написал Гранту, что ему сообщили, что Орд в разговоре, касающемся "возможности достижения удовлетворительного урегулирования нынешних *печальных трудностей* посредством военной конвенции", заявил, что если Ли пожелает побеседовать с Грантом по этому вопросу, последний не откажется, при условии, что у Ли будут полномочия действовать. Ли в своем письме сказал, что он полностью уполномочен находиться в этом помещении, и предложил встретиться в месте, предложенном Ord и Longstreet, в понедельник, 6-го. К письмам Ли прилагалось обычное "побочное" письмо на несущественную тему. Грант, получив сообщение Ли, телеграфировал его содержание госсекретарю Стэнтону, который изложил суть дела президенту Линкольну в его комнате в Капитолии, куда он отправился подписывать законопроекты в последний вечер сессии Конгресса. Мистер Линкольн, не посоветовавшись ни с кем, взял ручку и со своей обычной точностью написал:

"Президент поручает мне передать, что он желает, чтобы вы не проводили никаких совещаний с генералом Ли, за исключением случаев, когда речь идет о капитуляции армии генерала Ли или о каком-либо второстепенном или чисто военном вопросе. Он поручает мне сказать, что вы не должны решать, обсуждать или совещаться по каким-либо политическим вопросам. Такие вопросы Президент держит в своих собственных руках и не будет выносить их ни на какие военные конференции или съезды. Тем временем вы должны максимально использовать свои военные преимущества".

Это совершенно четкое послание было показано мистеру Сьюарду, затем передано мистеру Стэнтону, который подписал и отправил его ночью 3 марта 1865 года. Грант на следующий день ответил Ли в свете сообщения, сказав:

"Что касается встречи с вами, я хотел бы заявить, что у меня нет полномочий соглашаться с вашим предложением о проведении конференции по предложенному вопросу. Такими полномочиями наделен только президент Соединенных Штатов".(13)

Так закончилась попытка Орда-Лонгстрита заключить мир.

Была предпринята еще одна замечательная попытка (до того, как Ли сдался) установить мир в части Конфедерации. 22 января 1865 года генералу Лью Уоллесу было приказано "посетить Рио-Гранде и Западный Техас с инспекционной поездкой". Вскоре после своего прибытия в Бразос-Сантьяго, посредством переписки с генералом Конфедерации Дж. Э. Слотером, командующим Западным округом Техаса, и полковником Фордом, он договорился о встрече с ними в Пойнт-Исабель (генерал Уоллес доставит прохладительные напитки), формально для обсуждения вопросов, касающихся выдачи преступников, но на самом деле для разговора о мире. Конференция состоялась 12 марта. Генерал Уоллес предполагал вести переговоры только о мире для штатов к западу от Миссисипи. Он не утверждал, что имеет какие-либо полномочия от Вашингтона, и не предлагал сделать условия окончательными. Он, должно быть, был совершенно не осведомлен о депеше президента Гранту от 3 марта. План Уоллеса был, по

просьбе Слотера и Форда, изложен в письменном виде и адресован им для представления генералу Конфедерации Дж. Дж. Уокеру, командующему департаментом Техас. Вот оно:

"_Предложение.

"I. Что военные власти Конфедерации штатов и территорий за Миссисипи добровольно соглашаются прекратить вооруженное и иное противодействие восстановлению власти правительства Соединенных Штатов над всем вышеуказанным регионом.

"II. Соответствующие власти Соединенных Штатов, со своей стороны, гарантируют следующее:

"1. Что офицеры и солдаты, в настоящее время фактически составляющие собственно Армию Конфедерации, включая *ее добросовестных атташе* и служащих, будут полностью освобождены, все без исключения, от действий, судебного преследования, ответственности и судебных разбирательств любого рода, насколько это касается правительства Соединенных Штатов: *При условии*, что если кто-либо из таких лиц решит остаться в пределах Соединенных Штатов, он сначала принесет им присягу на верность. Если, однако, они или кто-либо из них предпочтет уехать за границу для проживания в другой стране, все они будут вольны сделать это, не связывая себя клятвой верности, взяв с собой свои семьи и имущество, с привилегиями подготовки к такому отъезду.

"2. Что те из упомянутых офицеров и солдат, которые таким образом решат остаться в Соединенных Штатах, после принесения присяги на верность правительству Соединенных Штатов будут рассматриваться как граждане этого правительства, которым в качестве таковых будут предоставлены все права, привилегии и иммунитеты, которыми в настоящее время пользуются их наиболее привилегированные граждане.

"3. Что вышеупомянутые гарантии будут распространены на всех лиц, которые в настоящее время служат гражданскими должностными лицами национальных правительств и правительств Конфедерации штатов в вышеупомянутом регионе, после выполнения ими указанных условий, а именно проживания за границей или принятия присяги на верность.

"4. Что лица, которые в настоящее время являются частными гражданами указанного региона, также будут включены в список и получают те же гарантии при соблюдении ими тех же условий.

"5. Что касается прав собственности, то далее гарантируется, что не должно быть вмешательства в существующие титулы, залоговые права и т.д. Любого характера, за исключением тех, которые получены в результате изъятий, занятия помещений и процедур конфискации, в соответствии с законами, приказами, прокламациями и декретами Конфедерации и в силу этих законов, постановлений и декретов, все из которых признаются недействительными с самого начала.

"6. Далее прямо оговаривается, что право собственности на рабов передается на усмотрение Конгресса Соединенных Штатов.

"Позвольте мне сказать в заключение, что, если вышеприведенные предложения будут восприняты в том духе, в каком они были посланы, мы сможем, по моему мнению, быстро обрести воссоединенный и процветающий народ.

"Искренне ваш, джентльмены, друг и покорный слуга,

Лью Уоллес,
генерал-майор добровольцев армии США".(14)

Генерал Уоллес направил это претенциозное предложение в подробном письме через генерала Дикса генералу Гранту, который получил оба предложения примерно 29 марта 1865 года, но, вероятно, не дал на них ответа.

Офицеры Конфедерации представили план своему начальнику, который, помимо строгого выговора за то, что они приняли его, написал генералу Уоллесу 27 марта, отвергая предложение, "поскольку согласиться с ним было бы самой черной изменой"; добавив, что "всякий раз, когда есть готовность обращаться как равный с равным, офицер вашего высокого ранга и репутации, облеченный надлежащей властью, не будет вынужден искать укромный уголок Конфедерации для начала переговоров".

Вся история попыток договориться о мире нелепа, однако условия, окружающие Север и Юг, и напряжение времени говорят в защиту амбициозных людей, которые отправились на фронт и пытались путем переговоров положить конец войне. У Провидения был припасен другой, более подходящий и заверченный финал, при котором война должна была принести результаты на благо человечества, соизмеримые с ее ценой в виде слез, сокровищ и крови.

(1) *Жизнь Р. Э. Ли*, Уайт (Putnam's), стр. 416-17.

(2) *Манассас - Аппоматтоксу*, стр. 204.

(3) *Линкольн* (Николай и Хэй), том vii., стр. 367-8.

(4) *Война между Штатами*, том ii., стр. 557-62, 780; *Линкольн* (Николай и Хэй), том vii., стр. 371-4.

(5) Джуэтт, должно быть, посещал школу, где учитель требовал от класса разобрать предложение: "*Собака, я и отец отправились на охоту*".

(6) *Линкольн* (Николай и Хэй), том ix., стр. 184-200.

(7) Том ii, стр. 610. Также см. *Линкольн* (Н. и Х.), том ix., стр. 201-2.

(8) Позиция Демократической партии вызвала у политических друзей президента Линкольна глубочайшую тревогу. В своей Национальной платформе, принятой в Чикаго 30 августа 1864 г., он потребовал, "чтобы после четырех лет безуспешных попыток восстановить Союз путем военного эксперимента были предприняты немедленные усилия для прекращения военных действий с целью окончательного объединения Штатов или другими мирными средствами с целью восстановления мира в кратчайшие практически возможные сроки на основе Федерального союза Штатов".

(9) *Линкольн* (Николай и Хэй), том ix., стр. 216-21.

(10) Если читателю интересно узнать, какие усилия предпринимались властями Конфедерации для вербовки рабов и свободных негров в качестве солдат, он найдет интересную переписку по этому вопросу между Дэвисом, Ли, Лонгстритом и другими. *Военные отчеты*, том ii. xlv., Часть III., стр. 1315, 1339, 1356, 1348, 1366, 1370.

(11) У Александра Х. Стивенса было маленькое тело, маленькая голова, и весь его вид выдавал самого истощенного человека. Многие годы своей жизни он отличался очень слабым здоровьем; настолько слабым, что не мог ни стоять, ни ходить. Его передвигали в кресле на колесиках. Его интеллект, однако, был сильным и эластичным, а голоса хватало, чтобы произнести публичную речь. Он много писал. Он не всегда был последователен в своих взглядах. Он выступал против отделения, затем выступал за него; затем снова отрицал, что отделение было гарантировано Конституцией. Я хорошо знал его в Конгрессе после войны. Он утверждал, когда некоторые из его собратьев—демократов отказывали мистеру Хейсу в праве на президентство, что оно превосходит титул любого президента, который был до него, - что в силу решения комиссии оно стало *res adjudicata*.

(12) *Линкольн* (Николай и Хэй), том х., стр. 113-31; *Проигранное дело* (Поллард), стр. 684-5; *Война между штатами* (Стивенс), том ii., стр. 597, 608-12.

(13) *От Манассаса к Аппоматтоксу* (Лонгстрит), стр. 584-7; *Линкольн* (Николай и Хэй), том х, стр. 157-8.

(14) *Военные отчеты*, т. xlviii., Часть I., стр. 1281.

ГЛАВА XII Осада Ричмонда и Питерсберга — Захват и повторный захват форта Стедман и захват части первой линии противника перед Питерсбергом бригадой Кейфера, 25 марта 1865 г. - Битва при Файв—Форкс, 1 апреля— Штурм и взятие работ Конфедератов на левом фланге Союза, 2 апреля — Капитуляция Ричмонда и Питерсберга, 3 апреля — Визит президента Линкольна в Питерсберг и Ричмонд и его смерть

Шестой корпус, как мы видели, вернулся из своей памятной кампании в Мэриленде и долине Шенандоа на фронт под Питерсбергом примерно 5 декабря 1864 года. Это освободило часть Пятого корпуса. Правый фланг моей бригады опирался на Уэлдонскую железную дорогу, простирающуюся влево и включающую форты Уодсворт и Кин. Ночью 9-го вместе с другими войсками бригада отправилась в экспедицию к Хэтчерз-Ран, вернувшись на следующий день. Шестой корпус снова построил зимние квартиры. 9 февраля 1865 года бригада была переведена в крайний левый фланг армии, недалеко от дороги уровня Белки, где она заняла позицию, включающую форты Уэлч, Грегг и Фишер, из которых первые два были недостроены, а последний названный едва был начат. Бригада завершила строительство этих фортов. Полковник Макклеллан со 138-м пенсильванским также занял форт Душейн на тыловой линии.

Бригада в третий раз за зиму построила жилье.

Дисциплина в армии сохранялась во всей своей суровости. За всю мою службу произошел лишь один случай, когда от меня потребовали казнить солдата Союза, находившегося под моим командованием. Рядовой Джеймс Л. Хикс из 67-го Пенсильванского полка, девятнадцатилетний юноша, был признан виновным в дезертирстве. Он дезертировал, чтобы отправиться в Филадельфию, к себе домой, в компании с солдатом другого отряда, намного старше его, который выпросил отпуск для себя и Хикса. Оба были арестованы, возвращены в армию, осуждены и приговорены к расстрелу. Генерал Мид приказал мне привести в исполнение приговор в отношении Хикса 10 февраля 1865 года. Человеку, который был в значительной степени ответственен за дезертирство Хикса, удалось через друзей убедить президента

Линкольн смягчить его приговор тюремным заключением на Сухой Тортугас. Я знал о предпринимаемых усилиях по аналогичному смягчению приговора Хиксу, и я попытался связаться с президентом с просьбой о таком же снисхождении к Хиксу. Я был настолько уверен, что Линкольн помиловал или собирается помиловать Хикса, что не добился его расстрела в назначенный день. Какие-то официальные лица сообщили о моем бездействии Миду, который вслед за этим (с некоторым осуждением) приказал мне застрелить Деревенщину наследующий день и лично сообщить о факте стрельбы. Этому приказу я был обязан подчиниться. Бригада была выстроена с трех сторон квадрата, развернутыми рядами лицом друг к другу, а в центре четвертой, открытой стороны была вырыта могила и рядом с ней установлен гроб. Осужденного солдата маршировали между рядами командования под аккомпанемент барабанов и флейт, исполнявших "марш смерти", а затем подвели к гробу, где ему завязывали глаза и требовали стоять перед шестью мужчинами, вооруженными винтовками, только пять из которых были заряжены пулями. По команде "Огонь!", отданной назначенным офицером, пистолеты разрядились, и бедняга Хикс упал замертво. Его положили в гроб и сразу же похоронили. В тот же день пришло известие, что Линкольн помиловал Хикса.

Корпус Райта стал левым флангом осаждающей армии, и все войска постоянно находились в боевой готовности, не менее одной десятой из них было в карауле или в окопах.

Несколькими корпусами Потомакской армии тогда командовали следующие: вторым - генерал А. А. Хамфриз; пятым - генерал Г. К. Уоррен; шестым - генерал Х. Г. Райт; девятым - генерал Дж. Г. Парк. Последнее названное место находилось справа и частично к югу от Аппоматтокса. Армия Джеймса находилась к северу от Ричмонда и Джеймса под командованием генерала Б. Ф. Батлера, пока 8 января 1865 года его не сменил генерал Э. О. К. Орд по просьбе генерала Гранта.

Армия под командованием Гранта вела боевые действия с июня 1864 года, осаждая Ричмонд и Питерсбург без заметного успеха. Однако она удерживала основную армию Конфедерации вплотную в укреплениях, где она не могла причинить большого вреда и где ее было трудно обеспечить припасами. До этой осады Потомакская армия встречалась с врагом, за исключением Геттисберга, на выбранных им полях сражений, и в своих продвижениях вперед была вынуждена штурмовать брустверы, атаковать врага в горных перевалах или расщелинах, форсировать переправы через глубокие реки, всегда охраняя протяженные линии коммуникаций, по которым должны были доставляться припасы, и это всегда была личная охрана столицы - Вашингтона.

Армия Конфедерации под командованием Ли, когда началась последняя кампания, была сильно укреплена от реки Джеймс выше Ричмонда, простираясь на север до реки Джеймс ниже Ричмонда; оттуда до Аппоматтокса и через него; оттуда к югу от Питерсберга, простирающегося непрерывной линией на запад до окрестностей Хэтчерз-Ран, с внутренними линиями укреплений и фортов для использования в случае форсирования внешней линии. Лонгстрит командовал войсками к северу от реки Джеймс. Генералы Р. С. Юэлл, Р. Х. Андерсон, А. П. Хилл и Джон Б. Гордон командовали корпусами армии Северной Вирджинии к югу от Питерсберга и реки Джеймс, в целом под командованием Ли. Наконец, Юэлл командовал Ричмондом и его непосредственной обороной. У конфедератов были водяные батареи и военно-морские силы на реке Джеймс непосредственно под Ричмондом. Их форты и соединительные брустверы были заложены и построены опытными инженерами в гигантских масштабах, затратив месяцы, а в

некоторых местах и годы труда. На большей части главной линии были огороженные полевые форты на расстоянии от четверти до полумили друг от друга, соединенные мощными земляными валами и некоторой каменной кладкой, все они имели глубокие рвы впереди, подходы к которым прикрывались *бойнями*, состоящими из частоколов, глубоко вкопанных в землю вплотную друг к другу, выступающие концы заострены и расположены под углом около сорока пяти градусов, концы частоколов примерно на высоте человеческого лица. На месте были *шево-де-фризе* и другие препятствия. Эти укрепления не могли быть разрушены артиллерией; их нужно было штурмовать. В них было много орудий от 6 до 200 фунтов, и все они были хорошо укомплектованы. Линии Союза, как правило, соответствовали линиям Конфедерации и находились рядом с ними, но, будучи внешними, обязательно были длиннее. Ричмонд и Питерсбург разделяли двадцать миль. Профсоюзные организации по существу имели ту же структуру и мощь, что и Конфедеративные.

Форты Уэлч, Грегг и Фишер и соединительные сооружения, удерживаемые шестью моими полками, образовали кольцо на крайнем левом фланге, чтобы предотвратить атаку с фланга. Эти форты находились примерно в девяти милях от Сити-Пойнта, штаб-квартиры Гранта. В центре петли находилась высокая смотровая башня.(1) На нашем фронте у конфедератов была внешняя линия укреплений для прикрытия своих пикетов, и у нас была аналогичная линия для защиты наших. Основные линии обороны, как правило, находились на расстоянии легкой пушечной стрельбы, в большинстве мест - на расстоянии выстрела из мушкета, а пикеты двух армий находились, по большей части, на расстоянии разговора, и солдаты часто предавались разговорам ради развлечения. За исключением редких случаев, часовые не стреляли друг в друга днем, но иногда ночью конфедераты с интервалами вели огонь, чтобы предотвратить дезертирство. В последние месяцы осады Грант издавал циркуляры, предлагавшие заплатить дезертирам за оружие, амуницию и любые другие военные припасы, которые они привезут с собой, и обеспечить им безопасный проезд на север. Циркуляры попадали в тыл противника с помощью различных устройств, главным из которых были летательные комплекты ночью, когда ветер дул в нужном направлении, к хвосту которых были прикреплены циркуляры. Когда воздушные змеи пролетали над линиями Конфедерации, веревки были перерезаны, в результате чего они упали туда, где их могли найти солдаты.(2) Солдаты двух армий были настолько дружелюбны, что по общему согласию лес между линиями был разделен, распилен и унесен на топливо. Петербург был на виду, к северо-востоку, из моего штаба. Перед моим строем произошло событие, которое привело к быстрому свержению Конфедерации.

Когда Шерман победоносно продвигался на север через Каролинские острова, настало время для заключительной кампании Потомакской армии. Президент Линкольн и генерал Грант оба были озабочены тем, чтобы армия без прямой помощи западной армии одолела и уничтожила армию Северной Вирджинии, с которой она сражалась в течение стольких лет с переменным успехом.(3)

24 марта 1865 года Грант издал приказ о всеобщем движении, которое должно было начаться 29-го; целью движения должна была стать армия Конфедерации, как только ее удастся вытеснить из укреплений.

В то время, когда Грант писал эти приказы, Ли планировал нападение с целью прорвать линию фронта Союза, надеясь добиться некоторого материального успеха и тем самым предотвратить агрессивную кампанию против него. Генерал Гордон, соответственно, на раннем рассвете 25

марта атаковал форт Стедман и, неожиданно, захватил его и часть нашей линии, прилегающую к нему; но войска Союза справа и слева атаковали и отбили укрепления и около четырех тысяч человек из команды Гордона, потери Союза убитыми, ранеными и пленными составили около двух с половиной тысяч человек. Эта дерзкая атака, вместо того чтобы отсрочить, ускорила подготовительную работу к началу кампании. Около 13:00 я получил приказ направить два полка на мою передовую линию с приказом атаковать и захватить внешнюю линию противника. Последняя была сильно укреплена и удерживалась большим количеством людей, к тому же находилась под прицелом орудий основных сооружений Конфедерации. 110-й и 122-й Огайо были выведены за пределы фортов, и полковнику Ото Х. Бинкли было приказано принять командование обоими полками и пикетом. Он атаковал врага, но, оставшись без поддержки с флангов и подвергшись ожесточенному огню орудий на основных укреплениях противника, был вынужден отступить, понеся значительные потери. Яростно протестовал против возобновления атаки столь малыми силами. Вслед за этим генерал Райт приказал мне собрать количество людей, необходимое для обеспечения успеха, лично руководить ими и произвести желаемый захват. Я добавил к упомянутым полкам Огайо 67-й Пенсильванский, части 6-го Мэрилендского и 126-го Огайского, а также батальон 9-го Нью-Йоркского тяжелого артиллерийского полка и под сильным огнем, в 3 часа дня, без остановки и стрельбы, прорвался через первую линию укреплений противника, захватив более двухсот пленных. Несмотря на сосредоточенный на нас сильный артиллерийский огонь, захваченные объекты были удержаны. Наши потери были серьезными и едва ли компенсировались количеством убитых и взятых в плен врагов. За мое участие в этом деле Мид сделал мне комплимент по общим вопросам.

Оказалось, что взятый раздел работ оказался для нас важнее, чем предполагалось вначале.

Шеридан со своей кавалерией, недавно прибывший из долины Шенандоа через Белый дом, 29 марта двинулся влево в направлении здания суда Динвидди, где столкнулся со значительными силами. 30-го и 31-го числа последовали сражения, в которых Шеридан со своей кавалерией, частично спешившейся, сражался с одними из лучших кавалеристов и пехотинцев армии Ли, первой из которых командовал Фитцхью Ли, а второй - Пикетт из Геттисбергской славы. Используя временные баррикады, Шеридан, несмотря на численное превосходство, отразил атаки Фитца Ли и Пикетта и с наступлением темноты 31-го числа овладел зданием суда.

Из-за непрекращающегося дождя в течение двух дней Грант из своего штаба, находившегося в то время на Проселочной дороге, вечером 30-го отдал приказ приостановить все дальнейшие передвижения до тех пор, пока дороги не подсохнут; но его посетил Шеридан и убедил продолжить кампанию. Шеридан попросил, чтобы Шестому корпусу было приказано следовать за ним и поддерживать его.⁽⁴⁾ Он утверждал, что этот корпус служил под его началом в Долине, и его офицеры были ему хорошо известны. Его просьба не была удовлетворена, поскольку Райту уже была поручена другая работа. Грант приказал Миду направить Пятый корпус под командованием генерала Г. К. Уоррена на усиление Шеридана. Миду было приказано *"призвать Уоррена ни перед чем не останавливаться"*. Шеридан 1 апреля решил давить на врага, невзирая на плохие дороги и свое изолированное положение. Пикетт и Фиц Ли, получившие значительное подкрепление из основной армии Ли, сосредоточились перед Файв-Форкс, где укрепились.

Уоррену было приказано быстро наступать слева от противника. Шеридан быстро вступил в бой, но на протяжении всего дня его сильно прессинговали. Уоррен по какой-то невыясненной причине не прибыл на поле боя и не ввел в бой свои три пехотные дивизии до конца дня, но все же вовремя, чтобы нанести удар противнику слева и в тыл, как было запланировано. Как раз ночью совместная атака всех родов войск полностью опрокинула Пикетта и Фиц Ли, захватив шесть их орудий, тринадцать боевых знамен и почти шесть тысяч пленных. Сбежавшие конфедераты были отрезаны от остальной армии Ли и отброшены к верхнему Аппоматтоксу.

Шеридан, пользуясь прежними полномочиями Гранта, освободил Уоррена в разгар победы на поле боя от командования своим корпусом за якобы медленный марш на помощь попавшей в опасность кавалерии. Уоррен долгое время командовал Пятым корпусом и был любим им. Но судьбы войны были неумолимы. Отстранение Уоррена, возможно, было несправедливым в свете предыдущего ведения войны. Он не нарушал субординации. До сих пор он слишком часто придерживался мнения, что при выполнении важного приказа, даже когда от него зависят другие действия, подчиненный офицер может должным образом использовать свое собственное усмотрение относительно времени и способа его выполнения. Уоррен был опытным инженером-офицером и в чрезвычайной ситуации слишком строго придерживался чисто научных принципов. У него не было стремительности Шеридана, и он ни при каких обстоятельствах не верил в нарушение принципов ведения войны, которым учат книги. Перед последующим судебным расследованием Уоррен представил то, что казалось неопровержимым свидетельством опытных и выдающихся офицеров армии о том, что он перебрал свой корпус в Файв-Форкс с энергией и быстротой, обычно проявляемыми офицером обычных навыков.

Шеридан был вызван в качестве свидетеля в тот же суд и на допросе подтвердил показания других офицеров, добавив, что для реагирования в чрезвычайной ситуации во время сражения требовался не офицер *обычными* навыками и одаренностью, а офицер с *экстраординарными* навыками и одаренностью; что офицеров первого класса было много, но они не годились для командования армейским корпусом во время сражения. Шеридану нужен был такой офицер, как Десо, который, приложив ухо к земле, услышал грохот орудий при Маренго, хотя и издалека, и двинулся на их звук, не ожидая приказов, и к облегчению Наполеона, прибыв вовремя, чтобы превратить поражение в победу, хотя и поплатился собственной жизнью. У Уоррена было много друзей и сочувствующих, но он умер много лет спустя после войны от разбитого сердца.

В ожидании успеха Шеридана Шестому корпусу был отдан приказ атаковать основные укрепления Ли утром в воскресенье, 2 апреля. Место, выбранное для штурма, находилось впереди и немного левее фортов Фишер и Уэлч и прямо напротив укрепленной линии, взятой мной 25 марта. (5) Другим корпусам, расположенным справа от Шестого, также было приказано быть готовыми к атаке. Первоначально предполагалось, что войска должны быть сформированы ночью, а штурм должен быть произведен неожиданно в четыре часа утра. Грант, опасаясь, что Ли в отчаянии от поражения при Файв-Форкс разобьет свои укрепленные линии войск, чтобы сокрушить и уничтожить Шеридана, который теперь находился практически на правом фланге Ли, в 10 часов вечера 1-го приказал всем своим орудиям развернуться от "Джеймса" к левому флангу Союза, чтобы создать видимость готовности сделать именно то, что было приказано сделать. Этот огонь вызвал ответный огонь по всей линии фронта. Ночь была темной и мрачной, и сцена, свидетелем которой стал оглушительный грохот пушек, была неописуемо дикой и грандиозной. Долг призвал некоторых из нас оказаться между линиями перекрестного огня,

когда над нашими головами пронесся грохот выстрелов и разрывы снарядов, выпущенных, возможно, из четырехсот тяжелых орудий. Мировая военная история не описывала более масштабных зрелищ. Поскольку время близилось к концу Восстания, Конфедерации и института рабства, это была подходящая заключительная сцена. Предполагалось, что вследствие этой артиллерийской дуэли, длившейся около двух часов, приказ о штурме будет отменен, поскольку внезапность была невозможна. Но в 12 часов ночи поступил приказ занять позицию для атаки. Шестой корпус во мраке сырой, промозглой ночи бесшумно покинул свои зимние квартиры и выдвинулся на отведенную позицию примерно в двухстах ярдах от жерла вражеских пушек, ожидая там выстрела из пушки форта Фишер, который послужил сигналом к штурму укреплений. В ту ночь в корпусе не было легких сердец, но было и несколько слабонервных. Солдаты корпуса знали силу и характер укреплений, которые предстояло штурмовать. Они наблюдали за их завершением; они знали о существовании *бойни* и глубоких рвов, которые нужно было преодолеть, а также высоких крепостных валов, на которые нужно было взобраться. Ночь придавала торжественности подготовке к кровавой работе.

Вторая дивизия была сформирована справа, Третья - слева, каждая в две боевые линии, примерно в двухстах футах друг от друга. Первая дивизия (Уитона) находилась в эшелоне бригад, поддерживая Гетти справа. (6) Корпус был сформирован на местности ниже, чем та, на которой были построены укрепления противника. В линии противника перед сформированным корпусом был угол, на котором находился большой форт. Дивизия Гетти должна была атаковать справа, а дивизия Сеймура слева от этого форта. Моя бригада должна была атаковать между ним и фортом, примерно в трети мили слева от него. Соединительные брустверы, как уже объяснялось, были прочными, с глубоким рвом и внушительными *бойницами* спереди, а также хорошо укомплектованными личным составом и артиллерией. Противник был настороже и открыл по нам огонь из артиллерии и ружей до того, как мы полностью построились, нанеся некоторые потери. Задолго до условленного часа корпус был готов. Для хорошо спланированной атаки необходима тщательная подготовка. Каждый офицер должен быть лично проинструктирован относительно своих конкретных обязанностей, поскольку команды редко можно отдавать после того, как войска пришли в движение. Отряд пионеров с топорами должен был сопровождать голову колонны, рубить и устранять препятствия, а также помогать солдатам пересекать траншеи и взбираться на укрепления. *Бойни* должны были быть вырублены или разорваны и, по возможности, использованы во рвах для обеспечения средств их пересечения.

Было известно, что в линии фронта противника перед моей бригадой имелся узкий проход, достаточный только для того, чтобы проехать повозке, хотя он был умело прикрыт обочиной. Существование этого отверстия было обнаружено с наблюдательной вышки, и дезертиры рассказали о нем. Я решил воспользоваться этим преимуществом и поэтому проинструктировал полковника Клифтона К. Прентисс из 6-го Мэрилендского, когда придет время для атаки, быстро продвинет свой полк с фланга через этот проход, не останавливаясь и не стреляя, и, оказавшись внутри, нападет на конфедератов за укреплениями, обойдя их с фланга, и, если возможно, вытеснит их и, таким образом, окажет нашим другим войскам небольшое сопротивление в достижении прохода через валы.

В 4.40 утра, когда еще было темно, и серый свет на востоке был едва различим, форт Фишер прогремел единственным выстрелом. На этом все напряжение закончилось. Одновременно всеми нашими офицерами была отдана команда "*Вперед*", и штурмовая колонна быстро

двинулась в путь; передовая линия с примкнутыми штыками и незаряженными ружьями, другая линия с заряженными ружьями, готовыми открыть огонь, если необходимо, для защиты тех, кто впереди, во время прохождения траншей. Только несколько офицеров были верхом на лошадях. Противник открыл ружейный и пушечный огонь, но колонна продолжила движение, сметая *бойни*, используя это для преодоления глубоких рвов и закрепления на склоне земляного вала. Также использовались мушкеты и штыки, воткнутые в края рвов, чтобы солдаты могли выбираться из них. Мужчины делали из себя лестницы, вставая друг на друга, что позволяло их товарищам забираться на парапеты. Времени, затраченного на штурм, было мало. Полковник Прентисс со своими мэрилендцами проник в укрепления в упомянутом месте. Они застали противника врасплох своим присутствием и фланговым огнем и, как и ожидалось, заставили его отступить. Штурмующие роились на стройках, и враги, находившиеся непосредственно перед ними, вскоре были убиты, ранены, взяты в плен или рассеяны. Десять артиллерийских орудий, три боевых знамени и флаг штаба генерала Хета были трофеями моего командования. Третья дивизия вошла первой из-за небольшого расстояния, которое ей предстояло преодолеть. Дивизия Гетти (Вторая), однако, быстро закрепилась в укреплениях справа от угла, за ней справа вплотную следовала дивизия Уитона. Форт на выступающем углу был быстро эвакуирован, и корпус рванулся вперед, овладев лагерями противника. Некоторые рукопашные бои происходили на валах укреплений и в лагерях, в результате которых были потеряны ценные жизни. Солдат Конфедерации вышел из палатки, застрелил капитана Генри Х. Стивенса (110-й полк Огайо) и немедленно предложил сдаться. За неделю до этого в моем присутствии произошел аналогичный инцидент, когда офицер Конфедерации застрелил из пистолета солдата Союза, затем сложил оружие и предложил сдаться. Офицеры редко удерживали солдат от мести на месте за такие трусливые и не солдатские поступки. К счастью, такие инциденты были очень редки.

Хотя до сих пор штурм увенчался успехом, самая большая опасность все еще была перед нами. Опыт научил, что судьба, которая неделю назад постигла Гордона в форте Стедман, была обычной судьбой войск, которые в неизбежно разбитом состоянии проникли внутрь энергичных вражеских позиций. Наша позиция не отличалась от позиции Гордона после взятия им форта Стедман. Слева от нас находился сильный закрытый звездный форт, хорошо укомплектованный людьми и оснащенный пушками. Восстановить порядок сразу было невозможно. Многие из наших людей без приказа ушли далеко на север, некоторые дошли до Южной железной дороги, ведущей в Петербург, которую они начали разрушать.

Следует упомянуть об одном важном инциденте.

Капрал Джон В. Моук (138-й Пенсильванский), пробравшись рано утром со своим товарищем на некоторое расстояние вперед других наших войск, был встречен генералом Конфедерации в сопровождении своего штаба. Генерал потребовал от него сдаться, после чего капрал выстрелил и убил его. Им оказался генерал-лейтенант А. П. Хилл, в то время командовавший правым крылом Ли, и один из самых способных офицеров, которых произвела Конфедерация. Капрал и его товарищ сбежали, и сотрудники Хилла унесли его тело. Утверждалось, что капрал обманул Хилла, притворившись, что сдается, пока генерал не оказался в его власти, а затем застрелил его. В то время я расследовал этот инцидент и убедился, что капрал не прибегал к обману и что его преднамеренное поведение — естественное для него — заставило Хилла и его подчиненных предположить, что он намеревался сдаться.

Но вернемся к захваченным объектам. Я въехал на них верхом, с некоторыми из моих сотрудников, сразу после полковника Прентисса. До этого времени не было отдано никаких общих приказов, за исключением тех, которые были обнародованы перед штурмом. Ряды были сильно разбиты, полки перемешались, и царило возбуждение. На меня была возложена обязанность овладеть следующим фортом слева от нас. Постоянный огонь по нам из этого форта помог вернуть войскам ощущение опасности. День только начинался. Я приказал майору С. Б. Лармо (9-й Нью-Йоркский тяжелый артиллерийский полк) укомплектовать такую трофейную артиллерию, какая была в наличии. Вскоре он приказал четырем орудиям вести огонь по форту, под прикрытием чего я отдал приказ о всеобщем наступлении на все еще неорганизованные войска Союза в форте. Эта атака привела к его захвату с еще шестью орудиями и несколькими пленными. Реальная опасность все еще не миновала. Вскоре выяснилось, что дивизия конфедератов наступала на нас из лагеря слева от нас. Поскольку люди, находившиеся сейчас в захваченном форте, были в дезорганизованном состоянии, я с помощью других офицеров приложил все усилия, чтобы отозвать лишних людей для формирования и избавить его от слишком большой численности для обороны. Мы также пытались укомплектовать орудия форта. Прежде чем мы успели подготовиться, враг атаковал нас в контратаке, и форт с его орудиями был потерян, а часть наших людей попала в плен; однако большая часть бежала на позиции, все еще находящиеся в пределах захваченных рубежей. В этом деле не так много было убитых или раненых. Теперь нам предстояло последнее испытание. Из форта снова посыпались пули, осколки и ружейные пули на наших незащищенных людей. Под прикрытием огня вышеупомянутой трофейной артиллерии (к тому времени обнаружив достаточный запас боеприпасов) нам удалось создать несколько сбитое с толку построение и снова атаковать форт. Соппротивление было упорным, но теперь стало достаточно светло, чтобы отличить друга от врага. Несмотря на кратковременность, на крепостных валах и в этом форте произошла самая решительная и кровопролитная битва дня, в результате которой мы снова взяли его, а вместе с ним его орудия и большую часть дивизии Конфедератов. Храбрый полковник Прентисс, когда он вел штурмовую колонну через парпет форта, был поражен пулей, которая оторвала часть его грудной клетки прямо над сердцем, выставив на всеобщее обозрение ее действие. Он упал в форте в тот самый момент, когда командир батареи конфедератов упал рядом с ним со смертельным ранением. Эти офицеры, лежавшие бок о бок, их кровь смешивалась на земле, и они узнали друг друга. Они были братьями и не встречались четыре года. За ними ухаживали в тех же больницах, те же хирурги и медсестры, с той же нежностью, и отчасти капеллан Профсоюза, их брат. Конфедерат, перенесший ампутацию ноги, умер в Вашингтоне в июне 1865 года, а полковник Прентисс скончался в Бруклине, штат Нью-Йорк, в августе следующего года.

Наши тяжелые бои и кровавая работа в течение дня закончились только что описанной борьбой. Чуть позже мы вместе с другими бойцами корпуса повернули налево, в район Хэтчерз-Ран, снося все перед собой. Затем мы вместе с другими дивизиями корпуса повернули обратно к Петербургу, достигнув внутренней линии укреплений к 10 часам утра

Генерал Парк с Девятым корпусом предпринял энергичную атаку перед фортом Седжвик недалеко от Иерусалимской планк-роуд в то же время, когда Шестой предпринял атаку, и с некоторым успехом, но не смог закрепиться на постоянной основе внутри главных укреплений противника. Только Шестой корпус надежно закрепился на позициях Ли. Это внесло раскол в Конфедерацию.

Тогда армия верила, что конец войны близок, но крови еще не было пролито достаточно, чтобы уничтожить человеческое рабство.

Генерал Орд, которого перевели с фронта у Ричмонда, встретил и отбросил часть войск на Хэтчерз-Ран, а Шеридан продвинулся от Файв-Форкс к Аппоматоксу, оттуда, соединившись с Ордом, двинулся вниз по нему к Питерсбергу. Левый фланг армии Гранта был переброшен через Южную железную дорогу к Аппоматоксу над Питерсбергом, были взяты несколько изолированных внутренних фортов, и враг был оттеснен на свой последний рубеж в пригородах Питерсберга. Грант приказал начать генеральную атаку в 6 часов утра 3-го числа. К настоящему времени, с тех пор как началось общее движение, Ли потерял около 12 000 пленных и около 50 орудий. Количество убитых и раненых было несоразмерно велико. Ли был вынужден отозвать Лонгстрит к северу от Ричмонда, оставив там свои позиции с очень слабой обороной.(7) Генерал Вейцель был оставлен с дивизией к северу от реки Джеймс, чтобы угрожать Ричмонду. Ли рано утром 2-го осознал критическую ситуацию и в 10.30 того памятного субботнего утра телеграфировал мистеру Брекинриджу, военному министру, в Ричмонд:

- Я не вижу перспективы сделать больше, чем удерживать наши позиции здесь до ночи. Я не уверен, что смогу это сделать. Если я смогу, я отступлю сегодня ночью к северу от Аппоматокса, и, если возможно, будет лучше отвести всю линию обороны сегодня ночью от реки Джеймс. Я советую сделать все приготовления к отъезду из Ричмонда сегодня вечером. Я сообщу вам об этом позже, в зависимости от обстоятельств".

Это было вручено мистеру Дэвису во время посещения церкви. Он тихо поднялся и удалился, но значение послания вскоре стало известно и вызвало большой ужас среди жителей столицы Конфедерации. Почти четыре года Ричмонд был непокорным центром восстания. Теперь от него должны были отказаться менее чем за двенадцать часов.

Джефферсон Дэвис телеграфировал Ли:

"Военный министр показал мне ваше донесение. Переезд сегодня ночью приведет к потере многих ценностей, как из-за нехватки времени на упаковку, так и из-за транспортировки. Приготовления продвигаются, и, если вы не прикажете иного, начало будет положено".

Ли ответил:

- Я считаю абсолютно необходимым, чтобы мы оставили наши позиции сегодня ночью. Я отдал войскам все необходимые приказы по этому вопросу, и я надеюсь, что операция, хотя и трудная, будет проведена успешно. Я приказал генералу Стивенсу послать офицера к вашему превосходительству, чтобы объяснить вам маршруты, по которым войска будут переброшены в Амелия Корт-Хаус, и предоставить вам проводника и любую помощь, которая может потребоваться вам самим".(8)

Ричмонд и Петербург были эвакуированы в ночь на 2 апреля. Войска в двух городах и их окрестностях начали отходить в 8 часов вечера, и им было приказано сосредоточиться в Амелия Корт-Хаус, примерно в шестидесяти милях отсюда, где Ли приказал собрать припасы для своей армии. Юэлл отвел войска к северу от Ричмонда и морскую пехоту с "Джеймса". Не хватало транспорта для перевозки архивов и других ценностей нескольких департаментов Конфедерации, не говоря уже о другой государственной и частной собственности. Армейские припасы должны были быть уничтожены или брошены. Паника охватила город, и при поджоге

нескольких общественных магазинов он загорелся в двух местах, и если бы не прибытие около 8 часов утра 3-го числа войск Союза под командованием Вайцеля, он сгорел бы дотла. Петербург мало пострадал при эвакуации. Его мэры и городской совет сдали его около 4 часов утра 3-го. Осаждающей армии, так долго стремившейся овладеть им, не разрешили войти в него.

Президент Линкольн находился в Сити-Пойнте, когда началось движение армии Гранта, и оставался там до тех пор, пока не пали Ричмонд и Питерсбург. Грант 2-го числа, в ожидании дальнейшего успеха, предложил президенту навестить его на фронте на следующий день. Мистер Линкольн соответственно встретился с Грантом в Питерсберге утром в день капитуляции и провел с ним полуторачасовую беседу. Госсекретарь Стэнтон, узнав, что президент намеревается отправиться на фронт, телеграфировала из Вашингтона утром 3-го, протестуя против того, что он подвергает "нацию риску любой катастрофы для себя в погоне за таким опасным врагом, как армия повстанцев".

Президент ответил из Сити-Пойнта в 17 часов вечера:

Ваше письмо получено. Спасибо за предупреждение, но я уже был в Питерсберге. Пробыл у Гранта полтора часа и вернулся сюда. Теперь ясно, что Ричмонд в наших руках, и я отправлюсь туда завтра. Я позабочусь о себе".(9)

Мистер Линкольн прибыл в Ричмонд 4-го числа (пешком с лодки), почти без личной охраны, и вызвал высочайший интерес людей, особенно рабов, которые смотрели на него как на своего спасителя и обожали его. Их ликование не было предела. Находясь там, он консультировался с судьей Дж. А. Кэмпбеллом и другими бывшими лидерами Конфедерации, обсуждал планы реконструкции и зашел так далеко, что санкционировал созыв Законодательного собрания Конфедерации Вирджинии с целью вывода войск Вирджинии из состава армии.(10)

Он был в великодушном настроении, готовый на многое пойти, чтобы обеспечить скорейшее восстановление Союза.

Г-н Кэмпбелл излагает позицию Президента следующим образом:

"Его обязательными условиями являются восстановление авторитета Соединенных Штатов и роспуск войск, а также отказ с его стороны от своей позиции по вопросу рабства, определенной в его послании в декабре и других официальных документах. Все остальные вопросы должны быть решены на условиях искренней щедрости. Он говорит, что любому государству, которое незамедлительно примет эти условия, он откажется от конфискации, за исключением случаев, когда третьи лица приобрели неблагоприятные интересы".(11)

Авраам Линкольн вернулся из Ричмонда в Вашингтон, переполненный надеждой, радостью и мыслями о великодушном обращении со своими непокорными соотечественниками. Ему тоже вскоре предстояло стать жертвой во искупление грехов своего народа. Он пал на вершине человеческой славы от рук вероломного убийцы 14 апреля 1865 года. (12) Великие и скромные друзья свободы не только его собственной страны, но и всего мира плакали. Однако ему было позволено взглянуть через открывающиеся врата мира на восстановленный Союз со всеобщей свободой под одним флагом.

(1) См. карту, а также *Сражения и лидеры войны*, том iv., стр. 538.

(2) Одному предприимчивому конфедерату удалось скрыться на наших позициях с фургоном и шестью мулами из отряда, собиравшего дрова. Его наряд был оценен в 1200 долларов.

(3) *Мемуары Гранта*, том ii., стр. 460.

(4) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 145-7.

(5) Генерал Райт, говоря об этой позиции в своем отчете о штурме укреплений Питерсберга, говорит:

Здесь следует отметить, что, если бы не успех 25-го ультимо, в ходе которого была взята линия укреплений противника, хотя и ценой человеческих жертв, которая в то время, казалось, едва ли оправдывала движение, атака 2-го гв. на главных направлениях наступления противника успех был бы невозможен. Завоеванная таким образом позиция была незаменима для операций на главных направлениях, поскольку предоставляла место для сбора атакующих колонн на расстоянии удара от основных укреплений противника ". *Военные отчеты*, том. xlvii., часть I., стр. 903.

(6) *Военные отчеты*, том II. xlvii., Часть I., стр. 954.

(7) *От Манассаса до Аппоматтокса*, стр. 603-5.

(8) *Военные отчеты*, том II. xlvii., Часть III., стр. 1378.

(9) *Военные отчеты*, том II. xlvii., Часть III., стр. 509.

(10) *Там же.*, стр. 612, 655-7, 724-5.

(11) *Военные отчеты*, том ii. xlvii., Часть III., стр. 723.

(12) Авраам Линкольн вечером 14 марта 1865 года посетил театр Форда в Вашингтоне в компании миссис Линкольн, мисс Харрис и майора Генри Р. Рэтбоуна (дочери и пасынка сенатора Айры Харрис от Нью-Йорка) и, находясь в частной ложе (в 10 часов вечера), был застрелен Джоном Уилксом Буттом. Пуля вошла ему в голову с левой стороны, прошла через мозг и застряла за левым глазом. Его отнесли в дом через дорогу, где он скончался (так и не придя в сознание после выстрела) в двадцать две минуты восьмого утра 15 апреля 1865 года. Госсекретарь Стэнтон, стоявшая рядом с ним, когда его жизнь уходила, более чем пророчески сказала: "*Теперь он принадлежит эпохе*".

Той же ночью была предпринята попытка покушения на госсекретаря У. М. Х. Сьюарда, которая была близка к успеху. Он был, как и его сын Фредерик, ужасно ранен и избит.

ГЛАВА XIII Битва при Сейлорз—Крик, 6 апреля -Капитуляция армии генерала Роберта Э. Ли у здания суда Аппоматтокса, 9 апреля 1865 г. —Капитуляция других армий Конфедерации и окончание войны за восстание

Ричмонд и Петербург были эвакуированы, и Потомакская армия на рассвете 3 апреля 1865 года, согласно приказу, двинулась маршем на запад. Его единственной целью теперь была армия Конфедерации. Грант приказал некоторым корпусам своей армии продолжать преследование

на линии отступления Ли, а другим двинуться на запад по дорогам дальше на юг, чтобы нанести удар по другим дорогам, необходимым Ли для завоевания Северной Каролины, где он мог бы соединиться с генералом Джо Джонстоном, который в то время пытался остановить продвижение Шермана.

Вскоре стало известно, что Джефферсон Дэвис и его кабинет достигли Дэнвилла, штат Вирджиния, и провозгласили его резиденцией правительства Конфедерации.

Чтобы добраться до Дэнвилла, Ли напряг всю свою энергию.

Продуманные и энергичные действия нескольких корпусов армии Союза с утра 3 апреля до капитуляции Ли станут непреходящим свидетельством военного гения Гранта, ставящим его в один ряд с великими стратегами мира. Офицеры Ли были знакомы с дорогами; местные жители были их друзьями; его отступление проходило по более короткому пути, и он выступил ночью. Генералы Мид, Шеридан, Орд, а также корпусные командиры получили заслуженную известность благодаря успешному выполнению нескольких своих командований.

Мид держал свои силы в руках и стремительно продвигал их к желаемым рубежам. Шеридан был неукротим и безжалостен в своем кавалерийском преследовании. Грант сопровождал армию, иногда с одной ее частью, затем с другой, всегда зная, что происходит, и положение всех войск. Его приказы выполнялись беспрекословно. Отдых или сон были невозможны в течение какого-либо длительного времени. Недавние и продолжающиеся дожди сделали дороги практически непроходимыми для артиллерийских поездов. Команды были удвоены, а половина артиллерии и повозок осталась позади. Ли взялся распорядиться об отправке припасов в Берквилл, где он ожидал их встретить. Кавалерия Шеридана захватила 4 апреля гонца с депешами в сапогах, которые он доставлял в Берквилл для телеграфирования в Дэнвилл и Линчбург, предписывая отправить в Берквилл 300 000 пайков. Шеридан с помощью разведчиков, переодетых повстанцами, доставил депеши в Берквилл и отправил их с расчетом, что он захватит пайки по их прибытии. Они не добрались до Берквилля, но из Линчбурга было отправлено несколько поездов с грузом. Кавалерия Шеридана встретила их на станции Аппоматтокс 8-го числа и приняла их большими партиями: локомотивы, поезда и все остальное.(1)

Поздно вечером 5-го Ли неторопливо двинул свою армию от Амелия Корт-Хаус в сторону Берквилля. Кавалерия Шеридана с небольшим количеством пехоты овладела Джетерсвиллем на дороге, которую пытался преследовать Ли. Шеридан яростно атаковал наступление Ли и отбросил его назад, вынудив его сформировать свою армию для битвы. Это заняло так много времени, что, когда они были готовы к атаке, приближалась ночь, и Пятый и Шестой корпуса прибыли или прибывали. Побег Ли в Дэнвилл через Берквилл был больше невозможен. День был слишком затрачен для сражения. Грант все еще перебрасывал свой корпус по разным дорогам, чтобы перехватить отступление Ли. Главная ошибка Ли заключалась в том, что он не сосредоточил свою армию 4-го числа у Берквилля, перекрестка двух железных дорог, а не у Амелия Корт-Хаус. Предполагалось, что решающее сражение произойдет при Джетерсвилле, но ночью Ли отступил.

Генерал Ли утверждал, что потерял один день в Амелия Корт-Хаус на сбор средств к существованию, потому что его приказ собрать их там перед отступлением был проигнорирован.(2)

Джефферсон Дэвис прибыл в Дэнвилл, штат Вирджиния, с членами своего кабинета министров 3 апреля, а 5-го он опубликовал прокламацию, которую впоследствии охарактеризовал так:

"Если рассматривать это в свете последующих событий, можно справедливо сказать, что оно было чрезмерно оптимистичным". В нем он использовал такие выражения, как:

"Давайте только пожелаем этого, и мы будем свободны. Я объявляю вам, соотечественники, что моей целью является поддерживать ваше дело всем сердцем и душой; что я никогда не соглашусь отдать врагу ни пяди земли любого из штатов Конфедерации; этого благородного штата Вирджиния, древняя слава которого была затмлена его еще более славной недавней историей; чья грудь была обнажена, чтобы принять на себя главный удар войны; чьи сыновья и дочери проявили героизм, столь возвышенный, что прославил ее на все грядущие времена — эта Вирджиния с помощью народа и благословения Бога была создана для того, чтобы защищать ее от врагов. Провиденс будет удерживаться и защищаться, и никогда не будет заключен мир с позорными захватчиками ее территории.

"Если из-за численного превосходства мы будем вынуждены временно отступить из ее пределов или пределов любого другого пограничного государства, мы будем возвращаться до тех пор, пока сбитый с толку и измученный враг в отчаянии не откажется от своей бесконечной и невыполнимой задачи превращения свободных людей в рабов".(3)

Вследствие смерти Хилла Ли разделил свою армию на два крыла: Юэлл командовал одним, а Лонгстрит - другим, его кавалерией командовал Фитцхью Ли, а артиллерией - Пендлтон.

Армия Конфедерации в ночь на 5 апреля оставила здание суда Амелии и по окольным проселочным дорогам попыталась пройти вокруг Союза слева через Дитонвилл и Пейнсвилл к зданию суда принца Эдварда, надеясь все еще иметь возможность бежать в Дэнвилл.

На рассвете 6-го числа силы Союза в Джетерсвилле двинулись в боевом порядке к Амелия Корт-Хаус, и несколько драгоценных часов было потеряно на выяснение направления отступления Ли. Однако вскоре наша армия была отброшена контрмаршем к Джетерсвиллю, а оттуда, разными дорогами и независимо от них, форсированными маршами, она стремилась перехватить Ли. Следует помнить, что войска Ли отдыхали один день или больше с тех пор, как покинули Питерсбург и Ричмонд, а у армии Гранта не было отдыха, и последняя передвигалась как ночью, так и днем, и ее нерегулярно кормили. Наиболее привлекательные приказы были отданы генералом Мидом своей армии с призывом пойти на необходимые жертвы и приложить усилия, чтобы догнать и свергнуть армию Ли. Я цитирую приказ Мида от ночи 4 апреля:

"Генерал-майор, командующий войсками, считает, что ему достаточно напомнить Потомакской армии об успехе часто повторяющихся доблестных боев с армией Северной Вирджинии, и когда он заверит армию, что, по мнению такого выдающегося офицера, как генерал Шеридан, требуются только эти жертвы, чтобы довести этот длительный и отчаянный конфликт до

победного исхода, солдаты этой армии покажут, что они так же готовы умереть от усталости и голода, как они когда-либо проявляли готовность пасть от пуль врага".(4)

Этот приказ, когда его зачитали полкам, вызвал громкие аплодисменты. Среди генералов Гранта царила совершенная гармония действий; все прилагали максимум усилий. 4-го числа Шеридан отправил Гранта: "Если мы будем настаивать, то, без сомнения, получим всю армию". И снова 6-го: "*Если на нас будут давить, я думаю, Ли сдастся*". (5) Сообщается, что после отправки этих депеш президенту Линкольну, все еще находящемуся в Сити-Пойнте, он телеграфировал Гранту: "Пусть на нас давят".(6)

Лично Грант уделял больше внимания передвижениям своих войск к важным местам, чем сражениям. Он особенно беспокоился о том, чтобы командование Орд было ускорено на линии к югу от Ли. Грант всегда был на связи с Мидом и Шериданом, но 5 и 6 числа он был с Ордом. Вечером 5-го он отправил из Ноттоуэйского суда в Мид:

"Ваши действия верны. Армия Ли - это цель, и захватить ее - это все, чего мы хотим. Орд прошел сегодня пятнадцать миль, чтобы добраться сюда, и продолжает путь. Вероятно, он достигнет Берквилля сегодня ночью. Мой штаб будет сопровождать наступление".(7)

Шеридану, командовавшему кавалерией, часто временно поручали также командование пехотным корпусом.

В преследовании 6-го числа из Джетерсвилля корпус Райта последовал за кавалерией Мерритта и около 3 часов дня, после форсированного марша в восемнадцать миль, частично без дорог, по холмистой местности и под палящим солнцем, столкнулся с частью своих войск, которая вела ожесточенный бой, пытаясь захватить дорогу в точке примерно в двух милях от Сейлорз-Крик слева и примерно на таком же расстоянии от Дитонвилля справа, по которой отступало крыло Юэлла армии Ли. Юэлл направлялся в сторону станции Райс, чтобы образовать перекресток с Лонгстрит, оба намеревались двигаться на юг через здание суда принца Эдуарда. Орд вместе с армией Джеймса поздно вечером того же дня столкнулся с Лонгстритом на станции Райс. Третья дивизия Шестой была впереди, и моя бригада вышла в боевой порядок и быстро вступила в бой, почти не останавливаясь для построения, и вместе с кавалерией атаковала и отбросила врага через дорогу, захватив много пленных, повозки и несколько артиллерийских орудий, включая штабные повозки генерала Хета.

Вскоре после того, как мы добрались до этой дороги, произошел инцидент. Другая дорога с запада пересекалась в этом месте с той, которую мы только что захватили и на которой у противника была батарея, которая яростно обстреливала нас. Я поспешил к пересекающейся дороге, чтобы дать команду нескольким моим полкам атаковать и захватить батарею или отогнать ее. Вскоре прискакали генералы Шеридан и Райт со своими штабами. Шеридана сопровождал большой духовой оркестр, который начал играть *Да здравствует Вождь* или какую-то другую, тогда еще нежелательную музыку. Это привлекло огонь батареи с еще большей яростью на весь отряд. И Шеридан, и Райт были слишком горды духом, чтобы уйти в отставку в присутствии солдат или друг друга, хотя в этом и не было необходимости в том месте. Сухие ветви сосен, с грохотом падавшие вокруг нас, и разрывы снарядов делали ситуацию крайне неловкой, а жизни других людей приносились в жертву или подвергались опасности из-за присутствия уважаемой стороны. Будучи непосредственным командующим тамошними войсками, я предложил генералам отойти с дороги, но поскольку они не отступили, я приказал

атаковать "*шумную группу*" и, таким образом, заставил весь отряд отступить в более безопасное место. Некоторые из них были вполне готовы уйти.

Я отдал полковнику Бинкли такой настоятельный приказ заставить батарею замолчать, что он преследовал ее с отделением на таком расстоянии, что не успел присоединиться к бригаде вовремя, чтобы принять участие в главном сражении дня, которое еще предстояло разыграть.

Крыло армии Конфедерации под командованием Юэлла в основном продвинулось к месту назначения. Шеридан немедленно отдал приказ о преследовании, а Райт руководил им. Арьергард Юэлла упорно сражался и медленно отступал через лес, пока не достиг Сейлорз-Крик. Прибыла дивизия Уитона и присоединилась к третьей слева в атаке и преследовании. Кавалерия Мерритта быстро обошла Юэлла справа, чтобы перехватить отступление. Мерритт форсировал Сейлорз-Крик вместе с дивизиями Кастера и Девина к югу от дороги, по которой отступал противник.

Генерал Р. С. Юэлл переправился через Сейлорз-Крик и около 5 часов вечера занял сильную позицию на высотах на его западном берегу. Эти высоты, за исключением фасада, были покрыты лесом. Там было ровное, обработанное дно шириной около полумили, полностью на восточном берегу ручья. Сейлорз-Крик, тогда сильно разлившийся, омывал подножие высот, на которых Юэлл разместил свою армию. Он надеялся продержаться на своей позиции до ночи, когда под покровом темноты сможет сбежать в сторону Дэнвилла.

Наши войска были временно остановлены на холмах у восточного края долины, в пределах досягаемости вражеских орудий, и позиции были спешно скорректированы.(8) Артиллерия заняла позиции и сразу же открыла шквальный огонь. Была предпринята попытка подтянуть шестую дивизию Гетти и подразделение моей бригады под командованием Бинкли, но день был слишком затрачен, чтобы дожидаться их прибытия. Было совершенно очевидно, что Юэлл превосходил численностью наши силы в строю, и наши люди были пешими в течение двенадцати часов. Райт колебался в этих обстоятельствах, но Шеридан, вышедший на передовую, посоветовал начать штурм.(9) Затем Райт быстро приказал пехоте, находившейся на поле боя, предпринять атаку под прикрытием артиллерии. Кавалерийской бригаде полковника Стэгга было приказано атаковать правый фланг противника, а кавалерии Мерритта и Крука предстояло атаковать еще дальше, обходя его справа и в тыл.

Юэлл прикрыл свой фронт сильной линией пехоты и сосредоточил большие силы в колонне позади своего центра, чтобы их можно было использовать в случае необходимости в ходе сражения. Кавалерия Юэлла прикрывала его справа и с тыла. Генерал Р. Х. Андерсон и Дж. Б. Гордон со своими корпусами опередили Юэлла при форсировании Сейлорз-Крик, и Шеридан, который теперь лично перешел с фронта в обход Мерритта, встретил их на некотором расстоянии от тыла позиции Юэлла. Поезда конфедерации были на пути к станции Райс, где Лонгстрит противостоял Орд, однако ни тот, ни другой не желали нападать друг на друга.

План состоял в том, чтобы Андерсон и Гордон атаковали и зачистили тыл, в то время как Юэлл остановил пехоту у ручья.(10) Последняя располагала тремя пехотными дивизиями и частями других войск под командованием генералов Кершоу, Г. В. Кастиса Ли, Пикетта, Бартона, Дюбоуза, Корса, Хантона и других наиболее выдающихся офицеров Армии Конфедерации. Коммодор Джон Рэндольф Такер, ранее служивший в ВМС США и командовавший бригадой морской пехоты, был размещен на склоне высот на фронте Юэлла. Полковник Кратчфилд,

который недавно возглавлял артиллерию в Ричмонде, командовал большой бригадой артиллеристов, выполнявших функции пехоты.

Около 5 часов вечера две дивизии Шестого полка спустились с холмов единой линией и неуклонно продвигались через долину под разрушительным огнем. С мушкетами и ящиками с боеприпасами через плечо солдаты перешли вброд разлившийся ручей. Хотя глубина воды составляла от двух до четырех футов, ручей пересекли без остановки. Многие падали на равнине и в воде, а те, кто добрался до западного берега, были в некотором беспорядке. Однако офицеры, сопровождавшие войска, отдали команду штурмовать высоты, и она была выполнена. Только в нескольких ярдах от противника, поднимавшегося на высоту, наши люди открыли огонь. Передовые позиции противника дрогнули, и казалось, что легкая победа вот-вот будет достигнута, но прежде чем мы достигли гребня, Юэлл со своими массированными войсками предпринял стремительную атаку на наши позиции и прорвался сквозь них. Наш центр был полностью разбит, и катастрофическое поражение для нас казалось неминуемым. Однако теперь большая колонна пехоты конфедерации подверглась возобновленному обстрелу массированной артиллерии Райта с холмов к востоку от долины.

Правый и левый фланги атакующей линии добились большего успеха, оттеснив всех на своем фронте, и, полностью игнорируя поражение центра, упорно продвигались вперед, каждый совершал поворот, как на оси в центре, пока войска противника не были полностью окружены и подвергнуты смертельному огню с обоих флангов, а также из артиллерии впереди. Разлившийся ручей препятствовал наступлению на наши неохранные батареи. Кавалерия в одновременной атаке примерно в это время опрокинула все перед собой справа и сзади от конфедератов. Офицеры Юэлла доблестно приложили все усилия, чтобы предотвратить катастрофу, и храбро попытались выстроиться в шеренги справа и слева, чтобы отразить теперь уже яростные фланговые атаки. Это, однако, оказалось невозможным. Наших людей оттеснили, открыв огонь на расстояние нескольких футов от скопления конфедератов, что сделало невозможным любое переформирование или смену фронта с их стороны и быстро привело к безнадежному беспорядку. Несколько человек были заколоты штыками с каждой стороны. Враг быстро падал, почти не нанося ударов. Бегство стало невозможным, и ничего не оставалось, чтобы положить конец кровавой бойне, кроме как конфедератам сложить оружие и сдаться в плен. Когда мрак надвигающейся ночи опустился на поле боя, теперь покрытое мертвыми и умирающими, артиллерийский и ружейный огонь прекратился, и генерал Юэлл вместе с одиннадцатью генералами-офицерами и почти всеми оставшимися в живых из его доблестной армии оказались в плену. Юэлл, Кершоу, Г. В. Кастис Ли (сын генерала Р. Э. Ли) и другие сдались Шестому корпусу. Бартон, Корс, Хантон, Дюбоуз и другие были взяты в плен кавалерией. Кратчфилд из артиллерийской бригады был убит недалеко от меня, а его команда захвачена в плен или рассеяна. Генералам Андерсону и Гордону удалось скрыться с частью дивизии Б. Р. Джонсона, а Пикетту удалось спастись примерно с шестью сотнями человек. (11) Бригада морской пехоты Такера численностью около двух тысяч человек сдалась мне в полном составе немного позже. (12) Его пропустили в начале атаки. Около тридцати пяти офицеров этой бригады до войны служили в военно-морском флоте Соединенных Штатов. Бригада состояла из военно-морских сил, которые недавно служили на канонерских лодках и речных батареях на реке Джеймс ниже Ричмонда. Как пехотинцы они представляли собой жалкую фигуру, но они были храбры и стояли на назначенной позиции после того, как все остальные члены их армии были разгромлены. Они ничего не знали о бегстве, и их взяли как единое целое. Из-за своего первого положения они сильно пострадали. При разоружении обнаружился целый фургоныли

более пистолетов всех образцов, собранных со всех стран цивилизованного мира. Некоторые инциденты, связанные с капитуляцией этой бригады, могут представлять интерес.(13)

Командование Такера не сразу поглотила общая катастрофа. Такер, предприняв отважную атаку, отвел его с незащищенной позиции в густой лес в углублении на утесах. Ближе к концу сражения, как раз в сумерках, мне доложили, что в этом лесу находится отряд конфедератов. Я предпринял две тщетные попытки установить с ним связь и уведомить его командира, что он находится в нашей власти. Наконец, у меня возникли некоторые сомнения относительно его присутствия там, где сообщалось, а мои сотрудники и санитары были заняты переформированием войск и заботой о заключенных, я поехал один на разведку. Пройдя небольшое расстояние по лесу, я, к своему удивлению, наткнулся на бригаду Такера в боевом порядке, частично скрытую подлеском. Чтобы избежать поимки, я прибегнул к хитрости. Громким голосом я отдал команду "Вперед", и ее повторили офицеры Конфедерации по всей линии. Я повернулся, чтобы поскакать к своим войскам. Густые заросли мешали двигаться быстрее, и поэтому морские пехотинцы следовали за моей лошадью по пятам. Когда мы приблизились к открытому пространству, ближайший конфедерат обнаружил, что я офицер Союза, и закричал "Застрелите его". Когда я повернулся, чтобы сдаться, возникла некоторая неразбериха и прозвучало несколько выстрелов, но Такер и капитан Джон Д. Семмс, находясь рядом со мной, отбили мечами стволы ближайших винтовок и спасли мне жизнь. Из этой ситуации, прижавшись к шее моей лошади, я вырвался к своему собственному командованию. С отрядом я сразу же вернулся в лес, где встретился с Такером и объяснил ему ситуацию, о которой он не знал, и немедленно принял его капитуляцию вместе со своей бригадой. Позже, когда Такер и Семмс были заключенными на острове Джонсона, недалеко от Сандаски, они обратились ко мне с просьбой ходатайствовать об их освобождении, что я с большой радостью и успехом сделал. Каждый из них в начале войны служил в военно-морском флоте Соединенных Штатов, что привело к их исключительному содержанию в качестве заключенных по приказу президента Джонсона.(14)

Пехота под командованием Райта, участвовавшая в битве при Сейлорз-Крик, ни разу не превышала десяти тысяч человек. Число участвовавших в атаке через равнину и штурме высот не превышало семи тысяч человек, что было меньше по численности, чем у противника, захваченного в плен на поле боя. Утверждалось, что в битве участвовал Второй корпус Хамфриса, и некоторые офицеры Конфедерации утверждают, что атака была предпринята тридцатью тысячами человек под командованием Райта. Вечером 6-го у Хамфриса действительно была оживленная перестрелка, и он захватил значительный обоз далеко справа от поля боя, и в ней участвовал отряд под командованием полковника Бинкли из моей бригады.(15)

Шестое подразделение Гетти не вышло на поле вовремя, чтобы вступить в бой.(16) Результаты, будучи столь значительными, естественно, побудили заинтересованные стороны преувеличить численность атакующих сил.(17)

Шеридан в своем отчете от 16 мая 1865 года, говоря об атаке пехоты, говорит: "Это было великолепно, но не более того, чего я имел основания ожидать от доблестного Шестого корпуса". И он говорит о сражениях кавалерии и пленениях так:

"Кавалерия в тылу противника атаковала одновременно, и противник, после доблестного сопротивления, был полностью окружен, и почти все бросили оружие и сдались. Генерал Юэлл,

командовавший силами противника, ряд других генеральских офицеров и еще около 10 000 человек были взяты нами в плен. Большинство из них попало в руки кавалерии, но у них не больше прав требовать их, чем у Шестого корпуса, которому в равной степени принадлежит заслуга в результате этого сражения".

Наши потери убитыми и ранеными были сравнительно невелики; потери противника были велики, но не пропорциональны его потерям в плену. Через неделю после битвы я посетил поле боя и мог бы тогда много раз подряд наступать на трупы конфедератов вдоль высоты, удерживаемой врагом, когда началось сражение.

Захват Юэлла и его генералов с большей частью подчиненных им сил и рассеяние остатков крыла Юэлла армии Ли были непоправимыми бедствиями для Конфедерации. Ли больше не мог надеяться справиться с преследующей армией. Шестому корпусу выпала выдающаяся честь нанести решающие удары по Питерсбергу 2-го и по Сейлорз-Крик 6 апреля 1865 года.

сейлорз-Крик по праву можно назвать последним полевым сражением войны. Выдающийся генерал Конфедерации Уэйд Хэмптон в статье для журнала *Century* назвал битву при Бентонвилле, Северная Каролина, "последним важным сражением войны ... последним генеральным сражением Гражданской войны". Могут возникнуть разногласия относительно того, где и когда состоялось последнее "генеральное сражение" войны. Несомненно то, что крупномасштабный конфликт закончился не в Бентонвилле и кровь перестала литься во время великого Восстания. Основные бои в Бентонвилле велись 19 марта 1865 года, и хотя это сражение с полным основанием можно назвать полевым и имело немалые масштабы, оно не было последним. Здесь не место вступать в какие-либо споры о последних сражениях, их характере и значении, но, возможно, будет уместно привлечь внимание к наиболее выдающимся сражениям и т.д., произошедшим после 19 марта 1865 года.

Форт Стедман, расположенный напротив Питерсберга, штат Вирджиния, был атакован и временно взят генералом Конфедерации Гордоном 25 марта 1865 года, и хотя бои, последовавшие за возвратом форта и изгнанием атакующих сил, нельзя назвать генеральным сражением, тем не менее, они были кровопролитными. В тот же день перед Петербургом произошли другие ожесточенные бои.

Файв-Форкс, Вирджиния, сражение кавалерии генерала Шеридана и Пятого корпуса Потомакской армии, 1 апреля 1865 года, велось за пределами укреплений кавалерией, пехотой и артиллерией вместе взятыми, шли атаки и контратаки, длившиеся несколько часов, потери были тяжелыми убитыми и ранеными. Много пленных было взято там командованием Шеридана. Файв-Форкс был обычным боевым столкновением.

Нападения и конфликты на валах фортов и укреплений и вокруг них (несравненно кровавые) перед Питерсбергом, штат Вирджиния, 2 апреля 1865 года, которые прорвали сильные линии обороны армии генерала Ли, обратили ее в бегство и уступили Питерсбергу и Ричмонду Конфедерации, не могут быть отнесены к разряду общеполевых сражений.

Следующим по порядку был сейлорз-Крик, сражался 6 апреля 1865 года.

Штурм и взятие форта Блейкли близ Мобила, штат Алабама, состоялись 9 апреля 1865 года. Если Блейкли можно назвать генеральным сражением, то это было последнее сражение в войне. Однако в основном это была атака войск Союза под командованием генерала Э. Р. С. Кэнби на

укрепления, хотя и с богатыми результатами. Убитыми и ранеными при Блейкли в обеих армиях были около 2000 человек. Войска Кэнби захватили 3423 человека, 40 артиллерийских орудий, 16 боевых знамен и т.д. Призом, за который боролись который выиграли, был Мобил, окружающие его форты и военно-морской флот Конфедерации в гавани Мобила.

На ранчо Пальметто, штат Техас, 13 мая 1865 года, недалеко от поля битвы генерала Закари Тейлора при Пало-Альто (8 мая 1846 г.), первой в Мексиканской войне, и примерно в двух тысячах миль от Большого Бетеля, места 10 июня 1861 года первого значительного сражения Восстания, произошло оживленное сражение, которое, однако, едва ли превосходило по достоинству стычку или *интрижку*, хотя оно ни в коем случае не было бескровным. (Масштабы сражений во время Восстания затмевались по сравнению с *делами* или стычками, которые раньше в этой и других странах назывались битвами.)

Полковник Теодор Х. Барретт командовал силами Союза на ранчо Пальметто, а генерал Дж. Э. Слотер - конфедератами.

62-й цветной пехотный полк Соединенных Штатов в этом бою, вероятно, произвел последний яростный залп в войне, и сержант Крокет из этого полка (через три дня после пленения Джефферсона Дэвиса) получил последнее ранение от вражеской пули повстанцев и, следовательно, пролил последнюю свежую кровь в войне, что привело к свободе его расы в Соединенных Штатах. Неотразимо напрашивается наблюдение, что на месте первого сражения Мексиканской войны — войны, начатой за приобретение территории рабовладельцев, — и *первого* сражения, в котором участвовал генерал-лейтенант (тогда второй лейтенант) У. С. Грант, почти ровно девятнадцать лет спустя произошел последний конфликт в войне за сохранение Союза, в ходе которого рабство в нашей Республике было полностью уничтожено.

Но вернемся к отступлению и завершим рассказ о Сейлорз-Крик, или "Забытой битве". Можно честно сказать, что это было не только последнее генеральное сражение войны, но и то, в котором в ходе настоящего конфликта было захвачено в плен больше офицеров и рядовых, чем в любом сражении современности.

Было несколько боев между кавалерией двух армий и множество мелких стычек между авангардом и арьергардом, но четырехлетние тяжелые бои между армией Северной Вирджинии и армией Потوماка закончились у Сейлорз-Крик.

Во время сражения Ли находился вместе с Лонгстритом на станции Райс, в двух милях от него, с нетерпением ожидая новостей от генерал-лейтенантов Юэлла и Андерсона. Генерал Махоуни рассказывает, что произошло, когда полковник Венейбл из штаба Ли доложил своему начальнику кое-что о катастрофе в Сейлорз-Крик:

Генерал Ли воскликнул: "Где Андерсон? Где Юэлл? Странно, что я ничего не слышу от них". Затем, повернувшись ко мне, он сказал: "Генерал Махоуни, у меня нет других войск, вы отведете свою дивизию в Сейлорз-Крик?" и я немедленно отдал приказ по левому флангу, и мы двинулись к Сейлорз-Крик, где произошла катастрофа. Генерал Ли ехал со мной, полковник Венейбл немного сзади. Когда мы достигли южного гребня возвышенности у пересечения речной дороги с видом на Сейлорз-Крик, катастрофа, постигшая нашу армию, была как на ладони, и картина не поддавалась описанию — спешащие погонщики со своими упряжками и оборванными тросами (без повозок), отступающая пехота без ружей, многие без шляп,

безобидная толпа, в то время как массивные колонны противника упорядоченно двигались дальше. При виде этого зрелища генерал Ли выпрямился в седле и, став еще более похожим на солдата, чем когда-либо, воскликнул, словно разговаривая сам с собой: "Боже мой! армия распалась?" Так быстро, как только я мог контролировать свой голос, я ответил: "Нет, генерал, здесь войска, готовые выполнить свой долг"; когда он смягченным голосом ответил: "Да, генерал, осталось несколько настоящих мужчин. Не могли бы вы, пожалуйста, задержать этих людей?" Когда я размещал свою дивизию на позиции, чтобы "задержать этих людей", только что упомянутый отступающий табун столпился вокруг генерала Ли, когда он сидел на лошади с боевым знаменем Конфедерации в руке. Я подъехал и попросил его отдать мне флаг, что он и сделал.

- Дело близилось к закату, и он хотел узнать у меня, как отсюда выбраться. Я ответил: "Пусть генерал Лонгстрит поедет по речной дороге в Фармвилл и там переправится через реку, а я пойду через лес к Высокому мосту (железнодорожному мосту) и переправлюсь там". На это он согласился".

С наступлением темноты Лонгстрит отступил в Фармвилл и там утром 7-го переправился через Аппоматтокс, а Махоуни и разбитые отряды с теми обозами и артиллерией, которые еще оставались у Ли, переправились по Высокому мосту. Все мосты были полностью или частично разрушены противником при их прохождении.

Результат операций 6 апреля вынудил Ли перекрыть все дороги, ведущие в Дэнвилл, и его целью стал Линчбург.

Планы Гранта не оправдывали остановку на поле Сейлорз-Крик на время, достаточное для того, чтобы похоронить убитых, или даже для того, чтобы позаботиться о наших раненых, и, хотя наступила ночь, потрепанные в боях солдаты, голодные и измученные, двинулись дальше. Шестой корпус расположился лагерем в 10 часов вечера недалеко от станции Райс, примерно в трех милях от поля боя. Другие подразделения на других направлениях продолжали свою работу, и их операции также способствовали срыву планов Ли по побегу.

Единственная серьезная катастрофа произошла 6-го числа с отрядом нашей армии. Орд, которому было приказано блокировать все пути отступления, отрядил полковника Фрэнсиса Уошберна с 123-м огайским полком и частями 54-го Пенсильванского и 4-го Массачусетского кавалерийских, всего около восьмисот человек, разрушить Высокий мост через Аппоматтокс ниже Фармвилля. Позже в тот же день полковник Томас Рид из штаба Ord с восьмьюдесятью кавалеристами был отправлен отозвать Уошберна. Отряды встретились и, прорвавшись примерно на две мили к мосту, столкнулись с передовой кавалерией и пехотой Ли. Уошберн и Рид провели одно из самых доблестных сражений войны, но вскоре были окружены. Они вели неоднократные атаки, пока оба не пали, смертельно раненные. Только после того, как пала большая часть командования, оно сдалось. Потери конфедерации были серьезными, особенно в офицерском составе. Из-за этого дела Ли потерял драгоценное время, поскольку упорство боя заставило его поверить, что перед ним крупные силы Союза.

Шестому корпусу, находившемуся после Сейлорз-Крик, было приказано преследовать армию Ли напрямую. Его работа по обходу с флангов была выполнена; его задачей было напасть на тыл Ли, задержать его и, по возможности, втянуть в бой.

Шеридан с кавалерийской дивизией Мерритта, сопровождаемый Ордом и Пятым корпусом, продолжил движение на запад, получив приказ не останавливаться из-за плохих дорог и не дожидаться рассвета. Они не должны были останавливаться до тех пор, пока не окажутся поперек фронта Ли.

Хамфри, который также имел приказ наступать в тыл Ли, преуспел со своим корпусом и кавалерийской дивизией под командованием Крука в форсировании Аппоматтокса вплотную к тылам Махоуни. Райт утром 7-го числа последовал за Лонгстритом в Фармвилл, где последний перешел к северу от реки.

Грант и его штаб с небольшим эскортом проехали мимо нас около полудня. Дороги были раскисшими от недавних дождей и сильно разбитыми армией Конфедерации. Грант, судя по всему, был одет в брезентовый костюм, и даже его бакенбарды были настолько забрызганы грязью, свежей и засохшей, что его почти невозможно было узнать. Затем он, как всегда, был тих, скромен и не проявлял демонстративности. При ближайшем рассмотрении на его лице появилось выражение глубокой тревоги.

Фармвилл расположен в узкой короткой долине на южном берегу Аппоматтокса, окруженной с юга высокими утесами. Когда Шестая дивизия прибыла на высоты над городом, я ехал верхом с генералом Райтом. Всем не терпелось выяснить точное местонахождение врага, когда, к нашему изумлению, на возвышенной равнине к северу от реки показалась, по-видимому, вся армия Конфедерации. Она была выстроена в боевой порядок и, казалось, собиралась окружить и уничтожить кавалерию Крука, которая яростно атаковала ее, чтобы задержать. С высоты нам казалось, что команда Крука будет быстро уничтожена. Райт был бесстрастным человеком, мало склонным к волнению, но эта сцена привела его в яростное состояние. Его корпус находился слишком далеко от места оказания помощи; Аппоматтокс, глубоко проходящий через узкую реку, лежал между ними, и понтоны не были подняты. Он приказал своему корпусу поспешить вперед и ринулся вниз по утесам в Фармвилл, высматривая переправу. Вскоре он оказался перед таверной в Вирджинии с обычными "ступеньками" или низкими верандами спереди, сверху и снизу. Грант сидел на верхней "ступеньке", положив подбородок на скрещенные руки, которые лежали на перилах балюстрады. Он курил сигару и, несомненно, разглядывал обстановку за рекой. Тогда он выглядел счастливым, довольным и беззаботным. Он не изменился, когда Райт словом и поступком проявил большую заботу о судьбе кавалерии. Когда Райт закончил, Грант вынул сигару изо рта, лишь слегка приподнял голову и любезно сказал: "Кавалерия действует хорошо, и я надеюсь, что генерал Ли продолжит сражаться с ними, поскольку задержка уменьшит его шансы на побег". Грант также, указывая в направлении реки, добавил: "Генерал Райт, вы найдете там обломки железнодорожного моста, по которому вы можете построить проход для своей пехоты и переправить ее через реку ночью". Грант снова закурил, и мы занялись своими делами.

Вскоре была устроена переправа по железу и бревнам разрушенного моста, по которому пешие солдаты могли проходить гуськом. Поскольку сооружение могло выйти из строя, каждый офицер, от командира дивизии до командира роты, должен был стоять в его конце и следить за тем, чтобы солдаты его команды маршировали по нему через надлежащие интервалы и ровным шагом. Было 3 часа ночи 8-го, когда последний из корпусов переправился и расположился бивуаком. Конные офицеры и сопровождающие переправились через ручей у разлившегося брода неподалеку.

Крук сильно пострадал в неравном бою, особенно одна из его бригад, ее командир генерал Дж. Ирвин Грегг, был взят в плен, но цель атаки была достигнута. Крук отвел свою недавно подвергшуюся опасности кавалерию к югу от реки около 9 часов вечера 7-го и той же ночью достиг станции Проспект, получив приказ присоединиться к Шеридану.

Ли, поздно вечером 7-го, похоже, лично был охвачен паникой, услышав несколько угрожающих сообщений о том, что его отрезали или обошли с флангов, и он заставил свои эшелоны отступить в дикой спешке, а пехоту под командованием Лонгстрита с удвоенной скоростью двинуться к Камберлендской церкви, где он построился для сражения.(18)

Генерал Юэлл за ужином с Райтом вечером после его пленения 6-го числа сделал несколько замечаний о безнадежном состоянии армии Конфедерации и предположил, что Ли, возможно, захочет сдаться. Этот и другие подобные разговоры о Юэлле, переданные неким доктором Смитом Гранту, натолкнули его на мысль потребовать капитуляции армии Северной Вирджинии.(19) Нота на этот счет была соответственно отправлена Ли под флагом перемирия в 5 часов вечера 7-го. Ли немедленно ответил, сказав, что он не разделяет мнения о том, что дальнейшее сопротивление со стороны его армии безнадежно, но попросил Гранта назвать условия, которые он предложит при условии капитуляции. Грант 8-го числа ответил, что есть только одно условие, на котором он будет настаивать, а именно:

"Что сдавшиеся солдаты и офицеры будут дисквалифицированы за применение оружия против правительства Соединенных Штатов до надлежащего обмена".

Ли в тот же день ответил, сказав, что в своей записке за день до этого он "не намеревался предлагать капитуляцию армии Северной Вирджинии", а только спросить условия предложения Гранта, добавив, что он не мог встретиться с Грантом с целью сдачи этой армии, но поскольку предложение Гранта может повлиять на силы Конфедеративных штатов под его командованием и способствовать восстановлению мира, он был бы рад встретиться с Грантом на следующий день в 10 часов утра, очень рано, 9-го Грант отправил Ли записку, в которой говорилось: "У меня нет полномочий обсуждать тему мира встреча, назначенная на 10 часов утра сегодня, ни к чему хорошему не приведет".

На рассвете 8-го числа Шестой корпус двинулся вслед за Ли, вынудив его бросить часть своей самой тяжелой артиллерии и еще часть обозов. Лонгстрит прикрывал тыл Ли, и его войска не были серьезно задействованы при отступлении. Орд и Пятый корпус с трудом продвигались на запад, лишая Ли всякой возможности повернуть на юг и таким образом освободиться. 8-е число было днем не сражений, а максимальной активности в обеих армиях.

Я отмечаю один инцидент. Во время привала, около полудня 8-го, в лоу-пайнс, чтобы выпить чашку кофе и съесть крекер, полковник Гораций Келлог из 123-го Огайо, который был взят в плен под командованием Уошберна 6-го, недалеко от Хай-Бриджа, пробрался к нам через кусты из укрытия, в которое он сбежал вскоре после своего пленения. Он выглядел мертвенно-бледным, с безумными глазами и в безумном состоянии, вызванном голодом и отсутствием воды в течение двух дней. Нам пришлось сдерживать его и поначалу давать ему воду, кофе и еду в небольших количествах, чтобы он не покончил с собой из-за чрезмерного баловства.

Шеридан, сосредоточивший свою кавалерию на станции Проспект под командованием Крука, Мерритта и Кастера, на рассвете 8-го поспешил на запад, к югу от Ли, к станции Аппоматтокс. Сержант Уайт из скаутов, заранее замаскированный, к западу от станции, встретил четыре

поезда из Линчбурга с припасами, отправленные в соответствии с уже упомянутой депешей Берквилла. Поезда нащупывали путь на восток, не зная о местонахождении Ли. У сержанта был с собой оригинал депеши, и он продемонстрировал его, и, рассказав о голодном состоянии армии Ли, легко убедил ответственных офицеров проводить поезда к востоку от станции Аппоматокс, тем временем отправив сообщение Шеридану, где их можно найти. Кастер поспешил вперед, отправив два полка в обход, галопом, чтобы захватить и разрушить железную дорогу позади поездов. Поезда были захвачены. Один был сожжен, а три других отправлены на восток, в сторону Фармвилля. Этот захват произошел как раз в тот момент, когда показалась голова колонны Ли.(20) Кастер атаковал наступление Ли, и вскоре к нему присоединились дивизия Девина и бригада из Крука. Вместе они отбросили его назад, захватив двадцать пять артиллерийских орудий, санитарный поезд и большой парк повозок, которые направлялись впереди основной армии Ли. Штаб Шеридана ночью находился на ферме, чуть южнее станции Аппоматокс и примерно в трех милях к юго-западу от здания Суда с таким названием. Ни он, ни его командование не спали той ночью. Шеридан теперь был по ту сторону фронта Ли, и если он сможет продержаться, Ли должен будет сдаться. Орд, за которым следовал Пятый корпус, спешил к Шеридану. Великий час был близок. Орд не отставал, и было известно, что он приложит все человеческие усилия, тем не менее Шеридан посылал ночью офицера за офицером штаба, чтобы сообщить Орду о непосредственной опасности, в которой находится кавалерия, если ее не поддержать, и заверить его, что его присутствие со своей колонной положит конец восстанию. Еще до рассвета кавалерия была в седлах, в боевом порядке, направляясь навстречу наступающим войскам Конфедерации, а затем к Зданию Суда. Орд прибыл лично перед восходом солнца 9-го и поспешно посоветовался с Шериданом, куда дислоцировать его войска по прибытии. Затем Орд вернулся, чтобы поторопить своих усталых, голодных, с больными ногами людей, которые маршировали всю ночь и почти не спали в течение многих дней. Шеридан оторвался от совещания с Ордом, чтобы взять на себя руководство битвой, которая уже бушевала возле Здания Суда.

Давайте заглянем в тыл армии Конфедерации и посмотрим, что там происходило. Эта армия, начиная с Сейлорз-Крик и Фармвилля, была по необходимости направлена вдоль северного берега реки на Аппоматокс Корт-Хаус и Линчбург. Он подвергался нападениям днем и ночью, с фланга и тыла с того момента, как покинул Петербург. Провизии было мало, и многие из его лучших офицеров за последнюю неделю пали или попали в плен. Она, однако, держалась храбро и с большим духом, чем можно было ожидать. Это была старая и когда-то великолепно организованная и оснащенная армия, и дисциплина в ней была хорошей. Пендлтон и другие генералы Ли (не включая Лонгстрита) тайно, 7-го числа, провели совет и с целью облегчения ответственности Ли решили сообщить ему, что, по их мнению, пришло время сдать его армию. На следующий день Лонгстрита попросили передать Ли отчет этого совета. Он отказался, и Пендлтон заставил доложить Ли лично. Последний, если о нем правильно доложили, сказал: "Я надеюсь, что до этого не дошло", добавив, среди прочего, "Если бы я сказал хоть слово федеральному командующему, он расценил бы это как признание в слабости, которое сделало бы это условием требования *безоговорочной капитуляции*".(21)

Гордон с Фитцем Ли во главе кавалерии командовал наступлением, а Лонгстрит - арьергардом. В ночь на 8-е число наступление Ли у здания суда Аппоматокс было отброшено далеко назад, а тыл Лонгстрита вплотную прижался к его основным силам. Поздно вечером того же дня генерал

Ли созвал на совет генерал-лейтенанта Джеймса Лонгстрита, генерал-майоров Джона Б. Гордона, Фицью Ли и У. М. Н. Пендлтона.(22) Это был последний военный совет армии Северной Вирджинии, если его можно было так назвать. Собрание проходило в уединенном месте, в мрачном сосновом лесу, без укрытия. Ночь была сырой и холодной, и горел небольшой дымный костер из зеленой сосны, дававший мало света. Вся обстановка была рассчитана на то, чтобы удручить пятерых офицеров, не говоря уже о самом событии. Мало что было сказано или сделано. Ли навел некоторые справки о положении войск. По истечении часа совет разошелся, Ли приказал Гордону сосредоточить свое командование, включая всю кавалерию под командованием Фитца Ли и тридцатиорудийные батареи генерала Лонга, и двигаться через Аппоматтокс Корт-Хаус, где остановилось наступление, и начать движение в час ночи. Поезда должны были следовать вплотную под прикрытием корпуса Лонгстрита, который все еще был арьергардом Ли. Кавалерия Шеридана должна была быть разгромлена, и, сделав это, отступление должно было продолжиться на Линчбург. В 3 часа ночи генерал Лимедленно выехал вперед, очевидно, чтобы присоединиться к своему авангарду в попытке прорвать наши позиции. Однако только в 5 часов утра 9-го Гордон и Фитц Ли выступили против кавалерии Шеридана, которая, как они затем обнаружили, была растянута широким фронтом возле здания суда Аппоматтокс. Битва началась, кавалерия Союза угрюмо отступала. Это вселило новую надежду в армию Конфедерации. Генерал Мамфорд с частью своей кавалерийской дивизии Конфедерации обнаружил брешь в линии Шеридана и, прорвавшись через нее, бежал. Это послужило поводом для сообщения о том, что дорога была открыта.(23)

Гордон с новой уверенностью двинулся вперед пехотой, кавалерией и артиллерией, сначала нанеся удар Круку и Маккензи на левом фланге Союза, затем Мерритту в центре, двое последних сдались, как будто потерпели поражение. Крук, однако, твердо держался на крайнем левом фланге, в то время как Мерритт отошел от центра вправо, чтобы объединить кавалерийские дивизии Кастера и Девина, оставив центр, по-видимому, покинутым. Гордон поспешно разослал весть о своем успехе и, окрыленный надеждой на полную победу, загнал свое войско в образовавшуюся таким образом большую брешь, захватив два артиллерийских орудия, и двинулся вперед, к гребню хребта. Но, увы! С этого гребня Гордон и его офицеры увидели новую сцену. Сквозь туман и утреннюю серость они увидели на равнине перед собой колонну Орда, выстроенную в полном боевом порядке, готовую к решительному сражению. Надежда исчезла из умов генералов Конфедерации. Пятый корпус под командованием генерала Чарльза Гриффина также тогда прибыл на крайний правый фланг Орда в поддержку кавалерии, уже находившейся там. Кавалерия в центре была всего лишь завесой. Гордон остановился и доложил о ситуации своему командиру, уведомив его, что дальнейшие усилия безнадежны и приведут к бесполезным жертвам; что он "сражался со своими войсками до изнеможения".(24)

Орд был выше Шеридана по званию, но оба решили покончить с этим разом, поэтому, развернув боевые знамена и гвидоны, объединенные силы приступили к своей работе. Несколько артиллерийских выстрелов прошли по их рядам, но не остановили их. Конфедераты отступили на другой гребень, расположенный непосредственно перед зданием суда. Гордон вывесил там белый флаг, обозначающий готовность к переговорам. Кастер первым увидел это. Он уведомил Шеридана, который уведомил Орд, и атака была приостановлена. Шеридан поскакал на фронт, хотя по нему стреляли солдаты бригады Южной Каролины (25), и вскоре присоединился к Гордону. Было заключено перемирие, предусматривающее капитуляцию. Полковник Дж. У. Форсайт из штаба Шеридана прошел через армию Конфедерации к Миду и

уведомил его о перемирии, и таким образом остановил Второй и Шестой корпуса, атаковавшие Лонгстрит. Полковник Ньюхолл, генерал-адъютант Шеридана, выехал навстречу Гранту и сообщил ему, что Ли желает встречи с целью сдачи своей армии.

Мало что было сказано о великом солдате Миде в этой кампании. Ему следует отдать должное. Он помог организовать победу при Файв-Форкс (26) и спланировать штурм Питерсберга. Несмотря на болезнь в Джетерсвилле и большую часть времени после этого до конца кампании, он всегда был на ногах то с одним, то с другим своим корпусом, делая все, что было в его силах, для достижения наконец достигнутого великого результата.

Давайте снова вернемся к Гранту — молчаливому солдату. 5 апреля Грант и его штаб с небольшим эскортом отделились от лагерного снаряжения и фургонов его штаба. Он даже был без меча. После этого он и его подчиненные спали на крыльцах фермерских домов или разбивали бивуаки в лесах или полях без укрытия. Они брали скудную пищу в любом лагере, который могли найти, и часто ходили голодными, как и многие другие офицеры. В результате частых дождей, плохого питания, переутомления, потери сна и, несомненно, крайней продолжительной тревоги у Гранта во второй половине дня 8-го числа случился сильный приступ головной боли. В ту ночь на ферме его заставили вымыть ноги горячей водой с горчицей и наложить горчичники на запястья и заднюю часть шеи, но все это не принесло ему облегчения. Он напрасно лег спать. Однако ночью он получил и отправил депеши, касающиеся операций следующего дня. В 4 часа его сотрудники нашли его во дворе перед домом, расхаживающим взад-вперед, схватившись обеими руками за голову и испытывая сильную боль. Ранним утром он написал записку, отвечая на записку Ли от предыдущего дня. Рано утром он прискакал в лагерь Мида (находившийся тогда в непосредственном тылу двух преследующих его корпусов) и там выпил немного кофе, не испытав особого облегчения. Его сотрудники пытались уговорить его поехать в тот день на машине скорой помощи, но, несмотря на то, что он был болен, он сел на своего любимого коня — Цинциннати — и, получив депеши от Шеридана с отчетом о ситуации на фронте, отправился кружным путем, чтобы присоединиться к нему. Примерно в пяти милях от здания суда Гранту была вручена депеша от Мида, извещавшая его о двухчасовом перемирии и о месте, где генерал Ли встретится с ним; также эта записка от Ли:

"9 апреля 1865 года. "Генерал, я получил вашу записку от сегодняшнего утра на линии пикета, куда я пришел, чтобы встретиться с вами и определенно выяснить, какие условия были приняты в вашем вчерашнем предложении относительно капитуляции этой армии. С этой целью я прошу об интервью в соответствии с предложением, содержащимся в вашем вчерашнем письме.

- Р. Э. Ли, генерал.

- Генерал-лейтенант У. С. Грант.

Грант написал Ли (11.50 утра), сказав, что встретится с ним, как он просил. Пока они ехали дальше, генерал Портер спросил Гранта о боли в голове. Грант ответил: "Боль в голове, казалось, оставила меня, как только я получил письмо Ли". (27) Он добрался до здания суда около 13:00, где его встретили Орд и Шеридан. Ли уже прибыл и ожидал Гранта в доме Маклинов. Два генерала встретились лицом к лицу. Ли был одет в новую форму конфедерации и красивый меч. Он был высок, строен и имел солдатскую внешность. У него была густая седая борода. Грант, намного ниже Ли ростом, был одет только в солдатскую блузу и грязный костюм и

был без меча, на нем были только несколько потрепанных погон, обозначавших звание генерал-лейтенанта.

Ли, прибыв на место, спешил и ненадолго присел на обочине дороги, под яблоней. Одно это обстоятельство послужило поводом для широко распространенного сообщения о том, что сдача произошла под яблоней.(28)

Генералы обменялись некоторыми любезностями в доме Маклина. Переговоров об условиях капитуляции практически не велось. Ли попросил Гранта написать их. Грант сказал: "Очень хорошо, я их выпишу". Он взял книгу заказов и, ни с кем не посоветовавшись, в присутствии Ли и других, написал:

"Генерал, в соответствии с содержанием моего письма к вам от 8 сентября. Я предлагаю принять капитуляцию армии Северной Вирджинии на следующих условиях, а именно: Списки всех офицеров и рядовых должны быть составлены в двух экземплярах. Один экземпляр должен быть передан назначенному мной должностному лицу, другой должен храниться у такого должностного лица или должностных лиц, которых вы можете назначить. Офицеры должны дать свое личное условно-досрочное освобождение не братья за оружие против правительства Соединенных Штатов до надлежащего [обмена], и каждый командир роты или полка подпишет аналогичное условно-досрочное освобождение для подчиненных им людей. Оружие, артиллерия и общественное имущество должны быть припаркованы и сложены и переданы офицеру, назначенному мной для их приема. Это не распространяется ни на личное оружие офицеров, ни на их лошадей, ни на багаж. После этого каждому офицеру и рядовому будет разрешено вернуться в свои дома, и власти Соединенных Штатов не будут их беспокоить до тех пор, пока они соблюдают условно-досрочное освобождение и законы, действующие там, где они могут проживать.

С большим уважением,
"Генерал-лейтенант США С. Грант".

Это было немедленно передано генералу Ли, который, прочитав его, заметил, что слово "обменялись" было непреднамеренно опущено после слов "до надлежащего момента". Слово было вставлено. Ли спросил Гранта, разрешают ли предложенные условия кавалеристам и артиллеристам, которые в его армии владели своими лошадьми, сохранить их. Грант ответил, что условия, как они написаны, этого не сделают, но добавил, что, поскольку многие из мужчин были мелкими фермерами и им могли понадобиться их животные для сбора урожая в предстоящем сезоне, он проинструктирует своих офицеров, освобожденных условно, разрешить каждому мужчине, заявившему, что у него есть лошадь или мул, оставить их себе. Ли заметил, что это имело бы хороший эффект.

Черновик Гранта был передан для копирования *индейцу*, полковнику Эли С. Паркеру (главе Шести наций) из штаба Гранта, который был лучшим писцом из присутствующих офицеров Гранта. Ли принял Паркера за негра и, казалось, был поражен, обнаружив такового в штате Гранта.

Затем Ли написал эту записку:

"Штаб армии Северной Вирджинии, 9 апреля 1865 года. "Генерал, я получил ваше письмо от этого числа, содержащее предложенные вами условия капитуляции армии Северной Вирджинии. Поскольку они по существу совпадают с теми, которые изложены в вашем письме от 8 сентября, они приняты. Я приступлю к назначению соответствующих должностных лиц для приведения условий в действие.

- Р. Э. Ли, генерал.

Лейтенант.- Генерал У. С. Грант.

Генералы Гиббон, Гриффин и Меррит были назначены Грантом, а генералы Лонгстрит, Гордон и Пендлтон - Ли для выполнения условий капитуляции.

Прежде чем расстаться, Ли заявил Гранту, что его армия остро нуждается в продовольствии; что его люди несколько дней питались выжженной кукурузой, и что ему придется просить пропитание. Грант пообещал это немедленно и спросил, сколько людей нужно предоставить. Ли ответил: "Около двадцати пяти тысяч". Грант уполномочил его отправиться на станцию Аппоматокс и получить припасы из недавно захваченных поездов. В то время у нашей армии было мало пайков, и только те фуражи, которые предоставляла бедная страна.

Некоторым отрядам и небольшим группам армии Ли удалось скрыться, но 2781 офицер и 25 450 солдат были условно освобождены, всего 28 231 человек.(29)

От армии Ли не требовалось выступать маршем, складывать оружие и сдаваться в соответствии с общепринятыми военными обычаями, но солдаты спокойно, под руководством своих офицеров, сложили оружие и оставались в лагере до условно-досрочного освобождения. Вскоре они разошлись, чтобы никогда больше не собраться. Затем армия Северной Вирджинии прекратила свое существование.

Армия Союза, узнав о капитуляции, начала салютовать из ста орудий. Грант приказал прекратить стрельбу, не желая ликовать по поводу своих захваченных соотечественников. Генерал Мид и другие тщетно протестовали, утверждая, что именно Потомакская армия за ее жертвы и доблесть в годы войны должна удостоиться чести официальной капитуляции и дня военных демонстраций.

Однако самые дикие сцены ликования произошли в армии Союза, когда стало известно о капитуляции. Это не приняло формы хвастовства по поводу захваченных в плен. Это было искреннее ликование по поводу перспективы окончания войны, свержения Конфедерации, восстановления Союза и уничтожения рабства в Республике. Офицеры, каким бы высоким они ни были званием, не были защищены от бешеного натиска возбужденных солдат. Было произнесено несколько красноречивых, радостных речей.

Маленькое дерево дикой вишни, под которым я и мой персонал сидели, пили кофе и жевали "хард тейк", когда пришло известие о капитуляции, было снесено на память. Мид и Райт не сбежали, их чуть не стащили с лошадей в безумном ликовании.

Рядовые двух армий встретились на рубежах обороны, где многие солдаты Союза отдавали свой последний крекер голодным конфедератам. С обеих сторон были проявлены самые нежные и добрые чувства. Не было услышано ни одного недоброжелательного слова.

Грант в 16.30 телеграфировал военному министру: *"Генерал Ли сдал армию Северной Вирджинии сегодня днем на условиях, предложенных мной"*.

Президент Линкольн получил известие о капитуляции Ли, которое радовало его великую душу в течение пяти дней, прежде чем пуля убийцы уложила его.

Грант удалился в импровизированный лагерь и немедленно объявил о своем намерении оставить армию в полевых условиях и на следующий день отправиться в Вашингтон. Он въехал в пределы позиций Конфедерации в 9 часов утра 10-го числа и провел получасовую беседу с Ли о возможности капитуляции других армий Конфедерации и скорейшем окончании войны, но Ли, хотя и выразил удовлетворение тем, что дальнейшие усилия были напрасными, не взял на себя никакой ответственности, даже посоветовав другим армиям сдаться, не посоветовавшись с Джефферсоном Дэвисом.(30) Грант уехал в Вашингтон в полдень.

Генерал Ли удалился в свой дом в Ричмонде.

Армия Союза совершила контрмарш к Берквиллю. Там ей было объявлено о смерти Авраама Линкольна. Армия любила его, и его убийство вызвало самые горькие чувства. Памятный митинг был проведен в моем штабе в Берквилле, и подобные собрания были проведены в некоторых других командованиях, на которых офицеры произносили речи.

Потери Армии Союза во всех операциях с 29 марта по 9 апреля 1865 года (от здания суда Динвидди до Аппоматтокса включительно) составили в убитых и раненых:(31)

Потомакская армия	6609
Армия Джеймса	1289
Кавалерия (Шеридан)	1,168

Общий итог	9,066

Убитыми и ранеными в Шестом корпусе были 1500 человек, а в моей бригаде - 379 (более одной четвертой в корпусе), а в ходе кампании, включая 25 марта под Питерсбергом, - 480.

Бригада в ходе кампании, помимо взятия в бою шестнадцати артиллерийских орудий и множества пленных, захватила шесть боевых знамен, в том числе флаг штаба дивизии генерала Хета.(32)

Шеридану с кавалерией и Райту с Шестым корпусом было приказано перебраться из Берквилля в Северную Каролину, чтобы сотрудничать с Шерманом против армии Дж. Э. Джонстона. Шестой покинул Берквилл 23 апреля 1865 года и прибыл, через здание суда Галифакса, в Дэнвилл, расположенный в сотне миль или более от него, 27-го, где, узнав, что Джонстон капитулировал, был остановлен.

Я получил разрешение продолжить движение на юг без моего командования (с двумя штабными офицерами и несколькими ординарцами), чтобы навестить старых друзей в армии Шермана, с которыми я служил на Западе в 1861 и 1862 годах. Я проехал через отряды условно освобожденных конфедератов пятьдесят миль до Гринсборо, Северная Каролина, и там попал в расположение Двадцать Третьего корпуса, которым командовал мой старый и выдающийся друг генерал Дж. Д. Кокс. Пробыв несколько дней в качестве его гостя и увидев сдавшуюся

армию Джо Джонстона, я вернулся в Дэнвилл к своему прежнему командованию, чувствуя, что война близка к концу.

Потомакская армия двинулась маршем на Вашингтон, и там (за исключением Шестого корпуса), объединившись с армией Шермана, провела Грандиозный смотр 23 мая 1865 года. Шестой корпус со многими подразделениями, общей численностью около 30 000 человек, прибыл позже и был рассмотрен президентом Джонсоном и его кабинетом министров, а также генералами Грантом, Шерманом и Мидом 8 июня 1865 года. Потомакская армия была расформирована 28 июня 1865 года. Все армии Союза вскоре были распущены, а составлявшие их добровольцы собраны и разосланы по домам, чтобы заняться поисками мира.(33) Тюремные Юга отказались от своих умирающих от голода жертв.

По рекомендациям Райта, Мида и Гранта я был назначен генерал-майором добровольцев, и комиссия президента указала, что это звание было присвоено "за доблестные и выдающиеся заслуги во время кампании, закончившейся капитуляцией повстанческой армии под командованием генерала Р. Э. Ли".

Я был призван в армию в Вашингтоне 27 июня 1865 года, прослужив непрерывно офицером ровно четыре года и два месяца, и участвовал примерно в первом (Рич-Маунтин) и последнем (Сейлорз-Крик) сражениях войны, а также в кампаниях в шести из одиннадцати отделившихся штатов, а также в Западной Вирджинии, Кентукки и Мэриленде.(34)

Полки моей бригады (110—й, 122-й и 126-й Огайонские, 67-й и 138-й Пенсильванские, 6-й Мэрилендский и 9-й Нью-Йоркский тяжелых артиллерийских) потеряли убитыми на поле боя 54 офицера и 812 рядовых, ранеными 101 офицера и 2410 рядовых, всего 3377 человек, что всего на *шесть* меньше, чем убитыми и ранеными под командованием Скотта и Тейлора при их завоевании Мексики в 1846-1848 годах, (35) и больше, чем аналогичные потери под непосредственным командованием Вашингтона в войне за независимость от Лексингтона до Йорктауна.

Условия капитуляции, предоставленные армии Ли, были предоставлены и другим армиям.

С капитуляцией Ли произошел захват форта Блейкли, штат Алабама, 9 апреля, за которым последовала капитуляция Мобила, 12 апреля; армии Джо Джонстона в Северной Каролине, 26 апреля; Дика Тейлора в Миссисипи; 4 мая; и Кирби Смита в Техасе, 26 мая. Джефферсон Дэвис с членами своего кабинета был захвачен в Ирвинвилле, штат Джорджия, 10 мая 1865 года.

Когда опустился занавес перед ужасной драмой войны, сдались 174 233 конфедерата, которые вместе с 98 802 другими военнопленными (всего 273 035) были освобождены условно и отправлены по домам, а 1686 пушек и более 200 000 единиц стрелкового оружия стали трофеями победы.

Война закончилась; она была не напрасной.

Права штатов и отделение - две ереси—близнецы, провозглашенные Кэлхуном и его последователями и поддерживаемые Джефферсоном Дэвисом, а также гражданскими и

военными силами будущей Конфедерации, и человеческое рабство, нараставшее с незапамятных времен, подпитываемое алчностью и пятном на нашей цивилизации в течение двухсот пятидесяти лет, - также были свергнуты или уничтожены; и целостность Союза Штатов и величие Конституции как хартии организованной свободы были восстановлены, и Американская Республика с полным правлением была увековечена под одним флагом. , и с одной судьбой.

Тринадцатая поправка к Конституции, провозглашающая, что: "Ни рабство, ни принудительное содержание, кроме как в качестве наказания за преступление, за которое партия должна быть должным образом осуждена, не должны существовать в Соединенных Штатах или в любом месте, находящемся под их юрисдикцией"; представленная 1 февраля 1865 года Конгрессом Штатам для ратификации и провозглашенная ратифицированной 18 декабря 1865 года, является всего лишь неизбежным военным указом в форме органического закона, результатом триумфа оружия Союза, совершенного путем кровавых жертв сотен тысяч преданных людей вместе с сопутствующими страданиями еще сотен тысяч других людей. о раненых и больных, о горестях безутешных и опустошенных миллионов других людей, к которым прибавляются миллиарды стоимости опустошенного имущества и другие миллиарды потраченных сокровищ. Таково, действительно, было наказание, выплаченное за искоренение преступления веков — РАБСТВА.

Свобода восторжествовала, и цивилизация продвинулась еще выше.

(1) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 175, 189.

(2) Это утверждение взято из официального отчета Ли, хотя Джефферсон Дэвис в своей работе прилагает все усилия, чтобы яростно отрицать его истинность. *Военные отчеты*, том ii. xlv., часть I., стр. 1265; *Битвы и лидеры* и др., том iv., стр. 724; *Взлет и падение Конфедерации*, том ii., стр. 668-76.

(3) *Взлет и падение Конфедерации*, Дэвис, том ii., стр. 677. Я взял копию этого документа в типографии в Дэнвилле, где он был недавно напечатан.

(4) *Военные отчеты*, том II. xlv., Часть III., стр. 549.

(5) *Там же.*, стр. 556, 610.

(6) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 187.

(7) *Военные отчеты.*, том. xlv., Часть III., стр. 576.

(8) Во время прогулки по склону холмов с полковником Эндрю Дж. Смитом из штаба дивизии, чтобы получить хороший обзор позиций противника, я отправил полковника подвести и разместить батарею на обозначенной позиции. Он встретил и отправил с поручением майора О. В. Трейси из того же штаба и вскоре присоединился ко мне. Некоторые движения показывали большое количество врагов, после чего Смит характерно восклицал: "Соберите как можно больше парней; соберите как можно больше черепицы; сворачивайте за угол как можно быстрее — целая бочка патоки по всей дорожке!" Прежде чем эта вспышка гнева прекратилась, пуля просвистела мимо уздечки и попала Смиту в правую ногу. Все еще повторяя свой жаргон, он обвил руками шею своей лошади и спрыгнул на землю.

(9) Грант написал Шеридану, сообщив ему, что Шестой корпус следует за ним, сказав: "Шестой корпус войдет с оружием в любое место, которое вы выберете". — *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 182.

(10) *Военные отчеты*, том ii. xlv., Часть I., стр. 1284, 1298.

(11) Лонгстрит, *от Манассаса до Аппоматтокса*, стр. 614.

(12) *Военные отчеты*, том ii. xlv., Часть I., стр. 980.

(13) Капитаны Джон Ф. Хейзлтон и Т. Дж. Хоскинсон, служившие соответственно моим квартирмейстером и комиссаром по снабжению, явились ко мне в критический момент битвы при Сейлорз-Крик и вызвались добровольцами на полевую службу, и за их исключительную храбрость каждый из них по моей рекомендации был произведен президентом в майоры.

(14) Такер после войны на некоторое время эмигрировал из страны и стал адмиралом военно-морского флота Перу, но поскольку наши военно-морские офицеры отказались приветствовать его флаг на море, Перу было вынуждено уволить его.

(15) *Военные отчеты*, том ii. xlv., Часть I., стр. 683, 980.

(16) *Там же.*, стр. 906.

(17) Что касается задействованных номеров, смотрите переписку, Приложение С.

(18) Лонгстрит, *от Манассаса до Аппоматтокса*, стр. 616.

(19) *Воспоминания Гранта*, том ii., стр. 477-8.

(20) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 191, 199.

(21) *От Манассаса до Аппоматтокса*, стр. 618, 620; *Мемуары Ли* (Лонга), стр. 416.

(22) Письмо генерала Гордона автору от 1 октября 1894 г.

(23) Лонгстрит рассказывает, что от Гордона к нему поступила информация о том, что была найдена брешь, через которую армия Конфедерации "могла прорваться", и что он отправил полковника Хаскелла "на чистокровной кобыле" за Ли, который отправился в тыл, ожидая встретить Гранта, как просил Ли в ранее отправленной записке, Лонгстрит велел полковнику "убить свою кобылу, но вернуть Ли". — *Манассас в Аппоматтокс*, стр. 623, 626.

(24) *Мемуары Ли* (Лонга), стр. 421.

(25) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 194-8.

(26) *Воспоминания Шеридана*, том ii., стр. 154.

(27) *Битвы и лидеры* и др., т. iv., стр. 740; *Воспоминания Гранта*, т. ii., стр. 483.

(28) *Воспоминания Гранта.*, том ii., стр. 488.

(29) *Военные отчеты*, том ii. xlv., Часть I., стр. 1279.

(30) *Воспоминания Гранта*, том ii., стр. 497.

(31) *Военные отчеты*, том ii. xlvii., Часть I., стр. 597.

(32) Отдельными похитителями флагов были Ф. М. Макмиллен, Со. С., и Айзек Джеймс, Со. А, 110-й Огайо; Милтон Бликенсдерфер, Со. Е, 126-й Огайо; Джордж Лойд, Со. А, 122-й Огайо (боевой флаг Хета); Джон Кио, Со. Е, 67-й Пенсильвания; и Трастрим Коннелл, Со. I, 138-й Пенсильвания. Каждый был награжден Почетной медалью.—*Военные отчеты*, том II. xlvii., Часть I., стр. 909, 981.

(33) Один случай проиллюстрирует, как госсекретарь Стэнтон иногда вела дела. Первый приказ о наборе добровольцев касался только тех, чей срок призыва истек после 1 октября 1865 года. Это оставило бы на службе по несколько человек из каждой роты моих полков в Огайо и вызвало недовольство. Посредством письменного заявления я получил полномочия собрать всех военнослужащих этих полков. Позже поступили жалобы от полков других штатов, пострадавших аналогичным образом, и я подал прошение о предоставлении им аналогичных полномочий, в котором было отказано. Это было возмутительно. Вместе с генералом Мидом я обратился к военному министру с просьбой пересмотреть это решение. При одном упоминании о нашей миссии мистер Стэнтон пришел в ярость и осудил Мид за обращение с просьбой, заявив, что такого приказа не было и не будет. Мид был глубоко оскорблен и начал отступать, и гнев секретаря обрушился на меня. Я прервал его и, показав приказ, касающийся полков штата Огайо, сказал ему, что его заявление не соответствует действительности. После этого Стэнтон стал еще более жестоким и оскорбительным и заявил, что приказ, который у меня был, был отдан по ошибке или путем мошенничества и будет отменен. Я ответил, что это было исполнено; что люди были уволены, им заплатили, и они отправились домой. Затем он успокоился, смягчился, извинился за свою несдержанность в выражениях и любезно отдал желаемый приказ.

(34) В 1866 году я был назначен подполковником 26-го пехотного полка США по совместной просьбе генералов Гранта и Мида, и я отклонил это назначение.

(35) Во вторжении в Мексику участвовало 26 690 регулярных войск и 56 926 добровольцев —83 616 человек, не говоря уже о военно—морском флоте.—*История мексиканской войны* (Уилкоккс), стр. 561. С прощальным приказом автора бригаде и таблицей потерь в ней по полкам можно ознакомиться в Приложении С.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А ГЕНЕРАЛ КЕЙФЕР В ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ

I ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЖИЗНЬ до ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Я родился 30 января 1836 года на ферме на Мэд-Ривер, норт-Сайд, в шести милях к западу от Спрингфилда, городка Бетел, округ Кларк, штат Огайо, недалеко к западу от холма Текумсе, на месте первоначальной Пиква, деревни индейцев Шауни, разрушенной генералом Джорджем Роджерсом Кларком 8 августа 1780 года.

Мои предки, хотя и не особо отличались подвигами ни в мирное, ни в военное время, были крепкими людьми умственно, физически и морально.

Мой дед, Джордж Кейфер, родился (1728) в одном из немецких государств, откуда он эмигрировал в Америку и поселился в провинции Мэриленд примерно в 1750 году.

Определенно ничего не известно о его жизни или семье в Германии. Он был протестантом, и, вероятно, это побудило его покинуть немецкую Европу, чтобы спастись от религиозной нетерпимости, если не от преследований, столь распространенных там в то время.

Он воспользовался Актом парламента, принятым на тринадцатом году правления короля Георга Второго, который предусматривал натурализацию "иностранцев протестантов", поселившихся или которые должны были поселиться в колониях его Величества в Америке, и был натурализован и стал подданным короля Англии Георга Третьего, верность которому он недолго сохранял, поскольку стал революционным патриотом в 1776 году. (1) Он участвовал в Революции, хотя нет никаких известных записей о том, что он был обычным солдатом на войне. Он уделял некоторое внимание сельскому хозяйству, но по профессии был сапожником. Он проживал в Шарпсбурге, округ Вашингтон, штат Мэриленд, на Антиетамском ручье, и там умер 11 апреля 1809 года. Его жена Маргарет (Шислер) тоже была немкой, вероятно, родилась в Германии (1745), но вышла замуж в Мэриленде. История ее семьи неизвестна, но она была женщиной высокого уровня интеллекта и обладала большим духом и энергией. После смерти мужа она переехала (1812) со своими двумя сыновьями в Огайо (пешком, по собственному выбору, всю дистанцию) и умерла там 9 февраля 1827 года в семье моего отца в возрасте восьмидесяти двух лет. У Джорджа и Маргарет Кейфер было двое сыновей: Джордж (родился 27 октября 1769 года и умер 31 августа 1845 года) и Джозеф (мой отец), родившийся 28 февраля 1784 года в Шарпсбурге, штат Мэриленд. В юности они унаследовали профессию и ремесло своего отца. Средства и возможности для получения образования для лиц с ограниченными возможностями в то время были невелики, однако Джозеф Кейфер рано решил получить образование, и благодаря своим собственным настойчивым усилиям, практически без обучения, он стал особенно сведущим в географии и математике, а также приобрел глубокие практические знания в области навигации и гражданского строительства. Он мог говорить и читать по-немецки. Он был обычным читателем и на протяжении всей своей жизни постоянно изучал как священную, так и светскую историю, а также уделял много внимания изучению Библии. В сентябре 1811 года он верхом на лошади покинул Шарпсбург, отправившись в разведывательную поездку по горам на Запад, в пункт назначения Огайо. Он вел дневник (сейчас передо мной) своих путешествий, в котором описывал каждый день путешествия, посещенные места, топографию страны, виды произрастающей древесины, рельеф местности и виды почвы, водоснабжение и его качество и т.д., а также кое-что о поселенцах. Это путешествие заняло семь недель, в течение которых он проехал 1140 миль, большую часть по тропам и уздечкам, а его общие денежные "дорожные расходы составили 36,30 доллара". Он проехал через округа Джефферсон, Тускаравас, Старк, Маскингем, Фэрфилд, Пикавей, Росс, Файет, Шампейн (включая то, что сейчас называется Кларк), Монтгомери, Уоррен, Батлер, Гамильтон, Гернси и Бельмонт, штат Огайо. В апреле 1812 года он отправился в другое подобное путешествие почти по той же стране и вернулся 15 мая.

В своем первом путешествии он посетил Спрингфилд, штат Огайо, и его окрестности, выторговал и внес предоплату в размере 500 долларов серебром за около семисот акров земли, расположенной недалеко (к западу) от Нью-Бостона, у Джона Еноха, для себя и своего брата Джорджа Кифера, согласившись вступить во владение и произвести дальнейшую оплату через год. Осенью 1812 года он переехал со своим братом Джорджем (у которого тогда были жена и семья из нескольких детей) в сопровождении своей матери на фургоне и верхом на лошади в эту страну, где оба брата при жизни построили свои дома, каждый из которых занимался сельским хозяйством. Земля была выбрана из-за ее превосходного качества, превосходного

произрастания дуба, грецкого ореха, гикори и другой ценной древесины для строительных целей, а также из-за ее прекрасных, полезных для здоровья, постоянных источников с чистой известняковой водой. Тракт выходил фасадом на реку Мэд, простираясь на север, в более высокие земли, так что включал в себя низменности и возвышенности в сочетании.

Джозеф Кейфер, прежде чем покинуть Мэриленд, приобрел во Фредерике, штат Мэриленд, геодезический компас и цепочку (все еще находящиеся у меня), и, находясь в Огайо, в дополнение к расчистке земель и ведению сельского хозяйства, он обследовал множество обширных участков земли для первых поселенцев. Позже в жизни он отказался от геодезии, за исключением помощи соседям, когда их вызывали. У него была некоторая склонность к музыке. Он недолго служил в войне 1812 года, присоединившись к экспедиции на помощь генералу Харрисону и форту Мейгс на реке Моми, осажденному британцами и индейцами в 1813 году. Он, однако, жил в своем доме в Огайо тихой, трезвой, мирной, довольной, прилежной, нравственной жизнью, его очень уважали за его прямой, честный, незамысловатый характер все, кто его знал, но он всегда проявлял глубокий интерес к общественным делам, государственным и национальным, его симпатии были на стороне бедных, угнетенных и несчастных. Его отвращение к рабству привело его к эмиграции из рабовладельческого государства в такое, где рабства не только не было и не могло существовать, но и где бесплатный труд хорошо оплачивался и считался в высшей степени почетным. Хотя среди первых поселенцев тогдашнего дикого Запада он не очень интересовался, если вообще интересовался, охотой и рыбной ловлей, тогда обычными среди его соседей и единомышленников. Он предпочитал посвящать свои свободные часы чтению и интеллектуальным занятиям, а также обществу людей с родственными вкусами, особенно интересуясь воспитанием своих детей в большой семье. В теории и на практике он был нравственным и религиозным человеком, служителем церкви, хотя никогда не был членом какой-либо церкви, однако за год до своей смерти (1849), по его собственной просьбе, он был крещен в Мэд-Ривер преподобным Джоном Джано Ридером из Христианской церкви.

Он был одним из основателей и первых директоров Библейского общества округа Кларк, организованного 2 сентября 1822 года.

На протяжении всей своей жизни он проявлял глубокий интерес к политике, но никогда не стремился занять какой-либо важный пост. Он был вигом Адамса-Клея.

Он умер на своей ферме 13 апреля 1850 года, и его останки, а также останки его матери и брата сейчас похоронены на кладбище Фернклифф в Спрингфилде, штат Огайо.

9 ноября 1815 года он был женат на Мэри Смит, дочери преподобного Питера Смита, баптистского священника (в то время проживавшего на ферме недалеко от нынешнего Доннелсвилля, округ Кларк, штат Огайо), который также был известен как врач в "Стране Майами". Он был сыном доктора Езекии Смита из "Джерси" и родился в Уэльсе 6 февраля 1753 года, откуда и произошла эта ветвь семьи *Смитов*. Он был каким-то родственником Езекии Смита, доктора медицинских наук, из Хаверхилла, штат Массачусетс, но каким образом связан, неизвестно. Питер Смит получил образование в Принстоне и женился в Нью-Джерси на Кэтрин Стаут (23 декабря 1776 года), и он, кажется, рано, при своем отце, обратил некоторое внимание на медицину и познакомился с работами доктора Раша, доктора Брауна и других авторов своего времени о "физике". Он также в течение своей жизни многому научился у врачей, с которыми

встречался в Нью-Джерси, Пенсильвании, Вирджинии, Северной и Южной Каролине, Джорджии, Кентукки и Огайо. Он называл себя "Индийским доктором" (потому что иногда использовал в своей практике травы, корни и т.д. И другие средства, известные индейцам), хотя в собственном смысле слова таким врачом не был. Он был одним из первых сторонников прививок от оспы, во многом вопреки общественным предрассудкам; это было до того, как доктор Дженнер завершил свои исследования и ввел вакцинацию в качестве профилактики натуральной оспы.(2)

Доктор Питер Смит в своей небольшой книге (напечатанной издательством Brown & Looker, Цинциннати, 1813) рассказывает о прививке 130 человек в Нью-Джерси от оспы в 1777 году, используя для предотвращения опасных результатов каломель у некоторых из них и отказываясь от нее у других, но придя к выводу, что каломель не была необходима для безопасности пациента.

В этой книге, озаглавленной *"Диспансер индийского врача"* и т. Д., (3) На титульном листе он говорит: *"Людам редко хватает ума ценить свое здоровье и заботиться о нем, пока они его не потеряют, А врачи часто не знают, как заслуженно добывать свой хлеб, пока у них нет зубов, чтобы жевать его."* Он, по-видимому, был оригинальным персонажем и исследователем, пользовался всеми доступными ему возможностями для приобретения знаний, особенно знакомился с отечественными, немецкими и испытанными индийскими средствами, кореньями, травами и т. Д. Во введении к своей книге он говорит: "Элементы Брауна кажутся мне простыми, разумными и практичными. Но я должен сказать о его предписаниях, как Давид сказал одослепах Саула, когда они были надеты на него: *"Я не могу пойти с этим, потому что я этого не доказал"*. Таким образом, он выбрал свою пращу, посох, пастушью сумку и камни, потому что привык к ним и мог вспомнить, что он делал с ними раньше". Современная микробная теория болезней, ныне общепринятая учеными врачами, не была неизвестной или даже новой в его время. Он говорит об этом как о теории *"насекомых"*, основанной на вере в то, что болезни вызываются невидимым *насекомым*, парящим в воздухе, всасываемым с дыханием, где оно либо отравляет, либо распространяет себе подобных, вызывая болезнь.(4)

Помимо многого общего, книга Питера Смита содержит около девяноста рецептов для лечения стольких же болезней или их форм, которые обычно составляются из хорошо известных ныне лекарств, кореньев, трав и т.д., Некоторые из них героические, другие причудливые и т.д. Он не рекомендовал полностью отказаться от тогдашней повсеместной практики лечения пациентов с кровотечениями, но в целом осуждал ее.

Примерно в 1780 году из Нью-Джерси он начал свою скитальческую жизнь в эмиграции со своей женой и *несколькими* маленькими детьми. Он немного задержался в Виргинии, на Каролинских островах и поселился на некоторое время в Джорджии, и все это время он искал людей, у которых мог бы почерпнуть знания, особенно о теории и практике медицины. И он проповедовал Евангелие, возможно, нерегулярно, как набожный баптист Старой школы, деноминации, к которой он был рано привязан. Не устраивает его дома Грузии", его много Скорпионов и рабы", - он взял свою семью на лошадях, несколько маленьких детей (близнецов между ними) несли в корзинах подходит для этой цели повесил на рога седла ездил со своей женой, и, таким образом, они перешли через горы, реки и ручьи, без дорог, и не свободен от опасности, от индейцев, пересекая лес из Грузии через Теннесси в Кентукки, намереваясь

соблюдать. Но обнаружив, что Кентукки также стал рабовладельческим штатом, он и его семья, распрощавшись с кентуккийскими "палками по голове и рабством", аналогичным образом эмигрировали в Огайо, поселившись на Дак-Крик, недалеко от Колумбии (Старая Баптистская церковь), ныне в пределах Цинциннати, добравшись туда примерно в 1794 году. Он вместе со своей семьей стал членом этой церкви и часто проповедовал там и в других приграничных местах, но по-прежнему продолжал заниматься сельским хозяйством и, хотя, возможно, и не за большое вознаграждение, врачебной практикой. В 1804 году он снова отправился в пустыню со всей своей семьей, затем вырос до двенадцати детей, родившихся в "Трикотажных изделиях" или на линии его марша через побережье или дикие штаты или территории. Он поселился на маленькой и бедной ферме на Доннелс-Крик, среди богатых, где и умер 31 декабря 1816 года. Из его книги (стр. 14) (опубликованной, когда он жил в своем последнем доме) следует, что лично он не прекращал своих странствий и поисков медицинских знаний, поскольку, по его словам, он был в Филадельфии 4 июля 1811 года, где он сделал некоторые наблюдения относительно воздействия горячего и холодного воздуха на организм человека через дыхание. Но несомненно, что он учил до конца, стоя за кафедрой, и служил как врач своим соседям и друзьям, часто уезжая ради этой цели на большие расстояния из дома. Ближе к концу своего долгого и разнообразного опыта он пришел к выводу, что: "Люди ухитрились нарушить все назначения. Но это: *"Всем людям однажды назначено умереть"* никогда не было отменено или побеждено ни одним человеком. А что касается лекарств, которые мы собираемся принимать: *если Господу будет угодно*, мы будем делать то или иное с успехом; *если Господу будет угодно*, я выздоровею этим или каким-либо другим способом". Он завершил свое "Введение" похвалой "железной доктрине" для чахоточных и согласился с мнением доктора Брауна о том, что *"старикам никогда не следует жениться на молодой женщине"*.

Он похоронен на заброшенном кладбище недалеко от Доннелсвилла, округ Кларк, штат Огайо.

Люди описанного типа и характера производили впечатление хорошей западной жизни и характера при жизни, а также своим примером и потомками на неопределенное будущее.

У Питера Смита было четверо сыновей, Сэмюэл, Айра, Езекия и Абрам, каждый из которых прожил более восьмидесяти лет, умерев в порядке своего рождения, каждый оставил большую семью сыновей и дочерей, чьи дети, внуки и т.д. Находятся сейчас почти во всех штатах Союза, если не во всех, многие из них также стали первопроходцами на рубежах, давным-давно достигнув Скалистых гор, Тихоокеанского склона и побережья. (5)

Его сыновья Айра и Езекия, во многом следуя примеру своего отца, проповедовали Евангелие (баптизм) в Огайо и Индиане, но не пренебрегали, как это делал их отец, накоплением каждый значительного состояния. Айра проживал и умер в Лафайете, штат Индиана, а преподобный Езекия Смит - в Смитленде, штат Индиана. Сэмюэль, старший из них (округ Кларк, штат Огайо), всегда был простым, заслуживающим доверия фермером, но его сыновья и внуки стали известными педагогами, врачами, хирургами и богословами.

Сын Сэмюэля, Питер Смит, помимо получения хорошего общего образования, изучал геодезию, мой отец помогал ему, и он преподавал в школе в Кларке и других округах Огайо и прославился своими успехами. Он был первым в Огайо, кто выступил в защиту школ с высшим образованием, или профсоюзных, и благодаря его усилиям в Огайо был принят первый закон об

их учреждении. Он внедрил систему аттестатов для учащихся в школах, которая какое-то время была очень успешной и стала популярной. Около 1830 года он переехал в Иллинойс, затем стал землемером и локатором общественных земель, фермером и т.д. И был убит железнодорожным поездом в Самнере, штат Иллинойс, когда ему было около восьмидесяти лет, оставив большое количество взрослых детей.

Преподобный Милтон Дж. Миллер (ныне из Дженесео, Иллинойс), внук Сэмюэля Смита, хотя и был фермерским мальчиком, рано решил получить образование и поступить на служение. Его решение было приведено в исполнение. Он окончил Антиохийский колледж; посещал теологическую школу в Кембридже, штат Массачусетс, стал служителем христианской церкви, позже Унитарийской, и около года был капелланом в добровольческой армии (110-я армия штата Огайо) и отличился во всех сферах жизни.

Доктор Езекия Смит, также сын Сэмюэля, стал довольно известным врачом и умер в Смитленде, округ Шелби, штат Индиана, в 1897 году.

Абрам, хотя когда-то и был зажиточным, из-за неправильных привычек и унаследованной склонности странствовать по миру, стал бедным, а иногда, находясь вдали от своей семьи и друзей, по-настоящему нуждался, все же он, младший из четверых, прожил в традиционной семье восемьдесят лет, умер в бедности (недалеко от Лоуренсвилля, Иллинойс), но оставил детей и внуков во многих штатах Запада, которые к моменту его смерти или с тех пор стали выдающимися солдатами и выдающимися гражданами. Он был человеком самого веселого нрава, и каковы бы ни были его обстоятельства или судьба, он казался довольным и счастливым.

Пять дочерей доктора Питера Смита (не считая моей матери) дожили до замужества. Сара вышла замуж за Генри Дженнингса; Элизабет - за Езекию Ферриса; Нэнси - за Джона Джонса; Маргарет - за Хью Уоллеса и Рода, доктора У. М. Линдси, но все умерли сравнительно молодыми. Каждый из них также оставил детей; и их внуков и т.д. Сейчас множество, и многие из них - высокоуважаемые граждане, также широко разбросанные по стране.

Двое других детей доктора Смита (Кэтрин и Джейкоб Стаут) дожили только до пятнадцати и семнадцати лет соответственно.

Но Питер Смит не был единственным главой этой замечательной семьи, долгое время скитавшейся по свету, и не был хранителем или источником всех ее мозгов или хороших качеств головы и сердца.

Как уже говорилось, он был женат на Кэтрин Стаут из Нью-Джерси, семья которой до, тогда и после была многочисленной и широко рассеянной, и многие из них были более, чем обычно, заметны или прославлены в общественной или частной жизни.

Можно вкратце проследить ее родословную. Ричард Стаут, который, по-видимому, впервые носит свое имя в Америке, был сыном Джона Стаута из Ноттингемшира, Англия. В молодости он приехал в Нью-Амстердам (Нью-Йорк), где познакомился с Пенелопой Ван Принсес, молодой женщиной из Голландии. Она со своим первым мужем плыла на корабле из Амстердама, Голландия, направлявшемся в Новый Амстердам. Корабль потерпел крушение в нижнем заливе и был выброшен на побережье Нью-Джерси ниже Стейтен-Айленда. Пассажиры и команда спаслись на берег, но там подверглись нападению индейцев, и всех оставили умирать; одна

Пенелопа была жива, но тяжело ранена. У нее хватило сил добраться до дуплистого дерева, где, как говорят, она прожила без посторонней помощи семь дней, в течение которых ей приходилось придерживать свой кишечник рукой из-за пореза поперек живота. По прошествии этого времени милосердный, ножадный индеец обнаружил ее и сжалился над ней. Он взял ее в свой вигвам, заботился о ней, а оттуда перевез на каноэ в Новый Амстердам и *продал* ее голландцам. На этой женщине Ричард Стаут женился примерно в 1650 году. Пара поселилась в Нью-Джерси и вырастила семью из семи сыновей и трех дочерей. Третий сын, Джонатан, женился на Буллен, поселился в Хоупвелле, штат Нью-Джерси, и родил шестерых сыновей и трех дочерей. Пятый сын, Сэмюэл, женился на Кэтрин Симпсон, от которой у него был сын Сэмюэл, родившийся в 1732 году. Этот Сэмюэл служил в законодательном собрании Нью-Джерси и был мировым судьей. Он женился на Энн Ван Дайк, и у них родилось семеро сыновей и три дочери. Его дочь Кэтрин, праправнучка Ричарда и Пенелопы (родилась 25 ноября 1758 года), вышла замуж 25 декабря 1776 года за Питера Смита, историю которого мы проследили. Она была спутницей во всех его путешествиях, заботилась о делах и семье и руководила ими во время его частых отлучек и разъездов из дома, "проповедуя Евангелие и раздавая *лекарства* для спасения душ и исцеления тела". Она тоже была набожной христианкой (баптисткой) и служила незащищенным и часто нуждающимся пионерам в пустыне. Она пережила его на пятнадцать лет и умерла 3 марта 1831 года. Она похоронена рядом со своим мужем.

Мэри (моя мать), дочь Питера и Кэтрин Смит, родившаяся 31 января 1799 года на Дак-Крик близ Колумбийской церкви, в нынешних пределах Цинциннати, вышла замуж (как указано) за Джозефа Кейфера, когда ей еще не исполнилось семнадцати лет, и стала матерью четырнадцати детей, восемь из которых дожили до зрелых лет — двух сыновей и шести дочерей. Она умерла в Йеллоу-Спрингс, штат Огайо, 23 марта 1879 года, достигнув восьмидесятилетия, как и ее названные братья, пережив всех своих братьев и сестер. Она была следующей после младшей из них. Она унаследовала, культивировала и практиковала основные добродетели, необходимые для успешной, полезной, чистой, счастливой и довольной жизни. У нее был самый веселый нрав, и она была уверенной в себе и жизнерадостной в горе и невзгодах. Она была предана всем своим детям, и все они многим обязаны ей за их фундаментальную подготовку, образование и т.д., а также за привычки к трудолюбию и настойчивости, необходимые для любого успеха, которого они достигли в жизни. И, прежде всего, она рано стала членом церкви (баптистской и христианской) и поддерживала свои церковные отношения более шестидесяти лет, до самой своей смерти, никогда не сомневаясь в своей христианской вере, но при этом никогда не была фанатичной или нетерпимой к религиозным взглядам других.

Она была преданной подругой своему мужу и вместе с ним всегда проявляла глубокий интерес к их семье и соседям, никогда не пренебрегая своим долгом перед ними. Она, родившаяся на территории Огайо, прожившая в ее пределах более восьмидесяти лет, была свидетельницей ее превращения из дикости в высочайшую цивилизацию и роста ее богатства, могущества и численности населения с небольшого до третьего из крупнейших штатов Союза. Она была свидетельницей появления, благодаря науке и изобретениям, железных дорог, телеграфа, пара и электроэнергии, телефонов и т.д. Она видела солдат войны 1812 года, мексиканской войны, войны восстания и кое-что из индейских войн в Огайо. В детстве она жила рядом с дикарями. Вместе со своим мужем она помогала беглым рабам и стала свидетелем отмены рабства (которое всегда ненавидели оба). Она с подобающей гордостью наблюдала за успехами своих детей и внуков и держала на коленях своих правнуков. Она похоронена рядом со своим мужем на кладбище Фернклифф в Спрингфилде, штат Огайо.

Взрослыми детьми были: Маргарет, родившаяся 22 сентября 1816 года, вышедшая замуж за Джозефа Гейнса и умершая 10 марта 1896 года, оставив двух сыновей и дочь; Сара (все еще живая), родившаяся 29 сентября 1819 года, вышедшая замуж за Льюиса Джеймса, а после его кончины - Ричард Т. Янгман, у которой был один сын, Дж. Уоррен Джеймс (капитан 45-го полка Огайо, Война за восстание), и *пятеро* детей от ее последнего мужа; Бенджамин Франклин (все еще живой), родившийся 22 апреля 1821 года, женившийся на Амелии Хенкл, и у него трое детей. сыновья и три дочери живы; Элизабет Мэри, родилась 20 февраля 1823 года, не замужем, все еще жива; Лукреция, родилась 20 января 1828 года, умерла 5 августа 1892 года, пережив своего мужа Эли М. Хенкл и ее единственный сын, Джон Э. Хенкл; Джозеф Уоррен Кейфер, родился 20 января 1836 года, женился 22 марта 1860 года на Элизе Стаут из Спрингфилда, штат Огайо. [В живых у них трое сыновей: Джозеф Уоррен, родившийся 13 мая 1861 года; Уильям Уайт, родившийся 24 мая 1866 года, и Гораций Чарльз, родившийся 14 ноября 1867 года. Их единственный ребенок, дочь Маргарет Элиза, родилась 2 июня 1873 года и умерла 16 августа 1890 года.] Минерва, родилась 15 июля 1839 г. (умерла 22 июля 1899 г.), замужем за Чарльзом Б. Палмером, у них двое сыновей и дочь; и Корделия Эллен, родилась 17 июля 1842 г., не замужем.

Автор этого очерка произошел от описанной родословной и от самых разнообразных линий крови — немецкой, английской, валлийской, голландской и других, не прослеживаемых или поддающихся отслеживанию, — которые встретились, чтобы в *совокупности* составить чистокровного американца. Он также происходил из семьи фермера, сапожника, инженера-строителя, священнослужителя, врача и т.д., родословной, в длинной череде которой, насколько известно, не значилось ни одного известного юриста или солдата.

Рожденный с крепким телосложением, от сильных (6) и замечательно здоровых родителей, я, насколько позволяли силы, стал полезным, насколько это вообще возможно для мальчика, на ферме, где не только обрабатывают землю, но и сначала валят деревья, раскалывают рельсы, перетаскивают их и строят заборы. Древесину приходилось распиливать и возить на лесопилки, чтобы делать пиломатериалы для зданий и т.д. В 40-е годы расчистка все еще производилась путем омертвления, рубки и сжигания, поскольку большая часть древесины не была необходимой или пригодной для распиловки пиломатериалов или рельсов. Во всей этой работе, по мере того как я набирался лет и сил, я принимал участие. В возрасте до семи лет и долгое время после этого я выполнял тяжелую работу на ферме: возил, вспахивал, сеял, сажал, выращивал кукурузу и овощи, собирал урожай и т.д., и никогда не сидел сложа руки. Я косил траву косой и убирал зерно серпом (грубые следы зубьев последнего до сих пор видны на пальцах моей левой руки, когда я пишу это). Позже была введена подставка для срезания мелкого зерна, хотя поначалу она не пользовалась популярностью, потому что сокращала обычное количество уборочных рук, необходимых для "уборки урожая серпом". Сгребание и обвязка пшеницы, ржи и овса были частью тяжелой работы на уборочном поле. Лушение кукурузы было осенним, а иногда и зимним занятием. За скотом нужно было ухаживать и подкармливать. Лен для домашней одежды выращивался, выдерживался вручную, расплзался, гнил, ломался, скручивался, рубился и т.д. Всей этой работой на ферме я занимался регулярно и усердно. Мой отец умер, когда мне было четырнадцать лет, а мой единственный оставшийся в живых брат (Бенджамин Ф.) был женат и имел собственную ферму, поэтому большая часть обязанностей по управлению фермой площадью более двухсот акров легла на меня более чем на шесть последующих лет, в то время как моя мать продолжала проживать в усадьбе.

Мое образование было начато дома, в школе лог-дистрикт, расположенной на ферме моего отца. Согласно закону и обычаю, в то время обучение ребенка начиналось в возрасте четырех лет. Таким образом, я рано пошел в школу, но нерегулярно. В то время летняя школа работала редко, а зимний *семестр* обычно длился не более трех-четырёх месяцев. От мальчика-фермера требовалось работать почти круглый год, и даже посещая школу, он вставал рано, чтобы заняться кормлением скота, рубкой дров, работой по дому и т.д., А когда школа закрывалась вечером, он часто был занят тем же до наступления темноты. Занятия в школе проходили с 8 утра до 12 часов ночи и с 13 до 17 часов дня по субботам. Субботние дни были днями тяжелой работы. Школьные месяцы были напряженными для мальчиков и девочек-фермеров. Совпадения по правописанию по ночам были обычным делом.

Школы, однако, были хорошими, хотя учителя не всегда были эффективны или способны преподавать более высокие дисциплины, которые сейчас обычно преподаются в государственных школах штата Огайо. Но по чтению, правописанию, письму, грамматике английского языка, географии в определенных пределах и арифметике обучение было довольно тщательным, и ученики, склонные получать образование рано, стали опытными в изучаемых областях.

В школе я делал успехи, хотя обычно посещал ее всего три— иногда четыре месяца в году. Но у меня было исключительное преимущество в виде помощи по дому со стороны моих отца и матери, а также старших сестер, которые все они стали подходящими учителями. Моей естественной склонностью были математика и физическая география, а не английская грамматика или другие преподаваемые дисциплины. Занимаясь изучением географии, мой отец задумал изготовить глобус, чтобы проиллюстрировать зоны и т.д., А также основные подразделения мира. Хотя тогда мне было всего двенадцать лет, я помогал ему рубить местную липу, из которой был вырезан чурбак и отнесен человеку (Крейну), который делал прялки, которые он выточил в форме шара, около фута в диаметре, и повесил в рамку. Мой отец отметил на нем линии широты и долготы и нанес основные подразделения, острова, океаны, моря и т.д., А с соответствующими штриховками для обозначения линий или границ он был покрыт лаком и превратился в настоящий глобус, пригодный для начинающих изучать географию и далеко не грубый. Сейчас она стоит передо мной такой же совершенной, как и сделанная пятьдесят лет назад. Что касается математики, то вскоре после окончания школы я перешел к изучению алгебры, геометрии, естественной философии и т.д. Мои общие преимущества в школе и доме были превосходны, и пока мой отец был жив, даже когда он работал в поле, ставились и решались проблемы, обсуждались и обдумывались интересные вопросы. Деревенский парень имеет неоценимое преимущество перед городским парнем в том факте, что он более одинок и полагается на свои собственные ресурсы, что дает ему возможность для независимого мышления и заставляет его стать *мыслителем*, без чего никакие схоластические преимущества не сделают его образованным в каком-либо надлежащем смысле.

Не достигнув десятилетнего возраста, я имел несчастье случайно повредить левую ногу и, как следствие, около двух лет своего детства ходил на костылях. Это опасение снова рано стать хромым навело меня на мысль о занятии, отличном от фермерства. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я решил попробовать стать юристом, и в этом решении моя мать от всей души поддержала меня. Продолжая работать на ферме без перерыва, я продолжал, как и задолго до этого, регулярно изучать историю, раздобыл и прочел несколько элементарных юридических книг, включая "*Комментарии*" Блэкстоуна, которые я систематически и постоянно читал и

перечитывал, и использовал сам, без инструктора, все возможные способы приобретения юридических знаний. На восемнадцатом году моей жизни я регулярно записывался на юридический факультет к адвокатам "Энтони и Гуд" в Спрингфилде, штат Огайо, хотя мое чтение все еще продолжалось на ферме, в полдень, по ночам и в перерывах между напряженной работой.(7)

Лицеи или дискуссионные общества, которые собирались в деревнях или школах, были тогда обычным явлением. Обычно они проводились хорошо и служили отличным стимулом для учебы, предоставляя хорошую возможность приобрести навыки ведения дебатов и публичных выступлений. К сожалению, они больше не являются обычным явлением. Эти лицеи я часто посещал и участвовал в дискуссиях. Зимой 1852-53 годов я преподавал в государственной школе "*четверть*" в школьном здании таверны "Черная лошадь" на Доннелс-Крик за шестьдесят долларов.

Я учился в Антиохийском колледже (1854-55) во времена Горация Манна менее года, читая лекции по геометрии, высшей алгебре, английской грамматике, риторике и т.д., Не посещая регулярных курсов, а часть времени беря специальные уроки, и находясь там, активно участвовал в небольшом дискуссионном клубе, к которому принадлежали некоторые люди, все еще живущие и занимающие видное положение. Пока что только один член клуба умер на виселице. Это был Эдвин Коппок, который был повешен вместе с Джоном Брауном в декабре 1859 года.

В захватывающей президентской кампании 1856 года (хотя и недостаточно взрослый, чтобы голосовать) В округах Кларк и Грин, штат Огайо, я произнес более пятидесяти предвыборных речей в поддержку Фримонта, причем волнение было настолько велико, что моббинг или забрасывание яйцами не было чем-то необычным. Сторонники рабства называли сторонников Фремонта *аболиционистами* - самое оскорбительное название, которое, по их мнению, они могли использовать. Полковник У. М. С. Фюррей (ныне из Колумбуса, штат Огайо), примерно моего возраста, также произнес много речей в ходе той же кампании, и мы вместе получили по крайней мере *одна заброска* яйцами в Клифтоне, штат Огайо.

В разгар моих сельскохозяйственных работ и обязанностей, используя рабочее время в комнате, вечера, дождливые дни и т.д., я мог добиться значительных успехов в учебе, и, кроме того, я немного рыбачил в сезон и немного охотился с ружьем, в обращении с которым я был искусен убивать дичь. Охота стала почти страстью, поэтому от нее пришлось полностью отказаться.

По окончании президентской кампании 1856 года, когда моя мать из-за моего намерения заниматься юридической практикой переехала с фермы в Йеллоу-Спрингс, штат Огайо, я поселился в Спрингфилде и там регулярно изучал право в офисе "Энтони и Гуд".

До этого я отважился вести несколько судебных дел перед мировыми судьями как в сельской местности, так и в деревнях и в городе, и у меня было несколько профессиональных триумфов, иногда над обычным адвокатом, но чаще всего я встречался с "подхалимом", который принадлежал к некогда обычному классу, и его нельзя было презирать как "грубияна", *ad captandum*, адвокатов в судах. Они часто знали какой-нибудь грубый закон, но никогда не знали достаточно, чтобы признать свою правоту.

Моя учеба шла своим чередом, пока 12 января 1858 года Верховный суд штата Огайо в Колумбусе не принял меня в коллегия адвокатов. Сейчас я осознаю больше, чем тогда, что моя подготовка к профессии юриста, которая требует знаний почти обо всем, древнем, современном, научном, литературном, историческом и т.д., была совершенно неполноценной. Все знания востребованы практикующим юристом широкого профиля. Мой ранний недостаток знаний и многочисленные перерывы в течение примерно сорока лет привели к необходимости тщательного и постоянного применения. Получив допуск в бар, я решил посетить другие части и места, прежде чем искать. Я посетил Толедо; тогда он был грязным, обшарпанным, нездоровым и бесперспективным. Затем был осмотрен Чикаго. Он также, по-видимому, ничего не предвещал. Улицы были почти непроходимы из-за грязи. Тротуары редко были ровными для площади. Первые этажи некоторых зданий были на шесть-десять футов выше соседних. Поэтому ходить по тротуарам означало почти постоянно подниматься и спускаться по ступенькам. Тогда не было никаких обещаний о его почти волшебном будущем. В феврале 1858 года в Спрингфилде, штат Иллинойс, я видел и слышал в Верховном суде нескладного вида мужчину по имени Эйб Линкольн. Он оспаривал применение срока давности к неполноценному налоговому праву собственности на землю. Он очень много общался с судьями, и они уделяли ему внимание, и дискуссия продолжалась в сократической манере. Я не увидел ничего, что могло бы особенно привлечь внимание к мистеру Линкольну, за исключением того, что он был неуклюж, нескладного телосложения, более чем некрасивых черт лица и одежды, его одежда не сидела на нем, брюки были на несколько дюймов короче, обнажая длинную, большую, бесформенную ступню, грубо обутую. Но даже тогда те, кто знал его лучше всего, считали его интеллектуально и профессионально великим человеком. Когда я увидел его в следующий раз (25 марта 1865 года, за двадцать дней до его мученической смерти), он выглядел почти так же, разве что был лучше одет, хотя в то время он был президентом Соединенных Штатов и главнокомандующим их армией и флотом. В обоих случаях он выглядел печальным человеком, вдумчивым и серьезным. В последний раз, когда я видел его, он наблюдал за результатом штурма внешней линии укреплений противника из форта Фишер перед Питерсбергом, в тот день, когда конфедераты захватили форт Стедман и некоторое время удерживали его.

Я также посетил Сент-Луис и посмотрел на его узкие (в старой части) французские улочки; оттуда я отправился в Каир, худший по сути и внешнему виду из всех. Идя в одиночку пешком по рельсам Центральной железной дороги Иллинойса от Каира до Берквилл-Джанкшн, пересекая Кэш-боттомс, или слэшес, я подвергся нападению двух человек из многочисленной банды разбойников с большой дороги, которые тогда обитали в тех краях, и мне грозила опасность лишиться жизни. В схватке на насыпи один из двоих упал с железнодорожного полотна в болото сбоку от него, и, когда меня оторвали от другого, я без дальнейших приставаний добрался до места назначения.

К 1 марта 1858 года я снова был дома, решив заниматься юридической практикой в моем родном округе, в Спрингфилде, где я открыл для этой цели офис. Возможность заниматься какой-либо профессией среди ранних соседей и друзей имеет свои недостатки. Ревнивые и завистливые люди не будут желать вам успеха или помогать вам добиться его; другие, достаточно дружелюбные, все равно захотят, чтобы вы создали репутацию, прежде чем они возьмут вас на работу.

Однако все с готовностью поддержат вашу дружбу и с гордостью назовут вас своим школьным товарищем, соседом и лучшим другом, когда вы продемонстрируете, что не нуждаетесь в их покровительстве.

В некотором смысле я преуспел с самого начала, и у меня были хорошие клиенты и несколько хороших занятий. Я был оперативен, добросовестен и постоянно отстаивал интересы своих клиентов, стараясь никогда не пренебрегать ими, даже когда они были незначительными. Тогда судебные процессы, как правило, были более острыми, чем сейчас, и часто, как теперь понятно, ненужными. Когда-то на судебный срок смотрели как на время, когда юрист получает гонорар; теперь, к счастью, все обстоит иначе с более успешными и качественными юристами. Коммерческий бизнес слишком нежен, чтобы быть безжалостно потрясенным ожесточенными судебными разбирательствами. Споры между успешными бизнесменами теперь обычно можно урегулировать в конторах хороших юристов на справедливых условиях, без горечи, потери времени и дорогостоящих или длительных судебных разбирательств. Справедливый, откровенный и хороший адвокат должен получать больше гонораров за свои советы и защиту, а также за то, что улаживает дела своего клиента в своем офисе, чем за споры в зале суда первой инстанции.

Я был активным членом Независимой пожарной компании Rover в Спрингфилде и вместе с ней выезжал на пожары, ремонтировал тормоза ручного двигателя и т.д.

Я мало обращал внимания на дела, выходящие за рамки закона, хотя и немного на добровольческую роту ополчения, членом которой я был; какое-то время лейтенант, затем в 1860 году бригадный майор в штабе бригадира ополчения. Мы, штабные офицеры, носили хорошую одежду, много мишуры, яркие малиновые шарфы, золотые эполеты, яркие мечи в сверкающих ножнах, пускали лошадей в галоп на парадах и в дни сборов, но ничего настоящего военного не знали — конечно, но мало что полезного на войне. Мы немного знали о строевой подготовке в роте и о том, как вести старомодный сбор.

Моя жена (Элиза Стаут) происходила из той же семьи Стаутов из Нью-Джерси, откуда происходила моя бабушка по материнской линии. Она родилась в Спрингфилде, штат Огайо, 11 июля 1834 года и умерла там 12 марта 1899 года.

Ее отец, Чарльз Стаут, и мать, Маргарет (Маккорд) Стаут, эмигрировали из Нью-Джерси верхом в 1818 году в Огайо, сначала поселившись в Кадисе, затем в Урбане и примерно в 1820 году в округе Кларк. Маккорды были шотландско-ирландцами из графства Тайрон. Таким образом, в наших детях течет шотландско-ирландская кровь с примесью немецкой, голландской, валлийской, английской и многих других, но не всех арийских по языку, через варварские, тевтонские племена северной Европы.

Таким образом, после того, как Самтер подвергся обстрелу, я оказался в таком положении и был занят, и, хотя совершенно не был подготовлен из-за прежних склонностей, образования или выучки, быстро превратился в солдата на настоящей войне.

Через пять дней после первого призыва президента Линкольна к набору добровольцев я был рядовым в Кэмп-Джексона, Колумбус, Огайо (ныне Гудейл-парк), и 27 апреля 1861 года я был произведен в майоры 3-го добровольческого пехотного полка штата Огайо и вместе с полком немедленно отправился в Кэмп-Деннисон, недалеко от Цинциннати, для тренировок и снаряжения. Здесь началась настоящая подготовка к войне, ее обязанностям, ответственности

и тяготам. Без перерыва ни дня я прослужил добровольцем четыре года и два месяца, после чего был призван в армию в Вашингтоне, округ Колумбия, 27 июня 1865 года, и в этот день я оплатил все свое снаряжение и другие счета в правительственных департаментах, хотя они и покрывали несколько сотен тысяч долларов.

Я служил и воевал в Вирджинии, Кентукки, Теннесси, Алабаме, Джорджии, Западной Вирджинии и Мэриленде, а также проводил кампании в других штатах. Я был трижды легко ранен, дважды в разные годы, близ Винчестера, штат Вирджиния, и тяжело ранен в левое предплечье в битве при Уайлдернессе, 5 мая 1864 года. Я был освобожден от службы из-за ран лишь на короткое время, хотя до конца войны носил руку на перевязи, незаживающей.

История моей службы на Гражданской войне рассказана в другом месте.

II ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖБЫ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

По возвращении с войны я возобновил в Спрингфилде, штат Огайо, юридическую практику и с тех пор продолжаю ее, немного нарушенной официальной жизнью.⁽⁸⁾ Я проявил глубокий интерес к политическим вопросам, возникшим в результате восстановления штатов, недавно охваченных восстанием, и особенно к принятию Тринадцатой, Четырнадцатой и Пятнадцатой поправок к Конституции. *Впервой* из них отменили рабство в США; *второй* (1) обеспеченный, чтобы все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах, гражданство в нем и в том состоянии, в котором они проживают; запрещено штата издавать ни одного закона, который будет ограничивать привилегии или иммунитеты граждан, и лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры, и отказывать любому лицу в равной защите законов; (2) требуются представители должны быть пропорционально распределены среди Штатов по численности, кроме индейцев, не облагаются налогом, но при условии, что в случае нарушения прав граждан мужского пола старше двадцати одного года, чтобы проголосовать за выборщиков, а федеральные и государственные органы исполнительной, судебной или законодательной офицеров, было отказано или сокращенный любого государства, за исключением участия в восстании или ином преступлении, на основании представления в нем должно быть пропорционально уменьшена; (3) исключить любое лицо, которое, приняв ранее присягу в качестве члена Конгресса или Законодательного собрания штата, или как офицер Соединенных Штатов или государства, поддерживать Конституцию Соединенных Штатов, должны участвовали или способствовали восстания, занимать какую-либо должность в Соединенных Штатах или какое-либо государство, оставляя право Конгресс двумя третями голосов каждой палаты устранить такую инвалидность, и (4) запрещает действия государственного долга, включая долги, сделанные для выплаты пенсий и щедроты, от допрашиваемого, и не помешало Соединенным Штатам или любого государства, от уплаты каких-либо обязательств, понесенных при помощи мятежа, ни каких претензий к эмансипации рабов, *третьего* при условии, что граждане не должны быть лишены права на голосование "в любом государстве по признаку расы, цвета кожи или прежним нахождением в рабстве."⁽⁹⁾ Эти поправки выполнил цикл фундаментальных изменений Конституции, и нужны были результаты войны.

Огайо ратифицировала каждый из них через свой законодательный орган, но в январе 1868 года отменила свою предыдущую ратификацию Четырнадцатой поправки. Я голосовал и выступал в Сенате штата Огайо против этой рецессии.

Конституция штата Огайо предоставляла избирательное право только "белым" лицам. В 1867 году жители штата проголосовали против исключения слова "белый" из Конституции. В том году я был избран в Сенат штата Огайо и участвовал в политических дискуссиях того времени, как в stump, так и в Генеральной Ассамблее, и выступал за всеобщее избирательное право и политическое равенство всех людей. Разумность такого избирательного права вряд ли будет установлена до тех пор, пока существует огромное неравенство в образовании и морали, общественной и частной, среди людей, не принимая во внимание расу.

Я разработал несколько законов, которые все еще находятся в сводах законов штата Огайо, один или два из которых были скопированы в других штатах. Примером этого является поправка к законам replevin, направленная на то, чтобы помешать истцу приобрести, независимо от права, семейные реликвии, сувениры на память и т.д. Я работал в судебном и других комитетах Сената штата Огайо на сессиях 1868-69 годов.

Я поддерживал своего старого военачальника на выборах президента в 1868 и 1872 годах. Я был командующим департаментом Огайо, Великой армии Республики, в 1868, 1869 и 1870 годах, в течение которых под его эгидой через назначенный мной попечительский совет в Ксении был основан Приют для сирот солдат и матросов штата Огайо. Генпрокуратура закрепила за собой землю, возвела на ней несколько коттеджей и других построек и продолжала работу учреждения, оплачивая расходы в течение почти двух лет, прежде чем государство приняло имущество в дар и взяло на себя управление Домом. Я был младшим заместителем главнокомандующего Вооруженных Сил США в 1871-72 годах; был попечителем Сиротского приюта с апреля 1871 года, даты, когда государство взяло его в свои руки, по март 1878 года; был попечителем Антиохийского колледжа с июня 1873 года; был первым президентом Национального банка Лагонда, Спрингфилд, Огайо, (апрель 1873 года), должность, которую я занимаю до сих пор; был делегатом по особым поручениям от Огайо на Национальном республиканском съезде в Цинциннати в июне 1876 года, когда генерал Хейс был выдвинут кандидатом в президенты; впоследствии участвовал в Сорок пятом, Сорок шестом, Сорок седьмом и сорок восьмом конгрессах, закончившихся 4 марта 1885 года, освещая деятельность администраций президентов Хейса, Гарфилда и Артура. Я работал в сорок пятом в Комитете по военным искам, в сорок шестом - по выборам и в других менее важных комитетах.

Я выступал против отмены закона, предусматривающего возобновление платежей в денежной форме, с 1 января 1879 года. В несколько осторожной речи (16 ноября 1877 г.) я настаивал на том, что закон "об укреплении государственного кредита" (18 марта 1869 г.) и закон о возобновлении от 14 января 1875 г. подтвердили первоначальное обещание и возобновили обязательства нации выкупать, по предъявлении, свои банкноты, выпущенные во время Восстания и в связи с ним, тем самым делая их эквивалентом монеты. Затем я, также вопреки пророчествам многих в Конгрессе и вне его, продемонстрировал честность, необходимость и способность правительства возобновить выплаты в денежной форме.

Закон не был отменен, и возобновление его действия произошло в соответствии с ним без финансовых потрясений, а кредит, сила, честь и добросовестность нации были сохранены в неприкосновенности ее собственным народом.

Я выступал за выплату требований лояльных граждан восставших штатов за поставленные или захваченные армией Союза припасы, необходимые для ее использования в качестве средств к существованию, но выступал против выплаты даже лояльным гражданам требований,

основанных на потере или уничтожении имущества, вызванных общими разрушениями в результате войны. Иски об уничтожении собственности были самыми многочисленными и выдвигались наиболее энергично, и в некоторых случаях для их выплаты выделялись ассигнования, но подавляющее большинство из них не были удовлетворены. Лояльность претендентов с Юга часто была более чем сомнительной. Из-за отсутствия четко определенного правила, которое невозможно установить в Конгрессе, очень многие справедливые иски против Соединенных Штатов никогда не выплачиваются, или, если они и выплачиваются, то после того, как честные истцы были подвергнуты самым досадным задержкам и, во многих случаях, вынуждены становиться жертвами профессиональных лоббистов. Многие заявители потратили все, что у них и их друзей было, в ожидании в Вашингтоне, пытаясь добиться присвоения или заплатить шантажистам-агентам по претензиям или лоббистам. Сомнительно, чтобы последний класс лиц когда-либо действительно помогал, влиянием или иным образом, в обеспечении честного присвоения, хотя они, к возмущению членов клуба, часто пользовались этим авторитетом. Сомнительно, был ли какой-либо случай, когда члены любой из палат были подкуплены деньгами для поддержки находящегося на рассмотрении законопроекта, однако многие заявители полагали, что они платили членам за их влияние и голоса.

Показательный инцидент произошел, когда У. М. П. Фрай из штата Мэн работал в Комитете Палаты представителей по военным искам. Лоббист каким-то образом установил, что мистер Фрай получил от своего комитета указание одобрительно отозваться о законопроекте, по которому будет выплачен значительный иск. Негодяй нашел истца и сказал ему, что за пятьсот долларов мистер Фрай сделает благоприятный отчет, в противном случае его отчет будет неблагоприятным. Истец выплатил сумму. Если бы не несчастный случай, мистер Фрай никогда бы не узнал о мошенничестве, и заявитель поверил бы, что он подкупил честного члена клуба.

Я выступал против выплаты большого количества исков, предъявленных за учебные заведения или церковные здания, разрушенные той или иной армией, не столько из-за их нелояльных владельцев, сколько потому, что их разрушение относилось к общим разрушениям войны, которые никогда не компенсировались по праву, согласно законам и обычаям наций.

Помимо докладов о различных военных претензиях, я довольно подробно выступил (13 декабря 1878 г.) против законопроекта о возмещении ущерба колледжу Уильяма и Мэри, Вирджиния, за имущество, уничтоженное во время войны, в котором я сопоставил прецеденты и пересмотрел международное право в вопросе выплаты требований за имущество, уничтоженное в результате разрушительных действий войны дружественной или противостоящей армией. Я также часто участвовал в дебатах в Палате представителей, связанных с заявлениями о войне и другими важными вопросами.

Необходимость подачи исков на решение Конгресса приводит к самым серьезным нарушениям в отношении честных заявителей и часто приводит к выплате мошеннических исков из-за настойчивости заявителей и нехватки времени и адекватных средств для расследования. В отсутствие судебного расследования в соответствии с обычными процедурами довольно часто случается, что мошеннические требования предъявляются для того, чтобы казаться честными, а следовательно, и оплаченными. Нехватка времени приводит к тому, что другие, какими бы справедливыми они ни были, не принимают во внимание, тем самым совершая неисчислимую несправедливость. Репутация правительства Соединенных Штатов страдает из-за

бесчисленных отказов расплачиваться, по крайней мере своевременно, со своими честными кредиторами. Ежегодно выставляются тысячи счетов для оплаты требований, которые поступают в комитеты и в календарь, и от них никогда не избавляются из-за нехватки времени. Чтобы исправить это, 16 апреля 1878 года я предложил в Палате представителей поправку к Конституции в следующих словах:

"Статья -

"Раздел 1. Конгресс не имеет права выделять деньги для оплаты каких-либо претензий к Соединенным Штатам, не предъявленных во исполнение или ранее не санкционированных законом, международным договором или арбитражным решением, за исключением оплаты окончательного решения, вынесенного по этому делу судом или трибуналом, обладающим компетентной юрисдикцией.

Раздел 2. Конгресс учреждает суд по рассмотрению претензий, состоящий из пяти судей, один из которых является главным судьей, с такой первоначальной юрисдикцией, которая может быть предусмотрена законом в делах, связанных с исками против Соединенных Штатов, и с такой другой первоначальной юрисдикцией, которая может быть предусмотрена законом, и Конгресс также может наделить любой другой из судов Соединенных Штатов, нижестоящий после Верховного суда, первоначальной юрисдикцией в аналогичных случаях.

"Раздел 3. Все законодательные акты, за исключением тех, которые касаются исключительно присвоения денег в любом акте Конгресса об ассигнованиях, являются недействительными, за исключением таких, которые могут предписывать условия, на которых должны быть выплачены или получены присвоенные таким образом деньги". —*Соп. Отчет*, Том vii., часть III., стр. 2576.

Принятие этой поправки избавило бы Конгресс от большой работы; дало бы заявителям в любое время быстрое и надежное средство правовой защиты для удовлетворения их требований и в то же время обеспечило бы защиту правительства от необоснованных претензий. Срок давности мог бы положить конец старым и часто сфабрикованным искам, которые до сих пор постоянно предъявляются Конгрессу. Конгресс не может установить срок давности по своему усмотрению.(10) Он никогда не будет подчиняться закону, противоречащему его собственным действиям.

В Сорок шестом Конгрессе было много спорных избирательных дел, выросших из махинаций и преступлений на выборах, особенно на Юге. Цель доминирующей расы Юга - свергнуть власть черных или их друзей - проявилась тогда в проведении выборов. Вскоре цветной избиратель был путем принуждения и мошенничества практически лишен своего избирательного права. План заполнения урн для голосования бумажными бюллетенями (часто напечатанными на папиросной бумаге длиной около дюйма и меньше в ширину) был в моде в некоторых округах. Судья или секретарь избирательной комиссии, когда урна для голосования была открыта, вытряхивал из рукава в урну сотни таких билетов. В этих округах избирателям предлагалось проголосовать, но бумажные бюллетени в основном подсчитывались по числу реальных избирателей; оставшиеся были сожжены. Однако партия, имеющая большинство в Палате представителей, в целом голосовала за своих людей, независимо от фактов.

Еще 7 июня 1878 года я предложил внести поправки в законы о почте, с тем чтобы распространить систему бесплатной доставки писем почтовыми отделениями, общий доход которых составляет 20 000 долларов. Впоследствии эта поправка стала законом и предоставила

многим городам систему перевозчиков. До этого критерием для создания таких офисов была только численность населения.

Я выступал против неразборчивого распределения оставшихся 10 000 000 долларов из 15 500 000 долларов, выплаченных Великобританией по решению Женевского Арбитража в качестве возмещения убытков, причиненных крейсерами Конфедерации, которые вышли в море во время Восстания из английских портов при попустительстве или по небрежности британского правительства. В своей речи (17 декабря 1878 г.) я настаивал на том, что фонд должен быть распределен для оплаты требований, разрешенных арбитрами при вынесении арбитражного решения, или сохранен правительством в качестве общего возмещения. Многие проигравшие, чьи требования были приняты во внимание при присуждении премии, не могли быть надлежащими заявителями в фонд, поскольку они были полностью оплачены морскими страховыми компаниями. Некоторые члены комиссии настаивали на том, что компании не имели справедливого права на уступку прав истцов, которым таким образом были выплачены выплаты, поскольку компании вносили военные взносы и, следовательно, не заслуживали возмещения.(11)

Сорок шестой конгресс надолго останется в истории нашей страны. Впервые после войны он был демократическим в обеих ветвях власти.

Предыдущий Конгресс (Палата представителей Демократической партии) закрыл заседание 4 марта 1879 года, не выполнив своей конституционной обязанности по выделению денег, необходимых для продолжения работы законодательного, исполнительного и судебного ведомств правительства на предстоящий финансовый год, а также для выплаты жалованья армии. Общепризнанной целью этого провала было вынудить президента-республиканца воздержаться от своего вето и утвердить законопроекты, запрещающие использование войск "для поддержания мира на избирательных участках в дни выборов"; лишить президента полномочий по обеспечению соблюдения всех законов, даже для подавления восстаний, за исключением случаев, когда это было сделано по инициативе властей штата; отменить все законы о выборах, которые обеспечивали право через наблюдателей за выборами и специальных заместителей маршалов проводить свободные, честные выборы для выборщиков и членов Конгресса; а также сделать преступлением для офицера армии подавление беспорядков или сохранение общественного порядка. мир на выборах.

Президент созвал Сорок шестой Конгресс на дополнительную сессию 18 марта 1879 года, чтобы выделить необходимые ассигнования. Сразу же были предприняты усилия, посредством законопроектов об ассигнованиях и отдельных законопроектов, по введению в действие упомянутых законов. Волнение достигло предела. Впервые в истории Соединенных Штатов (возможно, в истории любого правительства) сторона, контролирующая свои законотворческие полномочия и, следовательно, ответственная за надлежащее поведение и поддержку правительства, объявила, что, если исполнительная власть не согласится с законодательством, которое она не считает мудрым или справедливым, не должны предоставляться средства для содержания нескольких департаментов правительства - что правительство должно быть "заморено голодом". Тщетно искали в истории Англии прецеденты для подобной самоубийственной политики. Дебаты в обеих палатах Конгресса были бурными, и люди испытывали большие опасения. Мистер Блэкберн из Кентукки, выступая от имени своей партии, сказал:

"Впервые за последние восемнадцать лет Демократия вернулась к власти в обеих ветвях этого законодательного органа, и она предлагает ознаменовать свое возвращение к власти; она предлагает отпраздновать восстановление своего давно утраченного наследия, сорвав эти унижительные знаки рабства и уничтожив механизм коррумпированного и пристрастного законодательства. Мы не намерены останавливаться до тех пор, пока не вычеркнем из свода законов последние остатки ваших военных мер, которые, как и эти, были порождены страстями, присущими гражданской войне, и направлены на ограничение свободы гражданина".

Другие угрожали отказываться голосовать за ассигнования до тех пор, пока "Капитолий не рассыплется в прах", если не будет принят требуемый закон. Только вето президента Хейса предотвратило принятие закона. Здесь не предлагается излагать историю борьбы, чреватой такой большой опасностью для Республики, а лишь привлечь к ней внимание. Борьба длилась несколько месяцев.

В дебатах приняли участие сенаторы Эдмундс, Конклинг, Блейн, Чендлер из Мичигана и другие республиканцы, а также Турман, Вурхиз, Бек, Морган, Ламар и другие демократы. В Палате представителей мистер Гарфилд, мистер Фрай, мистер Рид и другие республиканцы, а также мистер Кокс, мистер Такер, мистер Карлайл и другие демократы приняли более или менее заметное участие в обсуждении. Я выступал против отмены законов о выборах 25 апреля 1879 года и против запрета использования войск на избирательных участках для поддержания мира в дни выборов 11 июня 1879 года. Необходимость выплаты жалованья членам за финансовый год, заканчивающийся 30 июня 1880 года, привела, наконец, к тому, что после многочисленных вето президента члены-демократы на время отступили от занятой ложной позиции. Однако весь этот вопрос был возобновлен на первой очередной сессии того же Конгресса. Были выдвинуты точно такие же предложения к законопроектам об ассигнованиях и новым законопроектам, касающимся использования войск на избирательных участках, отмены законов, разрешающих назначение контролеров и специальных заместителей маршалов на выборах, и объявления преступлением для офицера армии содействия поддержанию мира на избирательных участках в дни выборов, и требования их включения в законы. Я выступал 8 и 10 апреля 1880 года против ограничения использования армии на выборах и ограничения полномочий президента по поддержанию мира на выборах, когда преобладали беспорядки, а 18 марта и снова 11 июня 1880 года я выступал против законопроекта, направленного на отмену существующих законов, касающихся использования заместителей маршалов на выборах. В этих дебатах я стремился прояснить полномочия правительства по защите избирателя на федеральных выборах; продемонстрировать необходимость этого; показать, что в день выборов на избирательных участках так же важно сохранять мир, как и в другие дни года и в других местах; что не предполагалось и никогда не было целью использовать войска, надзирателей или заместителей маршалов, чтобы помешать избирателю проголосовать за офицеров по его выбору, а только обеспечить ему это право; и что право на мирные выборы всегда свято соблюдалось, и с этой целью армия была создана для защиты избирателей. использовался в Англии и во всех странах, где были проведены свободные выборы. Я утверждал, что гражданин имеет такое же право на защиту своего права мирно и свободно осуществлять избирательные права, как и на защиту любого другого права, и что использование армии в качестве полиции в день выборов в такой же степени является обязанностью Федерального правительства и столь же четко входит в его полномочия в день выборов, как и использование ее в другие дни года для подавления беспорядков и нарушений общественного порядка; и я далее настаивал на том, что долг Соединенных Штатов - защищать своих граждан как дома, так и за границей во всех их

конституционных правах.(12) Я также показал, что политика принуждения к принятию законов под угрозой уничтожения правительства была не только неоправданной, предательской и непатриотичной, но и совершенно новой. Прецедентов, которые, как утверждается, были обнаружены в истории британского парламента, на самом деле не существовало; что английский парламент никогда не заходил дальше отказа в субсидиях короне, принцам, или в поддержании королевской семьи, или в голосовании за поставки для ведения иностранной войны, не одобренной Палатой общин; что ни в коем случае жизнь нации не подвергалась угрозе в качестве наказания за то, что корона не одобрила законы, принятые Палатой общин, и что английские статуты предусматривали сохранение мира и порядка армией, особенно на выборах.

В некоторых случаях во время этого памятного состязания на Сорок шестом конгрессе я спорил в Палате представителей с большинством моих коллег по партии, когда они из робости или по другим причинам выступали против предлагаемого законодательства, касающегося использования армии, специальных заместителей маршалов и наблюдателей за выборами для обеспечения мирных и честных выборов. В одном примечательном случае (11 июня 1879 г.) г-н Гарфилд из Огайо, г-н Хейл из Мэна и другие республиканские члены комитета по ассигнованиям пока отказались от своих ранее высказанных взглядов и согласились с принятием раздела в законопроекте об ассигнованиях на армию, который запрещал "выплачивать какие-либо из выделенных им денег на содержание, снаряжение, транспорт или компенсацию любой части армии Соединенных Штатов для использования в качестве полицейских сил для поддержания мира на любых выборах, проводимых в любом штате".

Постановка предыдущего вопроса прервала общие прения, и мне удалось выкроить всего пять минут, чтобы высказать свои возражения против предлагаемой меры.

Хотя этот раздел был явно направлен на то, чтобы лишить президента его конституционной власти как главнокомандующего армией, только одиннадцать республиканцев из Палаты представителей присоединились ко мне, проголосовав против него. Сенаторы-республиканцы, однако, в целом выступили против этого раздела, когда законопроект поступил в Сенат. Позже в том же Конгрессе республиканцы Палаты представителей единодушно поддержали позицию, занятую мной. Этот и другие подобные инциденты привели, однако, к тому, что позже некоторые слабые, завистливые и тщеславные республиканцы выдвинули обвинение в том, что я не был дружелюбен к мистеру Гарфилду как лидеру и не всегда был лоялен своей партии.

В последнем законопроекте об ассигнованиях на армию, принятом тем же Конгрессом, после всестороннего обсуждения аналогичное положение было опущено, и с тех пор никаких подобных ограничений на использование армии не предпринималось и, вероятно, никогда больше не будет предпринято попыток ввести в действие закон.

Политическая ересь сорок пятого и сорок шестого конгрессов, по-видимому, прошла, и во всех партиях в целом преобладают патриотические чувства, и, к счастью, необходимость в войсках, наблюдателях за выборами и специальных заместителях маршалов на избирательных участках больше не существует в столь заметной степени.

Я выступал 7 декабря 1880 г. и снова 9 февраля 1881 г., подробно, против принятия совместного правила Конгресса, касающегося подсчета голосов выборщиков, которое, среди прочего, обязывалось предоставлять Конгрессу право разрешать вопросы, которые могут возникнуть в

связи с возражениями члена относительно голосования выборщиков штата. Я утверждал, что, согласно Конституции, Конгресс ни на совместном заседании, ни на отдельных сессиях не имеет права решать, следует или не следует подсчитывать голоса штата, или что где-либо есть какая-либо власть отклонить голос любого штата после того, как он был подан, должным образом заверен и возвращен; что две Палаты заседали только, как предусмотрено Конституцией, чтобы засвидетельствовать чисто министерскую работу вице-президента по открытию и подсчету возвращенных ему голосов выборщиков. Я привел прецеденты с начала правления в соответствии с Конституцией в поддержку своей позиции, исключая только опасный прецедент 1877 года, возникший из Избирательной комиссии.

Я говорил на многие другие важные темы, особенно об истинном правиле распределения представительства в Палате представителей; о случаях выборов и парламентских вопросах. Я не всегда был в согласии со своими партийными лидерами. Я в любом случае отрицал политику отказа от принципа, даже несмотря на то, что в настоящее время кажущаяся гармония была достигнута таким образом.

На ноябрьских выборах 1880 года президентом был избран Джеймс А. Гарфилд, и на открытии Сорок седьмого конгресса республиканцы имели абсолютное большинство в Палате представителей над демократами и Гринбекерами, но не большинство над всеми. Из Виргинии были избраны трое переадресовщиков Махоуни. У меня не было намерения выдвигать свою кандидатуру на пост спикера Палаты представителей до конца Сорок шестого Конгресса, да и то только по просьбе ведущих членов этого Конгресса, которые были избраны в следующий.

Вскоре после инаугурации мистера Гарфилда президентом Соединенных Штатов возникли ожесточенные споры по поводу назначений на важные должности в Нью-Йорке, которые привели к отставке сенаторов Конклинга и Платта. За этим последовало то, что президент Гарфилд был застрелен (2 июля 1881 г.) сумасшедшим чудаком (Гито), который каким-то образом вообразил, что он из-за разногласий был лишен должности. В компании генерала Шермана я видел мистера Гарфилда и имел с ним беседу в его комнате в Белом доме днем в тот день, когда в него стреляли. Тогда он выглядел как человек, смертельно раненный. Он прожил восемьдесят дней и умер 19 сентября 1881 года. (Он похоронен в Кливленде, штат Огайо.) Гарфилд был человеком большого интеллекта и привлекал к себе людей своей щедрой натурой. Я говорил о нем в речи, произнесенной 12 мая 1887 года на открытии его статуи у подножия Капитолийского холма в Вашингтоне, округ Колумбия, воздвигнутой Обществом армии Камберленда.(13)

Обойдя таких конкурентов, как мистер Рид из штата Мэн, мистер Берроуз из Мичигана, мистер Хискок из Нью-Йорка и других, я был избран спикером Сорок седьмого конгресса 5 декабря 1881 года. Борьба была острой до заседания кокуса, но когда моя кандидатура стала достаточно очевидной, мистер Хискок, мистер Рид и мистер Берроуз, трое моих ведущих конкурентов, великодушно проголосовали и попросили своих друзей проголосовать за мою кандидатуру.

Честер А. Артур, как вице-президент, унаследовал пост президента после смерти мистера Гарфилда. Позже в республиканской партии произошел острый раскол, Блейн и Конклинг (оба тогда по странному совпадению покинули свои посты) были предполагаемыми главами противоборствующих фракций. Президент Артур добросовестно пытался объединить эти элементы, признавая и то, и другое, но в этом, как это обычно бывает, он не преуспел и не

получил активной поддержки ни одной из фракций. Мистер Блейн был слишком чрезмерно амбициозен и ревниво относился к власти, чтобы терпеливо выжидать своего часа, а мистер Конклинг был слишком властным и мстительным, чтобы терпеть через своих политических друзей справедливое обращение со своими предполагаемыми врагами. Мистер Конклинг был человеком честным и прямолинейным, до некоторой степени верным своим друзьям, с потрясающим интеллектом и поразительным трудолюбием. Несмотря на многие неудачные черты своего характера, мистер Конклинг был великим человеком.

Мистер Блейн был по сути политиком, обладал непомерными и всепоглощающими амбициями и завидовал даже своим потенциальным личным и политическим друзьям. Мистер Конклинг посоветовал некоторым своим друзьям в Конгрессе поддержать меня на посту спикера, как и его бывший коллега по сенату мистер Плэтт из Нью-Йорка. Однако депутаты от штата Нью-Йорк, хотя многие из них были последователями мистера Конклинга, единодушно поддерживали мистера Хискока, пока последний во время собрания сам не решил проголосовать за меня. Мистер Блейн, хотя и заявлял мне лично о теплой дружбе, проводил тайные встречи в Государственном департаменте и у себя дома, чтобы разработать методы предотвращения моего избрания.⁽¹⁴⁾ Он был членом Палаты представителей на протяжении многих сроков и трижды ее спикером, был сенатором и в течение нескольких месяцев государственным секретарем при президентах Гарфилде и Артуре. У него было обширное знакомство и много восторженных друзей. Ему не хватало широты и силы познаний, а также искренности характера. Он, однако, был близок к тому, чтобы стать великим человеком, особенно в глазах общественности.

Сорок седьмой Конгресс собрался 5 декабря 1881 года, и, поскольку я был избран его спикером вместо мистера Рэндалла, кандидата от демократов, я произнес эту инаугурационную речь:

"Джентльмены из Палаты представителей, я благодарю вас от всего сердца, исполненного благодарности, за выдающуюся честь, оказанную мне избранием вашим спикером. Я приму на себя полномочия и обязанности на этом высоком посту, надеюсь, с должной долей неуверенности и недоверия к своей собственной способности выполнять их приемлемо для вас и страны. Я верю, что вы, как организация, так и каждый в отдельности, окажете мне сердечную поддержку в выполнении всех моих обязанностей. Я призываю вас и страну к милосердному суждению обо всех моих официальных действиях. Я буду стремиться быть справедливым ко всем, независимо от партии или раздела. Там, где речь идет о партийных принципах, я буду признан республиканцем, но во всех других отношениях я надеюсь, что смогу действовать без партийных предубеждений.

"Это исключительный факт, что в это самое процветающее время в истории нашей страны ни одна партия ни в одной из ветвей Конгресса не имеет абсолютного большинства над всеми другими партиями, и поэтому особенно удачно, что ни в одно другое время с момента и в течение многих лет до вступления Авраама Линкольна на пост главы исполнительной власти не было так мало нерешенных жизненно важных вопросов национального характера, в отношении которых проводилась четкая партийная линия.

"Материальное процветание народа опережает любой другой период в истории нашего правительства. Буйство партийного духа существенно ослабло, и в значительной степени потому, что исчезли многие причины для его существования.

"В то время как всеобщая тенденция людей состоит в том, чтобы поддерживать и продолжать наращивать беспрецедентное процветание, нашей высшей целью должно быть принятие законов таким образом, чтобы постоянно поощрять его, а не калечить. Этот Конгресс должен быть, и я глубоко надеюсь, что так и будет, отмечен как деловой конгресс.

"Возможно, действительно, необходимы дополнительные законы, чтобы предоставить каждому гражданину полную защиту при осуществлении всех политических прав. При равномерно сбалансированной партийной власти, при небольшом количестве поводов для партийной розни и озлобления и при отсутствии приближающихся президентских выборов, которые могли бы отвлечь нас от чисто законодательных обязанностей, я осмеливаюсь предположить, что настоящее время является благоприятным временем для принятия законов, направленных на предотвращение повторения опасностей для наших институтов и обеспечение спокойствия в опасные времена в будущем.

"Еще раз благодаря вас за оказанную честь и снова взывая к вашей помощи и великодушному суждению, я готов принести присягу, предписанную законом и Конституцией, и немедленно приступить, насколько это в моих силах, руководствуясь искренней и честной целью, к выполнению обязанностей, связанных с должностью, на которую вы меня возложили".

Обязанности Спикера были трудными, разнообразными и деликатными. В соответствии с законом, правилами и практикой Палаты представителей он контролировал холл Палаты представителей и распределение комнат для комитетов; подписывал приказы о ежемесячном вознаграждении каждого члена и заработной плате сотрудников; утверждал долговые обязательства офицеров; назначал и увольнял стенографисток; проверял и утверждал ежедневный журнал заседаний Палаты представителей перед его прочтением; получал и отправлял послания от президента и глав департаментов; назначал трех регентов в Смитсоновский институт и трех членов ежегодно в качестве посетителей Военной академии и аналогичного числа в Военно-морскую академию, а также выполнял множество других возложенных на него обязанностей, в том числе помимо назначения всех комитетов Палаты представителей. Говорящий, естественно, является человеком, к которому члены Клуба, служащие и другие лица, имеющие дело с Домом, обращаются за советом, помощью и со своими реальными или мнимыми обидами. Обширная переписка и общественные обязанности отнимают у Докладчика много времени. Все это независимо от его реальных обязанностей в качестве председательствующего в Палате представителей, при выполнении того, что ожидается, без времени на раздумья, для правильного решения всех парламентских вопросов и запросов. И он обязан, кроме того, выполнять обычные обязанности депутата от своего округа и избирателей. Члены из всех частей Союза имеют разнообразные и часто конфликтующие интересы, требующие привлечения внимания Палаты представителей, а ревность членов в вопросах приоритета или признания спикером делает его обязанности крайне обременительными. Постоянно случалось, что несколько равноправных членов, настаивавших на вопросах равной значимости, зависели от признания Оратора в "утренний час", когда из-за нехватки времени могли быть признаны не более одного или двух из них. Выступающий должен проявлять зависть, полагаясь на будущее, чтобы выровнять положение. Признание участника Выступающим является окончательным и обжалованию не подлежит. Члены Совета и часто личные друзья нередко чувствуют себя обиженными на Спикера, по крайней мере, на какое-то время. И все это независимо от принадлежности к политической партии. Обязанность Спикера

- поровну распределять признание между сторонами, и эта обязанность, с точки зрения члена комиссии, часто является основанием для жалоб.

Обычно первой обязанностью спикера после организации Палаты представителей и до того, как она сможет приступить к регулярной работе, является назначение постоянных комитетов.

Председательство в комитетах и назначения на руководящие должности пользуются большим спросом, и члены комитета обращаются к Спикеру по любым поводам с просьбой предоставить им желанные места. На него давят личной и партийной дружбой, чтобы побудить к благоприятным действиям. Одно и то же место часто ищут несколько членов организации. Опыт работы в Конгрессе, независимо от предыдущих обязанностей члена, направления деятельности или рода занятий, обычно выдвигается в качестве причины для желаемого назначения. Некоторые приводят географическую причину для конкретного выбора. Исходя из всего этого и многого другого, Спикер, практически не знакомый с большим количеством участников, делает все, что в его силах. Некоторые всегда разочаровываются, и, что неизбежно в данных обстоятельствах, совершаются какие-то ошибки, но, как правило, громче всех жалуются слабые, тщеславные и неэффективные депутаты, которые надеются прославиться в глазах своих избирателей, получив от спикера назначение в один или несколько важных комитетов.

Некоторые, кто ищет и получает назначения в комитеты по своему собственному выбору, вскоре обнаруживают, что они не такие, как они ожидали, и они также присоединяются к шумихе против Спикера. Однако есть лишь небольшое число из общего числа тех, кто неразумен или недоволен. Это небольшое число своими воплями создает видимость общего недовольства. Жалоба была подана разочарованными тем, что я отдавал предпочтение в комитетах личным и партийным друзьям, которые поддерживали меня на посту спикера. Я всегда верил в то, что моих друзей нужно награждать.

Я, однако, назначил достойного. Томаса Б. Рида (в качестве спикера), достойного. Фрэнк Хискок, достойный Дж. К. Берроуз (все претенденты на пост спикера), председатели, соответственно, комитетов по судебной системе, ассигнованиям и территориям. Достойный Уильям Д. Келли был назначен председателем Комитета по путям и средствам. Он был признанным ведущим сторонником высоких протекционистских тарифов, которым тогда обязалась Республиканская партия, хотя в то время партия была заполнена вольноотпущенниками, некоторые из которых редактировали ведущие газеты. Некоторые из последних в Нью-Йорке, Чикаго и Цинциннати воспользовались случаем, чтобы напасть на меня за назначение мистера Келли, и, чтобы придать вес своим несправедливым нападениям, сделали много ложных заявлений относительно организации других комитетов.(15) В этом они были вдохновлены мистером Блейном и очень немногими другими за пределами Конгресса, которые воображали, что к их диктовке следовало прислушаться, или которые были иным образом разочарованы невозможностью сказать, кто должен быть спикером. Выступающий не мог обратиться в газеты и опровергнуть эти и подобные им злобные истории, и поэтому некоторые из них до сих пор невежественно повторяются.(16)

После более полного знакомства с членами комитета стало очевидно, что, назначая их на работу в комитете, я переоценил одних и недооценил других, но Конгресс никогда не собирался с лучшей работой. Его работа убедительно доказывает это не только объемом проделанной работы, но и важностью и характером законодательства, а также его свободой от всего, что

было коррумпированным или порочным. Я не могу припомнить, чтобы даже слабые и злобные клеветники или разочарованные лоббисты когда-либо рисковали обвинить меня, когда я был спикером или в течение восьми лет моего пребывания в Конгрессе, в поддержке каких-либо коррупционных мер, рассматриваемых Конгрессом. Полигамии, несмотря на то, что она сохранялась в Соединенных Штатах в течение пятидесяти лет и затем утвердилась в штате Юта более прочно, чем когда-либо прежде, был нанесен удар, от которого она с тех пор практически исчезла. Первые три процента. Законопроект о финансировании был принят этим Конгрессом. Иммиграция бедняков была запрещена, и иммигранты должны были быть защищены на пути через море; были расширены уставы национальных банков, почтовые расходы были снижены до двух центов, и было принято множество государственных актов, мудро регулирующих политику правительства в отношении индейцев и земель. Были приняты либеральные пенсионные законы; налоги на внутренние доходы были в значительной степени снижены, и был проведен общий пересмотр (3 марта 1883 г.) законов о тарифах. На этом Конгрессе также был принят Закон о государственной службе.

В сорок седьмом году на рассмотрение было внесено больше законопроектов, чем поступило на рассмотрение Конгресса за первые пятьдесят лет его существования.

При исполнении обязанностей спикера у меня не было сильного парламентского лидера моей партии, который мог бы мне помочь, и у меня было мало опыта работы в качестве председательствующего. К противоположной партии принадлежали мистер Рэндалл, который был спикером на трех предыдущих конгрессах; мистер Кокс из Нью-Йорка, драчун, который некоторое время исполнял обязанности спикера в сорок третьем; мистер Карлайл (мой преемник на посту спикера), и мистер Нотт из Кентукки, и другие, которые по праву претендовали на обширные парламентские познания. Палату представителей трудно было назвать республиканской; и в моей собственной партии были разочарованные кандидаты, которые часто думали, что видят возможность получить немного дешевых аплодисментов.⁽¹⁷⁾ Несмотря на эту ситуацию, ни одно мое парламентское решение не было отменено Палатой представителей, хотя было принято множество апелляций, и членами было поднято больше обычного количества важных вопросов, по которым я принял решение. Самым запоминающимся из этих решений было то, которое положило конец процедурным ходатайствам, не позволявшим Палате вносить поправки в свои правила процедуры. Повод для проведения этого заседания возник в связи с рассмотрением доклада Комитета по регламенту, в котором было предложено внести в правила такие поправки, чтобы предотвратить обструкцию и затягивание рассмотрения спорных избирательных дел. Можно заметить, что впервые в истории Конгресса были применены методы затягивания, чтобы предотвратить рассмотрение дел о выборах. Затем я был готов поддержать (и так заявил), что предложения об отсрочке были выдвинуты не для того, чтобы помешать рассмотрению таких дел, поскольку их решение влияло на организацию работы Палаты представителей; и я также был готов подсчитать кворум, когда присутствовал кворум членов, не участвующих в голосовании, но этих вопросов не возникло, и тогда стало понятно, что ведущие республиканцы (г-н Рид из штата Мэн в числе 18) не согласились с моими взглядами по этим двум пунктам. По порядку ведения заседания было выдвинуто предложение об отсрочке, которое долго и с некоторым жаром обсуждалось наиболее способными парламентариями от всех партий в Палате представителей. Мое мнение по заданному вопросу цитируется из *Записи* от 29 мая 1882 года.

"Мистер Рид в качестве особого вопроса сослался на отчет Комитета по регламенту, подготовленный в прошлую субботу; когда мистер Рэндалл поднял вопрос о рассмотрении; в ожидании чего мистер Кенна предложил отложить заседание Палаты представителей; в ожидании чего мистер Блэкберн предложил, чтобы заседание Палаты представителей было отложено в следующую среду; и поскольку вопрос был поставлен по нему, решение было отрицательным.

* * * * *

"Вопрос, повторяющийся по предложению мистера Кенны о перерыве в заседании Палаты представителей; в ожидании этого мистер Рэндалл предложил, чтобы заседание Палаты представителей было перенесено на следующий четверг;

"Мистер Рид указал по порядку ведения заседания, что указанное предложение в данный момент неуместно на том основании, что в ожидании предложения об изменении правил Палаты представителей Председатель не может рассматривать ходатайства об отсрочке.

"После обсуждения указанного вопроса по порядку ведения заседания,

-Говорящий. Вопрос, который предстоит решить Председателю, вкратце заключается в следующем: джентльмен из штата Мэн (Рид) предложил для текущего рассмотрения отчет Комитета по регламенту, подготовленный 27 сентября, а джентльмен из Пенсильвании (мистер Рэндалл) поднял, как он мог бы сделать в соответствии с практикой и правилами Палаты представителей, вопрос о рассмотрении. Джентльмен из Западной Вирджинии (мистер Кенна) затем внес предложение о переносе заседания Палаты представителей, а джентльмен из Кентукки (мистер Блэкберн) внес предложение о переносе заседания Палаты представителей на следующую среду, последнее предложение было отклонено; и вслед за этим джентльмен из Пенсильвании (мистер Рэндалл) внес предложение о переносе заседания Палаты представителей на следующий четверг. Джентльмен из штата Мэн (мистер Рид) затем поднял вопрос по порядку ведения заседания, заявив, что такие ходатайства являются всего лишь отсрочками и, следовательно, противоречат праву Палаты представителей рассматривать предложение о внесении поправок в правила не по порядку.

"Нельзя оспаривать тот факт, что Комитет по правилам имеет право в любое время сообщать о таких изменениях в правилах, которые он сочтет разумными. Право этого комитета отчитываться в любое время может быть, согласно практике, вопросом привилегии; но если это не так, резолюции этой Палаты, принятые 19 декабря 1881 г., прямо предоставляют это право.

- Секретарь зачитает резолюции.

Клерк прочел следующее:

"*Постановлено*, Что правила Палаты представителей Сорок шестого Конгресса являются правилами нынешней Палаты представителей до тех пор, пока не будет принято иное решение; и

"*Решено* далее, что Комитет по регламенту, когда он будет назначен, будет иметь право в любое время сообщать обо всех таких поправках или пересмотренных вариантах указанных правил, какие они сочтут необходимыми".

-Говорящий. Будет видно, что эти резолюции не только дают право этому комитету отчитываться в любое время, но и комитет уполномочен сообщать о любых изменениях и т.д. В правилах. Предоставленное право сообщать в любое время влечет за собой право на рассмотрение представленного предложения без отказа. Резолюции - это те, которые принимают нынешние постоянные правила Палаты представителей для своего правительства; и следует отметить, что они были приняты лишь условно; и за Палатой было прямо закреплено право распорядиться об их отмене. Это предусмотрено в пункте 1 правила xxviii.—

"Ни одно постоянное правило Палаты представителей не может быть отменено или изменено без уведомления об этом за один день".

"Этот пункт правила, если он вообще применим, может быть справедливо истолкован как предписывающий в соответствии с постоянными правилами Палаты рассматривать любое ходатайство об отмене или изменении правил после уведомления за один день.

Но вопрос, который предстоит решить Председателю, заключается в следующем: должны ли правила этой Палаты быть истолкованы таким образом, чтобы дать меньшинству Палаты абсолютное право препятствовать большинству или кворуму Палаты устанавливать какие-либо новые правила для своего правительства; или в отсутствие чего-либо в правилах, предусматривающего какой-либо способ рассмотрения рассматриваемого вопроса, когда вопрос об изменении правил находится на рассмотрении Палаты, должны ли правила быть истолкованы таким образом, чтобы фактически предотвратить их изменение, если одна пятая часть Палаты выступит против этого? Возможно, следует иметь в виду, что пункт 2 раздела 5 статьи 1 Конституции гласит, что —

"Каждая Палата может определять правила своего судопроизводства".

"Тот же раздел Конституции предусматривает, что...

"Большинство в каждой Палате представителей должно составлять кворум для ведения бизнеса".

"Право, предоставленное Палате представителей определять правила своей работы, никогда не исчерпывается, но всегда является постоянным правом и, по мнению Председателя, дает право устанавливать или изменять правила независимо от любых правил, которые она может принять. Ходатайства об отсрочке рассмотрения дела были приняты сравнительно недавно, и их не следует одобрять ни в коем случае, за исключением случаев, когда этого абсолютно требует какое-либо четкое правило установившейся практики.

"В любом случае толкование правил таким образом, чтобы помешать кворуму Палаты представителей вообще проводить какие-либо процедуры, требуемые Конституцией, является серьезным нарушением здравого смысла; и еще труднее найти какое-либо обоснование для утверждения, что специальные резолюции этой Палаты, принятые 19 декабря прошлого года, или даже постоянные правила Палаты представителей были направлены на то, чтобы помешать Палате, если того пожелает большинство, изменять или отменять действующие правила Палаты представителей.

"Кажется, существует множество прецедентов для точки зрения Председателя. Секретарь зачитает из *Протокола* Сорок третьего Конгресса,

том IX, страница 806, мнение, выраженное уважаемым спикером мистером Блейном, на которое сегодня неоднократно ссылались.

Клерк прочел следующее:

Председатель неоднократно постановлял, что в ожидании предложения об изменении правил ходатайства об отсрочке не могут приниматься, и по этой причине он несколько раз постановлял, что право каждой Палаты определять, какими должны быть ее правила, является органическим правом, прямо предоставленным Конституцией Соединенных Штатов. Правила являются порождением этой силы, и, конечно, они не могут быть использованы для уничтожения этой силы. Палата представителей не способна с помощью каких-либо правил отказаться от присущего ей конституционного права осуществлять свои функции по определению своих собственных правил. Поэтому Председатель всегда заявлял, что в ответ на предложение изменить правила Палаты представителей он никогда не допустит промедления".

"Спикер. Следует отметить, что тогдашний спикер говорит, что он часто утверждал, что в ожидании предложения об изменении правил ходатайства об отсрочке не могут приниматься во внимание. Прецедентов отклонения ходатайств об отсрочке, когда рассматривается поправка к правилам, много.

"Во время подсчета голосов мой непосредственный предшественник (мистер Рэндалл), в принципе, решил этот вопрос. 24 февраля 1877 года, после того, как было внесено обструктивное предложение, была использована следующая формулировка, содержащаяся в *Протоколе* Сорок четвертого конгресса, страница 1906 года.

- Выступающий. Председательствующий не может рассматривать это ни в каком ином свете, кроме как как замедляющее движение.

Затем инициатор отрицал, что он выдвинул это предложение как таковое.

- Выступающий. Председатель не может классифицировать это каким-либо другим способом. Следовательно, он постановляет, что, когда Конституция Соединенных Штатов предписывает что-либо предпринять, или когда закон в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов, принятый в соответствии с ней, предписывает акт этой Палаты, это делается не для того, чтобы внести какое-либо предложение, препятствующее исполнению этого предписания Конституции и законов".

"Хотя это решение не касается конкретного вопроса, оно четко отражает принцип, применяемый в деле, с которым мы сейчас имеем дело.

"Председатель считает, что Конституция и законы выше любых правил, и когда они вступают в противоречие с правилами, последние должны уступить. Однако в настоящих правилах нет ни единого слова, которое предписывало бы порядок действий при изменении действующих правил, за исключением ссылки на предложения об изменении правил, за еще одним исключением, которое —

"Ни одно действующее правило или приказ Палаты представителей не может быть отменено или изменено без предварительного уведомления за один день".

"Но следует отметить, что во всех этих постоянных правилах полностью отсутствует что-либо, что указывало бы на указания относительно процедуры, когда правило находится на рассмотрении Палаты представителей. Это относится только ко времени рассмотрения ходатайств об отмене или изменении постоянного правила со ссылкой на предложения, представленные членами, и на время и способ их представления на рассмотрение Палаты представителей, а не на метод их рассмотрения при их представлении в Палату представителей.

"Кажется, что при рассмотрении таких ходатайств намеренно не говорится ни слова о формах судебного разбирательства. Это очень важно.

"Нет ничего революционного в утверждении, что не могут быть приняты чисто отсрочительные меры для предотвращения рассмотрения или принятия мер по предложению о внесении изменений в правила Палаты представителей, поскольку это право вносить изменения в правила является органическим и должно осуществляться до упорядоченного ведения бизнеса Палатой представителей. Было бы более чем абсурдно утверждать обратное.

"Правило XLV обязуется распространить наши нынешние постоянные правила на нынешний и все последующие Конгрессы. Оно гласит следующее:

"Настоящие правила являются правилами Палаты представителей нынешнего и последующих Конгрессов, если не будет приказано иное".

"Если это правило имеет обязательную силу для последующих конгрессов, и правила применяются и могут быть использованы для предоставления меньшинству в Палате представителей полномочий предотвращать их отмену или изменение, они стали бы бессрочными, если бы только пятая часть членов Палаты представителей приняла такое решение.

"Ошибочность утверждения о том, что действующие правила могут применяться к разбирательствам по внесению поправок и т.д., станет более очевидной, когда мы обратимся к рассматриваемому делу. Предложение состоит в том, чтобы таким образом изменить правила в делах об оспариваемых выборах, чтобы лишить права вносить и повторять предложения об отсрочке, предотвращать рассмотрение и т.д. И к тому же обструктивному праву апеллируют, чтобы помешать его рассмотрению. Разрешить это означало бы признать превосходство правил не только над Палатой представителей, которая их приняла, но и над Конституцией Соединенных Штатов.

"Мудрые замечания, процитированные в ходе дебатов, сделанные давным-давно уважаемым спикером Палаты общин мистером Онслоу о разумности соблюдения установленных правил в законодательном процессе, были сделаны без ссылки на применение правил, которые, как утверждалось, были сделаны для предотвращения каких-либо разбирательств вообще органом, действующим в соответствии с ними.

"Нынешний председатель пытался и будет пытаться в полной мере применять все правила, где это применимо, и особенно защищать права меньшинства в максимально возможной степени, которую оправдывают правила.

"Председатель не обязан утверждать, что какие-либо из постоянных правил Палаты представителей противоречат Конституции, поскольку в этом нет необходимости. Он лишь утверждает, что в правилах нет ничего, что давало бы им право подавать заявки на их изменение и отмену в ожидании разбирательства. Он также считает, что в соответствии с первой из резолюций, принятых Палатой представителей 19 декабря 1881 года, было сохранено право распорядиться об отмене постоянных правил в любое время, когда Палата примет такое решение, и независимо от предусмотренных в них форм затягивания разбирательства. Председатель не считает, что до рассмотрения вопроса ни одно предложение не может быть рассмотрено. На данный момент он склонен рассматривать одно предложение о перерыве как надлежащее, поскольку это хорошо известное предложение парламента, и что такое предложение может быть повторено на каком-то этапе разбирательства, если оно внесено с надлежащей целью, а не для затягивания.

"Председатель чувствует себя более удовлетворенным своим решением по этому делу, потому что правило, предлагаемое к принятию, направлено на упорядоченное рассмотрение дел об оспариваемых выборах, обязанность, возложенная непосредственно на Палату Представителей Конституцией Соединенных Штатов, и важная, которую необходимо выполнить до того, как она будет полностью организована.

"Председатель не может найти за всю историю правительства случая, чтобы когда-либо выдвигались какие-либо отсрочки, чтобы воспрепятствовать рассмотрению или разрешению дела об оспариваемых выборах до нынешнего Конгресса. Вопрос по порядку ведения заседания еще не был вынесен в отношении obstructive ходатайств, препятствующих рассмотрению дела об оспариваемых выборах, и Председатель сейчас не призван решать, уместны ли такие ходатайства или нет, если они помешали бы полной организации Палаты представителей. Используемого здесь принципа будет достаточно, чтобы выразить мнение Председателя по этому вопросу.

"Вопрос, который здесь был решен, Председатель понимает как важный, поскольку он отражает полную организацию работы Палаты представителей, но он считает, что в соответствии с принципом и вескими прецедентами выступление по порядку ведения заседания, сделанное джентльменом из штата Мэн (мистером Ридом), должно быть поддержано в той мере, в какой считается, что предложение, сделанное джентльменом из Пенсильвании (мистером Рэндаллом), которое, по сути, является отсрочкой, в настоящее время неуместно.

"В ходе дебатов утверждалось, что 11 января 1882 года нынешний председатель держался по-другому. Поставленный затем вопрос возник в связи с передачей предложения о внесении поправок в правила соответствующему комитету, как это предусмотрено правилами, а не в связи с рассмотрением отчета, когда он надлежащим образом представлен Палате представителей для принятия решения. Эти две вещи настолько ясно различимы, что о них не требуется ничего больше говорить.

Мистер Рэндалл. Исходя из вашего решения, господин спикер, только что объявленного, я обращаюсь к Палате представителей, должностным лицом которой вы являетесь.

Мистер Рид. Я предлагаю положить апелляцию на стол.

-Говорящий. Джентльмен из Пенсильвании (мистер Рэндалл) обжалует решение Председателя, а джентльмен из штата Мэн (мистер Рид) вносит предложение о рассмотрении апелляции.

"Вопрос был принят; и было — за 150, против 0, не проголосовало 141.

"Итак, апелляция была положена на стол".(19)

Было много шума и неоправданного ажиотажа по поводу этого решения Спикера, пресекающего, как мне всегда казалось, глупую и неоправданную, хотя и освященную веками практику позволять беспокойному меньшинству приостанавливать работу на неопределенный срок чисто отсроченными, хотя и по форме, привилегированными предложениями. Это утверждение, однако, получило одобрение трезвых, образованных людей этой страны, а в Европе его одобрительно процитировал Гладстон в Палате общин Англии, и, в принципе, его Спикер поддержал правилочlorure против насильственного обструкционизма ирландской партии. С тех пор к таким замедляющим методам прибегали редко.

В конце этого Конгресса по предложению мистера Рэндалла была принята резолюция, в которой выражалась благодарность "Спикеру за умение и вежливость, с которыми он руководил обсуждениями в Палате представителей в ходе Сорок седьмого Конгресса".

Мое прощальное слово в качестве Оратора было следующим:

"Джентльмены, настало время, когда наши официальные отношения в качестве представителей в Сорок седьмом Конгрессе должны быть расторгнуты. Еще немного, и эта Палата представителей останется известной только в истории. Его деяния, многие из которых, как полагают, останутся в силе на протяжении всей будущей истории Республики.

"В день открытия этого Конгресса я рискнул предложить и выразил надежду, что он будет отмечен "как исключительно деловой конгресс".

"Он успешно справился с большим количеством жизненно важных, материальных и моральных вопросов страны, чем его предшественники. Многие из них были мудро и правильно урегулированы соответствующим законодательством. В настоящее время было бы совершенно невозможно перечислить множество важных законов, которые были приняты для поощрения существенных интересов всей страны.

"Этот Конгресс превратил в закон первые 3 процента. законопроект о финансировании известен этой стране, и в соответствии с ним значительная часть государственного долга была возвращена по более низким ставкам, чем когда-либо прежде.

"Он без колебаний взялся за проблему полигамии и, как полагают, нанес первый эффективный удар в направлении искоренения этого величайшего из оставшихся общественных преступлений эпохи.

"Были приняты законы для защиты иммигранта на его пути через море и по прибытии в порты этой страны.

Также были приняты законы о расширении уставов банковских учреждений, чтобы не допустить финансовых беспорядков, которые в противном случае произошли бы по истечении срока действия старых банковских уставов.

"Будет найдено много публичных актов, касающихся политики Индии и земельной политики этой страны, которые окажутся мудрыми.

"Законы о почтовых отделениях были изменены таким образом, что стоимость почтовых отправлений снизилась с трех до двух центов, что является самой низкой ставкой, когда-либо известной в Соединенных Штатах.

"В сводах законов этого Конгресса не будет найдено ни одного законодательства, революционного по своему характеру или которое будет угнетать какую-либо группу или отдельного человека в стране. Все законодательство было направлено на смягчение последствий.

"Были приняты пенсионные законы, которые считаются мудрыми, и были выделены щедрые ассигнования для выплаты заработной платы достойному и несчастному пенсионеру.

"Налоги на внутренние доходы были отменены, а законы о тарифах пересмотрены.

"Секционизм был неизвестен при принятии законов.

"В основном братский дух царил среди членов из всех частей Союза. То, что было сказано в пылу дебатов, под влиянием возбуждения, а иногда и с провокацией, не должно рассматриваться при определении подлинного чувства согласия, существующего между участниками. Высокий пост, который я занимал на протяжении сессии этого Конгресса, позволил мне лучше судить об истинном духе членов, входящих в его состав, чем я мог бы это сделать в противном случае.

"Принято говорить, что Палата представителей - это очень беспокойный и беспорядочный орган мужчин. Это верно скорее внешне, чем на самом деле. Те, кто наблюдает и не участвует, видят больше очевидного замешательства, чем существует в действительности. Беспорядок, который часто появляется на полу Палаты Представителей, проистекает из серьезного, активного духа, которым обладают члены, приезжающие из всех регионов Соединенных Штатов, и в высокой степени указывает на их сильную индивидуальность и огромное рвение в попытках добиться признания за быстрое выполнение своего долга. По моему мнению, более добросовестной группы людей, чем та, что составляет эту Палату представителей, никогда не встречалось. Партийное рвение в некоторых случаях приводило к ожесточенным словесным перепалкам в зале, но когда повод к ним миновал, партийный дух ушел вместе с ним.

"Я очень благодарен Палате представителей за внимательное отношение ко мне в ее коллективном качестве. Я также очень благодарен каждому члену этого органа в отдельности за его личное отношение ко мне. Я сложу молоток и высокую должность, которой вы меня наделили, преисполненный добрых чувств по отношению к каждому члену этой Палаты. Временами я был нетерпелив, а иногда и суров с участниками, но я никогда намеренно жестко не обращался ни с кем из них. Я испытываю теплую привязанность и глубокое восхищение не только высоким характером этой Палаты как парламентского органа, но и всеми ее отдельными членами. Я сердечно благодарю Палату представителей за ее вотум благодарности.

"Обязанности Оратора носят самый деликатный и ответственный характер. Его решения в основном принимаются без времени на обдумывание и часто носят очень далеко идущий характер и контролируют законодательство страны по важным вопросам, и они вызывают самую суровую критику.

"Правила этой Палаты, которые возлагают на Спикера обременительную обязанность и деликатную задачу по подбору лиц для представления своих вопросов для принятия законодательства, делают эту должность в этом отношении чрезвычайно неприятной. Ни у одного члена не должно быть законодательства, которого он желает, зависящего от личного признания Спикера, и ни один спикер не должен быть вынужден принимать решения между членами, имеющими вопросы, возможно, равной важности или равные права на его признание.

"Я предполагаю здесь, что скоро придет время, когда придется принять другой режим, который освободит как Спикера, так и отдельных членов парламента от этой чрезвычайно неудобной, если не опасной власти.

"За время моего пребывания на посту председателя мною было решено очень много важных вопросов, и я не льщу себя надеждой, что в спешке принятия этих решений не допустил ошибок. Но я очень горжусь тем, что могу сказать, что ни одно мое парламентское решение не было отменено решением этой почти одинаково политически сбалансированной Палаты представителей, хотя было принято множество апелляций.

"Я поздравляю каждого члена этой Палаты с тем, чего он достиг при исполнении важных обязанностей Представителя, и с искренней надеждой, что все смогут благополучно вернуться в свои дома, и, желая каждому успешного и счастливого будущего в жизни, я сейчас исполняю свой последний официальный долг в качестве председательствующего в этой Палате, объявляя срок полномочий этой Палаты в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов оконченным, и что заседание откладывается на *неопределенный срок*. (Сердечные и продолжительные аплодисменты.)" — *Кон. Отчет*, том xiv, часть IV, стр. 3776.

Я был кандидатом от фракции, и мои друзья по партии проголосовали за меня на пост спикера Сорок восьмого Конгресса, но был избран мистер Карлайл, причем демократы составили большинство. Я работал в комитетах по ассигнованиям и Регламенту Сорок восьмого Конгресса и выполнял много тяжелой работы. Я активно участвовал во многих общих делах этой Палаты представителей и в дебатах. 24 января 1884 года я произнес пространную речь против законопроекта об освобождении от должности Фитц-Джона Портера, которым предлагалось присвоить ему звание "полковника армии" и таким образом снять с него позорное поведение, совершенное им при генерале Поупе 29 августа 1862 года во время Второго Булл-рана, как это было установлено общим военным трибуналом. Я выступал за то, чтобы (5 января 1885 г.) отправить мексиканских солдат на пенсию. Я говорил на различные другие темы и особенно выступал (20 февраля 1885 г.) за увеличение военно-морской мощи правительства, чтобы оно могло защищать нашу торговлю в открытом море в мирных условиях, охранять нашу пограничную береговую линию (по длине, исключая Аляску, в одну и две трети раза превышающую расстояние вокруг земли по экватору) и успешно справляться, если начнется война, с любой военно-морской державой мира.

Моя основная работа в этом Конгрессе заключалась в подготовке законопроектов в помещениях Комитета по ассигнованиям. Дistinguished. Сэмюэл Дж. Рэндалл (демократ) из Пенсильвании был председателем этого комитета. Он был добросовестным, трудолюбивым и честным, абсолютно без предпочтений, личных и политических, при распределении ассигнований. Этот комитет, в основном, также трудом очень немногих своих членов, на каждой ежегодной сессии готовил законопроекты об ассигновании сотен миллионов долларов,

которые (за редчайшим исключением) проходили Палату представителей без вопросов (и в конечном итоге становились законами), при этом члены комитета, как правило, мало что знали или вообще ничего не знали о честности или особой необходимости, если вообще о цели, выделяемых ассигнований. При подготовке этих законопроектов были детально изучены расходы и сметы всех департаментов правительства, включая все ветви государственной службы, а также все особые вопросы расходов, ответственности и обязательных обязательств, чтобы избежать ошибок, несправедливости по отношению к правительству или отдельным лицам, расточительности или мошенничества. На протяжении пяти последних дней сессии я оставался с мистером Рэндаллом в помещениях комитетов Капитолия, работая почти непрерывно, днем и ночью, над завершением законопроектов, которые необходимо было принять до перерыва. Эта работа в комитете не давала иммунитета от присутствия в Палате представителей.

Моя служба в Конгрессе закончилась 4 марта 1885 года, и с тех пор я участвую в общественных и политических делах как частное лицо, усердно занимаюсь юридической практикой и занимаюсь своими личными делами; написание этого тома происходило, главным образом, зимними ночами 1896 и 1897 годов, в связи с другой занятой жизнью.

III СЛУЖБА В ИСПАНСКОЙ ВОЙНЕ

После того, как было написано вышеизложенное, между Соединенными Штатами и Испанией возникла война, выросшая из-за плохого правления последней на Кубе, которую Испания удерживала (за исключением короткого времени) с момента ее открытия в 1492 году.

Испании лишь частично удалось подавить десятилетнюю (1868-1877) борьбу кубинцев за независимость, и она была вынуждена согласиться (1876) предоставить жителям Кубы все права, включая представительство в Кортесах, испанских граждан. Это соглашение не было соблюдено, и в феврале 1895 года вспыхнуло новое восстание, поддержанное массами кубинского населения, особенно теми, кто проживал за пределами основных прибрежных городов. Несмотря на то, что Испания использовала на Кубе свои лучшие регулярные войска, а также добровольцев, ей не удалось подавить это восстание. Генерал-губернатор Вейлер открыл огонь и резню везде, куда испанские армии не могли проникнуть, не щадя мирных жителей, и 16 февраля 1896 года он принял бесчеловечную политику вытеснения сельских жителей из их домов в строго ограниченные так называемые военные зоны, где они остались без продовольствия и, следовательно, были обречены на смерть. Из-за жестоких методов и политики Вейлера около трети (600 000) мирных жителей острова были убиты или умерли от голода и внезапных болезней до окончания испано-американской войны. И все же повстанцы продолжали войну под руководством способных людей, вдохновленных патриотическим стремлением к свободе и независимости. Варварство политики реконцентрадо вызвало во всем цивилизованном мире глубокое сочувствие к кубинцам, и 6 апреля 1896 года Конгресс принял резолюцию, в которой выражалось мнение, что "на Кубе существует военное положение", и объявлялось, что Соединенные Штаты должны сохранять строгий нейтралитет, но предоставлять каждой из противоборствующих держав "права воюющих сторон в портах и на территории Соединенных Штатов", и предлагалось, чтобы президент Соединенных Штатов "предложил дружественные услуги испанскому правительству в обмен на признание

независимости Кубы". Это решение и предложенные дружеские услуги не принесли никаких плодов. Для отражения возможного нападения на наших граждан в Гаване в январе 1898 года туда был направлен линейный корабль "Мэн" под командованием капитана К. Д. Сигсби. Он мирно стоял на якоре в гавани, где 15 февраля был уничтожен тем, что, как обычно считалось, было подводной миной, намеренно взорванной испанцами без разрешения. Из его офицеров и команды погибло 266 человек, а великолепный военный корабль был полностью разрушен.

В нашей стране сразу же начались приготовления к войне. Конгресс выделил 50 000 000 долларов "на национальную оборону".

Он также 18 апреля 1898 года принял совместные резолюции, в которых говорилось:

"Народ острова Куба является и по праву должен быть свободным и независимым"; требуя от Испании, чтобы она "немедленно сложила свою власть и правительство на острове Куба и вывела свои сухопутные и военно-морские силы с Кубы и кубинских вод"; уполномочивая президента "использовать все сухопутные и военно-морские силы Соединенных Штатов ... и ополчение нескольких штатов в такой степени, которая может оказаться необходимой для выполнения этих резолюций", но отрицая, что Соединенные Штаты имели "какое-либо намерение осуществлять суверенитет, юрисдикцию или контроль над указанным островом". , за исключением его умиротворения" и заявляя о своей решимости, когда это будет завершено, "оставить правительство и контроль над островом его народу". Резолюции были одобрены президентом 20 апреля и сами по себе имели эффект объявления войны. Испанский министр немедленно потребовал свои паспорта и отбыл из Вашингтона. Американскому посланнику в Мадриде вручили его паспорта утром 21 апреля 1898 года, не разрешив предъявить резолюции испанским властям. Конгресс 25 апреля своим законом объявил, что война существует между Соединенными Штатами и Испанией с 21 апреля 1898 года включительно.

Таким образом, после долгого тридцатитрехлетнего мира нашей стране снова предстояло вступить в войну, причем со старой, некогда могущественной и воинственной нацией, которая должна вестись как на море, так и на суше.

Я не собираюсь писать историю последовавшей за этим сто четырнадцатидневной войны. Я просто кратко описываю условия, которые заставили меня отказаться от гражданских занятий и тихого домашнего очага, чтобы снова заняться военной деятельностью на войне.

Президент призвал добровольцев (125 000 23 апреля и 75 000 25 мая), и 9 июня я был им назначен, а 14 июня 1898 года единогласно утвержден Сенатом Соединенных Штатов в звании генерал-майора добровольцев. Я был единственным человеком на гражданке из северного штата или служившим в Армии Союза во время Гражданской войны, но никогда в регулярной армии, которому изначально было присвоено это высокое звание во время испано-американской войны.

Это звание было присвоено Фицхью Ли из Вирджинии, Джозефу Уилеру из Алабамы и Мэтью К. Батлеру из Южной Каролины, каждый из которых служил генералом в Армии Конфедерации; и Джеймсу Х. Уилсону из Делавэра, который служил генерал-майором в Армии Союза во время Гражданской войны. Эти четверо были выходцами из гражданской жизни, но, за исключением Батлера, каждый из них окончил Вест-Пойнт и служил в армии Соединенных Штатов.

Достопочтенный. Уильям Дж. Сьюэлл из Нью-Джерси отказался от назначения на это звание, и Фрэнсис В. Грин из Нью-Йорка был назначен после подписания протокола. Он был выпускником Вест-Пойнта и служил в армии Соединенных Штатов. Ни один другой генерал-майор не был назначен на гражданке до заключения мирного договора.

Особенностью войны в Испании была готовность, с которой бывшие конфедераты и южане предлагали свои услуги для ее поддержания. Это стоило того, чтобы ценой войны продемонстрировать патриотизм всего народа и его готовность объединиться под одним флагом и сражаться за общее дело.

Меня направили в Седьмой армейский корпус, который в то время формировался, со штаб-квартирой в Джексонвилле, Флорида. Я доложил там генерал-майору Фицхью Ли, ее командиру, и был направлен в Первую дивизию, которая тогда располагалась в Майами, в 366 милях южнее, на восточном побережье Флориды, на конечной железнодорожной станции. Я принял командование дивизией 7 июля со штаб-квартирой в Майами. Тогда в ней насчитывалось около 7500 офицеров и рядовых. Мои палатки были разбиты в кокосовой роще на берегу залива Бискейн. Корпусу было поручено возглавить раннее наступление на Гавану. Я не командовал армией в течение трети столетия и сомневался в своей способности должным образом выполнять важные обязанности. Это чувство не уменьшалось из-за того факта, что дивизия состояла из войск юга - 1-го и 2-го Луизианских; 1-го и 2-го Алабамских; и 1-го и 2-го Техасских добровольческих пехотных полков. Некоторыми из этих полков и многими ротами командовали бывшие офицеры Конфедерации, а одной бригадой — Второй - командовал бригадный генерал У. В. Гордон, бывший офицер Конфедерации из Джорджии. Он командовал этой бригадой до тех пор, пока по протоколу его не сделали одним из уполномоченных по эвакуации в Порту-Рико. Несколько сотрудников были сыновьями офицеров Конфедерации. Единственным офицером, кроме штабных, который не был южанином, был бригадный генерал Лойд Уитон, командовавший Первой бригадой. Он служил в Армии Союза во время Гражданской войны из Иллинойса, а после войны стал офицером армии Соединенных Штатов, откуда был назначен генералом добровольцев во время войны в Испании. Уитон оставался под моим командованием до тех пор, пока наша армия не заняла Гавану, и командовал дивизией, которая вошла в этот город 1 января 1899 года, затем вскоре после этого был направлен на Филиппины, где он отличился в нескольких сражениях с филиппинцами и заслуженно приобрел известность.

Однако вскоре я освоился со своими обязанностями, и командование оказалось в высшей степени приятным. Я горячо привязался к нему и гордился им; и он всегда был верен мне. Лучших солдат-добровольцев никогда не набирали, и, если бы представился случай, они доказали бы свое мастерство и доблесть героическими поступками и добровольными жертвами.

Лагерь в Майами был самым южным из всех в Соединенных Штатах, следовательно, самым жарким, и из-за ситуации вблизи Эверглейдс и реки Майами (их основного выхода к морю) вода оказалась плохой, и ее можно было получить для войск только по трубам, проложенным по каменистой поверхности земли из Эверглейдс в верховьях реки. Таким образом, он получался теплым, а иногда и неприятным из-за содержащихся в нем растительных веществ. Рифы — продолжение Флоридских рифов, — которые лежали в четырех милях от западного берега залива, перекрывали доступ восточным морским бризам, а комаров временами было так много, что жизнь становилась почти невыносимой. Было сделано все возможное для здоровья и

комфорта команды. Несмотря на расположение, жаркое время года и плохие общие условия, состояние здоровья солдат, с учетом численности, было лучше, чем в любом другом лагере в Соединенных Штатах. Под руководством способных офицеров—медиков был создан хороший военный госпиталь, а с помощью нескольких патриотически настроенных дам — жены и дочери генерала В. В. Гордона и других - был открыт госпиталь для выздоравливающих, где о больных заботились самым тщательным образом и обеспечивали их полезными деликатесами. Однако возникло чувство беспокойства, доходящее до неудовлетворенности, что побудило Военное министерство приказать моему командованию перебросить лагерь Куба Либре в Джексонвилл, Флорида. Соответственно, оно было доставлено туда по железной дороге в начале августа, поскольку моя штаб-квартира находилась в Майами всего месяц. Моя дивизия тогда стояла лагерем недалеко от реки Сент-Джонс в Фэрфилде, непосредственно к востоку от Джексонвилля. Палатки моего штаба были разбиты в сосновом лесу. Здесь общие условия были намного лучше, чем в Майами, хотя в корпусе преобладало много болезней, в основном брюшной тиф и малярийные лихорадки, причем в моей дивизии процент заболевших был гораздо меньше, чем в любой из двух других. Вода была артезианской и хорошей, но отсутствие чего-либо похожего на глинистую почву делало невозможным поддержание порядка в лагерях, а дренаж был затруднен. Флоридский песок не является дезинфицирующим средством; им является глина. В этом лагере, однако, был меньший список больных по сравнению с другими лагерями, расположенными дальше на север.

К моей дивизии в Джексонвилле, прежде чем она была сформирована, были добавлены 1-й огайский (полковник К. Б. Хант) и 4-й добровольческий пехотный полк США (полковник Джеймс С. Петтит), которые составляли третью бригаду под командованием полковника Ханта. Моя дивизия тогда насчитывала около 11 000 человек; корпус - что-то около 32 000.

Я командовал корпусом в отсутствие генерала Ли с 14 по 22 августа 1898 года. 27 сентября я снова принял командование корпусом и сохранял его до 6 октября, когда взял отпуск домой, возвращаясь через Вашингтон для консультаций с властями. Я возобновил командование корпусом (затем переведен в Кэмп-Онвард, Саванна, Джорджия) 25 октября и сохранял его до 11 ноября 1898 года.

Поскольку генерал Ли собирался отбыть в Гавану, Куба, я принял 8 декабря командование всеми силами Соединенных Штатов в Саванне, состоящими из регулярных войск и добровольцев.

Президент Уильям Маккинли, военный министр Р. А. Эджер и другие члены президентского кабинета посетили Саванну 17 и 18 декабря и провели смотр (17-го) под моим командованием всех находившихся там войск; около 16 000 человек всех родов войск, некоторые из которых прошли службу в Сантьяго, Куба, и в Порто-Рико.

Винтовки Springfield, которыми были вооружены добровольцы, были обменены в Саванне на магазинные винтовки Krag-Jorgensen (калибр .30).

Здоровье военнослужащих, находившихся в Саванне, в целом было хорошим, хотя из-за частых перепадов температуры произошло несколько случаев церебро- или спинального менингита.

Секрет сохранения здоровья солдат заключается в регулярных тренировках, проветривании одежды, постельных принадлежностей и палаток, а также в чистоте личного состава и лагеря. Воздействие солнца и воздуха очищает и дезинфицирует лучше, чем известь или химикаты.

Я руководил окончательным снаряжением и отправкой на Кубу примерно 16 000 военнослужащих; примерно половину составляли добровольцы Седьмого корпуса, которые отправились в Гавану.

В то время как в Джексонвилле закончилась война с Испанией, было собрано несколько добровольческих полков, а Седьмой корпус был реорганизован в две дивизии. От моей первоначальной Первой дивизии остались только 1-й Техасский полковника У. Х. Мэбри (погибшего под Гаваной 4 января 1899 г.) и 2-й Луизианский полковника Элмера Э. Вуда, к которым был добавлен 3-й Небраскинский полковника Уильяма Дженнингса Брайана (ушедшего в отставку в Саванне 10 декабря 1898 г.); 4-й Иллинойский полковника Эбена Свифта; 9-й Иллинойский полковника Джеймса Р. Кэмпбелла и 2-й Южнокаролинский полковника Вили Джонса. Первые три полка составляли Первую бригаду под командованием генерала Лойда Уитона, а последние три - Вторую бригаду под командованием бригадного генерала Генри Т. Дугласа, который служил в армии Конфедерации во время Гражданской войны. Он был отличным офицером.

Я отплыл в Гавану 26 декабря 1898 года со своим штабом, включая мой штат, охрану проректора и т.д., на "*Панаме*", корабле, захваченном у испанцев в начале войны. Я прибыл в Гаванскую гавань вечером 28-го, а на следующий день добрался до лагеря Колумбия, расположенного примерно в восьми милях к юго-западу от Гаваны, в Буэна-Виста, недалеко от Марианао, где был устроен мой последний военный штаб, как всегда, в палатках. Войска были готовы овладеть Гаваной после ее капитуляции испанцами 1 января 1899 года. Генералы-майоры Брук, Ли, Ладлоу и некоторые другие офицеры присутствовали на церемониальной части сдачи города, и моей обязанностью стало ввести в него Седьмой корпус и другие войска, находящиеся в окрестностях Гаваны, с целью публичного и фактического захвата. Соответственно, ранним новогодним утром я перебросил свое командование численностью около 9000 человек - пехоту, кавалерию и артиллерию - к берегу моря и вдоль него, переправившись через реку Альмендарес на понтонах недалеко от ее устья, оттуда через Ведадо к подножию Прадо, напротив замка Морро, расположенного к востоку от устья гавани. Официальные церемонии закончились (12 часов утра), войска двинулись вверх по Прадо, пропустив генерал-майора Брука и других на смотровой площадке в отеле "Инглаторра", затем по главным улицам в лагерь, совершив марш длиной около восемнадцати миль под тропическим солнцем, день был чрезмерно жарким даже для этого климата. Солдаты хорошо перенесли марш. День был запоминающимся. Город, находившийся под монархическим правлением в течение четырехсот лет, стал свидетелем силы свободы, представленной воинством американских солдат, которые под флагом Республики триумфально прошли по его улицам с общепризнанной целью обеспечения свободы всему народу. Жители Испании не разделяли радостных чувств и не участвовали в диких демонстрациях кубинских жителей. Последние временами проявляли неистовое веселье; затем ими, казалось, овладевало чувство оцепенения, в котором они стояли и смотрели, как в медитации. Естественное стремление быть свободными владело этими людьми, но когда они столкнулись с фактом личной свободы, для них было слишком много, чтобы полностью осознать или оценить, что означает для них отсутствие абсолютной тирании. Они появлялись на фасадах и крышах домов, а также по обочинам улиц, демонстрируя все знаки и символы счастья, которыми они обладали. Цветы были брошены в большом изобилии, и дикие крики раздавались от мужчин, женщин и детей; особенно от детей, поскольку они, казалось, каким-то образом знали, что отделение их страны от Испании значит для них больше, чем для пожилых людей. Кубинцы принадлежат к смешанным расам, хотя презирать их не

следует. В некоторых течет чистая кастильская кровь, некоторые из них из других европейских стран, а некоторые имеют чисто африканское происхождение, многие из последних когда-то были в рабстве; но многие собственно кубинцы имеют смешанную кровь, включая испанскую, африканскую, немного индейской и общую примесь людей, которые рано поселились в американских тропиках. Похоже, что там, где речь идет только о кубинцах, нет никаких расовых различий. Африканцы и лица смешанной крови свободно смешиваются друг с другом; и в повстанческой армии офицеры всех рангов избирались из числа чистокровных или смешанных африканцев так же свободно, как и из других. Цветные кубинцы кажутся исключительно умными и энергичными и имеют высокую репутацию храбрых солдат. Типичный кубинец не принадлежит к прибрежным городам, жители которых в большей степени являются испанцами, особенно доминирующий класс. Эти города мало что сделали для подавления восстаний, и их жители в массе своей не могут претендовать на долю славы в деле освобождения или независимости Кубы. Многие высшие офицеры кубинской армии были образованными людьми, а некоторые были высокого ранга, способными на подвиги на театре военных действий, достойными лучших солдат любого возраста. Когда началась наша война с Испанией, у последней на острове было более 200 000 регулярных солдат, не считая добровольцев, а банды повстанцев были немногочисленны, без хорошего оружия, с небольшим количеством боеприпасов и без квартирмейстера, комиссара или отдела оплаты труда. На Кубе не было постоянно действующего гражданского правительства, и повстанцы не владели ни одним морским судном, у них не было ни одного прибрежного города или гавани, куда могли бы поступать припасы из-за границы. Они годами сдерживали испанскую армию и часто держали большие ее части практически на осадном положении в городах и укрепленных линиях, что, учитывая все обстоятельства, заставляет нас заключить, что кубинские офицеры обладали талантом, мастерством, выносливостью и храбростью и что их ряды были заполнены преданными солдатами. Восстания были длительными (десять и четыре года), однако Испания в 1898 году не добила существенного прогресса в подавлении последнего, хотя были применены самые варварские методы. Мы эксплуатируем героев-партизан нашей Революции, таких как Фрэнсис Марион и других, однако они действовали только с небольшими бандами и против них, оставляя наши армии сражаться с крупными организованными силами британцев. Что можно сказать о кубинском офицере-патриоте, который год за годом вел войну за независимость против безжалостного врага, оснащенного лучшим оружием, которое когда-либо знал мир?

Моя работа на Кубе ограничивалась военным командованием, в основном за пределами городов. Мои люди находились в тщательно отобранных лагерях, которые постоянно находились под строгим надзором полиции и снабжались полезной водой, подаваемой по трубопроводу от водопроводной станции Венто (Гавана). Благодаря тщательному соблюдению надлежащей санитарной системы общее состояние здоровья моего командования было хорошим повсюду было зарегистрировано лишь несколько случаев брюшного тифа или малярии, а среди моих солдат было зарегистрировано менее полудюжины случаев желтой лихорадки. В лагере не было эпидемии каких-либо болезней. Случаи желтой лихорадки развивались среди мужчин, которые из любопытства подвергали себя опасности в зловонных местах около старых фортов и пристаней или в неиспользуемых подземельях Морро и других замков. Желтая лихорадка - это *локальное* заболевание, обычно не заразное при контакте с больным.

Мое время на Кубе было занято поддержанием мира и порядка, заботой о лагерях и полевых госпиталях, а также, как и на протяжении всей моей военной службы, строевой подготовкой и дисциплиной моего командования, часто выводя корпус на смотр вышестоящим офицерам. Я совершал набегі во внутренние районы острова и наблюдал опустошение этой великолепно красивой страны с ее величественными королевскими пальмами и т.д., А также отметил сокращение населения в соответствии с планом Вейлера реконцентрадо в самых богатых и когда-то самых густонаселенных сельских районах острова. Я видел кубинских солдат в их лагерях или на бивуаках, познакомился со многими их офицерами и проникся к ним большим уважением; но пытаться решить великую, но нерешенную кубинскую проблему не входило в мои обязанности, и здесь я должен промолчать.(20)

Набор добровольцев снова начался в марте 1899 года и быстро продвигался вперед. Военный министр посетил Кубу и вместе с генерал-майорами Бруком, Ладлоу, Уилсоном и другими офицерами провел смотр войск, оставшихся от Седьмого корпуса, вместе с другими, близ Марианао, 29 марта 1899 года. В этом случае, когда мои верховые лошади были отправлены в качестве подготовки к моему отъезду с Кубы, я ехал на незнакомой лошади, которая в критический момент смотра убежала, унося меня, подвергавшегося большой опасности, на некоторое расстояние от проверяющих офицеров. Я восстановил контроль над лошадью, но спешил с нее и вскочил на другую, которая оказалась такой же необузданной, и он точно так же, немного позже, попытался убежать в поле или сбросить меня. К счастью, эти исключительные несчастные случаи закончились без травм; и с этим пересмотром закончилась моя государственная военная служба —навсегда.

Смертельная болезнь моей любимой и преданной жены и ее смерть (12 марта 1899 г.) заставили меня (с моим сыном) уехать в мой дом в Огайо. Я вернулся на Кубу с капитаном Горацием К. Кейфером, который постоянно находился в моем штабе во время моей службы в Испанской войне.

Когда были завершены все приготовления к досрочному набору добровольцев Седьмого корпуса, который еще не ушел, и моя миссия в армии практически подошла к концу, а мое командование было расформировано, я сел на корабль ("Ярмут") в Гаванской гавани 30 марта и проследовал через порт Тампа домой, где я был уволен с военной службы 12 мая 1899 года, пробыв в армии в звании генерал-майора одиннадцать месяцев и три дня. Во время моей полевой службы во время войны в Испании я не освобождался от службы из-за болезни, ранения или несчастного случая.

В апреле у меня дома был приступ брюшного тифа, от которого я вскоре выздоровел, несомненно, заразившись во время поездки на Кубу или с нее.

К тому времени я прожил около пяти лет в палатке или без крова во время войны, в любое время года, и, когда мне шел шестьдесят четвертый год, отказался от всякого желания продолжать военную жизнь, зная, что поле боя - для молодых людей. Мои обязанности в армии, хотя и всегда были тяжелыми, были приятными, следовательно, доставляли удовлетворение. У меня не было серьезных проблем ни с одним офицером или солдатом, хотя я старался выполнять свой долг в рамках дисциплины моего командования. Моя личная привязанность к вышестоящим и

нижестоящим офицерам, особенно к членам моего военного штаба, была и остается необычной. Я поздравляю себя с тем, что смог преданно прикрепить ко мне некоторых из самых опытных, трудолюбивых, добросовестных и высокообразованных офицеров армии Соединенных Штатов, а также других добровольцев, которых знала служба. Список офицеров (девять из которых были сыновьями бывших офицеров Конфедерации), которые в свое время служили в штабе моей дивизии на местах, приведен в Приложении F.

Здесь это повествование должно закончиться лишь напутствием относительно испанской войны.

Дьюи уничтожил весь испанский флот с большими человеческими жертвами в Манильском заливе 1 мая 1898 года; семь американцев были ранены, никто не погиб. Адмирал Сервера с гордостью Испании - линейными кораблями, крейсерами и торпедными катерами - достиг кубинских вод со стороны островов Зеленого Мыса и 19 мая вошел в гавань Сантьяго, где был блокирован — "закупорен" — флотами адмиралов Сэмпсона и Шлея. Флот Сервера при попытке к бегству был полностью уничтожен, потеряв более шестисот человек убитыми или утонувшими, и около двух тысяч взято в плен, включая его самого, за два часа нашим флотом под командованием Сэмпсона, в воскресенье утром, 3 июля 1898 года, с потерей одного американца убитым и одного раненым. Произошли и другие мелкие военно-морские события, все катастрофические для испанцев. Вход Сервера в гавань Сантьяго заставил изменить предыдущие планы передвижения армии.

Основная часть регулярной армии под командованием генерал-майора У. М. Р. Шафтера была собрана в порту Тампа, откуда их перевезли и высадили (24 июня) в заливе Гуантанамо, недалеко от Сантьяго. Затем к ним присоединился отряд кубинских войск под командованием генерала Гарсии. Боевые действия начались сразу и продолжались нерегулярно в Сибони, Эль-Кани, на холме Сан-Хуан и т.д., основные сражения разыгрались 1 и 2 июля. На следующий день к испанскому командующему (Торалю) было предъявлено требование о сдаче его армии и Сантьяго. Это было присоединено после долгих переговоров 17 июля 1898 года, включая провинцию Сантьяго и 22 000 военнослужащих, по численности превышающих все доступные силы Шафтера. Проявление мастерства и храбрости офицерами и рядовыми нашей маленькой армии (в основном регулярными войсками) в Сантьяго никогда не было превзойдено. Наши потери в серии сражений составили убитыми 22 офицера и 208 рядовых; ранеными 81 офицер и 1203 рядовых. Затем была организована кампания в Порту-Рико. Генерал Майлз телеграфировал в Военное министерство примерно 18 июля, чтобы отправить меня с моей дивизией (тогда стоявшей лагерем в Майами) для участия в его экспедиции в Порту-Рико. Его просьба не была выполнена, и таким образом случилось, что ни один солдат добровольческой организации Южного штата не сделал ни единого выстрела во время войны в Испании. Понсе был взят 25 июля, за чем последовало вторжение на остров с юга. 10 августа произошло событие, и операции здесь, как и везде, были прекращены в соответствии *с протоколом*. Манила была сдана 13 августа, на следующий день после подписания протокола. Это была последняя наступательная сухопутная операция войны в Испании. Вторжение в Порту-Рико стоило нам 3 убитых и 40 раненых.

Благодаря вмешательству Камбона, французского посла в Вашингтоне, были начаты переговоры, результатом которых стал протокол, обязывающий Испанию отказаться от всего

суверенитета над Кубой, уступить Порто-Рико и другие владения на островах Вест-Индии Соединенным Штатам, и в нем предусматривалось создание Комиссии по согласованию мирного договора, которая должна была собраться в Париже не позднее 1 октября 1898 года; также предусматривались Комиссии по регулированию эвакуации Кубы и Порто-Рико.

Международный договор был подписан в Париже 10 декабря 1898 года; был представлен Президентом Сенату 11 января 1899 года и ратифицирован им, а его ратификация одобрена им 6 февраля 1899 года. Королева Испании ратифицировала международный договор 19 марта 1899 года, а 11 апреля 1899 года в Вашингтоне был произведен обмен ратификационными грамотами. Он предусматривал также уступку Соединенным Штатам Филиппинских островов и выплату за это 20 000 000 долларов.

Общие потери в бою во время войны в нашем военно-морском флоте составили 17 убитых и 67 раненых (ни один морской офицер не пострадал); а в нашей армии 23 офицера и 257 рядовых убиты и 113 офицеров и 1464 рядовых ранены; всего 297 убитых и 1644 раненых из всех родов войск.

Число умерших от болезней и причин, не связанных с боями, в лагерях и на море составило 80 офицеров и 2485 рядовых. Многие умерли в своих домах от болезней, некоторые от ран.

В феврале 1899 года на Филиппинах вспыхнуло восстание, которое до сих пор не подавлено.

Война не была кровопролитной, и цель, достигнутая во имя человечности и свободы, является ее оправданием; но было ли приобретение обширных тропических и отдаленных островных владений мудрым решением или будет способствовать увековечиванию нашей Республики и распространению конституционных свобод, еще предстоит показать безошибочной проверке временем. Наш суверенитет над Кубой до сих пор представляется дружественной узурпацией, без права, якобы в интересах человечества, цивилизации и хорошего правительства. Наше приобретение Порто-Рико и Филиппинских островов, расположенных в тропиках, - это новый национальный шаг, который может оказаться мудрым или нет, в зависимости от того, насколько справедливо и милосердно мы относимся к людям, которые их населяют. Возможно, в Божественном плане эти страны должны перейти под власть более благотворной, устойчивой, новой и более высокой цивилизации, которой будет руководить и доминировать народ, говорящий на английском языке.

(1) Свидетельство о его натурализации гласит:

"Мэриленд сс.

"Это для удостоверения всех лиц, кого это может касаться: что Кейфер Джордж Фредерик Каунти в провинции изложенного, рождается из верности его священное Величество Король Георг Третий и т. д., делал на 3 дня сентября Анно Домини 1765, лично предстать перед судьями Его Светлости в областном суде, а затем и там, в промежуток времени с девяти до двенадцати утра того же дня, были произведены и поставлены сертификата в письменной форме о своем приравнании к Вечери Господней в протестантской и Реформатской общины в провинции Мэриленд, в течение трех месяцев перед выставлением такой сертификат, подписанный лицом, управляющим такие Причастия, и заверенная двух заслуживающих доверия свидетелей, во исполнение акта парламента выступил на тринадцатом году царствования его величества короля Георга Второго, право, закон о натурализации иностранных *протестантов*, и другие

упомянутые в ней, как решаются или будут разрешать в любом Его Величества колонии в Америке; и тут и там появляются, что он был жителем кроме Его Величества плантациях семь лет, и не было из какого-либо из указанных колоний для больше места, чем два месяца в любое время в течение указанного семь лет; и тогда-то и там дал присягу на верность, Abhorrency, и отречения, повторили тест, и подписались тем же, и клятву отречения. В подтверждение чего я приложил к этому свою руку и приложил печать упомянутого суда сего третьего дня сентября в год от рождества Господа Бога нашего тысяча семьсот Шестдесят пятый.

"Тест. Реверди Гизельм, Clk".

(2) Первичное исследование доктором Дженнером принципов вакцинации началось в 1775 году, но было удовлетворительно завершено в Англии только пять лет спустя. Леди Монтегю, однако, ввела в Англии прививку от оспы из Турции еще в 1717 году, но с самого начала это встретило яростное сопротивление врачей, духовенства и суеверной общественности, которое так и не было полностью преодолено ни в Англии, ни в Америке.

(3) Джон Ури Ллойд, доктор философии, выдающийся автор, ученый и коллекционер медицинских и др. книг, в статье, опубликованной в *Am. Jour. "Фармация"*, январь 1898 г., в статье "Доктор Питер Смит и его диспансер" говорится, что его книга была "первым "Диспансером *Materia Medica*", опубликованным на Западе".

(4) Из-за ее примечательного характера мы цитируем из его книги:

"Однажды в Южной Каролине я был в компании старого доктора Дилаху, который отличался большим мастерством и опытом, побывав во многих частях света. В ходе нашей беседы я спросил его, что, по его мнению, представляет собой чума, о которой так много говорили в мире. Он с готовностью сообщил мне, что, по его мнению, чуму вызывает невидимое *насекомое*. Это насекомое, парящее в воздухе, попадает с дыханием в легкие, и там оно либо отравляет, либо размножает себе подобных, вызывая эту ужасную болезнь. Это, как ему подтвердили, вероятно, соответствовало истине из экспериментов, часто проводившихся в Гибралтаре. "Потому что там, - сказал он, - у солдат гарнизона, когда они боятся чумы, есть способ поднять кусок свежего мяса довольно высоко в воздух; они кладут его на ночь, и если утром оно оказывается вкусным, они приходят к выводу, что опасности чумы нет". Но если чума витает в воздухе, мясо будет испорченным, а иногда и почти протухшим. Далее он утвердился в своем мнении *онасекомом*, потому что на табачных складах и поблизости от них о чуме никогда не было известно. Замечу: Теперь хорошо известно, что табак предотвратит поедание молью нашей шерстяной одежды, если мы положим в нее совсем немного табака, то есть моль не сможет размножиться или существовать там, где достаточно запаха табака. Этот запах может быть смертельным для невидимых *насекомых* даже после того, как они будут втянуты с дыханием и закрепятся в легких. Возможно, этим объясняется то, что во многих старых странах табак сжигали (как я слышал) на жаровне в комнате, чтобы обитатели дома могли обильно вдыхать дым своим дыханием, чтобы сохранить свое здоровье и предотвратить чумные заболевания.

Соглашаясь с этой точкой зрения, мы можем заключить, что любой загрязненный воздух может принести нам болезни и смерть. И чумы никогда не было (собственно говоря) в Америке, насколько мы знаем. Однако другие выделения, попавшие с дыханием, могли вызвать другие страшные заболевания, такие как желтая лихорадка и другие желчные и заразные заболевания". —Стр. 14.

(5) Его внук, Джеймс Джонс, в 30-х годах в качестве траппера отправился на Тихоокеанское побережье, оттуда на север, к устью реки Уилламетт в Колумбии (штат Орегон), и там жил холостяком и одиночеством до своей смерти, примерно в 1890 году. Он не был ни воином, ни охотником. Он путешествовал, часто один, совершенно безоружный, среди диких индейцев, и все уважали его миролюбивый нрав и незащищенное положение. Говорят, он не захотел продавать свои земли в устье реки и таким образом вынудил город Портленд расположиться в двенадцати милях от Колумбии.

(6) Мой отец не был крупным мужчиной, его вес составлял всего около ста шестидесяти фунтов, а рост пять футов десять дюймов, но моя мать, хотя и была среднего роста для женщины, была крупного телосложения и весила около ста восьмидесяти фунтов.

(7) Чтение законов в одиночестве, когда есть время для размышлений, имеет свои преимущества, которые с лихвой компенсируют возможность ознакомиться с отчетами и т.д., Обычно предоставляемую студенту-юристу в офисе.

Нынешний Главный судья (достопочтенный Дж. Дэвид Мартин) из Канзаса, хотя номинально я изучал юриспруденцию, все же прочитал и освоил элементарные и основные юридические книги, работая мельником на сельской мельнице, работающей на сухой воде, вдали от моего офиса.

(8) По рекомендациям генералов Гранта и Мида я был назначен (1866) президентом Джонсоном подполковником 26-го пехотного полка США, одного из новых регулярных полков, сформированных после окончания войны. Я отказался от назначения, потому что был слишком беспокойным по характеру и недостаточно образован для солдата в мирное время.

(9) Тринадцатая поправка была провозглашена ратифицированной 18 декабря 1865 г.; четырнадцатая - 28 июля 1868 г. и пятнадцатая - 30 марта 1870 г.

(10) Во время войны с индейцами Флориды 1812 года на кукурузных полях Фишера были совершены несколько грабежей. Первоначально он предъявил иск на сумму 8000 долларов. С тех пор Конгресс выплатил по нему 66 803 доллара, и в Сорок Третьем Конгрессе все еще был подан иск на 66 848 долларов, по которому комитет Палаты представителей высказался в пользу выплаты 16 848 долларов, оставив 50 000 долларов иска для будущих Конгрессов. — *Представитель. (№ 134) о претензионном праве, Н. of R., Сорок третий конгресс, стр. 18.*

(11) Позже Сорок Седьмой Конгресс принял закон, разрешающий распределение примерно двух третей всего фонда лицам, чьи требования были отклонены женевскими арбитрами при вынесении арбитражного решения.

(12) Авторитетное решение о праве национального правительства применять физическую силу для принуждения к соблюдению своих законов и т.д. См. *Ex parte Seibold*, 100 U.S. Rep., 371.

(13) *Материалы Общества Камберлендской армии*, 1887, стр. 115-40.

(14) Мистер Блейн был выдвинут кандидатом в президенты в 1884 году, но потерпел поражение от мистера Кливленда. Несмотря на его двуличие по отношению ко мне, я поддержал его. Он был нелоялен к мистеру Риду, к своему собственному Штату, хотя тогда также заявлял, что поддерживает его.

(15) Неосторожный, но, несомненно, благонамеренный человек (М. П. Фоллет) из Куинси, штат Массачусетс, в 1896 году опубликовала небольшую книгу *оспикере Палаты представителей*, в которой она собрала эти истории. Она говорит, что Кейфер назначил в избирательный комитет "одиннадцать республиканцев и двух демократов"; что он назначил одного племянника "Секретарем спикера", другого "Секретарем за столом спикера". Эта и другая подобная ложь, по-видимому, была инспирирована членом Организации, который, несмотря на свои склонности к свободной торговле и другие нежелательные качества и неспособность, стремился быть назначенным председателем Комитета по путям и средствам. Комитет по выборам состоял из девяти республиканцев, пяти демократов и одного коррективщика из Вирджинии. Секретарем за столом спикера на протяжении всего Конгресса был бедный молодой человек, который был пажом в Палате представителей и проживал в штате Нью-Йорк, а не моим родственником. Мой племянник, житель Вашингтона, некоторое время был моим клерком, что было чисто личной должностью, а также личным секретарем.

Утверждение мисс Фоллет о том, что "предвзятые решения Кифера вскоре снискали ему презрение как республиканцев, так и демократов", является вопиющей неправдой из-за того важного факта, что ни одно мое парламентское или иное решение никогда не отменялось Палатой представителей, хотя вряд ли можно сказать, что моя партия имела большинство в Палате представителей по сравнению со всеми другими партиями.

Какое мое "партийное решение" не было горячо одобрено моей партией или, по крайней мере, не вызвало уважения демократов? Мисс Фоллет была навязана.

(16) Незадолго до закрытия последней сессии Сорок седьмого Конгресса произошел инцидент, о котором следует упомянуть. Репортерам газет, благодаря любезности Дома, для их удобства была выделена отдельная галерея. Эта галерея, как и другие для удобства посетителей, находилась под общим контролем Спикера, подчиняясь распоряжению Палаты представителей. В последний вечер сеанса на галерее для репортеров было совсем немного зрителей, и было много дам, которым не удалось занять места в других галереях.

Однако, несмотря на неоднократные просьбы, я отказался распорядиться, чтобы галерея репортеров была открыта даже для дам, и я также отказался удовлетворить ходатайство члена Палаты представителей о том, чтобы она была открыта для них; но апелляции стали настолько настоятельными, что я, как спикер, передал в Палату запрос Джеймса У. Маккензи, члена парламента от штата Кентукки, о единогласном согласии открыть галерею.

Вот выдержка из *протокола*, показывающая предпринятые действия:

"Мистер Маккензи.— Я прошу единодушного согласия на то, чтобы галерея репортеров была открыта для занятия женами и друзьями конгрессменов, которые не могут получить места в других галереях.

-Говорящий.Джентльмен из Кентукки просит согласия на то, чтобы действие правил было приостановлено настолько, чтобы позволить женам и друзьям членов Конгресса занимать галерею репортеров.

"Возражений не последовало, и решение было принято соответствующим образом". —*Кон. Отчет*, том xiv, часть IV, стр. 3747.

В сложившихся обстоятельствах я был единственным членом клуба, который не смог бы помешать открытию галереи.

Несмотря на то, что ни одному репортеру присутствие дам не причинило серьезных неудобств, некоторые репортеры (а через них и столичная пресса) злобно ухватились за этот инцидент, чтобы обвинить меня во враге прессы. В то время правда была замалчиваема, и меня лично обвинили в умышленном раскрытии галереи прессы как оскорблении достоинства газетчиков, и вместе с этим были опубликованы другие ложные заявления, на которые я или мои друзья не могли ответить тем же способом, что произвело неблагоприятное впечатление, едва ли еще изгладившееся из общественного сознания.

(17) Оратору сравнительно легко председательствовать, когда его поддерживает значительное политическое и дружественное большинство, как это было в случае, когда Колфакс, Блейн и другие ораторы были в Кресле Председателя.

(18) См. *Продолжение. Запись*, том. xiii., Часть V., стр. 4313.

(19) *Кон. и т. Д., Правила и т. Д.*, Н. of R.; Второе заседание. Сорок седьмой, Кон., 358.

(20) Мои взгляды на ситуацию на Кубе были выражены в письме генералу Корбину от 28 января 1899 года. Приложение Е.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Это заслуга меня, и мне доставляет удовольствие упомянуть некоторых достойных офицеров 110-го добровольческого пехотного полка штата Огайо.

Подполковник У. М. Н. Фостер некоторое время служил с честью. Майор Ото Х. Бинкли, впоследствии подполковник и получивший звание полковника от Президента за выдающиеся заслуги, капитан У.М. С. Макэлвейн, ставший майором и погибший в битве при Дикой местности, капитан Аарон Спенглер, впоследствии майор и получивший звание подполковника за храбрость, капитаны У.М. Д. Александер, Натан С. Смит (выдающийся пресвитерианский священник), У. М. Р. Мур (умер от болезни, исполняя обязанности помощника генерального инспектора в моем штабе), Джозеф К. Уллери, Джозеф Г. Снодграсс, Лютер Браун (ранен при Монокаси, произведен в майоры за храбрость и некоторое время был проректором-маршалом дивизии), все они были опытными солдатами и отличились на многих полях сражений. Лейтенанты Джозеф Б. Ван Итон, Уэсли Девенни и У. М. Х. Гарри, каждый из которых служил адъютантом, были повышены с унтер-офицеров до лейтенанта, затем до капитана, каждый ранен, Девенни смертельно в битве при Опекине.

Лейтенанты Альберт М. Старк (квартирмейстер полка), Э. А. Шепард, У. Д. Шелленбергер (дважды ранен), У. М. Л. Крон, Джон Т. Ширер, Чарльз М. Гросс, Генри Х. Стивенс (убит при штурме Питерсберга 2 апреля 1865 г.), У. М. А. Хэтуэй (некоторое время был помощником генерал-адъютанта в моем штабе, убит при Монокаси), Александр Тримбл (умер от ранения,

полученного в битве при Опеционе), Джордж П. Бойер, Элам Хартер, Джон М. Смит (убит в Дикой природе), Джозеф Макнайт (смертельно ранен в дикой природе) и Томас Дж. Уикли, каждый из которых стал капитаном и все были доблестными и более чем обычно эффективными офицерами, большинство из которых были либо убиты, либо ранены в бою. Лейтенанты Джошуа С. Дитер и Эдвард С. Саймс, произведенные в рядовые, оба ранены в битве при Опеционе, первый смертельно, также были доблестными офицерами. Лейтенант Пэрис Хорни, героически сражавшийся при Винчестере в июне 1863 года, пока его не окружили и не взяли в плен, умер в тюрьме в Колумбии, штат Южная Каролина. Лейтенант Роберт Уайли служил моим адъютантом и особенно отличился. Лейтенант Генри И. Раш доблестно служил до тех пор, пока его не сломила болезнь, когда он подал в отставку и возобновил свое призвание (служитель Евангелия), в котором он сейчас известен; также как писатель. Лейтенант Джеймс А. Фокс был произведен в сержанты, служил в штабе и погиб, командуя ротой в битве при Апельсиновой роще.

У. Л. Шоу был произведен президентом в капитаны из лейтенантов и получил звание майора за выдающиеся заслуги. Некоторое время он служил в штабе дивизии и в штабе кавалерийского корпуса в армии Розкранса и долгое время был моим помощником инспектора или помощником генерал-адъютанта. Он был энергичным и способным офицером. Те из полка, кто нес мушкет в строю, в равной степени заслуживают упоминания за то, что они сделали, и за жертвы, которые они принесли ради своей страны; но история 110-го Огайо рассказана в другом месте. (1)

(1) Джон У. Уоррингтон и Джон Б. Элам, ныне выдающиеся юристы, первый в Цинциннати, второй в Индианаполисе, служили рядовыми в этом полку. Элам был тяжело ранен в Колд-Харборе 3 июня 1864 года, а Уоррингтон - в успешной атаке Шестого корпуса под Питерсбергом 2 апреля 1865 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ С ПРИКАЗ О ПРОЩАНИИ

"Командир 2-й бригады 3-го дивизиона 6-го корпуса Потомакской армии, лагерь близ Вашингтона, округ Колумбия, 15 июня 1865 г. н.э.". Общие приказы № 28.

"Офицеры и солдаты: Это командование скоро будет распущено по своей организации. Мы искренне надеемся, что каждому человеку вскоре будет разрешено вернуться к своему дому, семье и друзьям, чтобы насладиться их благословениями и благословениями мирного, свободного и счастливого народа.

"Долгое время, которое я имел честь командовать вами, привело к необычной привязанности. Многие трудности, испытания и опасности, которые мы разделили вместе, а также выдающиеся заслуги, которые вы оказали в лагере, на марше и на поле битвы, уже давно вызвали у меня к вам расположение. Я всегда буду гордиться тем, что был вашим командиром, и навсегда сохраню память как об офицерах, так и о рядовых. Ваши эффективные услуги и доблестное поведение во имя *прав человека и человеческой свободы* не будут оставлены без внимания и забыты благодарной страной.

"Я не могу подавить глубочайшего чувства печали, расставаясь с тобой.

"Я скорблю вместе с вами и разделяю вашу скорбь по многим храбрым товарищам, которые пали в бою и были поражены болезнями. Давайте чтить их память и подражать их благородному характеру и доброте. Гордая и великая нация не будет пренебрегать своими пострадавшими семьями. О многих офицерах и солдатах-инвалидах также позаботятся благодарный народ и богатая страна.

"У вас гордое имя солдата; и я верю, что в своих домах вы будете вести себя так, что вас будут чтить как добропорядочных граждан.

"Я расстанусь с вами, питая самые искренние чувства привязанности и доброты ко всем, надеясь, что мне посчастливится встречаться с вами в будущем как с почетными гражданами и друзьями.

"Дж. Уоррен Кейфер".

Сводные данные о потерях в полках Второй бригады, Третьей дивизии, Третьего и Шестого армейских корпусов, 1863-65 гг.

Убито ранено Всего офицеров, офицеров, офицеров совокупно		En. Men.		En. Men.		En. Men.	110-
й пехотный полк Огайо	10	102	18	443	28	545	573
122-й пехотный полк Огайо	7	92	17				
432 24 524 548 126-й пехотный полк Огайо	9	111	10	379	19	490	509
6-й пехотный полк Мэриленда	7	103	21	213	28	316	344
138 - й Пенсильванский пехотный полк . .	5	120	16	223	21		
343 364 67-й Пенсильванский пехотный . .	2	90	3	130	5	220	224
9-я Нью-Йоркская тяжелая артиллерия . .	14	204	16	590	30	794	824
— — — — — — — — — —							
Всего	54	812	101	2410	155		
3232 3387							

ПРИЛОЖЕНИЕ D

"Спрингфилд, Огайо, 22 октября 1888 г.

"Генерал Горадио Дж. Райт, Вашингтон, округ Колумбия

"Мой дорогой друг, выразив вам то высокое уважение, которое я всегда питал к вам, а также выразив надежду на то, что ваше здоровье и здоровье вашей семьи в порядке, я имею честь привлечь ваше внимание к следующему вопросу, который, без сомнения, представляет для вас определенный интерес.

"Генерал Р. С. Юэлл, датированный 20 декабря 1865 года, в форме отчета на имя генерала Р. Э. Ли, который можно найти в Vol. XIII., *Southern Historical Papers*, стр. 247, говоря о битве при Сейлорз-Крик, после завершения своего общего отчета об этом сражении говорит:

"В штабе генерала Райта, куда меня доставили после моего пленения, мне сообщили, что, когда мы сдались, с нами сражались 30 000 человек, а именно два пехотных корпуса и кавалерийские дивизии Кастера и Мерритта, все под командованием генерала Шеридана".

На странице 257 той же книги, в примечании, приложенном к отчету о том же сражении генералом Г. У. К. Ли, он говорит:

- После моего пленения мне сообщили, что у Сейлорз-Крик у врага было два корпуса пехоты и три дивизии кавалерии.

"Теперь, поскольку я знаю, что вы командовали пехотой, сражавшейся на стороне Союза в том сражении от начала до конца, и что под вашим началом не сражалось ни одного пехотного подразделения, кроме вашего корпуса, что присутствовала только часть Третьей дивизии (в которой я тогда служил), а дивизия генерала Фрэнка Уитона из Шестого корпуса была единственной пехотной дивизией там, хотя я не совсем уверен, что вся его дивизия была поднята и участвовала в сражении во время штурма, свержения и уничтожения сил генерала Юэлла, и, насколько я помню, совершенно ясно, что генерал Г. В. Гетти поскольку дивизия вашего корпуса не прибыла на поле боя вовремя для сражения, я уверен, что генералы Юэлл и Г. У. К. Ли допустили серьезную ошибку. В битве при Сейлорз-Крик мы определенно взяли в плен больше людей, чем, по словам Юэлла и Дж. У. К. Ли, было задействовано на стороне конфедерации.

"Со времен войны, похоже, существует склонность принижать солдат Севера, представляя небольшое количество войск Конфедерации, сражающихся с очень большим количеством войск Союза. Все вышесказанное, на мой взгляд, является просто иллюстрацией того, что я нахожу в отчетах, письмах и речах офицеров-южан.

"Поскольку я время от времени пишу кое-что бегло и, возможно, когда-нибудь напишу с целью более связной истории войны, поскольку это было под моим личным наблюдением, я был бы вам очень признателен, если бы вы написали мне письмо на эту тему настолько полное, насколько, по вашему мнению, у вас есть время, и позволили бы мне использовать его так, как я сочту наилучшим. Хотел бы я, чтобы у меня была копия вашего отчета об этом сражении и т.д. Где я могу его достать?

"Поверьте, я с глубочайшим уважением отношусь к вам,
Дж. Уоррен Кейфер".

"Вашингтон, 3 ноября 1888 г.

"Н-стрит, 1203, Нью-Йорк

"Дорогой генерал Кейфер!

"Я никогда не видел и раньше не слышал о докладе генерала Р. С. Юэлла, на который вы ссылаетесь, в котором, по вашим словам, он утверждает, что ему сообщили в моем штабе, куда его доставили после пленения в Сейлорз—Крик, "что 30 000 человек сражались с нами, когда мы сдались, а именно два пехотных корпуса и кавалерийские дивизии Кастера и Мерритта — все под командованием генерала Шеридана".

"Генерал Юэлл полностью ошибался относительно силы противостоящей ему пехоты. Вместо двух пехотных корпусов было только две дивизии — Первая и Третья из состава Шестого корпуса, причем Вторая дивизия не подошла к месту сражения и не принимала в нем участия. Возможно, он был прав относительно двух кавалерийских дивизий, хотя я и не предполагал, что они будут такими сильными. Его роль в сражении была важной, зайдя в тыл войскам Конфедерации, последние, будучи разбиты атакой пехоты и отрезаны от пути отступления, были вынуждены сдаться. Я никогда точно не знал числа пленных, но мы с генералом Шериданом оценили их примерно в 10 000 человек.

"Конечно, заявление генерала Г. У. К. Ли, на которое вы ссылаетесь, также ошибочно в отношении численности, противостоящей силам Конфедерации.

"Вы совершенно правы в своем утверждении, что знаете, что я командовал пехотой, сражавшейся на стороне Союза в том сражении, от начала до конца. Генерал Шеридан был со мной, когда наши войска подходили, но он ушел до начала сражения, чтобы присоединиться к кавалерии, как я предполагал, и я не знал, что он утверждал, что командует объединенными силами пехоты и кавалерии, до некоторого времени после сражения, когда он обратился ко мне за докладом. Я отказался это сделать на том основании, что подчинялся только генералу Миду, командующему Потомакской армией. Генерал Грант, которому этот вопрос был передан генералом Шериданом, решив, что я должен доложить последнему, я отправил ему копию своего отчета о сражении, который я уже сделал генералу Миду. Сожалею, что у меня нет копии отчета, иначе я с удовольствием отправил бы его вам. Полагаю, что вскоре он будет опубликован в официальных отчетах о Восстании. Все документы Шестого корпуса были переданы генерал-адъютанту армии, как того требует Армейский устав, в связи с прекращением деятельности нашей организации, и, я полагаю, доступны любому, кто пожелает с ними ознакомиться.

С самыми искренними пожеланиями вашего здоровья и процветания,

"Я искренне ваш",

Герберту Г. Райту,

"Генералу Дж. Уоррену Кейферу, Спрингфилд, Огайо".

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

"Штаб Первой дивизии Седьмого армейского корпуса",
Лагерь Колумбия, Гавана, Куба, 28 января 1899 года.

Генерал Генри К. Корбин,
генерал-адъютант США,
Вашингтон, округ Колумбия

"Сэр. Мне не хотелось бы отнимать у вас время, но, надеюсь, вы простите меня за то, что я пишу вам это чисто неофициальное письмо относительно ситуации на Кубе, какой она представляется мне после месячного расследования во время службы здесь. Обязательно, чтобы держаться в рамках, я должен обобщать и не всегда приводить доводы в пользу мнений. Это написано ни в каком духе критики или неудовлетворенности моим собственным положением здесь; на самом деле, я доволен своим командованием, и все вокруг ко мне очень хорошо относятся. Генералы-майоры Брук и Ли оба очень добры ко мне. Но вернемся к теме. Я не буду пытаться исчерпать ее.

"Куба сейчас повержена, а ее народ спокоен. Это относится ко всем классам - кубинцам, испанцам, гражданам и солдатам, — включая тех, кто поддержал восстание, и тех, кто этого не сделал, независимо от того, живут ли они в городах или в сельских районах. Я говорю это после того, как пообщался с офицерами и солдатами кубинской армии и другими людьми.

- Почти все реконцентрадосы мертвы, а немногие оставшиеся в живых слишком слабы, чтобы скоро прийти в себя, даже если их накормить. Попытки прокормить их неизбежно в значительной степени терпят неудачу и должны продолжаться до тех пор, пока не будут приняты какие-либо меры для организации и вывоза беспомощных, разоренных семей из перенаселенных мест, где невозможно обеспечить их комфортным проживанием, и размещения их в домах в сельских районах. Эти люди все еще умирают у нас на глазах. Еда, которую мы им даем, для них недостаточно сильна, кроме риса. Некоторым из моих офицеров недавно показали в Сан-Хосе-де-лас-Лahas, эта провинция, один гроб (для удобства оставленный на ручной тележке), который недавно использовался для захоронения примерно пяти тысяч кубинцев. Но нет необходимости приводить примеры, когда известно, что за последние два-три года более семисот тысяч кубинских некомбатантов были убиты или умерли от голода, многие из них не похоронены, но их кости обглодали канюки. Остров - это склеп мертвецов. На каждом кладбище есть груды обнаженных человеческих костей, и земля была усеяна ими за пределами городов. Погибло много людей, которые не были настоящими повстанцами, но были кубинцами, включая женщин и детей. В результате этих смертей семьи распались; многие остались сиротами, которые не знают, кем были их родители. Многие владельцы земли, а также все их семьи и друзья были убиты или умерли, и некому предъявить права на землю. В некоторых из самых богатых районов это обычное дело.

"За пределами небольшого круга вокруг Гаваны плантации в целом были уничтожены, включая дома и другие постройки, фруктовые деревья, банановые плантации, поля с тростником, сельскохозяйственный инвентарь, инвентарь и т.д., А колодцы засыпаны, которые сначала были загрязнены из-за того, что в них были брошены трупы кубинцев и животных.

"Почва здесь удивительно богатая. На ней нет никаких признаков истощения от возделывания, и я думаю, что никогда не будет. Табак, сахарный тростник, ананасы, апельсины, бананы, подорожник и т.д., не говоря уже о кукурузе, батате, картофеле по-ирландски, луке, фасоли, злаках и т.д., вырастут, если дать им малейший шанс. За один год можно легко вырастить два, три и даже четыре урожая. Вы скажете, почему люди их не выращивают? У них нет хлеба, чтобы поесть, пока они работают, и нет у них ни волов, ни мулов — о лошадях здесь не может быть и речи, они непригодны для обработки земли, — ни семян, ни орудий труда, ничего. Они умирают среди самых невероятных богатств.

"Владельцы большей части земли во внутренних районах, которые выжили, так же беспомощны, как и самые бедные рабочие.

"Исключения ограничены отдаленными маленькими долинами и горными местностями, где повстанцы держали постоянный контроль, и там они тоже бедны, им приходилось в прошлом и до сих пор содержать кубинских солдат, регулярных и иррегулярных.

"Только запасы еды на короткое время и средства для приобретения животных, сельскохозяйственных орудий и т.д. положат конец нынешним условиям и поставят жителей острова на путь процветания. Спазматические проблемы с армейским пайком дают лишь временное облегчение и, как правило, способствуют безделью.

"Возможно, придет другая раса людей, но они не скоро смогут получить права на земли, если вообще когда-нибудь смогут.

"Здесь нет гражданского правительства, даже формально. Гомес и его последователи-повстанцы все еще находятся в своих горных убежищах, и какие бы организации у них ни были, они являются нерегулярными и военными. Они выжидают своего часа для чего-то, что еще не полностью разработано.

"Наше правительство здесь военное, маскируем это, как можем. Если бы это было что-то другое, оно бы вскоре потерпело неудачу. Все попытки создания гермафродитического правительства здесь также должны потерпеть неудачу, как и везде. Оно должно быть полностью американским или полностью кубинским. Здешние испанцы, хотя и преобладают в главных городах, пока не считаются с этим фактором, хотя и выступают за аннексию; это делается для спасения их поместий и личной безопасности. Любые попытки создать кубинское правительство с помощью нескольких кубинцев и испанцев в Гаване и других городах, какими бы ни были их интеллектуальные и миролюбивые качества, должны закончиться катастрофой, а чуть позже - диким повторением войны и кровопролития. Те, кто организовал и поддерживал в ужасные годы прошлого восстание против испанской власти и так много страдал в своих поместьях и семьях, будут иметь право голоса в будущем контроле над этим островом, и если он будет присоединен к Соединенным Штатам, с ними нужно будет проконсультироваться, иначе начнется кровавая партизанская война. Сейчас они измотаны, и устали, и их тошнит от войны, но они привыкли к ней и знакомы со смертью, и они уже готовятся и рассчитывают на войну, которую им гораздо легче вести против Соединенных Штатов, чем против Испании, поскольку от Соединенных Штатов не ожидается такого варварского обращения с оставшимися женщинами и детьми; и такие люди могут разумно рассчитывать на помощь сочувствующих, авантюристов и т.д. Из других стран, особенно Южной Америки, и людей родственных рас и инстинктов. Крик о свободе всегда соблазнителен и привлекает друзей.

"Кубинский народ, который сейчас признан здесь, за редкими исключениями, не имел никакого отношения к поддержанию восстания, но оставался в городах и на позициях испанской армии, притворяясь лояльным Испании, хотя на самом деле это было не так. Они были слишком трусливы, чтобы сражаться, и слишком скупы, чтобы оказывать материальную помощь тем, кто находился на поле боя. Все это находится под запретом из-за подозрительности в глазах настоящих кубинских повстанцев, каковы бы ни были их претензии. Любое правительство, организованное с такими людьми во главе, рано или поздно будет свергнуто кровью, если не иначе. Кубинцы, как и другие люди, жаждут должностей, и военные патриоты Кубы не являются исключением и будут бороться за власть, и когда придет время испытания, масса кубинцев в городах и за их пределами будет на стороне настоящих лидеров повстанцев. Последние уже принимают решение не вступать в должность до тех пор, пока их не признают и не предоставят им полную долю власти.

"Игнорировать таких людей сейчас легко; позже они бросят вызов нашей стране и станут ее вечными врагами, а цивилизованный мир будет сочувствовать им. Испанцы, другие иностранцы и остающиеся дома кубинские политики - это люди, которых сейчас слушают, но подождите и прислушайтесь к тому, что будет дальше! Наш народ будет казаться настоящим кубинцам их грабителями и угнетателями, а не освободителями.

"Я выступаю за аннексию, и чем скорее, тем лучше, но кубинские патриоты должны сначала сформировать правительство, временное или иное, и согласиться на аннексию. Поначалу это

было бы легко, даже сейчас возможно, осуществить, но мы быстро отдаляемся от аннексии или мирного решения стоящей перед нами великой и скандальной кубинской проблемы.

"Кубинский народ нельзя презирать; это правда, что это смешанная раса, но они слишком много лет говорили о свободе и боролись за нее, чтобы не знать кое-что о сладких плодах свободы личности. Они вежливы и приветливы, но все же подозрительны, как и все люди, подвергшиеся угнетению. Говорят, что они могут быть возмущены реальными или мнимыми обидами, которые им причинили испанцы. Даруй это. Кто бы отказался, если бы их дома превратились в открытые кладбища, усеянные мертвецами их семей и т.д.? Не лучше и не безопаснее верить всем историям, которые рассказывают о Гомесе и его последователях испанцы или городские кубинцы.

"Однако я не верю, что реорганизация с справедливым признанием повстанцев была бы такой ужасной, как утверждают эти заинтересованные люди, или была бы хотя бы в половину такой кровавой, поскольку любое организованное гражданское правительство окажется без них. Горе испанцу на острове, если здесь снова вспыхнет война! Гомес стоит во главе кубинских вооруженных сил, но есть и другие, в целом хорошие люди, которые являются признанными главарями кубинской повстанческой гражданской власти. Это те люди, с которыми придется иметь дело, или они будут иметь дело с любой властью, которая может быть создана.

"Кубинцы не так невежественны, как часто утверждают. Как правило, все классы умеют читать и писать. Теперь у них нет возможности возместить ущерб, причиненный личности или собственности. (У них нет гражданских судов; лишь в нескольких местах сохранилось слабое подобие испанской власти.)

"При простой форме гражданского правления они могли бы вскоре получить это, и их можно было бы обучить основным принципам гражданского правления, таким как уверенность в себе, знание своих справедливых прав, обязанностей по отношению к другим и обязанностей других по отношению к ним. Кубинцы больше нуждаются в мировых судьях, чем в судьях Верховного суда. Люди хотят и нуждаются в быстром возмещении ущерба нарушителям границы, во взыскании долгов и т.д.

"Простой свод законов, примитивный по своему характеру, но всеобъемлющий и понятный, в то же время достаточный для быстрого облегчения ситуации - вот что сейчас наиболее необходимо. Такие законы могли бы быть приняты временным законодательным органом. Следует установить низкие налоги на несколько лет. Следует разработать хорошие законы о земле с разумным законом об исковой давности. Тогда права собственности на землю вскоре были бы урегулированы. Существующее правительство должно забрать и сдать в аренду, до изменения титулов, все пригодные для обработки и незанятые земли. Большая часть этой земли, даже самая лучшая из них (которая стоила бы дешево по двести долларов за акр), была бы продана за неимением живых владельцев или потомков. Отчужденные земли приносили бы большой доход государству. Большая часть обрабатываемых земель способна приносить прибыль каждый год, при этом только справедливое выращивание табака и т.д. обходится в тысячу долларов за акр. Стоимость этих земель составляла и вскоре должна будет снова возрасти от двухсот до пятисот, а часто и до тысячи долларов за акр.

"Куба (находившаяся под испанским полуварварским правлением в течение четырехсот лет) могла бы превратиться из кладбища открытых могил, места кормления и рая стервятников, в

самое богатое, идеально красивое и чарующее место на лице земли с процветающим населением, находящимся на высоком уровне цивилизации. Даже тропические болезни в Гаване и других прибрежных городах исчезли бы без применения современных методов санитарии. В целом, за исключением нескольких городов, остров является здоровым, несмотря на загрязняющее воздействие зараженных городов. Желтая лихорадка, оспа и еще несколько инфекционных заболеваний существуют здесь постоянно, но вскоре они исчезнут.

"Владельцы недвижимости, несмотря на высокие налоги, жили на этом острове в "варварской роскоши", отчасти приобщаясь к великолепию. Это произойдет снова, и гораздо сильнее, когда к ним прикоснется цивилизация, уважающая права человека.

"Легкость и комфорт, возможные в таком месте, как это, слишком велики, чтобы их могли оценить такие простые трудолюбивые люди, как вы и я. Но...

"С глубоким уважением,
Дж. Уоррен Кейфер,
"Генерал-майор добровольцев".

ПРИЛОЖЕНИЕ F

Список офицеров, служивших (в то время) в штабе дивизии генерал-майора Кейфера во время войны в Испании.

Личный персонал

Капитан Гораций К. Кифер (Огайо), 3-й том США. Инженеры, помощник.

Первый лейтенант Альберт К. Томпсон-младший (Огайо), США, генерал-лейтенант.
Корпус связи, адъютант.

Первый лейтенант Эдвард Т. Миллер (Огайо), США. Корпус связи,
адъютант.

Младший лейтенант Дуайт Э. Олтман (США), 2-й артиллерийский полк США,
адъютант.

Младший лейтенант Льюис В. Брандер (Вирджиния), 3-й полк США Пехота,
адъютант.

Персонал отдела

Майор Бенджамин Алворд (США), старший офицер по вооружению. (США)

Майор Джордж Л. Хобарт (Нью-Джерси), помощник генерал-адъютанта.
(США)

Майор Уильям С. Скотт (США), помощник генерал-адъютанта.
(США)

Майор Джон Гэри Эванс (Южная Каролина), генеральный инспектор (США)

Майор Джеймс М. Муди (Северная Каролина), главный продовольственный комиссар.
(США)

Майор Джеймс М. Аррасмит (США), главный продовольственный комиссар.
(США)

Капитан Дж. Э. Б. Стюарт (Вирджиния), комиссар по вопросам обеспечения жизнедеятельности
(США)

Майор Нобл Х. Криджер (доктор медицины), главный квартирмейстер (США)

Майор Уильям Дж. Уайт (Огайо), главный квартирмейстер (США)

Капитан Фред В. Коул (Флорида), квартирмейстер (США)

Майор Джон Л. Чемберлен (США), старший офицер по вооружению. (США)

Майор Годфри Х. Макдональд (США), старший офицер по вооружению.
(США)

Майор Хью Х. Гордон (Джорджия), старший инженер (США)

Майор Д. М. Аппель (США), главный хирург.

Майор Фрэнсис К. Форд (Техас), хирург. (США)

Майор Эдуард Бекманн (Миннесота), главный хирург (США)

Майор Джефферсон Р. Кин (США), главный хирург. (США)

Доктор Сидни Майерс (Кентукки), хирург по контракту.

Первый лейтенант О. К. Дрю (Техас), 1-й техасский округ. Инф., проректор-
маршал.

Первый лейтенант Э. П. Клейтон (ил.), 4-й Ил. т. Инф., проректор-
маршал.

ПРИЛОЖЕНИЕ G

Прощальное обращение

"Штаб Первой дивизии Седьмого армейского корпуса",
Лагерь Колумбия, Гавана, Куба, 29 марта 1899 г.

"Эта дивизия вскоре прекратит свое существование из-за расформирования входящих в ее состав добровольческих полков. Я принял командование им в Майами, Флорида, 6 июля 1898 года и командовал им (когда не выполнял более высокое командование, включая его) с того времени в Майами, Флорида, по 6 августа; в лагере Куба Либре, Джексонвилл, Флорида, по 20 октября; в лагере Вперед, Саванна, Джорджия, по 27 декабря; в лагере Колумбия, недалеко от Гаваны, Куба, по настоящее время.

"Благодаря изменениям в полках и других организациях в Дивизии служило около двадцати тысяч офицеров и солдат.

"Несмотря на то, что они не участвовали в сражениях, опасность болезней в тропических лагерях была велика, и многие умерли или подорвали свое здоровье. Дивизия оказала важную услугу в поддержании высоких стандартов солдата-добровольца во время войны и в несении караульной службы на Кубе, готовясь к созданию новой цивилизации и свободного правительства для долго угнетаемого народа. Офицеры и солдаты дивизии мужественно встречали разнообразные испытания и невзгоды солдатской жизни. Я был горд командовать им; и испытываю только самую теплую дружбу ко всем, кто его составил. Я всегда буду проявлять к ним глубокий интерес. Я особенно благодарен офицерам, которые время от времени служили в моем штабе, за их преданность мне, а также за их эффективность и рвение при исполнении служебных обязанностей.

"Сейчас я прослужил в Добровольческой армии Соединенных Штатов Америки, в Гражданской войне и войне с Испанией, пять лет, и 12 мая 1899 года я вложу свой меч в ножны (по всей вероятности) навсегда, сознавая, что пытался выполнить свой долг перед моей страной.

"Таким образом, войска этой дивизии будут последними, которыми я когда-либо буду командовать в мирное или военное время. С грустью я прощаюсь со всеми, кто составляет Дивизию, желая каждому офицеру и рядовому успехов в гражданской деятельности, к которой он вскоре вернется.

"Дж. Уоррен Кейфер,
генерал-майор добровольцев".

Официальное:

"Гораций К. Кифер, капитан 3-го ранга США. Инженер, А.Д.К."